В. Н. ЛАТКИНЪ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Историко-юридическое изслѣдованіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1885.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ,

ИХЪ ИСТОРІЯ И ОРГАНИЗАЦІЯ

СРАВНИТЕЛЬНО

СЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Василія Латкина.

Изданіе **Л. Ф. Пантелѣева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Русская Скоропечатня" (Э. К. Корево), Большая Садовая № 27.

1885.

Печатать разрѣшается 24 Іюня 1885 года.

Деканъ Юридическаго Факультета

Ю. Янсонъ.

Вопросъ о древне-русскомъ представительствѣ не разъ затрогивался въ литературѣ и ему было посвящено не мало статей между которыми встрѣчаются такія обстоятельныя изслѣдованія, какъ В. И. Сергѣевича, Н. П. Загоскина, И. И. Дитятина и др., но до сихъ поръ не доставало полной и подробной исторіи земскихъ соборовъ. Пополнить этотъ пробѣлъ и имѣли мы въ виду, выпуская настоящее изслѣдованіе. Насколько достигнута вышеназванная цѣль, конечно, судить не намъ.

Что касается до сравненія земскихъ соборовъ съ западно-европейскими представительными собраніями, то первая попытка въ этомъ отношеніи принадлежитъ В. И. Сергѣевичу. Но В. И. Сергѣевичъ ограничился только проведеніемъ аналогіи между нашими соборами, англійскимъ парламентомъ и французскими генеральными штатами. Поэтому, желая расширить сравненіе, мы провели его также и между представительными учрежденіями другихъ государствъ.

Печатаемые ниже (въ Приложеніи) документы касательно московскаго мятежа 1648 г., а также Плещеева и Траханіотова обязательно сообщены намъ помощникамъ начальника отдѣленія московскаго Архива министерства юстиціи А. Н. Зерцаловымъ. Актъ же собора 1651 г. извлеченъ нами изъ московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

В. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

РУССКОЕ ВѢЧЕ И НАРОДНЫЯ СОБРАНІЯ СЛАВЯНЪ И ГЕРМАНЦЕВЪ [1].

Вѣче въ древней Россіи, его организація и предметы вѣдомства.—Народныя собранія у другихъ славянъ: балтійскихъ, чеховъ, поляковъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ.—Народныя собранія у германцевъ.—Скандинавскія народныя собранія.—Аналогія съ остальными народами.

Древне-русское народное собраніе или вѣче было существеннымъ элементомъ государственнаго быта нашихъ предковъ и существовало издавна, съ незапамятныхъ временъ, еще задолго до призванія Рю-

[1]) Приводимъ литературу вѣча: *Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи, т. VII; *Плошинскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи; *Соловьевъ*, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ; *Шпилевскій*, Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV (помѣщ. въ Юридическомъ Журналѣ 1861 г. № 5); *Щаповъ*, Городскіе мірскіе сходы, историческій очеркъ древне-рускихъ городовыхъ вѣчей (Вѣкъ 1862 г., № 12); *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, кн. I и II и Лекціи по исторіи русскаго законодательства; *Н. И. Костомаровъ*, Начало единодержавія въ древней Россіи (помѣщ. въ Вѣстникѣ Европы 1870 г., кн. XI и XII, а также въ Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, т. XII) и Сѣверно-русскія народоправства; *В. И. Сергѣевичъ*, Вѣче и Князь и Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права; *А. Д. Градовскій*, Государственный строй древней Россіи (помѣщ. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 г. кн. X, а также въ сочиненіи Политика, исторія и администрація); *Самоквасовъ*, Замѣчанія по исторіи русскаго устройства и управленія (Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 г., кн. XI и XII); *Хлѣбниковъ*, Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи; *Лимбертъ*. Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи (Варшавскія Унив. Извѣстія 1877 г., №№ 1, 2 и 3 и отдѣльно); *Иловайскій*, Исторія Россіи, т. II; *Линниченко*, Вѣче въ Кіевской области; *Дьячанъ*, Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ.

рика съ братьями. «Новгородцы бо изначала, говоритъ лѣтопись, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (волости) яко-же на думу на вѣча сходятся» [1]. Существуютъ еще другія лѣтописныя указанія на существованіе вѣча въ эпоху, предшествующую приходу варяжскихъ князей, [2]) изъ которыхъ видно, что участіе народа въ управленіи своими дѣлами было также издавна присуще древнимъ русскимъ, какъ и другимъ славянскимъ и неславянскимъ народамъ. Вѣче существовало повсемѣстно въ древней Россіи, хотя далеко не во всѣхъ областяхъ достигло одинаковаго значенія и развитія, что объясняется различіемъ условій, среди которыхъ находились отдѣльныя области. Далеко также не во всѣ времена вѣче было однимъ и тѣмъ-же: бывали эпохи, когда развитіе вѣчевыхъ началъ задерживалось многими неблагопріятными для нихъ условіями и, наоборотъ, наступали такія времена, когда вѣче снова пріобрѣтало утраченное значеніе и даже усиливало его больше. Новгородское вѣче конца XI столѣтія существенно отличалось отъ новгородскаго вѣча конца XIII и XIV столѣтій; точно также кіевское вѣче при первыхъ князьяхъ во многомъ было непохоже на кіевское вѣче позднѣйшихъ временъ. Поэтому мнѣніе, высказанное г. Линниченкой о необходимости изученія вѣчеваго строя вопервыхъ, въ его историческомъ развитіи и вовторыхъ, по областямъ [1]) вполнѣ истинно и вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

Округами вѣчевыхъ собраній были волости или княженія, въ составъ которыхъ входили города и другіе пункты поселенія, напр. села. Въ каждой волости былъ главный городъ, остальные же города считались его пригородами. Вѣче главнаго города было центральнымъ народнымъ собраніемъ, органомъ всей волости, въ составъ котораго могли входить не только жители главнаго города, «но и пригородовъ и селъ». Послѣдніе также обладали своими вѣчами, бывшими по отношенію къ вѣчу главнаго города, такъ сказать, мѣстными собраніями. Отношенія послѣднихъ къ центральному собранію характеризуются словами лѣтописца: «на чемъ старѣйшіе (т. е. главные города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Противопоставленіемъ выраженій: «старшіе думаютъ»—«пригороды станутъ» лѣтописецъ вовсе не хотѣлъ сказать, что пригороды не думаютъ или не имѣютъ права принимать участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ, что противорѣчило-бы яснымъ указаніямъ источниковъ. «Станутъ» въ противоположеніи съ «думаютъ» значитъ только соглашаются, принимаютъ мнѣніе, высказанное старшими

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку (изд. 1872 г.) подъ годомъ 1176, стр. 358.

[2]) Сергѣевичъ, Вѣче и Князь, стр. 1 и 2.

[3]) Линниченко, Вѣче въ Кіевской области, стр. 3.

городами [1]). Однако подобнаго рода соглашеніе и единеніе не всегда имѣло мѣсто и обусловливалось главнымъ образомъ слабостью пригорода, неимѣвшаго возможности противостоять главному городу (конечно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда интересы города и пригорода дѣйствительно совпадали).. Въ противномъ случаѣ, пригородъ выступалъ съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и споръ разрѣшался силою.

Въ составъ вѣча входило все свободное населеніе волости. Всякій свободный могъ принимать участіе въ народномъ собраніи и никакихъ ограниченій въ данномъ случаѣ древне-русская жизнь не знала и не выработала [2]). Лѣтописи обыкновенно говорятъ о «людяхъ» или «мужахъ», участвующихъ на вѣчахъ. Иногда встрѣчается болѣе подробное перечисленіе отдѣльныхъ классовъ населенія, входящихъ въ составъ вѣча, напр, лучшіе люди, меньшіе, черные, смерды, худые мужики, купцы и т. п. Жители пригородовъ также имѣли право принимать участіе на вѣчѣ главнаго города, но за то и жители послѣдняго принимали такое-же участіе на вѣчахъ пригородовъ. Конечно, оба эти случая далеко не всегда имѣли мѣсто, вслѣдствіе многихъ причинъ, напр. дальности разстоянія, внезапности вѣча и т. п.

Что касается до мѣста и времени вѣчевыхъ собраній, то на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго. Въ большинствѣ случаевъ вѣче собиралось въ городѣ и происходило подъ открытымъ небомъ. Но иногда оно имѣло мѣсто и внѣ города. Созывалось же вѣче тогда, когда была въ этомъ необходимость; ни о какой періодичности собраній само собой не могло быть и рѣчи. Продолжительность засѣданія вполнѣ зависѣла отъ разсматривавшихся дѣлъ. Иниціатива созванія вѣча принадлежала или князю или тому, кто видѣлъ въ данный моментъ въ этомъ созваніи необходимость. Такимъ образомъ, всякій, имѣвшій право участвовать на вѣчѣ, имѣлъ право и созывать его. Но этого было еще недостаточно, нужно было, чтобъ участвующіе на вѣчѣ откликнулись на зовъ и сошлись, такъ какъ бывать въ народномъ собраніи не считалось обязанностью.

Дѣла на вѣчѣ рѣшались, по всей вѣроятности, или единогласно, или такимъ подавляющимъ большинствомъ, противъ котораго меньшинство не считало возможнымъ противостоять. Если-же послѣднее считало себя настолько сильнымъ, что могло оппонировать большинству, то оно старалось проводить свое мнѣніе и очень часто успѣвало въ этомъ. Нерѣдко мѣста народныхъ собраній превра-

---

[1]) Сергѣевичъ, Вѣче и Князь, стр. 25 и 86; Костомаровъ, Истор. монографіи и изслѣдованія, стр. 31.

[2]) В. И. Сергѣевичъ допускаетъ одно исключеніе изъ этого правила: по его мнѣнію, при жизни отцевъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ (Вѣче и Князь, стр. 43).

щались въ мѣста побоищъ, гдѣ обѣ враждебныя стороны давали другъ другу генеральныя сраженія и гдѣ роль убѣдительныхъ аргументовъ играли здоровые кулаки.

Что касается до порядка засѣданій, то на этотъ счетъ до насъ дошло очень не много извѣстій. Обыкновенно созвавшій вѣче говорилъ рѣчь, въ которой излагалъ поводъ созванія, затѣмъ говорили другіе. Большимъ вліяніемъ пользовались старики. Вѣче созывалось въ большинствѣ случаевъ колокольнымъ звономъ.

Какіе были предметы вѣдомства вѣча, что, однимъ словомъ, входило въ составъ его компетенціи? [1]). Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду, что вѣчевыя собранія въ разныхъ волостяхъ древней Россіи далеко не были скроены по одному шаблону и значительно отличались другъ отъ друга въ отношеніи значенія и власти. Наибольшимъ вліяніемъ пользовались онѣ въ сѣверныхъ волостяхъ: въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣче являлось значительной политической силой и сосредоточивало въ себѣ все управленіе княжествами. Власть князя въ вышеназванныхъ народоправствахъ далеко не могла конкурировать съ властью вѣча и князь скорѣе былъ исполнительнымъ органомъ по отношенію къ вѣчу, чѣмъ соучастникомъ его въ верховной власти. Иначе представлялось дѣло въ южныхъ и сѣверо восточныхъ княжествахъ. Здѣсь вѣче также было существеннымъ элементомъ государственнаго быта и также выполняло политическія функціи [2]), но и князь пользовался боль-

---

[1]) Вопросъ о компетенціи вѣча подробно разработанъ г. Лимбертомъ въ его сочиненіи „Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи“ (Варшавскія Унив. извѣстія за 1877 г. и отдѣльно), выводами котораго мы и будемъ пользоваться при нашемъ изложеніи.

[2]) Гг. Самоквасовъ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., кн. XI и XII) и Лимбертъ отрицаютъ за вѣчемъ южныхъ княжествъ какое бы то ни было политическое значеніе и придаютъ ему только однѣ административно-хозяйственныя функціи. Политическія же функціи, по мнѣнію вышеназванныхъ ученыхъ, были присущи исключительно вѣчамъ Новгорода, Пскова и Вятки. „Кіевское княжество, говоритъ г. Самоквасовъ, представляетъ чистую монархію, Новгородское же народоправство было чистой демократіей“ (кн. XI, стр. 70). Г. Лимбертъ также заявляетъ, что кіевскій князь былъ неограниченнымъ государемъ. Мы вполнѣ согласны съ г. Линниченкой, возражающимъ противъ подобной теоріи г. Самоквасова (г. Лимбертъ только болѣе подробно развиваетъ эту теорію). „Г. Самоквасовъ, говоритъ г. Линниченко, выставившій свою теорію, употребилъ совершенно ненаучный пріемъ: онъ проводитъ параллель между Кіевомъ и Новгородомъ, но при этомъ разсматриваетъ вѣче въ обѣихъ волостяхъ не на всемъ пространствѣ его существованія, а вырвавъ эпохи, которыя бы лучше гармонировали съ его теоріей.... Едва ли бы г. Самоквасовъ пришелъ къ своимъ выводамъ, если бы разсмотрѣлъ все время вѣчевой жизни и Кіева и Новгорода.... Сравнивать можно только предметы, тождественные между собой, поэтому брать для сравненія средину Новгородскаго вѣча и начальный періодъ (по крайней мѣрѣ по лѣтописи) Кіевскаго—пріемъ вовсе ненаучный“ (стр. 4). Говоря въ другомъ мѣстѣ о трудѣ г. Лимберта, г. Линниченко высказываетъ

нимъ вліяніемъ, власть котораго вполнѣ конкурировала съ властью вѣча, а въ нѣкоторые періоды времени и совсѣмъ затмѣвала послѣднюю. Если провести параллель между сѣвернымъ и южнымъ вѣчемъ, то мы увидимъ, что первое имѣло болѣе устойчивую основу, чѣмъ второе, отличавшееся скорѣе случайнымъ характеромъ, чего не было у перваго [1]).

Разсмотримъ предметы вѣдомства вѣча [2]). Послѣднее было учрежденіемъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ. Что касается законодательныхъ функцій вѣча, то стоитъ вспомнить, что такіе важные источники права XIV и XV вѣковъ, какъ Псковская и Новгородская судныя грамоты были вѣчевыми постановленіями. «Сія грамота, такъ начинается первая изъ нихъ, выписана изъ великаго князя Александровы грамоты j изъ княжь Костянтиновы грамоты, j изо всѣхъ приписковъ Псковъскихъ пошлинъ, по

слѣдующія вѣрныя мысли (о той же параллели между Кіевомъ и Новгородомъ): „... главный недостатокъ историковъ-юристовъ состоитъ въ стремленіи отыскивать вездѣ строгую опредѣленность, замкнутыя рамки, гдѣ же они не находятъ такихъ рамокъ, тамъ тотчасъ начинаютъ говорить о незаконности, исключительности извѣстнаго явленія, забывая объ очень простыхъ истинахъ, что жизнь никогда не укладывается въ строгія рамки, что обычай предшествуетъ закону, что право можно имѣть, но или не желать, или не имѣть возможности имъ воспользоваться" (стр. 60). Дѣйствительно, понятія подобныя, напримѣръ, чистой монархіи предполагаютъ уже существованіе извѣстной юридической опредѣленности и оформленности, чего не мыслимо искать на зарѣ исторіи какого бы то ни было народа, тѣмъ болѣе народа русскаго, бывшаго столь долго чуждымъ всякой юридической опредѣленности. Чистая монархія стала существовать у насъ только со времени Петра, перенесшаго къ намъ ту форму правленія, которая выработалась на Западѣ и получила научное обоснованіе въ извѣстныхъ теоріяхъ божественнаго права и просвѣщеннаго деспотизма. До Петра мы не имѣемъ никакого основанія говорить, что у насъ существовала чистая монархія, хотя дѣйствительно ходъ нашей исторіи былъ таковъ, что рано или поздно мы-бъ пришли къ этой формѣ правленія. Тѣмъ болѣе странно слышать, что уже въ удѣльный періодъ у насъ существовала неограниченная монархія и что наши удѣльные князья были самодержцами и абсолютными государями.

[1]) Въ этомъ согласны всѣ историки, занимавшіеся вѣчемъ, хотя и нерѣшающіеся, подобно гг. Самоквасову и Лимберту, видѣть въ бытѣ Новгорода и Пскова что то *совершенно* отличное отъ быта южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествъ. Исключеніе составляетъ одинъ только Н. И. Костомаровъ, признающій, что Новгородъ и Псковъ „по главнымъ чертамъ своего общественнаго состава", стали отличаться отъ остальной Россіи только съ XIV и XV вѣковъ (Истор. монографіи и изслѣдованія, т. XII, стр. 29). Даже В. И. Сергѣевичъ, котораго гг. Самоквасовъ и Лимбертъ обвиняютъ въ полнѣйшемъ отождествленіи политическаго быта сѣверныхъ княжествъ съ южными, вполнѣ признаетъ, что Новгородъ и Псковъ въ княжескій періодъ (со второй половины XII в.) „сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія" и пріобрѣли такія права, какихъ не знали остальныя волости (стр. 82).

[2]) Лимбертъ, Предметы вѣдомства вѣча (Варш. Унив. изв. 1877 г.).

бл҃нію о҃цъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ и с҃щенноиноковъ, ј діяконовъ, ј с҃щенниковъ и всего Бж҃ія с҃щпьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905» [1]). Начало Новгородской грамоты вполнѣ аналогично съ Псковской [2]). Затѣмъ вѣче призывало князя и заключало договоръ (рядъ) съ нимъ. Вѣче изгоняло князя или, какъ тогда говорилось, «показывало ему путь». Вѣче объявляло войну и заключало миръ. Что касается до сношеній съ иностранцами и съ другими князьями, то и въ этомъ отношеніи древне-русскимъ народнымъ собраніямъ были присущи многія функціи, такъ вѣче посылало пословъ въ иностранныя государства и къ князьямъ и въ свою очередь принимало пословъ, выслушивало ихъ и давало имъ отвѣты, заключало договорныя грамоты съ иностранными государствами и съ князьями (напр. касательно торговыхъ сношеній) и т. п. Вѣче распоряжалось государственною землею, выдавало жалованныя и иныя грамоты [3]), имѣло право бить монету, избирало и удаляло архіепископа, посадника, тысяцкаго и воеводъ, собирало войска, строило города, издавало распоряженія касательно разнаго рода публичныхъ работъ и т. п. Вѣчу были присущи судебныя права [4]), такъ вѣче производило судъ надъ княземъ и надъ другими лицами, миловало преступниковъ, принимало жалобы, составляло грамоты объ удовлетвореніи долговыхъ требованій, назначало штрафы за различныя преступленія и т. п. Наибольшее число изъ перечисленныхъ функцій принадлежало новгородскому и псковскому вѣчамъ, отъ которыхъ до насъ дошло не мало извѣстій и которыя пріобрѣли такое

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, т. I, стр. 128.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. I, № 92, стр. 69.

[3]) „Господину посаднику Новгородскому..., читаемъ въ одной изъ жалованныхъ грамотъ, тысяцкому Новгородскому.... и всему Великому Новгороду *на вѣче на Ярославлѣ дворѣ* били челомъ Степанъ Осиповичъ и его братья.... И посадникъ и тысяцкій, и весь господинъ Великій Новгородъ *даше грамоту жалованную на вѣче, на Ярославлѣ дворѣ:* давати имъ... по старымъ грамотамъ...“ и т. д. (Акты Истор. т. I, № 17, стр. 26. См. также Самоквасова въ Ж. М. Н. Пр. 1869 г., кн. XII, стр. 236).

[4]) „Если общій, основной законъ постановляетъ, говоритъ г. Самоквасовъ, (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., кн. XII, стр. 234), что „посадникъ не долженъ никого обвинять *на вѣчѣ* безъ разбирательства, что князю и посаднику *на вѣчѣ* суда не производить, что князю въ Новгородскіе суды не вступаться, а посаднику въ суды тысяцкаго и владыки не вступаться и т. п. то, конечно, судило само вѣче или непосредственно, или посредствомъ своихъ непосредственныхъ органовъ, на которыхъ жалобы приносились вѣчу, какъ источнику судебной власти и князя, и посадника, и тысяцкаго, и владыки. Въ противномъ случаѣ приведенныя постановленія не имѣютъ смысла“.—У г. Ламберта собраны лѣтописныя указанія на существованіе суда вѣча въ сѣверныхъ княжествахъ. (Варш. Унив. изв. 1877 г., № 3, стр. 165—168).

значенie и такую власть, о какихъ не было и помину въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествахъ.

Что касается до отношенiй вѣча и князя, то въ основу ихъ должно было быть положено единенie, въ противномъ случаѣ между княземъ и вѣчемъ возникалъ антагонизмъ, нерѣдко переходившiй въ открытую борьбу. Говоря объ отношенiяхъ князя и вѣча, нужно также имѣть въ виду различie между сѣверными и южными княжествами, сказывавшееся и на вышеназванныхъ отношенiяхъ. Вслѣдствie того, что роль князя на сѣверѣ далеко не походила на роль его на югѣ, то и единенie въ разныхъ волостяхъ достигалось разными путями. На сѣверѣ князь въ большинствѣ случаевъ принужденъ былъ подчиняться народу, въ то время, какъ на югѣ очень часто происходило обратное явленie. Нетолько различie волостей сказывалось на отношенiяхъ князя и вѣча, но также и различные перiоды времени имѣли на нихъ большое влiянie. Положенie князя въ Новгородѣ до XII вѣка далеко не походило на положенie его столѣтiемъ позже. Тоже самое было и въ другихъ волостяхъ.

Вотъ все, что намъ извѣстно о древне-русскомъ вѣчѣ. Изъ сказаннаго видно, что народное собранie было существеннымъ элементомъ политическаго быта нашихъ предковъ и играло далеко не послѣднюю роль въ государственномъ управленiи. Тоже самое было и у другихъ славянскихъ народовъ.

Если обратимся къ послѣднимъ, то увидимъ, что у нихъ такъ же, какъ и у древнихъ русскихъ центръ управленiя общественными дѣлами сосредоточивался въ народномъ собранiи. Такимъ образомъ, политическiй строй древнихъ славянъ былъ вполнѣ демократическiй [1]). Всѣ извѣстiя, сохранившiяся о славянахъ, подтверждаютъ подобное заключенie. «Славяне, говоритъ Прокопiй, византiйскiй писатель VI вѣка, неповиновались единодержавной власти, но искони управлялись общественно, о пользахъ и нуждахъ своихъ разсуждали въ народныхъ собранiяхъ, вообще издавна жили при народномъ правленiи (ἐν δημοκρατίᾳ)». Византiйскiй императоръ Маврикiй даетъ слѣдующую характеристику славянамъ: «славяне, говоритъ онъ, любятъ свободу, не терпятъ неограниченныхъ обладателей и никоимъ образомъ не могутъ быть принуждены къ повиновенiю» [2]).

Разсматривая политическiй строй отдѣльныхъ славянскихъ народностей, мы видимъ, что онъ представляетъ полнѣйшую аналогiю съ политическимъ строемъ древнихъ русскихъ и если начинаетъ

[1]) Мацеевскiй Slawische Rechtsgeschichte (übersetzt von Buss) I в., s. 73. „Славянскiе народы, говоритъ послѣднiй, имѣли издавна такую форму правленiя, какая вполнѣ соотвѣтствовала ихъ характеру. Ее можно назвать съ самаго ея возникновенiя—демократической“.

[2]) Цитируемъ обоихъ писателей по соч. г. Дьячана „Участie народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ“.

отличаться отъ него, то уже въ позднѣйшія времена, когда славяне пришли въ дѣятельное соприкосновеніе съ другими народами и подъ вліяніемъ многихъ причинъ и условій стали значительно измѣнять свой первоначальный бытъ.

Весьма много аналогичныхъ чертъ съ государственнымъ бытомъ нашихъ предковъ представляетъ государственный бытъ Балтійскихъ славянъ. У послѣднихъ такъ же, какъ и у русскихъ народъ сходился на вѣчѣ и участвовалъ въ управленіи своими дѣлами. Одно время (въ X вѣкѣ) у балтійскаго племени лютичей княжеская власть даже была низведена до minimum'а и народное собраніе сдѣлалось въ полномъ смыслѣ слова представителемъ верховной власти. На вѣчѣ участвовали всѣ, *весь народъ*, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Гельмольдъ. Народныя собранія происходили на площадяхъ или на особыхъ вѣчевыхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены возвышенія, съ которыхъ можно было говорить къ народу.

Собранія созывались довольно часто, по словамъ одного современника, вѣче происходило два раза въ недѣлю по торговымъ днямъ. Хотя, какъ мы сказали, на вѣчѣ участвовали всѣ, но это не мѣшало «лучшимъ людямъ» выдвигаться изъ общей массы народа и пользоваться большимъ вліяніемъ на дѣла. Такъ, когда возникли недоразумѣнія между бодрицкимъ княземъ Чедрагомъ и народомъ, то германскій императоръ Людовикъ Благочестивый вызвалъ перваго къ себѣ на сеймъ и отправилъ пословъ къ бодричамъ, узнать, желаетъ-ли народъ, чтобъ Чедрагъ продолжалъ княжить. Послы, воротившись, принесли слѣдующій отвѣтъ: что, хотя между народомъ на этотъ счетъ существуетъ разногласіе, но что *всѣ лучшіе и знатнѣйшіе люди* желаютъ Чедрага. Тогда Императоръ *отпустилъ* послѣдняго [1]).

Дѣла на вѣчѣ такъ же, какъ и въ древней Россіи рѣшались единогласно и всякая оппозиція, разъ она была слаба, немедленно подавлялась. Что касается до предметовъ вѣдомства, то они, конечно, не были опредѣлены никакимъ закономъ; всѣ важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ: вѣче участвовало въ избраніи князя, въ рѣшеніи вопросовъ войны и мира, въ отправленіи суда и т. п.

Въ Чехіи и Польшѣ народное собраніе также играло весьма важную роль и участвовало вмѣстѣ съ княземъ въ управленіи общественными дѣлами. Въ первой оно называлось сеймомъ (snêm), во второй—вѣчемъ. Первоначально строй этихъ государствъ былъ вполнѣ демократическій и въ составъ народнаго собранія входили всѣ свободные (omnis populis, omnes gentis magni et parvi и т. п.), но въ скоромъ времени подобный порядокъ вещей измѣняется и участіе на сеймахъ дѣлается привилегіей одного высшаго сословія. Сеймы

---

[1]) Дьячанъ, стр. 24; Павинскій, Полабскіе славяне, стр. 45.

обыкновенно созывались князьями и королями, причемъ мѣста засѣданій не были опредѣлены. Точно также не существовало никакой правильной періодичности въ созваніяхъ и сеймы собирались по мѣрѣ надобности. Что касается до порядка рѣшенія дѣлъ, то онъ былъ вполнѣ аналогиченъ съ тѣмъ, какой практиковался у древнихъ русскихъ и у балтійскихъ славянъ: дѣла рѣшались единогласно (unanimiter, de consensu omnium, una sententia). Въ составъ компетенціи чешскаго и польскаго народнаго собранія входило: избраніе князя и короля, избраніе епископа, законодательство, судъ, внѣшнія сношенія и т. п. [1]).

Въ древней Хорватіи и Сербіи мы также встрѣчаемъ народное собраніе (соборъ), но въ то время, какъ въ первой въ составъ собора входили не только высшее, но и низшее сословіе, во второй соборъ былъ чисто аристократическимъ учрежденіемъ, состоявшимъ изъ членовъ только одного высшаго дворянства и духовенства. По всей вѣроятности, въ первые періоды сербской исторіи у сербовъ также, какъ и у другихъ славянъ существовало демократическое устройство, но источники ничего не говорятъ объ этомъ. Что касается до времени и мѣста созванія соборовъ, а также до порядка рѣшенія дѣлъ, то на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго. Компетенція-же хорватскихъ и сербскихъ соборовъ была вполнѣ аналогична съ компетенціей народныхъ собраній у другихъ славянъ. Въ составъ ея входило: избраніе государя, законодательство, судъ, церковныя дѣла, избраніе бановъ и жупановъ, внѣшняя политика, разрѣшеніе вопросовъ войны и мира и т. п. [2]).

Что касается до Болгаріи, то мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія о ея древнемъ политическомъ устройствѣ. Въ періодъ времени отъ переселенія болгаръ въ Мизію и до принятія ими христіанства источники говорятъ о нѣсколькихъ народныхъ собраніяхъ, но совершенно умалчиваютъ о ихъ составѣ. Такъ, когда князь Сабинъ, только что избранный народомъ, вошелъ въ сношеніе съ Византіей и отправилъ къ императору пословъ для заключенія съ нимъ мира, то болгаре, составивъ народное собраніе, протестовали противъ этого и вынудили князя къ бѣгству. На его мѣсто былъ избранъ другой [3]). Кто участвовалъ въ этомъ собраніи—неизвѣстно. Что касается до болгарскихъ соборовъ позднѣйшаго времени, то составъ ихъ былъ вполнѣ

[1]) Дьячанъ, стр. 36 и 54.

[2]) Дьячанъ, стр. 113 и 129.

[3]) Дьячанъ, стр. 169. Иречекъ, Geschichte der Bulgaren, s. 142. „Der neuerwählte Fürst Sabin, говоритъ послѣдній, liess sich sofort in Friedensunterhandlungen ein, ward aber desshalb auf einem Volkstage abgesetzt und flüchtete nach Constantinopel“ Весьма возможно, что въ составъ этого Volkstag'а вошли всѣ свободные, хотя, конечно, у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу подобнаго мнѣнія.

аристократическій. Само собой разумѣется, что послѣднее не даетъ еще права предполагать о подобномъ же устройствѣ примитивныхъ собраній болгаръ.

Такимъ образомъ, изъ представленнаго очерка политическаго строя древнихъ славянъ, мы видимъ, что у всѣхъ ихъ онъ былъ однимъ и тѣмъ-же и только впослѣдствіи, по причинѣ многихъ и разнообразныхъ условій, среди которыхъ стали жить славяне, ихъ государственный бытъ измѣнился и началъ развиваться въ разныхъ направленіяхъ, очень часто совершенно другъ другу противоположныхъ. Первоначальный бытъ славянъ былъ демократическій, такъ какъ народное собраніе являлось существеннымъ элементомъ государственнаго и общественнаго устройства и центръ тяжести всего управленія сосредоточивался въ немъ. Участіе народа въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ замѣтно у всѣхъ славянъ на зарѣ ихъ исторической жизни. Народное собраніе въ формѣ вѣча, сейма или собора было выраженіемъ этого участія, сохранившагося у нѣкоторыхъ славянъ весьма долго (напр. у русскихъ и балтійскихъ славянъ). У другихъ славянскихъ народовъ участіе всей массы населенія въ общественномъ управленіи вскорѣ замѣнилось участіемъ однихъ высшихъ сословій.

Если отъ славянъ обратимся къ германцамъ, то увидимъ у нихъ много аналогичныхъ чертъ съ славянскими народностями. Политичеткій строй древнихъ германцевъ былъ также демократическій и народное собраніе играло здѣсь ту-же роль, что и у славянъ. Благодаря описанію Тацита, мы имѣемъ нѣкоторое понятіе о его организаціи, составѣ и функціяхъ. Вотъ, что повѣствуетъ о немъ римскій историкъ въ XI и XII главахъ своей «Германіи»: «О дѣлахъ маловажныхъ совѣщаются одни только князья (principes), о болѣе-же важныхъ всѣ, но и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ воли народа, обсуждаются предварительно князьями (apud principes praetractentur). Собираются они, за исключеніемъ чрезвычайныхъ и внезапныхъ случаевъ, въ опредѣленные дни: или въ новолуніе или въ полнолуніе, считая это лучшимъ временемъ для предвидѣнія участи предпринимаемаго дѣла.... Ихъ свобода имѣетъ въ результатѣ одинъ недостатокъ: они собираются не всѣ вдругъ....а потому два, три дня теряются на сборы. Когда собраніе становится многочисленнымъ, они занимаютъ мѣста вооруженными. Жрецы, получающіе въ этомъ случаѣ полицейскую власть наблюдаютъ за тишиной. Затѣмъ король или князь, смотря по его лѣтамъ, воинской славѣ и краснорѣчію, выслушивается съ тѣмъ уваженіемъ, которое можетъ внушаться болѣе силою убѣжденія, чѣмъ силою власти. Если мнѣніе его не нравится, то оно съ шумомъ отклоняется, если нравится, то они потрясаютъ копьями. Самый почетный способъ выраженія своего согласія это — шумъ оружія». (XI гл.) «Въ эти собранія могутъ быть представляемы жалобы итамъ-же разби-

раются уголовныя дѣла. Наказанія опредѣляются сообразно съ преступленіемъ... На этихъ-же собраніяхъ избираются князья, которые творятъ судъ въ округахъ и селахъ (qui jura per pagos vicosque reddunt» [1]).

Такимъ образомъ, изъ описанія Тацита мы видимъ, что народныя собранія германцевъ были двухъ родовъ: обыкновенныя и чрезвычайныя. Первыя созывались въ установленные сроки, вторыя — въ случаѣ надобности. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что средствами созванія собраній было зажиганіе огней и разсылка по всей странѣ палки или стрѣлы [2]). Собранія происходили подъ открытымъ небомъ, большей частью на возвышеніяхъ и вблизи священныхъ мѣстъ [3]). Далеко не всѣ члены собранія являлись одновременно, напротивъ сборы происходили нѣсколько дней. Въ собраніяхъ участвовали только свободные, для чего и были вооружены, такъ какъ, по мнѣнію германцевъ, оружіе считалось признакомъ свободы. Если кто лишался своего щита въ сраженіи, тотъ не имѣлъ права принимать участіе въ собраніи [4]). Когда собраніе открывалось, то жрецы слѣдили за порядкомъ, для чего и были вооружены полицейской властью. Кто предсѣдательствовалъ на собраніи и предсѣдательствовалъ ли вообще кто нибудь неизвѣстно. Вожди (князья) также принимали участіе и всѣ маловажныя дѣла рѣшали безапелляціонно, не внося ихъ въ собраніе. Дѣла-же болѣе важныя, предрѣшивъ ихъ сперва сами, вносили въ собраніе, которое и постановляло приговоръ, нисколько не будучи связано рѣшеніемъ вождей. Послѣдніе пользовались извѣстнымъ вліяніемъ, но оно не было основано на силѣ, а на «лѣтахъ, воинскихъ заслугахъ и краснорѣчіи». Когда собраніе соглашалось съ предложеніемъ князей, оно потрясало оружіемъ, въ противномъ-же случаѣ съ шумомъ высказывалось противъ него. Что касается до функцій собранія, то онѣ заключались въ слѣдующемъ. Собраніе избирало князей и королей, признавало юношей способными носить оружіе (дѣлало ихъ совершеннолѣтними), [5]) рѣшало всякія общественныя (вопросы о войнѣ и мирѣ и др.) и частныя дѣла, творило судъ, разсматривало жалобы и т. п. [6]).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣннаго видно, что центръ тяжести всего управленія сосредоточивался въ народномъ собраніи и что оно было представителемъ верховной власти у германцевъ [7]).

---

[1]) Oeuvres complètes de Tacite (Paris, 1862), t. II, p. 345. Русскій переводъ у М. М. Стасюлевича, Исторія среднихъ вѣковъ, т. I, стр. 131.

[2]) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte (1880) I b. s. 345.

[3]) ibid. s. 346

[4]) Oeuvres complètes de Tacite, t. II, p. 342.

[5]) ibid. p. 346.

[6]) Voss, Republik und. Königthum im alten Germanien (1885), s. 34—35.

[7]) Voss, s. 37. „Der Schwerpunkt staatlichen Lebens, говоритъ Voss, liegt im Volk, in der Gesammtheit seiner politischen Glieder d. h. seiner wehrhaften freien Iünglinge und Männer. Das Volk ist souverän“.

Кромѣ, такъ сказать, центральнаго собранія, существовали еще мѣстныя въ сотняхъ, общинахъ, деревняхъ и т. п., на которыя, выражаясь словами Тацита, раздѣлялись германскія «государства» (civitates). Постановленія мѣстныхъ собраній въ нѣкоторыхъ случаяхъ переносились въ центральное, рѣшеніе котораго было уже окончательнымъ, [1]). Впослѣдствіи, съ образованіемъ Франкской монархіи мѣстныя собранія продолжали свое существованіе, выполняя главнымъ образомъ судебныя функціи. Собранія эти были двухъ родовъ, сообразно съ административнымъ дѣленіемъ Франкской монархіи: собранія графства и сотни. Первыя пріобрѣли большое значеніе при Карлѣ Великомъ, вторыя же еще при Меровингахъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ участвовали *всѣ* свободные. Объ этихъ собраніяхъ мы скажемъ еще ниже.

Весьма много тожественныхъ чертъ съ описаннымъ выше общественнымъ устройствомъ германцевъ представляетъ общественное устройство скандинавскихъ племенъ (какъ извѣстно, также германскаго происхожденія). Племена раздѣлялись на сотни (Härade, Hundrade), во главѣ которыхъ стояли выборныя должностныя лица (Häradshofding), осуществлявшія свою власть вмѣстѣ съ собраніемъ сотни (Häradsding), въ составъ котораго входили всѣ свободные, жившіе въ предѣлахъ сотни. Нѣсколько сотенъ составляли мѣстность, область (Landschaft), во главѣ которой также находилось выборное лицо (Lagmann), управлявшее вмѣстѣ съ областнымъ собраніемъ (Landsting), состоявшемъ изъ всѣхъ свободныхъ въ области. Какъ то, такъ и другое собраніе были по преимуществу органами суда, но въ виду того, что въ первое время историческаго существованія всѣхъ народовъ законодательство развивается казуистическимъ путемъ, то судебная дѣятельность вполнѣ отожествляется съ законодательной, вслѣдствіе чего судебныя собранія являются также и законодательными. Тоже самое, конечно, относится и къ скандинавскимъ народамъ. Совокупность областей составляла государство, во главѣ котораго находился король, управлявшій вмѣстѣ съ центральнымъ народнымъ собраніемъ, собиравшемся, напримѣръ, въ Швеціи разъ въ годъ въ древнемъ городѣ Упсалѣ. Въ собраніи предсѣдательствовалъ король и творилъ судъ вмѣстѣ съ Lagmann'ами и другими судьями. Здѣсь же приносились жертвоприношенія богамъ, издавались новые законы, дѣлались разныя распоряженія и т. п., такъ, напримѣръ, христьянство было принято, послѣ голосованія на Упсальскомъ собраніи, какъ подробно описываетъ Римбертъ, біографъ извѣстнаго «апостола сѣвера» Ансгарія. На собраніи участвовали всѣ свободные и это считалось не обязанностью, но правомъ [2]).

---

[1]) Waitz, I b. s. 347; Voss, s. 35.

[2]) Geijer, Geschichte Schwedens, I b. s. 103—106 u. 252; Nordenflicht. Die Schwedische Staatsverfassung in ihrer. geschichtlichen Entwickelung, s. 25—27.

До насъ дошло много извѣстій о центральныхъ собраніяхъ на островѣ Исландіи, государственное устройство котораго было почти тожественно со скандинавскимъ. Каждый годъ въ Исландіи созывались три собранія на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время: Allding (Alpingi), весеннее собраніе (Frühlingsding, Varping) и осеннее собраніе (Herbstding, Haustping). Первое созывалось въ іюнѣ и обыкновенно продолжалось двѣ недѣли. Второе имѣло мѣсто въ маѣ и продолжалось отъ четырехъ дней до недѣли. Третье—въ августѣ отъ одного до двухъ дней. На собранія могли являтся всѣ свободные, но, кромѣ того, были лица, присутствіе которыхъ считалось обязательнымъ; сюда относились во 1) тяжущіеся и во 2) должностныя лица. Собранія открывались и закрывались при соблюденіи извѣстныхъ формальностей и періодъ засѣданія считался временемъ мира. (Dingfrieden, pinghelgi), впродолженіи котораго всякія правонарушенія наказывались строже обыкновеннаго. На общемъ собраніи (Allding) самую выдающуюся роль игралъ особый комитетъ (Auschuss), такъ называемая, lögretta, въ составъ котораго входили 144 члена. Положеніе послѣднихъ было далеко неравное: одни съ рѣшающимъ голосомъ, другіе съ совѣщательнымъ значеніемъ. Къ первымъ относились 39, такъ называемыхъ, годовъ (Goden) [1]) и законовѣщатель (Lögsaga, Gesetzsprecher), главной обязанностью котораго было предсѣдательствовать на собраніяхъ (какъ извѣстно, Исландія была республикой) Вся дѣятельность собранія сосредоточивалась въ этомъ комитетѣ и дѣла рѣшались въ немъ окончательно, безъ всякой санкціи со стороны собранія. Послѣднее имѣло чисто совѣщательное значеніе и только иногда пользовалось правомъ протеста противъ постановленій логретты. Дѣла въ комитетѣ рѣшались или единогласно (для изданія новыхъ законовъ и отмѣны старыхъ) или большинствомъ голосовъ (при возстановленіи и примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, толкованіи ихъ и т. п.) Центральнымъ пунктомъ въ собраніи была, такъ называемая, скала законовъ (lögberg), съ которой провозглашались постановленія lögrett'ы, говорились рѣчи, вносились предложенія, дѣлались заявленія и т. п. Что ка-

[1]) Исландія раздѣлялась на четыре четверти (fjördungar), которыя въ свою очередь дѣлились каждая на три pingsoknir; послѣднія же составлялись изъ трехъ godord. Вслѣдствіе созданія еще одного pingsoknir, во всей Исландіи было 13 pingsoknir и 39 godord. Четверть была территоріальнымъ подраздѣленіемъ, между тѣмъ, какъ pingsoknir и godord исключительно личными союзами, не имѣвшими никакихъ территоріальныхъ предѣловъ. Во главѣ каждаго godord находился gode, имѣвшій весьма важныя права и разнообразныя функціи въ области законодательства, суда и управленія. Съ другой стороны godord считался какъ бы собственностью года, которую тотъ могъ завѣщать, продавать, наслѣдовать и т. п. Этотъ своеобразный институтъ былъ самобытнымъ продуктомъ исландской исторіи и не имѣлъ себѣ подобнаго ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи. (Konrad Maurer, Island, s. 39—47 u. 187—211).

сается до функцій Allding'а, то онѣ были законодательныя, судебныя и административныя (напримѣръ, избраніе законовѣщателя, судей и т. п.)

Весеннее собраніе было главнымъ образомъ судомъ, хотя и законодательство также отчасти входило въ составъ его компетенціи. О дѣятельности логретты на этомъ собраніи имѣется указаніе въ источникахъ только разъ.

Назначеніе осенняго собранія заключалось въ оповѣщеніи всѣмъ отсутствовавшимъ на общемъ собраніи (Allding) постановленій послѣдняго, поэтому ни о какихъ другихъ функціяхъ, присущихъ осеннему собранію не могло быть и рѣчи [1]).

Отношеніе народнаго собранія къ королю было у скандинавовъ вполнѣ аналогично съ подобнымъ же отношеніемъ у другихъ германцевъ. Центръ тяжести управленія государственными дѣлами лежалъ въ народномъ собраніи и король вполнѣ зависѣлъ отъ послѣдняго: «Въ Швеціи, говоритъ Римбертъ, такой обычай, что всякое общественное дѣло зависитъ не столько отъ власти короля, сколько отъ единогласной воли народа» («Sic quippe apud eos moris est, ut quodcunque negotium publicum magis in populi unanima voluntate, quam in regia consistat potestate»). «Шведы, пишетъ также Адамъ Бременскій, имѣютъ королей изъ древняго рода, власть которыхъ впрочемъ вполнѣ зависитъ отъ народа. Что послѣдній постановитъ, то утверждается королемъ» [2]).

---

[1]) K. Maurer, Island von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats, s. 159—186; Wheaton, Histore des peuples du nord, p. 45—64.

[2]) Geijer, Geschichte Schwedens, I b. s. 113 u. 119; Voss, s. 44—45; см. также статью Бѣляева „Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной", во Временникѣ за 1852 г. книга XIV, стр. 1—32 Для характеристики отношеній между народнымъ собраніемъ и королемъ приведемъ слѣдующій разсказъ. „Въ Швеціи, говоритъ одна сага, былъ обычай приносить главную жертву богамъ въ Упсалѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Здѣсь же происходилъ тингъ или судебное собраніе всѣхъ шведовъ, а также и ярмарка..." Какъ извѣстно, вся Швеція дѣлилась на мѣстности (Landschaft), во главѣ которыхъ находились Lagmann'ы, избиравшіеся изъ богатыхъ и знатныхъ крестьянъ. Обязанности Lagmann'a на собраніяхъ заключались въ защитѣ интересовъ своихъ подчиненныхъ передъ королемъ и въ участіи въ судѣ послѣдняго. Среди Lagmann'овъ въ особенности выдавался Торни (Thorgni), пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ Швеціи. Когда передъ ежегоднымъ собраніемъ въ Упсалѣ, пришли норвежскіе послы, отправленные къ шведскому королю Олафу съ мирными предложеніями, то они выразили сомнѣніе въ хорошемъ пріемѣ со стороны короля, зная его недружелюбіе къ норвежцамъ. „Удивляюсь вамъ, отвѣтилъ имъ Торни, отчего вы раньше, прежде чѣмъ рѣшились на ваше путешествіе, не подумали объ этомъ, тѣмъ болѣе, что вы чувствуете себя настолько слабыми и боитесь возражать нашему королю. Что касается до меня, то я считаю за честь принадлежать къ крестьянамъ, но имѣть свободное слово, хотя бы и вблизи короля". Торни проводилъ посланниковъ на собраніе. Когда одинъ изъ нихъ приблизился къ королю и предложилъ ему миръ, то послѣдній гнѣвно его прервалъ и заставилъ замолчать. Также враждебно было принято королемъ и за-

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія политическаго устройства славянъ и германцевъ мы видимъ, что въ общихъ чертахъ оно было однимъ и тѣмъ же у обоихъ народовъ. Народное собраніе, какъ существенный элементъ этого устройства не являлось исключительной принадлежностью какого нибудь одного племени, но было присуще, какъ германцамъ, такъ и славянамъ. Правда, у однихъ племенъ оно получило большее развитіе, у другихъ меньшее, но существовало оно равно, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Вездѣ народъ вначалѣ принималъ участіе въ управленіи общественными дѣлами и это разсматривалось, какъ право, лично осуществлявшееся каждымъ. Только уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ многихъ условій демократическій строй славянъ и германцевъ сталъ вырождаться и переходить въ другія политическія формы.

Если мы расширимъ наше сравненіе и не ограничимся только двумя отраслями арійскаго племени, а подобно Фриману [1]) разсмотримъ также и другія, то непремѣнно придемъ къ тому же выводу. Какъ у древнихъ грековъ и римлянъ, такъ и у кельтовъ мы встрѣтимъ народное собраніе, играющее туже роль, что у славянъ и германцевъ, а, слѣдовательно, и тотъ же демократическій строй, измѣнившійся уже только впослѣдствіи. «Ни въ какомъ другомъ случаѣ, говоритъ Фриманъ, сходство не представляется столь разительнымъ, какъ въ отношеніи того вопроса, который насъ теперь занимаетъ (вопросъ о народномъ собраніи). Развитіе политическаго строя во всѣхъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго

явленіе въ пользу мира ярла Рагвальда, рѣшившагося вступиться за посланника. Тогда поднялся Торни и съ нимъ всѣ крестьяне. Когда возстановилась тишина, Торни произнесъ слѣдующую рѣчь: „Иначе настроены теперь шведскіе короли, чѣмъ прежде, сказалъ онъ, дѣдъ мой Торни помнилъ еще упсальскаго короля Эриха, столь славнаго своими побѣдами. И этотъ король, не смотря на всю свою славу, никогда не былъ настолько гордъ, чтобъ прерывать рѣчь, говорившихъ съ нимъ. Отецъ мой, Торни былъ очень близокъ съ королемъ Бьёрномъ, извѣстнымъ своей любезностью по отношенію ко всѣмъ. Нынѣ же царствующій король никому не дозволяетъ ничего говорить, за исключеніемъ развѣ пріятнаго ему. Свои собственныя земли онъ терпетъ по своей безпечности, а между тѣмъ желаетъ владычествовать надъ Норвегіей. Поэтому мы, крестьяне, хотимъ, чтобъ ты, король, заключилъ миръ съ Норвегіей и въ знакъ дружбы съ норвежскимъ королемъ отдалъ бы за него свою дочь. Если ты пожелаешь завоевать снова свои потерянныя земли на востокѣ, мы всѣ будемъ помогать тебѣ въ этомъ. Если же ты не послушаешь насъ, то мы нападемъ на тебя и убьемъ тебя, такъ какъ не намѣрены болѣе выносить твоего произвола и беззаконія. Такъ поступали еще наши отцы до насъ: пятерыхъ королей бросили они въ колодезь за ихъ непомѣрную гордость! Отвѣчай сейчасъ, на что ты рѣшаешься“. Тогда раздался сильный шумъ оружія. Король всталъ и исполнилъ волю народа, прибавивъ: „такъ всегда поступали шведскіе короли, они всегда совѣщались съ крестьянами“. (Geijer, I b. s. 123; Voss, s. 43).

[1]) Сравнительная политика, переводъ Коркунова.

основанія—племеннаго вѣча». «Изъ этого пункта (собранія всѣхъ, пользующихся политическими правами), читаемъ въ другомъ мѣстѣ у названнаго историка, исходили всѣ политическія собранія міра, покрайней мѣрѣ, той части міра, которую мы имѣемъ въ виду, и демократическая система есть болѣе древняя и болѣе чистая» [1]).

Расширяя еще болѣе сравненіе и вводя въ его кругъ не только арійцевъ, какъ Фриманъ, но и всѣ остальные народы, какъ Спенсеръ [2]), мы видимъ, что, какъ въ началѣ исторической жизни культурныхъ народовъ, такъ и у современныхъ дикарей, находящихся въ самомъ примитивномъ состояніи народное собраніе является одной изъ трехъ [3]) частей соціальной структуры, признаваемой совершенно вѣрно Спенсеромъ за «основную форму правленія», встрѣчающуюся «въ самомъ началѣ соціальной жизни и одинаково при различныхъ условіяхъ». «Мы находимъ ее, говоритъ Спенсеръ, не только между народами высшаго типа, каковы Арійцы и нѣкоторые Семиты, но и между краснокожими индѣйцами Сѣверной Америки, Дравидіанскими трибами горной Индіи и между аборигенами Австраліи». «Свободная форма управленія есть и первобытная форма», говоритъ нѣсколькими строками ниже англійскій философъ [4]).

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Россія и другія славянскія государства. — Германія, Франція, Англія Испанія. Швеція и Венгрія.

Съ теченіемъ времени народныя собранія подъ вліяніемъ весьма многихъ причинъ значительно измѣняются по своему составу и изъ собраній *всѣхъ* свободныхъ людей превращаются въ собранія *нѣкоторыхъ*, болѣе выдающихся по своему положенію, богатству, знатности и могуществу лицъ. Это вторая фаза въ развитіи народныхъ собраній. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ члены собраній засѣдаютъ не въ качествѣ представителей, но поголовно. Представительство появляется уже въ третьей фазѣ развитія народныхъ собраній и обусловливается главнымъ образомъ, какъ увидимъ ниже,

---

[1]) Фриманъ, стр. 144 и 127.

[2]) Развитіе политическихъ учрежденій (Мысль, 1881 г. и отдѣльно).

[3]) Эти три части суть: народное собраніе, совѣтъ старѣйшинъ и король.

[4]) Мысль 1881 г. № 5, стр. 151.

промышленнымъ прогрессомъ общества. Одна изъ главныхъ причинъ измѣненія строя первичныхъ народныхъ собраній есть безспорно расширеніе предѣловъ того политическаго аггрегата, органомъ котораго является собраніе. Послѣднее возможно только въ такой формѣ общежитія, территоріальный размѣръ которой невеликъ, вслѣдствіе чего всѣ свободные, живущіе не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга могутъ сходиться въ опредѣленное мѣсто для совершенія богослуженія, выполненія извѣстныхъ функцій въ области управленія и суда и производства торговли. Естественно, что съ увеличеніемъ размѣра политическаго аггрегата подобный порядокъ вещей долженъ былъ измѣниться. Что было возможно въ небольшихъ германскихъ «государствахъ» временъ Тацита, то сдѣлалось невозможнымъ во Франкской монархіи. *Все* свободное населеніе большаго государства не могло появляться на народныхъ собраніяхъ, вслѣдствіе дальности разстоянія послѣднихъ и сопряженныхъ съ этимъ массою всевозможныхъ неудобствъ, въ родѣ дурнаго состоянія путей сообщенія, небезопасности и дороговизны проѣзда, невозможности бросить свои личныя дѣла и т. п. Отсюда вытекало ослабленіе интереса къ народнымъ собраніямъ, что также служило важнымъ стимуломъ измѣненія ихъ строя. Но, конечно, эти причины еще не могли создать представительства. Результатъ ихъ дѣйствія сказался въ томъ, что на народныя собранія стали являться только высшіе слои общества, люди, выдававшіеся по своему положенію и имѣвшіе возможность побороть вышеназванныя препятствія, заграждавшія доступъ къ собраніямъ низшимъ классамъ народа. Послѣдніе впрочемъ никогда не исключались изъ состава собраній, дѣйствовавшихъ отъ имени всего народа, и какъ бы представлявшихъ его. Народъ не *не имѣлъ* права участвовать на нихъ, но *не могъ*. Путь къ этому былъ пресѣченъ ему не юридически, но фактически. Съ прогрессомъ промышленной жизни и съ сосредоточеніемъ ея въ городахъ. послѣдніе являются крупной политической силой, игнорировать которую не было никакой возможности. Съ другой стороны благосостояніе городовъ служило большой приманкой для правителей государствъ, постоянно нуждавшихся въ деньгахъ. Отсюда явилась необходимость обращаться къ промышленнымъ слоямъ общества и призывать ихъ на собранія, до тѣхъ поръ ими не посѣщаемыя. Въ виду невозможности поголовнаго присутствія промышленныхъ классовъ общества, послѣдніе должны были посылать представителей и черезъ нихъ выражать свои нужды и желанія. Спенсеръ вполнѣ правъ, говоря, что скорѣе принятіе обязанности, чѣмъ цѣль добиться своего права лежало обыкновенно въ началѣ развитія представительныхъ учрежденій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ народные представители призывались сперва для оказанія правительству какой нибудь помощи (преимущественно денежной) и ужь впослѣдствіе изъ этого развилось участіе ихъ въ

государственномъ управленіи [1]). Дѣйствительно, исторія, какъ увидимъ ниже, вполнѣ подтверждаетъ подобное мнѣніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію развитія представительныхъ учрежденій въ отдѣльныхъ государствахъ.

Россія и другія славянскія государства.

Народное собраніе въ своей примитивной формѣ, т. е. въ формѣ поголовнаго участія всѣхъ свободныхъ людей дольше всего сохранилось въ Россіи [2]). Только въ началѣ XVI ст. вѣче въ качествѣ политическаго органа окончательно прекратило свое существованіе и уступило мѣсто совершенно иному порядку вещей. Но, говоря о XVI вѣкѣ, какъ объ эпохѣ прекращенія вѣча, нужно имѣть въ виду, что рѣчь идетъ о Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣчевой бытъ больше всего развился и дольше всего удержался. Въ остальной же Россіи вѣчевыя начала давно уже прекратили свое существованіе и народъ пересталъ принимать участіе въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ. Однимъ изъ главныхъ факторовъ паденія вѣчеваго строя было монгольское завоеваніе [3]). Россія была объединена подъ властью ордынскаго царя, воля котораго была безусловна для покоренныхъ. Князья играли роль его намѣстниковъ и сборщиковъ податей. Назначеніе ихъ ужъ болѣе не зависѣло отъ народа, а исключительно отъ хана. Въ прежнее время, когда согласіе народа было необходимымъ условіемъ вступленія на княжескій престолъ, князья не могли разсматривать свои княженія какъ предметъ собственности; иначе

---

[1]) Спенсеръ, Развитіе политическихъ учрежденій (Мысль за 1881 г., № 9, стр. 332—333).

[2]) Если не считать Исландіи (гдѣ впрочемъ народныя собранія превратились въ чисто совѣщательныя учрежденія, а все управленіе общественными дѣлами сосредоточилось въ рукахъ годовъ, входившихъ ex officio въ составъ логретты), нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверной Германіи (Маршъ, Фрисландія, Геестъ, Дитмаршенъ и др., гдѣ народныя собранія просуществовали вплоть до XIV и XV ст.) и нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ. Въ послѣднихъ первичныя народныя собранія существуютъ и по сіе время.

[3]) Монгольское завоеваніе было только *однимъ* изъ важныхъ факторовъ измѣненія государственнаго строя удѣльно-вѣчевой Руси. Кромѣ него существовало не мало и другихъ, среди которыхъ въ особенности выдавался одинъ—это вліяніе византійскихъ идей, занесенныхъ въ Россію еще со времени принятія ею христіанства. Но это вліяніе, какъ справедливо замѣчаетъ Н. П. Загоскинъ, не могло пустить корней въ періодъ удѣльно-вѣчеваго строя, вслѣдствіе крайней непригодности почвы „для проростанія подобнаго зерна" впродолженіи этого времени. См. Исторію права Московскаго государства, т. I, стр. 14, а также В. И. Сергѣевича, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 577—580.

стало теперь, когда княженія жаловались ханамъ и народъ превратился въ пассивную массу. Въ руки князей досталось сильное орудіе для порабощенія народа и для усиленія своей власти на счетъ власти послѣдняго. Это — сборъ податей, установленныхъ татарами. Князья не замедлили воспользоваться подобнымъ выгоднымъ положеніемъ и съ помощью татаръ нанести смертельный ударъ вѣчевому ст ю. Такимъ образомъ, вѣче въ качествѣ политическаго органа должно было пасть, хотя оффиціальной его отмѣны, конечно, не было, но въ виду отсутствія поводовъ къ собранію, вѣче собиралось все рѣже и рѣже, пока наконецъ совершенно не вышло изъ употребленія [1]). Если мы обратимъ вниманіе на народныя собранія монгольскаго періода, то увидимъ, что имъ присущъ совершенно другой характеръ, чемъ прежде. Онѣ уже не были обыкновенными собраніями народа, а имѣли мѣсто только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и обыкновенно сопровождались мятежами [2]). Народъ, привыкнувшій къ свободѣ не сразу могъ примириться съ угнетеніемъ и долго еще оказывалъ упорную оппозицію новому порядку вещей, установившемуся со времени татарскаго завоеванія. Говоря о паденіи вѣчеваго строя, мы имѣли въ виду исключительно вѣче въ качествѣ политическаго органа, такъ какъ вѣче съ административно-хозяйственными функціями не только не прекратило своего существованія, но даже продолжало развиваться. Подобное вѣче, являясь въ смыслѣ органа общины существовало въ продолженіи всего допетровскаго періода и г. Самоквасовъ вполнѣ правъ, придавая ему большое значеніе. Дѣятельность древней русской общины въ формѣ народныхъ собраній обнаруживается изъ множества извѣстій лѣтописцевъ. Эта дѣятельность видна и въ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей при княжескихъ судахъ, такъ называемыхъ, лучшихъ, добрыхъ людей, выборныхъ отъ народа, и въ учрежденіи мѣстныхъ выборныхъ должностей — старосты, сотскаго, и въ правѣ и обязанности общинъ «метать межъ себя кормы и поборы», т. е. заниматься раскладкою между членами общины податей и повинностей, и въ учрежденіи круговой поруки, и въ жалобахъ и протестахъ отъ лица общинъ, обращенныхъ къ представителямъ верховной власти и т. п. [3]). Еще въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава

[1]) Н. И. Костомаровъ, Историческія монографіи, т. XII, стр. 69; В. И. Сергѣевичъ, Вѣче и князь, стр. 21 и Лекціи и изслѣдованія, стр. 212; Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 310; Н. П. Загоскинъ, Исторія права Моск. госуд., т. I, стр. 15; А. Н. Пыпинъ, Объ историческомъ складѣ русской народности (Вѣстникъ Европы, 1884 г., № 12, стр. 770—811).

[2]) Шпилевскій, Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV (Юридическій журналъ, 1861 г., № 5, стр. 222).

[3]) Самоквасовъ, Замѣчанія по исторіи русскаго государственнаго устройства (Журн. М. Н. Пр., ч. CXLVI, стр. 225). См. также Лекціи и изслѣдованія В. И. Сергѣевича, стр. 397. „Каждая сельская община, міръ, говоритъ г. Шпи-

Давидовича съ нѣмцами отъ 1229 года мы находимъ указаніе на участіе въ судѣ «добрыхъ людей», выборныхъ отъ народа [1]). Такое же указаніе встрѣчается и въ Новгородской судной грамотѣ [2]). Въ 1479, 1488, 1505 и 1506 гг. правительство запретило намѣстникамъ и волостелямъ судить безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей [3]). «А боярамъ или дѣтямъ боярскимъ, гласитъ 38 статья Судебника Ивана III, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостѣ, и лучшимъ людямъ; и безъ дворьскаго, и безъ старосты, и безъ лучшихъ людей суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити» [4]). Въ 1518 г. была произведена въ Новгородѣ весьма важная реформа: намѣстники и тіуны должны были раздѣлить свою судебную власть вмѣстѣ съ 48 цѣловальниками, выбранными народомъ [5]). Такая же реформа была введена и во Псковѣ въ 1541 г. [6]). Въ 1530, 1539, 1540 и 1542 гг. губное право было распространено на много другихъ мѣстностей [7]), а съ изданіемъ Судебника 1550 г. самоуправленіе общинъ достигло апогея своего развитія.

Въ юго-западной Россіи точно также существовали народныя собранія, являвшіяся органами общинъ и бывшія осколками древняго вѣчеваго быта. Онѣ даже долгое время иначе и не назывались, какъ вѣчами. Впослѣдствіи (въ XVI стол.) подобныя собранія получили другое наименованіе и стали называться копами, купами или громадами. Въ составъ общины обыкновенно входило нѣсколько селеній (отъ 4 до 9). Въ одномъ изъ нихъ было центральное мѣсто, куда сходились на вѣче, впрочемъ это мѣсто часто мѣнялось въ виду того, что засѣданія происходили подъ открытымъ небомъ и не пред-

---

левскій, могъ дѣлать разныя постановленія, касавшіяся членовъ этой общины: такія постановленія назывались „мірскимъ уложеніемъ". Вотъ, напр. образчикъ такой мірской грамоты: „се азъ, староста тавренской волости... и вси крестьяне обговорились сами промежь собою, по благословенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года... что намъ въ праздникъ Воскресенья Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго... а проводити съ чистотою и любовію. И кто въ нашей тавренской волости сію заповѣдь нарушаетъ, и на томъ заповѣди доправити соцкому по мірскому уложенію..." (Ученыя записки Казанскаго унив., 1862 г., вып. II, стр. 286. См. также Акты Юрид. № 358).

[1]) Влад.-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, т. I, стр. 104.

[2]) Ibid., стр. 178.

[3]) Доп. къ акт. истор., т. I, № 17, стр. 14; Акты Арх. Эксп., т. I, № 124, стр. 94; Акты Истор., т. I, № 115, стр. 170; Акты Арх. Эксп., т. I, № 144, стр. 116.

[4]) Акты Ист., т. I, № 105, стр. 153.

[5]) Арх. Ростовская лѣтопись, помѣщ. у Карамзина, т. VII, примѣч. 362, стр. 91 (изд. 6-е).

[6]) Полное Собр. Русск. Лѣт., т. IV, стр. 304.

[7]) Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 26, стр. 23; № 31, стр. 32; Акты Арх. Эксп. т. I, № 187, стр. 163; № 192, стр. 168; № 194, стр. 170; № 196, стр. 175.

ставлялось никакой трудности переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Каждая община имѣла свое собраніе, въ составъ котораго входили только одни домохозяева, имѣвшіе постоянную осѣдлость въ общинѣ. Выдающуюся роль играли на собраніяхъ старцы. Вообще присутствіе на собраніяхъ считалось обязательнымъ и число сходатаевъ (членовъ собранія) было довольно многочисленно (до 100 и болѣе). Дѣла рѣшались единогласно. Функціи собранія по преимуществу были судебныя [1]).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣннаго видно, что монгольское завоеваніе было факторомъ паденія вѣчеваго быта въ качествѣ извѣстной формы политическаго устройства и что вѣче въ видѣ административно-хозяйственнаго органа общины продолжало свое существованіе и послѣ монголовъ. Съ паденіемъ вѣча въ качествѣ политическаго органа (что, какъ извѣстно, случилось еще задолго до 1510 года — эпохи прекращенія вѣчеваго устройства на всемъ пространствѣ Россіи), управленіе государствомъ сосредоточилось исключительно въ рукахъ князей и членовъ служилаго сословія, входившихъ въ составъ княжескихъ думъ. Народъ болѣе не участвовалъ въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ и народнаго собранія несуществовало. Но изъ этого не слѣдуетъ, что самый принципъ народнаго участія въ государственномъ управленіи, или, какъ тогда говорилось, въ «строеніи земли» сдѣлался чуждымъ русскому человѣку. Напротивъ, этотъ принципъ продолжалъ существовать и выражаться въ разныхъ формахъ. Мы видѣли выше, что народъ принималъ участіе въ мѣстномъ правленіи и попрежнему сходился на вѣче для рѣшенія своихъ мѣстныхъ нуждъ. Правда, политическіе вопросы въ родѣ избранія князя, изданія законовъ, объявленія войны или заключенія мира и т. п. не входили уже болѣе въ составъ компетенціи этихъ вѣчей, но все-таки народъ не былъ индифферентенъ къ общественнымъ дѣламъ и, хотя въ сферѣ мѣстнаго управленія, а продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ ихъ разрѣшеніи и управлялся самъ собой при помощи своихъ выборныхъ. Затѣмъ подача челобитныхъ была также одной изъ формъ выраженія принципа народной автономіи и средствомъ косвеннаго участія народа «въ строеніи земли». Челобитныя подавались или отъ имени всего мѣстнаго населенія или отъ имени отдѣльныхъ лицъ и касались существенныхъ сторонъ государственнаго управленія. Стоитъ прочесть любую жалованную, уставную или губную грамоту того времени, чтобъ убѣдиться въ томъ, какую важную роль играли челобитныя. Фраза «били мнѣ челомъ» навѣрно будетъ присуща массѣ изъ нихъ. Многія реформы, напр. установленіе губныхъ учрежденій и др. были произведены по инціативѣ народа, высказавшагося въ пользу нихъ

[1]) Иванишевъ, О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи (Русская Бесѣда, 1857 г., № III, стр. 7—8).

путемъ подачи челобитныхъ. Значеніе челобитныхъ въ позднѣйшую эпоху (напр. при составленіи Уложенія Алексѣя Михайловича) теперь никѣмъ болѣе не оспаривается [1]).

Въ XVI ст., когда Русь уже объединилась и сдѣлалась вполнѣ независимымъ государствомъ, мысль о необходимости народнаго участія (притомъ прямаго, а не косвеннаго) въ рѣшеніи общегосударственныхъ дѣлъ пользовалась все большей и большей популярностью въ рядахъ общества и завоевывала себѣ все болѣе и болѣе прочное положеніе среди него. Передовые люди изъ духовенства и служилаго сословія вполнѣ признавали необходимость совѣщаній представителя верховной власти со *всѣмъ* народомъ, а не только съ одними высшими классами. «Царь, аще и почтенъ царствомъ, писалъ кн. Курбскій, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *всенародныхъ человѣкъ*».. [2]). До насъ дошелъ крайне интересный памятникъ, это, такъ называемая «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» неизвѣстнаго автора, [3]). въ которой послѣдній совѣтуетъ царю не болѣе, не менѣе какъ созвать *постоянный* земскій соборъ и пополнять его періодически выборами, дабы представители всѣхъ классовъ общества могли принимать *постоянное* участіе въ государственныхъ дѣлахъ. «И на такое дѣло благое (созваніе собора), читаемъ въ «Бесѣдѣ», достоитъ святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, и православнымъ благочестивымъ папамъ, и преосвященнымъ митрополитомъ, и всѣмъ священно-архіепископомъ, и епископомъ, и преподобнымъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостью царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ высокоумныя гордости со христоподобною смиренною мудростью безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому....про всякое дѣло міра, а разумныхъ мужей и добрыхъ и надежныхъ приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ со многими войски ни на единъ часъ не разлучати отъ себя, да таковою царь-

---

[1]) О значеніи челобитныхъ см. статью И. И. Дитятина „Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскимъ государствомъ" (Русская Мысль, 1880 г., № 10).

[2]) Устряловъ, Сказанія кн. Курбскаго, стр. 39.

[3]) Авторъ „Бесѣды" (говоритъ Павловъ) какой нибудь новгородскій книжникъ вложилъ слова „Бесѣды" въ уста древнихъ новгородскихъ чудотворцевъ — Сергія и Германа, основателей Валаамской обители, отъ лица которыхъ во второй половинѣ XVI ст. и явилась „Бесѣда". См. Павлова, Земское направленіе русской духовной письменности въ XVI в. (Православный Собесѣдникъ, 1863 г., № 1, стр. 292—316).

скою мудростію и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя, и приказные люди своя, и приближенныхъ своихъ отъ поминка и отъ посула и отъ всякія неправды и сохранитъ ихъ отъ многихъ и безчисленныхъ властелиныхъ грѣховъ и ото всякихъ льстивыхъ льстецовъ и отъ обавниковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ таковою царьскою мудростію и валитовымъ разумомъ да правдою тою держитца во благоденьствѣ царство его».

Такимъ образомъ, ясно что древнерусскія представительныя учрежденія появились не вслѣдствіе какого нибудь каприза верховной власти, но какъ результатъ требованій самой жизни и тѣхъ условій и обстоятельствъ, среди которыхъ находилось русское общество. Иниціатива созванія перваго собора, нужно думать, исходила изъ передовыхъ рядовъ духовенства и боярства, подъ вліяніемъ которыхъ находился 20-ти лѣтній Иванъ IV. Прототипами нашихъ представительныхъ учрежденій служили, по всей вѣроятности, церковные соборы, имѣвшіе мѣсто въ Россіи со времени княженія Ярослава I [1]). Посредствующаго звѣна между вѣчемъ и соборомъ мы не замѣчаемъ, такъ что неправильно думать, подобно К. Аксакову, будто соборъ образовался изъ вѣча. Подобное явленіе дѣйствительно имѣло мѣсто у другихъ славянъ на Западѣ, гдѣ первичныя народныя собранія служили зародышемъ представительныхъ учрежденій и постепенно, путемъ долгой эволюціи наконецъ преобразовались въ нихъ. Разные рыцарскіе сеймы, magna consilia, Herrentage и т. п. были посредствующими звѣньями между первичными народными собраніями и позднѣйшими представительными учрежденіями. Но у насъ подобной переходной формы не было, хотя впрочемъ и существовали особыя собранія, неправильно называемыя нѣкоторыми учеными земскими соборами. Подобныя собранія были ничѣмъ инымъ, какъ вѣчами, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Такъ, извѣстно что въ 1096 г. въ виду предстоящей войны съ половцами Владиміръ Мономахъ звалъ черниговскаго князя Олега пріѣхать въ Кіевъ, чтобъ положить порядъ по русской земли *предъ епископы, и игумены*, *и предъ мужи отецъ нашихъ*, *и предъ людми градными*,» на что Олегъ гордо отвѣтилъ: «нѣсть мене лѣпо судите *епископомъ*, *или*

---

[1]) Всѣхъ церковныхъ соборовъ съ 1105 г. (времени созванія перваго церковнаго собора) по 1550 г. (время созванія перваго земскаго собора), нужно думать, было 28 (шесть въ Кіевѣ, одинъ въ Переяславлѣ, одинъ во Владимірѣ, одинъ въ Твери, одинъ въ Псковѣ, одинъ въ Новгородѣ, три литовскихъ собора и 14 въ Москвѣ). См. прот. Григоровича, Историческое изслѣдованіе о соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ оную христіанской вѣры до восшествія на престолъ царя Іоанна IV, стр. 3—41.

игуменомъ, или смердомъ» [1]) К. Аксаковъ [2]), Павловъ [3]), а также г. Линниченко [4]) считаютъ это собраніе земскимъ соборомъ. Нечего и говорить, что подобное мнѣніе крайне произвольно и ни на чемъ не основано. Изъ лѣтописи видно только, что Владиміръ Мономахъ, ожидая нашествія половцевъ и желая предупредить разъединеніе русскихъ князей, звалъ Олега въ Кіевъ, чтобъ заключить съ нимъ союзъ противъ наступающаго непріятеля. Въ составъ союза входилъ также и кіевскій князь Святополкъ. Чтобъ придать большую крѣпость союзу, послѣдній долженъ былъ быть заключенъ на вѣчѣ въ присутствіи духовенства и княжеской дружины, въ виду-же предстоящей войны подобное привлеченіе народа къ рѣшенію общественнаго дѣла было даже необходимо, тѣмъ болѣе, что вопросы о войнѣ и мирѣ входили въ число предметовъ вѣдомства вѣча. На этомъ совѣщаніи, кромѣ обыкновенныхъ членовъ вѣча («люди градные»), должны были присутствовать также духовные чины (епископъ, игумены) и дружина всѣхъ трехъ князей («мужи отецъ нашихъ»). Въ виду подобнаго состава собранія мы и называемъ его вѣчемъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, а не земскимъ соборомъ, такъ какъ представительство—специфическій признакъ послѣдняго, отличающій его отъ первичныхъ народныхъ собраній — вполнѣ отсутствовало на вышеназванномъ совѣщаніи.—Намъ извѣстенъ еще другой примѣръ подобнаго вѣча, неправильно называемаго соборомъ. Оно имѣло мѣсто въ Суздальской землѣ въ 1211 г., когда Всеволодъ Большое Гнѣздо, желая передать Владиміръ сыну своему Юрью, «созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Іона, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди» и заставилъ ихъ цѣловать крестъ Юрію [5]). Г-нъ Забѣлинъ называетъ вышеназванное собраніе земскимъ соборомъ [6]). По нашему-же мнѣнію, это было большихъ размѣровъ вѣче, такъ какъ его участники очевидно засѣдали не въ качествѣ представителей, а поголовно. Тоже самое можно сказать и о собраніи бывшемъ еще раньше предъиду-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VII, стр. 9.

[2]) Сочиненія К. С. Аксакова, т. I, стр. 305.

[3]) Павловъ, О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII ст. (Отеч. Зап., 1859 г., т. CXXII, № 1, стр. 171). Павловъ даже считаетъ совѣщаніе Владиміра съ боярами и со старцами градскими по поводу вопроса о принятіи вѣры за *первый* земскій соборъ. Вышеназваное же совѣщаніе Владиміра Мономаха и Олега является у него *вторымъ* соборомъ. "Древнія русскія собранія выборныхъ всѣхъ сословій (?!), говоритъ онъ, по своему понятію совершенно соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ земскимъ соборамъ".

[4]) Вѣче въ Кіевской области. Совѣщаніе Мономаха г. Линниченко считаетъ за „нѣчто въ родѣ земскаго собора".

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VII, стр. 117.

[6]) Забѣлинъ, Взглядъ на историческое развитіе московскаго единодержавія (Историческій Вѣстникъ, 1881 г., № 2).

щаго, а именно въ 1175 г., послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго, неправильно называемымъ Бѣляевымъ «общей земской думой» [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не было никакой преемственной связи между вѣчемъ и земскимъ соборомъ и что переходной формы на подобіе западно-европейской между первичными народными собраніями и представительными учрежденіями Россія вовсе не знала. Вслѣдствіе этого, наши соборы не явились продуктомъ такой долгой исторической жизни, какъ напр. англійскій парламентъ, нѣмецкіе земскіе чины, шведскій сеймъ и т. п., а были учрежденіемъ сравнительно новымъ и вызваннымъ къ жизни московскими государями. Но изъ того, что соборы появляются какъ-бы вдругъ и по мановенію ока, а не развиваются постепенно, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они были явленіемъ нежизненнымъ и учрежденіемъ построеннымъ на пескѣ. Напротивъ, возникновеніе древнерусскихъ представительныхъ учрежденій обусловливалось всею тогдашней жизнью, такъ какъ принципъ народной автономіи, выражаясь въ различныхъ формахъ, продолжалъ жить въ народѣ, высшіе-же классы не только не были ему враждебны, но вполнѣ сознавали необходимость такого государственнаго устройства, при которомъ голосъ «всенародныхъ человѣкъ» игралъ-бы не послѣднюю роль въ дѣлѣ «строенія земли». Счастливыя обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ началѣ царствованія Ивана IV послужили поводомъ къ возникновенію представительныхъ учрежденій, которыя и появились въ Россіи въ 1550 г.

Въ то время, какъ древне-русское вѣче, просуществовавъ вплоть до XVI ст., безслѣдно вымерло, не преобразовавшись въ народное собраніе иной формы и конструкціи, первичныя собранія другихъ славянъ испытали разнообразныя метаморфозы и видоизмѣнились: однѣ въ представительныя учрежденія (въ Польшѣ и Чехіи), другія въ собранія съ поголовнымъ участіемъ только высшихъ классовъ общества (въ Хорватіи, Сербіи и Болгаріи, гдѣ иноземное завоеваніе остановило дальнѣйшее развитіе этихъ собраній).

Мы видѣли, что въ древней Польшѣ существовало такое же вѣче, какъ и у насъ и что всѣ свободные одинаково принимали на немъ участіе. Но подобный демократическій характеръ польское вѣче сохранило не долго и участіе всего народа въ управленіи общественными дѣлами скоро замѣнилось участіемъ только однихъ высшихъ классовъ. Объясняется это съ одной стороны раннимъ обособленіемъ отдѣльныхъ классовъ польскаго общества другъ отъ друга и выдѣленіемъ изъ среды народа лицъ, болѣе могущественныхъ и сильныхъ по своему вліянію (чего въ Россіи, какъ извѣстно, не было, такъ какъ впродолженіи всего удѣльно-вѣчеваго періода сословій не существовало и они начали складываться только въ московскую эпоху),

[1]) Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 396.

съ другой же стороны такимъ раннимъ объединеніемъ польскихъ земель (чего у насъ также не было, такъ какъ окончательное объединеніе Россіи произошло въ началѣ XVI ст.), при которомъ первичныя собранія, могущія быть органами только небольшихъ территоріальныхъ тѣлъ естественно должны были прекратить свое существованіе. Уже въ 1040 году на вѣчѣ собрались только «паны и воины Польскаго государства» («barones vero ac milites regni Poloniae»). Тоже самое было и въ 1079 году, когда вѣче состояло изъ «nobiles terrae». Въ 1160 году на вѣчѣ, или лучше сказать, на сеймѣ засѣдали духовные чины, паны и воины и т. д. Составъ польскаго сейма въ XIII и XIV вѣкахъ ужъ не имѣлъ въ себѣ ничего демократическаго и былъ въ полномъ смыслѣ слова аристократическимъ собраніемъ. Въ его составъ входило духовенство (Гнезенскій архіепископъ, епископы, аббаты, архидіаконы, каноники и др.), лица, занимавшія высшія государственныя и придворныя должности (воеводы, придворный судья, канцлеръ, подканцлеръ, каморникъ, маршалкъ и др.) и высшее дворянство (primates, magnates, barones, comites, viri probi et honesti и т. п.). Всѣ эти лица засѣдали поголовно [1]). Въ концѣ XIV и началѣ XV стол. дворянство стало играть весьма видную роль на сеймахъ, появляясь все въ большемъ и большемъ количествѣ на нихъ и отодвигая на задній планъ духовенство и лицъ, занимавшихъ государственныя должности. Очевидно, поголовное присутствіе всего дворянства стало невозможнымъ, а изъ этой невозможности вытекла система представительства. Въ 1468 г. произошло раздѣленіе сейма на двѣ палаты: сенаторскую избу и посольскую избу. Первая (верхняя палата) состояла изъ 141 членовъ (по крайней мѣрѣ, въ XVII ст.), засѣдавшихъ въ ней поголовно. Званіе сенатора было пожизненнымъ и связывалось съ должностями: епископа, воеводы, каштеляна, 10 главныхъ государственныхъ сановниковъ и др. Такой составъ палаты выработался, конечно, постепенно и окончательно сложился только въ XVII столѣтіи. Нижняя палата (посольская изба) была выборной. Депутаты или послы избирались дворянствомъ, на такъ называемыхъ, сеймикахъ, бывшихъ органами провинцій, на которыя раздѣлялась Рѣчь Посполитая. Всякій дворянинъ, владѣвшій поземельной собственностью имѣлъ право, какъ избирать, такъ и быть избраннымъ на сеймъ. Всѣхъ членовъ нижней палаты было 175 (въ XVII ст.) [2]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что польское представительство приняло крайне своеобразный характеръ: оно было исключительно дворянскимъ и такимъ осталось до послѣднихъ своихъ

---

[1]) Дьячанъ, стр. 54—65.

[2]) Мацеёвскій, Slawische Rechtsgeschihte (übers. von Buss), III b. s. 387—389. См. также Иловайскаго, Коронный мечникъ Яблоновскій, очеркъ изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка. (Русскій Вѣстникъ, т. XXXVII, стр. 109—121).

дней. Горожане, хотя и пользовались магдебургскимъ правомъ, но въ государственномъ управленіи никакого участія не принимали [1]), крестьяне были закрѣпощены, духовенство же обладало своими собраніями (синоды), куда высшее духовенство являлось поголовно, а низшее посылало депутатовъ.—Вальный или государственный сеймъ (въ отличіе отъ сеймиковъ) созывался разъ въ три года и засѣдалъ впродолженіи нѣсколькихъ недѣль. Впослѣдствіи выработалось знаменитое и принесшее столь пагубные плоды право liberum veto, по которому каждый сенаторъ или посолъ могъ «сорвать сеймъ», т. е. прекратить его существованіе въ данную сессію. Инициатива созванія сейма принадлежала королю. Впродолженіи всей польской исторіи только два раза сеймъ былъ созванъ не по инициативѣ короля: это при Сигизмундѣ III и Августѣ II. Само собой разумѣется, что рѣчь не идетъ объ избирательныхъ сеймахъ, которые ужь по отсутствію короля не могли быть созываемы по его инициативѣ. Эти сеймы существенно отличались отъ обыкновенныхъ, такъ какъ не были представительными собраніями, а составлялись изъ всего дворянства и высшаго духовенства, являвшихся на нихъ поголовно и засѣдавшихъ подъ открытымъ небомъ. Кромѣ избирательныхъ и обыкновенныхъ сеймовъ, существовали еще чрезвычайные, созывавшіеся по мѣрѣ надобности и по своему составу вполнѣ тожественные съ обыкновенными. До соединенія Польши съ великимъ княжествомъ Литовскимъ мѣстомъ созванія сейма былъ городъ Піотроковъ, послѣ же соединенія, Варшава и Гродно. Передъ созваніемъ сейма, король разсылалъ по провинціямъ призывныя грамоты, послѣ чего, созывались сеймики, на которыхъ и производились выборы. Каждый посолъ получалъ отъ своихъ избирателей инструкцію, сообразно съ которой и долженъ былъ поступать на сеймѣ. Первымъ дѣломъ собравшихся депутатовъ было избраніе сеймоваго маршала, исполнявшаго обязанности предсѣдателя въ посольской избѣ. Въ верхней палатѣ предсѣдательствовалъ самъ король. Послѣ избранія маршала, происходило соединенное засѣданіе сенаторовъ и пословъ, въ которомъ читались королевскія предложенія и вносившіеся въ сеймъ законопроэкты. Затѣмъ послы отправлялись въ свое помѣщеніе и обѣ палаты засѣдали отдѣльно вплоть до выработки отвѣтовъ на предложенія. Послѣдніе давались снова въ соединенномъ засѣданіи. Если сеймъ соглашался съ королемъ, то законопроэктъ превращался въ законъ и сеймъ распускался. Въ противномъ случаѣ, засѣданія происходили до тѣхъ поръ, пока не вырабатывался какой нибудь

[1]) Въ то время, когда сеймъ еще не принялъ окончательно дворянскаго характера, города также посылали на него своихъ представителей, но впослѣдствіи это было уничтожено. Что касается до избирательныхъ сеймовъ, то участіе на нихъ городовъ просуществовало до Владислава IV, послѣ же его смерти, это участіе также прекратилось (Мацеёвскій, III b. s. 392).

modus vivendi, удовлетворявшій обѣ стороны, Въ виду того, что всѣ дѣла рѣшались единогласно, достигнуть подобнаго компромисса стоило не мало труда, не даромъ сеймъ Рѣчи Посполитой получилъ такую печальную извѣстность, сдѣлавшись средоточіемъ всякаго своевольства и безпорядка, подъ которыми польскіе паны понимали свободу. Предметами вѣдомства сейма были дѣла законодательныя, судебныя и исполнительныя. Все управленіе государствомъ до самыхъ послѣднихъ мелочей сосредоточивалось въ немъ или, лучше сказать, въ посольской избѣ, такъ какъ значеніе сената было низведено до minimum'а. Король, можно сказать, не пользовался никакой властью и былъ связанъ по рукамъ и ногамъ рѣшеніями сейма. Не даромъ Польша величала себя республикой [1]).

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что польскій сеймъ въ сущности былъ рыцарскимъ сеймомъ (Rittertag), хотя въ основу его и легла система представительства. Иначе говоря, онъ не достигъ той стадіи развитія, на которой стояли наши и западно-европейскія представительныя учрежденія, не бывшія органами одного сословія и являвшіяся по отношенію къ польскому сейму учрежденіями всесословными.

Чешское народное собраніе такъ же, какъ и польское не долго сохранило свой демократическій характеръ и по тѣмъ же причинамъ, что и въ Польшѣ преобразовалось въ собраніе «лучшихъ» людей (majores natu, proceres, comites, in clero meliores, primates, principes terrae, nobiles, barones, milites nobiliores, milites и т. п.) Участіе народа встрѣчается на чешскихъ собраніяхъ вплоть до XII ст., послѣ чего памятники о немъ болѣе уже не говорятъ. Въ XIII ст. власть окончательно перешла въ руки бароновъ, поголовно сходившихся на сеймъ для рѣшенія вопросовъ по государственному управленію. Сеймъ созывался обыкновенно княземъ (впослѣдствіи королемъ) и въ большинствѣ случаевъ происходилъ въ Прагѣ. Ни о какой періодичности сеймовъ не было и рѣчи и они созывались по мѣрѣ надобности. Дѣла рѣшались единогласно. Сейму были присущи функціи законодательныя, исполнительныя и судебныя и рѣшенія его вполнѣ связывали короля. Съ освобожденіемъ городовъ изъ подъ власти сеньёровъ и съ пріобрѣтеніемъ ими, благодаря ихъ богатству, могущества и значенія, игнорировать которыя уже было нельзя, представители городовъ также начинаютъ призываться на сеймъ. Въ первый разъ города участвовали на сеймѣ въ 1281 г. Но вплоть до половины XIV ст. положеніе ихъ здѣсь далеко не было обезпечено и имъ не разъ приходилось сталкиваться съ дво-

---

[1]) Мацеёвскій, III b. s. 390—403. Говоря о слабости королевской власти, нужно имѣть въ виду, что подобный порядокъ вещей установился въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкахъ и что до этого времени король, хотя и былъ ограниченъ сеймомъ, но обладалъ и немалою властью.

рянами, крайне враждебно относившимися къ развитію привилегій горожанъ. Въ 1309 г. вспыхнула даже междоусобная война между двумя сословіями, окончившаяся формальнымъ миромъ, которымъ былъ провозглашенъ принципъ, что ничто не можетъ быть рѣшено и предпринято въ области государственнаго управленія безъ согласія горожанъ. Съ прекращеніемъ династіи Пржемысла (въ 1306 г.), на чешскій престолъ вступилъ король изъ нѣмецкаго дома Люксембурговъ. Съ этого времени Чехія совершенно подпала подъ нѣмецкое вліяніе, вслѣдствіе чего ея представительныя учрежденія сложились вполнѣ на нѣмецкій ладъ и въ общемъ ничѣмъ не отличались отъ нѣмецкихъ земскихъ чиновъ [1]).

Участіе народа въ первичныхъ собраніяхъ древней Хорватіи также сохранилось не долго и замѣнилось участіемъ высшихъ сословій: духовенства и дворянства. Что касается до сербскихъ соборовъ, то они иначе намъ и неизвѣстны, какъ аристократическія собранія, съ участіемъ членовъ высшихъ сословій. Какъ хорватскіе, такъ и сербскіе соборы не доразвились до представительныхъ учрежденій, чему было причиной, по всей вѣроятности, иноземное завоеваніе, лишившее независимости оба государства. Паденіе соборовъ въ Хорватіи совпадаетъ со временемъ присоединенія послѣдней къ Венгріи въ 1102 г. Сербскіе-же соборы погибли съ завоеваніемъ Сербіи турками.

Что касается до болгарскихъ соборовъ, то о нихъ мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія. Болѣе полныя извѣстія (говоритъ Иречекъ) сохранились о трехъ соборахъ, имѣвшихъ мѣсто: одинъ въ 1211 г., а два другихъ въ періодъ времени отъ 1350 до 1355 г. Составъ соборовъ былъ вполнѣ аристократическій съ участіемъ высшаго духовенства и дворянства (бояръ) [2]). Соборы пали съ паденіемъ независимости Болгаріи.

Германія.

Многое измѣнилось въ быту германцевъ въ періодъ времени отъ Тацита до образованія Франкской монархіи [3]). Въ особенности это измѣненіе отразилось на народномъ собраніи, потерявшемъ свое прежнее значеніе и низведеннымъ почти до нуля. Но говоря такимъ образомъ о народномъ собраніи, необходимо имѣть въ виду только

---

[1]) Мацеевскій, III в. s. 408—410; Unger, Geschichte der deutschen Landsände, II b. s. 87—89; Kalousek, Einige Grundlagen des böhmischen Staatsrechts, s. 1—15; Дьячанъ стр. 36—53.

[2]) Иречекъ, Geschichte der Bulgaren, s. 406—407.

[3]) Подробное изложеніе измѣненій въ политическомъ и гражданскомъ быту германцевъ за этотъ періодъ времени см. у Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France (1877) p. 347 и у Sibel, Entstehung des deutschen Königthums (1881), s. 240.

центральное собраніе, а не мѣстныя. Послѣднія по прежнему играли весьма видную роль, въ особенности въ судебномъ отношеніи. Извѣстно, что монархія франковъ, какъ и другія германскія государства, была раздѣлена въ территоріальномъ отношеніи на графства (comtés, gau) и сотни (centuries, Hunderten). Органами этихъ территоріальныхъ подраздѣленій были собранія графства и сотни. Первыя получили извѣстное значеніе только во время Карла Великаго (о чемъ будетъ сказано ниже), въ меровингскую же эпоху центръ тяжести мѣстнаго управленія и суда сосредоточивался во вторыхъ. Собраніе сотни (placitum, malus) происходило подъ предсѣдательствомъ графа (стоявшаго во главѣ графства) или centenarius'a (стоявшаго во главѣ сотни) въ опредѣленные сроки, заранѣе установленные. Въ составъ этихъ собраній входили всѣ свободные люди (жители сотни), обязанные ихъ посѣщать подъ страхомъ наказанія. Не только франки, но и завоеванные галло-римляне и другія племена принимали въ нихъ участіе. Епископъ также участвовалъ въ собраніяхъ. Послѣднія происходили или подъ открытымъ небомъ, или, напротивъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, напр. въ церкви. Что касается до ихъ функцій, то главная изъ нихъ была судебная. Творить судъ, можно сказать, была почти единственная ихъ цѣль. Кромѣ нея, собранію принадлежали и другія функціи, но уже со второстепеннымъ значеніемъ. Такъ, здѣсь-же приносилась присяга королю, здѣсь выслушивались жалобы на несправедливое обложеніе налогами и т. п. [1]).

Что касается до центральнаго народнаго собранія, такъ называемыхъ, Мартовскихъ полей (champs de Mars, Märzfeld, campus Martius), то въ эпоху Меровинговъ оно почти не имѣло никакого значенія. Эти собранія созывались разъ въ годъ въ мартѣ и носили исключительно военный характеръ. При Хлодвигѣ каждый свободный имѣлъ на нихъ доступъ, что впрочемъ фактически не исполнялось, такъ какъ предѣлы государства были очень обширны, пути-же сообщенія находились въ примитивномъ состояніи. Это влекло за собой отсутствіе громадной массы свободныхъ людей въ народномъ собраніи, что постепенно узаконялось практикою и обычаемъ. Мартовскія поля болѣе походили на смотръ войска, чѣмъ на органъ народной воли. Здѣсь короли провозглашали свои рѣшенія касательно вопросовъ войны и мира, предписывали походы на непріятеля, принимали подарки отъ своихъ подчиненныхъ и т. п. Но о какихъ преніяхъ или постановленіяхъ не могло быть и рѣчи [2]). Власть короля въ это время была почти абсолютна, что объясняется

---

[1]) Guizot, Histoire des origines du gouvernement représentatif, t. I, p. 240; Waitz, Deutsche Verfassungsgeshichte, II в. s. 137—175.

[2]) Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, p. 487; Waitz, II b. s. 205.

ничѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ Рима, уничтоженнаго политически, но оставшагося могущественнымъ для германскихъ варваровъ въ интеллектуальномъ отношеніи [1]).

Послѣ смерти Хлодвига, Мартовскія поля почти прекратили свое существованіе. Сто лѣтъ спустя, послѣ основателя Франкской монархіи, онѣ снова были вызваны къ жизни, но уже въ измѣненномъ составѣ. Теперь народъ (свободные) уже не принимаетъ въ нихъ участія. Его мѣсто было занято исключительно высшими свѣтскими и духовными лицами, въ поддержкѣ которыхъ нуждался король. Составъ собраній, время и мѣсто ихъ вполнѣ зависѣло отъ короля, такъ какъ ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ не было выработано въ законѣ. Въ большинствѣ случаевъ членами собраній были высшіе духовные чины, крупные поземельные собственники, лица, занимавшія высшія ступени служебной іерархіи и начальники мѣстныхъ территоріальныхъ подраздѣленій (герцоги, графы). Число ихъ постоянно варіировалось. Призывались, однимъ словомъ, тѣ лица, въ которыхъ нуждался въ данный моментъ король. Въ составъ компетенціи этихъ собраніи входило: избраніе короля, мажордома и др., законодательство, администрація, вопросы о войнѣ и мирѣ и, вообще, управленіе государствомъ въ тѣхъ случаехъ, когда король, почему либо, находилъ это необходимымъ [2]).

Пипинъ Короткій перенесъ эти собранія съ марта на май, почему они и стали называться Майскими полями, Въ его царствованіе, продолжавшееся, какъ извѣстно, 16 лѣтъ произошло такихъ собраній 8 [3]).

Карлъ Великій по справедливости можетъ считаться, если не основателемъ, то возстановителемъ народныхъ собраній. Въ его царствованіе существовали три категоріи собраній: 1). собраніе графства (Grafending, Versammlung der Grafchaft) 2) провинціальное собраніе (Prowinzialversammlung) и 3) имперское собраніе, сеймъ (Reichsversammlung) Собраніе сотни (Versammlung der Hunderschaft), имѣвшее столь важное значеніе въ предъидущую эпоху, потеряло его теперь и капитуляріемъ 803 года было отмѣнено [4]). Что касается до собранія графства, то оно созывалось три раза въ годъ и каждый свободный, жившій въ графствѣ обязанъ былъ подъ угрозою наказанія присутствовать на немъ. Въ большинствѣ случаевъ собраніе созывалось не для всего графства, но для отдѣльныхъ его частей и засѣдало въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, иногда созывались и

---

[1]) Fustel de Coulanges, p. 481; Sibel, Die Entstehung des deutschen Königthums, s. 343—370.

[2]) Waitz, II b. s. 226—242; Thibaudeau, Histoire des états généraux, t. I, p. 9.

[3]) Thibaudeau, t. I, p. 13.

[4]) Unger, Geschichte der Landstände, I b. s. 49.

собранія всего графства, на которыхъ присутствовали *всѣ* свободные этого территоріальнаго цѣлаго [1]). На собраніяхъ предсѣдательствовалъ графъ, а за его отсутствіемъ, кто нибудь изъ его подчиненныхъ, напр. центенарій и др. Собранія имѣли мѣсто въ закрытомъ помѣщеніи, а не подъ открытымъ небомъ, какъ прежде. Что касается до ихъ функцій, то они были исключительно судебныя. Собранія графства были ничѣмъ инымъ, какъ судомъ, въ составъ юрисдикціи котораго входили, какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла [2]). Между собраніемъ графства и сеймомъ находились провинціальныя собранія, бывшія органами отдѣльныхъ провинцій, на которыя раздѣлялась монархія Карла Великаго.

Эти собранія были двухъ родовъ. Къ первому роду относились собранія, созывавшіяся нѣсколько разъ (четыре раза) въ годъ особыми императорскими эмиссарами (missi dominici), на обязанности которыхъ было разъѣзжать въ опредѣленные сроки по провинціи съ цѣлью ревизіи ея управленія. Эмиссары эти и предсѣдательствовали на собраніяхъ. Въ составъ послѣднихъ входили всѣ чиновники провинціи (графы, центаріи и др.), члены высшаго духовенства (архіепископы, епископы, аббаты и др.) и всѣ выдающіеся по своему богатству, силѣ и вліянію люди (angesehene Männer, weltliche Grossen). Всѣ эти лица были обязаны присутствовать на собраніяхъ или въ крайнемъ случаѣ посылать за себя представителей. Функціи собраній были по преимуществу судебныя. Кромѣ того, здѣсь можно было жаловаться на дѣйствія администраціи, такъ какъ здѣсь же происходила ревизія всего управленія провинціи. Рѣшенія собраній графствъ также могли быть пересматриваемы провинціальными собраніями и перерѣшаемы ими вновь [3]). До насъ дошелъ памятникъ, рисующій намъ подробности засѣданія одного провинціальнаго собранія [4]). Послѣднее происходило въ 804 г., въ Истріи, подъ предсѣдательствомъ эмиссаровъ. На немъ принимали участіе архіепископъ, пять епископовъ и высшіе свѣтскіе чины. Кромѣ нихъ, въ собраніи участвовали 172 человѣка, избранные эмиссарами изъ вы-

---

[1]) Waitz, IV b. s. 313.

[2]) Waitz, IV b. s. 316 u. and.

[3]) Unger, I b. s. 68; Waitz, III b. s. 391—395, IV b. s. 346—352. Провинціальныя собранія открывались рѣчью предсѣдателя. Для примѣра приведемъ одну. „Слушайте, дорогіе братья, говорилъ однажды королевскій эмиссаръ, для вашего блага присланы мы сюда, для увѣщанія васъ жить праведно и хорошо и всегда поступать согласно со справедливостью и милосердіемъ. Поэтому я заклинаю васъ вѣрить во всемогущаго Бога Отца, Сына и Св. Духа“. Далѣе ораторъ распространяется о сущности христьянской вѣры, о христьянской любви и объ обязанностяхъ христьянъ. Рѣчь заканчивается обращеніемъ къ чиновникамъ служить вѣрою и правдою государю и не нарушать законовъ. (Waitz, III b. s. 394).

[4]) Помѣщенъ въ приложеніи у Вайца (III b. s. 405).

дающихся людей Истріи. Послѣдніе должны были говорить правду и ничего не скрывать о состояніи церквей, судовъ и о всѣхъ насиліяхъ и правонарушеніяхъ мѣстной администраціи. Народъ, воспользовавшись такимъ случаемъ, принесъ жалобу на архіепископа, епископа и на высшихъ чиновниковъ, долженствовавшихъ отвѣчать предъ самимъ императоромъ. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Вайцъ, это собраніе можетъ служить доказательствомъ, что дѣятельность королевскихъ эмиссаровъ далеко не была безрезультатной и что они дѣйствительно стремились къ тому, чтобъ избавить народъ отъ несправедливости и насилія».

Ко второму роду относились собранія, созывавшіяся не эмиссарами, но по своей иниціативѣ. Эти собранія имѣли мѣсто во время, свободное отъ засѣдній предыдущихъ собраній. Въ составъ ихъ входили высшіе духовные и свѣтскіе чины нѣсколькихъ сосѣднихъ графствъ для рѣшенія важныхъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ, касающихся этихъ графствъ («et communia placita faciant tam ad latrones distringendos, quam ad ceteras justicias faciendas»).

Роль предсѣдателя исполнялъ кто нибудь изъ графовъ. Такъ, однажды было созвано такое собраніе для рѣшенія спора между Фрейзинскимъ епископомъ и однимъ аббатомъ. На собраніи присутствовали: Зальцбургскій архіепископъ, три епископа, два аббата, нѣсколько священниковъ и монаховъ, три графа, одинъ цен енарій и много другихъ лицъ. Въ другой разъ на такомъ собра іи (созванномъ для рѣшенія спора между однимъ архіепископомъ и графомъ) принимали участіе шесть епископовъ и одиннадцать графовъ и т. п.[1]).

Что касается до имперскаго собранія или сейма, то о немъ до насъ дошелъ весьма важный памятникъ — это свидѣтельство Реймскаго архіепископа Гинкмара. Послѣдній же, составляя описаніе имперскаго собранія, воспользовался сочиненіемъ аббата Адальгара (De ordine palatii), бывшаго однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Карла Великаго. «Было обычаемъ того времени, говоритъ Гинкмаръ [2]), держать не болѣе двухъ собраній (placita) въ годъ. Первое имѣло мѣсто весною: здѣсь рѣшались дѣла, касающіяся всего государства и разъ постановленное рѣшеніе никогда не измѣнялось, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ. На это собраніе съѣзжались всѣ духовные и свѣтскіе магнаты (majores, grands, Grossen). Изъ нихъ наиболѣе знатные (seniores) принимали участіе въ составленіи рѣшеній. Наименѣе же знатные (minores) выслушивали эти рѣшенія для приведенія ихъ въ исполненіе, хотя иногда также участвовали въ составленіи рѣ-

---

[1]) Unger, I b. s. 72; Waitz, IV b. s. 344.

[2]) Цитируемъ Гинкмара по Guizot, Histoire des origines du gouvernement représentatif, t. I, p. 265. См. также Waitz, III b. s. 463.

шеній, если не формально, то фактически, благодаря своему вліянію. Другое собраніе, въ которомъ подносились государю подарки, составлялось только изъ наиболѣе знатныхъ (seniores) и изъ главныхъ королевскихъ совѣтниковъ. Здѣсь разсматривались дѣла на предстоящій годъ, а иногда и дѣла текущаго года. Такъ, напримѣръ, если какой-нибудь изъ маркграфовъ заключилъ договоръ съ сосѣднимъ народомъ и срокъ истеченія этого договора кончался въ этомъ году, то рѣшался вопросъ, слѣдуетъ-ли продолжить договоръ или нѣтъ и т. п. Всѣ постановленія собранія держались въ тайнѣ вплоть до слѣдующаго большаго собранія...». Въ эти собранія государь вносилъ свои предложенія, которыя здѣсь и обсуждались. Пренія обыкновенно продолжались нѣсколько дней. Государь также присутствовалъ въ собраніи, когда послѣднее просило его объ этомъ. Результатъ совѣщанія представлялся ему и ужъ отъ него зависѣло согласиться съ нимъ или нѣтъ. Во время хорошей погоды все это происходило на открытомъ воздухѣ, въ противномъ же случаѣ въ закрытомъ помѣщеніи. Духовные и свѣтскіе члены собранія засѣдали или вмѣстѣ или отдѣльно, смотря по роду дѣлъ.

Другіе источники также говорятъ объ имперскомъ собраніи, болѣе или менѣе подтверждая слова Гинкмара. Германскій сеймъ времени Карла Великаго отчасти все еще носилъ военный характеръ прежнихъ Мартовскихъ и Майскихъ полей. Очень часто онъ созывался передъ военнымъ походомъ и тогда предметомъ его обсужденія были исключительно военныя дѣла. Иногда же онъ происходилъ во время самаго похода и на непріятельской землѣ [1]). Съ другой стороны сплошь да рядомъ бывало, что сеймъ носилъ чисто духовный характеръ и тогда его трудно было отличить отъ церковнаго собора или синода. Такихъ сеймовъ происходило очень много въ разсматриваемое время. Предметами ихъ обсужденій были дѣла вѣры и церкви. Очень часто свѣтскіе и духовные чины засѣдали отдѣльно (иногда даже въ разныхъ мѣстностяхъ) и постановляли отдѣльныя рѣшенія [2]).

Что касается до времени созванія сеймовъ, то, хотя по Гинкмару выходитъ, что сеймъ созывался осенью и весною, но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что, какъ лѣто, такъ и зима (въ особенности первое) очень часто служили временемъ сеймовыхъ собраній. Другое показаніе Гинкмара, что въ годъ бываютъ только два сейма также не всегда подтверждается, такъ какъ случались годы, когда ихъ бывало и больше [3]).

Какъ не было ничего опредѣленнаго на счетъ времени, такъ не было и на счетъ мѣста. Имперское собраніе собиралось въ раз-

---

[1]) Waitz, III b. s. 472.
[2]) Unger, Geschichte der Landstände, I b. s. 52; Waitz, III b. s. 474.
[3]) Waitz, III b. s. 479.

ныхъ мѣстахъ, смотря по удобству и по другимъ обстоятельствамъ. Обыкновенно мѣсто и время заранѣе опредѣлялись на послѣднемъ сеймѣ и затѣмъ всѣ его участники извѣщались особыми посланіями. Присутствовать на сеймѣ не считалось правомъ, а скорѣе обязанностью, исполнять которую было необходимо. Предсѣдательствовалъ на собраніи, по всей вѣроятности, императоръ [1]). Что касается до дѣлопроизводства и до постановки рѣшеній, то объ этомъ было сказано выше со словъ Гинкмара. Необходимо упомянуть еще объ одномъ. На сеймѣ не всѣ дѣла рѣшались окончательно, напротивъ, нѣкоторыя, напр. наложеніе новой повинности на народъ или измѣненіе основныхъ началъ національнаго права, должны были получить еще санкцію собраній графствъ. Приведемъ примѣръ. Въ 803 году сеймъ постановилъ (и это было утверждено императоромъ) сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ правѣ Салическихъ Франковъ и одновременно съ этимъ предписалъ передать это постановленіе на разсмотрѣніе собраній графствъ. До насъ дошелъ документъ, свидѣтельствующій, что вышеназванное постановленіе было утверждено собраніемъ Парижскаго графства [2]). Очень часто случалось и наоборотъ, что вопросъ, возбужденный въ собраніи графства восходилъ до сейма и тамъ получалъ свое разрѣшеніе [3]).

Разсмотримъ теперь функціи имперскаго собранія. Сеймъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ также судомъ, какъ и собраніе графства. Всѣ тѣ лица, которыя по своему положенію не были подсудны послѣднему, судились сеймомъ, имѣвшимъ право присуждать ихъ даже къ смертной казни [4]). Такъ, въ 788 г. Ингельгеймскій сеймъ постановилъ предать смерти баварскаго герцога Тассило, обвинивъ его въ государственной измѣнѣ. Карлъ смягчилъ ему наказаніе, замѣнивъ смертный приговоръ, лишеніемъ его герцогства. «Tunc Carolus rex, говоритъ одинъ анналистъ, in Bajoariam perrexit et omnes fines Bajoariorum in sua propria deditione recepit» [5]). Споры между магнатами (въ особенности, изъ-за свободныхъ поземельныхъ владѣній) также рѣшались сеймомъ, какъ высшимъ судебнымъ установленіемъ въ государствѣ.

Другой функціей сейма было законодательство. Законы въ разсматриваемое время выражались въ двухъ формахъ: въ формѣ судебнаго рѣшенія и въ формѣ договора между королемъ и народомъ. Первый случай (dictare legem) заключался собственно не въ созданіи новаго закона, а въ выясненіи и толкованіи стараго; такимъ

[1]) Waitz, III b. s. 483—494.

[2]) Unger, I b. s. 57.

[3]) Unger, I b. s. 59.

[4]) Unger, I b. s. 81.

[5]) Freiberg, Geschichte der baierischen Landstände und ihrer Verhandlungen (1828), I b. s. 37.

образомъ законодательство развивалось чисто казуистическимъ путемъ. Собраніе, постановивъ рѣшеніе по извѣстному конкретному случаю, примѣняло его въ аналогичныхъ случаяхъ. Созданіе же новаго закона происходило во второмъ случаѣ, когда оба контрагента соглашались признавать извѣстныя нормы, какъ регулирующія ихъ обоюдныя отношенія. Подобные договоры въ формѣ всевозможныхъ привилегій (Freicheitbriefe) получили громадное значеніе и играли весьма видную роль въ исторіи средневѣковаго представительства. Избраніе государя въ это время уже не существовало, такъ какъ монархія изъ избирательной превратилась въ наслѣдственную. Но слѣдъ прежняго избранія все еще не исчезъ. Новый императоръ торжественно провозглашался въ засѣданіи сейма въ присутствіи всѣхъ сановниковъ государства, высшаго духовенства и толпы народа.

Раздѣленіе государства и назначеніе регенства въ случаѣ несовершеннолѣтія государя были также функціями имперскаго собранія. Раздача земель во владѣніе еще издавна считалась функціей народнаго собранія. Въ разсматриваемую эпоху она происходила на сеймѣ съ соблюденіемъ особыхъ формальностей и при торжественной обстановкѣ. Внѣшнія дѣла также входили въ вѣдомство сейма. Здѣсь происходилъ пріемъ иностранныхъ пословъ и отправка своихъ пословъ за-границу, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и договорахъ съ другими государствами и т. п. Церковныя дѣла, какъ мы видѣли, также были предметомъ вѣденія сейма. Здѣсь же приносились подарки королю, отчасти замѣнявшіе позднѣйшіе налоги.

Какое же значеніе имѣлъ сеймъ въ это время? Былъ ли онъ ограничительнымъ или совѣщательнымъ учрежденіемъ? Отношенія имперскаго собранія къ государю не были опредѣлены никакимъ закономъ и все зависѣло отъ обстоятельствъ времени. Слабые государи, считавшіе себя безсильными противостоять волѣ могущественныхъ магнатовъ подчинялись постановленіямъ сеймовъ и фактически были ограничены въ своей власти. Напротивъ, такія личности, какъ Карлъ Великій, управляли почти абсолютно и сеймъ нисходилъ до степени совѣщательнаго учрежденія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ государей признавали для себя нравственной обязанностью управлять согласно съ волей сейма (напр. Людовикъ Благочестивый), но юридически власть государя не была ограничена никакимъ учрежденіемъ [1]).

Имперское собраніе не имѣло въ это время опредѣленнаго названія и ему были присущи самыя разнообразныя имена. Такъ, двѣнадцать сеймовъ назывались: conventus generalis, conventus generalis populi sui, conventus publicus Francorum; пять: synodum;

---

[1]) Unger, I b. s. 94; Waitz, III b. s. 497.

четыре: comities; comities generales; одинъ: concilium, одинъ: concio; одинъ: colloquium и одинъ: placitum [1]).

Послѣ смерти Карла, сеймы продолжали свое существованіе. При Людовикѣ Благочестивомъ ихъ было 25 и они ничѣмъ не отличались отъ сеймовъ предшествующаго царствованія [2]). Впрочемъ, вскорѣ наступили тяжелыя времена для Карловингской монархіи, имѣвшія въ результатѣ распаденіе ея на свои составныя части.

Феодализмъ наложилъ свою окраску на народныя собранія, значительно измѣнивъ ихъ характеръ. Какъ извѣстно, государственныя должности (Reichsämter) герцога, графа и др. были закрѣплены въ разсматриваемое время за извѣстными родами и передавались въ видѣ наслѣдства отъ отца къ сыну. Функціи же королевскихъ эмиссаровъ, за уничтоженіемъ этого института, перешли къ герцогамъ и графамъ [3]). Такимъ образомъ, значеніе послѣднихъ крайне увеличилось и они изъ чиновниковъ, вполнѣ подчиненныхъ центральной власти превратились въ полунезависимыхъ владѣльцевъ съ суверенными правами. Въ виду же постояннаго развитія феодальной системы и одновременнаго разложенія императорской власти, вся территорія Германской имперіи раздробилась на безчисленное количество поземельныхъ владѣній, во главѣ которыхъ стояли разные герцоги, графы, маркграфы, епископы и т. п., находившіеся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ императору. Эти мѣстные владѣльцы продолжали по прежнему созывать провинціальныя собранія (placita), которыя стали теперь уже называться куріями (curiae) или дворцовыми собраніями (Hoftage). Въ составъ этихъ гофтаговъ входили «meliores terrae» (лучшіе земли), т. е. духовные и свѣтскіе вассалы и лица, занимавшія высшія придворныя и государственныя должности (ministeriales) [4]). Собранія эти выполняли всѣ тѣ функціи, какія были присущи прежнимъ провинціальнымъ и имперскимъ собраніямъ Франкской монархіи. Онѣ подъ предсѣдательствомъ герцога или графа творили судъ, разбирали разные поземельные споры, утверждали во владѣніи землей, раздавали привилегіи, создавали законы, рѣшали вопросы государствен-

---

[1]) Thibaudeau, Histoire des états généraux, t. I, p. 19; Bavelier, Essai historique sur le droit d'élection et sur les anciennes assemblées représentatives de la France, p. 40. Историческій очеркъ сеймовъ, имѣвшихъ мѣсто при Карлѣ Великомъ см. у Boulainvilliers, Histoire de l'ancien gouvernement de la France. t. I, p. 255—269.

[2]) Boulainvilliers, t. I, p. 269—275; Thibaudeau, t. I, p. 21; Bavelier, p. 41,

[3]) Neumann, Geschichte der Landstände der Markgrafthums Niederlausitz. s. 42; Unger, I b. s. 124.

[4]) Какъ извѣстно, въ это время понятія придворной и государственной должности вполнѣ отожествлялись.

наго управленія, заключали миръ, объявляли войну и т. п. Эти же гофтаги избирали герцоговъ и графовъ, а иногда и низлагали ихъ [1]). Герцогъ или графъ вполнѣ зависѣли отъ гофтага и безъ его согласія не могли сдѣлать ни шагу. Когда одинъ швабскій герцогъ хотѣлъ возмутиться противъ императора Конрада (въ 1126 году) и возбуждалъ противъ него на собраніи своихъ вассаловъ, тогда выступили два рыцаря и заявили, что они не послѣдуютъ за нимъ. «Если-бъ мы, сказали они послѣднему, были переданы тебѣ императоромъ, какъ несвободные, тогда бъ мы почли своей обязанностью послѣдовать за тобой. Но мы свободны и имѣемъ въ императорѣ защитника нашихъ вольностей. Возмущеніемъ противъ него мы бы нарушили свой долгъ» [2]).

Гофтаги не имѣли никакихъ признаковъ народныхъ собраній. Правда, народъ не участвовалъ въ собраніяхъ Франкской монархіи, если не считать «cetera maltitudo», о которой говоритъ Гинкмаръ, т. е. толпы народа, сопровождавшей членовъ собраній и выслушивавшей рѣшенія послѣднихъ, но дѣло въ томъ, что большинство членовъ собраній (напр. герцоги, графы, центенаріи и др.) являлись въ качествѣ представителей народныхъ интересовъ, чего теперь совершенно уже не было. Члены гофтаговъ засѣдали не въ качествѣ чьихъ бы то ни было представителей, а, такъ сказать, по своему личному праву [3]). Подобное измѣненіе произошло вслѣдствіе феодализма, имѣвшаго въ результатѣ исчезновеніе свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, входившихъ въ составъ собранія графства, представителями которыхъ и были графы на провинціальныхъ и имперскихъ собраніяхъ. Конечно, и членовъ гофтаговъ можно считать представителями закрѣпощеннаго за ними населенія. но подобное представительство существенно отличалось отъ вышеописаннаго.

Однако мало по малу гофтаги измѣнили свою форму и превратились въ рыцарскія собранія (Rittertage), бывшіе посредствующей ступенью между прежними собраніями и собраніями земскихъ чиновъ (Landstände). Риттертаги отличались отъ гофтаговъ отсутствіемъ на нихъ высшихъ духовныхъ властей (низшее духовенство не принимало участія въ собраніяхъ) и участіемъ дворянства не только по личному праву (что отчасти было на гофтагахъ), а ис-

---

[1]) Unger, I b. s. 122.

[2]) Unger, 1 b. s. 121.

[3]) Употребивъ выраженіе „личное право“, мы этимъ хотѣли сказать, что члены гофтаговъ не были чьими бы то ни было представителями, потому что по личному праву (если можно такъ выразиться) засѣдали только одни министеріалы, вассалы же были членами гофтаговъ въ качествѣ владѣльцевъ леновъ, но въ основу присутствія, какъ тѣхъ, такъ и другихъ не былъ положенъ принципъ представительства.

ключительно на основаніи права владѣнія землей въ качествѣ лена.

Въ XIII столѣтіи во всѣхъ германскихъ государствахъ замѣчается тотъ фактъ, что высшее духовенство (архіепископы, епископы, аббаты) стремится выйдти изъ-подъ вассальныхъ отношеній къ герцогамъ и графамъ, сдѣлаться вполнѣ независимымъ отъ послѣднихъ и стать, такъ сказать, на равную ногу съ ними, признавая только одного сюзерена — императора. Вслѣдствіе этого, духовныя власти все рѣже и рѣже появляются на гофтагахъ, пока совершенно не исчезаютъ съ нихъ, имѣя уже своихъ вассаловъ и созывая свои гофтаги. Объясняется это, конечно, постепеннымъ увеличеніемъ могущества и значенія духовныхъ владѣльцевъ, благодаря которымъ, они съ успѣхомъ могли бороться со свѣтскими владѣльцами, стремясь къ эмансипаціи своей личности и особенности. Такъ, въ Баваріи, на Штраубингскомъ гофтагѣ въ 1224 г. присутствовали 9 епископовъ, не считая аббатовъ и другихъ членовъ духовенства. Въ 1233 г. на Ландсгутскомъ гофтагѣ уже двухъ епископовъ не было. Черезъ 20 же лѣтъ на Наббургскомъ собраніи (въ 1254 году) не было уже ни одного духовнаго лица. Въ составъ извѣстнаго Шнайтпахскаго рыцарскаго сейма (въ 1302 г.), впервые ограничившаго власть герцога также не вошелъ ни одинъ изъ членовъ духовенства [1]). Тоже самое произошло и въ другихъ германскихъ государствахъ.

Другое отличіе рыцарскихъ сеймовъ отъ гофтаговъ заключалось въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, въ составъ гофтаговъ входили не только вассалы герцога или графа, какъ владѣльцы леновъ, но и довольно обширный классъ министеріаловъ, т. е. должностныхъ лицъ, выполнявшихъ функціи придворнаго управленія. Они также могли владѣть землями, но участвовали въ собраніяхъ по своему личному праву, а не по праву владѣнія землей. Герцогъ или графъ призывали ихъ, какъ людей компетентныхъ въ управленіи и пользовавшихся большимъ вліяніемъ, а не вслѣдствіе феодальнаго обычая, предписывавшаго сюзерену не предпринимать безъ согласія вассаловъ ничего такого, что могло касаться этихъ послѣднихъ [2]). Вслѣдствіе этого, очень часто случалось, что министеріалы, невладѣвшіе никакой землей или владѣвшіе, по выраженію Неймана, какимъ нибудь однимъ дворомъ, одинаково участвовали на собраніяхъ съ

---

[1]) Freiberg, Geschichte der baierischen Landstände, I b. s. 110; Unger, I b. s. 131.

[2]) Этотъ обычай проникъ въ законодательство и имперскій сеймъ не разъ постановлялъ, что сюзеренъ связанъ согласіемъ своихъ вассаловъ въ созданіи новыхъ законовъ, въ учрежденіи новыхъ повинностей и вообще въ управленіи государствомъ (употребляемъ здѣсь это слово, хотя государство, какъ мы его понимаемъ, въ это время не существовало).

крупными поземельными собственниками, вассалами герцога или графа. Но мало по малу министеріалы исчезли, смѣшавшись съ вассалами и, такимъ образомъ, образовалось одно рыцарское сословіе (Ritterstand) или дворянство, принимавшее участіе на сеймахъ въ качествѣ ленниковъ герцога или графа [1]).

Въ составъ компетенціи рыцарскихъ сеймовъ входили судъ, законодательство и управленіе тѣми территоріальными единицами, органами которыхъ они являлись. Одной изъ самыхъ важныхъ ихъ функцій было вотированіе денежныхъ субсидій, испрашиваемыхъ герцогами или графами. Въ этомъ отношеніи послѣдніе находились въ полной зависимости отъ своихъ вассаловъ, чѣмъ тѣ и не замедлили воспользоваться. Давая субсидіи и платя долги своего сюзерена, дворянство, взамѣнъ того, исторгало отъ него всевозможныя привилегіи (Freicheitbriefe), чѣмъ не только de facto, но и de jure ограничивало его власть. Такъ, въ 1302 г, на Шнайтпахскомъ рыцарскомъ сеймѣ баварское дворянство за установленіе налога на скотъ (Viehsteuer) впервые пріобрѣло себѣ двѣ важныхъ привилегіи: [1]). 1) свободу отъ наложенія произвольныхъ податей и 2) право вооруженнаго сопротивленія въ случаѣ нарушенія этой свободы [2]). Также и въ Тиролѣ графъ Генрихъ, вслѣдствіе своихъ крайне запутанныхъ денежныхъ дѣлъ, вынужденъ былъ въ 1213 г. передать на три года управленіе графствомъ особому дворянскому комитету, въ составъ котораго вошли 10 человѣкъ изъ тирольскаго дворянства. [3]). Тоже самое имѣло мѣсто и въ другихъ германскихъ земляхъ. Такъ, мекленбургское дворянство, вслѣдствіе принятія на себя долговъ своего сюзерена (въ 1276 и 1285 г.г.) получило разныя судебныя права по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ (Untersassen [4]), и т. п.

Такимъ образомъ, въ періодъ времени отъ середины XIII-го до середины XIV-го ст. во всей Германіи власть мѣстныхъ государей постепенно ограничивается дворянскими сеймами, все болѣе и болѣе увеличивающееся значеніе которыхъ является результатомъ крайне плачевнаго матеріальнаго положенія государей. Послѣднее объясняется многими причинами. Вопервыхъ, государственныя потребности съ теченіемъ времени сравнительно увеличились и удовлетворять ихъ

---

[1]) Neumann, Geschichte der Landstände der Mark Niederlausitz s. 50 u. and.; Lerchenfeld, Die altbaierischen landständischen Freibriefe mit den Landesfreiheitserklärungen, s. CIX (Einleitung von Rockinger); Unger, I b. s. 211.

[2]) Lerchenfeld, Die altbaierischen landständischen Freibriefe, s. CXXIX (Einleitung von Rockinger); Freiberg, Geschichte der baierischen Landstände, I b. s. 171.

[3]) Iäger, Geschichte der landständischen Verfassung Tirols (1882), II b. s. 24.

[4]) Hegel, Geschichte der meklenburgischen Landstände, s. 32.

одними частными (доменьяльными) средствами государей (какъ это было прежде) сдѣлалось уже невозможнымъ. Отсюда вытекла необходимость обращенія къ подданнымъ съ требованіемъ субсидій. Во вторыхъ, войны, въ особенности крестовые походы, крайне тяжело легли на бюджетъ государей и вовлекли ихъ въ крупные долги. Въ-третьихъ, роскошная жизнь въ противоположность прежней—патріархальной окончательно довершила дѣло. Все это привело государей къ зависимости отъ своихъ вассаловъ, сильныхъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и благодаря духу единенія и корпоративности (союзности) охватившему въ это время всѣ слои европейскаго общества. Ограниченіе власти явилось не только на дѣлѣ, но и получило санкцію въ законѣ. Постановленія имперскаго сейма и длинный рядъ привилегій, данныхъ самими государями узаконили то, что выработала сама жизнь. Такимъ образомъ, основа сословно-представительнаго правленія была положена...

Въ XIV столѣтіи рыцарскіе сеймы совершенно измѣнили свою форму и изъ собраній дворянства превратились въ собранія трехъ (а въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи—четырехъ) сословій: духовенства, дворянства и третьяго сословія. Уже въ XIII столѣтіи духовенство, вслѣдствіе своего стремленія господствовать вездѣ и повсюду и вслѣдствіе своей крайне развращенной жизни, стало значительно терять въ обществѣ тотъ кредитъ, который былъ присущъ ему прежде. XIV-е столѣтіе ничего не измѣнило въ этомъ отношенія. Напротивъ, безпримѣрныя притязанія духовенства и его постоянный антагонизмъ съ свѣтской властью только увеличили количество его враговъ. Авиньонское плѣненіе папъ и ихъ зависимость отъ французскихъ королей лишило папство того ореола, какимъ оно было окружено въ Римѣ, когда оттуда владычествовало надъ всѣмъ католическимъ міромъ. Когда папа Іоаннъ XXII, вмѣшавшись въ споръ, возникшій изъ за избранія въ императоры Людовика Баварскаго, отрѣшилъ его отъ престола и предложилъ корону французскому королю, то это произвело такую сенсацію въ Германіи, что даже часть духовенства выступила противъ папы, о чемъ, конечно, и подумать нельзя бы было два вѣка тому назадъ! Столкновенія между свѣтскими и духовными становились все чаще и чаще и нерѣдко кончались не въ пользу послѣднихъ. Въ 1339 г. чешскій король Іоаннъ отнялъ у бреславскаго епископа Нанкера землю, принадлежавшую послѣднему. Когда Іоаннъ пріѣхалъ въ Бреславль и засѣдалъ на сеймѣ со многими рыцарями и горожанами, то въ залу засѣданія проникъ епископъ и, проклявъ короля, наложилъ интердиктъ на всю страну. Король этимъ нисколько не смутился, напротивъ, презрительно воскликнувъ: «этотъ попъ желалъ бы сдѣлаться мученикомъ, еслибъ только кто нибудь нашелся, кто помогъ бы ему въ этомъ», велѣлъ выгнать епископа изъ города. Герцогъ австрійскій Рудольфъ гордо заявилъ папѣ Урбану V, что въ своей

странѣ онъ самъ папа, архіепископъ, епископъ и архидіаконъ.— Подобное отношеніе къ духовенству проявлялось не только со стороны отдѣльныхъ личностей, напротивъ, всѣ классы общества крайне враждебно относились къ нему. Такъ, въ 1445 г. свѣтскія сословія Бранденбурга на сеймѣ въ Перлебергѣ подали жалобу на духовенство, обвиняя его во многихъ злоупотребленіяхъ и т. п.

Все это показываетъ, въ какомъ положеніи находились духовныя лица. Неудивительно, что онѣ были вынуждены искать опоры въ свѣтской власти и заключать союзы съ тѣми, которыхъ такъ презирали и отъ которыхъ всегда сторонились. Вотъ, почему, между прочимъ, со второй половины XIV столѣтія духовные чины вновь появляются на рыцарскихъ собраніяхъ и начинаютъ принимать участіе въ ихъ совѣщаніяхъ. Съ другой стороны, духовные вассалы были все еще на столько могущественны, что не принимать въ разсчетъ ихъ голоса при управленіи государствомъ было не возможно для государей. Появленіе духовенства на сеймахъ явилось необходимостью, одинаково неизбѣжной, какъ для него самого, такъ и для государей. Это появленіе, конечно, случилось не внезапно, а совершалось мало по малу (то духовенство появлялось, то оно отсутствовало), пока, наконецъ, духовное сословіе не пріобрѣло себѣ прочнаго мѣста на собраніяхъ и не сдѣлалось, такъ сказать, ихъ органической частью [1]). Въ Баваріи въ продолженіи всего XIV ст. положеніе духовенства на сеймахъ было крайне неопредѣленно и только съ 1394 г. (для Ландсгутской части Баваріи) и съ 1396 г. (для Штраубингской части) оно сдѣлалось постояннымъ членомъ органовъ сословнаго представительства [2]). Въ Мекленбургѣ духовенство въ качествѣ отдѣльнаго сословія появилось только въ 1437 году, а до этого времени оно засѣдало вмѣстѣ съ дворянствомъ [3]). За то въ Бранденбургѣ уже въ 1280 г. бранденбургскій епископъ засѣдалъ вмѣстѣ съ рыцарствомъ [4]) и т. п.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ во всей Европѣ произошла знаменитая коммунальная революція, имѣвшая въ результатѣ освобожденіе городовъ изъ подъ власти феодальныхъ владѣльцевъ и разцвѣтъ городовыхъ общинъ, достигшихъ крайней степени богатства и могущества. Здѣсь не мѣсто разсматривать причины этого движенія и успѣхъ его въ борьбѣ съ феодальнымъ дворянствомъ. Скажемъ только, что накопленіе богатства въ городахъ, бывшее результатомъ торговли и промышленности, зародившихся и развившихся здѣсь подъ вліяніемъ многихъ условій, а также духъ единенія и союз-

---

[1]) Unger, II b. s. 27 u. and.

[2]) Unger, II b. s. 65; Freiberg, I b. s. 317 u. and.

[3]) Hegel, s. 116.

[4]) Mülverstedt, Die ältere Verfassung der Landstände in der Mark Brandenburg, s. 5.

ности, явившійся въ видѣ реакціи противъ господствовавшихъ тогда повсюду насилія и произвола создалъ тѣхъ, по мѣткому выраженію Отто Гирке [1]. «коллективныхъ бароновъ», которые вступили въ отчаянную борьбу съ единичными баронами и одержали блистательную побѣду надъ ними, достигнувъ независимости и самоуправленія. Эти маленькія республики, благодаря своему богатству и вліянію въ странѣ, стали на равную ногу съ духовенствомъ и дворянствомъ и не принимать ихъ въ расчетъ не было никакой возможности. Государи вынуждены были призывать на совѣтъ своихъ коллективныхъ вассаловъ, какъ призывали до того единичныхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ постановленія, составленныя на сеймѣ безъ представителей городовъ, были бы необязательны для послѣднихъ. Дѣйствительно, города, послѣ своего освобожденія изъ подъ власти всевозможныхъ сеньеровъ, стали въ непосредственныя вассальныя отношенія къ государямъ и сравнялись въ этомъ отношеніи съ духовными и свѣтскими вассалами. Они въ полномъ смыслѣ этого слова превратились въ коллективныхъ бароновъ и, согласно феодальному обычаю, должны были быть призываемы на сеймы. Тѣ изъ нихъ, которые, хотя и достигли значительной степени благосостоянія, но не успѣли отвоевать себѣ полной независимости, по прежнему не участвовали на собраніяхъ и представителями ихъ здѣсь были ихъ сюзерены.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ земляхъ города уже въ XIII столѣтіи появляются на сеймахъ. Такъ, въ Мекленбургѣ представители городовъ Ростока и Висмара принимаютъ участіе въ совѣтѣ герцога въ продолженіи всего XIII столѣтія [2]. Тоже самое видимъ въ Помераніи и въ Богеміи [3]. Въ Бранденбургѣ представители городовъ появились на сеймахъ въ началѣ XIV столѣтія [4]. Около этого же времени появляются горожане и на прусскихъ сеймахъ [5]. Въ Баваріи также первое участіе горожанъ на сеймѣ совпадаетъ съ началомъ XIV столѣтія (1307 г.) [6]. За то въ другихъ частяхъ Германіи города начинаютъ призываться къ участію въ государственномъ управленіи столѣтіемъ позже. Такъ, въ Тиролѣ третье сословіе впервые появилось на сеймѣ только въ концѣ XIV стол. (въ 1362 г.) [7] и т. п.

Такимъ образомъ, мы показали историческое развитіе нѣмец-

---

[1]) Otto Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, I b. s. 249.

[2]) Hegel, s. 58—59.

[3]) Unger, II b. s. 86—87.

[4]) Mülverstedt, Die ältere Verfassung der Landstände in der Mark Brandenburg, s. 5.

[5]) Voigt, Darstellung der ständischen Verhältnisse Ost-Preussens (1822), s. 5.

[6]) Freiberg, I b. s. 175—176; Lerchenfeld, s. CLXXXV (Einleitung von Rockinger).

[7]) Iäger, Geschicte der landständischen Verfassung Tirols, II b. s. 119—120.

каго сословнаго представительства. Къ какому же выводу можно придти, послѣ всего сказаннаго? Намъ кажется, выводъ можетъ быть только одинъ: сословныя собранія (Landstände) непосредственно образовались изъ тѣхъ placita или провинціальныхъ собраній Франкской монархіи, которыя, въ свою очередь, были продолженіемъ народныхъ собраній древнихъ германцевъ. Процессъ образованія сословныхъ собраній изъ placita прошелъ черезъ извѣстныя стадіи, находясь на которыхъ собранія видоизмѣняли болѣе свою форму, чѣмъ сущность. Placita мало-по-малу приняли форму гофтаговъ, затѣмъ послѣдніе преобразовались въ риттертаги и, наконецъ, въ сословныя собранія. Очевидно, придерживаясь такого воззрѣнія, мы не можемъ видѣть въ феодализмѣ источника собраній земскихъ чиновъ; послѣднія существовали до него и феодализмъ не создалъ ихъ, а только измѣнилъ ихъ форму. «Столь часто злоупотребляемое опредѣленіе: феодальные земскіе чины (Feudal-Landstände), говоритъ Нейманъ, нисколько не соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. Земскіе чины совсѣмъ не обязаны своимъ существованіемъ средневѣковой феодальной системѣ. Послѣдняя имѣла вліяніе только на измѣненіе ихъ формы...» «Переходъ старыхъ placita въ настоящіе сеймы, читаемъ въ другомъ мѣстѣ у Неймана, былъ ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ формы. Такимъ образомъ, сословныя собранія представляли изъ себя измѣненную форму тѣхъ старыхъ народныхъ и судебныхъ собраній, въ которую эти послѣднія мало-по-малу перешли подъ вліяніемъ многихъ условій...» [1]) Отто Гирке придерживается того же мнѣнія. «Участіе народа въ дѣлахъ общественныхъ, говоритъ онъ, было настолько же древне, насколько древне вообще нѣмецкое публичное право, но въ то время, какъ въ періодъ патріархальной свободы оно выражалось во всеобщихъ собраніяхъ свободнаго народа, затѣмъ въ феодальную эпоху въ собраніяхъ магнатовъ (der Grossen des Landes), въ куріяхъ и въ рыцарскихъ сеймахъ, теперь, подъ вліяніемъ духа единенія (Einungswesen), оно испытало въ третій разъ измѣненіе своей сущности и своей формы» [2]).

Франція:

Верденскій договоръ 843 года санкціонировалъ раздѣленіе монархіи Карла Великаго, причемъ Франція досталась сыну Людовика Благочестиваго, Карлу Лысому. Народныя собранія, возстановленныя Карломъ Великимъ и продолжавшіяся при Людовикѣ Благочестивомъ, имѣли мѣсто и теперь. Въ царствованіе Карла Лысаго

---

[1]) Neumann, Geshichte der Landstände der M. Niederlausitz, s. 35—76 и. 117.

[2]) Gierke, Das deutsche Genossenschaftsrecht, I b. s. 536—537.

ихъ было 46 [1]). Вслѣдствіе развившагося феодализма и соотвѣтствующаго этому ослабленія королевской власти, эти собранія пріобрѣли такое значеніе, о какомъ и помышлять нельзя было при Карлѣ Великомъ, державшемъ мощною рукою въ повиновеніи всю свою огромную имперію. Въ составъ собраній входили исключительно духовные и свѣтскіе вассалы, бывшіе въ то время уже настолько могущественными, что королю поневолѣ приходилось принимать въ разсчетъ ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними [2]).

Пріемникъ Карла Лысаго, Людовикъ II Заика былъ избранъ въ народномъ собраніи или, какъ говорится въ актѣ объ его избраніи, вступилъ на престолъ «par l'effet de la miséricorde de Dieu et par *l'élection du peuple*» [3]). Конечно подъ «peuple» понимались одни только вассалы, стоявшіе теперь между королемъ и народомъ и застилавшіе перваго отъ послѣдняго. Около этого времени народныя собранія значительно измѣнили свою физіономію. Подъ вліяніемъ феодализма, они превратились въ собранія вассаловъ, являвшихся на зовъ своего сюзерена, обязаннаго, на основаніи феодальныхъ обычаевъ, совѣщаться съ ними по всѣмъ дѣламъ, касающимся ихъ. Такимъ образомъ, членами собраній могли быть только владѣльцы леновъ. Собранія не созывались уже болѣе періодически, какъ прежде, а имѣли мѣсто по мѣрѣ надобности, такъ что иногда проходило очень долгое время безъ всякихъ совѣщаній короля съ вассалами [4]). Царствованія послѣднихъ Каролинговъ совпадаютъ со временемъ наибольшаго развитія феодальной системы. Вся Франція была раздроблена на множество леновъ, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга, такъ какъ тѣ слабыя феодальныя связи, которыми они были соединены, не имѣли почти никакого значенія. Во главѣ каждаго лена находился сеньеръ, обладавшій суверенными правами. Право законодательства, администраціи, суда, право на обложеніе налогами своихъ подчиненныхъ, право чеканки монеты, право войны и мира непосредственно принадлежали ему и онъ могъ осуществлять ихъ, не обращая никакого вниманія на центральную власть, существовавшую только номинально. Дѣйствительно, королевская власть въ это время была низведена до minimum'а и король являлся ничѣмъ инымъ, какъ только «первымъ между равными», никому не внушавшимъ ни страха, ни уваженія. Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей народныя собранія сдѣ-

[1]) Boulainvilliers, Histoire de l'ancien gouvernement de la France, t. II, p. 278.

[2]) Boulainvillers, t. I, p. 279—282; Thibaudeau, t. I, p. 25—26; Bavelier, Essai historique sur le droit d'élection et sur les anciennes assemblées représentatives de la France, p. 43—44.

[3]) Bavelier, p. 45.

[4]) Bavelier, p. 45.

лались ненужными и собирались крайне рѣдко. Происходило это, конечно, вслѣдствіе отсутствія поводовъ къ ихъ созванію. Король управлялъ только въ своихъ земляхъ, государственнаго же управленія не существовало, такъ какъ каждый ленный владѣлецъ самъ управлялъ своимъ леномъ. Собиралось народное собраніе или, теперь, совѣтъ вассаловъ (magnum consilium) только въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужно было разрѣшать дѣла, относящіяся до всего государства, что бывало не часто.

При первыхъ Капетингахъ положеніе Франціи было вполнѣ аналогично съ вышеописаннымъ. Magnum consilium по прежнему собирался очень рѣдко и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ, въ 988 году Гуго Капетъ созвалъ всѣхъ французскихъ и бургундскихъ вассаловъ (tous les grands de France et de Bourgogne) и заручился ихъ согласіемъ на признаніе королемъ, послѣ своей смерти, сына своего Роберта. Тоже самое сдѣлалъ и послѣдній относительно своего сына въ 1017 году. 23 мая 1059 г. Генрихъ I также созвалъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ и настоялъ на признаніи ими королемъ сына своего Филиппа. «Мы согласны и хотимъ, чтобъ это было такимъ образомъ», воскликнули члены собранія. Послѣ этого, вплоть до начала XII ст. не видно собраній. Зато въ слѣдующіе два вѣка ихъ было довольно большое число [1]. Объясняется это постепеннымъ усиленіемъ центральной власти и ослабленіемъ феодализма. Теперь королевская власть дѣлается уже дѣйствительной властью и короли управляютъ не только своими доменами, какъ прежде, но и государствомъ. Слѣдовательно, являются поводы къ созванію собраній. Съ другой стороны, вассалы были еще настолько могущественны, что вопреки ихъ желанію, ни одно королевское распоряженіе не могло быть осуществлено, тѣмъ болѣе, что исполнительныхъ органовъ у короля не было и роль ихъ въ этомъ отношеніи играли вассалы.—Первое, послѣ долгаго перерыва, собраніе было созвано въ Орлеанѣ 3 августа 1108 г. Поводомъ къ этому послужила коронація Людовика Толстаго, что и было исполнено «съ согласія духовенства и народа» («avec l'approbation du clergé et du peuple»). Въ 1146 г. Людовикъ VII созвалъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ (les grands du royaume, laïques et ecclésiastiques) и предложилъ имъ отправиться въ крестовый походъ. Но въ виду малочисленности собранія для рѣшенія подобнаго вопроса, оно было созвано вновь въ этомъ же году въ Vezelay. Въ 1179 г. этотъ же король созвалъ въ Парижѣ большое собраніе изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и бароновъ и предложилъ ему назначить себѣ въ преемники своего сына Филиппа, что и было исполнено [2].

---

[1]) Bavelier, p. 55.

[2]) Bavelier, p. 56.

Въ царствованіе Филиппа-Августа имѣло мѣсто весьма много собраній. Наиболѣе важныя изъ нихъ были: въ 1180 г. въ Маконѣ (по дѣламъ Бургундіи), въ 1188 году (вслѣдствіе крестоваго похода; это собраніе установило налогъ подъ названіемъ dîme saladine, взимавшійся со всѣхъ, нешедшихъ въ походъ), въ 1189 г. (для установленія регенства на время отсутствія короля), въ 1203 г. (во время пререканій съ папою Иннокентіемъ III), въ 1213 г. (вслѣдствіе предстоящей войны съ Англіей), въ 1216 году (по тому же поводу) и т. д. [1]). При Людовикѣ VIII собранія продолжаютъ созываться по прежнему. Въ это царствованіе они получаютъ названіе парламентовъ. Болѣе важныя изъ нихъ произошли: въ 1223 г. (для принятія мѣръ противъ евреевъ), въ 1225 г. (на этомъ собраніи, по словамъ хрониста, «multa regni negotia sunt tractata»), въ 1226 г. (для принятія мѣръ противъ Альбигойцевъ) и др. Людовикъ VIII умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго сына. Тогда королева Бланка Кастильская созываетъ собраніе, на которомъ провозглашается регентшей до совершеннолѣтія сына. Въ царствованіе Людовика IX правительство по прежнему совѣщается съ членами высшаго духовенства и съ дворянствомъ, но, кромѣ нихъ, въ собраніяхъ появляется третій элементъ—представители городовъ, достигшихъ въ это время полнѣйшей независимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ и сдѣлавшихся средоточіемъ торговли и промышленности. Въ первый разъ третье сословіе появляется на собраніяхъ въ 1241 г., когда были призваны представители, такъ называемыхъ, «bonnes villes» [2]). Такимъ образомъ, иниціатива призванія горожанъ вовсе не принадлежитъ Филиппу Красивому, какъ это принято думать, но Людовику IX. Правда, на слѣдующихъ собраніяхъ мы снова не видимъ представителей городовъ и постоянное ихъ участіе въ государственномъ управленіи начинается только съ Филиппа Красиваго, но въ *первый* разъ они были призваны къ этому участію все-таки Людовикомъ IX. Въ 1262 г. горожане снова призываются для совѣщанія съ правительствомъ и результатомъ его является изданіе ордонанса, предписывавшаго обращеніе королевской монеты во всей Франціи, даже на сеньоріальныхъ земляхъ. Замѣчательно, что на этомъ совѣщаніи отсутствовали оба высшихъ сословія [3]). Съ 1302 года третье сословіе дѣлается постояннымъ участникомъ собраній, получающихъ отнынѣ названіе генеральныхъ штатовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что до образованія представительныхъ учрежденій во Франціи рядомъ съ королемъ постоянно

---

[1]) Boulainvilliers, t. I, p. 340—352; Thibaudeau, t. I, p. 39—43; Bavelier, p. 56.

[2]) Boulainvilliers, t. II, p. 20—21; Thibaudeau, t. I, p. 46.

[3]) Thibaudean, t. I, p. 49.

стоянно функціонировалъ совѣтъ (magnum consilium), въ составъ котораго входили духовные и свѣтскіе вассалы. Функціи этого совѣта были законодательныя, исполнительныя и судебныя. Совѣщаніе съ совѣтомъ было необходимымъ условіемъ для дѣйствительности королевскихъ мѣропріятій и распоряженій. Отношенія короля къ совѣту характеризуются слѣдующими словами Людовика IX, сказанными имъ папѣ Иннокентію IV, бѣжавшему во Францію. «Безъ совѣта съ моими вассалами (grands), сказалъ Людовикъ, не обратить вниманія на который не можетъ ни одинъ французскій король, я ничего не могу предпринять по отношенію къ вамъ...» [1]). Съ призваніемъ третьяго сословія къ участію въ засѣданіяхъ совѣта, были созданы генеральные штаты, которые не явились, такимъ образомъ, по мановенію Филиппа Красиваго, а были продуктомъ долгаго историческаго процесса.

Англія.

Переселясь въ Англію, англо-саксы сохранили черты своего древняго государственнаго устройства, выработавшагося въ Германіи. Устройство это было вполнѣ тожественно съ устройствомъ другихъ германскихъ племенъ, о существованіи котораго мы знаемъ, благодаря Тациту. Центромъ государственнаго управленія у англосаксовъ равно, какъ и у остальныхъ германцевъ было народное собраніе (folkmoot), въ составъ котораго входили всѣ свободные. Но кромѣ этого центральнаго собранія, существовали мѣстныя, бывшія органами тѣхъ территоріальныхъ подраздѣленій, изъ совокупности которыхъ состояли англосаксонскія королевства. Этими подраздѣленіями были графства и сотни. Во главѣ сотни находился особый сотенный начальникъ (hundred-gerêfa), который вмѣстѣ съ двѣнадцатью свободными людьми сотни управлялъ послѣдней. Органомъ сотни было собраніе (hundred-gemot, hundredcourt), состоявшее изъ всѣхъ свободныхъ сотни и собиравшееся разъ въ мѣсяцъ. Функціи этого собранія были судебныя и административныя. Здѣсь же избирался сотенный начальникъ и его 12-ть помощниковъ. Апелляціонной инстанціей по отношенію къ суду сотни являлось собраніе графства. Графство состояло изъ совокупности нѣсколькихъ сотенъ и органомъ его было особое собраніе (shire-gemot), состоявшее изъ всѣхъ свободныхъ, жившихъ въ предѣлахъ графства. Во главѣ послѣдняго находился ольдерменъ, избиравшійся въ собраніи всего королевства и предсѣдательствовавшій въ собраніи графства. Послѣднее собиралось два раза въ годъ. На его засѣданіяхъ присутствовали: епископъ, шерифъ, (помощникъ ольдермена), таны (члены служилаго дворянства), ривы

---

[1]) Thibaudeau, t. I; p. 47.

(представители селъ) и вообще, всѣ свободные. Функціи собранія были также судебныя и административныя [1]).

Что касается до собранія всего королевства (folkmoot), то оно въ своемъ первоначальномъ видѣ существовало недолго и въ скоромъ времени, путемъ совершенно естественнаго развитія обстоятельствъ, какъ говоритъ Кембль, превратилось въ витенагемотъ или совѣтъ мудрыхъ, утративъ, такимъ образомъ, свой демократическій характеръ. Послѣ превращенія отдѣльныхъ графствъ въ королевства, а этихъ послѣднихъ въ одно большое королевство, народныя собранія мало по малу перестаютъ посѣщаться всѣми свободными, предпочитающими лучше оставаться дома, чѣмъ пускаться въ отдаленное путешествіе, сопряженное со всевозможными опасностями и лишеніями. «Въ странѣ, говоритъ Кембль, покрытой густыми лѣсами, перерѣзанной глубокими рѣками и труднопереходимыми болотами и вдобавокъ находящейся въ совершенно примитивномъ состояніи по отношенію къ путямъ сообщенія, въ такой странѣ даже посѣщеніе собраній графства было нелегко для крестьянина». Тѣмъ болѣе было тяжело для него посѣщать центральныя собранія, когда вдобавокъ ему приходилось надолго покидать свой домъ и терпѣть отъ этого убытки. Другое дѣло богатый и могущественный танъ, для котораго вышеназванныхъ препятствій не существовало, а былъ прямой разсчетъ являться на собранія и отстаивать здѣсь свои интересы [2]). Такимъ образомъ, собраніе всѣхъ свободныхъ мало по малу превратилось въ собраніе высшихъ классовъ общества, хотя формально низшіе никогда не были исключены изъ него и иногда присутствовали на засѣданіяхъ, что и дало поводъ Фриману утверждать будто витенагемотъ былъ чѣмъ-то въ родѣ фолькмота [3]).

Въ составъ витенагемота входили во 1-хъ, король со своей семьей и во 2-хъ, архіепископы, епископы, аббаты, иногда діаконы, ольдермены графствъ, шерифы и другіе королевскіе таны (члены

[1]) Hallam, L'Europe au moyen-âge (trad. par Dudouit et Borghers) t. II (Histoire de la constitution d'Angleterre) p. 18—21; Stubbs, The constitutional history of England, vol. I, p. 96—118 and Select charters (fourth edition), p. 9—10 (русскій переводъ введенія къ этому труду см. въ Опытахъ по исторіи англійской конституціи Фримана и Стебса, пер. М. Ковалевскаго, стр. 159—160); Gneist Englische Verfassungsgeschichte, s. 6 und 32—40; Glasson, Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre, II, p. 57—65.

[2]) Kemble, Die Sachsen in England (übers. von Brandes) II b. s. 162—165.

[3]) Фриманъ и Стебсъ, Опыты по исторіи англійской конституціи, стр. 256. „Я не согласенъ со Стебсомъ, говоритъ Фриманъ, по вопросу объ устройствѣ витенагемота. Я считаю витенагемотъ собраніемъ всего королевства, сходнымъ по устройству съ мѣстными собраніями того или другаго графства. Стебсъ допускаетъ вполнѣ народный характеръ мелкихъ собраній, но совершенно отвергаетъ подобный характеръ въ національномъ собраніи“.

служилаго дворянства въ отличіе отъ прежняго родоваго дворянства eorl; таны засѣдали въ витенагемотѣ на правахъ поземельныхъ собственниковъ, въ качествѣ вассаловъ короля). Въ латинскихъ источникахъ эти разряды лицъ называются: majores natu, sapientes, senatores, primates, optimates, magnates и т. п. [1]). Число членовъ витенагемота приблизительно было однимъ и тѣмъ же и колебалось между цифрами 90 и 100 [2]). Что касается до мѣста и времени засѣданій, то на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго, какъ то, такъ и другое вполнѣ зависѣли отъ короля. Большею частью витенагемотъ собирался осенью [3]); относительно дѣлопроизводства въ немъ намъ почти ничего неизвѣстно. Беда описываетъ засѣданіе витенагемота въ 627 г. (въ Нортумберлендѣ), рѣшавшаго вопросъ о принятіи христіанства. Изъ этого описанія видно, что король спрашивалъ мнѣніе каждаго члена собранія и затѣмъ высказывалъ свое. Eddius также говоритъ (при описаніи собранія, осудившаго Вильфрида), что каждый членъ витенагемота высказываетъ въ отдѣльности свое мнѣніе, причемъ епископы говорятъ первые. Засѣданіе заканчивается тѣмъ, что король провозглашаетъ рѣшеніе («haec est voluntas regis et principum ejus») [4]).

Въ составъ компетенціи витенагемота входили законодательныя, судебныя и административныя дѣла. Изданіе новаго закона, измѣненіе или отмѣна стараго не могли иначе состояться, какъ съ согласія витановъ. Всѣ законы англо-саксонскаго періода начинаются стереотипной фразой: «по совѣту съ витанами» или «съ согласія витановъ». Есть даже такіе, которые совсѣмъ не упоминаютъ имени короля, а начинаются прямо словами: «это есть распоряженіе витановъ» [5]). Все это показываетъ, какимъ значеніемъ въ области законодательства пользовался «совѣтъ мудрыхъ», но и въ другихъ сферахъ государственнаго управленія значеніе его было неменьшее. Витенагемотъ избиралъ королей, низлагалъ ихъ, рѣшалъ церковныя дѣла, заключалъ миръ, объявлялъ войну, вступалъ въ сношеніе съ иностранными государствами, вотировалъ налоги, избиралъ ольдер-

[1]) Phillips, Versuch einer Darstellung der Geschichte des Angelsächsischen Rechts, s. 70; Kemble, II b. s. 166—169; Hallam, t. II, p. 16; Stubbs, vol. I, p. 121; Büdinger, Vorlesungen über englische Verfassungsgeschichte, s. 324.

[2]) Kemble, II b. s. 170; Gneist, s. 83; Stubbs, vol I, p. 125; Büdinger, s. 325. Кембль и Стебсъ приводятъ подробный составъ витенагемота, имѣвшаго мѣсто въ Винчестерѣ въ 934 г. Здѣсь присутствовали: король, 4 валлійскихъ князя, два архіепископа, 17 епископовъ, 4 аббата, 12 герцоговъ и 52 вассала, всего 92 человѣка. „Наибольшее число подписей участниковъ витенагемота, до сихъ поръ найденыхъ мною, говоритъ Кембль, не превышало 106“.

[3]) Stubbs, v, I, p. 124.

[4]) Stubbs, v. I, 126; Kemble, II b. s. 199.

[5]) Kemble, II, b. s. 181.

меновъ и епископовъ, превращалъ folkland (ager publicus) въ bókland (ager privatus) и былъ высшимъ судомъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Власть короля, можно сказать, была вполнѣ ограничена [1]).

Послѣ норманскаго завоеванія, мѣсто витенагемота занялъ совѣтъ вассаловъ (magnum consilium), хотя значеніе его далеко уступало значенію англо-саксонскаго «совѣта мудрыхъ». И странное дѣло! Норманскій герцогъ, превратившійся въ англійскаго короля, вышелъ изъ страны, гдѣ власть его была крайне ограничена [2]), въ новой же своей родинѣ онъ также встрѣтилъ учрежденіе, безъ согласія котораго не могъ ступить ни шагу, а въ результатѣ онъ всетаки же сдѣлался почти абсолютнымъ государемъ и совѣтъ его вассаловъ былъ не болѣе не менѣе, какъ тѣнью англо-саксонскаго витенагемота. Подобный фактъ объясняется главнымъ образомъ двумя причинами: во 1) положеніемъ, въ которомъ находились побѣдители норманы въ Англіи и во 2) реформами Вильгельма Завоевателя. Окруженные со всѣхъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ, постоянно стремившемся низвергнуть иноземное иго, норманы должны были держаться другъ друга и жить вооруженнымъ лагеремъ. Отсюда понятенъ союзъ короля со своими вассалами и отсутствіе антагонизма между ними, что̀ непосредственно вело къ усиленію королевской власти. Реформы Вильгельма, имѣвшія цѣлью предупредить развитіе феодализма, на манеръ континентальнаго, съ неудобными сторонами котораго былъ хорошо знакомъ норманскій герцогъ, еще болѣе способствовали развитію его власти. Такимъ образомъ, понятно, почему при короляхъ норманской династіи magnum consilium имѣлъ такое слабое значеніе, какимъ не отличался ни англо-саксонскій витенагемотъ, ни норманскій совѣтъ вассаловъ. По теоріи въ составъ большаго совѣта, по всей вѣроятности, входили всѣ вассалы короля, какъ крупные такъ и мелкіе, хотя на практикѣ это почти никогда не осуществлялось. Стебсъ полагаетъ, что собраніе всѣхъ tenants-in chief (ленныхъ владѣльцевъ) имѣло мѣсто всего

[1]) Kemble, II b. s. 174—198; Stubbs, v. I, p. 129—140; Büdinger s. 327—329; Gneist, s. 82—83.

[2]) Какой властью обладалъ норманскій magnum consilium можно видѣть изъ такъ называемой Норманской хроники. Въ ней описывается засѣданіе совѣта вассаловъ, созваннаго Вильгельмомъ передъ походомъ на Англію. Засѣданія совѣта были крайне бурны, такъ какъ вассалы герцога на отрѣзъ отказались помогать ему въ задуманномъ имъ предпріятіи. И только послѣ того, какъ Вильгельмъ въ отдѣльности переговорилъ съ каждымъ, обѣщая каждому смотрѣть на его помощь, не какъ на актъ обязанности, но какъ на актъ любезности и доброй воли, совѣтъ согласился помочь герцогу въ дѣлѣ завоеванія Англіи. (Хроника приложена къ сочиненію Унгера, Geschichte der deutschen Landstände, I b. s. 308).

только два раза—это въ Салисбери въ 1086 и 1116 гг., когда были созваны «archiepiscopi, episcopi, abbates, comites, barones, vicecomites, cum suis militibus» [1]). Обыкновенно же совѣтъ состоялъ изъ болѣе ограниченнаго числа членовъ, къ которымъ относились архіепископы, епископы, аббаты, графы, бароны и рыцари. Стеббсъ утверждаетъ, что сохранились извѣстія, изъ которыхъ видно, что иногда и горожане призывались на совѣщанія; такъ извѣстно, что выдающіеся люди Лондона и Іорка участвовали на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ совѣта [2]). Въ первое время, послѣ завоеванія, совѣтъ созывался три раза въ годъ: на Пасхѣ (въ Винчестерѣ), въ Троицу (въ Вестминстерѣ) и на Рождествѣ (въ Глостерѣ), какъ гласитъ саксонская хроника. «И въ это время, читаемъ въ ней, бывали съ нимъ (съ королемъ) всѣ магнаты Англіи: архіепископы и епископы, аббаты и графы, таны и рыцари» [3]). Впослѣдствіи подобная періодичность перестала существовать и король созывалъ совѣтъ по мѣрѣ надобности. Что касается до мѣста собранія, то избраніе его вполнѣ зависѣло отъ короля. Изъ источниковъ извѣстно, что собранія происходили въ лѣсныхъ дворцахъ Вильтшайрѣ и Беркшайрѣ, а также въ Виндзорѣ, Рокингамѣ, Вудстокѣ, Оксфордѣ, Нортгамптонѣ и въ другихъ дворцахъ и городахъ [4]).

Совѣтъ, какъ и прежній витенагемотъ, участвовалъ въ управленіи государствомъ и функціи его были тѣ же самыя. Законы издавались cum «consensu et consilio» вассаловъ. Вопросы налоговаго обложенія, судъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, избраніе короля и епископовъ, церковныя дѣла, внѣшнія сношенія и т. п. все это входило въ составъ его компетенціи и разрѣшалось имъ совмѣстно съ королемъ [5]).

Совѣтъ вассаловъ имѣлъ нѣсколько названій. Они были слѣдующія: curia regis, curia de more, consilium magnum или commune consilium, colloquium и т. п. [6]). Слово «parlamentum» впервые встрѣчается въ одномъ сочиненіи 1175 г. [7]). Въ оффиціальномъ же актѣ оно упоминается въ 1244 г., когда, по странной случайности, Генрихъ III назвалъ этимъ именемъ собраніе бароновъ въ Руннимедѣ, исторгнувшее отъ Іоанна Безземельнаго краеугольный камень англійской свободы—Великую хартію вольностей [8]). Затѣмъ, съ

---

[1]) Stubbs, v. I, p. 358.

[2]) Stubbs, v. I, p. 368.

[3]) Stubbs, v. I, p. 370; Gneist, s. 201; Glasson. f. II, p. 156.

[4]) Stubbs, v. I, p. 370.

[5]) Guizot, Histoire des origines du gouvernement représentatif, t. II, p. 60; Stubbs, v. I, p. 371—374; Glasson, t. II p. 157.

[6]) Guizot, t. II, p. 56.

[7]) Büdinger, s. 194.

[8]) Gneist, s. 262; Glasson, t. III p. 126; Büdinger s. 194.

1246 г. слово «парламентъ» начинаетъ встрѣчаться уже довольно часто [1]).

Выше мы сказали, что magnum conislium по теоріи считался собраніемъ всѣхъ королевскихъ вассаловъ. Великая хартія впервые выразила этотъ принципъ въ законѣ. Параграфы 12, 13 и 14 хартіи гласятъ слѣдующее: «никакое вспомоществованіе деньгами (nullum scutagium vel auxilium), за исключеніемъ трехъ случаевъ (выкупа короля изъ плѣна, посвященія въ рыцари его старшаго сына и выдачи замужъ его старшей дочери), не можетъ быть взимаемо съ вассаловъ безъ согласія общаго совѣта королевства (nisi per commune consilium regni). Для этого король долженъ приглашать поименно архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и великихъ бароновъ, остальныхъ же непосредственныхъ вассаловъ (omnes illos,, qui de nobis tenent in capite) созывать общимъ предписаніемъ, адресованнымъ на имя шерифовъ и бальи (per vicecomites et ballivos nostros). Приглашеніе должно имѣть мѣсто по крайней мѣрѣ за сорокъ дней до срока созванія, причемъ, въ немъ должно быть назначено мѣсто засѣданія и объявленъ предметъ обсужденія [2])». Но это постановленіе никогда не было приведено въ исполненіе и, при подтвержденіяхъ хартіи Генрихомъ III, было даже совсѣмъ опущено. Нечего и говорить, сколько трудностей представляло собрать всѣхъ вассаловъ короля, да едва-ли это было и фактически возможно. Между тѣмъ, король нуждался въ поддержкѣ вассаловъ и не только однихъ высшихъ, засѣдавшихъ въ Большемъ совѣтѣ, но и вообще всѣхъ tenents in capite. Достигнуть этого было возможно только путемъ представительства. Послѣднее было извѣстно изъ практики низшихъ судовъ, судовъ сотенъ и графствъ. Представителями каждаго селенія были въ этихъ собраніяхъ управитель и, кромѣ него, еще четыре человѣка. Такимъ образомъ, когда въ 1213 году впервые были призваны представители графствъ, то (говоритъ Стебсъ) «прибѣгли къ способу, бывшему въ употребленіи еще ранѣе того въ судебныхъ дѣлахъ» [3]). Фриманъ также предполагаетъ, что мысль созывать небольшое число людей, призванныхъ дѣйствовать за всѣхъ была заимствована изъ судовъ, въ которыхъ при судебномъ разбирательствѣ, при разслѣдованіи, равно какъ и при собраніи свѣдѣній въ коммиссіяхъ разнаго рода, было въ обычаѣ, чтобъ извѣстное число людей приносило присягу за цѣлое графство или за сотню» [4]).

Въ первый разъ представители графствъ были созваны въ 1213 г.

---

[1]) Gneist, s. 263.

[2]) Guizot, t. II, p. 95; Glasson, t. III, p. 56; Büdinger s. 197.

[3]) Stubbs, Select charters, p. 36 (русскій переводъ въ „Опытахъ", стр. 208).

[4]) Фриманъ, Очеркъ развитія англійской конституціи (Опыты, стр. 74).

Іоанномъ, когда послѣдній, враждуя съ великими вассалами, желалъ опереться на низшее дворянство и противоставить его высшему. Въ этомъ году король разослалъ шерифамъ призывныя письма (writs), въ которыхъ требовалъ, чтобъ отъ каждаго графства были присланы къ нему «четыре мудрыхъ рыцаря для совѣщанія съ нимъ о дѣлахъ государства» (quatuor discretos milites de comitatu.... ad loquendum nobiscum de negotiis regni nostri) [1]. Состоялось ли это собраніе или нѣтъ—неизвѣстно. Въ 1225 г. были снова разосланы призывныя письма, въ которыхъ повелѣвалось собраніямъ графствъ избрать четырехъ рыцарей (milites et probi homines), а этимъ послѣднимъ явиться въ совѣтъ вассаловъ (засѣдавшій въ Линкольнѣ) для принесенія жалобъ на шерифовъ [2]. Въ 1254 г. Генрихъ III созвалъ парламентъ, въ которомъ присутствовали рыцари графствъ (по два отъ графства) и вотировали экстраординарное денежное пособіе, испрошенное королемъ [3]. Въ 1261 г. обѣ враждующія стороны—сначала бароны, а затѣмъ и Генрихъ III—обращались къ созванію рыцарей, въ числѣ трехъ отъ каждаго графства. Симонъ де-Монфоръ созвалъ ихъ по четыре въ 1264 г. и по два въ знаменитое собраніе 1265 г. На большомъ собраніи 1273 г., которое присягнуло въ вѣрности Эдуарду I, представителями отъ каждаго графства были четыре рыцаря. Призваніе рыцарей продолжается и послѣ, но до 1295 года нельзя утверждать, что на нихъ смотрѣли, какъ на необходимую составную часть парламента. Только съ этого времени начинаются правильные и постоянные ихъ призывы [4].

Выше мы видѣли, что иногда на засѣданіяхъ Большаго совѣта присутствовали и горожане, но, по справедливому замѣчанію Стебса, послѣдніе не носили характера представителей и первый примѣръ примѣненія началъ всесословнаго представительства встрѣчается въ 1213 году. Въ это время Іоаннъ созвалъ представителей отъ всѣхъ королевскихъ доменовъ, для того, чтобъ установить размѣръ вознагражденія ограбленнымъ епископамъ. Въ призывномъ письмѣ, обращенномъ къ епископамъ приказывалось имъ прислать въ С. Альбанъ по четыре человѣка вмѣстѣ съ управителемъ отъ каждой городской общины, входившей въ составъ королевскихъ доменовъ. Но съ 1213 года и вплоть до парламента Симона де Монфоръ 1265 не встрѣчается никакихъ слѣдовъ городскаго представительства. Зато въ 1265 г., кромѣ рыцарей графствъ, были призваны

---

[1]) Hallam, t. II, p. 149; Guizot, t. II, p. 161; Stubbs, Sel. ch. p. 40 (русск. пер. стр. 214).

[2]) Guizot, t. II, p. 162; Gneist, s. 271.

[3]) Hallam, t. II p. 151, Guizot, t. II, p. 163; Gneist, s. 271.

[4]) Stubbs, Sel. ch. p. 40 (русск. пер. стр. 215). См. также Hallam, t. II, p. 151—152; Guizot, t. II, p. 173—177; Gneist s. 272.

также и представители городовъ. Іоркъ, Линкольнъ и «остальные города» послали по два представителя, а пять портовыхъ городовъ (напр. Дувръ, Гастингсъ, Ромней и др.) по четыре. Сколько послалъ Лондонъ неизвѣстно [1]).

Послѣ 1265 г. горожане, хотя и призываются (напр. въ 1273, 1283 гг.), но далеко не всегда и только съ 1295 г. они дѣлаются составною частью парламента, безъ которой послѣдній уже не можетъ существовать [2]).

Испанія.

О первоначальномъ общественномъ строѣ готовъ (отрасль которыхъ—именно вестготы—основала въ Испаніи свое государство) намъ почти ничего неизвѣстно. Мы знаемъ только, что готы имѣли королей, но что и народное собраніе пользовалось у нихъ большимъ значеніемъ [3]).

Съ переселеніемъ въ Испанію и съ принятіемъ католицизма (готы были аріане), политическій строй готовъ принялъ теократическую окраску и духовенство пріобрѣло такое вліяніе на государственныя дѣла, какого не имѣло ни въ одномъ изъ государствъ, основанныхъ германцами. Мѣсто народнаго собранія заняли духовные соборы, обыкновенно собиравшіеся въ Толедо и состоявшіе въ первое время своего существованія, исключительно изъ служителей церкви: епископовъ, священниковъ и діаконовъ. Иниціатива созванія соборовъ принадлежала королю, созывавшему ихъ безъ всякой періодичности. Соборы имѣли мѣсто далеко не часто и иной разъ черезъ огромные промежутки времени, такъ между 3-мъ и 4-мъ соборомъ прошло 44 года, между 10-мъ и 11-мъ—18 лѣтъ и т. п. До насъ дошелъ порядокъ засѣданія на соборахъ, который, по справедливому замѣчанію Браухича, отлично иллюстрируетъ характеръ этихъ собраній. «Съ наступленіемъ дня, читаемъ въ 4-мъ канонѣ соборнаго постановленія, регулировавшаго вышеназванный порядокъ, изъ церкви, предназначенной для засѣданія, должны быть удалены

---

[1]) Item mandatum est singulis Vicecomitibus per Angliam, гласитъ призывное письмо, quod venire faciant Duos Milites de legarioribus, et discretioribus Militibus Singulorum Comitatuum, ad regem London in Octabis praedictis in forma supradicta. Item in forma praedicta scribitur civibus Lincoln, et caeteris Burgis Angliae, quod mittant in forma praedicta Duos et discretioribus tam Civibus, quam Burgensibus suis. Item mandatum est Baronibus de probis Hominibus Quinque Portuum quod mittant Quatuor de legalioribus et discretioribus etc... (Gneist, s. 272).

[2]) Stubbs, Sel. ch. p. 43 (русск. пер. стр. 219). См. также Hallam, t. II, p. 173; Guizot, t. II, p. 178; Gneist, s. 272; Büdinger, s. 205.

[3]) Voss, Republik und Königthum im alten Germanien, s. 52.

всѣ посторонніе, а затѣмъ закрыты всѣ двери, кромѣ одной. Черезъ эту послѣднюю сперва входятъ епископы и занимаютъ свои мѣста у алтаря, затѣмъ священники, а затѣмъ діаконы. Какъ тѣ, такъ и другіе садятся, строго соблюдая іерархическій порядокъ, а именно—за епископами садятся священники, а за священниками діаконы. Послѣдними входятъ люди недуховнаго званія, назначенные исполнять секретарскія обязанности на соборѣ. Послѣ этого, двери закрываются и, по прошествіи недолгаго молчанія, засѣданіе открывается слѣдующимъ образомъ: архидіаконъ провозглашаетъ «помолимся» и въ это время всѣ опускаются на колѣни. Затѣмъ одинъ изъ епископовъ встаетъ и читаетъ молитву. По ея окончаніи, архидіаконъ провозглашаетъ: «встанемъ» и всѣ члены соборы встаютъ и занимаютъ свои мѣста. Когда всѣ сядутъ, одинъ изъ діаконовъ читаетъ постановленія касательно порядка засѣданій соборовъ, послѣ чего митрополитъ обращается къ собранію со слѣдующей рѣчью: «Вы слышали, св. отцы, постановленія о порядкѣ засѣданій соборовъ, поэтому, если кто изъ васъ желаетъ сдѣлать какое либо сообщеніе, пусть сдѣлаетъ, и мы не займемся другими дѣлами прежде, чѣмъ не покончимъ съ нимъ». Послѣ этого, соборъ приступаетъ къ своимъ занятіямъ, причемъ до ихъ окончанія ни одинъ изъ членовъ не можетъ покинуть засѣданія. Если послѣднія проходятъ тихо и безъ всякаго шума, то это прямое доказательство, что Господь невидимо присутствуетъ на соборѣ».

Что касается до функцій собора, то онѣ далеко не заключались въ управленіи одними церковными дѣлами, но, согласно съ постановленіемъ третьяго толедскаго собора, обнимали собой и всю сферу государственнаго управленія. Постановленія соборовъ санкціонировались королемъ. Но мало по малу соборъ сталъ видоизмѣняться въ своемъ составѣ. Въ виду того, что на его засѣданіяхъ началъ присутствовать король, а вмѣстѣ съ нимъ и его свита, въ составъ которой входили многіе выдающіеся члены высшаго класса общества (гранды), а также вслѣдствіе того, что на соборѣ трактовались не только однѣ церковныя дѣла, но и свѣтскія, естественно, что гранды изъ свидѣтелей того, что происходило на засѣданіяхъ постепенно превратились въ участниковъ ихъ. До 8-го собора (въ 653 г.) не встрѣчаются подписи свѣтскихъ лицъ подъ соборными постановленіями, но подъ постановленіемъ этого собора ихъ имѣется уже 16 (въ то время, какъ подписей духовныхъ лицъ—74). Подъ постановленіемъ же 13-го собора подписи свѣтскихъ лицъ возросли уже до цифры 24 (подписей же духовныхъ лицъ—83) и т. п. Но въ виду того, что посѣщеніе засѣданій со стороны духовныхъ лицъ было обязательно, между тѣмъ, какъ свѣтскія приглашались королемъ по его выбору, первыя всегда преобладали надъ послѣдними и соборы, не смотря на то, что всѣ функціи государственнаго управленія и даже такая важная, какъ избраніе государя

(вестготская монархія была избирательной) сосредоточивались въ ихъ рукахъ, болѣе походили на синоды, чѣмъ на сеймы. Тоже самое видно и изъ подписей, среди которыхъ подписи духовныхъ лицъ превышаютъ въ значительномъ количествѣ подписи свѣтскихъ, помѣщающіяся обыкновенно за духовными [1]).

Завоеваніе Испаніи арабами не уничтожило вестготскихъ учрежденій, возстановленныхъ во вновь возродившихся государствахъ: Астуріи, Леонѣ, Кастиліи, Арагоніи и др. [2]), Но постоянная борьба съ маврами способствовала развитію сильнаго дворянства и появленію феодальной системы (въ особенности въ Арагоніи), зачатки которой, впрочемъ, уже существовали въ Вестготскомъ государствѣ [3]), что и было причиной значительнаго измѣненія прежняго политическаго строя вестготовъ. Соборы продолжали свое существованіе во всѣхъ испанскихъ государствахъ, но уже со значительно измѣненнымъ составомъ. Правда, члены высшаго духовенства по прежнему засѣдали на нихъ, но уже теперь не вслѣдствіе своей принадлежности къ высшему сословію въ государствѣ, а какъ королевскіе вассалы. Что касается до свѣтскихъ вассаловъ, (герцоговъ, графовъ, бароновъ и т. п.), то они являлись уже *всѣ* и въ количественномъ отношеніи значительно превышали духовныхъ [4]). Такъ, полтораста лѣтъ послѣ завоеванія, кастильскій король Альфонсъ II созвалъ первый соборъ въ Oviedo, на которомъ присутствовали 12 епископовъ, всѣ гранды и 14 графовъ [5]); на другихъ соборахъ число свѣтскихъ лицъ также всегда превышало число духовныхъ. Соборы пользовались весьма важнымъ значеніемъ и всѣ законы издавались не иначе, какъ съ ихъ согласія. Фразы въ родѣ: «по совѣщанію и съ согласія графовъ и магнатовъ» («cum consilio majorum curiae nostrae» или «de consilio principum et magnatum») и т. п. сдѣлались необходимыми аттрибутами каждаго законодательнаго акта или распоряженія, издавшагося королемъ [6]).

Съ увеличеніемъ могущества городовъ, чему не мало способствовала ихъ военная организація, принесшая столько пользы въ борьбѣ съ маврами [7]), представители ихъ также стали призываться

---

[1]) Brauchitsch, Geschichte des spanischen Rechts, s. 14—18; Lembke, Geschichte von Spanien, I b. s. 197—203; Guizot, Histoire des origines du gouvernement représentatif, t. I, p. 372—379.

[2]) См. Schäfer, Geschichte von Spanien, II b. s. 114 u. and., у котораго приведено много доказательствъ въ пользу этого мнѣнія.

[3]) Lembke, I b. s. 187 — 189; Schafer, III b. s. 145 — 178; Brauchitsch s. 52—55.

[4]) Brauchitsch, s. 60.

[5]) Brauchitsch, s. 50.

[6]) Schäfer, II b. s. 519.

[7]) Hallam, L'Europe au moyen-âge, t. I, p. 413. О военной организаціи городовъ см. Schäfer, II b. s. 464—467.

на соборы, называвшіеся теперь уже кортесами. Въ Кастиліи въ первый разъ представители городовъ появляются на кортесахъ въ 1169 [1]). Но постоянное ихъ присутствіе на собраніяхъ начинается только съ 1188 г. [2]). Въ Арагоніи горожане появились еще раньше, а именно, въ 1131 г. [3]). Въ 1163 же году одна Сарагосса уже послала 15 депутатовъ [4]).

Такимъ образомъ, создались испанскія представительныя учрежденія, достигшія въ XIV ст. такого могущества, какимъ, по словамъ Галлама, никогда не обладалъ англійскій парламентъ [5]).

Швеція.

Шведскія собранія подъ вліяніемъ причинъ, уже не разъ нами разсмотрѣнныхъ, также превратились въ собранія высшихъ классовъ общества (Herrentage, Samtal). Этому способствовало главнымъ образомъ образованіе дворянства и выдѣленіе его изъ остальнаго общества [6]). Дворянство въ Швеціи пріобрѣло огромное вліяніе, ослабило королевскую власть, значительно ограничивъ ее и превратило Швецію въ избирательную монархію. Дворяне считались прирожденными совѣтниками короля и, сообразно съ этимъ, входили въ составъ сеймовъ. Кромѣ нихъ, участниками послѣднихъ были еще епископы и др. члены высшаго духовенства, а также лагманы (начальники областей), назначавшіеся королемъ изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ, какъ высшими, такъ и низшими сословіями области. Сеймы пользовались большимъ значеніемъ и въ составъ ихъ компетенціи входили законодательныя, административныя и судебныя дѣла. Закономъ могло считаться только такое постановленіе, которое было издано съ согласія сейма. «Что постановитъ король вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ и сеймомъ, то долженъ всякій

[1]) Hallam, t. I, p. 413.

[2]) Hallam, t. I, p. 413; Brauchitsch, s. 62.

[3]) Brauchitsch, s. 63.

[4]) Brauchitsch, s. 64; Schäfer, III b. s. 208.

[5]) Hallam, t. I, p. 435.

[6]) Шведское дворянство было обязано своимъ возникновеніемъ дѣйствію двухъ процессовъ. Первый способствовалъ образованію, такъ называемаго, класса ярловъ, въ составъ котораго вошли всѣ крупные поземельные собственники и потомки многочисленныхъ мелкихъ королей (Unterkönige), уничтожившихся съ развитіемъ власти упсальскаго короля. Второй былъ результатомъ реформы короля Магнуса, произведенной имъ въ XIII ст. касательно отправленія военной службы. По этой реформѣ всякій землевладѣлецъ, являвшійся въ качествѣ рыцаря на войну, освобождался отъ всякихъ денежныхъ повинностей и считался свободнымъ отъ нихъ (Fräsle). Съ теченіемъ времени Fräsle совершенно обособились отъ Ofrälse, къ которымъ стали причисляться низшіе классы общества. Изъ соединенія же ярловъ Fräsle получилось высшее сословіе или дворянство.

уважать и считать за шведскій законъ» гласитъ постановленіе Скеммингскаго сейма 1283 г. [1]) Въ особенности же увеличилась власть сейма, послѣ изданія знаменитаго закона «Königsbalken» (въ 1347 г.) —этой Великой хартіи шведскаго народа, по выраженію Норденфлихта. Königsbalken содержитъ въ себѣ огромное количество статей, ограничивающихъ королевскую власть и вновь подтверждаетъ, что безъ согласія народа не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ. Одной изъ самыхъ важныхъ статей была та, въ которой былъ провозглашенъ принципъ, что безъ согласія плательщиковъ не можетъ быть взимаемъ ни одинъ налогъ [2]). Такое согласіе давала каждая область, такъ что королевскимъ эмиссарамъ приходилось объѣзжать всю страну и совѣщаться съ представителями областей и городовъ, избиравшимися на этотъ случай. Подобный способъ переговоровъ касательно обложенія налогами долго практиковался въ Швеціи и даже имѣлъ мѣсто впослѣдствіи, при существованіи уже представительныхъ собраній. Законъ Königsbalken не создалъ его, но подтвердилъ то, что практиковалось и до него и что выработала сама жизнь. Такимъ образомъ, мы видимъ, что сеймы, хотя и пользовались огромнымъ значеніемъ въ области государственнаго управленія, но не имѣли права облагать налогами нисшіе классы населенія, обладавшіе, благодаря отсутствію феодализма въ Швеціи, такой свободой, какой не знали нисшіе классы въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Созывались сеймы королемъ по мѣрѣ надобности и въ разныхъ мѣстахъ государства. Являться на сеймъ могли только лица, получившія приглашенія отъ короля. Это правило было установлено Скеммингскимъ сеймомъ 1283 г., причемъ прибавлено, что каждый членъ сейма обязанъ самъ себя продовольствовать, «чтобъ не обременять лишней повинностью народъ [3])».

Въ 1319 г. составъ сейма расширился кругомъ лицъ, не принимавшихъ дотолѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Въ этомъ году были призваны впервые на сеймъ для избранія новаго государя представители городовъ и крестьянъ [4]). Но долго еще, послѣ того, прежній сеймъ (изъ членовъ однихъ высшихъ классовъ) былъ нормальнымъ учрежденіемъ по управленію государствомъ и, хотя до насъ дошло много призывныхъ грамотъ отъ XIV и XV ст., въ которыхъ приглашались на сеймъ представители всѣхъ сословій («episcopi, praelati, milites, nobiles, liberti ac rusticorum et civitatum nuntii speciales»), но подобные всесословные сеймы созывались

---

[1]) Nordenflicht, Die schwedische Staatsferfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung, s. 37.

[2]) Nordenflicht, s. 42—43.

[3]) Nordenflicht, s. 37.

[4]) Geijer, Geschichte Schwedens, I b. s. 180 u. 279.

только въ исключительныхъ случаяхъ, когда поддержка однихъ высшихъ классовъ считалась королемъ недостаточной [1]). Въ 1470 г. были впервые призваны представители низшаго духовенства, до сихъ поръ отсутствовавшаго на сеймахъ; такимъ образомъ, со второй половины XV ст. шведскій сеймъ уже дѣлается вѣрнымъ отразителемъ мнѣній всѣхъ общественныхъ классовъ [2]). Въ XVI ст. сеймы изъ членовъ однихъ высшихъ классовъ прекращаютъ свое существованіе и ихъ мѣсто занимается сеймомъ изъ представителей всѣхъ сословій.

Венгрія.

О первоначальномъ политическомъ устройствѣ древнихъ венгровъ до насъ дошли крайне сбивчивыя и противорѣчивыя извѣстія. На основаніи однихъ, можно заключить, что венгры управлялись старѣйшинами (герцогами), обладавшими деспотическою властію; напротивъ, на основаніи другихъ, видно, что, хотя герцоги и стояли во главѣ каждаго племени, но, что власть ихъ значительно ограничивалась народнымъ собраніемъ. Становясь на точку зрѣнія аналогіи съ другими народами, намъ кажется, что вторыя извѣстія болѣе правдоподобны, хотя Крайнеръ, изслѣдователь древняго государственнаго строя венгровъ болѣе склоняется на сторону первыхъ [3]). Съ принятіемъ христьянства при Стефанѣ Св. политическій строй венгровъ значительно измѣнился. Главной причиной этому были реформы Стефана, перестроившаго свое государство на существовавшій въ то время западно-европейскій образецъ. Во главѣ всего королевства стоялъ король и, хотя власть его была довольно значительна, но онъ не иначе управлялъ государствомъ, какъ съ совѣта и съ согласія членовъ высшаго духовенства и дворянства (consilio et consensu omnium primatum regni), входившихъ въ составъ совѣта короля. Этотъ послѣдній носилъ различныя названія, напр. senatus, regale consilium, primatum conventus, commune consilium, synodus и т. п. [4]) и созывался по иниціативѣ короля по мѣрѣ надобности и въ разныхъ мѣстахъ. Въ составъ совѣта входили архіепископы, епископы, аббаты и члены высшаго дворянства (proceres, magnates, optimates, barones), являвшихся лично и по призыву короля. Лица, не приглашенныя королемъ не

---

[1]) Nordenflicht, s. 103.

[2]) Geijer, I b. s. 279.

[3]) Krajner, Die ursprüngliche Staatsverfassung Ungarns seit der Gründung des Königthums bis zum Iahre 1382, s. 68.

[4]) Viroszil, Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn von Standpunkte der Geschichte, II b. s. 197; Szalai, Geschichte Ungarns (übers. von Wögerer), I b. s. 114; Krajner, s. 480 u. and.

имѣли права являться. Въ составъ компетенціи совѣта входили законодательныя, (такъ напр. извѣстные законы Стефана Св. были введены съ согласія сената) судебныя и административныя дѣла. Венгерскій commune consilium такъ же, какъ и англійскій не ограничивалъ власти короля, но былъ учрежденіемъ, безъ котораго король рѣдко предпринималъ какой бы то ни было шагъ въ области государственнаго управленія, поэтому всѣ законы и распоряженія издавались съ «согласія» или по «совѣщанію» съ выдающимися членами духовенства и дворянства [1]).

Кромѣ совѣта, существовало еще особое собраніе, функціи котораго были вполнѣ тожественны съ первымъ.—Это судебное собраніе (Gerichstag), созывавшееся со времени Стефана Св. ежегодно на полѣ у города Штульвейсенбурга и перенесенное въ Пештъ при Андреѣ III. Послѣ изданія знаменитой Золотой Буллы 1222 г., король былъ *обязанъ* ежегодно созывать это собраніе [2]), въ составъ котораго входили члены высшаго духовенства [3]) и *все* дворянство, какъ высшее (призывавшееся въ совѣтъ), такъ и низшее. И то и другое присутствовало лично, а не черезъ представителей.

Собраніе происходило подъ открытымъ небомъ, такъ какъ было настолько многочисленно, что не могло помѣститься ни въ какомъ зданіи. Предсѣдательствовалъ на немъ король, а за его отсутствіемъ кто либо изъ высшихъ должностныхъ лицъ государства, напр. палатинъ и др. Функціи собранія вначалѣ были по преимуществу судебныя, но затѣмъ въ составъ его компетенціи вошли всѣ дѣла по государственному управленію. Отношенія между совѣтомъ и собраніемъ были крайне неопредѣленны: оба учрежденія вполнѣ конкурировали другъ съ другомъ и постановленія одного могли быть отмѣняемы другимъ; все зависѣло отъ того, какой король занималъ венгерскій престолъ и могъ ли онъ, благодаря благопріятнымъ для него условіямъ, управлять государствомъ только съ совѣтомъ, но безъ собранія, къ которому, какъ короли, такъ и духовная и свѣтская аристократія далеко не относились сочувственно. Извѣстно, что даже появленіе Золотой Буллы было обязано мелкому дворян-

---

[1]) Krajner, s. 468 и 480.

[2]) „Мы (король) постановляемъ, гласитъ I статья Золотой Буллы, что мы обязаны, если только необходимыя дѣла и болѣзнь намъ не помѣшаютъ, созывать ежегодно въ Штульвейсенбургѣ на праздникъ святаго короля (Стефана) обыкновенное собраніе и, если мы сами не можемъ на немъ присутствовать, то насъ долженъ замѣстить палатинъ и вести за насъ дѣла. Всѣ дворяне, если они пожелаютъ, могутъ участвовать въ собраніи“. См. Szalai, I b. s. 35, у котораго приведена вся Золотая Булла, а также Krajner, s. 78.

[3]) Подтвержденіемъ буллы въ 1231 г. постановлено, что члены высшаго духовенства, а именно: прелаты, архіепископы и епископы должны являться на собраніе для защиты интересовъ бѣдныхъ. (Krajner, s. 579).

ству и направлено не только противъ короля, но и противъ магнатовъ, въ рукахъ которыхъ находился Андрей II.

Вотъ, почему иногда проходили многіе годы безъ созванія Штульвейсенбургскаго собранія и тогда функціонировалъ одинъ только совѣтъ; первое появлялось вновь въ періоды ослабленія королевской власти, когда король былъ принуждаемъ подтверждать Золотую Буллу и другія привилегіи дворянства. Штульвейсенбургское собраніе вполнѣ можетъ быть названо сеймомъ, такъ какъ ни по своему составу, ни по своимъ функціямъ оно ничѣмъ не отличалось отъ тѣхъ собраній, которымъ, напр. Крайнеръ придаетъ спеціальное названіе сеймовъ. Разница была только въ томъ, что, такъ называемые, сеймы не созывались въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ надобности, между тѣмъ, какъ вышеназванное собраніе должно было созываться разъ въ годъ. Другіе писатели (Вирошилъ, Деакъ, Сцалай) иначе и не называютъ Штульвейсенбургское собраніе, какъ сеймомъ и не видятъ между тѣмъ и другимъ никакой разницы. Одинъ только Крайнеръ постоянно твердитъ о томъ, что собраніе у Штульвейсенбурга вовсе не сеймъ, хотя не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, а между тѣмъ изъ его же словъ вытекаетъ, что оба вышеназванныя собранія вполнѣ тожественны другъ съ другомъ, какъ по своимъ функціямъ, такъ и по своему составу [1]). Намъ кажется, что, такъ называемые, сеймы были ничѣмъ инымъ, какъ экстренными собраніями того же рода, что и Штульвейсенбургское, являвшееся по отношенію къ нимъ обыкновеннымъ собраніемъ.

Вплоть до 1385 г. высшее дворянство поголовно участвовало на сеймахъ, но въ виду большихъ неудобствъ, проистекавшихъ отъ такого огромнаго скопленія народа, нѣкоторые короли, еще за долго до образованія представительства, стремились замѣнить поголовное участіе дворянъ, участіемъ черезъ представителей. Такъ, Бела I въ 1061 г. предписалъ прислать на сеймъ двухъ представителей отъ каждаго комитата, но выборы почему то не произошли и дворянство по прежнему явилось поголовно [2]). Тоже самое было предписано со стороны Белы IV въ 1167 г. Каждый комитатъ долженъ былъ прислать на ежегодный сеймъ въ Штульвейсенбургѣ двухъ или трехъ депутатовъ [3]). Но вплоть до 1385 г. представительство не прививалось. Только въ этомъ году дворянство въ первый разъ послало своихъ депутатовъ (по четыре отъ комитата) [4]). Во второй разъ дворянскіе депутаты появились на сеймѣ въ 1397 г. (также

---

[1]) Krajner, s. 578—584.
[2]) Szalai, I b. s. 179.
[3]) Szalai II b. s. 94.
[4]) Szalai, II b. s. 329.

по четыре отъ комитата) [1]. Въ 1405-же году было окончательно отмѣнено поголовное участіе низшаго дворянства и замѣнено участіемъ черезъ представителей. Въ этомъ же году впервые были призваны на сеймъ и представители городовъ. Вышеназванный сеймъ тѣмъ и замѣчателенъ, что онъ установилъ право каждаго свободнаго и окруженнаго стѣнами города (Freistadt) быть представленнымъ на сеймѣ [2].

---

[1]) Szalai, II b. s. 364.

[2]) Szalai, II b. s. 390; Viroszil, II b. s. 258; Unger, Geschichte der Landstände, II b. s. 98.

ГЛАВА I.

СОБОРЫ ПРИ ИВАНѢ IV.

Первый соборъ 1550 года.—Второй соборъ 1566 года. Два обращенія къ народу:—въ 1564 и въ 1579 г.

«.....И возлегъ великій государь Василей, болѣзнуя при смерти, и пострижеся въ иноческій образъ и въ схиму Даніиломъ митрополитомъ всея Русіи мѣсяца декабря въ 3-й день, въ среду въ 12 часъ нощи, и нареченно имя ему во иноцехъ Варлаамъ; и давъ миръ и благословеніе великой княгинѣ, и дѣтемъ своимъ, и ту предстоящимъ, и того же часа и преставися въ четвертокъ до свѣта, на память великомученицы Варвары» [1]). Такъ повѣствуетъ лѣтописецъ о кончинѣ московскаго великаго князя Василія III. Послѣ его смерти, остался трехлѣтній Иванъ, будущій грозный царь, прозванный современниками—иностранцами, бывшими въ то время въ Россіи, «тираномъ». Управленіе государствомъ перешло въ руки матери его Елены (изъ роду Глинскихъ) и боярской думы. Тяжелое для Россіи было то управленіе! Народъ долго не могъ забыть его и съ тѣхъ поръ постоянно чувствовалъ ненависть къ олигархіи.

Въ первое время послѣ смерти Василія, настоящимъ правителемъ былъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, любовникъ Елены, какъ свидѣтельствуетъ Герберштейнъ въ своихъ «Запискахъ о Московіи» [2]). Правленіе его навело страхъ на враждебныхъ ему бояръ. Однихъ онъ казнилъ, другихъ заточалъ, третьихъ ссылалъ.

Пострадали даже дяди великаго князя. Терроръ, навѣянный имъ, прекратился со смертью Елены въ 1538 г., отравленной боярами, по свидѣтельству Герберштейна [3]). Послѣ него, правили Шуйскіе, затѣмъ Бѣльскіе, затѣмъ снова Шуйскіе и, наконецъ,

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. VIII, стр. 285.

[2]) Переводъ Анонимова, стр. 43.

[3]) Стр. 43.

Глинскіе. Положеніе государства сдѣлалось крайне плачевнымъ: государева казна была расхищена, (объ этомъ говоритъ самъ Иванъ, въ своемъ первомъ письмѣ къ Курбскому) [1]) органы управленія не выполняли своихъ функцій, народъ бѣдствовалъ, воеводы грабили его, по выраженію Карамзина, хуже монгольскихъ хищниковъ, жаловаться было некуда, ибо царь, не обращая никакого вниманія на дѣла государства, предавался пьянству и разврату. Побуждаемый дикими инстинктами своей необузданной натуры, онъ ужъ тогда выказывалъ такія наклонности, отъ которыхъ въ будущемъ ничего нельзя было ждать хорошаго. Курбскій яркими красками рисуетъ картину времяпрепровожденія московскаго царя, будущаго разрушителя Новгорода и ненавистника бояръ [2]). Слѣдующихъ два эпизода, приведенныхъ Карамзинымъ, характеризуютъ поведеніе царя и отношеніе его къ народу въ разсматриваемое время. «Однажды Государь, по своему обыкновенію, выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ 50-ю Новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія то жалобы: Іоаннъ не слушалъ и велѣлъ своимъ дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ 10-ть [3]). Въ другой разъ Псковичи жаловались на своего намѣстника. «Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: 70 челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти...» [4]). До насъ дошелъ слѣдующій отвѣтъ бѣжавшаго изъ Москвы, итальянскаго архитектора Петра Фрязина на вопросъ дерптскаго епископа, что побудило его къ бѣгству, рисующій намъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ. «Великаго князя и великой княгини не стало, государь нынѣшвій малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы на землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства» [5]). Кромѣ внутренней неурядицы, Россію постигли бѣдствія войнъ съ Казанскими, Ногайскими и Крымскими татарами, съ Польшей и т. п....

Вслѣдствіе подобнаго порядка вещей, государству стала грозить опасность распаденія на тѣ первоначальные и лишь внѣшнимъ образомъ сплотившіеся еще элементы, изъ которыхъ постепенно

[1]) Устряловъ, Сказанія князя Курбскаго, стр. 158—160.

[2]) Устряловъ, Сказанія князя Курбскаго, стр. 6—7.

[3]) Исторія Госуд. Росс. т. VIII, стр. 85—86. (Изд. 6-ое, Смирдина).

[4]) Тамъ же, стр. 99.

[5]) Акты Историческіе, т. I; № 140, стр. 202—204.

ценно развивалось и слагалось оно [1]). Какъ извѣстно, послѣдніе удѣлы были присоединены Василіемъ III, слѣдовательно, сепаратистскія стремленія еще, навѣрно, существовали. Нужно помнить, что прошло всего только слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ лишился своей свободы. Даже, впослѣдствіи, въ 1569 году, когда Иванъ предпринялъ свой знаменитый походъ на Новгородъ и Псковъ, то однимъ изъ стимуловъ, побудившимъ его къ этому была нелюбовь царя къ этимъ древнимъ колыбелямъ удѣльно-вѣчевой свободы, къ которымъ Иванъ всегда относился подозрительно и со стороны которыхъ боялся измѣны по отношенію къ себѣ. Все это служитъ подтвержденіемъ той мысли, что единое русское царство могло распасться на составные свои элементы и что необходима была особая связующая сила, могущая предупредить это распаденіе...

Лѣтомъ 1547 года произошелъ страшный пожаръ въ Москвѣ, опустошившій столицу русскаго царства. Раззорённый народъ, доведенный до отчаянья, взбунтовался. Пущенъ былъ слухъ, что подожгли Москву Глинскіе. Нѣсколько членовъ этого рода были умерщвлены и толпа, требуя выдачи остальныхъ, хлынула въ Воробьево, куда бѣжалъ испуганный Иванъ. Положеніе было критическое... Въ это время произошла извѣстная сцена между Иваномъ и Сильвестромъ, сообщенная княземъ Курбскимъ [2]). Всѣ эти событія имѣли сильное вліяніе на Ивана, понявшаго, что нужно перемѣнить свой образъ жизни и сдѣлаться дѣйствительнымъ царемъ, а не только по имени. Результаты боярскаго правленія были предъ нимъ на лицо: полнѣйшая дезорганизація государства и народный мятежъ со всѣми его ужасами. Послѣ этихъ событій, наступаетъ лучшій періодъ царствованія Ивана, впродолженіи котораго такую видную роль играла «избранная рада» съ Сильвестромъ и Адашевымъ во главѣ. Иниціатива созванія перваго земскаго собора, по всей вѣроятности, принадлежала имъ, какъ и изъ ихъ среды вышелъ неизвѣстный авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» считавшій земскій соборъ (мы видѣли это выше) необходимымъ атрибутомъ государственнаго устройства. Много членовъ «избранной рады» были изъ низшаго сословія и не видѣли ничего страннаго въ обращеніи царя къ народу... Поводомъ къ созванію перваго собора было критическое положеніе государства, грозившаго распасться. Царь и его совѣтники поняли, что единственное средство, чтобъ избѣгнуть подобнаго распаденія и возстановить уже начав-

---

[1]) Н. П. Загоскинъ, Исторія права Московскаго государства, т. I, стр. 212.

[2]) Устряловъ, стр. 8. Сцена эта, впрочемъ, подвергается сомнѣнію. См. напримѣръ, „Благовѣщенскій іерей Сильвестеръ и его писанія", изслѣдованіе начатое Голохвастовымъ и доконченное архимандритомъ Леонидомъ, стр. 9 (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. росс. 1874 г., кн. I.

шую утрачиваться связь между представителемъ верховной власти и народомъ, опереться первому на этотъ послѣдній и оправдать себя въ его глазахъ. «Азъ же чистъ отъ крови сеа», говорилъ Иванъ, сваливая всю вину на бояръ. Но не нужно смѣшивать повода къ обращенію къ землѣ съ его причинами. Созываніе соборовъ всегда вызывалось настоятельною нуждою времени, всегда былъ неотложный поводъ къ созванію собора въ данное время. Но этотъ поводъ всегда коренился въ исторіи, въ жизни русской земли; исторія работала, закладывала сѣмя, а жизнь, какъ земля, не замѣтно, тайно, никого не спросясь, растила это сѣмя, а изъ него выросталъ плодъ, который являлся неотложнымъ; какъ временно возникшимъ поводомъ къ созванію земскаго собора, но временнымъ здѣсь было только самое появленіе повода, настоящая же причина всегда глубоко лежала въ исторіи [1]).—Въ которомъ же году былъ созванъ первый соборъ? На этотъ счетъ въ наукѣ существуетъ разногласіе. По мнѣнію г. Загоскина «несомнѣннымъ является, что первый земскій соборъ созванъ былъ или въ 1548 или въ 1549 году». «Всего вѣроятнѣе, говоритъ онъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ началѣ 1548 года (по исчисленію года съ 1-го сентября), слѣдовательно, вскорѣ послѣ московскаго бунта» [2]). Карамзинъ относитъ его ко времени 1547—1550 годамъ [3]). Бѣляевъ [4]), В. И. Сергѣевичъ [5]) и Н. И. Костомаровъ [6]) придерживаются того мнѣнія, что соборъ имѣлъ мѣсто въ 1548 году. Павловъ же относитъ его къ 1549 году [7]). Соловьевъ точно не упоминаетъ о времени созыва выборныхъ, но, на основаніи его изложенія, нужно думать, что, по его мнѣнію, соборъ состоялся или въ 1547 г. или въ 1548 [8]). Князь Петръ Долгоруковъ [9]) и г. Ключевскій [10]) считаютъ 1550 годъ — годомъ созванія собора, хотя ничѣмъ не мотивируютъ своего мнѣнія. Послѣднее мнѣніе самое вѣрное. Дѣйствительно, соборъ произошелъ въ 1550 году и доказывается это слѣдующими соображеніями. Въ Степенной книгѣ Хрущова, цитированной Карамзинымъ говорится, что Ивану было 20-ть лѣтъ въ то время, когда онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь на Лобномъ

---

[1]) Бѣляевъ, Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 1867 г., стр. 65—66.

[2]) Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 214.

[3]) Исторія Госуд. Росс. изд. 6-ое, Смирдина, т. VIII, стр. 106—108.

[4]) Рѣчи и отчетъ Московскаго университета за 1867 годъ.

[5]) Сборникъ госуд. знаній В. П. Безобразова, т. II, стр. 5.

[6]) Новое Время за 1880 годъ.

[7]) Отечественныя Записки 1859 г. т. XI.

[8]) Исторія Россіи (изд. 1856 г.) т. VI.

[9]) Prince P. Dolgoroukov, Des réformes en Russie suivi d'un aperçu sur les états généraux russes au XVI et au XVII siècles, p. 229.

[10]) Боярская дума древней Руси (1-ое изд.) стр. 305.

мѣстѣ (о ней мы скажемъ ниже). Степенная же книга приписывается митрополиту Макарію, личности стоявшей близко къ Ивану, не довѣрять показаніямъ которой мы не имѣемъ никакого основанія. Родился Иванъ, какъ извѣстно, 25 августа 1530 года, слѣдовательно, рѣчь свою предъ выборными долженъ былъ произнести въ 1550 году. Есть еще другое доказательство истинности нашихъ словъ. На Стоглавомъ соборѣ, бывшемъ въ 1551 году Иванъ произнесъ другую рѣчь, въ которой указывалъ, что, въ «*предыдущее лѣто* билъ челомъ освященному собору съ боляры своими о прегрѣшеніи» и назначилъ боярамъ срокъ для примиренія «со всѣми христьянами». Какъ увидимъ ниже, царь говорилъ въ этой рѣчи о соборѣ, созванномъ имъ въ «предыдущее лѣто». Если вспомнимъ, что Стоглавый соборъ имѣлъ мѣсто въ 1551 году, то «предыдущее лѣто» должно было быть 1550 годомъ [1]). — Отъ этого собора осталась только одна рѣчь Ивана, сказанная имъ представителямъ народа въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ [2]). Изъ нея видно, что Иванъ, понимая въ какомъ печальномъ положеніи находилось государство «и совѣтовавъ съ отцемъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ (лицо, близко стоявшее къ «избранной радѣ»), како бы уставити крамолы, и неправды раззорити, и вражду утолити», велѣлъ созвать со всего государства людей всякаго званія. Въ одинъ Недѣльный (т. е. воскресный) день царь, выйдя съ крестами на Лобное мѣсто и совершивъ молебенъ, сказалъ митрополиту слѣдующую рѣчь: «Молю тя Св. Владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ, блага дѣла и любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а сильніи мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша и сами себѣ саны и чести похитиша моимъименемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многіе користи и въ хищенія и въ обиду упражняхуся. Азъ же яко глухъ и не слышахъ, и не имый во устнѣхъ своихъ обличенія юности ради моя и пустоты. Они же властвоваху. О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще, что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крови сея! Ожидайте воздаянія своего». Затѣмъ поклонившись на всѣ четыре стороны, Иванъ продолжалъ, уже обращаясь къ народу: «Люди Божіи и намъ дарованіи Богомъ, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и раззореній и налогъ исправити невозможно замед-

---

[1]) Этого же мнѣнія придерживается и г. Платоновъ (См. „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“, стр. 2—3).

[2]) Она помѣщена въ Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, № 37, стр. 45 и у Карамзина въ Исторіи Госуд. Росс., т. VIII, стр. 106 и прим. 182, стр. 44—45. Карамзинъ выписалъ ее изъ архиви. Степенной книги Хрущова.

ленія ради юности моя, и пустоты, и безпомощства, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства неправеднаго, и лихоиманія, и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ къ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго дѣла не вмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды раззоряти и хищенія возвращати». Въ этотъ же день Иванъ все простилъ боярамъ и назначилъ имъ срокъ для прекращенія всякихъ тяжбъ и для примиренія со всѣми тѣми, которые пострадали отъ нихъ. Что такой срокъ былъ назначенъ, это видно изъ другой рѣчи Ивана, произнесенной имъ въ 1551 году на Стоглавомъ соборѣ. Приводимъ отрывокъ этой рѣчи, гдѣ имѣется указаніе на установленіе извѣстнаго срока: «Преосвященный Макарій митрополитъ всея русіи, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, а боляре тако же и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословенію и болярѣ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ, *да имъ же заповѣдалъ со всѣми христіяны царствія своего и въ преднихъ всякихъ дѣлѣхъ помиритися на срокъ, и боляры мои, и вси приказные люди, и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ*» [1]. Итакъ, Иванъ публично на площади передъ представителями всей земли сознался въ «минувшемъ» злѣ и торжественно обѣщалъ, что ничего подобнаго впредь не повторится. Сдержалъ онъ свое обѣщаніе или нѣтъ—это другое дѣло, но фактъ въ томъ, что царь примирился съ народомъ, постарался оправдаться въ его глазахъ и обвинить во всей неурядицѣ, бывшей въ прежнее время, бояръ. Народъ, пораженный зрѣлищемъ обращенія царя къ нему, безъ сомнѣнія, во всемъ согласился съ нимъ... и миръ между представителемъ верховной власти и землей былъ заключенъ. Но неужели же выборные съѣхались въ Москву только для того, чтобъ выслушать рѣчь царя (какъ это думаетъ г. Чичеринъ) и затѣмъ снова разъѣхаться по домамъ? «Какое впечатлѣніе, говоритъ одинъ изслѣдователь, должны были они унести съ собою изъ Москвы? Чувство удивленія къ совершившемуся необычайному событію и больше ничего; пожалуй даже чувство недовольства на причиненную имъ волокиту. Могъ ли, далѣе, скрѣпиться союзъ царя съ народомъ простымъ выслушаніемъ царской рѣчи? Могъ ли, наконецъ, самъ Иванъ заключить изъ безмолвнаго выслушанія выборными рѣчей его, о возможности найти въ народной волѣ твердую почву для будущей дѣятельности своей? «Такіе вопросы выставляетъ г. Загоскинъ въ своей «Исторіи права» [2]) и даетъ на нихъ совершенно

---

[1]) Стоглавъ, изд. Кожанчикова 1863 г. стр. 38—39.

[2]) Томъ I, стр. 217.

вѣрные отвѣты. Дѣйствительно, если мы вспомнимъ, что русскій народъ еще до созванія земскаго собора постоянно «докучалъ» великимъ князьямъ своими просьбами и челобитными, что онъ не совсѣмъ еще отвыкъ отъ участія въ «строеніи земли», то весьма вѣроятно, что воспользовавшись такимъ случаемъ, какъ съѣздъ выборныхъ, онъ высказалъ царю все, что въ продолженіи долгаго времени долженъ былъ таить про себя. Царь, находясь подъ вліяніемъ умныхъ людей, понимавшихъ нужды своего отечества, уже навѣрно иначе отнесся къ челобитчикамъ, чѣмъ прежде: не палилъ имъ бородъ и не обливалъ горячимъ виномъ. Весьма вѣроятно, что выборные совѣщались съ царемъ и съ «избранной радой» и что всѣ послѣдующія реформы были результатомъ этихъ совѣщаній [1]). Итакъ, нужно думать, что первый земскій соборъ не заключался только въ томъ, что выборные съѣхались для выслушанія царской рѣчи и затѣмъ, ничего не сдѣлавъ, возвратились по домамъ. Напротивъ, a priori можно рѣшить, что результатомъ этой рѣчи были совмѣстныя работы выборныхъ съ царемъ и боярами по упорядоченію государства и регулированію отношеній между правительствомъ и землей. Навѣрно, со стороны выборныхъ были поданы челобитныя, навѣрно, они лично, а не черезъ бояръ высказали царю свои нужды и средства для ихъ удовлетворенія. Безъ этого не стоило бы и созывать собора. Каково, напримѣръ, выборнымъ отъ Перми Великой ѣхать въ Москву для того только, чтобъ выслушать рѣчь царя и затѣмъ, безъ всякихъ реальныхъ результатовъ отъ этой поѣздки, совершить ее обратно! Изъ того, что не осталось никакихъ свидѣтельствъ о дѣятельности собора 1550 года еще не слѣдуетъ, что онъ отличался отъ другихъ соборовъ, бывшихъ послѣ него. По всей вѣроятности, на немъ также, какъ и впослѣдствіи представители народа работали вмѣстѣ съ представителями правительства надъ труднымъ дѣломъ земскаго строенія и умиротворенія государства!... Чѣмъ же иначе объяснить тотъ рядъ реформъ, который былъ предпринятъ послѣ 1550 года во всей русской землѣ? Безспорно, Сильвестръ и Адашевъ играли здѣсь важную роль, но одни, безъ помощи народа, они не были въ состояніи изучить его нуждъ и познать, какъ слѣдуетъ весь безконечный рядъ болѣзней государственнаго организма, давно уже требовавшаго исцѣленія. Кому же знать это, какъ не народу, представители котораго были собраны отовсюду, со всѣхъ концовъ обширнаго русскаго государства?...

Итакъ резюмируемъ все сказанное. Государство находилось въ крайне плачевномъ состояніи, народъ бѣдствовалъ, бояре расхищали казну и ссорились между собой: одна партія свергала другую

[1]) Также смотритъ на это и г. Загоскинъ (Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 218), и съ его аргументаціей не согласиться нельзя.

и въ свою очередь свергалась третьей. Въ мѣстностяхъ намѣстники свирѣпствовали, по выраженію одного современника, какъ львы, раззоряя и грабя своихъ подвластныхъ. Нигдѣ не было суда и защиты. Челобитныя не принимались и съ челобитчиками расправлялись, какъ съ нарушителями порядка. Царь не вмѣшивался въ управленіе и со своими сверстниками занимался совершенно посторонними дѣлами. Результатъ такихъ порядковъ сказался: въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, и родственники царя были растерзаны разсвирѣпѣвшей толпой. Испуганный царь, благодаря вліянію умныхъ совѣтниковъ, созвалъ земскій соборъ, для упроченія своей власти и примиренія съ народомъ. На соборѣ царь просилъ извиненіе у послѣдняго за все происшедшее во время правленія бояръ, обвинилъ во всемъ этихъ послѣднихъ и съ себя сложилъ всякую отствѣтственность въ ихъ проступкахъ. Обѣщалъ отнынѣ править самъ и быть каждому «судьей и оборопой». По всей вѣроятности, затѣмъ произошли совѣщанія между нимъ и народомъ, и здѣсь же была сознана необходимость тѣхъ реформъ, которыя послѣ того и не замедлили появиться. Народъ повѣрилъ своему царю, примирился съ нимъ и опасность распаденія государства была отстранена. Нечего и говорить, что земскій соборъ, кромѣ пользы, ничего не принесъ. Какъ увидимъ ниже тоже самое неоднократно происходило и впослѣдствіи [1]).

Второй земскій соборъ былъ созванъ въ 1566 году тѣмъ же Иваномъ. Разсмотримъ событія, предшествовавшія ему и обстоятельства, при которыхъ онъ состоялся... Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, когда выборные отъ русской земли впервые совѣщались со своимъ царемъ. Ужъ не было больше «избранной рады», не было Сильверстра и Адашева, митрополита Макарія, Курбскаго и др. Сильвестръ, оклеветанный своими врагами и лишенный довѣрія царя, былъ заточенъ въ далекихъ Соловкахъ. Адашевъ умеръ въ Дерптской тюрьмѣ. Скончался также и митрополитъ Макарій. Курбскій бѣжалъ въ Польшу къ королю Сигизмунду и оттуда велъ дѣятельную переписку съ царемъ. Остальные члены «рады» были

---

[1]) Тѣмъ болѣе кажется невѣрнымъ тотъ выводъ, къ которому пришелъ Н. И. Костомаровъ, разсматривая дѣятельность перваго собора. „Итакъ, первый земскій соборъ, о которомъ мы такъ мало знаемъ, читаемъ въ его статьѣ, помѣщенной въ „Новомъ Времени" (№ 1485, за 1880 г.) не оставилъ непосредственно отъ себя какихъ нибудь прочныхъ плодовъ, потому что законодательныя преобразованія, хотя и явились тотчасъ послѣ него, однако нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ они исходили изъ него и не могли бы возникнуть и быть приведены въ исполненіе, если-бъ выборныхъ на земскій соборъ не было вовсе приглашенно въ Москву". Выводъ довольно странный! На основаніи того, что нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу происхожденія всѣхъ реформъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ 1550 года, изъ земскаго собора, этотъ послѣдній ровно ничего не сдѣлалъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ прочныхъ слѣдовъ!..

или казнены или прозябали гдѣ нибудь въ монастыряхъ, ежеминутно ожидая своей смерти. Мѣсто ихъ заняли Малюта Скуратовъ, Аѳанасій Вяземскій, Басмановы и т. п. доблестные мужи, оставившіе по себѣ незабвенную память въ потомствѣ. Иванъ забылъ, что онъ обѣщалъ своему народу на Лобномъ мѣстѣ въ 1550 году. Теперь на этомъ мѣстѣ лилась русская кровь и страшныя казни—любимое занятіе царя—похищали въ огромномъ числѣ членовъ семействъ, въ чемъ либо заподозрѣнныхъ. Правда, послѣ 1550 года даны были реформы, можно было надѣяться на лучшее будущее, но, увы, народу не долго пришлось наслаждаться хорошимъ правленіемъ, не на долго хватило исправленіе царя. Царствованіе Ивана IV было однимъ изъ ужасныхъ царствованій, когда либо имѣвшихъ мѣсто въ исторіи! Народъ, хотя и пользовался мѣстными учрежденіями, обезпечивавшими за нимъ извѣстное самоуправленіе, хотя и изданъ былъ новый Судебникъ, уничтожены тарханныя грамоты, постановленія Стоглаваго собора примѣнены на практикѣ, но надъ всѣмъ этимъ царилъ личный произволъ царя и приближенныхъ къ нему людей, необузданныхъ до крайности и жестокихъ до утонченности! Опричнина свирѣпствовала и дозволяла себѣ всякія безобразія надъ земщиной. Села и деревни сжигались, имущество ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ разграблялось, жены и дочери ихъ насиловались, сами же они погибали въ страшныхъ мученіяхъ. Однимъ словомъ, терроръ былъ въ полномъ разгарѣ!.. Въ 1558 году Иванъ началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, приходившимъ въ то время въ совершенное разложеніе. Счастіе было на сторонѣ русскаго оружія. Нѣмцы терпѣли одно пораженіе за другимъ, ихъ лучшія крѣпости перешли во власть побѣдителя. Нарва, Дерптъ, Маріенбургъ, Феллинъ и др. уже управлялись русскими воеводами и жители ихъ присягнули русскому царю. Вся Ливонія была разграблена и опустошена. Гибель грозила ордену. Находясь въ такой крайности, Готгартъ Кетлеръ заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ, въ силу котораго орденъ пересталъ существовать, какъ самостоятельное государство и призналъ своимъ государемъ польскаго короля. Кетлеръ же изъ магистра духовнаго ордена сдѣлался свѣтскимъ владѣтелемъ Курляндіи. Тогда Сигизмундъ потребовалъ отъ Ивана возврата всѣхъ ливонскихъ земель, занятыхъ русскими. Иванъ отказалъ и въ 1561 году началась печальная по своимъ результатамъ для Московскаго государства война съ Польшей. Начало однако было удачно: русскіе взяли Полоцкъ. Результатомъ этого было возникновеніе переговоровъ между враждующими сторонами, которыя впрочемъ ни къ чему не привели. Военныя дѣйствія продолжались по прежнему, но счастіе уже перешло на сторону поляковъ. При Оршѣ войско Ивана было разбито на голову и война съ перемѣннымъ счастіемъ затянулась на долго. Такъ продолжалось до 1566

года. Неудачныя военныя дѣйствія, истощеніе государственной казны, оппозиція бояръ, недовольство народа все это побуждало царя вспомнить времена своей молодости и, какъ прежде въ трудную годину, такъ и теперь, снова искать опоры въ народѣ.—Соловьевъ приводитъ слѣдующіе мотивы созванія собора 1566 года. Говоря о мирныхъ переговорахъ, завязавшихся между Россіей и Польшей, въ силу которыхъ Россія должна была потерять все, или почти все, что было завоевано ея оружіемъ, онъ приписываетъ Ивану слѣдующее: «ему было тяжело, досадно. Онъ не могъ или не хотѣлъ рѣшить этого вопроса одинъ; по ему было недостаточно мнѣнія опальныхъ бояръ, мнѣнія людей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ неискренности, въ злоумышленіяхъ; ему хотѣлось знать, что думаютъ другія сословія о войнѣ, но узнать объ этомъ, по его мнѣнію, было нельзя черезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни черезъ бояръ земскихъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ правды, притомъ не безъ удовольствія могъ Иванъ воспользоваться случаемъ, чтобъ подлѣ нелюбимыхъ бояръ поставить еще другихъ совѣтниковъ» [1]... Мы нисколько не отрицаемъ того, что однимъ изъ мотивовъ созванія собора было желаніе царя узнать отъ людей компетентныхъ ихъ мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли отдавать завоеванныя земли или нѣтъ. Фактъ присутствія на соборѣ торопецкихъ и луцкихъ помѣщиковъ и смоленскихъ гостей, слѣдовательно, представителей мѣстностей порубежныхъ съ завоеванными, какъ бы подтверждаетъ это мнѣніе. Но вѣдь не доказано, что представители этихъ мѣстностей были призваны именно, вслѣдствіе того, что считались «компетентными» въ этомъ дѣлѣ. А что, если они случайно присутствовали въ Москвѣ и, вслѣдствіе этого, попали на соборъ? Вѣдь бывали же такіе факты и послѣ! Незначительное число выборныхъ, исключительно отъ одного сословія (отъ Торопецка 3 помѣщика, отъ Луцка 6 помѣщиковъ, отъ Смоленска 22 гостя) служитъ также однимъ изъ доказательствъ въ пользу подобнаго предположенія. Въ противномъ случаѣ выборы были бы произведены съ большей тщательностью и ужъ правительство навѣрно бы постаралось, чтобъ выборные были отъ всѣхъ сословій! И такъ, изъ того, что на соборѣ присутствовали представители «порубежныхъ» мѣстностей еще не слѣдуетъ, что они были призваны, какъ компетентные судьи въ спорномъ дѣлѣ между Польшей и Москвой. Думать же вообще, что Иванъ созвалъ соборъ 1566 года только для того, чтобъ узнать мнѣніе всѣхъ сословій о польской войнѣ, т. е. низводить выборныхъ до роли простыхъ экспертовъ и свѣдующихъ людей было бы ничѣмъ инымъ, какъ отвара чиваніемъ отъ фактовъ. Послѣдніе противорѣчатъ подобному мнѣнію. Сколько войнъ, сколько измѣненій въ го-

[1] Исторія Россіи, т. VI, стр. 259.

сударственномъ устройствѣ и управленіи были начаты и окончены Иваномъ, безъ всякаго опроса народа, желаетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ! Характеристично письмо польскаго короля Стефана Баторія, писанное имъ Ивану въ 1580 году. Изъ этого письма видно, какъ смотрѣли на московскаго царя его современники. Соловьевъ, почему то, не приводитъ всего письма, которое, нужно сказать, значительно противорѣчитъ его воззрѣнію на личность грознаго царя. Въ письмѣ находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «правосудные и богобоязненные государи имѣютъ обыкновеніе совѣщаться съ своими подданными и уже, получивъ ихъ согласіе, ведутъ войны и заключаютъ договоры; также и мы созвали депутатовъ со всей нашей земли, чтобъ они охранили нашу совѣсть и заключили бы съ тобой договоръ, *но вѣдь ты ничего этого не понимаешь*» [1]. Итакъ, нисколько не отрицая того, что соборъ 1566 года былъ созванъ съ цѣлью узнать мнѣніе представителей народа о происходящихъ событіяхъ на западной границѣ Московскаго государства (отрицать это не возможно на основаніи самой дѣятельности собора), мы всетаки же полагаемъ, что, главнымъ образомъ, созваніе его было вызвано необходимостью для представителя верховной власти искать опоры въ народѣ въ виду того сумбура, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, который характеризуетъ собою вторую половину царствованія Ивана. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же не участвовали на этомъ соборѣ представители всего государства? Весьма возможно, что соборъ былъ такъ поспѣшно собранъ, что нѣкоторые выборные не успѣли пріѣхать въ Москву; наконецъ, также довольно вѣроятно, что многіе города отнеслись, почему либо, индифферентно къ нему и не послали своихъ представителей на него. Съ подобнымъ явленіемъ мы постоянно будемъ встрѣчаться и впослѣдствіи [2]. — Отъ собора 1566

---

[1]) Цитируемъ по „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ Н. И. Костомарова, отдѣлъ I, выпускъ II, стр. 508.

[2]) Соловьевъ, полемизируя съ К. Аксаковымъ, высказывается противъ той мысли, что соборъ 1566 года былъ органомъ всей земли. „Гдѣ же выборные изъ городовъ, восклицаетъ онъ, изъ областей? Гдѣ же вся земля, позванная на совѣтъ, вслѣдствіе объединенія государства? Значитъ, гости и лучшіе купцы московскіе были представителями всѣхъ областей объединенной Россіи“? (Шлецеръ и антиисторическое направленіе, Русскій Вѣстникъ 1857 года, апрѣль, т. VIII стр. 445). На это К. Аксаковъ совершенно основательно возражаетъ: „соборъ 1566 года былъ, вопреки мнѣнію г. Соловьева, точно земскій соборъ, хотя, конечно, неполный; точно также, какъ недоконченное изображеніе, положимъ человѣка есть все же его изображеніе или, какъ молодой дубъ, только что выбѣжавшій на свѣтъ, есть все же дубъ и странно было бы не узнать его въ раскидистомъ дубѣ, осѣняющемъ землю, странно было бы не видѣть связи между ними. „Далѣе К. Аксаковъ указываетъ на ошибку Соловьева, будто на соборѣ 1566 года „гости и лучшіе купцы московскіе были представителями всѣхъ областей объединенной Рос-

года до насъ дошла «приговорная грамота» [1]). На основаніи этого памятника, видно, что на соборѣ принимали участіе 374 лица [2]). Выборные были раздѣлены на 8 группъ (а не на 7, какъ утверждаетъ г. Загоскинъ), причемъ каждая группа или «статья» совѣщалась отдѣльно. Отдѣльно же подавались и мнѣнія. Первую группу составляло духовенство (32 человѣка). Сюда вошли: *три* архіепископа: Пименъ (новгородскій и псковской), Германъ (казанскій и свіяжскій) и Никандръ (ростовскій и ярославскій), *шесть* епископовъ (суздальскій, смоленскій, рязанскій, коломенскій, сарскій и пермскій) *семь* архимандритовъ, *семь* игуменовъ, митрополичій казначей, *шесть* монастырскихъ старцевъ, келарь и митрополичій ризничій [3]). Вторую группу составляли: 16 бояръ, 3 окольничихъ, 3 казначея, печатникъ и 6 дьяковъ (всего 29 человѣкъ). Третью: 97 дворянъ первой статьи, четвертую: 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, пятую: 3 торопецкихъ помѣщика, шестую: 6 луцкихъ помѣщиковъ, седьмую: 33 дьяка и приказныхъ и восьмую: 75 человѣкъ гостей, московскихъ купцовъ и смольнянъ (послѣднихъ 22 человѣка, а не 21, какъ считаетъ г. Загоскинъ). Мнѣнія, поданныя, какъ уже выше сказанно, отдѣльно были слѣдующія. Духовенство «учинило своему Государю совѣтъ таковъ: что Государское великое смиреніе во всемъ поступаетъ на себя», такъ какъ Государь уступаетъ польскому королю города, находящіеся въ Полоцкомъ повѣтѣ, а именно: Дрыси, Копца, Лепля, Лукомля, Белмаковъ, уступаетъ также по Задвинью, по Глубоцкой дорогѣ, отъ Бобынича верстъ на 60 и 70 на сторону, затѣмъ городъ Озерище и волость Усвятскую. Въ Ливонской землѣ и въ Курской за Двиною уступаетъ 16 городовъ, а на этой сторонѣ Двины 15 со всѣми уѣздами и угодьями. Плѣнныхъ полочанъ: Станислава Довойна съ товарищами, съ женами и дѣтьми Государь отпускаетъ безъ выкупа и размѣна. Своихъ же дѣтей боярскихъ, бывшихъ въ плѣну въ Литвѣ выкупаетъ на свой счетъ, поэтому

сін". „Но, если бы г. историкъ, заключаетъ Аксаковъ, и не захотѣлъ видѣть здѣсь Земскаго, хотя неполнаго собора, который никогда не имѣлъ *формальной* опредѣленности—то все таки не можетъ онъ не видѣть совѣщательнаго элемента". („Замѣчанія на статью Соловьева", Русская бесѣда 1857 г. т. III и Сочиненія К. Аксакова, т. I, стр. 204—205).

[1]) Помѣщена въ Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, № 192, стр. 545 и въ Продолж. Древн. Росс. Вивл., ч. VII, стр. 1. Кромѣ того, объ этомъ соборѣ имѣется еще извѣстіе въ Александроневской лѣтописи, изданной въ 1876 году. (Русская Историческая Библіотека, т. III, № 4, стр. 161).

[2]) По этотъ счетъ у историковъ существуетъ разногласіе. Такъ Карамзинъ считаетъ 339 человѣкъ, Павловъ 366, Бѣляевъ 376, г. Загоскинъ 371. По нашему счету выходитъ 374.

[3]) Митрополитъ на соборѣ не присутствовалъ, такъ какъ, по словамъ Александроневской лѣтописи, „въ то время митрополію оставилъ" (стр. 278).

велика правда Государя предъ королемъ! Необходимо Государю стоять за ливонскіе города, взятые въ обереганье королемъ: Ригу, Кесь, (Венденъ) Володимерецъ (Вольмаръ), Ровной (Роппенбургъ), Куконосъ (Кокенгаузенъ) и другіе, прилегающіе къ Государскимъ Псковскимъ и Юрьевскимъ городамъ. Если же не стоять за нихъ, то они укрѣпятся за королемъ и въ будущемъ изъ нихъ произойдетъ большое раззореніе находящимся въ Ливоніи и принадлежащимъ Государю церквамъ. И не только будетъ стѣсненіе Юрьеву, другимъ ливонскимъ городамъ и Пскову, но даже «Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людемъ торговли затворятца». Король вступился въ ливонскіе города и держитъ ихъ теперь обороненными не поправдѣ, потому что, когда Государь пошелъ войною на ливонскую землю за ея неисправленіе, взялъ въ плѣнъ магистра (Фирстенбергъ), епископа (Германъ) и многихъ людей, отвоевалъ ливонскіе города, свою вотчину, просвѣтилъ ихъ православіемъ и въ городахъ построилъ церкви, тогда остальные нѣмцы, видя свое изнеможеніе перешли съ своими городами на сторону короля и король взялъ эти города подъ свою защиту. А, если Государь не наступалъ на ливонскую землю, то могъ ли тогда король взять хоть одинъ изъ ливонскихъ городовъ? И, какъ Государь разрушилъ ливонскіе города, то король, послѣ того, взялъ ихъ подъ свою защиту, съ тѣхъ поръ такъ и держитъ ихъ не поправдѣ. Ливонская же земля отъ прародителей есть вотчина Государя, еще отъ Великаго Государя Ярослава Владиміровича. Наконецъ, Государь уступаетъ королю въ Ливоніи курляндскіе города, а на этой сторонѣ рѣки Двины—ливонскіе. А правъ ли король? Во время перемирія съ Государемъ королевскіе люди пришли въ Государевъ городъ Тарвасъ (Тарвастъ), взяли его и увели нашихъ людей. «И нашъ совѣтъ архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и всего освященнаго собора: что Государю нашему тѣхъ городовъ ливонскихъ, которые взялъ король во обереганье, отступитися не пригоже, а пригоже Государю за тѣ городы стояти. А какъ ему, Государю за тѣ городы стояти и въ томъ его, Государская воля, какъ его, Государя Богъ вразумитъ, а наша должная за него, Государя Богу молити, о томъ совѣтовати намъ не пригоже. А что королевы послы даютъ къ Полоцку земли по сей сторонѣ вверхъ по Двинѣ рѣкѣ на 15 верстъ, а внизъ по двинѣ рѣкѣ отъ Полоцка, а за Двину земли не даютъ, а рубежъ чинятъ Двину рѣку: и тому стати мочно ли, что городу быти безъ уѣзда? Оно и село или деревни безъ поль и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда?»—Итакъ, сущность мнѣнія, поданнаго духовенствомъ состояло въ томъ, чтобъ пограничные ливонскіе города удержать и полякамъ не отдавать.— Вторая группа (бояре, окольничіе и другіе высшіе чины) высказалась также за удержаніе завоеванныхъ городовъ. «Вѣдаетъ Богъ

да Государь, говорили бояре и окольничіе, какъ ему, Государю Богъ извѣститъ, а намъ, кажется, что нельзя заключать такого перемирія, по которому уступить нѣмецкіе города королю, а Полоцкъ учинить въ осадѣ. Если же уступить у Полоцка зарѣчіе, тогда полоцкіе зарѣчные посады будутъ во власти короля. По этой сторонѣ Двины находятся все худыя мѣста Полоцкаго повѣта, лучшія же всѣ на той сторонѣ. Во время перемирія литовскіе люди поставятъ за Двиною городъ и, послѣ его окончанія, Полоцку уже не простоять. Въ ливонскихъ же городахъ пребудетъ у короля войска, а тогда не только Юрьеву съ товарищами, но и Пскову будетъ нужда»... Что же касается до предполагавшагося свиданія между боярами Ивана и панами Сигизмунда, то бояре высказались противъ него: «Относительно съѣзда, литовскимъ посламъ отказать: не слѣдуетъ боярамъ нашего Государя быть съ панами на границѣ, и прежде этого небывало. Если же Государь захочетъ съѣхаться и поговорить съ королемъ, то, безъ сомнѣнія, оба они въ этомъ вольны... «а во всемъ этомъ, такъ заканчивается мнѣніе, вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, Царь и Великій князь, мы же Государю изъявили свою мысль». Кромѣ этого мнѣнія, было подано еще отдѣльное мнѣніе, принадлежавшее печатнику Висковатому, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: если послы начнутъ вновь говорить о перемиріи, то можно его заключить подъ условіемъ вывода литовскихъ людей изъ нѣмецкихъ городовъ (безъ передачи этихъ городовъ русскому царю) и неоказанія имъ помощи въ будущемъ со стороны короля, послѣ окончанія перемирія. Дворяне первой статьи высказались также за неотдачу ливонскихъ городовъ. Говоря, что правда на сторонѣ царя, а не короля и, что царь уступать королю не долженъ, они заключили: «обязанность наша, холоповъ Государя, служить Государю до самой смерти». Дворяне второй статьи пришли къ тому же заключенію. «Самъ Богъ поручилъ Государю литовскій городъ Полоцкъ, говорили они, точно такъ-же, какъ и Озерище, какъ же быть этимъ городамъ безъ уѣздовъ?» Торопецкіе и луцкіе помѣщики рѣшили, что они «за одну десятину земли Полоцкаго и Озерищскаго повѣту головы положатъ», а что касается до ливонскихъ городовъ, то «за тѣ городы Государю стояти крѣпко, а мы, холопи его, для Государева дѣла готовы». Въ такомъ же духѣ высказались и дьяки съ приказными. Гости и купцы подали мнѣніе, вполнѣ аналогичное съ предыдущими. «Передъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, говорили они между прочимъ, въ томъ королева великая неправда. А Государю нашему, Царю и Великому Князю, какъ тѣхъ своихъ городовъ въ Ливонской землѣ отступитися?... Касательно же Полоцка, «вотчины Государя» и Озерища купцы сказали, что земля, которую король не соглашается придать къ этимъ городамъ, должна быть во что бы то ни стало отнята отъ поляковъ, потому что, въ противномъ

случаѣ, эти послѣдніе постоянно будутъ грозить русскимъ. Смольняне: Игнатій Твердиковъ съ товарищами тоже стояли за присоединеніе земель къ Полоцку, такъ какъ «и село безъ земли покинути и черезъ улицу лихой сусѣдъ лихо, а городу безъ земли, какъ быти? только будетъ около Полоцка королева земля, и король около Полоцка городы поставитъ и дороги отыметъ и Полоцкъ стѣнитъ»...—Изъ заключительныхъ словъ грамоты видно, что «архіепископы и епископы... къ сей грамотѣ, къ своимъ рѣчемъ руки свои приложили, и печати привѣсили». Архимандриты, игумены и старцы только «руки свои приложили», а печатей не привѣшивали. Бояре, окольничіе, приказные люди и дьяки «крестъ цѣловали и руки свои приложили». Всѣ же остальные ограничились однимъ крестнымъ цѣлованьемъ. Оканчивается грамота слѣдующими словами: «И всѣмъ намъ Государю своему, Царю и Великому Князю и его дѣтемъ служити правдою и добра хотѣти Государю своему, Царю и Великому Князю и его дѣтемъ и ихъ землямъ въ правду, безо всякія хитрости и противъ его недруговъ стояти по Государскому приказу, хто во что пригодитца и до своего живота по сему крестному цѣлованью». Изъ грамоты не видѣнъ порядокъ засѣданія собора, неизвѣстно былъ ли Иванъ на немъ или нѣтъ и, если былъ, то какую игралъ роль [1]); ничего нельзя также сказать о голосованіи, о преніяхъ (если онѣ были) и т. п. Извѣстенъ только способъ обращенія царя къ выборнымъ; такъ съ духовенствомъ онъ говорилъ самъ и, по всей вѣроятности, излагалъ предъ нимъ состояніе дѣлъ на западной границѣ и въ Ливоніи. На это указываетъ слѣдующая фраза: «что Государь намъ говорилъ, какъ намъ стояти противъ своего недруга, короля польскаго». Второй группѣ (боярамъ, окольничимъ и т. п.) были предъявлены «выписи» изъ переговоровъ между боярами и польскими послами. Остальнымъ же просто былъ данъ «приказъ» высказать свое мнѣніе о ливонскихъ дѣлахъ.—Подписи лицъ, принимавшихъ участіе на соборѣ помѣщены на оборотѣ грамоты. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Напримѣръ: «Смиренный Пименъ, Божіею милостіею Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова къ сей грамотѣ руку приложилъ и печать привѣсилъ». «Язъ князь Иванъ Мстиславскій къ сей грамотѣ руку приложилъ». «А Иванъ Шереметевъ меньшой и Иванъ Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣютъ» и т. д. Вотъ все, что мы знаемъ о соборѣ 1566 года...—При чтеніи его «приговорной грамоты» получается нѣкоторое понятіе о міросозерцаніи древнихъ русскихъ. Напримѣръ, выборные всѣхъ группъ

---

[1]) Объ этомъ мы узнаемъ изъ Александроневской лѣтописи. На соборѣ (происшедшемъ 28 іюня, что также извѣстно, благодаря этой лѣтописи) присутствовалъ не только царь, но и столь извѣстный впослѣдствіи князь Владиміръ Андреевичъ (стр. 277).

вполнѣ убѣждены, что ихъ царь совершенно правъ передъ польскимъ королемъ и, что вся вина исключительно падаетъ на послѣдняго. «Государское великое смиреніе во всемъ», «велика правда Государя предъ королемъ» и т. п. стереотипныя фразы попадаются на каждомъ шагу. Напротивъ, королю приписываются всякія дурныя стороны: и гордъ онъ, и неуступчивъ, и не держитъ своего слова и т. п. Рядомъ съ вполнѣ здравыми аргументами въ пользу неотдачи ливонскихъ городовъ полякамъ, ясно свидѣтельствующими, что предки наши умѣли разсуждать и обладали извѣстнымъ политическимъ смысломъ (вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ писателей) встрѣчается такое курьезное мнѣніе, что Ливонская земля есть «вотчина» государя, такъ какъ прежде она принадлежала его прародителю, Ярославу Владиміровичу!.. Выборные свободно высказываютъ свое мнѣніе, но тутъ же, какъ бы испугавшись такой смѣлости, сейчасъ прибавляютъ, что «вѣдаетъ Богъ, да Государь, какъ Государю угодно, такъ и холопемъ его», «что Государю нашему пригоже, за то за все стояти, а наша должная холопей его». и т. д. Изъ этихъ выписокъ видно, какъ смотрѣли на себя выборные и въ какой уничижительной формѣ высказывали они свои мнѣнія. Слово «холопи» встрѣчается на каждомъ шагу и въ то время, какъ на Западѣ представители народа считались болѣе или менѣе независимыми гражданами, русскіе, можно сказать, постепенно сами закабаляли себя. Современники Ивана позабыли вѣчевую свободу, позабыли ее навсегда!..

Г. Чичеринъ, говоря о соборѣ 1566 года, высказываетъ, между прочимъ слѣдующее мнѣніе: «Въ отвѣтахъ (чиновъ) на заданный вопросъ слышится тотъ духъ, который можно ожидать въ царствованіи грознаго царя. *Едва ли самыя мнѣнія не были внушены извѣстнымъ желаніемъ правительства; объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ единообразіе»* [1]). Съ этимъ согласиться мы не можемъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же нужно было созывать народныхъ представителей? Если правительство пришло къ сознанію о необходимости созыва земскихъ чиновъ, ища опоры въ народѣ вообще и справляясь съ мнѣніемъ его по извѣстному конкретному случаю въ частности (что, безъ сомнѣнія, такъ и было, ибо не самъ же народъ заставилъ правительство сдѣлать подобный шагъ), то нѣтъ никакого смысла подсказывать народу сказать то, а не другое. Этимъ самымъ соборъ превращался бы въ какую то комедію, чего именно въ данномъ случаѣ правительство и не желало...

Какіе же были результаты созыва втораго собора? Миръ съ поляками не состоялся и война продолжалась. Однако военныя дѣйствія ни къ чему не привели и въ 1569 году заключено было перемиріе на три года, въпродолженіи которыхъ шли переговоры о мирѣ.

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 365.

Но теперь, передъ заключеніемъ перемирія ужъ не послѣдовало указа о созваніи новаго собора. Иванъ болѣе не нуждался въ подтвержденіи преданности со стороны народа. Онъ зналъ, что въ 1566 году его «холопи» готовы были голову свою положить за него, не смотря на отчаянное положеніе дѣлъ въ государствѣ. Что же могло помѣшать имъ сдѣлать тоже самое и теперь?

Въ царствованіе Ивана, между первымъ и вторымъ соборами, произошло одно обращеніе къ народу со стороны представителя верховной власти; это было въ 1664 году, когда, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, «захотѣлось царю Ивану Васильевичу заручиться народнымъ согласіемъ на совершеніе казней, которыя онъ задумывалъ надъ тѣми, которыхъ не любилъ, или по крайней мѣрѣ народнымъ равнодушіемъ къ такимъ казнямъ» [1]). Назвать это обращеніе къ народу земскимъ соборомъ нельзя, такъ какъ выборныхъ отъ городовъ въ Москвѣ въ то время не было и Иванъ объяснялся съ одними москвичами, но цѣль въ глазахъ верховной власти была достигнута таже, для которой долженъ былъ, повидимому, созываться земскій соборъ: царь объяснялся съ народомъ и услышалъ отъ него мнѣніе. Полнаго собора царь, какъ видно созывать не рѣшался, но тутъ было заявлено мнѣніе и духовныхъ, и служилыхъ и неслужилыхъ людей, правда только московскихъ и тѣхъ, которые случайно находились въ Москвѣ. Но и въ другихъ соборахъ не отовсюду непремѣнно вызывали выборныхъ людей [2]). Объ этой бесѣдѣ грознаго царя съ народомъ довольно подробно распространяется Александроневская лѣтопись, помѣщенная въ Русской Исторической Библіотекѣ [3]). Кромѣ того, эта «бесѣда» описана также бывшими любимцами царя Таубе и Крузе, въ ихъ донесеніи къ герцогу курляндскому Кетлеру [4])...—3-го декабря 1664 года Иванъ, вмѣстѣ съ своей супругою, царицею Марьею и своими дѣтьми, боярами и дворянами, созванными для того изъ всѣхъ городовъ и со всѣмъ своимъ имуществомъ выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, гдѣ и поселился. Въ Москвѣ было всеобщее недоумѣніе. «Всѣ же, пишетъ лѣтописецъ, о томъ въ недоумѣніи и во уныніи быша такому государскому великому необычному подъему и путнаго его шествія невѣдомо куды бяше». Черезъ мѣсяцъ, 3-го января митрополитъ Аѳанасій получилъ отъ царя грамоту, въ которой говорилось, что «Царь и Великій Князь гнѣвъ свой положилъ на своихъ богомольцевъ, на архіепископовъ и епископовъ, и на архимандритовъ, и на игуменовъ, и на бояръ своихъ, и на дворецкаго и конюшего, и на окольничихъ, и на казна-

---

[1]) „Новое Время" за 1880 г. № 1485.

[2]) Н. И. Костомаровъ, „Новое Время" за 1880 г.

[3]) Томъ Ш, № 4, стр. 161.

[4]) Карамзинъ, т. IX, примѣч. 130, стр. 46.

чеевъ, и на дьяковъ, и на дѣтей боярскихъ, и на всѣхъ приказныхъ людей опалу свою положилъ». Въ грамотѣ были исчислены причины царскаго гнѣва. «Бояре, писалъ Иванъ, впродолженіи моего малолѣтства совершали всякія безчинства, грабили казну (царь позабылъ, что онъ говорилъ о всепрощеніи въ 1550 году!), нажили себѣ большое богатство и «наипаче же крестьянамъ насиліе чинили» и т. п. Тоже, что происходило прежде, происходитъ и теперь, вотъ, почему онъ, царь, «отъ великіе жалости сердца не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государство и поѣхалъ, гдѣ вселитися, идѣже его, Государя Богъ наставитъ». Царь прислалъ также другую грамоту, адресованную на имя гостей, купцовъ и «всего православнаго крестіанства града Москвы». Эту грамоту должны были прочесть народу дьяки Михайловъ и Васильевъ. Въ ней царь писалъ, чтобъ члены тяглаго сословія «себѣ никоторого сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторые нѣтъ». Тогда всѣ чины отправились къ митрополиту и «отъ многаго заклинанія слезнаго... съ плачемъ глаголюще: «увы, горе како согрѣшихомъ передъ Богомъ и прогнѣвахомъ Государя своего многими предъ нимъ согрѣшеніи и милость его велію превратихомъ на грѣхъ и на ярость»!.. Чины просили митрополита отправиться къ царю и упросить его возвратиться въ Москву. «А кто будетъ государскіе лиходѣи, прибавили они, и которые измѣнныя дѣла дѣлали и въ тѣхъ вѣдаетъ Богъ да онъ, Государь, и въ животѣ и въ казни его, Государская воля; а мы всѣ своими головами ѣдемъ за тобою, Государемъ Святителемъ своему Государю, Царю и Великому Князю о его, Государской милости бити челомъ и плакатися». Тоже самое говорили гости, купцы и всѣ московскіе граждане. Митрополитъ не поѣхалъ: онъ долженъ былъ остаться въ Москвѣ «для градскаго бреженія», но къ царю была снаряжена особая депутація изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Царь смилостивился и обѣщалъ пріѣхать въ Москву. Иванъ и его совѣтники торжествовали: народъ самъ положилъ свою голову на плаху и царю стоило только труда взять и отрубить ее. 2-го февраля Иванъ торжественно въѣхалъ въ Москву и съ народнаго согласія принялся за дѣло орошенія русской земли потоками невинной крови своихъ вѣрноподданныхъ!..

Второе обращеніе къ народу произошло въ 1579 году [1]). Во время несчастной войны для Московскаго государства съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, когда послѣдній взялъ Полоцкъ и Соколъ и этимъ поставилъ въ отчаянное положеніе русское войско,

---

[1]) О немъ говоритъ Одерборнъ (нѣмецкій пасторъ, написавшій сочиненіе „Жизнь Ивана Васильевича"). Карамзинъ указалъ на это событіе въ своей исторіи, между тѣмъ, какъ Соловьевъ не упомянулъ о немъ ни единымъ словомъ, что ему совершенно справедливо и замѣтилъ К. Аксаковъ.

Иванъ, находившійся въ то время въ Псковѣ, велѣлъ послать «государственному» дьяку Андрею Щелкалову приказаніе, чтобы тотъ созвалъ народъ и объявилъ ему о положеніи русскаго войска, но, при этомъ, постарался успокоить его и обнадежить насчетъ лучшаго будущаго. Щелкаловъ привелъ въ исполненіе приказаніе царя: созвалъ народъ и сказалъ ему слѣдующую рѣчь [1]). «Вы не знаете, о граждане (cives), говорилъ Щелкаловъ, ради какой причины назначилъ я это собраніе (conventum). Знайте же, что Полоцкъ нашъ взятъ и Соколъ истребленъ огнемъ и мечемъ и прочія сосѣднія крѣпости подпали подъ власть нашего врага. Эта вѣсть могла бы внушить вамъ ужасъ и отчаянье, если вы не захотите поразмыслить съ своимъ разумомъ, какова перемѣнчивость вещей и что нѣтъ на землѣ государя, съ которымъ бы не случилось что-нибудь сопротивное. Впрочемъ, если поляки взяли обратно Полоцкъ, мы за то, напротивъ, владѣемъ всею Ливоніею; они раззорили немногія крѣпости, мы имѣемъ подъ властію большіе ихъ города. Ихъ войско заняло малое пространство Бѣлоруссіи, наше— Смоленскъ, Стародубъ и Ливонію. Но, быть можетъ, погибель людей терзаетъ ваши души; я, съ своей стороны, признаюсь: мы потеряли въ Полоцкѣ столько знатныхъ военачальниковъ, столько богатствъ нашихъ! Въ Соколѣ погибъ цвѣтъ боярства (nobilitatis) и крѣпкихъ мужей, храмы, алтари, города и поля выжжены. Намъ должно переносить это, когда непріятели испытали бѣдствія, гораздо болѣе тяжкія. Ибо, какъ они нашихъ, такъ наши выгнали ихъ нѣкогда изъ Полоцка, Смоленска и Ливоніи; какъ ихъ мечъ проливалъ кровь братьевъ нашихъ, такъ мы ихъ кровью очень часто были обрызганы»!.. Одерборнъ сообщаетъ, что послѣ этой рѣчи женщины пришли въ страшное отчаянье, плакали, вопили, бѣгали изъ улицы въ улицу и требовали себѣ новыхъ мужей вмѣсто убитыхъ непріятелемъ. Тогда Щелкаловъ принужденъ былъ вторично выйдти къ народу и умолялъ его унять женщинъ, доказывая изъ лѣтописей, какъ всегда опасны были ихъ бунты. Ему удалось успокоить мятежницъ только тогда, когда онъ имъ пригрозилъ и велѣлъ принести розогъ [1])...

---

[1]) Приведена К. Аксаковымъ изъ сочиненія Одерборна. (Сочиненія К. Аксакова, т. I, стр. 164—166, а также нѣкоторыя частности у Карамзина, т. IX, стр. 304 и прим. 533, стр. 205).

[1]) К. Аксаковъ, идеализируя, по обыкновенію, явленія древне-русской жизни высказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Царь велитъ созвать торжественно народъ, чтобъ сообщить ему о неудачномъ ходѣ военныхъ дѣлъ въ Россіи и утвердить духъ народный къ перенесенію всеобщихъ невзгодъ. Изъ этого видно, что правительство древней Россіи было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ; изъ этого видно, что дѣло Россіи было, по общему убѣжденію, дѣломъ, касающимся до всѣхъ русскихъ людей“. Что касается до насъ, то мы видимъ одинъ только стимулъ созванія сходки въ 1579 году. Это боязнь грознаго царя. Разби-

Это было послѣднее обращеніе къ народу въ разсматриваемое царствованіе.

тый поляками, окруженный (по своему мнѣнію) врагами, Иванъ не могъ надѣяться на симпатію со стороны народа, которому жилось далеко не счастливо подъ его управленіемъ, въ особенности, въ разсматриваемый періодъ. Боясь недовольства и мятежа (тѣмъ болѣе, что царь находился въ критическомъ положеніи), онъ рѣшился узнать настроеніе своихъ подданныхъ и успокоить ихъ на счетъ хода войны. Онъ зналъ по опыту, что подобныя объясненія съ народомъ въ результатѣ всегда были выгодны царю, и потому снова разъигралъ одну изъ тѣхъ комедій, какія ему не разъ приходилось играть. Вся рѣчь Щелкалова доказываетъ истинность нашихъ словъ. „Мы потеряли Полоцкъ и хотя понесли большія потери, но всетаки придавать какое либо значеніе этому не слѣдуетъ. Наше положеніе гораздо лучше польскаго, мы владѣемъ всей Ливаніей“ и т. п. Развѣ не обманывалъ Иванъ народа, говоря, что положеніе русскихъ лучше положенія поляковъ и т. п.? Признаемся, мы не видимъ здѣсь „тѣснаго союза правительства съ народомъ“, а тѣмъ болѣе, „уваженія къ народу“.

ГЛАВА II.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Избирательный соборъ 1584 г. — Уничтоженіе тарханныхъ грамотъ и секуляризація церковныхъ земель. — Избирательный соборъ 1598 г. — Вѣче москвичей и красносельцевъ 1605 г. — Соборъ по дѣлу Шуйскаго 1605 г. — Избирательный соборъ 1606 г. — Обращенія правительства къ народу и народныя собранія во время Лжедимитрія и Шуйскаго. — Соборъ, низложившій Шуйскаго 1610 г. — Избраніе Владислава. — Соборъ въ станѣ подъ Москвой 1611 г. — Мѣстные соборы. — Соборъ въ Ярославлѣ 1612 г.

18-го Марта 1584 г. Россія могла свободнѣе вздохнуть: грознаго царя не стало. Иванъ умеръ отъ какой то страшной болѣзни, бывшей результатомъ его невоздержной жизни. Послѣ него осталось два сына: слабоумный Θедоръ и малолѣтній Димитрій. Избавившись отъ мучительствъ Ивана, Россіи предстояло новое испытаніе: междоусобіе бояръ. На Θедора была плохая надежда. Онъ былъ близокъ къ идіотизму и, безъ сомнѣнія, не могъ править государствомъ. Петрей рисуетъ слѣдующій портретъ сына Ивана Грознаго: «Новый царь былъ вовсе не способенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; при томъ же весьма неохотно занимался дѣлами государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ большимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ или бесѣдовалъ о предметахъ душеспасительныхъ; часто ходилъ въ церковь, иногда самъ трезвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ къ обѣднѣ. Отецъ нерѣдко упрекалъ его тѣмъ, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго нежели на царскаго» [1]. Характеристиченъ также отзывъ о русскомъ царѣ польскаго посланника Сапѣги, представлявшагося Θедору. «Хотя про него говорили, сказалъ Сапѣга, что у него ума не много, но я увидѣлъ, какъ изъ собственнаго опыта, такъ и изъ словъ другихъ, что у него вовсе его нѣтъ»!... [2]).

---

[1]) Устряловъ, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I, примѣч. стр. 358.

[2]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, выпускъ III, стр. 567.

При дворѣ образовались двѣ партіи: одна, видя слабоуміе Θедора, хотѣла упрочить престолъ за Димитріемъ, другая же, напротивъ, стояла за Θедора. Въ первую же ночь, послѣ смерти Ивана, Нагіе, родственники Димитрія по матери (седьмой жены Ивана, Маріи изъ роду Нагихъ) были арестованы. Вмѣстѣ съ ними подверглись той же участи и нѣкоторые любимцы умершаго царя. Часть ихъ была сослана, часть заключена въ тюрьмы. Вскорѣ послѣ этого, царица, отецъ ея и царевичъ Димитрій были отправлены въ Угличъ, удѣлъ послѣдняго. Междоусобія однако не прекращались. Бояринъ Богданъ Бѣльскій сталъ интриговать въ пользу Димитрія; тогда, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, приверженцы Θедора взбунтовали народъ, распространяя по Москвѣ слухъ, будто Бѣльскій отравилъ царя Ивана и собирается отравить Θедора. Мятежъ усилился. Толпы вооруженнаго народа хлынули къ Кремлю и стали требовать выдачи Бѣльскаго... Все предвѣщало повтореніе сценъ, бывшихъ въ Москвѣ безъ малаго 40 лѣтъ тому назадъ! Однако на этотъ разъ избіенія бояръ не произошло и народъ разошелся, узнавъ, что Бѣльскій сосланъ въ Нижній Новгородъ. Впрочемъ есть одно свидѣтельство, приводимое Соловьевымъ, согласно которому, послѣ ухода толпы, на мѣстѣ были найдены 20 человѣкъ убитыхъ и около 100 раненыхъ [1]). Масса, извѣстный голландскій ученый, жившій долгое время въ Россіи и описавшій смутное время, также говоритъ о мятежѣ, происшедшемъ въ Москвѣ вскорѣ, послѣ воцаренія Θедора. Но Масса, очевидно, не бывшій его свидѣтелемъ невѣрно объясняетъ его мотивы. Онъ думаетъ, что народъ взбунтовался и бросился къ Кремлю, вслѣдствіе опасенія за жизнь своего любимца, боярина Никиты Романовича Юрьева, брата умершей царицы Анастасіи и успокоился только тогда, когда этотъ послѣдній вышелъ изъ Кремля и направился къ себѣ домой [2]).

Понятно, что находясь среди подобныхъ условій, правительство рѣшило искать опоры въ народѣ: созвать земскій соборъ и «гарантировать престолъ за Θедоромъ санкціей воли народной» [3]). Тоже самое, что случалось прежде, повторилось и теперь.—До насъ дошло нѣсколько памятниковъ, свидѣтельствующихъ о созывѣ въ Москвѣ въ 1584 году земскаго собора, это: Московская хроника Петрея, Псковская лѣтопись, Лѣтопись о мятежахъ и о раззореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей и Никоновская лѣтопись, Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Θедоровича и Сказаніе Горсея о Россіи.—«По смерти безчеловѣчнаго тирана (Ивана IV), говоритъ Петрей

[1]) Исторія Россіи, т. VII, стр. 251.
[2]) Сказаніе Массы и Геркмана о смутномъ времени на Руси, стр. 32—33.
[3]) Слова г. Загоскина.

въ своей хроникѣ, въ Россіи случилось странное событіе: царь назначилъ опекуномъ своимъ Богдана Бѣльскаго, вельможу знатнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ устранить царевичей отъ престола и, присвоивъ себѣ достоинство князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кіевомъ [1]); бояре и граждане вооружились противъ него; ибо зная гордость и жестокосердіе властолюбца, они опасались вновь испытать всю тягость ужаснаго деспотизма; *посему, какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно государемъ и великимъ княземъ Ѳедора Ивановича* осадили крѣпость» и т. д. [2]).—Во второмъ свидѣтельствѣ, Первой Псковской лѣтописи подъ 1585-мъ годомъ находится слѣдующее мѣсто. «Въ лѣто 7093. Поставленъ бысть на царство царемъ, въ Вознесеніевъ день, Ѳедоръ Ивановичъ митрополитомъ Діонисіемъ *и всѣми людьми Русскія земли*» [3]).—Въ третьемъ свидѣтельствѣ, Лѣтописи о мятежахъ и Никоновской лѣтописи читаемъ: «О царствѣ Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича, како сяде на царство: Того же 7092 году по представленіи Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, *пріидоша изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди и всего государства Московскаго, и молиша со слезами Государя Царевича Ѳедора Іоанновича, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ Царемъ и вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ*. Онъ же Государь не презрѣ моленіе *всѣхъ православныхъ христіянъ* и вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ» [4]).—Четвертымъ свидѣтельствомъ существованія собора можно считать показаніе англійскаго дворянина Еремія Горсея, служившаго прикащикомъ лондонскаго «общества купцовъ, торгующихъ съ Москвою» и пробывшаго въ Россіи около 18-ти лѣтъ. Ему принадлежатъ записки, въ составъ которыхъ вошли три его сочиненія, касающіяся Московскаго государства. Горсей пріѣхалъ въ Москву въ 1572 году, и уѣхалъ изъ нея въ 1591 году, слѣдовательно, былъ свидѣтелемъ царствованій Ивана IV, Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова; съ послѣднимъ онъ находился даже въ очень хорошихъ отношеніяхъ. «Черезъ нѣсколько дней, по прошествіи сорочинъ по царѣ Иванѣ Васильевичѣ, говоритъ Ю. Толстой въ своей статьѣ «Сказанія англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XVI столѣтія» [5]), 4-го Мая собралась государственная дума (земскій соборъ, или, какъ говоритъ Горсей, парламентъ, a parliament), составленная

---

[1]) Очевидно, Кремлемъ.

[2]) Устряловъ, т. I, прим. стр. 357.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. IV стр. 320. Г. Загоскинъ, упоминая о трехъ другихъ свидѣтельствахъ, объ этихъ двухъ почему то совершенно умалчиваетъ.

[4]) Лѣтопись о мятежахъ, изд. 2-ое, стр. 6—7; Никоновская лѣтопись, т. VIII, № 8. стр. 5—6.

[5]) Отеч. Записки за 1859 г. (сентябрь), т. CXXVI, стр. 122.

изъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ [1]). Первою заботою ея было назначить время торжественнаго вѣнчанія царя Өедора Ивановича". О другихъ предметахъ ея совѣщаній Горсей не упоминаетъ; говоритъ только, что „положеніе дѣлъ и управленіе въ государствѣ совершенно измѣнились; всякій жилъ въ мирѣ и тишинѣ, зналъ, чѣмъ владѣлъ, чѣмъ могъ пользоваться; повсюду назначены были хорошіе чиновники; вездѣ водворялось правосудіе; Россія, даже по наружности, стала совершенно иною страною, чѣмъ при прежнемъ царѣ».

Послѣдній памятникъ, свидѣтельствующій о бытности собора, избравшаго Өедора на царство, это—Новый лѣтописецъ, составленный, по мнѣнію князя Оболенскаго, (издавшаго его) въ царствованіе Михаила Өедоровича. Въ главѣ 21-й этого памятника, подъ заглавіемъ: «О вѣнчаніи Царскимъ вѣнцемъ Царя Өедора Ивановича», мы находимъ слѣдующее мѣсто: «*По малѣ же времени пріидоша къ Москвѣ отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства и просиша* со слезами Царевича Өедора Ивановича, чтобъ вскорѣ сѣлъ на престолѣ отца своего и воцарился на Москвѣ; *и по ихъ прошенію* вѣнчался Царскимъ вѣнцемъ того же году въ Вознесеніевъ день, а вѣнчалъ его, Государя въ соборной церкви Успенія Богородицы Митрополитъ Діонисій съ освященнымъ соборомъ» [1]).

Н. И. Костомаровъ дѣлаетъ предположеніе, что соборъ, избравшій Өедора, могъ быть тѣмъ соборомъ, который состоялся въ іюлѣ 1584 года. «Быть можетъ, говоритъ названный историкъ, этотъ соборъ совпадаетъ съ извѣстнымъ намъ по актамъ соборомъ, происходившимъ въ 1584 году въ іюнѣ (не въ іюнѣ, а 20 го іюля), составленнымъ изъ духовенства, бояръ и синклита (подъ послѣднимъ могла разумѣться не только постоянная царская дума, но и привлеченные къ ней выборные дворяне и дѣти боярскія, тѣмъ болѣе, что вопросъ, разрѣшаемый тогда на соборѣ, ихъ особенно касался) объ уничтоженіи тарханъ, т. е. грамотъ на изъятіе нѣкоторыхъ имѣній отъ общихъ всѣмъ другимъ повинностей» [2]).—Весьма возможно, что почтенный историкъ правъ, невѣроятнаго въ его предположеніи нѣтъ ничего. Намъ извѣстно, что на соборѣ 1584 года (въ іюлѣ) не было представителей тяглаго сословія; судя, по свидѣтельству Горсея, на соборѣ, избравшемъ Өедора, оно также отсутствовало [3]). Горсей упоминаетъ только о духовенствѣ

---

[1]) Приводимъ слова самого Горсея: „the 4 of May a parliament was held, wherein were assembled the Metropolitane, Archbishops, Bishops, Priors, and chiefe clergiemen, and all the nobility whatsoever". (Карамзинъ, т. X, прим. стр. 4).

[1]) Новый лѣтописецъ, изд. кн. Оболенскаго 1853 г. стр. 21.

[2]) Новое Время за 1880 г. № 1488.

[3]) Карамзинъ, впрочемъ, понимаетъ подъ словами „all the nobility" не только

и служиломъ сословіи, а при извѣстной точности, присущей, по справедливому замѣчанію Соловьева, англійскимъ писателямъ, это что нибудь да значитъ. Сходство во всякомъ случаѣ, говорящее въ пользу предположенія Н. П. Костомарова. Хотя весьма возможно, что при избраніи Ѳедора, къ лицамъ, вошедшимъ въ составъ іюльскаго собора, присоединись и остальные чины Московскаго государства.

Во всякомъ случаѣ это нисколько не противорѣчитъ тому, что высказалъ Н. И. Костомаровъ... Разсмотримъ теперь засѣданіе іюльскаго собора.—Извѣстно, что еще при Иванѣ въ 1580 году былъ созванъ соборъ изъ духовныхъ чиновъ, постановившій секуляризовать земли, принадлежавшія духовенству [1]). Въ 1580 году Иванъ, воюя съ поляками и со шведами, нуждался въ деньгахъ и потому рѣшился осуществить то, начало чему было еще положено при Иванѣ III [2]). Ѳедоръ Ивановичъ вскорѣ, послѣ вступленія своего на престолъ, вслѣдствіе обѣдненія ратныхъ людей, рѣшился еще разъ подтвердить постановленіе собора 1580 года и уничтожить право тархановъ, сравнивъ всѣхъ по отношенію къ платежу податей и отправленію различныхъ повинностей. Для этой цѣли 20 іюля 1585 г. онъ (или, лучше сказать, его совѣтники) созвали соборъ и предложили ему высказаться по поводу проэктируемаго уничтоженія тарханныхъ грамотъ (грамота, дававшая особенное право или преимущество въ несеніи повинностей). Въ составъ собора вошли: митрополитъ Діонисій, три архіепископа (Александръ новгородскій, Тихонъ казанскій и Ефимій ростовскій), шесть епископовъ (вологодскій, суздальскій, рязанскій, тверской, коломенскій и сарскій), двѣнадцать архимандритовъ, восемь игуменовъ, келарь и четыре монаха. Итого 35 членовъ освященнаго собора, подписи которыхъ имѣются на соборномъ актѣ [3]). Кромѣ духовенства, на соборѣ принимали участіе бояре и «царскій синклитъ». Что нужно понимать подъ послѣднимъ—неизвѣстно. Н. И. Костомаровъ, какъ ужъ было сказано выше, допускаетъ, что подъ словомъ «синклитъ» могла подразумѣваться не только боярская дума, но и выборные отъ служилаго сословія. Весьма возможно, что такъ и было, но все

„воинскихъ и приказныхъ людей", но и „купеческихъ" (т. X, прим. стр. 4). На это Соловьевъ совершенно основательно возражаетъ, что нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобъ подъ „nobility" можно было разумѣть кого нибудь, кромѣ дворянъ, „ибо тотъ же Горсей ясно различаетъ nobilitie и cominaltie" (т. VII, прим. стр. 441).

[1]) Актъ его помѣщенъ въ Продолж. Др. Росс. Вивл. т. VII, стр. 132 и въ Собр. госуд. Гр. и Дог. т. I, № 200, стр. 583.

[2]) См. Павлова: Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. I, гл. 1, стр. 32—52.

[3]) Продолж. Др. Росс. Вивл. т. VII, стр. 157 и Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 202, стр. 592.

таки необходимо имѣть въ виду полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то нибыло данныхъ для подобнаго заключенія. Изъ соборнаго акта мы видимъ, что Ѳедоръ Ивановичъ «совѣтоваху съ.... преосвященнымъ Діонисіемъ Митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и со всѣми бояры и со всѣмъ синклитомъ», рѣшилъ подтвердить запрещеніе духовенству и монастырямъ покупать вотчины, брать ихъ въ монастыри «по душѣ», имѣть на нихъ закладные листы и т. п. Такъ какъ въ противномъ случаѣ «воинство веліе пріиде во оскудѣніе». «Другоежъ и о томъ совѣтоваху и утвердихомъ», это — «чтобъ впередъ тарханомъ не быти», такъ какъ духовенство, обладая тарханными грамотами, никакихъ податей не платитъ и это тяжело ложится на служилое сословіе, и безъ того обѣднѣвшее. Крестьяне же съ земель служилаго сословія переходятъ на земли духовныхъ чиновъ и монастырей и «отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пріиде». На этомъ основаніи соборъ постановилъ: уничтожить тарханы, «покамѣста земля поустроитца и помочь во всемъ учинитца Царскимъ осмотреніемъ», слѣдовательно, всѣ обязаны будутъ платить подати и нести различныя повинности въ пользу казны, исключеній въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Затѣмъ приводятся постановленія собора 1580 г. Къ приговорной грамотѣ Ѳедоръ Ивановичъ «на большое утвержденіе» приложилъ свою печать, митрополитъ, архіепископы и епископы печати привѣсили и руки приложили, игумены же и старцы только руки проложили. Остальные члены собора воздержались и отъ этого. Однако, соборное постановленіе не было осуществлено на практикѣ. Ѳедоръ Ивановичъ, отличаясь набожностью, не могъ рѣшиться на дѣлѣ ограничить права духовенства и продолжалъ раздавать тарханныя грамоты, т. е. дѣйствовалъ какъ разъ въ разрѣзъ съ волей своего покойнаго отца и двукратнымъ постановленіемъ собора.

Въ продолженіи всего остальнаго царствованія Ѳедора Ивановича правительство не прибѣгало къ народной помощи и не созывало собора. Борисъ Годуновъ, фактическій правитель Россіи, подъ вліяніемъ котораго находился полуумный сынъ Ивана IV, считалъ излишнимъ подобное вмѣшательство земщины въ дѣла государства и правилъ совершенно самовластно, прикрываясь именемъ Ѳедора. Многія реформы были совершены безъ всякаго созыва выборныхъ, хотя и не безъ вліянія народа, правда косвеннаго, но всетаки же настолько значительнаго, что упускать изъ виду его никогда не слѣдуетъ. Челобитныя имѣли мѣсто и въ это время и производили надлежащее дѣйствіе. Такая важная реформа, какъ закрѣпощеніе крестьянъ далеко не была плодомъ измышленія одного правительства, напротивъ земщина играла здѣсь видную роль и, не ошибаясь, можно сказать, сама всячески стремилась къ закрѣпощенію себя!...

7 января 1598 года скончался Ѳедоръ Ивановичъ. Съ его

смертью пресѣклась династія, имѣвшая въ своихъ рукахъ судьбы Россіи впродолженіи многихъ вѣковъ. Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ о послѣднихъ минутахъ царя: «Впаде Великій Государь, Царь Θедоръ Іоанновичъ въ болѣзнь, и видя отшествіе свое къ Богу отъ суетнаго міра сего въ вѣчный покой, призва къ себѣ благочестивую Царицу и Великую Княгиню Ирину Θедоровну и давъ ей о Христѣ цѣлованіе, и простився съ нею, и не повелѣ ей царствовати, но повелѣ ей принять иноческій образъ; потомъ же приказалъ призвать Патріарха Іова и Бояръ своихъ. Патріархъ же и Бояре и всѣ люди съ плачемъ и рыданіемъ моляху его, Государя и глагола ему, Государю Патріархъ Іовъ: видимъ, Государь, мы свѣтъ померцающъ отъ очію нашею и тебѣ праведнаго отшествіемъ къ Богу, кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываеши и свою Царицу? Онъ же отвѣща имъ тихимъ гласомъ: во всемъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; како ему угодно, такъ и будетъ, а съ царицею моею Богъ воленъ, како ей жити, и о томъ у насъ уложено. Патріархъ ту стояше и власти и всѣ Бояре... Потомъ же повелѣ себѣ соборовати святымъ масломъ и причаститися Божественнымъ Христовымъ Тайнамъ и чистую свою праведную душу отдаде къ Богу мѣсяца генваря въ 6 день» [1]. Буссовъ (авторъ «Московской хроники», считавшейся долгое время произведеніемъ родственника его, Бера) иначе описываетъ послѣднія минуты царя. «Царица Ирина, говоритъ онъ, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ. Но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей Θедору, имѣвшему на престолъ ближайшее право». Послѣдній, однако, отъ него отказался, тоже самое сдѣлали и всѣ остальные, которымъ царь предлагалъ скипетръ. Тогда Θедоръ «лишился, наконецъ, терпѣнія и сказалъ: возьми же его, кто хочетъ, я не въ силахъ болѣе держать. Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ [2])». Послѣ погребенія Θедора, царица Ирина, не смотря на то, что патріархъ, бояре и народъ присягнули ей, постриглась и удалилась въ Новодѣвичій монастырь. Туда же послѣдовалъ за ней и братъ ея Борисъ, какъ извѣстно, правившій государствомъ въ царствованіе Θедора и теперь сложившій съ себя бремя правленія. Они оба не дремали и вмѣстѣ съ своими клевретами дѣйствовали, по выраженію Буссова, весьма хитро. «Царица, говоритъ послѣдній, призвавъ къ себѣ тайно много сотниковъ и пятидесятниковъ, склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями къ убѣж-

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 45.

[2]) Устряловъ, ч. I, стр. 13. Нечего и говорить, что къ этому извѣстію нужно относиться очень скептически.

денію воиновъ и гражданъ не избирать на царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ безпрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ государствомъ лучше всѣхъ прежнихъ царей и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ и при усердіи бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его государемъ» [1]. Другіе памятники, оставшіеся отъ того времени, также свидѣтельствуютъ въ пользу того, что Борисъ, всѣми силами добивался короны [2], но старался дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ этого никто не замѣтилъ. У него была могущественная партія, во главѣ которой стоялъ патріархъ, многимъ ему обязанный. Партія эта не гнушалась никакими средствами и подготовляла почву для приведенія своего замысла въ исполненіе. Къ тому же надо замѣтить, что Борисъ пользовался извѣстной популярностью въ народѣ за свое правленіе при Ѳедорѣ и, вслѣдствіе своей хитрой политики: угождать каждому и стараться, на сколько возможно, всѣхъ привлекать къ себѣ. Но была партія, противная Годунову, не желавшая видѣть его на престолѣ. Во главѣ ея стояли Шуйскіе. «Князи же Шуйскіе едины его не хотяху на царство, говоритъ лѣтописецъ, узнавъ его, что быти отъ него людямъ и себѣ гоненію. Они жъ отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша» [1]. Послѣ удаленія Ирины и Бориса въ монастырь, враждебная послѣднему часть бояръ сдѣлала попытку захватить власть въ свои руки, но это ей не удалось. Народъ, испытавъ однажды прелести олигархіи, предпочиталъ ей единоличное правленіе и на требованіе дьяка Щелкалова присягнуть боярской думѣ отвѣчалъ отказомъ. «Мы не знаемъ бояръ и князей, отвѣчалъ онъ, мы знаемъ одну царицу»! Тогда дьякъ объявилъ, что царица въ монастырѣ. «Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ!» раздалось въ отвѣтъ. Очевидно, клевреты Бориса не дремали. Между тѣмъ, патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и съ дворянами, съ «Христолюбивымъ воинствомъ, съ гостями и со всѣми православными хрестьянами цар-

---

[1]) Устряловъ, ч. I, стр. 14.

[2]) Такъ, въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „Борисъ... нача посылати злосовѣтниковъ своихъ и рачителей по царствующему граду Москвѣ и по всѣмъ сотнямъ, и по слободамъ, и по всѣмъ градомъ Русскія области ко всѣмъ людемъ, чтобы на государство всѣмъ міромъ просили Бориса“. См. Иное сказаніе о самозванцахъ, помѣщенное во „Временникѣ общества исторіи и древностей россійскихъ“, книга 16 (1853 г.) стр. 6; а также Попова: Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 214.

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 48.

ствующаго града Москвы и всея Русскія земли, съ женами и съ дѣтьми и съ ссущими младенцами» отправился въ монастырь упрашивать царицу-инокиню править царствомъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. «Ѳеатральное дѣйствіе», по выраженію Карамзина, было розыграно отлично и Борисъ съ Іовомъ оказались талантливыми актерами. Царица отказалась, Борисъ точно также. Нѣсколько разъ предпринималъ патріархъ свое путешествіе въ Новодѣвичій монастырь. За нимъ слѣдовало «всѣхъ чиновъ всенародное множество, бившихъ челомъ, и моливпихъ, и просившихъ со слезами безпрестанно по вся дни въ день и въ нощь» [1]). Но ничто не помогало. Борисъ оставался твердо при своемъ намѣреніи и желалъ довести комедію до конца. Онъ узналъ о стремленіи бояръ ограничить самодержавную власть въ свою пользу [2]) и поэтому дожидался съѣзда въ Москву выборныхъ изъ городовъ, долженствовавшихъ избрать новаго царя. Онъ хотѣлъ получить корону изъ рукъ народныхъ представителей, зная очень хорошо, что опираясь на народъ, онъ обезпечитъ себѣ самодержавіе и минуетъ всѣ козни бояръ. Между тѣмъ Іовъ продолжалъ упрашивать его принять царскій вѣнецъ «Великій Государь Борисъ Ѳеодоровичъ, говорилъ онъ, тебе единаго предъизбра Богъ и соблюде до нынѣшняго времени и остави истиннаго правителя Россійскому Государству, христьянскаго поборника, святымъ Божіимъ церквамъ теплаго заступника, царскому корени по сочтанію законнаго брака благорасленый цвѣтъ, Государевъ шуринъ и ближній пріятель... буди намъ, милосердый Государь, Царемъ и Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всеа Русіи по Божіей волѣ воспріими скифетръ православія Россійскаго царствія; не дай истинные православные вѣры въ попраніе и святыхъ Божіихъ церквей во оскверненіе и всѣхъ православныхъ христіянъ въ расхищеніе». На это Борисъ отвѣчалъ: «Не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовати, но ни въ разумъ мой пріиде о томъ, да и мысли моей на то не будетъ». Затѣмъ, посовѣтовавъ править государствомъ патріарху и боярамъ, онъ заключилъ свою рѣчь: «а будетъ моя работа гдѣ пригодится, и язъ за святыя Божія церкви, и государства Московскаго за одну пядь земли, и за все православное христіянство, и за ссущихъ младенецъ радъ кровь свою изліяти и голову свою изложити». Патріархъ, въ свою очередь, приводилъ массу аргументовъ въ пользу того, что никто, кромѣ Бориса, не имѣетъ болѣе правъ на московскій престолъ, напоминалъ много фактовъ изъ исторіи, когда люди, совершенно незнатные дѣлались царями и т. п.

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 7, стр. 19.

[2]) Извѣстіе объ этомъ сохранилось въ неизданныхъ бумагахъ Татищева. См. Соловьева, т. VII, стр. 464 примѣч. 12 и Павлова (Отеч. Зап. за 1859 г., т. CXXII, № 3, стр. 165).

Борисъ выдержалъ до конца и на отрѣзъ отказался отъ короны [1]). Извѣстный французскій авантюристъ Маржеретъ, впослѣдствіи начальникъ иноземной стражи при Борисѣ, въ своемъ сочиненіи «Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка», написаннымъ имъ по повелѣнію короля Генриха IV, слѣдующимъ образомъ изображаетъ политику Бориса, послѣ смерти царя Ѳеодора. «Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ее, по совѣту сестры его, въ государственной думѣ, куда всякій воленъ приходить въ продолженіи междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи царскаго титула; долго не соглашался на просьбу и говорилъ избравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдями и что она останется въ томъ же состояніи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ Государѣ, былъ ея правителемъ, пока русскіе, по зрѣломъ размышленіи, изберутъ другаго царя... онъ требовалъ притворно созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человѣкъ, чтобы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствію. Между тѣмъ, какъ въ исполненіи того долженствовало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженіи татарскаго хана въ Россію съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону» [1]).

17 февраля, послѣ того, какъ всѣ выборные съѣхались, открылись у патріарха засѣданія земскаго собора. По поводу того, сколько лицъ принимало на немъ участіе у историковъ существуетъ разногласіе. Карамзинъ считаетъ не менѣе 500 чиновниковъ и людей выборныхъ изъ всѣхъ областей [3]). Соловьевъ [4]) и Павловъ [4]) предполагаютъ 474, Бѣляевъ [5])—456, г. Загоскинъ [6])—457. Счетъ г. Загоскина самый вѣрный: всѣхъ лицъ, участвовавшихъ на соборѣ было 457 человѣкъ. Распредѣлялись они по слѣдующимъ категоріямъ. Членовъ духовенства было 83 человѣка: патріархъ (онъ же былъ предсѣдателемъ), 4 митрополита (Варлаамъ новгородскій, Гермогенъ казанскій, Варлаамъ ростовскій, Геласѣя сарскій), 6 архіепископовъ (вологодскій, суздальскій, смоленскій, рязанскій, тверской и архан-

[1]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 7, стр. 19—23.
[2]) Устряловъ, ч. I, стр. 257.
[3]) Исторія Гос. Росс. т. X, стр. 213.
[4]) Ист. Росс. т. VIII, стр. 5.
[5]) Отечеств. Записки за 1859 г. (Мартъ) т. CXXII, стр. 166.
) Рѣчи и отчетъ Московскаго унив. за 1867 г. стр. 21.
[7]) Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 228.

гельскій), 3 епископа (псковской, коломенскій, корельскій), 22 архимандрита, 24 игумена, 23 монастырскихъ старца (сюда вошли 3 келаря, 4 казначея, 4 строителя, 1 архидіаконъ и 11 простыхъ старцевъ). Эта категорія людей непосредственно зависѣла отъ патріарха. Служилое сословіе участвовало въ числѣ 338 человѣкъ: 17 бояръ, 17 окольничихъ, печатникъ (Щелкаловъ), 7 думныхъ дьяковъ, 45 стольниковъ, 10 дьяковъ по приказамъ, 92 дворянина, 13 жильцовъ, 18 выборныхъ изъ городовъ, 5 стрѣлецкихъ головъ, 16 выборныхъ изъ городовъ (снова), 2 бараша [1]) 13 дворцовыхъ ключниковъ, 42 жильца (снова) и 17 дьяковъ по приказамъ (снова). Большинство изъ нихъ жило въ Москвѣ и зависѣло отъ Бориса (всего только 34 человѣка были выборными изъ городовъ). Къ третьей категоріи принадлежали земскіе люди, ихъ было не много: 21 гость, староста гостинной сотни и 13 черныхъ сотенъ сотскихъ, всего 36 человѣкъ... Іовъ съ Борисомъ оказались ловкими политиками и соорудили такое представительство, которому позавидовалъ бы даже Наполеонъ III. Неудивительно, что соборъ безъ всякихъ преній и долгихъ разглагольствованій избралъ «Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи» Бориса Ѳедоровича Годунова. «Патріархъ Іовъ учини Соборъ со всѣми властьми, и призва къ себѣ Бояръ и всѣхъ православныхъ христіянъ, и уговорися съ ними итти съ честными кресты и святыми иконами и со всенароднымъ множествомъ въ Новодѣвичій монастырь милости испросити у Великой Государыни Александры, чтобы имъ Государыня пожаловала: дала на царство брата своего Бориса Ѳедоровича», такъ повѣствуетъ лѣтописецъ объ этомъ событіи [2]). До насъ дошелъ оффиціальный памятникъ того времени—это грамота объ избраніи царемъ Годунова [3]). Засѣданіе собора происходило слѣдующимъ образомъ. Іовъ, предсѣдательствовавшій на немъ, произнесъ рѣчь, въ которой, указывая на то, что царица Ирина, несмотря на просьбы народа править государствомъ, постриглась и переѣхала въ монастырь, не желая даже благословить на царство брата своего Бориса и что этотъ послѣдній на отрѣзъ отказался отъ короны, предложилъ вопросъ: «кому на великомъ преславномъ Государствѣ Государемъ быти»? Но сейчасъ же, не ожидая отвѣта, прибавилъ: «А у меня, Іева Патріарха, и у Митрополитовъ, и у Архіепископовъ, и у Епископовъ, и у Архимандритовъ, и у Игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ

---

[1]) Барашъ—шатерничій, обойщикъ. Будучи мастеровыми казеннаго приказа, бараши жили слободою, откуда и названіе Барашевскаго переулка въ Москвѣ, находящагося на мѣстѣ Барашевской слободы. См. Мартынова: Названія московскихъ улицъ и переулковъ съ историческими объясненіями, стр. 16—17.

[2]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 48.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 7. стр. 16.

у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ (sic!), которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ, мимо Государя Бориса Өедоровича, иного государя никого не искати и не хотѣти». Соборъ вполнѣ согласился со словами патріарха и «единогласно» рѣшилъ: «неотложно бити челамъ Государю Борису Өедоровичу, а опричь Государя Бориса Өедоровича на государство никого же не искати». Послѣ этого, говорили о подвигахъ и заслугахъ Бориса. Припоминали, что еще Иванъ IV очень симпатично относился къ нему и даже поручилъ ему своего сына Өедора; перечисляли все то, что сдѣлалъ Борисъ для Россіи во время своего правленія при Өедорѣ и заключили словами: «Благословенъ Богъ, совѣтъ благъ давшему во всенародное и множество и единомысліемъ утвердившему». Затѣмъ было рѣшено: отправиться на слѣдующій день въ церковь Богородицы и просить Бога и чудотворцевъ, чтобъ они «устроили полезная всему православному христіянству и желаніе сердца ихъ исполнили». А потомъ идти въ Новодѣвичій монастырь и просить Бориса принять корону Московскаго царства. Взаключеніе было постановлено, что кто захочетъ «искати себѣ иного государя, мимо Бориса Өедоровича» и его семейства, или будетъ что либо дурное замышлять противъ него, то «извѣстити на того измѣнника» патріарху и стояти на того государева измѣнника всею землею обще за единъ», а патріарху въ такомъ случаѣ надлежитъ предать его проклятію и отлучить отъ церкви (sic). Послѣ этого, соборъ разошелся. Какъ было постановлено, такъ и совершилось. Черезъ нѣсколько дней выборные съ патріархомъ во главѣ отправились въ монастырь и, послѣ разныхъ «слезныхъ» сценъ, разыгранныхъ Борисомъ и Іовомъ, первый согласился наконецъ сдѣлаться русскимъ вѣнценосцемъ [1]). Хитрый шуринъ умершаго царя довелъ комедію до конца и достигъ своей цѣли: шапка Мономаха была на немъ и онъ, незнатный потомокъ какого-то мурзы, превратился въ могущественнаго самодержца всея Руси!... Подъ избирательной грамотой (бывшей въ двухъ экземплярахъ: одинъ хранился у царя, другой въ ризницѣ у патрі-

---

[1]) До насъ дошли извѣстія, несовсѣмъ согласныя съ оффиціальнымъ описаніемъ процедуры шествія въ Новодѣвичій монастырь и просьбъ народа о принятіи Борисомъ вѣнца. Такъ, напримѣръ, изъ Инаго сказанія о самозванцахъ видно, что приверженцы Бориса не гнушались никакими средствами, лишь бы достигнуть своей цѣли. Штрафы, побои, искусственное проливаніе слезъ, обѣщаніе наградъ и т. п. практиковалось въ совершенствѣ и актъ свободнаго избранія царя со стороны народа профанировался до невозможности. См. Иное сказаніе о самозванцахъ во „Временникѣ общ. ист. и др. росс.“, книга 16, стр. 8: „... Народи же наипаче кричаху, читаемъ также въ одномъ хронографѣ, ови отъ препростаго ума своего, ови же научени бывше отъ самого (т. е. Бориса), ови же боязни ради“... (Поповъ, Изборникъ, стр. 286).

арха) помѣщены подписи всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе на соборѣ, начиная съ патріарха и кончая сотскимъ Подружниковымъ. Кромѣ того, тутъ же находятся и 14 печатей, принадлежавшихъ патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ. Грамота была утверждена «за руками и за печатью» Борисомъ и сыномъ его Ѳедоромъ... Первую половину царствованія Бориса можно отнести къ одному изъ лучшихъ временъ русской исторіи. Государство наслаждалось относительнымъ покоемъ, народъ, если не благоденствовалъ, то и не страдалъ такъ, какъ прежде. «Царь Борисъ, говоритъ Буссовъ, старался управлять государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ и чтобъ держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи» [1]). Маржеретъ также свидѣтельствуетъ, что Борисъ царствовалъ «мирно и счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ» [2]). Но за то, во вторую половину его царствованія появился сперва страшный голодъ, затѣмъ междоусобіе и т. п. бѣдствія, ниспосланныя, по мнѣнію благочестивыхъ лѣтописцевъ, Богомъ за грѣхи русскаго народа. Долго съ тѣхъ поръ, впродолженіи многихъ лѣтъ раздиралось смутою русское государство!.. Печальныя настали времена: Лжедимитрій одолѣвалъ, поляки ему помогали, русскіе города одинъ за другимъ переходили на его сторону; Борисъ совершенно палъ духомъ. Не смотря однако на свое критическое положеніе, онъ не искалъ опоры въ народѣ: не созвалъ земскаго собора. Почему? Намъ кажется, мнѣніе Бѣляева по этому поводу можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ. Борисъ, достигнувъ трона, черезъ обманъ народа, не рѣшился обратиться къ нему въ минуту опасности. Онъ не зналъ, что скажетъ этотъ послѣдній и какъ отнесется къ нему...

Борисъ умеръ 13-го Апрѣля 1605 года. Послѣ его смерти, на престолъ вступилъ сынъ его Ѳедоръ, царствовавшій всего два мѣсяца. Между тѣмъ, Лжедимитрій усиливался съ каждымъ днемъ и побѣднымъ шествіемъ приближался къ Москвѣ. Годуновыхъ всѣ покидали и переходили на сторону псевдо-сына Ивана IV. Примѣръ Басманова нашелъ себѣ массу подражателей и только небольшая сравнительно часть людей осталась вѣрна Ѳедору. Лжедимитрій разсылалъ повсюду грамоты, приглашая народъ присягнуть своему законному государю, вступающему на тронъ предковъ, не смотря на всѣ козни его враговъ. Московское правительство старалось конфисковать подобныя грамоты и не допускать ихъ до народа. Одно время это удавалось. Тогда Лжедимитрій избралъ двухъ пословъ: Плещеева и Пушкина и велѣлъ имъ ѣхать съ грамотой въ Красное село (находившееся возлѣ Москвы), чтобъ возмутить его

---

[1]) Устряловъ, ч. I, стр. 28.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 286.

жителей противъ Годуновыхъ. Красносельцы, по словамъ Буссова, [1]) приняли гонцовъ почтительно и многочисленною толпою проводили въ Москву, на Лобное мѣсто. Здѣсь произошло вѣче. Принимали на немъ участіе, очевидно, только жители Москвы и Краснаго села. Безъ сомнѣнія, могли быть также лица и изъ другихъ городовъ, случайно находившіяся въ столицѣ. Во всякомъ случаѣ подобное скопище народа не можетъ быть названо соборомъ. Правда, соборъ, избравшій Шуйскаго, какъ увидимъ ниже, былъ такимъ же «скопищемъ», но за то, нужно помнить, что когда Шуйскій былъ низвергнутъ, то однимъ изъ главныхъ мотивовъ его низверженія была незаконность собора, избравшаго его.... На Лобномъ мѣстѣ одинъ изъ гонцовъ прочелъ царскую грамоту къ жителямъ московскимъ и красносельскимъ. Въ ней Лжедимитрій напоминалъ о присягѣ, данной Москвой Ивану IV и всему его потомству. Говорилъ, что не желаетъ попрекать москвичей за ихъ измѣну по отношенію къ нему, такъ какъ они были введены въ заблужденіе Годуновымъ. Требовалъ, чтобъ они присягнули ему и обѣщалъ за это награды, въ противномъ же случаѣ грозилъ страшнымъ наказаніемъ. Послѣ прочтенія грамоты, по словамъ Массы, «толпа пала ницъ, молила о помилованіи, раскаявалась въ томъ, въ чемъ обвиняли ее и желала счастія Царю и Великому Князю Димитрію Ивановичу» [2]). Буссовъ описываетъ не много иначе. Онъ говоритъ, что затѣмъ начались разсужденія о томъ. что предпринять и, когда рѣшено было передаться на сторону Димитрія, а Годуновыхъ взять подъ стражу, то изъ дворца прибѣжали бояре и хотѣли схватить гонца, читавшаго грамоту (Буссовъ говоритъ только объ одномъ). Но народъ взволновался и съ крикомъ: «да здравствуетъ Димитрій», бросился во дворецъ, разграбилъ его и приставилъ стражу къ Годуновымъ [3]). Петрей сообщаетъ еще о томъ, что толпа отправилась къ Василію Шуйскому съ просьбою сказать откровенно, точно ли Димитрій царевичъ убитъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣтей Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ своимъ войскомъ, а въ Угличѣ, вмѣсто него убитъ сынъ поповскій [4]). Былъ ли подобный допросъ Шуйскому или нѣтъ, неизвѣстно, только, кромѣ Петрея, ни одинъ памятникъ объ этомъ не говоритъ.—Вскорѣ, послѣ вышеописанныхъ событій, Ѳедоръ съ матерью были умерщвлены и Лжедимитрій вступилъ на престолъ. Народъ призналъ его царемъ и онъ имѣлъ полное основаніе писать въ своихъ грамотахъ: «Богъ намъ, Великому Государю Московское государство поручилъ: Іевъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи.

---

[1]) Тамъ же ч. I, стр. 44.

[2]) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 151.

[3]) Устряловъ, ч. I, стр. 44.

[4]) Тамъ же, ч. I стр. 376.

и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и дворяне большіе, и стольники, и стряпчіе, и жильцы, и приказные люди, и дворяне жъ и дѣти боярскіе всего россійскаго государства, и гости, и торговые, и всякіе люди, узнавъ прироженнаго Государя своего, Царя и Великаго Князя Димитрія Ивановича всея Русіи, въ своихъ винахъ добили челомъ»[1]). Если и была партія, противная ему, то она была въ это время слаба и должна была молчать....

Въ царствованіе Лжедимитрія, продолжавшееся, какъ извѣстно, годъ, состоялся одинъ земскій соборъ. Бѣляевъ и Н. П. Загоскинъ умалчиваютъ о немъ, они даже прямо отрицаютъ возможность созванія какого бы то ни было собора и объясняютъ это тѣми же причинами, по которымъ отсутствовали соборы въ царствованіе Бориса [2]). Постараемся доказать невѣрность ихъ мнѣній. Вскорѣ, послѣ вступленія на престолъ Лжедимитрія, по Москвѣ стали распускаться слухи, что царь вовсе не сынъ Ивана IV, а просто бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ. Главный распускатель этихъ слуховъ былъ князь Василій Шуйскій, какъ извѣстно, посланный Борисомъ въ Угличъ развѣдать дѣло объ убіеніи царевича. Шуйскій находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ московскими торговыми людьми и сообщилъ одному изъ нихъ Өедору Коневу все то, что зналъ касательно царя. Этотъ сталъ, въ свою очередь, повсюду распространять, что царь не Димитрій, что онъ хочетъ уничтожить православіе, что онъ орудіе поляковъ и т. п. Тогда Басмановъ донесъ на Шуйскаго и этотъ послѣдній былъ арестованъ. Его предали суду, но суду народному. Для этой цѣли созвали соборъ изъ представителей всѣхъ сословій. По нѣкоторымъ извѣстіямъ [3]) самъ царь присутствовалъ на соборѣ и, отличаясь краснорѣчіемъ, доказалъ, что обвиненія Шуйскаго не имѣютъ никакого основанія и что онъ истинный сынъ Ивана IV. Соборъ приговорилъ Шуйскаго къ смертной казни, но, какъ извѣстно, царь смягчилъ ему наказаніе и сослалъ его въ Вятку, откуда онъ вскорѣ былъ возращенъ. Подобный народный судъ представлялъ собою новое явленіе, не встрѣчавшееся въ прежнія времена. Онъ показывалъ, что у Лжедимитрія былъ извѣстный политическій смыслъ, которымъ онъ, однако, далеко не всегда руководствовался. Слѣдующіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что въ 1605 году въ Москвѣ состоялся соборъ. Новый лѣтописецъ въ такихъ словахъ повѣствуетъ объ этомъ событіи: «Многіе же люди, зрящее наступающее гоненіе на христіанскую вѣру, начаша помышляти, дабы до конца не разорилась, первіи же въ ономъ помышленіи бояринъ князь Василій Ивановичъ

---

[1]) Акты Арх. Экст. т. II, № 33, стр. 92.

[2]) Рѣчи и отчетъ Моск. унив. за 1867 г. стр. 24. Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 231.

[3]) Де-Ту (Устряловъ, ч. I, стр. 338).

Шуйскій съ братіею. Увѣдавъ же сіе Гришка, переимавъ ихъ и *собра соборъ ихъ ради, яко честніи суть вельможи, боясь ихъ тако погубити, да нань не возглаголютъ, яко всуе погуби ихъ, и объяви всему собору умышленіе ихъ надъ собою; весь же соборъ знающи, яко не Царевъ сынъ есть оный, но Гришко Отрепьевъ, но никтоже его смѣяше обличити, бояху бо ся другъ друга и на оныхъ Шуйскихъ вси вопіяху»* [1]. Въ Лѣтописи о мятежахъ и въ Никоновской лѣтописи мы находимъ слѣдующее мѣсто, озаглавленное: «О Князѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомъ съ братьею». «Видяжъ убо многіе люди, говорится здѣсь, на православную вѣру гоненіе, бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьею начаша помышляти, чтобъ православная Христьянская вѣра до конца не разорилась. Онъ же той Гришка увѣда ихъ и повелѣ поймати, и *повелѣ собрати соборъ, и объявиша про нихъ, яко умышляютъ сіи на меня. На томъ же соборѣ не властники изъ бояръ, но изъ простыхъ людей никтоже имъ пособствующе, всѣ на нихъ же кричаху»* [2]. Также и Маржеретъ въ своемъ «Состояніи Россійской Державы» говоритъ, что «черезъ нѣсколько времени, въ присутствіи выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій князя Василья Шуйскаго судили и признали виновнымъ въ оскорбленіи величества» [3]. Французскій историкъ времени Генриха IV Де Ту, правда, говоритъ только о «совѣтѣ вельможъ», а не о соборѣ, но за то Паерле (нѣмецкій купецъ, жившій въ Москвѣ при Лжедимитріи) въ своемъ «Путешествіи изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ» свидѣтельствуетъ въ пользу того, что Шуйскій «былъ взятъ подъ стражу, найденъ виновнымъ и, *какъ сенатомъ, такъ и народомъ*, осужденъ на смерть [4]. На основаніи свидѣтельствъ этихъ памятниковъ, мы имѣемъ полное основаніе сказать, что въ 1605 году былъ созванъ соборъ изъ представителей всѣхъ сословій. Вопросъ остается лишь открытымъ, были ли эти представители отъ всего государства или же только отъ Москвы? Объ этомъ памятники ничего не говорятъ...

Въ слѣдующемъ 1606 году состоялся избирательный соборъ, оказавшійся, впрочемъ, ничѣмъ инымъ, какъ пародіей на соборъ. Онъ состоялся при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Послѣ убіенія Лжедимитрія и истребленія поляковъ, когда въ Москвѣ мало по малу волненіе затихло, рѣшено было приступить къ избранію царя. Было нѣсколько кандидатовъ, напримѣръ князья: Мстиславскій, Шуйскій, Голицынъ. «Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, пишетъ Маржеретъ, многіе предлагали престолъ и, еслибы всѣ чины были

---

[1] Глава 109, стр. 71.

[2] Лѣтопись о мятежахъ, стр. 96; Никон. лѣтопись, т. VIII, № 110, стр. 71.

[3] Устряловъ, ч. I, стр. 299.

[4] Устряловъ, ч. I, стр. 174.

созваны, ему вручили бы скипетръ; онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ, князь, какъ говорятъ, отказался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій» [1]). Другимъ кандидатомъ былъ Голицынъ. Но больше всѣхъ шансовъ попасть въ цари было у Шуйскаго, главы заговора противъ Лжедимитрія. Онъ, впрочемъ, не дремалъ и агитировалъ въ свою пользу. Нѣкоторые изъ бояръ предлагали созвать народныхъ представителей отъ всего государства и имъ предоставить выборъ царя. Но партія Шуйскаго воспротивилась этому и рѣшила скорѣе покончить съ дѣломъ. «По убіеніи же Разстригинѣ, говоритъ лѣтописецъ, начаша Бояре думати, како бы согласиться со всею землею и чтобъ пріѣхали изъ городовъ къ Москвѣ всякіе люди, како бы по совѣту выбрати на Московское государство Государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ. Богу же не милующу грѣхъ ради нашихъ, еще не къ унятію крови Христьянскія немногіе люди умысля по совѣту князь Василья Ивановича Шуйскаго и не совѣтовавъ со всею землею, да и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди» [2]). «Отъ того же боярина князя Василья, читаемъ въ одномъ хронографѣ, многіе друзи и совѣтницы посланы въ народъ и заповѣдано имъ бысть, да изберутъ на царство его, князя Василія» [3]). 19 мая народъ былъ собранъ на Красную площадь. Бояре, уже согласившись избрать Шуйскаго, подъ условіемъ, чтобъ онъ правилъ съ «общаго совѣта», предложили его собравшимся. Де-Ту подробно описываетъ этотъ «соборъ» [4]). Онъ приводитъ цѣликомъ рѣчь Шуйскаго, сказанную имъ въ началѣ засѣданія. Сущность этой рѣчи слѣдующая: Шуйскій старается оправдать «многіе свои поступки, въ которыхъ онъ теперь себя винитъ и раскаявается». «Надѣюсь, восклицаетъ онъ, что я довольно потрудился съ вами, чтобы загладить свою ошибку»! Затѣмъ, онъ расточаетъ похвалы Ивану IV и думаетъ, что каждый, кого радуетъ слава отечества «не можетъ не похвалить его великаго разума». Послѣ этого, переходитъ къ характеристикѣ своей дѣятельности на пользу родины и довольно подробно разсматриваетъ ее. При случаѣ посылаетъ проклятія Борису и объясняетъ свой переходъ на сторону Лжедимитрія желаніемъ «избавиться отъ ига этого лютаго тирана». «Душа содрогается при одномъ имени его ненавистномъ! Какой плачъ, какіе стоны, бѣдствія, злополучія ознаменовали все время его правленія»! Переходя къ правленію Лжедимитрія, будущій царь описываетъ всѣ тѣ несчастія, которыя самозванецъ готовилъ Россіи, что именно его и

---

[1]) Тамъ же ч. I, стр. 307.

[2]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 102; Никоновская лѣтоп. т. VIII, № 120, стр. 75.

[3]) Поповъ, Изборникъ, стр. 294.

[4]) Устряловъ, ч. I, стр. 350.

побудило низвергнуть послѣдняго съ престола. Заканчивается рѣчь призывомъ къ избранію въ цари личности, достойной во всѣхъ отношеніяхъ (качества эти подробно перечисляются Шуйскимъ). «Можетъ быть, вы думаете, таковы заключительныя слова рѣчи, что такого властителя едва ли найти возможно и что онъ существуетъ только въ моемъ воображеніи; но добрый гражданинъ долженъ желать наилучшаго государя, по крайней мѣрѣ такого, который бы народу казался наилучшимъ». «По окончаніи рѣчи, говоритъ Де-Ту, приступили къ собранію голосовъ и царемъ всѣ вельможи провозгласили Шуйскаго. Сначала онъ скромно отказывался отъ предлагаемой чести; наконецъ, поблагодаривъ избирателей, съ радостью согласился на единодушное желаніе ихъ» [1]. Что Шуйскій былъ избранъ только одной своей партіей, на это, кромѣ Лѣтописи о мятежахъ и Никоновской лѣтописи, приведенныхъ выше, указываютъ еще и другіе памятники. Его партія даже не сочла нужнымъ обратиться къ народу, какъ было при избраніи Бориса, а повела дѣло гораздо проще: она дѣйствовала отъ имени народа, хотя этотъ послѣдній и не думалъ уполномочивать ее. Такъ, гетманъ Жолкевскій въ своихъ интересныхъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что «князь Василій Шуйскій съ помощью тѣхъ же, которые помогли ему низвергнуть Лжедимитрія, на третій день вступилъ на престолъ Московскій... Онъ послалъ чиновниковъ для принятія присяги во всѣ области Московскаго государства; но такое овладѣніе престоломъ по волчьему праву не понравилось многимъ. Нѣкоторые желали установить свободное избраніе, за что потомъ были наказаны Шуйскимъ... Хотя большая часть областей присягнула ему и повиновалась, однако же нѣкоторыя не хотѣли, а въ особенности въ Сѣвер-

---

[1]) Приводимъ еще свидѣтельство Штраленберга объ избраніи Шуйскаго. По его словамъ, вскорѣ послѣ убіенія Лжедимитрія, въ Москву были созваны представители всѣхъ знатныхъ дворянскихъ родовъ для избранія царя. Послѣ произведеннаго вотированія со стороны этого собранія, оказалось, что наибольшее число голосовъ получили Василій Шуйскій и Иванъ Голицынъ. Однако, вслѣдствіе полученія ими одинаковаго числа голосовъ, собраніе просило ихъ удалиться и дать время подумать. Послѣ ихъ ухода, князь Воротынскій произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что необходимо опасаться избирать лицо, обладающее большой родней и вліяніемъ въ странѣ и, что нужно предъявить извѣстныя условія избранному (лишить права издавать новые законы, измѣнять старые и т. п.) Все это было принято собраніемъ. Закончилась рѣчь обращеніемъ къ избравшимъ Голицына съ просьбой подумать хорошенько объ этомъ избраніи, въ виду могущества Голицыныхъ. Тогда одинъ изъ членовъ собранія предложилъ предоставить народу рѣшить, кто изъ обоихъ кандидатовъ долженъ царствовать. Воротынскій же распорядился послать въ народъ агитаторовъ объявить ему, что избранъ царемъ Шуйскій и что, когда бояре появятся, то кричать Шуйскому „виватъ“. Такимъ образомъ, послѣдній сдѣлался царемъ. См. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia (Stockholm, 1730), стр. 203.

ской землѣ Путивль главный городъ» [1]). «Не всѣ чины земскіе, говоритъ также Буссовъ, избрали его (Шуйскаго) государемъ, многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы, вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе бояре. Когда же патріархъ со всѣмъ духовенствомъ короновалъ его и всѣ жители Москвы, русскіе и нѣмцы дали присягу на вѣрность, тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ которыхъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы» [2]). О томъ же свидѣтельствуетъ Маржеретъ. «Шуйскій, пишетъ онъ, получилъ корону черезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Ѳедоровичу» [3]). А въ другомъ мѣстѣ описываетъ мятежи, происшедшіе вскорѣ, послѣ избранія новаго царя. «Вельможи, по его словамъ, негодуя на избраніе Шуйскаго государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола». [4]). О подобныхъ же мятежахъ упоминаетъ и голландецъ Геркманъ въ своемъ «Историческомъ повѣствованіи о важнѣйшихъ смутахъ въ государствѣ Русскомъ.» Въ этомъ сочиненіи мы находимъ слѣдующее мѣсто:»....необходимость признать государемъ Шуйскаго, ненавидимаго большею частью своихъ подданныхъ, возбудила сильное неудовольствіе въ простомъ народѣ во многихъ городахъ, въ особенности же, въ области Сѣверской, называемой русскими Сѣверской стороной, равно, какъ и въ Путивлѣ, гдѣ заперли въ башню посланнаго туда знатнаго господина и въ Астрахани, гдѣ народъ, услышавъ имя Василья Шуйскаго, сталъ браниться и кричать: «уже ли этотъ шубникъ станетъ нашимъ царемъ?—Мы не хотимъ его принять»....Тоже говорили и въ Путивлѣ» [5]). Приводимъ также мѣсто изъ «Сказанія о осадѣ Троицкаго монастыря» Авраамія Палицына, вполнѣ согласное съ цитированными выше отрывками. Вотъ, что пишетъ Палицынъ: «Малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть Царемъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій и возведенъ бысть въ Царскій домъ, никимъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ..... и устроися Россія вся въ двоемысліе: ови убо любяще его, овіи же ненавидяще» [6]). Взаключеніе упомянемъ еще о выпискѣ изъ «Дневника Марины», веденнаго однимъ полякомъ, находившемся въ свитѣ супруги Лжедимитрія. «29 Мая, говоритъ польскій авторъ, избрали царемъ князя Василья Ивановича Шуйскаго; избирателями были весьма немногіе бояре и низшаго класса люди, которые безъ дальняго совѣщанія съ государственными

---

[1]) Записки гетмана Жолкевскаго, изд. Муханова, гл. 3, стр. 14.

[2]) Устряловъ, ч. I, стр. 76.

[3]) Устряловъ, ч. I, стр. 303.

[4]) Тамъ же стр. 306.

[5]) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 299.

[6]) Сказаніе о осадѣ Троицкаго монастыря, изд. 2-ое, стр. 34.

чинами, объявили въ народѣ о восшествіи его на престолъ» [1]). Не смотря однако на то, что «соборъ», избравшій Шуйскаго былъ ничѣмъ инымъ, какъ комедіей и притомъ довольно неискусно разыгранной приверженцами послѣдняго, новый царь поспѣшилъ разослать грамоты, въ которыхъ объявлялъ о своемъ избраніи на царство представителями народа всего Московскаго Государства».... И били намъ челомъ, говорится въ одной изъ грамотъ, Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и дворяне, и приказные люди, и стольники, и стряпчіе, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые, и всякіе люди Московскаго государства, чтобъ намъ быти на Московскомъ государствѣ, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ......» [2]). Но, такъ какъ, вступая на престолъ, Шуйскій не опирался на народъ, всегда стоявшій за самодержавіе, вслѣдствіе незнанія другихъ формъ правленія, а получилъ власть изъ рукъ сравнительно незначительной партіи, то долженъ былъ, исполнить извѣстныя требованія, предъявленныя послѣдней, долженъ былъ, однимъ словомъ, купить ея поддержку. Дѣйствительно, Шуйскій, хотя и писался самодержцемъ, но на самомъ дѣлѣ имъ не былъ. Онъ былъ первымъ русскимъ царемъ, власть котораго была ограничена. По словамъ лѣтописца, Шуйскій, войдя въ соборную церковь Пречистыя Богородицы, «на-

---

[1]) Устряловъ, ч. II, стр. 169. Существуютъ, впрочемъ, нѣкоторые памятники, иначе описывающіе вступленіе на престолъ Шуйскаго. Такъ, напримѣръ, Рукопись Филарета говоритъ, что „вси народи, предстоящіе ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ небесе шумящу, если отъ земли возглашающу, воздвигоша гласы своя великими жрѣлы, яко аще рѣщи и земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣтатесь има, вси жъ единогласно глаголюще: „да будетъ царствуя надъ нами царь и великій князь Василій Ивановичъ, иже избавивый насъ отъ належащія пагубы свирѣпаго еретика Гришки Атреньева". И тако всѣмъ совѣтомъ избраша на россійское самодержство благочестиваго царя Василія". (Изд. 1837 г. стр. 3). Показанія автора Иного сказанія о самозванцахъ также свидѣтельствуютъ, что новый царь былъ избранъ „всею Россійскою областію", а не только одной своей партіей. (Временникъ общ. ист. и др. росс. книга 16, стр. 14). „А всѣмъ Московскимъ государствомъ, читаемъ также и въ Столяровскомъ хронографѣ, бояре, и окольничіе, и думные люди, стольники, и стряпчіе, и дворяне, и жильцы, и гости, и торговые люди, и стрѣльцы, и черные, и сотенные люди выбрали государемъ, царемъ и великимъ княземъ Василія Ивановича Шуйскаго" (Поповъ, Изборникъ, стр. 330) Но нужно помнить, что первый изъ упомянутыхъ памятниковъ происхожденія болѣе или менѣе офиціальнаго (даже не признавая авторомъ его Филарета), второй же принадлежитъ перу человѣка, показанія котораго не могутъ имѣть для насъ никакого значенія, такъ какъ послѣдній, очевидно, былъ изъ числа приверженцевъ Шуйскаго и пристрастно относился къ нему. Стоитъ прочесть Иное сказаніе, чтобъ убѣдиться въ истинности нашихъ словъ.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 44, стр. 101 и Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 144, стр. 303.

чать говорити, чего искони вѣкъ въ Московскомъ Государствѣ не важивалося: что цѣлую я въ сей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати *безъ собору* никакого дурна; и есть ли отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать; а буде сынъ виноватъ, а отецъ того не сдѣлаетъ, и отцу никакого дурна не сдѣлати, а которая де была грубость при царѣ Борисѣ, никакъ никому того не мститель» [1]). Подобныя ограниченія самодержавной власти были дѣломъ рукъ бояръ, а не народа, давно уже позабывшаго свою вѣчевую свободу.—Въ той же лѣтописи нѣсколькими строками ниже мы находимъ подтвержденіе высказанной нами мысли...«и о томъ же Бояре и всякіе люди поцѣловаша ему крестъ, и со всею землею и съ городами о томъ не ссылались» [2]). Интересна сама грамота, въ которой изложены «ограничительныя условія» [3])«.....И повелилъ если язъ, Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи, читаемъ въ ней, цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, Великому Государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хоти который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ, и лавокъ, и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, Великому Государю не слушати, а сыскивати всякими сысками накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное Хрестьянство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣльно тѣмъ самъ осудится». Заканчивается грамота словами: «язъ Царь и Великій Князь всея Русіи цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класти и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати». Между этой грамотой и мѣстомъ изъ лѣтописи, цитированнымъ выше, существуетъ разница и разница громадная. По лѣтописному свидѣтельству власть царя ограничивалась соборомъ, въ оффиціальномъ же памятникѣ говорится только о боярахъ! [4])... Масса

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 102.

[2]) Стр. 103.

[3]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. II, № 141, стр. 299.

[4]) Г. Ключевскій объясняетъ эту разницу слѣдующимъ образомъ. Шуйскій, будучи вынужденнымъ согласиться на ограниченіе своей власти боярами, желалъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, замѣнить его ограниченіемъ со стороны земскаго собора, зная, что тогда онъ будетъ гораздо независимѣе, для чего и цѣловалъ крестъ „всей землѣ“. Но бояре этому воспротивились и результатомъ ихъ оппозиціи было появленіе въ оффиціальномъ памятникѣ мѣста объ ограниче-

сообщаетъ еще объ одномъ обращеніи къ народу нѣсколько дней спустя, послѣ вѣнчанія на царство Шуйскаго. «30 мая снова собрали народъ, пишетъ голландскій ученый, на большой площади. Сюда вышла бо́льшая часть вельможъ и они прочли статьи, въ которыхъ были изложены причины убіенія вѣнчаннаго царя (Лжедимитрія)» [1]). Въ статьяхъ этихъ излагались доказательства въ пользу того, что убитый царь былъ самозванецъ, а не сынъ Ивана IV. Подобныхъ народныхъ собраній или «соборовъ города Москвы» было нѣсколько. Древнее русское правительство имѣло обыкновеніе очень часто совѣщаться съ народомъ и созывало для этой цѣли не только соборы всего государства, но и небольшія собранія изъ жителей Москвы, напоминавшія собою прежнія вѣча. Такъ, напримѣръ, еще во время царствованія Лжедимитрія, въ самый день его торжественнаго въѣзда въ Москву «Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ дворца съ нѣсколькими боярами и князьями, сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу рѣчь, славилъ Бога за спасеніе Государя и убѣждалъ Москвитянъ быть вѣрными новому царю и истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ снялъ съ груди своей крестъ съ ликомъ чудотворца Николая, поцѣловалъ его и воскликнулъ: «Берегите и чтите своего государя». Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: «Богъ да сохранитъ царя-государя и погубитъ всѣхъ враговъ его» [2])!

Во все продолженіе царствованія Шуйскаго соборовъ не было, несмотря на то, что царь постоянно находился въ критическомъ положеніи. Причины этого явленія указаны Бѣляевымъ: царь, правившій государствомъ *вопреки народной волѣ, не могъ искать опоры въ народѣ*: послѣдній не поддержалъ бы его.—Въ 1610 году состоялось въ Москвѣ народное собраніе, присвоившее себѣ названіе земскаго собора. Этотъ quasi-соборъ низложилъ царя Василья Ивановича Шуйскаго и избралъ временное правительство изъ бояръ. Низложенный царь никогда не былъ любимъ народомъ. Достигнувъ власти, благодаря своей партіи, онъ могъ держаться на тронѣ, только подъ условіемъ счастливаго царствованія. Между тѣмъ, царствованіе Шуйскаго можетъ считаться однимъ изъ самыхъ несчастныхъ, когда либо бывшихъ на Руси. Не даромъ же составилось въ народѣ убѣжденіе, что «Царь Василій Ивановичъ несчастливъ» и что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ править государствомъ, русская земля не умиротворится. Дѣйствительно, до умиротворенія государства было очень далеко. Междоусобія достигали своего апогея. Въ Тушинѣ господствовалъ Лжедимитрій II и, обладая большимъ числомъ при-

---

нія царской власти *только* боярами. Предположеніе это вполнѣ вѣроятно (Боярская дума древней Руси, 1-ое изд. стр. 378).

[1]) Сказанія Массы и Геркмана, стр. 212.

[2]) Буссовъ (Устряловъ, ч. I, стр. 48).

верженцевъ, разорялъ русскую землю, стремясь сдѣлаться московскимъ царемъ (подъ конецъ царствованія Василья онъ удалился изъ Тушина и укрѣпился въ Калугѣ). Подъ Смоленскомъ стоялъ польскій король Сигизмундъ и осаждалъ его. Другой польскій отрядъ подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, разбивъ Делагарди и Димитрія Шуйскаго при Клушинѣ, шелъ на Москву. Положеніе Василья было крайне критическое... Тогда то и состоялся quasi-земскій соборъ, низложившій его. Еще раньше, въ февралѣ 1609 года была попытка свергнуть его съ престола. Лѣтописецъ такимъ образомъ повѣствуетъ объ этомъ событіи: ...«умысля князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сумбуловъ, Тимоѳей Грязной и иные многіе и пріидоша въ верхъ къ боярамъ и начаша говорити, чтобъ Царя Василья перемѣнити. Бояре же имъ отказаша и побѣгоша изъ города ко своимъ домамъ. Они же идоша къ Патріарху и взяша его съ мѣста изъ Соборной церкви и ведоша его на Лобное мѣсто. Онъ же аки крѣпкій адамантъ ихъ укрѣпляше и заклинаше, не велѣ на такую діавольскую прелесть прельщатися, да и пойде Патріархъ на свой дворъ. Они же послаша по Бояръ и Бояре къ нимъ отнюдь никто къ ихъ діавольскому совѣту не поѣхаша: единъ къ нимъ пріѣхалъ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Бояре же собрався изъ полковъ пріидоша къ Царю Василью. Тѣ жъ съ Лобнаго мѣста пріидоша на Царя Василья. Царь же Василій выйде противъ ихъ мужественно и не убояся отъ нихъ убійства. Они же, видѣвъ его мужество и ужасошася, и отъ него побѣгоша вси изъ града, и отъѣхаша въ Тушино человѣкъ съ триста. Царь же Василій на Москвѣ осаду съ Бояре укрѣпивъ, сяде въ осадѣ» [1]). Въ Латухинской Степенной книгѣ и въ одномъ хронографѣ, приводимыми Карамзинымъ, событіе это описано подробнѣе. Изъ этихъ памятниковъ видно, что партія, желавшая низверженія Шуйскаго всячески старалась возбудить народъ противъ него: она доказывала незаконность избранія Царя, который «согласився съ потаковники своими и сѣлъ на Московское государство сильно». «Онъ, человѣкъ глупъ, говорили они, и нечестивъ, и многая пьяница, и блудникъ,

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 150. Новый лѣтописецъ приписываетъ слѣдующую рѣчь патріарху, сказанную имъ на Лобномъ мѣстѣ: „ни чада, не начинайте таковаго беззаконія; писано бо есть: да повинуются раби господемъ своимъ, не точію благимъ, но и строптивымъ; сей же царь нашъ благъ и кротокъ и милостивъ; и никто же можетъ собою честь получити, аще Богъ не возвыситъ, якожъ глаголетъ Апостолъ: никто же пріиметъ честь, токмо званный отъ Бога. А еже вы глаголете, яко его ради нещастія все зло чинится, и сіе зло не его ради творится, но вашего ради народнаго нестроенія и междоусобія, и аще между вами не будетъ междоусобныя вражды, тогда и Богъ поможетъ намъ и вся благая подастъ намъ, аще ли же не послушаете мене и не престанете отъ начинанія своего, азъ чистъ отъ сего, но вы узрите и клятву за сіе отъ насъ имате носите“ (Глава 139, стр. 101).

и всячествованіемъ неистовенъ»... «А нынѣ его ради кровь Христіанская ліется, понеже онъ царства сего недостоинъ и не потребенъ на все». «Сія же народи, говорится въ Латухинской Степенной книгѣ, слышаху и тѣмъ мятежникомъ отвѣтъ творяху сице: «мы вси Благочестивому Государю Царю Василью Ивановичу покарятися ради, а сѣлъ онъ, Государь на царство не собою, но выбрали его Большіе Бояре и вы, Дворяне и служилые люди, а піянства и всякаго неистовства мы въ немъ не вѣдаемъ, а когда бъ онъ, Царь вамъ неугоденъ былъ, то невозможно его, Государя безъ Большихъ Бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести». «И тако суровіи крамольницы народъ возмути невозмогоша, но безстудно къ Царю, Государю пріидоша въ полаты съ великимъ воплемъ и наглостью укоряти и поношати его начаша. Царь же Василій Ивановичъ, видя ихъ безстудное устремленіе и въ лице имъ ста и рече имъ: «что вы законопреступніи людіе нагло пріидосте ко мнѣ? еда ли убити мя хощети, то азъ убо на смерть готовъ есмь, аще ли же отъ Царства изгнати мя тщитеся, и того безъ Большихъ Бояръ и Дворянъ невозможно вамъ сотворити, безъ совѣту всея Россійскія земли».— «Сія же слышавше мятежницы, они со срамомъ отъ Царя отъидоша и къ воровскому Царику отбѣгоша въ Тушино вси» [1]). Итакъ, въ 1609 г. бѣда миновала Шуйскаго; положеніе его даже вскорѣ упрочилось, благодаря побѣдамъ племянника его, Михаила Скопина и шведскаго генерала Делагарди. Но это продолжалось недолго. Въ апрѣлѣ Скопинъ, сдѣлавшійся уже народнымъ любимцемъ скоропостижно умеръ. Молва приписала его смерть царю, завидовавшему ему и боявшемуся его возрастающей популярности. Тогда звѣзда Шуйскаго померкла и уже померкла навсегда! Слѣдовавшія затѣмъ бѣдствія свергли царя неудачника съ трона и были причиной его постриженія и плѣненія поляками... Выше было уже сказано, что въ 1610 г. въ Москвѣ состоялось народное собраніе, дѣйствовавшее отъ имени всей земли. Иниціатива созванія этого quasi-собора, принадлежала Захару Ляпунову, брату извѣстнаго Прокопія. Передъ этимъ у Данилова монастыря за Москвой произошло свиданіе между московскими людьми и приверженцами Тушинскаго вора. «Бысть въ лѣто 7118, что на Москвѣ на Царя Василья пришло мнѣніе великое, говоритъ лѣтописецъ, и начаша Бояре съѣзжатися и съ воровскими полками сговариваться, чтобъ они отстали отъ Тушинскаго, а мы де всѣ отстанемъ отъ Московскаго Царя Василья. Тушинскіе воры лестію имъ сказаша, что отстанемъ и выберемъ собча Государя. Въ тожъ время прислалъ Прокофей Ляпуновъ къ Москвѣ, къ брату своему Захарію Ляпунову и ко всѣмъ своимъ совѣтникомъ Алешку Пѣшкова, чтобъ царя Василья съ государства ссадить» [2]). «Бывши

[1]) Карамзинъ, т. XII, прим. стр. 118. См. также Попова Изборн., стр. 198—199.
[2]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 136.

же правители, пишетъ Авраамій Палицынъ, у ложнаго Царя неправъ совѣтъ изъявляютъ защитникомъ царствующаго града Москвы: вы убо оставите своего Царя Василья и мы такожде своего оставимъ и изберемъ вкупѣ всею землею Царя...» [1]). Объ этомъ условіи между московскими и тушинскими людьми сообщаетъ также и хронографъ по Столяровскому списку [2]). Уговорившись такимъ образомъ, Захаръ Ляпуновъ съ Өедоромъ Хомутовымъ и другими сообщниками отправились во дворецъ къ царю и потребовали отъ него «сойти съ царства». Шуйскій отказалъ и даже обнажилъ мечъ. Тогда заговорщики пошли къ Лобному мѣсту. Но, такъ какъ Красная площадь не могла вмѣстить въ себѣ огромнаго количества собравшагося народа, то толпа хлынула за Серпуховскія ворота. «И бояръ и патріарха Гермогена взяша насильствомъ и ведоша ихъ за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ и начаша вопити, чтобъ царя Василья оставить» [3]). «И Бояря, князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславской, говоритъ Столяровскій хронографъ [4]), и всѣ Бояря, и Окольничіе, и Думные люди, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне, и гости, и торговые лучшіе люди съѣзжалися за городъ за Арбацкіе ворота и совѣтовали, какъ бы Московскому Государству не быть въ разореньѣ и въ расхищеньѣ; что пришли подъ Московское Государство Поляки и Литва, а съ другую сторону Колужской воръ съ Русскими людьми и Московскому Государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно». Тогда рѣшено было: «свести съ царства Василія». Патріархъ возсталъ противъ этого, его сторону приняли и нѣкоторые бояре. Но, не смотря на всѣ ихъ увѣщанія, соборъ остался при своемъ рѣшеніи. «И Бояря и всякія люди приговорили: бити челомъ Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи, чтобъ онъ Государь царство отставилъ, для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, Государь несчастливъ, а городы Украйные, которые отступили къ вору, его, Государя на царство не хотятъ же» [5]). Патріархъ и бояре, несогласные съ рѣшеніемъ собора, покинули его и уѣхали въ Москву... Столяровскій хронографъ говоритъ, что на соборѣ было постановлено: отдать бывшему царю въ удѣлъ Нижній-Новгородъ [6]). Изъ крестоприводной же записи [7]) видно, что, кромѣ того, пришли еще къ слѣдующимъ заключеніямъ: «били мы челомъ Бояромъ Князю Өедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали: прямили Московскому Государству до-

[1]) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, гл. 65, стр. 234.
[2]) Поповъ, Изборникъ, стр. 346.
[3]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 186.
[4]) Поповъ, Изборникъ, стр. 346.
[5]) Тамъ же, стр. 346.
[6]) Тамъ же, стр. 346.
[7]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. II, № 198, стр. 390.

куды намъ дастъ Богъ Государя на Московское Государство и крестъ намъ на томъ цѣловати, что намъ во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой любити, что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за Московское Государство и за нихъ стояти, и съ измѣнники битись до смерти, а вора, что называетца царевичемъ Димитріемъ, на Московское Государство не хотѣти, и межъ себя другъ надъ другомъ и надъ недругомъ никакова дурна не хотѣти, и не дружбы своей никому не мстити, и не убиваети, и не грабити, и зла никому не надъ кѣмъ не мыслити, и въ измѣну во всякую никому никуда не хотѣти. А выбрати Государя на Московское Государство имъ бояромъ и всякимъ людемъ всею землею, а бояромъ Князю Өедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи пожаловати, чтобъ имъ за Московское Государство стояти, и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити, и Государя на Московское Государство выбрати съ нами, со всякими людьми всею землею и сослався съ городы, ково дастъ Богъ на Московское Государство. А бывшему Государю, Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси отказати, и на Государевомъ дворѣ не быти, и впредь на Государствѣ не сѣдети, и намъ надъ Государемъ и надъ Государынею и надъ его братьями убійства не учинити и никакова дурна, а князю Димитрію да Князю Ивану Шуйскимъ съ Бояры въ приговорѣ не сѣдети...» Засѣданіе окончилось тѣмъ, что къ царю былъ посланъ свойкъ его, князь Воротынскій для сообщенія ему рѣшенія собора и для приведенія его въ исполненіе. Нечего и говорить, что Шуйскій долженъ былъ повиноваться и выполнить предъявленныя ему требованія.—Изъ обзора дѣятельности этого собора видно, что на немъ не принимали участія представители всего народа, хотя дѣятельность его касалась такихъ предметовъ, которые непосредственно относились ко всему государству. Объясняется это, безъ сомнѣнія, поспѣшностью созыва собора и тѣмъ положеніемъ самого государства, вслѣдствіе котораго нѣкоторые города фактически не могли послать своихъ представителей въ Москву. Члены собора понимали это очень хорошо и, хотя съ одной стороны считали себя выразителями мнѣній всего народа, но за то съ другой не рѣшались, напримѣръ избрать царя, «не сослався съ городы и всякими людьми всею землею». Что соборъ считалъ себя органомъ всего государства, это доказываютъ грамоты, разосланныя имъ о низложеніи царя. Въ одной изъ нихъ, посланной въ сибирскіе города, говорится: «И дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости, и торговые и всякіе люди, и стрѣльцы, и казаки, и посадскіе, и всѣхъ чиновъ люди всего Московскаго государства, поговоря межъ себя.... били челомъ ему, Государю всякіе люди, чтобъ Государь государство оставилъ» и т. д. [1]). Изъ иностранцевъ упоминаютъ объ

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 197, стр. 388.

этомъ событіи только Буссовъ и гетманъ Жолкевскій, у котораго оно довольно подробно описано. [1]). Маржеретъ же, Масса, Де-Ту, Маскѣевичъ, Геркманъ и др. умалчиваютъ. Но свидѣтельство Буссова отличается немного отъ свидѣтельствъ, приведенныхъ выше. По его словамъ, соборъ произошелъ на Лобномъ мѣстѣ. Нѣкоторые бояре созвали народъ и, объявивъ ему, въ какомъ печальномъ положеніи находится государство, предложили низложеніе царя. «Это такъ понравилось Москвитянамъ, говоритъ Буссовъ, что они рѣшились немедленно же приступить къ дѣлу.» Царь былъ низложенъ и вскорѣ постриженъ [2]). Была однакожъ партія и партія не малочисленная, которая не сочувствовала рѣшенію собора. Во главѣ этой партіи находился патріархъ. Онъ былъ противъ низложенія царя и писалъ по этому поводу воззванія, обращенныя ко всему народу, въ которыхъ доказывалъ незаконность дѣйствія собора [3]). Но дѣло Шуйскаго было уже проиграно и старанія его партіи вновь возвести его на престолъ привели лишь къ тому, что онъ былъ насильно постриженъ и выданъ полякамъ. Государствомъ, послѣ этого, стала управлять боярская дума съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ.

Печальную картину представляла Россія въ десятыхъ годахъ XVII столѣтія! Русскіе раздѣлились на два лагеря, враждовавшихъ между собой. Одинъ тянулъ къ Москвѣ, другой къ Тушину. Поляки господствовали на западѣ Россіи и часть ихъ дралась подъ знаменами Лжедимитрія II-го. Шведы угрожали Новгороду. По всей странѣ бродили отряды казаковъ, грабя и опустошая все, что попадалось имъ на пути. Въ самой Москвѣ появились раздоры. Партія боярь съ княземъ Мстиславскимъ, составляя временное правительство, вела переговоры съ Сигизмундомъ по поводу вступленія на московскій престолъ сына его Владислава. Патріархъ былъ противъ этого и настаивалъ на избраніи въ цари кого нибудь изъ русскихъ бояръ. Простой же народъ симпатизировалъ, такъ называемому, Тушинскому вору. Переговоры по поводу Владислава велись съ гетманомъ Жолкевскимъ, стоявшимъ подъ Москвой. 17 Августа, слѣдовательно мѣсяцъ спустя, послѣ низложенія Василія, былъ заключенъ договоръ между гетманомъ и боярами. По этому договору, русскимъ царемъ признавался Владиславъ, но уже не самодержцемъ, а въ полномъ смыслѣ слова государемъ съ ограниченной властью. Изъ договорной записи [4]) видно, на какихъ условіяхъ польскій королевичъ дѣлался русскимъ царемъ. Перечислять ихъ всѣ мы не будемъ, такъ какъ это непосредственно не относится къ нашей задачѣ. Упоми-

---

[1]) Записки гетмана Жолкевскаго, стр. 67.

[2]) Устряловъ, ч. I, стр. 124.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 169, стр. 286.

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 200, стр. 399. См. Также Записки гетм. Жолкевскаго, прилож. № 20.

немъ только объ одномъ условіи, довольно характерномъ, вносившемъ совершенно новое начало въ русскую государственную жизнь. «На Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись, говорится, между прочимъ, въ грамотѣ, по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и Государю на то поволите съ думою бояръ *и всей земли*, чтобъ было все праведно». Итакъ власть государя уже ограничивается не только одною боярской думой, какъ это было при Шуйскомъ, но и земскимъ соборомъ, органомъ всей земли. «Если бы онъ (т. е. договоръ), говоритъ г. Чичеринъ, былъ приведенъ въ исполненіе, русское государство приняло бы совершенно иной видъ» [1]) Кромѣ этого условія, было еще нѣсколько другихъ ограничительныхъ. Такъ, напримѣръ, Владиславъ обязывался не «сыскавъ вины и не осудивши судомъ всѣми бояры, никого не казнити, и чести ни у кого не отъимати, и въ заключеніе не засылати, помѣстей и вотчинъ и дворовъ не отъимати». «Доходы Государскіе» сбирать по прежнему, «а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавливати »—Хотя Владиславъ былъ избранъ сравнительно незначительнымъ количествомъ людей, однако, не смотря на это, во всѣхъ грамотахъ, разосланныхъ боярской думой, говорилось объ избраніи его всѣми чинами Московскаго государства. «По благословенію и по совѣту, читаемъ въ договорной записи, Святѣйшаго Ермогена Патріарха Московскаго и всея Русіи, и Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и всего освященнаго собора и по приговору бояръ, и окольничихъ, и дворянъ, и дьяковъ думныхъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и жильцовъ, и дворянъ изъ городовъ, и головъ стрѣлецкихъ, и всякихъ приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей великаго Московскаго государства, мы бояре« и т. д. [2])—Это искаженіе истины, однако, дѣлу не помогло. Народъ не хотѣлъ Владислава и игнорировалъ стремленія бояръ. Къ тому же Сигизмундъ медлилъ съ отпускомъ своего сына въ Москву и продолжалъ осаждать Смоленскъ. Ему самому хотѣлось быть на древнемъ тронѣ московскихъ царей... Между тѣмъ поляки нарушили договоръ и вступили въ Москву. Правда, они нарушили его съ вѣдома бояръ, но во всякомъ случаѣ вопреки желанію народа. Не смотря на заключеніе договора между Москвою и Жолкевскимъ и веденіе переговоровъ съ Сигизмундомъ, поляки продолжали «воевать» русскую землю, стремясь покорить ее безъ всякихъ договоровъ. Къ этому времени былъ убитъ Лжедимитрій и русскіе, не имѣя больше причинъ враждовать между собой, соеди-

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 368.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II № 200, стр. 399.

нились и стали помышлять о томъ, какъ бы изгнать непріятеля и умиротворить родину. Во главѣ этого національнаго движенія сталъ патріархъ и, хотя находился въ рукахъ Жолкевскаго и бояръ, по разсылалъ одну грамоту за другой, взывая къ патріотизму народа и побуждая его взяться за оружіе для спасенія «вѣры и отечества». Какъ не убѣждали его бояре отказаться отъ своей пропагандитской дѣятельности, онъ велъ ее съ успѣхомъ и только смерть помѣшала ему ее окончить. Патріархъ былъ уморенъ голодомъ... Дѣло его продолжали архимандритъ и келарь Троицко-Сергіевской Лавры, Діонисій и Авраамій Палицынъ...

Въ началѣ 1611 года, еще въ то время, когда Гермогенъ былъ живъ, вскорѣ послѣ московской рѣзни и пожара, стали подходить къ разрушенной столицѣ ополченія земскихъ людей, собранныхъ отовсюду. Главными ихъ начальниками были Прокопій Ляпуновъ, князь Трубецкой и Заруцкій. Ополченія были составлены изъ всякаго сброда, болѣе годнаго для грабежа, чѣмъ для правильной войны. Обложивъ Москву, они повели осаду, но не достигли ничего положительнаго. Для прекращенія раздоровъ въ станѣ было избрано временное правительство, своего рода тріумвиратъ, въ составъ котораго вошли Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Правительство это считало себя правительствомъ всей Россіи, такъ какъ было избрано представителями русскаго народа, находившимися въ станѣ подъ Москвой. Оно разсылало грамоты, дѣлало извѣстныя распоряженія, требовало войскъ и денегъ, награждало и наказывало, однимъ словомъ, выполняло всѣ правительственныя функціи [1]. Челобитныя подавались на его имя и въ церквяхъ молились за него. Рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ земскій соборъ. избравшій и вполнѣ ограничивавшій его. Онъ обладалъ своей печатью и имѣлъ право низложить тріумвиратъ. Однако раздоры не прекращались. Тогда, по всей вѣроятности, по иниціативѣ Ляпунова ратные люди подали начальникамъ челобитную, прося въ ней возстановить порядокъ и уничтожить всякую возможность ссоръ въ будущемъ. «Ратные же люди, говоритъ лѣтописецъ, видя ихъ нестроеніе (т. е. раздоры между начальниками) и *совѣтовавъ дворяне и всякіе служивые люди съ казаками, написаша* челобитную къ нимъ... и о всякихъ о многихъ дѣлахъ въ той же челобитной писано. Начальникомъ же двумъ Трубецкому и Заруцкому та ихъ челобитная не люба бысть. Прокофій же Ляпуновъ къ ихъ совѣту приста и повелѣ написати при-

---

[1]) „Начаша *всею ратью* говорити, повѣствуетъ лѣтописецъ, чтобъ выбрати имъ однихъ начальниковъ, кому ими владѣти, а имъ бы однихъ ихъ слушати, и *сни́дошася всею ратью*, и думаша, и выбраша въ начальники князь Д. Т. Трубецкаго, да Пр. Ляпунова, да И. Заруцкаго. Они же начаша всѣми ратными людьми и *всею землею* радѣти". (Лѣт. о мятеж. стр. 214).

говоръ»[1]). Приговоръ этотъ крайне любопытенъ[2]). Изъ него видно, какія правила постановилъ 30 іюня 1611 года земскій соборъ для начальниковъ ополченія, какъ извѣстно, избранныхъ имъ. Правила эти были обязательны для тріумвирата и вполнѣ ограничивали его власть. «Лѣта 7119 году, іюня въ 30 день, такъ начинается соборное постановленіе, Московскаго Государства разныхъ земель Царевичи, и Бояре, и Окольничіе, и Чашники, и Стольники, и Дворяне, и Стряпчіе, и Жильцы, и Приказные люди, и Князи, и Мурзы, и Дворяне изъ городовъ, и дѣти Боярскіе всѣхъ городовъ, и Атаманы, и Казаки, и всякіе служилые люди, и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за Православную Христіанскую Вѣру противъ разорителей Вѣры Христіанскія, Польскихъ и Литовскихъ людей подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею Бояръ и Воеводъ: Князя Димитрія Тимофѣевича Трубецкаго, да Ивана Мартыновича Заруцкаго, да Думнаго Дворянина и Воеводу Прокофія Петровича Ляпунова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣламъ промышляти и расправа всякая межъ всякихъ людей чинити вправду, а ратнымъ и земскимъ всякимъ людямъ и ихъ, Бояръ во всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлахъ слушати всѣмъ». Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе самаго приговора: «Всѣ помѣстія и вотчины бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ должны принадлежать боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ, какъ это было при прежнихъ государяхъ. Тѣ же помѣстія и вотчины, равно какъ дворцовыя и монастырскія села и черныя волости, которыя были взяты боярами, окольничими и думными дворянами безъ земскаго приговора, возвратить и приписать: дворцовыя села и черныя волости ко дворцу, а помѣстія и вотчины отдать раззоренным поляками дѣтямъ боярскимъ. Дворецъ, Большой приходъ и четверти учредить попрежнему и сбирать въ нихъ хлѣбные и денежные доходы. Всѣ тѣ лица изъ служилаго сословія, которыя, будучи въ Москвѣ или въ Тушинѣ, получили оклады, дачи и вообще какое бы то ни было денежное жалованье не по заслугамъ или не въ мѣру, должны выдать его обратно и имъ будутъ вознаграждены поровну еще ничего не получившіе. Отнять также помѣстія, данныя на имя короля Сигизмунда или сына его Владислава у тѣхъ лицъ, которыя, кромѣ этихъ помѣстій, владѣютъ еще и другими. У лицъ же, неимѣющихъ ничего другаго, кромѣ полученнаго отъ польскаго короля и королевича, ихъ не отнимать. Воеводы, забравшіе себѣ земли (изъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей или боярскихъ и дворянскихъ помѣстій и вотчинъ) безъ земскаго приговора или обманомъ, прося себѣ, напр. 100 четвертей, а на самомъ дѣлѣ завладѣвъ пятьюстами и тысячью, должны выплатить

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 223.

[2]) Приведенъ у Карамзина, т. XII, примѣч. стр. 236.

всѣ доходы съ лишнихъ земель и возвратить эти послѣднія безпомѣстнымъ или малопомѣстнымъ лицамъ. Дворцовыя же села и черныя волости приписать ко дворцу. Чашникамъ, стольникамъ и другимъ лицамъ служилаго сословія, находящимся въ полкахъ подъ Москвой и неимѣющимъ помѣстій отдать земли (по приговору бояръ и земскаго собора) принадлежащія боярамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, живущимъ теперь въ Москвѣ. У пословъ, находящихся съ княземъ Голицынымъ въ плѣну у поляковъ и у плѣнныхъ смольнянъ, имѣющихъ женъ и дѣтей земель не отнимать; у неимѣющихъ же семей—отнять, но съ возвращеніемъ ихъ изъ плѣна, отдать назадъ. У патріарха, у церквей и вообще у духовенства имѣній не брать, напротивъ, отнятыя возвратить обратно. У вдовъ и у сыновей дворянъ и дѣтей боярскихъ земель не брать, вдовамъ же, неимѣющимъ сыновей дать на прожитіе земли, какъ прежде. Оставшіяся же земли отъ убитыхъ безсемейныхъ дворянъ раздать безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ лицамъ. Дворянамъ и всякимъ людямъ, бывшимъ въ походѣ съ княземъ М. Шуйскимъ, дать помѣстія изъ какихъ нибудь земель, за исключеніемъ городовыхъ вотчинъ и старинныхъ помѣстій. Тѣмъ же лицамъ, у которыхъ во время разгрома сгорѣли вотчинныя жалованныя грамоты и всякія крѣпости, выдать новыя... Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, раззореннымъ поляками, говорить о своемъ раззореніи правду и помѣстнымъ безпомѣстными себя не называть. Вообще, не допускать никакого обмана, а у обманувшихъ земли отбирать и отдавать неимѣющимъ ихъ... Тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые занимаютъ въ городахъ должности воеводъ и могутъ еще служить въ полкахъ, приказать возвратиться въ послѣдніе, а на ихъ мѣсто послать раненыхъ и вообще негодныхъ для службы. Въ Помѣстномъ приказѣ посадить дворянина изъ большихъ дворянъ и дьяковъ, выбравъ, какъ перваго, такъ и послѣднихъ всею землею»... Затѣмъ слѣдуетъ постановленіе касательно вознагражденія атамановъ, казаковъ и стрѣльцовъ и запрещается совершать какія бы то ни было насилія и грабительства по отношенію къ крестьянамъ. «Тѣхъ же лицъ, которыя будутъ воровать и грабить, судить и казнить, для чего учредить, по примѣру прежнихъ лѣтъ, Разбойный и Земскій приказы. Управлять же государствомъ, или приводя буквально, «строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять» надлежитъ боярамъ, избраннымъ всею землею [1]). Эти послѣдніе безъ земскаго собора никого не могутъ ни казнить и ни ссылать. Воеводы же безъ боярскаго вѣдома лишаются права посылать приказныхъ людей для сбора какихъ бы то ни было доходовъ. Тѣ воеводы, которые до сихъ поръ собирали кабацкія и таможенныя пошлины, должны уступить эту функцію вѣрнымъ цѣловальникамъ, на обязанности которыхъ—доставлять со-

---

[1]) Т. е. Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому.

бранныя ими деньги въ Большой приходъ и въ четверти. Учредить земскую печать и вмѣнить боярамъ въ обязанность «прикладывать руку» ко всякимъ важнымъ грамотамъ. Ратныя дѣла вѣдать боярамъ и разряднымъ дьякамъ въ Большомъ разрядѣ. Всѣхъ же ратныхъ людей, стоящихъ подъ Москвой, которые будутъ убиты или изувѣчены, вносить въ Разрядъ, чтобъ служба ихъ не приходила въ забвеніе. Помѣстныя и вотчинныя дѣла вѣдать только въ одномъ Помѣстномъ приказѣ. Крестьянъ же, захваченныхъ въ смутное время одними дворянами у другихъ, отыскивать и возвращать обратно».— Заключается грамота слѣдующимъ постановленіемъ: если бояре, избранные землею въ составъ правительства [1]), будутъ дурно исполнять свои обязанности или же подчиненные имъ, воеводы не будутъ имъ повиноваться, то «намъ, всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнити и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодитца».—На оборотѣ грамоты (по словамъ Карамзина) помѣщены подписи лицъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи. Здѣсь находятся подписи кн. Трубецкаго, Ляпунова, Заруцкаго (послѣдній, очевидно, неумѣлъ писать, такъ что Ляпуновъ «вмѣсто него руку приложилъ») и др. Интересны подписи отъ представителей городовъ. Слѣдующіе города были представлены на соборѣ: Кашинъ, Лихвинъ, Дмитровъ, Смоленскъ, Ростовъ, Ярославль, Можайскъ, Калуга, Муромъ, Владиміръ, Юрьевъ. Нижній-Новгородъ, Пошехонье, Брянскъ, Романовъ, Вологда, Галичъ, Мещерскъ, Архангельскъ. Переяславль-Залѣскій, Кострома, Воротынскъ, Юрьевъ-Польскій, Болховъ и Звенигородъ.—Составъ этого, функціонировавшаго въ ополченіи собора во многомъ отличался отъ прежнихъ соборовъ. Онъ носилъ вполнѣ военный характеръ и Н. И. Костомаровъ былъ правъ, назвавъ его «походной думой» [2]). На немъ исключительно присутствовали представители различныхъ разрядовъ служилаго сословія, начиная съ бояръ и кончая приказными людьми. Духовенства и посадскихъ не было вовсе, но за то были дворовые, т. е. холопы, освобожденные смутою. Во всякомъ случаѣ этотъ соборъ (въ виду присутствія на немъ представителей 25 городовъ, не считая Москвы) имѣлъ гораздо болѣе основанія считать себя органомъ всего государства, чѣмъ, напр. соборы 1606 и 1610 гг. (избравшій и низложившій Шуйскаго). Странно, что ни одинъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей соборовъ не говоритъ о немъ ни слова и только въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи ему удѣлено извѣстное мѣсто [3])... Не смотря, однако, на существованіе времен-

[1]) Въ данномъ случаѣ вышеназванный тріумвиратъ или, по названію того времени „троеначальники“.

[2]) Историческія монографіи и изслѣдованія, т. VI (Смутное время, т. III) стр. 161.

[3]) Карамзинъ, т. XII стр. 320; Арцыбашевъ, Повѣствованіе о Россіи, т. III,

наго правительства и на соборный приговоръ, раздоры между военачальниками не прекращались. Прокопій Ляпуновъ, одинъ изъ лучшихъ людей смутнаго времени, палъ жертвой ненависти Заруцкаго. Послѣ его смерти, дѣла ополченцевъ разстроились и главный виновникъ убійства Ляпунова, связавшись съ Мариною, измѣнилъ своимъ бывшимъ союзникамъ и перешелъ на сторону новаго самозванца, сына Лжедимитрія II. Такъ продолжалось до прихода втораго ополченія подъ предводительствомъ Пожарскаго...

Во все продолженіе междуцарствія, мы замѣчаемъ большую самодѣятельность земщины, направленную къ освобожденію Россіи отъ поляковъ и къ возстановленію порядка въ государствѣ. Города и области сносятся между собой грамотами, поощряютъ другъ друга сражаться за вѣру и отечество, просятъ другъ у друга присылки ратныхъ людей и денегъ и т. п. Происходитъ рядъ народныхъ собраній или мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ граждане совѣщаются между собою, что предпринять и какъ избавиться отъ непріятеля. До насъ дошло много грамотъ, которыми отдѣльныя мѣстности и области обмѣнивались между собой и приходили къ «соединенію». «Господамъ Ивану Ивановичу, говорится въ одной, да подъячему Пятому Филатову, и Пермскія земли старостамъ, и цѣловальникамъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и лучшимъ, и среднимъ, и молодшимъ, и всякимъ жилецкимъ людемъ Никаноръ Шульгинъ, Степанъ Дійковъ, и головы, и дворяне, и дѣти боярскія, и сотники стрѣлецкіе, и стрѣльцы, и пушкари, и затинщики, и служилые жилецкіе всякіе люди Казанскаго государства, и Князи, и Мурзы, и служилые новокрещены, и Татарове, и Чюваша, и Черемиса, и Вотяки челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ 1611 году іюля въ день, писали вы къ намъ, чтобы намъ съ вами быть въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеньи и стоять бы вамъ за истинную Крестьянскую вѣру на разорителей вѣры Крестьянскія и на богоотступниковъ съ нами единомысленно *и какія у насъ вѣсти будутъ про Московское государство изъ иныхъ городовъ* и намъ бы о томъ вамъ писати» и т. д. [1]). «Великому господину, читаемъ въ другой, преосвященному Архіепископу Вологодскому и Великопермьскому, архимандритомъ и игуменомъ, протопопомъ и попомъ, и всему освященному собору, господамъ воеводамъ, и дворяномъ, и дѣтямъ боярскимъ, и земскимъ старостамъ, и цѣловалникомъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ, и всякимъ служилымъ людямъ, и жилецкимъ Нижняго-Новагорода архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскія Нижняго-Новагорода, головы ли-

---

стр, 293; Соловьевъ, т. VIII, стр. 419; Костомаровъ, Истор. Монографіи, т. VI, стр. 158; Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій (Прямые и кривые въ смутное время), стр. 70.

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 269, стр. 568.

товскія и стрѣлецкія, и казачьи, и Литва, и Нѣмцы, и земскіе старосты, и цѣловалники, и всѣ посадскіе люди, и пушкари, и стрѣльцы, и казаки разныхъ городовъ всякіе люди, которые въ Нижнемъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, 119 году писали мы къ вамъ напередъ сего многажды и гонцовъ отъ себя послали, чтобъ *вамъ прислати къ намъ для договору и о добромъ совѣтѣ людей добрыхъ изо всѣхъ чиновъ*, сколько человѣкъ пригоже» и т. д. [1]). Щаповъ вполнѣ правъ, придавая мѣстнымъ соборамъ (или, какъ онъ называетъ, мѣстнымъ совѣтамъ) громадное значеніе. Вся инициатива въ дѣлахъ и предпріятіяхъ земско-областныхъ, все обсужденіе мѣстныхъ вопросовъ, интересовъ, способовъ и направленія областной дѣятельности принадлежала мѣстнымъ земскимъ совѣтамъ. Земскій совѣтъ поморской области даже имѣлъ самостоятельныя сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, самостоятельно и единомысленно рѣшилъ въ 1611 г. не избирать на московскій престолъ шведскаго королевича, а избрать кого-нибудь изъ прирожденныхъ бояръ. Въ Новгородѣ во время междуцарствія земское правительство самостоятельно заботилось о колонизаціи новгородской области, начертывало наказы мѣстнымъ властямъ [2]). Мѣстный соборъ былъ органомъ извѣстной мѣстности, напр. Новгородской, Казанской, Пермской и т. п. Въ составъ его входили чины этого территоріальнаго цѣлаго, а иногда выборные отъ чиновъ другой мѣстности, присланные, какъ мы видѣли, для совѣщаній. Дѣятельность этихъ мѣстныхъ соборовъ была исключительно направлена къ созданію: «любви, совѣта и соединенья» между русскими областями для сокрушенія внѣшняго непріятеля и для упорядоченія государства. Цѣль эта была достигнута... и мѣстные соборы прекратили свое существованіе. Послѣ окончанія смуты, мы ихъ болѣе уже не встрѣчаемъ.

Въ то время, какъ русскій народъ собирался силами и организовался въ ополченія, боярское правительство, засѣдавшее въ Москвѣ вмѣстѣ съ поляками, вело дѣятельную переписку съ Сигизмундомъ и разсылало грамоты отъ имени «Владислава Жигимонтовича, самодержца всея Руси». Оно стало даже во враждебное отношеніе къ народному движенію и видѣло въ немъ препятствіе къ осуществленію своихъ плановъ (что, собственно говоря, и было). Но народъ не обращалъ на него никакого вниманія и продолжалъ дѣло объединенія государства и освобожденія его отъ враговъ. Такимъ образомъ, московское правительство съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ оказалось совершенно изолированнымъ и преслѣдовавшимъ цѣли, къ которымъ громадное большинство народа относилось не только индифферентно, но даже прямо враждебно. Послѣ смерти Гермогена,

---

[1]) Акты Арх. Эксп., т. II № 175 стр. 296.

[2]) Щаповъ, Великорусскія области и смутное время (Отеч. Записки за 1861 г. т. CXXXIX, № 11, стр. 113.

бывшаго заклятымъ врагомъ полонофильскихъ стремленій бояръ и одного изъ главныхъ агитаторовъ въ пользу освобожденія Россіи отъ поляковъ, мѣсто его въ этомъ отношеніи, какъ уже было сказано выше, заняли архимандритъ Троицко Сергіевой лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Они разсылали повсюду грамоты и призывали народъ къ ополченію и къ освобожденію Москвы отъ непріятеля. Въ концѣ 1611 г. одна изъ такихъ грамотъ была получена въ Нижнемъ Новгородѣ и произвела тамъ свое дѣйствіе. На сходкѣ, собранной у собора, рѣшено было ополчаться и «кликать кличъ по вольныхъ служилыхъ людей». Иниціатива этого дѣла принадлежала земскому старостѣ Кузьмѣ Минину, названному впослѣдствіи выборнымъ человѣкомъ всего Московскаго государства. Для того же, чтобъ содержать ратныхъ людей, Мининъ предложилъ собрать пожертвованія и первый показалъ этому примѣръ. Одушевленіе было настолько сильно, что всѣ закричали: «будь такъ» и каждый сталъ жертвовать на общее дѣло все, что имѣлъ. Постановили даже, въ случаѣ надобности, дворы продать, женъ и дѣтей заложить. Вслѣдъ за этимъ былъ избранъ воеводой князь Д. М. Пожарскій, жившій и лечившійся отъ ранъ въ своей вотчинѣ Ландехѣ въ суздальскомъ уѣздѣ, долженствовавшій вести ополченіе подъ Москву. Пожарскій согласился принять выборъ, но съ условіемъ, чтобъ Мининъ былъ при немъ и вѣдалъ казну, собранную для раздачи жалованья ратнымъ людямъ. Нижегородское ополченіе вскорѣ значительно увеличилось, такъ какъ отовсюду стали стекаться люди, желавшіе биться подъ знаменами Пожарскаго и избавить Россію отъ поляковъ и «воровъ». Въ Апрѣлѣ 1612 г. ополченіе достигло Ярославля, гдѣ и остановилось на нѣкоторое время. Пожарскій разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ призывалъ русскихъ людей къ единенію и просилъ помощи деньгами и людьми. На основаніи этихъ грамотъ, между прочимъ, можно заключить, что во второмъ ополченіи, такъ же какъ и въ первомъ функціонировалъ земскій соборъ, раздѣляя власть съ Пожарскимъ. Такъ, въ одной его грамотѣ отъ 7-го Апрѣля 1612 г. къ Вычегодцамъ, говорится: «И вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную хрестіянскую вѣру, совѣтовать со всякими людми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ; чтобъ намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ Государя, кого намъ милосердый Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ..... И по всемірному своему совѣту пожаловати-бы вамъ *прислати къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками*.....*А прислати, господа, вамъ для земскаго совѣту къ намъ вскорѣ* и молити бъ намъ всѣмъ всемилостиваго Бога, чтобъ намъ православнымъ хрестьяномъ быти въ любви и въ совѣтѣ безо всякихъ сердечныхъ злобъ».... [1]). Тоже

[1]) Акты Арх. Эксп. т. II, № 203, стр. 256.

самое находимъ и въ другой грамотѣ Пожарскаго, именно въ Великороссійскіе города, гдѣ будущій освободитель Москвы также проситъ присылки выборныхъ для «общаго земскаго совѣта». «И вамъ бы, господа, говорится въ грамотѣ, про то было вѣдомо *и прислати бы вамъ къ намъ для общаго земскаго совѣта изо всѣхъ чиновъ человѣка по два и по три* и противъ сея грамоты совѣтъ намъ свой отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей стоять и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть и выбрати бъ намъ Государя всею землею, кого милосердый Богъ, по своему праведному человѣколюбію, дастъ» [1]. Также въ третьей грамотѣ (въ Путивль) встрѣчаемъ ту же стереотипную фразу:»...,.. *и прислати бы вамъ къ намъ для общаго земскаго совѣта изо всякихъ чиновъ человѣка по два и по три* и противъ сія грамоты совѣтъ свой къ намъ отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей стоять и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть и выбрати бъ намъ Государя всею землею»..... [2]. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Пожарскій, будучи въ Ярославлѣ, приглашалъ представителей народа на соборъ, обязанностью котораго было не только избрать государя, но и править государствомъ въ «безгосударное время», т. е., иначе говоря, раздѣлить власть съ начальниками ополченія. Что этотъ соборъ состоялся и выполнялъ свое назначеніе, это мы знаемъ изъ памятниковъ данной эпохи. Дѣйствительно, народъ откликнулся на призывъ Пожарскаго и представители его стали отовсюду стекаться въ Ярославль, какъ для ратнаго дѣла, такъ и для совѣщаній на соборѣ. Самъ Пожарскій говорилъ въ своихъ грамотахъ, что «пріѣхали къ намъ въ Ярославль воеводы, и дворяне, и дѣти боярскіе да атаманы и казаки... *къ общему всея земли совѣту*»—Въ лѣтописяхъ сохранились нѣкоторыя извѣстія о дѣятельности и составѣ ярославскаго собора. Такъ, мы знаемъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ Ярославлѣ, уже вскорѣ по прибытіи сюда ополченія. «Князь Димитрій и Кузьма, говоритъ лѣтописецъ, *собра всю рать свою, властей призваша и посадскихъ людей*, начаша совѣтовати, что имутъ чинити, какобъ земскому дѣлу было прибыльнѣе» [3].—Какъ извѣстно, въ это время шли переговоры между Пожарскимъ и Новгородомъ, тянувшимъ къ сыну шведскаго короля Карлу IX—Карлу Филиппу и даже стремившемуся впослѣдствіи отдѣлиться отъ Московскаго государства, образовавъ особое Новгородское.—Переговоры эти имѣли цѣлью избраніе на московскій престолъ вышеназваннаго шведскаго

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 281, стр. 596.

[2]) Древ. Росс. Вивл. (изд. 2-ое) ч. XV, стр. 180.

[3]) Новый лѣтописецъ, стр. 148; Лѣтоп. о мятеж. стр. 243; Никоновская лѣт. т. VIII, стр. 181.

принца. Пожарскій, не желая имѣть лишняго врага, шведовъ, поддерживалъ переговоры и обнадеживалъ новгородцевъ на возможность избранія Карла Филиппа, но съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ православіе. По этому поводу изъ Ярославля была послана грамота въ Новгородъ, бывшая результатомъ соборнаго рѣшенія. «Московскаго государства.,..народъ, говоритъ лѣтописецъ, митрополитъ Кирилъ, и начальники, и вси ратные люди — придумаша ихъ отпустити (новгородскихъ пословъ, незадолго передъ тѣмъ явившихся въ Ярославль) и писаху въ Новгородъ, буде королевичъ креститься и мы ему вси ради» [1]. Грамота эта даетъ понятіе о составѣ собора 1612 г., такъ какъ адресована въ Новгородъ отъ имени всѣхъ чиновъ Московскаго государства [2)....«Преосвященному Исидору, митрополиту Ноугородскому, читаемъ въ ней, Московскаго государства бояре и воеводы....и стольникъ и воевода Дмитрей Пожарской съ товарищи, и чашники, и стольники, и дворяне большіе, и стряпчіе, и приказные люди, и жилцы, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и головы стрѣлецкіе и казачьи, и сотники, и гости, и торговіе люди, и стрѣлцы, и казаки, и Понизовныхъ городовъ царства Казанскаго и иныхъ всѣхъ городовъ князи и мурзы, и Татарове, и Литва, и Нѣмцы, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и всѣхъ чиновъ всякіе люди всѣхъ городовъ Московскаго и Казанскаго государства челомъ бьютъ». Содержаніе грамоты слѣдующее: Сперва идетъ изложеніе грамотъ по поводу избранія Карла Филиппа, присланныхъ отъ новгородцевъ съ посольствомъ въ Ярославль и извѣщеніе, что грамоты эти были прочитаны и что чины вполнѣ согласны съ новгородцами по вопросу о шведскомъ принцѣ. Какъ только послѣдній пріѣдетъ въ Новгородъ, чины пошлютъ къ нему посольство отъ лица всѣхъ сословій государства съ просьбой вступить на московскій престолъ. При этомъ чины не упускаютъ случая, чтобъ не выразить своего удивленія по поводу долгаго неприхода Карла Филиппа въ Новгородъ и высказываютъ опасеніе, какъ бы не повторилась вновь та же исторія, что была съ Владиславомъ. «А покамѣста королевичъ Карло Филиппъ, говоритъ грамота, будетъ въ Великій Новгородъ, и до тѣхъ бы мѣстъ Новгородскаго государства всѣхъ чиновъ людемъ съ нами быти въ любви и въ совѣтѣ, и войны бъ намъ промежъ себя не вчинати, и городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому государству не подводити, и людей ко кресту не приводити».... Мы съ своей стороны также приняли всѣ мѣры, чтобъ не наносить ущерба новгородскимъ интересамъ. Посылаемъ къ вамъ наше посольство съ цѣлью заключить съ вами договоръ противъ польскихъ и литовскихъ людей, чтобъ намъ дѣйствовать дружно по отношенію къ нимъ.

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 248; Никоновская лѣтоп. т. VIII. стр. 184.

[2]) Доп. къ Акт. Истор. т. I, № 164, стр. 286.

«О томъ мы къ вамъ пишемъ *всею землею*, по крестьянскому своему обѣту». Грамота заканчивается извѣщеніемъ объ исполненіи разныхъ просьбъ со стороны новгородцевъ и, въ свою очередь, просьбой не задерживать у себя ярославскаго посольства....

Когда было сдѣлано покушеніе на жизнь Пожарскаго, то земскій соборъ и здѣсь проявилъ свою дѣятельность. Лѣтопись такъ разсказываетъ объ этомъ: «того же злодѣя Стеньку... поймавше, ведоша его *всею ратью и посадскіе люди* къ пыткѣ и пыташа его... *Землею* же всѣхъ ихъ разослаша по городамъ и по темницамъ» [1]). Послѣ того, когда ополченіе покинуло Ярославль, земскій соборъ продолжалъ засѣдать сперва въ станѣ подъ Москвой, а затѣмъ и въ самой Москвѣ. Такъ извѣстно, что когда ополченіе подошло къ Москвѣ, то изъ боязни раздоровъ съ казаками Трубецкаго, рѣшено было *всею ратью* стать отдѣльнымъ лагеремъ и отказать Трубецкому въ его просьбахъ присоединиться къ нему [2]). Есть еще два свидѣтельства уже о бытности собора 1612 г. въ Москвѣ, это двѣ соборныхъ грамоты: первая отъ 15-го ноября 1612 г. въ Новгородъ съ извѣщеніемъ о взятіи Москвы (посланная отъ имени всѣхъ чиновъ Московскаго государства) и вторая, писанная послѣ 26 марта 1613 г. и принадлежащая избирательному собору, засѣдавшему въ это время въ Москвѣ (грамота извѣщала Михаила Өедоровича о сдѣланныхъ распоряженіяхъ касательно заготовленія запасовъ для государева обихода). Изъ первой грамоты видно, что, по взятіи Москвы ополченіемъ, земскій соборъ началъ засѣдать уже въ ней. Грамота адресована въ Новгородъ митрополиту Исидору, отъ имени всѣхъ чиновъ государства, (бояръ, окольничихъ, чашниковъ, стольниковъ, дворянъ большихъ, дворянъ изъ городовъ и дѣтей боярскихъ, стрѣлецкихъ головъ, атамановъ, сотниковъ, стрѣльцовъ, казаковъ и всякихъ чиновъ людей), извѣщавшихъ послѣдняго о взятіи Москвы и о пораженіи польскихъ и литовскихъ людей. «А нынѣ, читаемъ въ грамотѣ, *мы, бояре, и воеводы, и всякіе ратные люди, посовѣтовавъ со всею землею*, посылаемъ воеводъ подъ тѣ городы, въ которыхъ еще стоятъ польскіе и литовскіе люди и хотимъ отъ нихъ Московскаго государства городы очищати». Далѣе чины говорятъ о единеніи между Новгородомъ и Москвой и о совмѣстномъ дѣйствіи противъ поляковъ. Грамота заканчивается извѣщеніемъ о сдѣланномъ распоряженіи касательно созыва выборныхъ изъ городовъ для избранія государя [3]).— Во второй грамотѣ, уже принадлежащей избирательному собору 1613 г. также есть мѣсто, свидѣтельствующее о соборѣ 1612 г. «И *до насъ*, холопей твоихъ, пишутъ чины, послалъ бояринъ князь

---

[1]) Лѣтоп. о мят., стр. 250; Никонов. лѣт. т. VIII, стр. 186; Новый лѣт., стр. 151.

[2]) Лѣтоп. о мят., стр. 257.

[3]) Доп. къ Акт. Истор. т. I, № 166, стр. 291.

Д. Т. Трубецкой да стольникъ князь Дмитрей Пожарской для твоихъ государевыхъ обиходовъ отписывать дворцовыхъ селъ пашенныхъ и оброчныхъ, *по приговору Кирила митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собору и по совѣту всеа земли»* [1]). Когда же прекратилъ свое существованіе этотъ соборъ? Нужно думать, что онъ былъ распущенъ тогда, когда завоеватели Москвы пришли къ сознанію о необходимости избрать царя и произвести для этого новые выборы.—Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ дѣятельность собора 1612 г., мы видимъ, что составъ его во многомъ отличался отъ состава собора 1611 г. Въ то время, какъ послѣдній носилъ преимущественно служилый характеръ, по причинѣ отсутствія на немъ духовенства и тяглаго сословія, соборъ 1612 г. былъ полнымъ соборомъ всѣхъ сословій Московскаго государства: духовенства, служилыхъ и тяглыхъ людей. Въ одномъ они сходны—это въ участи, постигшей ихъ обоихъ въ трудахъ спеціальныхъ изслѣдователей соборовъ. Оба они совершенно игнорируются, какъ будто ихъ никогда и не было [2])...

18 августа ополченіе подошло къ Москвѣ, 21-го былъ разбитъ польскій гетманъ Ходкевичъ, 24-го онъ вторично потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ отступить къ Воробьевымъ горамъ. Однако, вслѣдствіе отсутствія единенія между отрядами Пожарскаго и Трубецкаго и раздоровъ между этими послѣдними, Москва еще долго находилась въ рукахъ поляковъ. Только 22-го октября, послѣ кровопролитнаго боя, былъ взятъ Китай-городъ. Эта удача рѣшила дѣло и поляки, выговоривъ себѣ сохраненіе жизни, сдались побѣдителямъ. 27-го ноября русскіе вступили въ Кремль и древняя столица Московскаго государства была освобождена!.. Вскорѣ послѣ этого, Сигизмундъ, потерпѣвъ неудачу при штурмѣ Волоколамска, отступилъ въ Польшу, а Заруцкій, разбитый воеводой Бутурлинымъ, бѣжалъ въ Астрахань. Россія была спасена и болѣе или менѣе очищена отъ враговъ. Наступило время для избранія царя и для окончательнаго умиротворенія государства. Первое было исполнено земскимъ соборомъ 1613 года, а на второе были потрачены всѣ 32 года царствованія Михаила Ѳеодоровица Романова!...

---

[1]) Ивановъ, Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива (изд. 1842 г.), № 7, стр. 127; Дворцовые разряды, т. I, прилож. № 12, стр. 1081.

[2]) Въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе Щаповъ и г. Платоновъ. Щаповъ былъ первымъ, обратившемъ вниманіе на бытность земскаго собора въ 1612 г., но онъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ касательно его дѣятельности. Эту работу исполнилъ г. Платоновъ. См. Щапова: Великорусскія области и смутное время (Отеч. Записки за 1861 г., № 11, стр. 106) и Платонова: Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ, стр. 4. Изъ другихъ историковъ только г. Забѣлинъ упоминаетъ о соборѣ 1612 г., да и то вскользь. Говоря о роли народа въ смутное время, онъ замѣчаетъ, что Нижегородцы „шагу не дѣлали безъ земскаго совѣта“, но и только. (Мининъ и Пожарскій, стр. 125).

5

ГЛАВА III.

СОБОРЫ ПРИ МИХАИЛѢ ѲЕДОРОВИЧѢ.

Избирательный соборъ 1613 — 15 гг. — Избраніе Михаила Ѳедоровича и послѣдующая дѣятельность собора, его организація. — Соборы 1616, 1618, 1619, 1620, 1621 и 1622 гг. — Соборы 1633, 1634, 1636 — 37 гг. — Азовскій соборъ 1642 г.— Совѣщанія съ торговыми людьми 1617 и 1620 гг.

Это царствованіе замѣчательно по обилію земскихъ соборовъ, оно является, по мѣткому выраженію одного ученаго, ихъ «золотымъ вѣкомъ» [1]). Царь самъ потребовалъ содѣйствія земли, самъ потребовалъ помощи земскаго собора, такъ какъ только дружныя и параллельно направленныя силы царя и земли могли дать новый порядокъ раззоренному и до самаго основанія потрясенному государственному строю [2]). Дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на эпоху перваго Романова, чтобъ убѣдиться въ истинности этихъ словъ. Земскій соборъ почти не распускается, онъ является необходимымъ органомъ государственнаго устройства и въпродолженіи многихъ лѣтъ дѣйствуетъ рядомъ съ правительствомъ.Такъ продолжается до 1622 г. (включительно). Послѣ этого года, соборы тоже созываются, но они не функціонируютъ постоянно и правительство обращаетя къ нимъ только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Объясняется это установленіемъ извѣстнаго порядка въ государствѣ и болѣе твердымъ положеніемъ правительства, не считавшаго теперь уже нужнымъ постояннаго присутствія въ Москвѣ земскихъ чиновъ. Итакъ, изъ изученія времени Михаила Ѳедоровича мы приходимъ къ тому же заключенію, къ которому приходили и прежде: правительство въ трудную годину государственной жизни обращается къ народу, призываетъ его къ участію въ управленіи, однимъ словомъ, опирается на него и этимъ спасаетъ, какъ себя, такъ и все государство отъ гибели!..

---

[1]) Н. П. Загоскина.

[2]) Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 246.

Первый соборъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича (онъ же и избирательный) продолжался почти три года: отъ начала 1613 до конца 1615.—Вскорѣ послѣ взятія Москвы, въ первой половинѣ ноября ярославскій соборъ, перенесшій свои засѣданія въ Москву разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты съ просьбой о присылкѣ выборныхъ для избранія царя (объ этомъ было уже говорено выше). «И о обиранья государскомъ, сообщали чины въ Новгородъ, и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ писали въ Сибирь, и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу, и во всѣ городы Московскаго государства, чтобъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства изо всякихъ чиновъ люди *по десяти* человѣкъ изъ городовъ для государственныхъ и земскихъ дѣлъ прислали къ намъ къ Москвѣ» [1]). Изъ другихъ источниковъ [2]) также извѣстно, что земскіе чины, собравшіеся въ Москвѣ «писали во всѣ городы къ митрополитамъ, къ архіепископамъ, къ епископамъ, къ архимандритамъ, къ игуменамъ и ко всему освященному собору, къ боярамъ, къ воеводамъ, къ дворянамъ, къ гостямъ, къ посадскимъ и ко всякимъ служилымъ, и къ жилецкимъ, и къ уѣзднымъ (т. е. къ крестьянамъ) людямъ, чтобъ изо всѣхъ городовъ и изо всѣхъ чиновъ (идетъ ихъ перечисленіе) послали къ Москвѣ для земскаго совѣта и для государскаго избранья» «*лучшихъ*», «*крѣпкихъ*» *и* «*разумныхъ постоятельныхъ*» *людей* «*по скольку человѣкъ пригоже*» [3]). «И въ городѣхъ бы всякіе люди межъ себя о томъ совѣтъ и договоръ учинили крѣпкой, какъ бы въ безгосударное время Московскому государству отъ иноплеменныхъ людей и отъ межеусобныя брани въ погибели не быти и обрать бы на Московское государство государя, царя и великаго князя» [4]). Затѣмъ, взявъ — эти договоры т. е. инструкціи, выборные должны были пріѣхать въ Москву.—Когда же это случилось? Нужно думать, что въ январѣ 1613 года, такъ какъ отъ этого мѣсяца мы уже имѣемъ свидѣтельство о дѣятельности собора—это жалованная грамота на

---

[1]) Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 166, стр. 293. Г. Барсуковъ говоритъ, что грамоты съ приглашеніемъ выборныхъ были разосланы *въ концѣ декабря 1612 г.* См. Родъ Шереметевыхъ, кн. 2-ая, стр. 306. Очевидно, подобное мнѣніе невѣрно, такъ какъ вышеприведенная грамота помѣчена *15 ноябремъ* 1612 г.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. I, № 203, стр. 612 и т. III, №№ 1 и 2, стр. 1—6; Дворцовые разряды, т. I, стр. 9 и слѣд.

[3]) Это постановленіе, видимо, находится въ противорѣчіи съ приведеннымъ выше (въ грамотѣ къ новгородскому митрополиту Исидору). Подобное противорѣчіе объясняется на нашъ взглядъ слѣдующимъ образомъ. Грамоты о присылкѣ выборныхъ очевидно посылались нѣсколько разъ. Въ первыхъ грамотахъ, по всей вѣроятности, было постановлено о присылкѣ десяти человѣкъ „изъ городовъ“, въ послѣдующихъ же: „по скольку человѣкъ пригоже“.

[4]) Дворцовые разряды т. I, стр. 11.

вотчину Вагу, данная послѣднимъ князю Трубецкому [1]). Въ грамотѣ говорится, что всѣ чины государства (идетъ ихъ перечисленіе) «приговорили князю Д. Т. Трубецкому дати въ вотчину Вагу со всѣми волостми и съ доходы». Далѣе слѣдуетъ перечисленіе заслугъ Трубецкаго, послужившихъ причиною вознагражденія его вотчиной. «А какъ Богъ дастъ на Московское государство царя, заканчиваютъ чины грамоту, и намъ (снова перечисленіе всѣхъ чиновъ) государю бити челомъ, чтобъ онъ пожаловалъ: велѣлъ.... князю Д. Т. Трубецкому на тое его вотчину дати свою царскую грамоту»....«И руки свои есмя къ грамотѣ приписали и печать земскую привѣсили», заключаютъ чины.

Прежде, чѣмъ приступить къ избранію царя, соборъ наложилъ обязательный для всего государства трехдневный постъ, а затѣмъ уже издалъ постановленіе, которымъ отстранялись отъ избранія на московскій престолъ всѣ иностранные принцы, а также и сынъ Марины. По всей вѣроятности, прежде, чѣмъ придти къ единенію въ этомъ вопросѣ, потребовалось много засѣданій, такъ какъ высшіе чины — не были противъ кандидатуры кого либо изъ иностранныхъ принцевъ, въ противоположность низшимъ, желавшимъ царя изъ русскихъ бояръ [2]). Такимъ образомъ, постановленіе, по которому «Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть" [3]) можно разсматривать какъ побѣду низшихъ чиновъ надъ высшими.—Порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, собору предстояло рѣшить другой, въ сравненіи съ которымъ первый могъ казаться очень нетруднымъ: кого же изъ русскихъ бояръ возвести на московскій престолъ? Претендентовъ было много. Среди нихъ выдавались князь Голи-

[1]) Древ. Росс. Вивл., ч. XV, стр. 201. Также у Забѣлина (Мининъ и Пожарскій) въ прилож. № 1, стр. 285. Г. Забѣлинъ (стр. 122) ошибочно относитъ эту грамоту къ дѣятельности „собранія двухъ ополченій, освободившихъ Москву отъ поляковъ", а не къ земскому собору 1613 г., только въ виду того, что она подписана 15 лицами изъ духовенства и 12 свѣтскими лицами („все воеводами ополченія"). Изъ того, что на грамотѣ нѣтъ подписей „выборныхъ изъ городовъ и посадскихъ" нельзя еще заключать, что она дана „собраніемъ ополченія", а не соборамъ 1613 г. Такіе факты бывали не рѣдко, такъ какъ далеко не всѣ члены собора прикладывали свои руки къ грамотамъ. Даже такой важный документъ, какъ актъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и тотъ былъ подписанъ далеко не всѣми участниками собора. Тѣмъ болѣе это понятно въ данномъ случаѣ.

[2]) „И восхотѣша, читаемъ въ Псковской лѣтописи, начальницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратнія не восхотѣша сему быти". См. Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. V, стр. 63.

[3]) Дворцовые разряды, т. I, стр. 13.

цынъ [1]), князь Трубецкой [2]), Воротынскій [3]), даже Пожарскій [4]), низверженный царь Василій Шуйскій, Михаилъ Романовъ [5]) и др. Неудивительно, что засѣданія были крайне бурны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ источники. Около каждаго претендента группировалась партія, агитировавшая въ пользу него и пускавшая въ ходъ всѣ средства, чтобъ достигнуть своей цѣли. „И *на соборѣхъ* (прямое указаніе на многочисленность засѣданій) говорили о царевичахъ, читаемъ въ одной грамотѣ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быть государемъ» [6]). «Многое было волненіе, говоритъ лѣтописецъ, всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коево говоряше». „Бывшу же волненію велію"...„Иные убо подкупаху и засылаху, хотяше не въ свою степень" [7]). „Много избирающи искаху, говоритъ другой памятникъ, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же инаго, и всѣ разновѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни. Мнозіи же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары» [8]). Долго ли продолжалась подобная борьба партій—неизвѣстно. Грамота объ избраніи на царство Михаила Өедоровича говоритъ только что „*по многіе дни* на соборѣ изо всѣхъ городовъ всего Россійскаго царствія всякіе люди не обинуяся говорили"... [9]). Опредѣлить же болѣе точно эти «многіе дни» конечно, нѣтъ никакой возможности. Извѣстно только, что въ концѣ концевъ партія Михаила Романова

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Штраленбергъ. См. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia, стр. 205. Извѣстна также фраза Пожарскаго, сказанная новгородцамъ еще въ 1612 г. „только бъ нынѣ былъ здѣсь такой столпъ, князь Василій Васильевичъ (Голицынъ), имъ бы всѣ держались". (Акты Арх. Эксп. т. II, № 211 стр. 270).

[2]) Н.И. Костомаровъ сообщаетъ, что А. Ө Бычковъ говорилъ ему, что читалъ приписку къ одной рукописи, изъ которой видно, что Трубецкаго избирали въ цари на земскомъ соборѣ передъ избраніемъ Михаила (Ист. Монографіи, т. VI, стр. 306.

[3]) Stralenberg, стр. 205.

[4]) Есть извѣстіе, будто Пожарскій добивался сдѣлаться царемъ и что это ему обошлось въ 20000 рублей (Чтенія въ общ. ист. и др. росс. 1848 г. кн. 7). Г. Забѣлинъ опровергаетъ это извѣстіе и его доводы кажутся намъ вполнѣ убѣдительными. См. Мининъ и Пожарскій, стр. 159.

[5]) Извѣстно, что еще патріархъ Гермогенъ совѣтовалъ избрать Михаила въ цари (Записки гетмана Жолкевскаго, стр. 74).

[6]) Дворцовые разряды т. I, стр. 13.

[7]) Лѣтоп. о мятеж. стр. 270; Никоновская лѣтоп. т. VIII, № 330, стр. 201.

[8]) Новый лѣтописецъ, гл. 163, стр. 160.

[9]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. I, № 203, стр. 612; Др. Рос. Вивл. ч. VII. стр. 128.

взяла верхъ и заставила замолчать другихъ претендентовъ. Во главѣ этой партіи стоялъ извѣстный Ѳ. И. Шереметевъ, приходившійся родственникомъ Романовымъ [1]). Въ его интересахъ, слѣдовательно, было всѣми силами стараться о возведеніи на престолъ 16-ти лѣтняго Михаила, отецъ, котораго вдобавокъ былъ въ плѣну у поляковъ. Очевидно, именемъ Михаила правилъ бы никто иной, какъ самъ Шереметевъ [2]). Послѣдній переписывался съ Филаретомъ Никитичемъ и до насъ дошло извѣстіе о письмѣ послѣдняго къ первому [3]), изъ котораго можно заключить, что ростовскій митрополитъ не зналъ (по крайней мѣрѣ въ то время, когда писалъ это письмо) о желаніи части выборныхъ возвести на престолъ его сына,

---

[1]) Stralenberg, стр. 207.

[2]) Н. И. Костомаровъ сообщаетъ, что покойный Мельниковъ говорилъ ему о существованіи одного письма Шереметева къ Голицыну, въ которомъ было сказано: „выберемъ Мишу Романова онъ молодъ и еще глупъ". Смыслъ этого письма, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, таковъ, что бояре склонялись къ выбору Романова, между прочимъ потому, что, при его молодости и неопытности, думали править сами и поступать по своей волѣ (Ист. монографіи, т. VI, стр. 294). Историкъ же рода Шереметевыхъ г. Барсуковъ говорилъ, что Мельниковъ въ письмѣ къ графу С. Д. Шереметеву отъ 15 августа 1878 г. сообщилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ вышеназванное письмо у Погодина „но что Н. И. Костомаровъ" не въ точности передалъ содержаніе его въ печати. Пропущено очень важное слово *еще*, стоящее передъ *молодъ*, а вмѣсто *глупъ* написано, сколько помнится, „разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ повадень". „Но и эта новая, упорядоченная редакція, прибавляетъ отъ себя г. Барсуковъ, не въ состояніи поколебать нашего убѣжденія относительно подложности самого письма". (Родъ Шереметевыхъ, книга 2-ая стр. 311). Здѣсь кстати замѣтить, что черезъ весь почтенный трудъ г. Барсукова довольно ясно проходитъ тенденція: выгораживать и оправдывать Шереметевыхъ гдѣ бы то ни было и во чтобы то ни стало, что, конечно, лишаетъ его произведеніе объективности, столь необходимой для всякаго историческаго труда. Это отчасти заставляетъ г. Барсукова впадать въ другую ошибку. Такъ, напримѣръ, ведя свой разсказъ объ избраніи Михаила Ѳедоровича главнымъ образомъ по Штраленбергу, авторъ Рода Шереметевыхъ относится къ послѣднему совсѣмъ не съ точки зрѣнія исторической критики, принимая изъ него все, что не противорѣчитъ вышеназванной „оправдательной тенденціи" (или почему либо нравится г. Барсукову) и отбрасывая все противорѣчащее (или не нравящееся), ничѣмъ при томъ не мотивируя подобнаго пріема.

[3]) Stralenberg стр. 204. Фоккеродтъ также свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ членовъ собора съ находившимися въ плѣну у поляковъ боярами. „Ихъ собраты, говоритъ онъ, сидѣвшіе въ то время еще въ плѣну у поляковъ и, благодаря обхожденію съ этимъ народомъ, понабравшіеся республиканскихъ правилъ, утверждали въ этомъ (въ необходимости ограниченія царской власти) бояръ своими письмами, въ особенности, тогдашній ростовскій епископъ, послѣ бывшій патріархомъ Филаретомъ, который еще не могъ предполагать, что выборъ падетъ на его сына. (Чтенія въ обществѣ исторіи и др. росс. 1874 г. книга 2-ая, стр. 21). См. также Kleinschmidt, Russlands Geschichte und Politik, dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels (1877), s. 172.

такъ какъ требовалъ ограниченія самодержавной власти, чтó, безъ сомнѣнія, не сдѣлалъ бы, зная кого прочатъ въ цари. Письмо это, по свидѣтельству Штраленберга, было прочитано Шереметевымъ на соборѣ, по всей вѣроятности, для того, чтобъ отклонить всякую мысль со стороны выборныхъ объ агитаціи Филарета въ пользу своего сына и о стремленіяхъ самого Шереметева. Вѣдь отказывался же затѣмъ Шереметевъ (по свидѣтельству того же Штраленберга) просить инокиню Мароу отпустить Михаила въ Москву (еще до его избранія) подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ не думали, что онъ болѣе хлопочетъ о своей роднѣ, чѣмъ о благѣ государства, что не мѣшало ему однако тутъ же подъ бокомъ агитировать въ пользу этой родни [1]). Какъ бы то ни было, но партія Романовыхъ взяла верхъ и 7-го февраля былъ избранъ Михаилъ Θедоровичъ. Еще до этого избранія начались заявленія со стороны выборныхъ и народа въ пользу Романовыхъ. Такъ, «многіе дворяне и дѣти боярскіе, и гости многихъ разныхъ городовъ, и атаманы и казаки» пришли къ келарю Авраамію Палицыну въ Богоявленскій монастырь и принесли ему «писанія своя» объ избраніи Михаила Θедоровича. Они просили, чтобъ келарь представилъ эти «писанія» собору, что тотъ вскорѣ и исполнилъ [2]). Въ то же время начались письменныя извѣщенія дворянъ, что они желаютъ царемъ Романова, а потомъ послѣдовало такое же заявленіе отъ казаковъ, (послѣдніе даже громко кричали, что не допустятъ инаго царя, кромѣ Михаила Θедоровича) [3]). Одновременно съ этимъ прибылъ изъ Калуги гость Смирной съ челобитной этого города и отъ всѣхъ Сѣверскихъ городовъ, въ которой также требовалось избраніе Михаила [4]). На одномъ изъ засѣданій собора (по всей вѣроятности, послѣднихъ) «нѣкто дворянска чина Галича града» предложилъ «выпись», въ которой доказывалъ необходимость избрать царемъ Михаила Θедоровича. Главнымъ аргументомъ истинности его мнѣнія было родство Романовыхъ съ прежними царями Рюрикова дома. Какъ извѣстно, Иванъ IV былъ женатъ на Анастасьѣ, сестрѣ Никиты Романовича Романова-Юрьева, которому Михаилъ Θедоровичъ приходился внукомъ. Многіе однако высказались противъ этого мнѣнія. «А злобы еще, говоритъ хронографъ князя Оболенскаго, ехидино пороженіе остася, испущая своя блевотины, рѣша: «кто то писаніе принесъ, кто и откуда»? Не смотря однако на эту оппозицію, нашлись люди, поддержавшіе предложеніе галичскаго дворянина. Такъ, одинъ донской атаманъ также подалъ письменное

[1]) Stralenberg, стр. 207.

[2]) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, стр. 291.

[3]) Очевидно, Шереметевъ не жалѣлъ средствъ, чтобъ достигнуть своей цѣли.

[4]) Костомаровъ, Ист. монографіи, т. VI, (Смутное время, т. III), стр. 294 и 295.

мнѣніе въ пользу Романова. «И прочетше писаніе атаманское и бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ», говоритъ хронографъ [1]).

Избравъ 7-го февраля Михаила Θедоровича, соборъ отложилъ окончательное избраніе его на двѣ недѣли, до 21-го февраля. Причиной подобной отсрочки было, по всей вѣроятности, неприбытіе еще многихъ выборныхъ и желаніе узнать настроеніе всего государства. «А для большаго укрѣпленія, говоритъ грамота, отложили февраля съ 7-го числа февраля по 21-е число, на двѣ недѣли: а въ тѣ дни Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные, и служилые люди, и гости, и всѣ православные Христіяне всего Россійскаго царствія, всѣ единодушно молили Господа Бога, и пречистую Богоматерь, и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ устроилъ всему православному Христьянству полезная, яко же есть святая его воля» [2]). Послали также за боярами, за «князь Мстиславскимъ съ товарищи», уѣхавшими изъ Москвы, послѣ освобожденія ея отъ поляковъ. «И послали Московскаго государства, читаемъ въ той же грамотѣ, по бояръ въ городы, по князя Θедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, чтобъ они для большаго Государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣту ѣхали къ Москвѣ на спехъ» [3]). Одновременно съ этимъ, были тайно посланы «вѣрные люди» во всѣ города, за исключеніемъ дальнихъ, чтобъ узнать мнѣніе всего государства о совершившемся въ Москвѣ избраніи царя. Согласно съ памятниками, все государство единодушно высказалось въ пользу Михаила Θедоровича и одобрило дѣйствіе собора. «А во всѣ городы Россійскаго царствія, такъ повѣствуетъ избирательная грамота, опричь дальнихъ городовъ, послали тайно во всякихъ людехъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и боязныхъ людей, кого хотятъ Государемъ, Царемъ на Московское государство во всѣхъ городехъ. И во всѣхъ городехъ и уѣз-

---

[1]) Хронографъ кн. Оболенскаго, начало котораго напечатано въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній П. В. Калачева (1850 г. кн. 1, стр. 35), а конецъ у г. Забѣлина (Мининъ и Пожарскій) прилож. № 16, стр. 310. Соловьевъ полагаетъ, что „одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ рѣшило дѣло". (Исторія Россіи т. VIII, стр. 461). Намъ кажется, что подобное объясненіе избранія Михаила невѣрно. Неужели же *два* голоса могли „рѣшить дѣло", когда еще незадолго до того, каждая партія выставляла своихъ кандидатовъ и, навѣрно, могла обезпечить за ними не мало голосовъ. во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе, чѣмъ два! Очевидно, дѣло было уже рѣшено прежде подачи этихъ двухъ мнѣній, поданныхъ, какъ надо полагать, только ради проформы.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. I, № 203, стр. 613; Древ. Росс. Вивл. ч. VII, стр. 128.

[3]) Тамъ же.

дехъ во всякихъ людехъ, отъ мала и до велика, тажъ мысль: что быти на Московскомъ Государствѣ Государемъ, Царемъ Михайлу Θедоровичу Романову, а опричь его, великаго Государя, никакъ никого на Московское Государство не хотѣти» [1]).

Когда Мстиславскій съ товарищами возвратился въ Москву, то 21-го февраля «въ первую недѣлю великаго поста, въ ню же празднуется святыхъ отецъ Православіе» произошло послѣднее засѣданіе избирательнаго собора. Соборъ засѣдалъ «во святой Апостолстей церкве честнаго и славнаго ея Успенія» и окончился единогласнымъ избраніемъ на царство Михаила Θедоровича. Каждый выборный подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ указывалъ на «племянника Θедора Ивановича». Послѣ этого, рязанскій архіепископъ Θеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ, келарь Троицко-Сергіевой лавры Авраамій Палицынъ и бояринъ Морозовъ вышли на Лобное мѣсто къ народу и спросили его, кого онъ хочетъ себѣ царемъ? Всѣ въ одинъ голосъ закричали, что никого иного, кромѣ Михаила Θедоровича Романова. Послѣ этого, былъ отслуженъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и «по монастырямъ и церквамъ царствующаго града Москвы пѣли молебны соборне со звономъ и молили Бога о многолѣтнемъ здравіи» новоизбраннаго царя [2]). Затѣмъ началась присяга и по всей Россіи были разосланы грамоты, извѣщавшія русскій народъ о происшедшемъ въ Москвѣ [3]).—Что касается до присяги, то она происходила слѣдующимъ образомъ: «бояре, и окольничіе, и чашники, и стольники, и дворяне большіе, и дьяки, и всякихъ чиновъ люди крестъ ему, Великому Государю цѣловали по записи, какова, по совѣту всей земли, уложена, а дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ и дворовыхъ людей, и головъ стрѣлецкихъ, и гостей, и атамановъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и посадскихъ людей къ крестному цѣлованію приводили бояре и дьяки, раздѣлясь порознь, по статьямъ, по тѣмъ же записямъ» [4]).

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. I, № 203, стр. 613; Др. Росс. Вивл. ч. VII, стр. 128.

[2]) И положися во всѣ люди мысль, пишетъ лѣтописецъ объ этомъ событіи, не токмо въ вельможи или въ служилые люди, но и въ простые всѣ православные христіяны и въ ссущіе младенцы и возопиша всѣ велегласно, что любовенъ всѣмъ намъ на Московское государство Михаило Θедоровичъ Юрьевъ. Въ тотъ-же день бысть радость велія на Москвѣ и пойдоша въ соборную церковь Пречистыя Богородицы и пѣша молебны со звономъ и со слезами и бяше радость велія, яко изо тьмы человѣцы изыдоша на свѣтъ". (Лѣтоп. о мятеж. стр. 271, Никоновская лѣтоп., т. VII, № 330, стр. 202).

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 4, стр. 11; Дворцовые разряды, т. I, стр. 45.

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 1, стр. 4. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь свидѣтельство Штраленберга о процедурѣ избранія Михаила Θедо-

Разсматривая дѣйствія собора 1613 г., удивляешься контрасту, существовавшему между его первыми и послѣдними засѣданіями. Слѣдующую картину представляютъ первыя засѣданія: масса партій, враждебно настроенныхъ одна противъ другой и преслѣдующихъ совершенно различныя цѣли, сильнѣйшая агитація, не брезгующая даже такими средствами, какъ подкупъ, не малое число претендентовъ, поддерживаемое своими адептами, бурныя пренія и отсутствіе всякаго единенія между партіями. Совсѣмъ другую картину представляютъ послѣднія засѣданія: полнѣйшее единеніе, миръ и тишина среди выборныхъ, всѣ партіи соединяются въ одну и, начиная съ митрополитовъ и бояръ и кончая „сущими младенцами" провозглашаютъ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова. Ни единаго протеста, никакой оп-

ровича. По его словамъ, на первомъ же собраніи собора было рѣшено, что при избраніи государя, каждый долженъ имѣть въ виду исключительно устраненіе всего того, что могло бы послужить къ новымъ смутамъ и къ паденію государства. Государь не долженъ обладать большой родней и обязанъ принять тѣ условія, какія постановитъ соборъ. Это должно быть исполнено прежде коронованія, которое иначе не можетъ имѣть мѣста. Послѣ того, собраніе приступило къ выборамъ и когда были сосчитаны голоса, то оказалось, что наибольшее число ихъ получили Голицынъ, Воротынскій и Шуйскій (родственникъ низложеннаго царя). Хотя всѣ эти лица были знатнаго происхожденія и съ большими заслугами, но они не подходили подъ вышеназванное постановленіе. Голицынъ обладалъ многочисленной родней и имѣлъ не мало враговъ. Воротынскій былъ старъ и не имѣлъ наслѣдника. Шуйскій же, будучи родственникомъ низложеннаго царя, также считался не подходящимъ. Вслѣдствіе этого, собраніе рѣшило избрать кого нибудь другаго. Тогда одному члену собора пришла мысль предложить въ цари Михаила Романова, сына митрополита Ростовскаго, находившагося въ плѣну у поляковъ. Многіе поддержали это предложеніе, такъ какъ Романовъ вполнѣ удовлетворялъ условіямъ, установленнымъ соборомъ. У него не было большой родни, кромѣ того, отецъ его, будучи духовнымъ лицомъ, едва ли бы сталъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла и т. п. Однако, собраніе знало довольно плохо молодаго человѣка и, желая ознакомиться съ нимъ, послало къ его матери двухъ дворянъ, прося ее отпустить сына въ Москву. Послѣдняя, получивъ это извѣстіе, стала горько плакать, говоря, что несчастіе не оставляетъ ее даже въ монастырѣ. Уже убили шесть царей, а теперь хотятъ, чтобы ея любимый сынъ былъ бы въ этомъ случаѣ седьмымъ! Она написала Шереметеву письмо, въ которомъ просила, чтобъ тотъ употребилъ всѣ усилія, дабы отклонить избраніе ея сына, указывая на то, что онъ молодъ и не способенъ царствовать. Это письмо и донесеніе посланныхъ возбудили въ собраніи горячія пренія. Многіе находили поведеніе монахини, осмѣлившейся воспротивиться волѣ собора крайне неприличнымъ. Другіе же, напротивъ, видя, что она далека отъ исканія такой высокой чести, еще болѣе добивались избранія ея сына. Шереметевъ же, понимая дѣло гораздо лучше своей сестры, показывалъ видъ, будто все происходящее нисколько его не касается и даже поддерживалъ просьбу сестры, хотя подъ рукою употреблялъ всѣ усилія, чтобъ достигнуть своей цѣли. Ему удалось уговорить московскаго митрополита помогать въ избраніи Романова. Митрополитъ, ожидая вознагражденія за свои труды, явился однажды очень рано въ собраніе и заявилъ, подтверждая клятвою, что ему было открове-

позиціи! Куда же дѣвались прежніе претенденты и партіи, ихъ поддерживавшія? Все исчезло и дѣла идутъ, какъ по маслу. Разгадка не трудна. Нужно вспомнить, что памятники, изъ которыхъ мы узнаемъ подробности о соборѣ, преимущественно происхожденія оффиціальнаго и въ нихъ ничего не говорится о томъ, что происходило на первыхъ соборныхъ засѣданіяхъ, напротивъ, вездѣ только встрѣчается извѣстіе, что Михаилъ Өедоровичъ былъ избранъ единогласно, какъ соборомъ, такъ и всѣмъ Московскимъ государствомъ. Въ дѣйствительности же, нужно думать, что дѣло происходило далеко не такимъ образомъ и Шереметеву, навѣрно, пришлось не мало потрудиться, чтобъ сломить оппозицію другихъ претендентовъ, лелеявшихъ мысль возсѣсть на московскомъ престолѣ [1]). Даже когда уже состоялось первое избраніе Михаила Өедоровича, именно 7-го Февраля, пришлось пускать въ ходъ агитацію и отправлять *тайно вѣрныхъ* людей по всему государству. Значитъ, и тогда еще положеніе новоизбраннаго царя было не совсѣмъ прочно. Инаго смысла не имѣла, на нашъ взглядъ, эта *тайная* посылка *вѣрныхъ* людей. Успѣшный ея исходъ безспорно упрочилъ положеніе Михаила и служилъ причиной вторичнаго его избранія 21 Февраля, тѣмъ болѣе, что двухъ недѣль было вѣрнымъ людямъ вполнѣ достаточно, чтобъ окончить свою миссію, не даромъ же дальніе города были изъяты изъ раіона ихъ путешествія. Н. И. Костомаровъ вполнѣ правъ, думая, что «полученные на соборѣ отзывы (путемъ посылки вѣрныхъ людей) болѣе рѣшили избраніе Романова, чѣмъ согласіе выборныхъ лицъ» [2]). Какія же это причины,

---

ніе и что если соборъ хочетъ имѣть счастливаго правителя, то лучше и счастливѣе Романова не найдетъ. Это произвело сильную сенсацію, чѣмъ и не замедлили воспользоваться приверженцы Шереметева. Они просили его, чтобъ онъ еще разъ написалъ сестрѣ объ отпускѣ Михаила въ Москву. Шереметевъ же, опасаясь, чтобъ молодой Романовъ не произвелъ на соборъ такого впечатлѣнія, какого не слѣдовало бы, произнесъ рѣчь, имѣвшую цѣлью убѣдить соборъ не посылать за Романовымъ. „Я считаю своею обязанностью, говорилъ Шереметевъ, во всемъ этомъ дѣлѣ быть совершенно нейтральнымъ, чтобъ никто не могъ говорить, что я болѣе хлопочу о своей роднѣ, чѣмъ о благѣ государства. Если юность Михаила послужитъ причиною несчастій для государства, то я останусь со спокойной совѣстью“. Эта рѣчь, сопровождаемая обильными слезами, произвела такое впечатлѣніе, что всѣ рѣшили покончить съ избраніемъ и провозгласили Михаила царемъ. См. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia, s. 204—207.

[1]) „... И тако бысть, говоритъ хронографъ С. Кубасова, *по многіе дни* собраніе людемъ, *дѣло же толикіе вещи утвердити не возмогутъ*. Въ единый же день снидошася вси людіе въ сонмъ едину по обычею своему и *начаша свѣтовати и завѣщаніе полагають да не отступятъ отъ мѣста сего, прежде даже не изберется царь Михаилъ* царству и *помышляше на домъ часъ*“... (Поповъ, Изборникъ, стр. 312).

[2]) Новое Время за 1880 г., № 1488.

благодаря которымъ партія Романовыхъ взяла верхъ надъ остальными партіями и благополучно довела свое дѣло до конца? По нашему мнѣнію, причинъ было нѣсколько. Во первыхъ, что касается до бояръ, поддерживавшихъ кандидатуру Михаила Ѳедоровича, то, по всей вѣроятности, они руководствовались тѣмъ соображеніемъ, какое высказалъ Шереметевъ въ письмѣ къ Голицыну (по словамъ Мельникова). «Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ»—вотъ стимулъ, побуждавшій ихъ избирать 16-ти лѣтняго Михаила и оставлять въ сторонѣ такихъ «столповъ», какъ Голицынъ, Мстиславскій и др. Штраленбергъ также говоритъ, что Романовы вполнѣ подходили подъ условія, установленныя соборомъ при избраніи царя. Во-вторыхъ, что касается до народа, то его легко было склонить на сторону Романовыхъ, благодаря ихъ популярности и родству съ прежней династіей. Въ народномъ воспоминаніи свѣжи были страданія семейства Романовыхъ при Борисѣ, заточеніе Ѳедора (Филарета) и его супруги. Народъ въ послѣднее время слишкомъ много пережилъ бѣдствій, и потому естественно его сочувствіе обращалось къ такому роду, который за одно съ нимъ много пострадалъ. Послѣдній подвигъ Филарета, его твердое поведеніе въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе, совершенное беззаконно врагами, все давало ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за вѣру и за русскую землю. Наконецъ, въ народѣ сохранились болѣе давнія преданія о царицѣ Анастасьѣ, жившей въ лучшее время для русскаго народа, о Никитѣ Романовичѣ, о которомъ говорили и даже пѣли въ пѣсняхъ, что онъ, по своему благодушію, заступался за жертвы Иванова сумазбродства. Все это вмѣстѣ располагало народъ избрать Михаила Романова [1]). Что касается до родства съ прежней династіей, то и эта причина имѣла большое значеніе. Такъ, памятники, дошедшіе до насъ мотивируютъ избраніе Романовыхъ исключительно ихъ родствомъ съ прежними царями. Стоитъ только прочесть грамоты и лѣтописи того времени, чтобъ замѣтить, какъ часто повторяется фраза: «праведнаго корени блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Россіи племянника». «Родъ бо праведныхъ благословится, читаемъ въ Лѣтописи о мятежахъ и въ Никоновской лѣтописи, рече Пророкъ: и сѣмя бо ихъ въ благословеніи будетъ. Тако благослови Богъ и прослави племя и сродство Царское достохвальнаго и святаго блаженныя памяти Царя, Государя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Россіи племянника» [2]). «И избрали, говоритъ Псковская лѣтопись, ратные люди и вся православные на Московское государство царемъ отъ царска

---

[1]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей, выпускъ II, стр. 724; Истор. монографіи, т. VI, стр. 293.

[2]) Лѣт. о мятежахъ, стр. 271; Никоновская лѣт., т. VIII, № 330, стр. 202.

роду, царя Өедора Ивановича племянника» [1]) и т. д. Такимъ образомъ, условія для дѣйствія Шереметева и другихъ сторонниковъ Романовыхъ были крайне благопріятны, неудивительно, что они постарались ими воспользоваться и довести свое предпріятіе до благополучнаго окончанія.

Вскорѣ, послѣ избранія Михаила Өедоровича, къ нему было послано отъ собора посольство съ извѣщеніемъ о случившемся и съ просьбой пріѣхать въ Москву «на свой царскій престолъ». Михаилъ Өедоровичъ вмѣстѣ съ своей матерью, инокинею Мареой жилъ въ это время въ Костромскомъ уѣздѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ поселился, послѣ взятія Москвы ополченцами. Въ составъ посольства вошли слѣдующія лица: архіепископъ рязанскій и муромскій Өеодоритъ, архимандритъ чудовскій Авраамій, троицкій келарь Авраамій и «иныхъ честныхъ великихъ монастырей» архимандриты и игумены, бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь В. И. Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Головинъ и выборные «отъ всякихъ чиновъ всего Московскаго государства» [2]). Посламъ данъ былъ особый наказъ, своего рода инструкція, въ которомъ до мельчайшихъ подробностей было изложено, что они должны были дѣлать [3]). На основаніи его, послы должны были дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, объявить Михаилу Өедоровичу и его матери о состоявшемся въ Москвѣ избраніи его на царство, во вторыхъ, просить инокиню Мареу благословить своего сына и отпустить его въ Москву, гдѣ ему будетъ устроена торжественная встрѣча. Въ-третьихъ, въ случаѣ отказа исполнить волю народную, какъ со стороны царя, такъ и со стороны его матери, просить ихъ во что бы то ни стало взять свой отказъ обратно и покориться волѣ Божьей, призвавшей Михаила на престолъ. Въ-четвертыхъ, если новоизбранный царь, «начнетъ разсужать о отцѣ своемъ», что поляки, узнавъ объ избраніи въ цари сына митрополита Филарета, «учинятъ» послѣднему какое нибудь «зло», то успокоить его, сказавъ, что ведутся переговоры съ польскимъ королемъ о взаимной выдачѣ плѣнныхъ и объ обмѣнѣ ихъ и въ-пятыхъ, обо всемъ подробно «отписать» собору. Кромѣ наказа, посламъ даны были двѣ грамоты для передачи: одной Михаилу Өедоровичу, а другой инокинѣ Мареѣ. Содержаніе обѣихъ грамотъ тожественно: въ нихъ соборъ излагаетъ исторію событій послѣдняго времени (разсматривать все подробнымъ образомъ и начинать издалека—было страстью у древнихъ русскихъ) и извѣщаетъ Михаила Өедоровича и его мать объ избраніи его на царство. Взаключеніе, соборъ проситъ ново-

[1]) Полн. Собр. Русскихъ Лѣт., т. V, стр. 63.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 203, стр. 616.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. III, № 6, стр. 15; Дворцовые разряды т. I, стр. 31.

избраннаго царя пріѣхать скорѣе въ Москву, а мать его, благословить своего сына на дѣло, предназначенное ему Богомъ [1]). 2-го марта послы выѣхали изъ Москвы и 13-го достигли мѣста своего назначенія. До насъ дошла грамота изъ Костромы, въ которой послы извѣщаютъ соборъ о ходѣ своихъ переговоровъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и о согласіи его на принятіе московской короны. Переговоры эти очень напоминаютъ собою другіе переговоры, ведшіеся также между соборомъ и новоизбраннымъ царемъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ [2]). Пріѣхавъ въ Кострому, послы на слѣдующій же день вмѣстѣ съ воеводой и костромскими жителями отправились въ монастырь. Михаилъ Ѳедоровичъ, узнавъ съ какой цѣлью они пришли, «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ» отказался отъ трона. Какъ онъ, такъ и его мать даже отказывались идти вмѣстѣ съ послами въ церковь и этимъ послѣднимъ стоило много труда уговорить ихъ отправиться туда. Въ церкви послы вручили соборныя грамоты и, согласно наказу, просили Михаила и Марѳу исполнить волю собора.

Главными аргументами въ пользу отказа были у инокини Марѳы, (по всей вѣроятности, ведшей переговоры за своего сына, такъ какъ Михаилу Ѳедоровичу было тогда только 16 лѣтъ) слѣдующіе: сынъ ея очень молодъ, «Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались», такъ какъ измѣняютъ клятвамъ, даннымъ своимъ государямъ (Марѳа привела примѣры Бориса Годунова, Ѳедора Борисовича, Лжедимитрія и Василья Шуйскаго), государство раззорено и въ царской казнѣ нѣтъ денегъ, митрополитъ Филаретъ въ плѣну и поляки, узнавъ, что сынъ его избранъ въ цари, причинятъ ему всякое «зло.» Изъ всего этого вытекаетъ, что «ему, Государю (Михаилу Ѳедоровичу) на Московскомъ государствѣ быти немочно». Послы принялись разбивать эти доводы и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, имъ удалось достигнуть своего. Переговоры продолжались «съ третьяго часа дня до девятаго часа» и только тогда, когда послы стали грозить Божьимъ гнѣвомъ, Марѳа согласилась благословить своего сына на царство, а этотъ послѣдній скорѣе пріѣхать въ Москву [3]). Итакъ смутное время окончилось и «бысть радость велія», говоря словами лѣтописца!

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. Ш, №№ 2 и 3, стр. 5 — 11, Дворцовые разряды, т. I, стр. 18 — 24.

[2]) Весьма возможно, что переговоры въ Ипатьевскомъ монастырѣ были вполнѣ тожественны съ переговорами въ Новодѣвичьемъ и что инокиня Марѳа была посвящена въ замыслы Шереметева, хотя, конечно, подобное предположеніе является вполнѣ гадательнымъ, за полнѣйшимъ отсутствіемъ данныхъ для точнаго сужденія.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. Ш, № 10, стр. 39; Дворцовые разряды, т. I, стр. 52.

Въ послѣднихъ числахъ марта соборъ получилъ двѣ грамоты изъ Костромы: одну отъ царя Михаила Өедоровича, а другую отъ матери его, Марөы Ивановны. Обѣ грамоты говорятъ объ одномъ и томъ же: въ нихъ подробно описывается процедура переговоровъ между инокиней Марөой и московскими послами, о чемъ ужъ было сказано выше. Грамота царя Михаила Өеодоровича заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ собору: «а вамъ бы боярамъ нашимъ (затѣмъ идетъ перечисленіе всѣхъ чиновъ Московскаго государства) на чемъ вы намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служити и прямити, и воровъ никого Царскимъ именемъ не называть, и ворамъ не служить, и грабежей бы у васъ и убивствъ на Москвѣ, и въ городѣхъ, и по дорогамъ не было, и быти бы вамъ межъ себя въ соединеньи и въ любви; на чемъ есте намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу ради пожаловать» [1]). Между тѣмъ, соборъ еще до отправленія посольства къ царю, разославъ извѣстительныя грамоты объ избраніи Михаила, разослалъ также крестоцѣловальныя записи и распорядился о приводѣ всѣхъ къ присягѣ [2]).

Въ это же время велись переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. Соборъ послалъ королю грамоту (отъ 10-го марта), въ которой укорялъ его за его «королевскую многую прежнюю и нынѣшнюю неправду и крестопреступленіе», выставлялъ ему на видъ все зло, причиненное поляками Россіи и оправдывалъ дѣйствіе русскихъ по отношенію къ послѣднимъ. Требовалъ выдачи митрополита Филарета, князя Голицына и другихъ пословъ, задержанныхъ поляками; объяснялъ посылку своей грамоты желаніемъ заключить съ королемъ миръ, для чего предлагалъ послѣднему послать съ своей стороны пословъ въ опредѣленное мѣсто, чтобъ уговориться о взаимной выдачѣ плѣнныхъ и т. п. Но при этомъ соборъ заранѣе объявлялъ, что о кандидатурѣ королевича Владислава не можетъ быть болѣе рѣчи; причину же этого онъ скрылъ: объ избраніи Михаила Өедоровича въ грамотѣ нѣтъ ни слова. Грамота заканчивается требованіемъ перемирія и пріостановки военныхъ дѣйствій во время веденія переговоровъ [3]). Эту грамоту долженъ былъ доставить дворянинъ Аладьинъ. Кромѣ нея, онъ получилъ еще особую роспись задержаннымъ въ Польшѣ посламъ и разнаго званія людямъ [4]). Дней десять спустя панъ Струсъ (какъ

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, №№ 11 и 12, стр. 46—55, Дворц. разр. т. I, стр. 68—78.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 5, стр. 14.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 7, стр. 22.

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 8, стр. 31.

извѣстно, сдавшій Кремль ополченцамъ) послалъ Сигизмунду письмо, въ которомъ умаливалъ короля освободить поляковъ изъ плѣна. «Чаю на семъ свѣтѣ такихъ нещастливыхъ нѣтъ, восклицалъ Струсъ, какъ мы, что за вѣрную службу нашу вязенье терпимъ». Отвѣтъ собору отъ поляковъ не замедлилъ прибыть. Аладьинъ возвратился цѣлымъ и невредимымъ и привезъ его съ собой. Въ своемъ отвѣтѣ паны рады (отвѣчавшіе собору) оправдывали короля въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ и, въ свою очередь, обвиняли русскихъ въ нарушеніи присяги царю Владиславу Жигимонтовичу. «И вы за то отъ Бога помсты, писали паны, и въ казнь великую не войдете ль, чинячи все неразсудно, идучи только гордостью и злостью и упрямствомъ противъ Божьей воли и противъ своего крестнаго цѣлованія, забывъ Бога и правды и души свои». Далѣе отъ имени короля паны обѣщали пріостановку военныхъ дѣйствій, выдачу плѣнныхъ и, вслѣдствіе ходатайства за русскихъ германскаго императора Матіаса, даже заключеніе самаго мира. Грамота кончается слѣдующимъ выговоромъ: «А что есте въ томъ же дѣлѣ писали листъ свой до его Королевскія милости, Государя нашего милостиваго, въ которомъ есте написали много словъ укорительныхъ и неправдивыхъ, и гордыхъ, и соромотныхъ, ино на тотъ листъ вашъ его Королевской милости не токмо отписывати до васъ и честь его не годилось; и вы бъ впередъ до Государя его милости таковыхъ гордыхъ, грубыхъ, укорительныхъ и соромотныхъ словъ въ листахъ своихъ не писали, будетъ вамъ такъ чинить и такія грубыя и срамныя слова до Великаго Государя писать и такія слова ничего добраго не приносятъ, только до разлитья крови крестьянскія причиною бываютъ, а гонца вашего отпустили есмя не задерживаючи» [1]).

Между тѣмъ, соборъ, ведя переговоры съ поляками, долженъ былъ вести ихъ также и съ царемъ, упрашивая его скорѣе пріѣхать въ Москву и принять бразды правленія въ свои руки. Такъ, въ двадцатыхъ числахъ марта соборъ послалъ царю грамоту, въ которой увѣдомлялъ послѣдняго объ обнародованіи его согласія быть царемъ и съ просьбою, чтобъ онъ шелъ на свой престолъ. «Какъ только что мы получили извѣстіе о твоемъ согласіи вступить на престолъ, пишутъ земскіе чины, мы сейчасъ же отправились въ Успенскій соборъ и тамъ «о твоемъ Государевѣ жалованьѣ грамоты чли во всѣ люди» и «воздали хвалу всесильному Богу». Грамота заканчивается словами: «И тебѣ бъ, Великому Государю... насъ сирыхъ пожаловать, на свой Царскій престолъ въ Царствующій градъ Москву свой Государевъ подвигъ... учинити вскорѣ, чтобъ недругомъ твоимъ... и всѣмъ твоимъ Государевымъ непрія-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 13, стр. 55.

телемъ быть во ужасти» [1]). Одновременно съ этой была послана другая грамота на имя архіепископа Өеодорита и Ө. И. Шереметева «съ товарищи». Содержаніе второй грамоты вполнѣ тожественно съ первой. Въ ней соборъ «наказываетъ» своему посольству просить царя и инокиню Марөу пріѣхать въ Москву и стать во главѣ управленія государствомъ: «И котораго числа, говорится въ грамотѣ, Государь... Михаилъ Өедоровичъ и Государыня наша Великая старица инока Марөа Ивановна насъ пожалуютъ съ Костромы въ Ярославль, а изъ Ярославля къ Москвѣ подвигъ свой учинять, и къ которому числу Государева приходу къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь начаяте, и гдѣ онъ, Государь намъ, богомольцомъ и холопемъ своимъ укажетъ себя Государя встрѣтить, и въ которомъ мѣстѣ и какъ встрѣчать, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ отписати» [2]). Послѣ 26-го марта, соборъ снова послалъ двѣ грамоты: одну на имя Михаила Өедоровича, другую на имя инокини Марөы. Обѣ грамоты содержатъ въ себѣ увѣдомленіе о полученіи и объ обнародованіи грамотъ вышеприведенныхъ лицъ, извѣщающихъ о выходѣ ихъ въ Ярославль, состоявшемся, какъ извѣстно, 19 марта [3]). Несмотря однако на всѣ просьбы собора, царь медлилъ выступленіемъ въ Москву и первый, по необходимости, долженъ былъ править государствомъ, отписывая обо всемъ подробно Михаилу Өедоровичу и получая отъ него распоряженія и предписанія. Такъ имѣется, напримѣръ, грамота отъ собора, въ которой этотъ послѣдній извѣщаетъ царя о полученіи извѣстія изъ Пскова, отъ воеводъ князя Хованскаго и Вельяминова, изъ котораго видно, что шведы «пишутъ къ нимъ (псковичамъ) безпрестанно съ великими угрозы, а хотятъ быти къ нимъ подо Псковъ па осадъ съ нарядомъ тотчасъ и ихъ бы Нѣмецкимъ людемъ не подать, учинить имъ помочь вскорѣ». Вслѣдствіе этого, соборъ распорядился послать въ Псковъ казаковъ, «что ходили за Литовскими людьми, которые были въ Бѣлозерскихъ мѣстахъ и въ Поморскихъ городѣхъ» и теперь присягнувшихъ Михаилу Өедоровичу. Кромѣ нихъ, въ Псковъ послано еще другое подкрѣпленіе, такъ же какъ и «подъ Вязьму, подъ Дорогобужъ, подъ Смоленскъ и подъ иные городы» [4]). 12-го марта соборъ получилъ свѣдѣніе, «что Польскіе и Литовскіе люди пришли войною въ Бѣлевскіе, и въ Мѣщевскіе, и въ Колужскіе, и въ Козельскіе мѣста и большими людьми стали на Брынѣ». Тогда земскіе чины распорядились по-

---

[1]) Ивановъ, Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива (изд. 1842 г.) № 1, стр. 95; Дворцовые разряды, т. I, прилож. № 8, стр. 1065.

[2]) Ивановъ, № 2, стр. 103; Дворцовые разряды, т. I, прилож. № 9, стр. 1071.

[3]) Ивановъ, №№ 3 и 4, стр. 112—117; Дворцовые разряды, прилож. №№ 10 и 11, стр. 1071.

[4]) Ивановъ, № 5, стр. 122; Дворц. разр. т. I, № 6, стр. 1051.

слать на помощь вышеназваннымъ «мѣстамъ» ратныхъ людей изъ Украйнскихъ и Сѣверскихъ городовъ, а также 2323 человѣка казаковъ подъ начальствомъ воеводъ Колтовскаго и Чебышева. Объ этомъ распоряженіи было также отписано государю [1]. Между тѣмъ 26-го марта пріѣхалъ изъ Ярославля въ Москву посланный отъ царя, стольникъ князь Троекуровъ и «говорилъ, что Государевъ приходъ будетъ къ Москвѣ вскорѣ и на Государевъ обиходъ къ Государеву пріѣзду, какіе во дворцѣ запасы на Москвѣ есть ли; и въ которые городы запасы на Государевъ обиходъ збирать посланы ли, и откуда привозу запасомъ начаться, и кому Государевы дворцовые села розданы, и чѣмъ Государевымъ обиходомъ впередъ полнится, и что дать царьскаго жалованья ружникомъ и всякимъ оброчникомъ»? Соборъ слѣдующимъ образомъ отвѣтилъ на эти вопросы: «Бьютъ тебѣ челомъ, Государь, стольники, дворяне и дѣти боярскія, владѣвшія твоими селами, что у нихъ теперь отписаны дворцовыя селы, и тебѣ, Государю, о томъ «докука отъ челобитчиковъ великая, и отъ тебя, Государя, тѣхъ челобитчиковъ и докука чѣмъ быти». Говорилъ намъ также князь Троекуровъ, что дворяне, дѣти боярскія и, вообще, всякіе люди разъѣхались изъ Москвы, а тебѣ Государю, объ этомъ неизвѣстно, по нашему ли они отпуску разъѣхались или самовольствомъ. Еще до насъ князья Трубецкой и Пожарскій, по приговору всей земли, «послали для твоихъ, Государевыхъ обиходовъ отписывать дворцовыхъ селъ, пашенныхъ и оброчныхъ». Также послано нами приказаніе сборщикамъ, «чтобъ они одноличко съ запасы ѣхали къ Москвѣ тотчасъ наскоро». Въ житницахъ твоихъ, Государь, запасовъ не много, но за то ожидаемъ вскорѣ ихъ привоза. Что же касается до грабежей и разбоевъ, то на этотъ счетъ, «по твоему Государеву указу учиненъ заказъ крѣпкой». «Татей и разбойниковъ сыскиваемъ и судимъ ихъ по градческому суду, хто чего довелся». Дворянъ же и дѣтей боярскихъ, безъ твоего приказа, мы никуда не отпускали, за исключеніемъ посольства къ тебѣ и нѣкоторыхъ лицъ, уѣхавшихъ въ города для твоихъ дѣлъ. Всѣмъ же, разъѣхавшимся по домамъ, мы велѣли къ твоему пріѣзду возвратиться въ Москву». Грамота заканчивается извѣщеніемъ о посылкѣ росписи, касающейся дворцовыхъ имуществъ [2]. Во второй половинѣ марта послы: архіепископъ Ѳеодоритъ и Ѳ. И. Шереметевъ писали собору, чтобъ онъ распорядился выслать «Боярскій подлинный списокъ и Государеву печать». «Мы, господа, читаемъ въ грамотѣ, о печати и о Боярскомъ спискѣ писали къ вамъ многажды... и вы, господа, о томъ къ намъ не писывали и Боярскова списка и Государевы печати марта по 17 число не присылывали. И вамъ бы, господа, Государеву печать и Боярскій списокъ при-

[1] Ивановъ, № 6, стр. 125; Дворц. разр. т. I, № 5, стр. 1051.

[2] Ивановъ, № 7, стр. 127; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 12, стр. 1081.

слати, а у насъ, господа, за Государевою печатью многіе Государевы грамоты стали» [1]). Ведя переговоры съ царемъ, соборъ не забывалъ выполнять извѣстныя функціи по государственному управленію. Такъ, до насъ дошелъ «наказъ земскаго совѣта» въ Ярославль о сыскѣ подьячихъ Алексѣева и Евфимьева, нехотѣвшихъ служить Михаилу Өедоровичу. Наказъ помѣченъ 30-мъ мартомъ и писанъ на имя воеводъ: князя Хованскаго и Головина. Въ немъ заключается приказаніе отыскать вышеназванныхъ лицъ и посадить ихъ въ тюрьму «до Государева... указу, да о томъ къ намъ отписати» [2]). Объ этихъ же подьячихъ было отписано Государю [3]). 1-го апрѣля соборъ вновь писалъ Шереметеву «съ товарищи»: «писалъ намъ Государь Михаилъ Өедоровичъ, что вскорѣ пріѣдетъ въ Москву, «а какъ его, Государевъ подвигъ изъ Ярославля и приходъ къ Москвѣ будетъ, и о томъ въ его, Государевѣ грамотѣ къ намъ не написано». Вамъ слѣдуетъ «доложити» Государю, когда и въ какомъ мѣстѣ встрѣтить его митрополиту и освященному собору, кому изъ бояръ быть на этой встрѣчѣ и когда и гдѣ боярамъ встрѣчать его? Также быть ли при этомъ полкамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ? Что касается до атамановъ, казаковъ и стрѣльцовъ, то и относительно ихъ ничего неизвѣстно, должны ли они ожидать его въ Москвѣ или выйти къ нему «далечѣ» отъ нея? Въ какомъ мѣстѣ также гостямъ и торговымъ людямъ «съ хлѣбы ударить челомъ Государю»? Обо всемъ этомъ отпишите намъ, чтобъ все было извѣстно и чтобъ «всякіе люди поизготовилися». Грамоту эту свезъ Семенъ Афросимовъ [4]). Выше было уже сказано, что соборъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ къ присягѣ всѣхъ жителей Московскаго государства, для чего были разосланы крестоцѣловальныя записи. По мѣрѣ того, какъ совершалась присяга, соборъ считалъ своею обязанностью увѣдомлять о ходѣ ея Михаила Өедоровича. Такъ, до насъ дошелъ рядъ грамотъ, адресованныхъ на имя государя, въ которыхъ земскіе чины сообщаютъ послѣднему о приведеніи къ присягѣ жителей городовъ: Переяславля-Рязанскаго, Нижняго-Новгорода (въ послѣднемъ два выборныхъ человѣка: Спасскій протопопъ Савва и посадскій Өедоръ Марковъ просили о дозволеніи имъ видѣть «царскіе очи», что и было имъ разрѣшено), Боровска, Ряжска и Михайлова [5]).

Михаилъ Өедоровичъ велъ переписку не только съ соборомъ,

---

[1]) Ивановъ, № 8, стр. 130; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 4, стр. 1049.

[2]) Ивановъ, № 9, стр. 131; Дворц. разряды, т. I, прил. № 15, стр. 1087.

[3]) Ивановъ, № 10, стр. 132; Дворц. разряды, т. I, прил. № 16, стр. 1089.

[4]) Ивановъ, № 11, стр. 133; Дворц. разряды, т. I, прил. № 17, стр. 1091.

[5]) Ивановъ, № 12, стр. 135; № 13, стр. 137; № 14 стр. 139; № 15, стр. 141; № 16, стр. 143; № 17, стр. 145; № 22, стр. 154; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 1, стр. 1045; № 2, стр. 1047; № 13, стр. 1085; № 3, стр. 1047; № 14, стр. 1087; № 18, стр. 1092; № 23, стр. 1103.

но и съ боярами. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ видно, что очень часто, вмѣсто собора, царю пишутъ бояре: Ѳ. И. Мстиславскій «съ товарищи», по всей вѣроятности, по порученію собора, бывшаго въ то время главнымъ органомъ государственнаго управленія.

14 апрѣля царь снова послалъ собору грамоту, содержаніе которой было слѣдующее: «Писали вы къ намъ съ княземъ Троекуровымъ, говоритъ Михаилъ Ѳедоровичъ, и били челомъ, чтобъ мы скорѣе пріѣхали въ Москву. Послали также съ княземъ роспись нашихъ дворцовыхъ запасовъ. По росписи оказывается, что запасовъ у насъ очень немного, сборщики никакихъ денегъ не собрали, однимъ словомъ, Московское государство разорено до конца. Между тѣмъ, много казаковъ постоянно намъ «докучаютъ» о денежномъ жалованьѣ, дать же имъ нечего. Къ Москвѣ мы придемъ вскорѣ и дадимъ знать, когда выйдемъ изъ Ярославля, но вы должны озаботиться пріисканіемъ средствъ для выдачи жалованья всѣмъ ратнымъ людямъ. Безъ этого невозможно воевать съ поляками и шведами, опустошающими русскую землю». Затѣмъ царь продолжалъ: «бьютъ намъ челомъ многіе дворяне и дѣти боярскія: что будто вы у нихъ помѣстія отнимаете и отдаете въ роздачу безъ сыску». Вамъ слѣдуетъ поступать иначе: «во всякихъ дѣлѣхъ расправливать по сыску въ правду», чтобъ они не жаловались намъ на васъ. У всѣхъ служилыхъ людей, пріѣхавшихъ къ намъ, мы вамъ приказываемъ помѣстій и вотчинъ не отнимать «до нашего указу» [1]).— 18 апрѣля соборъ получилъ сообщеніе отъ Михаила Ѳедоровича касательно приведенія жителей Казанскаго царства къ присягѣ и о назначеніи воеводъ въ Свіяжскъ и Казань. Царь въ своей грамотѣ писалъ, что ему уже извѣстно о присягѣ всѣхъ жителей Казанскаго царства, но, что онъ не знаетъ, почему арестованъ («держатъ на дворѣ за пристава») Никаноръ Шульгинъ (посланный противъ Заруцкаго и пытавшійся возмутить казаковъ, не желая признавать царемъ Михаила Ѳедоровича). Въ концѣ грамоты царь увѣдомляетъ соборъ, что имъ сдѣланъ запросъ въ Казань, «въ каковѣ Никаноръ Шульгинъ нашемъ дѣлѣ данъ за пристава»? [2]). Дѣло Шульгина, дѣйствительно, было разслѣдовано и его сослали въ Сибирь [3]). 18-го же апрѣля царь извѣстилъ земскихъ чиновъ о своемъ выѣздѣ изъ Ярославля и о прибытіи въ Ростовъ. Царь объяснялъ замедленіе своего пути слѣдующимъ образомъ: «путь зимній испортился и рѣки розполились, а какъ большой ледъ прошелъ и

[1]) Ивановъ, № 41, стр. 187; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 21, стр. 1097.

[2]) Ивановъ, № 38, стр. 181; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 36, стр. 1121.

[3]) „Въ Свіяжскомъ же его поймаше, повѣствуетъ лѣтописецъ, и приведоша его къ Москвѣ. Съ Москвы же его послаша въ Сибирь, тамъ онъ и скончался“ (Лѣтопись о мятежахъ, стр. 274).

воды сбыло и мы изъ Ярославля къ Москвѣ пошли апрѣля въ 16-й день, а въ Ростовъ пришли апрѣля въ 17-й день, а изъ Ростова пойдемъ къ Москвѣ апрѣля въ 19-й день». Гдѣ же вамъ насъ встрѣтить и кому быть на этой встрѣчѣ, объ этомъ мы дадимъ вамъ знать. «А идемъ мѣшкотно, за тѣмъ, что подводъ мало и худые служивые люди, стрѣльцы и казаки и дворовые люди многіе идутъ пѣши» [1]). Однако Михаилъ Ѳедоровичъ не сдержалъ своего обѣщанія и не пошелъ такъ скоро къ Москвѣ, какъ хотѣлъ. Причины новаго замедленія выставлены царемъ въ его грамотѣ къ собору отъ 29 апрѣля. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь, что въ Москвѣ и подъ Москвою по всѣмъ дорогамъ чинится воровство, грабежи и убійство великое». Воры дошли до такой дерзости, что грабятъ и убиваютъ всякихъ проѣзжихъ людей и даже нашихъ гонцовъ. Вотъ причина, почему замѣшкался нашъ приходъ. Вы, прося насъ быть царемъ, цѣловали намъ крестъ на томъ, что впредь отнюдь не будетъ никакого «дурна» и что всякіе разбои и воровство прекратятся. На дѣлѣ же оказывается совершенно иное. Мы не презрили вашего прошенія, но теперь, вслѣдствіе всего происшедшаго, «конечно и вседушно скорбимъ и за тѣмъ къ Москвѣ итти не хотимъ». «И ту нашу скорбь слыша и видя», приходили къ намъ всякихъ чиновъ люди и просили послать ихъ къ Москвѣ «къ людемъ, чтобъ отъ дурна престали». Мы исполнили ихъ просьбу и послали слѣдующихъ лицъ: (идетъ перечень посланныхъ лицъ). Вы должны употребить всѣ усилія, чтобъ грабежи прекратились, для этого необходимо сыскивать воровъ, судить ихъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобъ ихъ никто не укрывалъ и, вообще, послать противъ нихъ «многихъ людей». Также слѣдуетъ ловить тѣхъ казаковъ, которые прежде служили у насъ, а теперь занимаются грабежами и убійствами. Ихъ велите сыскать и «пометати въ тюрьму до нашего указу, чтобы на нихъ смотря, инымъ не повадно такъ воровать» [2]). Около того же времени земскій соборъ получилъ «отписку» отъ бояръ и «разныхъ чиновъ людей» (отъ 28 апрѣля) объ изъявленномъ государемъ неудовольствіи, по поводу усилившихся грабежей. Ѳеодоритъ рязанскій, Шереметевъ и «всякихъ чиновъ люди» писали слѣдующее: «избравъ государя, который долго не соглашался принять московскую корону, мы обѣщали ему, что никакого насилія и «воровства» больше не будетъ. Между тѣмъ, когда мы пришли въ Троицко-Сергіевъ монастырь, то къ государю явились въ станъ, въ село Ватково дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ «переграблены до нага и сѣчены». «Въ роспросѣ» они сказали, что ихъ ограбили казаки «и саблями сѣкли», «а стоятъ де тѣ воры на Мытищахъ, а другіе на Клязьмѣ, человѣкъ ихъ съ двѣсти конные и

[1]) Ивановъ, № 42, стр. 191; Дворц. разряды, т. I, прилож. № 31, стр. 1119.
[2]) Ивановъ, № 52, стр. 217; Дворц. разряды, т. I, прил. № 54, стр. 1169.

пѣшіе». 27 апрѣля, продолжали бояре, писали государю приказные люди изъ Дмитрова, что напали на нихъ воры и учинили съ ними бой. Но дмитровцы одолѣли и взяли въ плѣнъ двухъ казаковъ. Также писали воеводы князь Прозоровскій и Леонтій Вельяминовъ, что казаки, служившіе прежде государю, начали теперь тоже грабить и воевать. Вслѣдствіе этого, государь и мать его, старица инокиня Мароа Ивановна говорили намъ «съ великимъ гнѣвомъ и со слезами», что грабежи по прежнему продолжають существовать и что христьянская кровь проливается безпрестанно, результатомъ чего явилось съ ихъ стороны нежеланіе ѣхать въ Москву. Тогда мы просили государя обо всемъ этомъ вамъ отписать и послать къ вамъ всякихъ чиновъ людей. Грамота заканчивается увѣщаніемъ принять необходимыя мѣры противъ разбоя и исполнить крестное цѣлованіе, данное соборомъ новому царю. «Мы же продолжаемъ упрашивать государя идти въ Москву и занять свой царскій престолъ», заключаютъ бояре и всякихъ чиновъ люди [3]). Соборъ не преминулъ отвѣтить на обѣ грамоты: на царскую и на грамоту всякихъ чиновъ людей. Отвѣчая Михаилу Өедоровичу, земскіе чины писали, что они распорядились развѣдать, нѣтъ ли воровъ вблизи Москвы и что развѣдчики таковыхъ не нашли. Всякій же пойманный воръ судится и получаетъ должное возмездіе за свои проступки. Что же касается до тѣхъ воровъ, которые грабятъ вдали отъ Москвы, (верстъ за 30, за 40 за 50 и больше) то противъ нихъ соборъ безсиленъ, ибо не имѣетъ въ рукахъ нужнаго числа ратныхъ людей. «Царская грамота, продолжали чины, прочитана нами въ Успенскомъ соборѣ и строго запрещено всякое пристанодержательство и укрывательство воровъ. Атаманы же и казаки объявили, что они готовы душу свою положить за тебя, Государь, будутъ сыскивать всѣхъ воровъ и никого изъ нихъ не таить. Кромѣ того, приняты другія мѣры предосторожности, напр. росписаны по улицамъ объѣзжія головы и т. п.». Оканчивается грамота, по обыкновенію, просьбой поскорѣе пріѣхать въ Москву [1]). Отвѣчая Өеодориту рязанскому «и прочимъ властямъ», соборъ повторяетъ тоже, что ужъ было изложено въ предыдущей грамотѣ. Взаключеніе земскіе чины извѣщаютъ, что ими послано новое посольство къ царю просить ускорить свой пріѣздъ и требуютъ исполненія того же со стороны Өеодорита и «прочихъ властей» [2]). Одновременно съ этими грамотами была послана третья на имя Ефрема, митрополита казанскаго и свіяжскаго, находившагося при Михаилѣ Өедоровичѣ, содержаніе которой вполнѣ тоже-

---

[1]) Ивановъ. № 53, стр. 225; Дворц. разряды, т. I, прил. № 52, стр. 1155.
[2]) Ивановъ, № 54, стр. 238; Дворц. разряды, т. I, прил. № 61, стр. 1191.
[3]) Ивановъ, № 55, стр. 243; Дворц. разряды, т. I, прил. № 62, стр. 1195.

ственно съ вышеприведенными [1]). 30 апрѣля соборъ постановилъ отправить посольство къ царю (о чемъ уже упоминалось въ трехъ вышеприведенныхъ грамотахъ) просить его пріѣхать въ столицу русскаго государства. Во главѣ этого посольства были: князь Воротынскій, В. П. Морозовъ, князь Мезецкій и дьякъ Ивановъ. Послы получили также особый наказъ [2]), напоминающій своимъ содержаніемъ вышеразсмотрѣнныя грамоты. Конецъ его до насъ не дошелъ. При наказѣ помѣщенъ списокъ лицъ, вошедшихъ въ составъ посольства. Всѣхъ было 49 человѣкъ: 2 боярина, окольничій, дьякъ, 5 стольниковъ, 3 стряпчихъ, 4 дворянъ, 1 выборный отъ города Костромы, 1 отъ Галича, стрѣлецкій голова, 3 жильцовъ, 3 атамана, 4 есаула и 20 казаковъ. — Еще 23 апрѣля Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ собору грамоту изъ Переяславля-Залѣскаго, въ которой дѣлалъ распоряженіе о приготовленіи для него палаты, «что была царицы Ирины», а для матери его инокини Марѳы деревянныхъ хоромъ «царя Васильевы царицы» [3]). Когда распоряженіе царя было исполнено, то соборъ далъ ему знать объ этомъ въ особой грамотѣ [4]). Между тѣмъ, посольство прибыло къ мѣсту своего назначенія и застало царя въ селѣ Братовщинѣ. Случилось это 1 мая «съ утра рано», какъ доносили послы въ своей запискѣ къ земскому собору [5]). Въ этотъ же день Ѳеодоритъ «съ товарищи», Ефремъ и послы всѣ вмѣстѣ били челомъ Михаилу Ѳедоровичу и его матери, прося ихъ скорѣе пріѣхать въ Москву. Государь и «старица инока» приняли ихъ «милостиво», говорили «милосердое слово» и обѣщали 1 мая пріѣхать въ село Тайнинское, а на другой день въѣхать въ Москву. Послѣдняя грамота отъ царя къ собору увѣдомляетъ чиновъ о времени прихода Михаила Ѳедоровича. Грамота помѣчена 1-мъ маемъ [6]). «Мы, по вашему, всего освященнаго собору благословенью, писалъ царь, и по прошенію всего Московскаго государства всякихъ людей идемъ къ Москвѣ, а изъ Братошины пошли мая въ 1-ый день, а приходъ нашъ и матери нашей будетъ къ Москвѣ мая во 2-ой день, въ воскресенье; и вамъ бы про приходъ нашъ было вѣдомо». — Дѣйствительно, 2-го мая Михаилъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ Москву, а 11-го вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Иниціатива этого принадлежала собору. «Людіе же, пишетъ лѣтописецъ, видѣша себѣ свѣтъ и не имаху себѣ вѣры, не чаяху такіе себѣ радости, *и пріидоша ко государю всею землею* (нужно подразумѣвать земскій соборъ) *со слезами бити*

---

[1]) Ивановъ, № 56, стр. 249; Дворц. разряды, т. I, прил. № 63, стр. 1199.
[2]) Ивановъ, № 57, стр. 254; Дворц. разряды, т. I, прил. № 60, стр. 1185
[3]) Ивановъ, № 58, стр. 261; Дворц. разряды, т. I, прил. № 45. стр. 1141.
[4]) Ивановъ, № 59, стр. 262; Дворц. разряды, т. I, прил. № 50, стр. 1151.
[5]) Ивановъ, № 60, стр. 264; Дворц. разряды, т. I, прил. № 66, стр. 1209.
[6]) Ивановъ, № 67, стр. 280; Дворц. разряды, т. I, прил. № 67. стр. 1213.

целомъ, чтобы Государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцемъ. Онъ же не презри *ихъ моленія* и вѣнчася своимъ царскимъ вѣнцемъ тово же лѣта» [1]).

Новый царь, хотя и принялъ бразды правленія въ свои руки, однако не распустилъ собора. Послѣдній по прежнему продолжалъ оставаться существеннымъ органомъ государственнаго управленія. Причины подобнаго явленія были ужъ упомянуты выше. Царь былъ молодъ и неопытенъ, государство находилось въ болѣе, чѣмъ плачевномъ состояніи, отсюда явилась необходимость въ совѣтникахъ, необходимость опоры въ народѣ. Впрочемъ, существуютъ извѣстія, что Михаилъ Ѳедоровичъ, подобно Шуйскому, далъ «запись», которой ограничивались до извѣстной степени прерогативы самодержавной власти. Если это дѣйствительно имѣло мѣсто, то нераспущеніе собора можно разсматривать такъ же, какъ результатъ этой «записи». Слѣдующіе памятники говорятъ объ ограниченіи власти перваго Романова. «Но и сему благочестивому и праведному царю, повѣтствуетъ Псковская лѣтопись, смиренія его ради, не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ діаволъ древній, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе, наипаче же насиловаху православныхъ емлюще въ работу силно себѣ. Людіе же начаша оставшаяся собиратися въ Руси по градомъ, исходя отъ плѣну отъ Литвы и Нѣмецъ и начаша населятися; они же окаянніи, аки волцы тяжцы восхитающе, емляху ихъ къ собѣ, понеже страхъ Божій пріобидѣша и забыша свое прежнее безвремяніе и наказаніе, что надъ ними Господь за ихъ насилство сотвори, отъ своихъ рабъ разорени быша; *и паки на тоже подвигошася, а царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестью уловивше: первіе егда его на царство посадиша, и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велъможска роду иболярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки;* еще окаянніи умыслиша, а въ затоцѣ коему случится быти и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися» [2]). Характеристично отношеніе лѣтописца къ стремленіямъ бояръ ограничить самодержавную власть, въ особенности тотъ тонъ, который присущъ ему при описаніи этого событія. Есть еще другое свидѣтельство объ ограниченіи власти Михаила Ѳеодоровича. Это свидѣтельство Котошихина. Вотъ, что пишетъ послѣдній: «*Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и не палъчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ*

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 276; Никоновская лѣтоп. т. VIII, № 337, стр. 206.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. V, стр. 64.

думными людми сопча, а безъ въдомости ихъ тайно и явно никакихъ дълъ не дълати. А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича) обрали на царство, а писма на себя онъ не далъ никакого, *что прежніе цари давывали,* и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышшее (Котошихинъ отвѣчаетъ на вопросъ, заданный имъ себѣ: «для чего пишется самодержцемъ» ?) пишется самодержцемъ и государство свое правитъ по своей воли. И съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по покою что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или иные всякіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, съ бояры и съ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ, то учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ. *А отецъ его, блаженныя памяти царь Михайло Өедоровичъ, хотя «самодержецъ» писался, однако безъ боярскаго совъта не могъ дълати ничего»* [1]). Третье свидѣтельство это—Татищева. «Царя Михаила Өедоровича хотя избраніе было порядочно всенародное, говоритъ послѣдній, но съ такою же записью, черезъ что онъ не могъ ничего учинить» [2]). Также и по словамъ Штраленберга, Михаилъ Өедоровичъ долженъ былъ подписать рядъ пунктовъ, ограничивавшихъ его власть. Такъ, напр. онъ обязывался поддерживать и охранять религію, провозгласить всеобщую амнистію, самовольно не издавать новыхъ и не измѣнять старыхъ законовъ, не объявлять войны и не заключать мира и т. п. [3]). Свидѣтельство другаго иностранца Фоккеродта вполнѣ согласно съ свидѣтельствомъ Штраленберга. «Соборъ, говоритъ Фоккеродтъ, единодушно рѣшилъ не выбирать въ цари никого, кромѣ того, кто подъ присягой обѣщается предоставить полный ходъ правосудію по стариннымъ законамъ, не судить никого государскою властью, не вводить новыхъ законовъ безъ согласія собора, а тѣмъ менѣе отягощать подданныхъ новыми налогами или рѣшать чтобы то нибыло въ дѣлахъ войны и мира» [4]). Во всякомъ случаѣ, какъ бы то нибыло, но первый

---

[1]) О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича, гл. VIII, стр. 104.

[2]) Двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію императрицы Анны (Литературный сборникъ „Утро“ 1859 г. стр. 373).

[3]) Stralenberg, стр. 209.

[4]) Фоккеродтъ, Россія при Петрѣ I (Чтенія въ общ. ист. и др. росс. 1874 г. книга 2-ая, стр. 21). Далѣе Фоккеродтъ говоритъ, что Мих. Өед. не колеблясь принялъ эти условія и соблюдалъ ихъ вплоть до прибытія Филарета Никитича изъ плѣна. Послѣдній, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, завладѣлъ опекою надъ сыномъ, сбылъ съ рукъ подъ разными предлогами республиканскіе умы, уничтожилъ условія и оставилъ собору только честь одобрять свои мѣры и распоряженія (стр. 22).

Романовъ не распустилъ собора и управлялъ государствомъ вмѣстѣ съ нимъ.

Царская казна была пуста и нужно было озаботиться о ея пополненіи, вслѣдствіе чего однимъ изъ первыхъ продуктовъ совмѣстной дѣятельности царя и собора были грамоты къ Строгановымъ съ требованіемъ уплаты, слѣдуемой съ нихъ суммы денегъ и выдачи необходимыхъ вещей. Къ нимъ были посланы двѣ грамоты: одна отъ царя, а другая отъ духовенства. Михаилъ Өедоровичъ говорилъ въ своей грамотѣ, что такъ какъ въ рукахъ правительства не имѣется средствъ для уплаты жалованья «всякимъ ратнымъ людямъ», защищавшимъ отечество, то необходимо, чтобъ Строгановы выплатили съ своихъ «вотчинъ на прошлые годы и на нынѣшній на 121-ый (1613) годъ, по книгамъ и по описямъ наши денежные доходы», а также, чтобы дал и въ займы денегъ, и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ». Грамота заканчивается словами: «А будетъ вы въ займы намъ денегъ, и хлѣба, и товаровъ, что дати ратнымъ людемъ, не дадите, а грѣхомъ ратные люди, не терпя голоду и нужи, съ Москвы разойдутся, и вамъ отъ Бога не пребудетъ, что православная крестьянская вѣра разорится» [3]. Грамота духовенства, писавшаго отъ имени собора, по содержанію вполнѣ аналогична съ вышеприведенной. Описывая бѣдственное положеніе государства, духовные чины также требуютъ присылки денегъ и дачи въ займы необходимыхъ вещей. Въ грамотѣ говорится о самоотверженіи русскихъ людей въ смутное время и не совѣтуется брать примѣра съ московскихъ гостей и торговыхъ людей, которые «пожалѣли малого и ратнымъ людемъ на жалованье денегъ не дали, и они, за грѣхъ всего православнаго хрестіянства, увидѣли на себя конечное разореніе и погибель и животовъ своихъ всѣхъ отбыли». «И нынѣ мы, пишутъ чины, Царскаго Величества и ваши богомольцы Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены, и весь освященный соборъ, и Царскаго Величества бояре, и окольничіе, и всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго Царствія, поговоря на вселенскомъ соборѣ, рѣшили послать къ вамъ сборщиковъ за деньгами и необходимыми припасами». Въ концѣ грамоты находится благословеніе тѣмъ, которые исполнятъ волю собора и отказъ въ таковомъ не желающимъ исполнить ее. «Подпись» слѣдующая: «Господамъ и сыновомъ нашего смиренія, Максиму Яковлевичу, Микитѣ Григорьевичу, Андрею и Петру Семеновичамъ Строгановымъ». Къ грамотѣ приложили свои руки: 2 митрополита (казанскій и ростовскій), 3 архіепископа, 2 епископа, 3 архимандрита и 2 келаря (изъ которыхъ одинъ извѣстный Авраамій). Итого всѣхъ 12 человѣкъ. Дѣйствительно,

[3]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 3, стр. 2.

въ слѣдующемъ году царь получилъ отъ Строгановыхъ 3000 рублей [1]). Во всѣ города были посланы подобныя грамоты съ цѣлью требованія вспоможеній, безъ чего невозможно было умиротворить государство и осилить, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ [2]). Поляки и казаки (Черкасы) продолжали еще «воевать» русскую землю и правительству приходилось съ ними считаться. Непріятель былъ еще на столько силенъ, что принуждалъ сдаваться себѣ цѣлые города. Такъ, въ іюлѣ 1613 г. поляки взяли Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Болховъ, Лихвинъ, Перемышль, подступили къ Калугѣ и двинулись на Можайскъ. Положеніе двухъ послѣднихъ городовъ было крайне критическое. Тогда царь и соборъ рѣшили послать имъ на помощь ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводъ: князя Черкаскаго и Бутурлина. «И Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ (читаемъ въ разрядахъ) говорилъ на соборѣ со властьми и съ бояры, какъ ему, Государю надъ Литовскими людми и надъ Черкасы промышляти и Московскаго государства городовъ, которые городы за Литовскими людми доступать и кого противъ Литовскихъ людей воеводъ послати съ людми» [3]).

Въ слѣдующемъ 1614 г. соборъ продолжалъ свою дѣятельность. Кое-какъ пополнивъ казну, московское правительство принялось за уничтоженіе «воровъ». На первомъ планѣ стоялъ Заруцкій, свирѣпствовавшій на югѣ Россіи и стремившійся посадить на царство малолѣтняго сына Марины. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, свидѣтельствующихъ о мѣрахъ, принятыхъ царемъ и соборомъ, противъ Заруцкаго. Среди нихъ есть грамоты, принадлежащія собору, продолжавшему засѣдать въ Москвѣ. Такъ, 18-го марта 1614 г. соборъ послалъ грамоту Донскому казачьему войску о принятіи мѣръ противъ Заруцкаго и Марины съ описаніемъ бѣдствій, ими нанесенныхъ государству. Въ данномъ случаѣ отъ имени собора дѣйствовало духовенство. Начиная, по обыкновенію, издалека и излагая подробно все зло, причиненное Заруцкимъ, духовные чины увѣщаютъ казаковъ не приставать къ бунтовщику, а напротивъ, употреблять всѣ свои силы къ тому, чтобъ его ослабить. Въ случаѣ же, если казаки не послушаютъ приказаній царя, то «взыщетъ Богъ въ день страшнаго и праведнаго суда своего на нихъ; а нашего смиренія и всего освященнаго собора на таковыхъ не буди благословенья отъ нынѣ и до вѣка, понеже не восхотѣши благословенія и соборнаго уложенья и царьскаго повелѣнья». Если же казаки исполнятъ приказаніе царя, то могутъ ожидать милостей отъ Бога, честь и хвалу отъ всѣхъ людей русскаго государства и отъ «окрестныхъ» государствъ, «а отъ насъ Царскаго Величества

[1]) Акты Арх. Эксп., т. III, № 4, стр. 4.
[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 5, стр. 7.
[3]) Дворцовые разряды, т. I, стр. 101.

богомольцовъ благословеніе на вѣки получите, а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ» [1]). Отъ 18-го же марта мы имѣемъ еще три грамоты, отправленныя къ Волжскому казачьему войску: отъ царя, отъ духовныхъ чиновъ собора и отъ его свѣтскихъ чиновъ. Содержаніе двухъ послѣднихъ вполнѣ тожественно съ содержаніемъ вышеприведенной (къ Донскимъ казакамъ), но во всѣхъ трехъ есть мѣсто, на которое указалъ также и г. Загоскинъ и которое можетъ служить доказательствомъ существованія собора (избравшаго Михаила Ѳедоровича) и въ 1614 г. Мѣсто это слѣдующее: «...но милости жъ Божіей и по прошенію всего Россійскаго царствія богомольцовъ Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и всего освященнаго собора, и Царей, и Царевичевъ разныхъ государствъ, которые нынѣ служатъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и *насъ* бояръ, и окольничихъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и всякихъ чиновъ людей всего россійскаго царствія, учинился на Владимірскомъ и т. д. (идутъ перечисленія различныхъ «царствій») Государемъ Царемъ... Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ» [2]). Соборъ пошелъ далѣе, онъ послалъ грамоту даже самому Заруцкому, гдѣ, исчисляя всѣ его преступленія, увѣщевалъ его отложиться отъ «Сендомирской дочери Маринки», обѣщая отъ имени царя прощеніе и грозя въ противномъ случаѣ наказаніемъ. «А будешь преступникъ и Великому Государю нашему... вины своей не принесешь, говоритъ грамота, и не добьешь челомъ, и Великій Государь нашъ велитъ надъ вами своимъ ратемъ промышляти, сколько милосердый Богъ помочи подастъ...» [3]). 14 и 15 апрѣля соборъ вновь проявилъ свою дѣятельность и послалъ Бѣлозерскому воеводѣ Чихачеву двѣ грамоты. Первая начинается словами: «по нашему (царскому) указу и по приговору Московскаго государства Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ, и всего освященнаго собору, и бояръ, и околничихъ, и дворянъ, и всякихъ чиновъ людей». Въ грамотѣ говорится, что, если въ Бѣлоозеро придетъ посланный для денежныхъ сборовъ, то чтобъ посадскіе и уѣздные люди слушались и деньги на ратныхъ людей давали, по царскому указу и *по земскому приговору* [4]). Вторая грамота вполнѣ аналогична съ первой [5]).

1-го сентября того же года состоялось засѣданіе собора по случаю полученія извѣстій изъ за-Московныхъ и Поморскихъ городовъ о приходѣ туда казаковъ, опустошавшихъ и предававшихъ огню и

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 23, стр. 35.
[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, №№ 25 и 26, стр. 46 и 54.
[3]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 29, стр. 65.
[4]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 31, стр. 69.
[5]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 32, стр. 70.

мечу уѣзды этихъ городовъ. На соборѣ государь сообщилъ о полученныхъ имъ вѣстяхъ изъ вышеназванныхъ городовъ и соборъ постановилъ: послать къ казакамъ посольство изъ всякихъ чиновъ людей и «говорити имъ, чтобъ они отъ воровства отстали и крови крестьянской не проливали и городовъ и уѣздовъ не воевали». Въ составъ посольства вошли: суздальскій архіепископъ Герасимъ, князь Лыковъ и др. лица. Вмѣстѣ съ ними были посланы также ратные люди, чтобъ дѣйствовать силою тамъ, гдѣ не поможетъ увѣщаніе [1]). Посольство получило особый наказъ, которымъ должно было руководствоваться въ своихъ поступкахъ [2]). «И говорилъ Государь на соборѣ, читаемъ въ немъ, какъ съ тѣми казаками, которые стоя воруютъ, и грабятъ, и разбиваютъ, и побиваютъ, и собрати ничего не дадутъ, и Государевы казны къ Москвѣ, которая нынѣ и впередъ собрана, не пропускаютъ, чтобъ отъ такого ихъ воровства тѣ атаманы и казаки, которые Государю служатъ и за Государя и за все Московское государство умираютъ, и досталь не оскудѣли, и съ Государевыхъ служебъ не разъѣхалися? И на соборѣ Митрополиты (идетъ перечисленіе всѣхъ чиновъ) приговорили»... Сущность приговора (какъ оказывается) заключалась въ слѣдующемъ: казаки, желающіе поступить на царскую службу—будутъ приняты и получатъ жалованье; тѣ же, которые, по прежнему, предпочтутъ «воровство» службѣ, должны быть строго наказаны. Государь (говорится далѣе), по соборному приговору, велѣлъ посольству ѣхать въ Ярославль и послать сказать казакамъ, чтобъ они немедленно шли къ Тихвину «надъ Нѣмецкими людми промышлять». Тѣмъ, которые подчинятся приказанію царя и собора обѣщается вознагражденіе, ослушникамъ же наказаніе.—Черезъ 20-ть дней, послѣ состоявшагося рѣшенія, Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ грамоту на имя Бѣлозерскаго воеводы Чихачева, содержащую въ себѣ наставленіе, какъ поступать съ разбойничествующими казаками. Въ ней говорится, что, по царскому указу и по земскому приговору, посланы въ Ярославль архіепископъ Герасимъ, архимандритъ Авраамій и князь Лыковъ для переговоровъ съ воровскими казаками. Въ случаѣ же, если эти переговоры не удадутся и казаки по прежнему будутъ заниматься грабежами и пролитіемъ крови, то Чихачевъ долженъ принять противъ этого извѣстныя мѣры, какъ то: не пускать ихъ въ городъ, запретить жителямъ входить съ ними въ какія бы то нибыло сношенія и всѣхъ, не имѣющихъ пропускныхъ грамотъ хватать и сажать въ тюрьму и т. п. [3]).

---

[1]) Дворц. разряды, т. I, стр. 143; Книги разрядныя, т. I, стр. 1.

[2]) Собр. Госуд, Грам. и Дог. т. III, № 22, стр. 99; Книги разрядныя, т. I, стр. 4.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 45, стр. 86. Г. Загоскинъ, говоря о дѣятельности собора въ 1614 г. называетъ *четыре* свидѣтельства бытности въ этомъ

Существуетъ также свидѣтельство, на основаніи котораго, можно заключить, что и въ 1615 г. земскій соборъ продолжалъ свою дѣятельность. Такъ, мы имѣемъ царскую грамоту къ Нижегородскимъ воеводамъ: князю Бахтеярову-Ростовскому и Нащокину о сборѣ денегъ на войско со Строгановыхъ. «По нашему указу и *всей земли приговору*, говорится въ грамотѣ, велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей съ животовъ сбирати, служивымъ людямъ на жалованье деньги, пятая доля». На основаніи этого приговора, царь требуетъ взять со Строгановыхъ слѣдуемую съ нихъ сумму денегъ. Въ концѣ грамоты помѣщена «роспись, сколько у Строгановыхъ промысловъ объявилось въ городѣхъ» [1]). Въ концѣ 1615 г. земскій соборъ былъ распущенъ и назначены новые выборы. Такимъ образомъ, соборъ, избравшій на царство Михаила Ѳедоровича существовалъ почти *три* года, помогая царю упорядочить государство и привести его въ нормальное состояніе...

По поводу того, какимъ образомъ происходили выборы на соборъ 1613 г., въ литературѣ существуетъ разногласіе. Такъ Бѣляевъ предполагаетъ, будто выборы представителей народа производились «не по сословіямъ, а потому, кому вѣритъ мѣстное общество, кого уполномочиваетъ своимъ избраніемъ; и выборные, вслѣдствіе чего, являлись на соборъ представителями не того или другаго сословія, а цѣлаго мѣстнаго общества... Такъ, напримѣръ, изъ Кашина былъ присланъ выборнымъ только одинъ келарь Колязина монастыря, старецъ Порфирій; изъ Твери были выборными два архимандрита, нѣсколько дворянъ и посадскихъ людей; изъ Коломны игуменъ Голутвина монастыря, нѣсколько дворянъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей; изъ Вятки одинъ протопопъ, одинъ священникъ и нѣсколько посадскихъ людей; изъ Ливенъ одинъ священникъ и нѣсколько боярскихъ дѣтей и казаковъ; изъ Нижняго-Новгорода выборными были протопопъ и нѣсколько посадскихъ

году собора это: 1) грамота отъ 18-го марта къ Волжскому казачьему войску, 2) такая же грамота къ Заруцкому, 3) двѣ царскія грамоты на имя Бѣлозерскаго воеводы Чихачева (отъ 14 и 16 апрѣля) и 4) грамота отъ 20-го сентября на имя того же воеводы. По мнѣнію г. Загоскина, этими *четырмя* свидѣтельствами исчертываются всѣ свидѣтельства о бытности собора въ 1614 г. (Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 248). Въ этомъ мнѣніи сказался результатъ страннаго игнорированія со стороны г. Загоскина такого важнаго (если не самаго важнаго) источника по исторіи нашего древняго представительства, какъ Дворцовые разряды и Разрядныя книги. Если бы г. Загоскинъ потрудился въ нихъ заглянуть, то онъ, навѣрно, не высказалъ бы подобнаго мнѣнія, но въ томъ то и дѣло, что во всемъ трудѣ г. Загоскина нѣтъ ни одной ссылки на этотъ источникъ.

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 68, стр. 105. Такимъ образомъ, мнѣніе Н. И. Костомарова, будто „въ теченіи 1615 г. не видно грамотъ по приговору земскихъ людей" (Новое Время за 1880 г. № 1491) можно считать невѣрнымъ.

людей и стрѣльцовъ» [1])... В. П. Сергѣевичъ и Н. П. Загоскинъ держатся противоположнаго мнѣнія, полемизируя въ данномъ случаѣ съ Бѣляевымъ. «Бѣляевъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, думалъ, что выборы производились всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій. Это мнѣніе онъ основывалъ на протоколѣ избирательнаго собора 1613 г. и на царской грамотѣ 1616 г. Но протоколъ собора 1613 г. говоритъ о присутствіи на соборѣ *разныхъ чиновъ*; въ царской же грамотѣ 1616 г. прямо предписано произвести выборы изъ посадскихъ людей. Далѣе подтвержденіе своему мнѣнію Бѣляевъ видѣлъ въ томъ, что изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 г. былъ только одинъ игуменъ Львова монастыря Игнатій [2]), слѣдовательно, заключаетъ онъ, игуменъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго. Но во 1-хъ, игуменъ Игнатій даже и не названъ выборнымъ, во 2-хъ, изъ того, что онъ одинъ былъ изъ Переяславля-Рязанскаго, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ былъ выбранъ всѣми сословіями. На соборѣ 1613 г. многіе города вовсе не были представлены. Къ ихъ числу принадлежитъ и Переяславль-Рязанскій, который не прислалъ ни дворянъ, ни посадскихъ» [3]). «Неполнота представительства, говоритъ г. Загоскинъ, объясняется весьма просто: многіе города и общины были въ конецъ разорены въ смутное время, отправка въ Москву выборныхъ грозила расходами, пути сообщенія были наводнены разбойниками,—а при этихъ условіяхъ почти невозможно было и разсчитывать на полное всесословное представительство городовъ. Что представительство городовъ было на земскомъ соборѣ сословное—это усматривается изъ самой формы, въ которой города призывались прислать выборныхъ; городамъ предписано было прислать выборныхъ «посколько человѣкъ пригоже» изъ всѣхъ сословій,— «изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ, и изъ уѣздныхъ людей». Если

---

[1]) Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 1867 г. стр. 27. Г-нъ Владимірскій-Будановъ также придерживается этого мнѣнія. См. Кіевскія унив. извѣстія за 1875 г. № 10, стр. 271.

[2]) Объ этомъ Бѣляевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Приводимъ его слова: „выборные люди избирались всѣмъ мѣстнымъ обществомъ безъ различія сословій, выборъ падалъ на того, кому вѣрило цѣлое общество, не обращая вниманія на то, къ какому бы сословію не принадлежалъ выборный. Это соображеніе вполнѣ подтверждается соборною грамотою 1613 г.; по этой грамотѣ даже могъ быть одинъ выборный отъ цѣлаго города и уѣзда, такъ, напримѣръ, изъ Переяславля-Рязанскаго выборнымъ на соборѣ 1613 г. былъ только одинъ игуменъ Львова монастыря Игнатій, слѣдовательно, онъ былъ выборнымъ отъ всѣхъ сословій Переяславля-Рязанскаго“ (стр. 39—40). Нужно замѣтить, что такой порядокъ, по мнѣнію Бѣляева, существовалъ только до 1619 г., а затѣмъ „выборные приглашались уже въ опредѣленномъ числѣ отъ каждаго сословія отдѣльно“ (стр. 40).

[3]) Сборникъ государственныхъ знаній В. П. Безобразова, т. II, стр. 18.

бы на земскомъ соборѣ 1613 г. не имѣлось въ виду представительства сословнаго—въ такомъ случаѣ незачѣмъ было бы перечислять съ такою подробностью всѣ сословія; достаточно было бы просто предписать, чтобы всѣ города прислали въ Москву выборныхъ» [3]). «Выборы представителей на земскій соборъ, 1613 года, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Загоскинъ, производились кажется по-сословно: особыхъ выборныхъ прислало духовенство, особыхъ дворяне и дѣти боярскія, особыхъ посадскіе люди и, наконецъ, особыхъ выборныхъ прислали уѣздные люди. Это можно заключить изъ подписей, находящихся на утвержденной грамотѣ, которою закрѣпленъ былъ актъ соборнаго избранія царя. Здѣсь читаемъ мы напримѣръ: «Тулянинъ Өендрикъ Өедоровъ сынъ Дьяковъ въ Тулепъ *выборныхъ дворянъ* и *посацкихъ* и *уѣздныхъ* всякихъ людей *мѣста* руку приложилъ», или: «Устюжны Желѣзные, Игуменъ Никольской Моденьскаго монастыря Антоній и выборныхъ *посацкихъ и уѣздныхъ* мѣсто людей руку приложилъ», или: «Мецненинъ Купай Огарковъ въ Новосильцевѣ *выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ*, и во всякихъ *уѣздныхъ и въ жилецкихъ людей мѣста* руку приложилъ». Вполнѣ ясный смыслъ перваго примѣра тотъ, что Дьяковъ вовсе не является представителемъ всѣхъ сословій города Тулы, но только подписался за своихъ сотоварищей, выборныхъ отъ различныхъ сословій города Тулы, или за неграмотностью ихъ, или вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ. Въ третьемъ образцѣ одинъ изъ выборныхъ города Мецовска приложилъ руку за всѣхъ выборныхъ Новосильцевъ; само собой разумѣется, что это не дастъ намъ еще права видѣть въ этомъ лицѣ представителя отъ всѣхъ сословій города Новосиля. Итакъ, строгое различеніе въ подписяхъ выборныхъ дворянъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей—несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что выборы представителей производились въ городахъ по-сословно: каждое сословіе присылало своихъ выборныхъ» [1]).

Аргументы В. И. Сергѣевича и Н. П. Загоскина въ пользу выборовъ по сословіямъ, совершенно опровергли, на нашъ взглядъ, мнѣніе Бѣляева, построенное на весьма шаткихъ доводахъ. Дѣйствительно, если мы вспомнимъ, что соборъ вообще былъ учрежденіемъ сословнымъ, съ чѣмъ также согласенъ и Бѣляевъ, то съ какой же стати собору, избравшему Михаила Өедоровича, быть исключеніемъ изъ общаго правила и представлять собою явленіе, изъ ряда вонъ выходящее? Собственно говоря, ни одинъ соборъ на практикѣ не былъ выразителемъ мнѣній всей земли. Очень часто многіе города и сословія не посылали своихъ представителей, напр. сибирскіе города и др. Причинъ этому было много: дальность разстоянія отъ Москвы, неудовлетворительность путей сообщенія,

---

[3]) Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 240.

[1]) Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 239.

разбойничество, дороговизна проѣзда и жизни въ Москвѣ, занятіе своими дѣлами, мѣшавшее принимать участіе въ общественной дѣятельности и т. п. Но изъ того, что нѣкоторыя сословія отказывались отъ посылки выборныхъ, еще не слѣдуетъ, что сословное представительство измѣнилось во всесословное и что выборный, представлявшій интересы извѣстной категоріи людей, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы всего города. Подобное явленіе было возможно только развѣ въ небольшихъ городахъ, гдѣ одно или нѣсколько сословій почти отсутствовали и обладали незначительнымъ количествомъ членовъ. Тогда, конечно, можно допустить, что члены нѣсколькихъ сословій избирали одного представителя, могущаго защитить интересы всего города. Приведемъ примѣръ. Допустимъ, что въ какомъ нибудь незначительномъ городѣ (гдѣ и возможно подобное явленіе) служилыхъ людей очень немного, а посадскихъ довольно большое число. Весьма возможно, что служилые люди откажутся отъ посылки своего спеціальнаго выборнаго (тѣмъ болѣе, если расходы на подобную посылку придется взять на себя) и, присоединясь къ посадскимъ, изберутъ съ ними одного выборнаго, долженствующаго представлять, такимъ образомъ, уже интересы двухъ сословій. В. И. Сергѣевичъ признаетъ такое явленіе, когда посадскіе люди представляли иногда интересы уѣздныхъ людей (свободныхъ крестьянъ), которыхъ, какъ извѣстно, въ эпоху земскихъ соборовъ было очень небольшое число [1]). Но отсюда еще нельзя заключать, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, что выборы на соборы до 1619 г. были всесословными, слѣдовательно, выборные являлись уже представителями интерессовъ не отдѣльныхъ категорій людей, но всего государства.

Сколько было всѣхъ выборныхъ на соборѣ 1613 г., сосчитать невозможно, такъ какъ многіе изъ нихъ (по всей вѣроятности за неграмотностью) не подписались на соборномъ актѣ [2]). Сплошь да рядомъ встрѣчаются на немъ подобныя подписи: «Кузмодемьянскаго города посадской человѣкъ Григорій Ивановъ и Чебоксарцовъ выборныхъ людей дѣтей боярскихъ, и посадскихъ людей, и стрель-

---

[1]) Впрочемъ, изъ дошедшихъ до насъ воеводскихъ отписокъ (о нихъ будетъ рѣчь ниже) видно, что даже и въ случаѣ подобномъ нашему, сословія не смѣшивались на выборахъ. Такъ, когда въ 1651 г. правительство предписало произвести выборы и прислать опредѣленное число представителей отъ каждаго чина, то воевода города Крапивны, въ которомъ было всего только *трое* посадскихъ, распорядился *послать*, вмѣсто нихъ *сына боярскаго* и *пушкаря*, слѣдовательно, людей другаго чина. Ему, очевидно, и въ голову не приходило допустить этихъ трехъ посадскихъ къ участію въ избраніи выборныхъ вмѣстѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими! Тоже самое сдѣлали и другіе воеводы, находясь при такихъ же обстоятельствахъ. См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 102.

[2]) Всѣхъ подписей имѣется, по нашему счету,—235.

цовъ руку приложилъ», или: «Коломнешинъ Михайла Юреневъ въ выборнаго дворенина Коломны города Ивана Змеева и во всехъ Коломничь выборныхъ дворянъ места руку приложилъ». Извѣстно только, что на соборѣ принимали участіе 3 митрополита (казанскій, ростовскій и сарскій), 3 архіепископа (суздальскій, рязанскій и архангельскій), 2 епископа (коломенскій и корельскій), нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ, монастырскихъ старцевъ, протопоповъ и поповъ. Всѣ разряды служилаго сословія также были представлены, начиная съ бояръ и кончая казаками.—Послѣ подписей духовныхъ чиновъ, первой красуется подпись князя Мстиславскаго, седьмымъ подписался князь Трубецкой и только десятымъ спаситель отечества, Пожарскій. Подпись Минина совершенно отсутствуетъ. Тяглые люди также послали своихъ представителей, причемъ, разсматриваемый соборъ тѣмъ и замѣчателенъ, что на немъ впервые явились выборные отъ крестьянъ (чего, какъ извѣстно, прежде не было). Это, такъ называемые, уѣздные люди. Слѣдующіе 39 городовъ (кромѣ Москвы) были представлены на соборѣ (по крайней мѣрѣ объ этихъ городахъ до насъ дошли извѣстія): Калуга, Кашинъ, Тула, Брянскъ, Курскъ, Вязьма, Ярославль, Козельскъ, Серпейскъ, Казань и города «Казанскаго государства», Мценскъ, Тверь, Царевъ, Кузьмодемьянскъ, Владиміръ, Мещовскъ, Коломна, Зарайскъ, Рязань, Рыльскъ, Устюжна, Арзамасъ, Торжокъ, Переяславль-Рязанскій, Осколъ, Бѣлгородъ, Серпуховъ, Алексинъ Бѣжецкъ, Перемышль, Романовъ, Ростовъ, Одоевъ, Осташковъ, Вятка, Шацкъ, Нижній-Новгородъ, Вологда и Ливны.—Въ концѣ грамоты «приложены руки Турецкимъ письмомъ», напр. (переводъ) «Я Нѣшикъ Добзъ руку приложилъ», или: «Я князь Исайбекъ Туманинъ за товарищей своихъ руку приложилъ». Скрѣпилъ грамоту думный дьякъ Петръ Третьяковъ:..

Второй земскій соборъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича имѣлъ мѣсто въ 1616 году. Распоряженіе же о производствѣ выборовъ на него состоялось въ концѣ 1615 г. До насъ дошла царская грамота въ Пермь Великую отъ 12 января 1616 г. съ повтореніемъ о присылкѣ въ Москву трехъ посадскихъ людей для «великаго земскаго дѣла». Приводимъ ее цѣликомъ: «Отъ Царя и Великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи въ Пермь Великую, воеводѣ нашему Льву Ильичу Волкову да дьяку нашему Степану Пустошкину. *Послана къ вамъ наша грамота на передъ сего, а велѣно вамъ прислати къ намъ къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ* Пермичь посадскихъ лутчихъ и середнихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ, ни мѣшкая ни часу; а на Москвѣ тѣмъ людемъ велѣно явитись въ Посольскомъ Приказѣ думному діаку нашему Петру Третьякову. *И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ, къ Москвѣ и пося мѣста не присылавали.* И какъ къ вамъ ся наша

грамота придетъ, и вы бъ, по прежней и по сей нашей грамотѣ, тѣхъ выборныхъ людей тотчасъ прислали къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ затѣмъ наше и земское великое дѣло не стало. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124 генваря въ 12 день» [1]).—Изъ этой грамоты видно, что еще прежде (по всей вѣроятности, въ концѣ 1615 г.) въ Пермь было послано приказаніе выслать въ Москву «трехъ» «лучшихъ», «середнихъ», «добрыхъ», «разумныхъ» и «постоятельныхъ» посадскихъ людей и что это приказаніе до сихъ поръ не было исполнено, результатомъ чего и была посылка въ Пермь второй грамоты. Изъ нея же видно, что выборные, пріѣхавъ въ Москву, должны были явиться въ Посольскій приказъ, къ дьяку Петру Третьякову. Но, что всего важнѣе, это то, что на основаніи этой грамоты, мы можемъ себѣ составить понятіе о томъ, какъ относилось московское правительство къ выборамъ на соборъ. Вслѣдствіе неприбытія какихъ нибудь *трехъ* выборныхъ отъ пермскихъ посадскихъ людей, правительство посылаетъ *вторично* грамоту съ непремѣннымъ приказаніемъ прислать ихъ во что бы то ни стало, «не мѣшкая ни часу», такъ какъ отъ подобнаго неприбытія «великое земское дѣло» можетъ «стать». «Чтобъ затѣмъ наше (т. е. государево) и земское великое дѣло не стало», говоритъ грамота, Очевидно, правительство хотѣло, чтобы соборъ, по возможности, былъ отразителемъ мнѣній *всей* земли, органомъ *всего* государства. Нечего и говорить, что это было въ его интересахъ, такъ какъ безъ помощи собора, состоявшаго дѣйствительно изъ «лучшихъ» и «добрыхъ» людей и отражавшаго настроеніе всей земли, оно не могло надѣяться достигнуть какихъ бы то ни было хорошихъ результатовъ въ дѣлѣ очищенія государства отъ послѣдствій смутной эпохи и грѣховъ прошлыхъ царствованій.

Въ апрѣлѣ 1616 г. земскій соборъ уже выполнялъ свои функціи (весьма возможно, что и раньше, но до насъ дошли памятники его дѣятельности въ этомъ мѣсяцѣ). Мы имѣемъ три грамоты, свидѣтельствующія о его дѣятельности. Первая: это грамота къ Строгановымъ объ уплатѣ ратнымъ людямъ на жалованье 16000 рублей. «*По всемирному приговору*, такъ начинается грамота, со всего Московскаго государства, съ городовъ, и съ посадовъ, и съ уѣздовъ, съ гостей, и съ торговыхъ, и со всякихъ съ посадскихъ людей, и съ дворцовыхъ, и съ конюшенныхъ, и съ рыбныхъ съ ловецкихъ слободъ, и съ хамовниковъ, и съ кодашевцовъ, и съ барышниковъ, и съ ямщиковъ, и съ каменщиковъ, и съ кабацкихъ откупщиковъ, и со лготчиковъ, и съ тарханщиковъ, и съ монастырей, которые торгуютъ, и со всякихъ слободъ съ торговыхъ людей, чѣмъ кто ни торгуетъ, чей кто ни буди, ни кого не обходя, безо всякаго вывету и отдачи собрати съ животовъ служивымъ людемъ на жа-

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 77, стр. 111.

лованье пятая денга, денгами, а не товаромъ; а съ уѣздовъ, съ сошныхъ людей, по сошному разводу, по сту по двадцати рублевъ съ сохи». «*И приговорили съ васъ взяти*, говоритъ далѣе грамота, ратнымъ людемъ на жалованье: съ тебя Максима восемь тысячъ рублевъ, съ Микиты шесть тысячъ рублевъ, съ Ондрея да съ Петра двѣ тысячи рублевъ». Грамота заканчивается изложеніемъ способа доставки денегъ и угрозою насильственнымъ ихъ отнятіемъ и великой опалой, въ случаѣ, если онѣ не будутъ своевременно доставлены. «И мы для тѣхъ денегъ, читаемъ въ грамотѣ, велимъ послати къ вамъ дворянина добра на многихъ подводахъ, а велимъ тѣ деньги на васъ доправити и прогоны вдвое, да вамъ же отъ насъ быти въ великой опалѣ» [1]). Вторая грамота на имя Сольвычегодскаго воеводы Хлопова по содержанію вполнѣ аналогична съ вышеприведенной и заключаетъ въ себѣ приказаніе Хлопову привести въ исполненіе *земскій приговоръ* касательно Строгановыхъ и позаботиться объ уплатѣ съ ихъ стороны требуемой суммы [2]). Третья—на имя тѣхъ же Строгановыхъ—написана 9-ть дней спустя послѣ первой. Въ ней царь, согласно съ постановленіемъ собора, требуетъ съ нихъ уплаты еще 40000 рублей, необходимыхъ на военныя издержки. Грамота начинается съ описанія бѣдственнаго положенія служилыхъ людей, пострадавшихъ «отъ войны и отъ разоренья». Далѣе излагаются просьбы ратныхъ людей, требующихъ уплаты жалованья. «*И мы, Великій Государь* (пишетъ Михаилъ Θедоровичъ) *говорили и совѣтовали на соборѣ* съ богомольцы своими, съ Митрополиты, съ Архіепискупы, и съ Епискупы, и со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ околничими, и съ стольники, и съ стряпчими, и со всѣми ратными людми, и съ Московскими и всѣхъ городовъ съ гостьми, и съ выборными съ торговыми людми о томъ, что государство находится въ крайне печальномъ положеніи, всѣ раззорены и нечѣмъ платить ратнымъ людямъ». «*И на соборѣ всѣхъ великихъ Россійскихъ государствъ* Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный соборъ, и Московскіе и всѣхъ городовъ гости, и торговые, и выборные, и всякіе люди *приговорили*: «съ посадовъ, съ уѣздовъ, съ дворцовыхъ селъ, съ черныхъ волостей, съ земель, принадлежащихъ духовенству, съ вотчинъ и съ помѣстій служилыхъ людей взять сошныя деньги, съ гостей же, съ торговыхъ людей и съ монастырей, занимающихся торговлей взять «пятую деньгу». А со Строгановыхъ, очевидно, игравшихъ роль дойныхъ коровъ «*власти и всѣхъ городовъ выборные люди приговорили*: взяти съ вотчинъ, и съ промысловъ, и съ животовъ сорокъ тысячъ рублевъ, а для тѣхъ денегъ послали есмя къ вамъ Степана Матвѣевича Проѣстева». Грамота заканчи-

[1]) Акты Арх. Эксп. т. Ш, № 79, стр. 112.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 80, стр. 113.

вается увѣщаніемъ Строгановыхъ исполнить волю народа и этимъ избавить государство отъ опасности [1]).

О дѣятельности собора въ 1617 году не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ, но зато о соборной дѣятельности въ 1618 году свидѣтельствъ довольно много. Такъ, извѣстно, что 26 іюля происходило засѣданіе собора по поводу мѣстничества [2]). Михаилъ Ѳедоровичъ заявилъ на немъ, что этотъ обычай крайне вредно отзывается на государственныхъ дѣлахъ. «Посылаетъ онъ, Государь, говорилъ Михаилъ Ѳедоровичъ, бояръ, и окольничихъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ въ городы въ воеводы и на Москвѣ и въ городѣхъ для своихъ государевыхъ дѣлъ; и бояре, и окольничіе, и стряпчіе, и дворяне межъ себя считаются и бьютъ челомъ ему, Государю о мѣстѣхъ и затѣмъ его, Государеву дѣлу ставитца мотчанье». Государь предложилъ «по нынѣшнимъ по Литовскимъ вѣстемъ быти безъ мѣстъ». Соборъ вполнѣ согласился съ нимъ и приговорилъ: отмѣнить обычай мѣстничанья до 1620 г. «И всякимъ служилымъ людемъ (читаемъ въ разрядахъ) быти на нынѣшнихъ Государевыхъ службахъ и впередъ до 128 году на Москвѣ и въ городѣхъ... у всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ» [3]). Очевидно, ни царь, ни соборъ еще не рѣшались покончить совсѣмъ съ этимъ обычаемъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго служилаго человѣка...

9-го сентября снова состоялось засѣданіе собора, на этотъ разъ уже по случаю нашествія королевича Владислава, все еще лелѣявшаго мысль сдѣлаться Московскимъ царемъ и завладѣть тѣмъ государствомъ, на которое онъ, по словамъ Маскѣвича, имѣлъ право, на основаніи данной ему присяги [4]). Вступивъ въ предѣлы Россіи и подойдя къ Можайску, Владиславъ издалъ грамоту къ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ Московскаго государства, въ которой доказывая свои права на престолъ, писалъ между прочимъ: «нижли дошелъ насъ слухъ, что совѣтники Михайла Романова, который цѣловавши намъ крестъ и будучи подданнымъ нашимъ, нынѣ несправедливе и недостойне называется Государемъ Московскимъ». Далѣе, обвиняя правительство Михаила Ѳедоровича въ распусканіи ложныхъ на его счетъ слуховъ, Владиславъ обѣщалъ охранять православную

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 81, стр. 114.

[2]) Архивъ минист. юстиціи (въ Москвѣ), Дѣла Московскаго стола Разряднаго приказа, книга 6-ая, листы 367—369; Книги разрядныя, т. I, стр. 559; Дворцовые разряды, т. I, стр. 340. Въ послѣднихъ двухъ источникахъ это событіе почему то помѣчено *27 іюлемъ.*

[3]) Впрочемъ, весьма возможно, что это было не засѣданіе собора, а соединенное засѣданіе боярской думы и духовнаго собора, такъ какъ изъ перечисленія лицъ, участвовавшихъ на немъ, видно, что здѣсь имѣли мѣсто только духовные чины и члены боярской думы, хотя въ источникахъ оно и называется соборомъ

[4]) Устряловъ, ч. II, стр. 115.

вѣру, нравы и обычаи русскихъ, не нарушать правъ чиновъ государства и «достойно ко всякому добру, и къ порядку, и къ справедливости, по приговору, дастъ Богъ, на томъ съ вами бояры и со всею землею прибавляти хочемъ» [1]). Но эта грамота произвела слабое впечатлѣніе и Владиславу пришлось доказывать мечемъ истинность своихъ аргументовъ на занятіе московскаго престола. Не взявъ Можайска, сынъ Сигизмунда III направился къ Москвѣ, чтобъ наказать своихъ возмутившихся подданныхъ и прекратить «розлитіе невинные крови крестьянскіе и напрасное раззореніе Московскаго государства».—Находясь въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны къ Москвѣ подступалъ союзникъ Владислава, гетманъ Сагайдачный съ 20000 казаковъ, Михаилъ Ѳедоровичъ созвалъ соборъ, чтобъ обсудить вмѣстѣ съ представителями народа мѣры, принятіе которыхъ было бы необходимо для спасенія государства. До насъ дошелъ актъ этого собора [2]). Содержаніе его слѣдующее: «въ сентябрѣ 1618 года писали Государю изъ Можайска воевода Ѳедоръ Волынскій съ товарищами, что королевичъ Владиславъ со всѣмъ своимъ войскомъ отошелъ отъ Можайска и направился по дорогѣ къ Москвѣ. Тогда Михаилъ Ѳедоровичъ 9-го сентября говорилъ на соборѣ всѣмъ чинамъ Московскаго государства, что Владиславъ идетъ на Москву съ цѣлью взять ее, раззорить церкви и, уничтоживъ православную вѣру, «учинить свою проклятую, еретическую Латинскую вѣру». Вслѣдствіе этого, Государь рѣшился, призвавъ на помощь Бога и московскихъ чудотворцевъ, стоять противъ своего недруга, польскаго королевича за православную вѣру, за церкви и за всѣхъ православныхъ христьянъ. По мнѣнію царя, всего лучше остаться въ Москвѣ въ осадѣ и отсюда сражаться съ Поляками. Михаилъ Ѳедоровичъ заключилъ свою рѣчь словами: «и они бъ Митрополиты (идетъ перечисленіе всѣхъ чиновъ) за православную Христьянскую вѣру и за него, Государя и за себя съ нимъ Государемъ въ осадѣ сидѣли и противъ недруга его, Литовскаго королевича Владислава и Польскихъ, и Литовскихъ людей, и Нѣмецъ, и Черкасъ стояли крѣпко и съ ними бились, сколько Богъ помочи подастъ, а на Королевичеву и не на какую прелесть не покушалися». И въ отвѣтъ ему говорили всѣ чины Московскаго государства, что они единодушно дали обѣтъ Богу стоять за своего Государя и за православную вѣру, сидѣть съ нимъ въ осадѣ «безо всякаго сумнѣнья» и биться съ непріятелемъ «до смерти, не щадя головъ своихъ». Тогда Михаилъ Ѳедоровичъ совѣщался съ соборомъ, какъ стоять «будучи на Москвѣ, въ осадѣ» противъ Владислава, какимъ боя-

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 39, стр. 167.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 40, стр. 169; Дворц. разряды, т. I, стр. 353; Книги разрядныя, т. I, стр. 561.

рамъ оставаться при царѣ и защищать столицу и какимъ отправиться въ города, чтобъ собрать войско и оказать помощь осажденнымъ. «И приговорилъ Государь» съ соборомъ «быти на Москвѣ»: 16-ти боярамъ (среди нихъ встрѣчаются имена Мстиславскаго, Голицына, Трубецкаго, Морозова, Пожарскаго и др.), 12 окольничимъ (среди нихъ: 1 кравчій, 1 казначей, 1 чашникъ, 1 думный дворянинъ, 1 постельничій, 1 стряпчій) и 2 думнымъ дьякамъ (всего 36 человѣкъ). Слѣдующія лица должны были выйдти изъ Москвы и собирать ратныхъ людей по городамъ: въ Ярославль; князь Черкаскій и съ нимъ три человѣка; въ Нижній-Новгородъ: князь Лыковъ «съ товарищи» (тоже три человѣка). Въ Москвѣ же Государь «указалъ расписать по мѣстамъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей» слѣдующимъ образомъ; за Москвою-рѣкою: князь Катыревъ-Ростовскій и князь Барятинскій; у Арбатскихъ воротъ: князь Куракинъ и князь Засѣкинъ; у Срѣтенскихъ воротъ: Морозовъ и Давыдовъ; за Яузою: князь Прозоровскій и князь Шаховской. «А съ воеводами по полкамъ людей»: за Москвою-рѣкою съ княземъ Ростовскимъ: 40 стольниковъ, 29 стряпчихъ, 1 мурза, 2 жильца» и т. д. (идетъ подробное перечисленіе въ какія части города кого послать и по скольку человѣкъ). 17-го сентября, продолжаетъ актъ, Владиславъ съ большимъ войскомъ подошелъ изъ подъ Можайска къ Звенигороду. «Выходцы» же говорили, что 20-го числа королевичъ рѣшился подойти къ Москвѣ. Съ другой стороны идетъ на соединеніе съ поляками гетманъ Сагайдачный и уже остановился въ Коломенскомъ уѣздѣ въ селѣ Бронницахъ. Актъ заканчивается извѣщеніемъ о посылкѣ воеводъ въ города и о снабженіи ихъ наказами, которыми послѣдніе должны были руководствоваться въ своей дѣятельности [1]). Одновременно съ этимъ были посланы по всѣмъ городамъ грамоты, адресованныя на имя дворянъ и дѣтей боярскихъ. Грамоты эти были двухъ родовъ: отъ царя и отъ собора, хотя по содержанію вполнѣ тожественныя. До насъ дошла одна, адресованная во Владиміръ [2]). «Богомольцы: митрополитъ Іона Сарскій и Подонскій, пишетъ соборъ, и архимариты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жильцы, и головы стрѣлецкіе, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, и гости, и торговые люди, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и всякіе служилые и жилецкіе люди Московскаго государства челомъ бьютъ». Далѣе грамота излагаетъ послѣднія событія, а именно приходъ Владислава, засѣданіе и постановленіе собора и отъѣздъ изъ Москвы Черкаскаго и Лы-

---

[1]) См. также Книги разрядныя, т. I, стр. 577.

[2]) Архивъ минист. юстиціи, Дѣла Московскаго стола Разряднаго приказа, книга 7-ая, листы 80—90; Книги разрядныя, т. I, стр. 592.

кова. Призываетъ служилыхъ людей къ оружію и предписываетъ имъ помогать воеводамъ (Черкаскому и Лыкову), за что обѣщаетъ вознагражденіе. Что же касается до духовныхъ чиновъ и тяглыхъ людей, то имъ вмѣняется въ обязанность «ратныхъ людей на службу поднять», т. е. снабдить ихъ необходимыми денежными средствами. «А мы, заключаютъ чины, всѣ единодушно обѣщалися за православную крестьянскую вѣру... стоять и съ ними битися, сколько милосердый Богъ помочи подастъ. А для того, чтобъ вамъ наше обѣщаніе было вѣдомо» мы всякихъ чиновъ люди «къ сей грамотѣ руки свои приложили».

Состоялъ ли соборъ 1618 года изъ тѣхъ же выборныхъ, которые съѣхались въ Москву еще прежде, до прихода Владислава или они были избраны спеціально теперь въ 1618 года? По этому поводу г. Загоскинъ высказалъ свои соображенія, съ которыми мы вполнѣ согласны, за исключеніемъ впрочемъ одного. «Дошедшій до нашего времени актъ этого собора, говоритъ многоуважаемый профессоръ, даетъ намъ возможность вывести изъ него два важныхъ заключенія. Во-первыхъ, то, что принимавшіе въ этомъ соборѣ участіе земскіе чины не были созваны съ этою цѣлью изъ городовъ, но что они жили въ это время въ Москвѣ, *что они принадлежали, слѣдовательно, ко второй сессіи 1612—1615 года; это весьма ясно усматривается* изъ того, что извѣстіе объ опасности получено было царемъ 8-го числа, а 9-го числа, на слѣдующій день, онъ уже совѣщается съ соборомъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ распоряженія о мѣрахъ къ защитѣ столицы. Второе заключеніе, вытекающее изъ соборнаго акта, то, что здѣсь подъ соборомъ разумѣются не на скоро созванные жители столицы, но что соборъ составленъ былъ именно изъ выборныхъ отъ городовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ мы городовыхъ дворянъ, казаковъ и ихъ атамановъ, инородческихъ мурзъ, казанскихъ и другихъ городовыхъ стрѣльцовъ, гостей, купцовъ, слобожанъ и представителей черныхъ сотенъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть приложенное къ акту распредѣленіе находившихся въ Москвѣ способныхъ къ оружію людей, а въ томъ числѣ и соборныхъ выборныхъ, по различнымъ стратегическимъ постамъ столицы; убѣжденіе, вынесенное изъ этого пересмотра будетъ именно то, что въ Москвѣ дѣйствительно находилось въ это время представительство всей русской земли» [1]). Къ этому, кажется, прибавлять нечего. Невозможно допустить, чтобъ соборъ могъ собраться въ одинъ день и чтобъ выборные могли достигнуть Москвы въ такой незначительный промежутокъ времени! А что соборъ дѣйствительно былъ органомъ всей земли, а не исключительно одной Москвы (что, какъ извѣстно, бывало прежде) на это указываетъ дошедшій до насъ соборный актъ, гдѣ не разъ повторяется стереотипная фраза: «... и митро-

[1]) Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 251.

политы, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дьяки, и жильцы, *и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства*». Но, понятно, одного этого доказательства было бы недостаточно. Намъ извѣстно, что соборы, возведшій на престолъ Шуйскаго и низвергнувшій его, а также партія, признавшая царемъ Владислава, не имѣвшіе никакихъ основаній считать себя выразителями мнѣній всего народа, величали себя органами всего государства и писали въ грамотахъ отъ имени всѣхъ категорій земскихъ чиновъ. Существуетъ *еще* доказательство истинности мнѣнія г. Загоскина, на которое онъ и ссылается. Это перечисленіе лицъ, находившихся въ то время въ Москвѣ, помѣщенное въ соборномъ актѣ, изъ котораго видно, что на соборѣ участвовала масса лицъ, пріѣзжихъ изъ городовъ «всего Московскаго государства». Итакъ, необходимо признать, что соборъ 1618 г. не былъ созванъ специально для извѣстнаго конкретнаго случая, но былъ ничѣмъ инымъ, какъ сессіей постояннаго собора, засѣдавшаго въ Москвѣ. Весьма возможно, что этотъ соборъ возникъ еще въ 1616 г. (какъ это считаетъ г. Загоскинъ) и о дѣятельности котораго въ 1617 г. до насъ не дошло никакихъ памятниковъ. Также, весьма возможно, что этотъ соборъ не былъ, такъ сказать, продолженіемъ собора 1616 г., а могъ быть созванъ или въ 1617, или въ 1618 г. (до пришествія Владислава къ Москвѣ), но что памятникъ объ этомъ созваніи и о присылкѣ выборныхъ до насъ не дошелъ. Однимъ словомъ, мѣста для всякихъ предположеній достаточно, несомнѣнно только одно, что соборъ существовалъ уже до прибытія польскаго королевича къ Москвѣ и, что не ради этого событія, выборные должны были съѣхаться въ столицу. Противъ подобнаго мнѣнія, намъ кажется, возраженій быть не можетъ.

Вполнѣ согласившись съ доводами г. Загоскина въ пользу того, что соборъ 1618 г. не былъ специально созванъ для изысканія мѣръ, съ помощью которыхъ нападеніе на Москву Владислава могло бы быть отражено, мы позволимъ себѣ съ нимъ не согласиться въ одномъ случаѣ. Г. Загоскинъ говоритъ: (эти слова были нами подчеркнуты) «дошедшій до нашего времени актъ этого собора даетъ намъ возможность вывести изъ него два важныхъ заключенія. Во-первыхъ, то, что принимавшіе въ этомъ соборѣ участіе земскіе чины не были созваны съ этой цѣлью изъ городовъ, но что они жили въ это время въ Москвѣ, что они принадлежали, *слѣдовательно*, ко второй сессіи земскаго собора, которая созвана была, какъ мы знаемъ, въ концѣ 1615 г., по распущеніи выборныхъ людей сессіи 1612—1615 года; это весьма ясно усматривается изъ того, что извѣстіе объ опасности получено было царемъ 8-го числа, а 9-го числа, на слѣдующій день, онъ уже совѣщается

съ соборомъ»... Въ томъ то и дѣло, что на основаніи перваго «заключенія», выведеннаго г. Загоскинымъ изъ соборнаго акта, нисколько еще не *слѣдуетъ*, что земскіе чины, жившіе въ Москвѣ, принадлежали къ числу выборныхъ на соборъ 1616 г. Доказательствъ этого г. Загоскинъ не представляетъ, да и не можетъ представить, за неимѣніемъ источниковъ. Такъ что мнѣніе его въ данномъ случаѣ является не подкрѣпленнымъ фактами, голословнымъ. Почему же не допустить, что земскіе чины, жившіе въ Москвѣ, были выборными на какой нибудь другой соборъ, имѣвшій мѣсто въ 1617 или въ 1618 годахъ, отъ котораго до насъ не дошло никакихъ памятниковъ? Отчего они должны быть непремѣнно членами собора 1616 г.? Еще разъ повторяемъ, что ни то и ни другое мнѣніе не можетъ быть подтверждено фактами, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что одно изъ нихъ должно быть болѣе истиннымъ, чѣмъ другое [1])...

Соборъ сдѣлалъ свое дѣло: Москва была укрѣплена и приступъ Владислава былъ отбитъ съ большимъ урономъ для него. Спустя нѣсколько времени, Владиславъ отступилъ и начались мирные переговоры. 1-го декабря 1618 г. заключенъ былъ Деулинскій миръ, довольно тяжелый для Московскаго государства. Но за то Владиславъ долженъ былъ отказаться отъ московской короны и признать

[1]) Г. Чичеринъ смотритъ на соборъ 1618 г. со свойственнымъ ему вообще пессимизмомъ по отношенію къ древнерусскимъ представительнымъ учрежденіямъ. „Понятіе о представительствѣ всей земли, говоритъ онъ, было до такой степени шатко или, лучше сказать, до такой степени отсутствовало, что соборы обыкновенно составлялись вовсе не изъ выборныхъ отъ всего государства, а единственно изъ московскихъ чиновъ (?) Правда, здѣсь бывали и иногородные служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, которые находились на службѣ въ Москвѣ и считались какъ бы представителями своихъ сословій (?); но изъ горожанъ призывались единственно московскіе торговые люди (?), а отъ крестьянъ не бывало никого (?). Здѣсь мы видимъ то явленіе, которое встрѣчалось и прежде и повторяется впослѣдствіи: городъ Москва замѣняетъ собою государство точно такъ же, какъ крикъ народа, собраннаго на площади, выдается за голосъ всей земли. Въ подобныхъ явленіяхъ нельзя не видѣть совершеннаго недостатка понятій о правильной общественной организаціи. При такихъ условіяхъ прочный представительный порядокъ невозможенъ. Но это самое ведетъ къ паденію неустроенныхъ учрежденій; государственный бытъ требуетъ прежде всего правильныхъ органовъ. Примѣръ такого собранія всякихъ чиновъ людей, живущихъ въ Москвѣ представляетъ соборъ 1618 г., созванный по случаю нашествія Владислава. 8-го сентября получается вѣсть о приближеніи королевича; 9-го созывается соборъ изъ духовенства, думныхъ и всякихъ чиновъ людей, Царь говоритъ имъ, чтобъ они стояли крѣпко и бились противъ недруга; они отвѣчаютъ, что дали обѣтъ сидѣть и биться до смерти. Тутъ же составляется общій приговоръ, кому сидѣть въ осадѣ и кого послать по городамъ“. Остается только пожалѣть, что г. Чичеринъ прежде, чѣмъ высказывать подобныя мнѣнія, не потрудился заглянуть въ источники, тогда его глава о земскихъ соборахъ, навѣрно, приняла бы иной видъ.

существующій порядокъ вещей, по которому «подданный его Михаилъ Романовъ» считался равнымъ ему и независимымъ отъ него монархомъ.

Лѣтомъ 1619 г. совершился обмѣнъ плѣнныхъ, вслѣдствіе чего митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву. Нѣсколько дней спустя, послѣ возвращенія отца Михаила Θедоровича, «*пріидоша же ко Государю власти и бояре и всемъ народомъ Московскаго государства биша ему челомъ со слезами*, чтобъ онъ, Государь упросилъ у отца своего государя Филарета Никитича, чтобъ вступился въ православную христіянскую вѣру и былъ бы на престоле патріаршескомъ Московскомъ и всея Русіи. И Государю, Царю и Великому князю Михаилу Θедоровичу ихъ челобитье годно бысть, и поиде со властми и со всѣми бояры ко отцу своему Филарету Никитичю и молише ево, онъ же государь отъ тово много отпирашеся не хотя быти, и едва Государь его *и власти и бояре и весь народъ Московскаго государства умолиша*» [1]).

Существуетъ еще другое свидѣтельство о бытности въ 1619 г. собора, по иниціативѣ котораго Филаретъ Никитичъ сдѣлался патріархомъ всея Русіи. «II іюня въ день, читаемъ въ разрядахъ, святаго града Іерусалима и всея Палестины святѣйшій патріархъ Θеофанъ, и Московскаго государства митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и дьяки, и всякихъ чиновъ люди приходили къ Михаилу Θедоровичу и говорили ему: «прежде, до московскаго раззоренія, патріархомъ былъ Гермогенъ и, какъ извѣстно, принялъ мученическую смерть. Съ тѣхъ поръ „апостольская церковь вдовствуетъ». Великій же государь нашъ Филаретъ Никитичъ, будучи въ Польшѣ, „бѣды многіе, и тѣсноты, и гоненіе, и скорбь, и нужу всякую терпѣлъ много лѣтъ.» Кромѣ него, не кому быть въ Москвѣ на патріаршемъ престолѣ. Тогда Михаилъ Θедоровичъ просилъ своего отца «принять святительскій престолъ патріаршій, чтобъ имъ, великимъ святителемъ апостольская восточная церковь въ первобытную красоту украсилась». «И Великій Государь, читаемъ далѣе, Михаилъ Θедоровичъ съ Іерусалимскимъ патріархомъ и со всѣми чинами Московскаго государства (идетъ подробное ихъ перечисленіе: здѣсь были также дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, гости, торговые и всякихъ чиновъ люди) приходили къ Филарету Никитичу, просили его и со слезами молили, чтобъ онъ ихъ челобитья не презрилъ и принялъ патріаршій престолъ. Тогда повторилась обычная въ то время сцена. Филаретъ Никитичъ объявилъ чинамъ, что онъ «недостоинъ быть пастыремъ того вс-

---

[1]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 329; Никоновская лѣтоп. т. VIII, № 396, стр. 244.

ликаго престола», «многими слезами себя унижалъ,» но въ концѣ концовъ «возложилъ то на судьбы всесильнаго Бога и говорилъ, что такое великое и неизрѣченное дѣло по смотрѣнію Божію, а не по его самохотному стремленію»! Такимъ образомъ, совершилось возведеніе отца Михаила Ѳеодоровича на патріаршій престолъ [1]). Первымъ дѣломъ новопоставленнаго патріарха было произвести нѣкоторыя реформы въ госудурствѣ, необходимость которыхъ чувствовалась уже давно. Реформы эти были введены съ помощью того же собора, по милости котораго Филаретъ Никитичъ превратился изъ митрополита въ патріарха. «Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, читаемъ далѣе въ разрядахъ, приходилъ со всемъ освященнымъ соборомъ къ Государю Михаилу Ѳеодоровичу и они совѣщались о томъ, что Московское государство «раззорилось и запустѣло», что подати падаютъ крайне неравномѣрно, вслѣдствіе чего одни платятъ по писцовымъ книгамъ, другіе по дозорнымъ, однимъ, слѣдовательно, тяжело, другимъ легко. Дозорщики же были посланы по городамъ, послѣ московскаго разоренья «и писали и дозирали по не дружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечна». Что же касается посадскихъ людей, то многіе изъ нихъ, желая избѣжать платежа податей, пріѣхали изъ за—Московныхъ и изъ Украинскихъ городовъ въ Москву и живутъ у своихъ друзей, нисколько не думая о возвращеніи въ свое прежнее мѣстожительство. «А изъ иныхъ Украйныхъ и раззоренныхъ городовъ бьютъ челомъ о льготѣ, что имъ, для ихъ раззоренья, во всякихъ податѣхъ давати льготы». Другіе же посадскіе и уѣздные люди заложились за бояръ и, вслѣдствіе этого, никакихъ податей не платятъ и живутъ себѣ въ покоѣ. Много есть также такихъ лицъ, которые бьютъ челомъ на бояръ и на всякихъ чиновъ людей въ насильствахъ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать, велѣть отъ сильныхъ людей оборонить»..... Результатомъ этого совѣщанія между царемъ и патріархомъ было созваніе собора (засѣдавшаго, впрочемъ, уже въ Москвѣ), на обязанности котораго было: изыскать средства для уничтоженія всѣхъ неурядицъ и, «земля устроити». «И Государь.... Михайло Ѳеодоровичъ съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ....и съ митрополиты, и съ архіепископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправить и земля устроити». Соборъ постановилъ слѣдующее: послать писцовъ во всѣ города, не подвергшіеся раззоренью; въ города же, раззоренные поляками отправить «добрыхъ» дозорщиковъ, приведя ихъ предварительно къ крестному цѣлованію и давъ имъ полные наказы,

[1]) Ивановъ, стр. 298; Книги разрядныя, т. I, стр. 609.

чтобъ они описали и дозрили всѣ городы въ правду, безъ посуловъ». Всѣхъ городовыхъ посадскихъ людей, жившихъ въ Москвѣ, отослать на родину и дать имъ извѣстныя льготы, смотря по раззоренью. Также выслать въ прежнее мѣстожительство всѣхъ, заложившихся за всякихъ чиновъ людей, съ послѣднихъ же взять сумму денегъ, равную тому убытку, какой потерпѣла казна, вслѣдствіе подобнаго «залога». «А про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивать бояромъ: князю Ивану Борисовичу Черкаскому, да князю Данилу Ивановичу Мезецкому съ товарищи». Привести въ извѣстность, сколько приходится съ каждаго города по окладу всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ казну. Сколько «въ нынѣшнѣхъ годѣхъ» доходовъ въ приходѣ и что въ расходѣ и что осталось въ доимкѣ. Сколько городовъ отъ раззоренья запустѣло и какое число селъ и деревень роздано въ помѣстія и въ вотчины. «Что въ нихъ было какихъ доходовъ и что затѣмъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ осталось, и на какіе расходы тѣ доходы указаны. Послѣднимъ постановленіемъ было распоряженіе произвести новые выборы и послать въ Москву выборныхъ «для вѣдомости и для устроенія.» Выборы произвести слѣдующимъ образомъ: духовные люди должны послать двухъ, трехъ выборныхъ, дворяне и дѣти боярскія двухъ, посадскіе также двухъ. Выборные должны быть «добрыми и разумными», могущими «разсказать обиды, и насильства, и раззоренья, и чѣмъ Московскому государству пополнитца и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство» [1]). Постановивъ подобный приговоръ, соборъ разослалъ по городамъ грамоты, двѣ изъ которыхъ до насъ дошли: одна въ Новгородъ, другая въ Галичъ. Первая адресована на имя воеводъ: князя Хованскаго и Мирона Вельяминова. Грамота начинается съ извѣщенія о «приходѣ» Филарета Никитича изъ Польши и о постановленіи его, по челобитью всѣхъ чиновъ Московкаго государства, въ патріархи всея Русіи. Затѣмъ слѣдуетъ сообщеніе о бывшемъ въ Москвѣ соборѣ и о соборномъ приговорѣ, изложенномъ уже выше. «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, читаемъ, вы бъ велѣли быть» въ Софійскомъ соборѣ всѣмъ чинамъ Новгородскаго государства (между чинами перечислены и уѣздные люди, т. е. крестьяне). И когда всѣ сойдутся, то прочли бъ имъ эту грамоту и произвели-бъ выборы слѣдующимъ образомъ: «духовнымъ людямъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ, и всякимъ людямъ выбрати изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, изъ духовнаго чину человѣка или дву, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ изъ пятины по два человѣка (слѣдовательно, всѣхъ 10 человѣкъ), а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка,

---

[1]) Ивановъ, стр. 301; Книги разрядныя, т. I, стр. 609.

и выборные на нихъ списки дали за руками и отпустили бъ ихъ къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ намъ и отцу нашему Филарету Никитичу.... всякія ихъ нужи, и тѣсноты, и раззоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы, а мы, Великій Государь съ отцомъ своимъ.... совѣтовавъ, по ихъ челобитію, прося у Бога милости, учнемъ о Московскомъ государствѣ промышляти, чтобъ во всемъ поправити, какъ лучше.» Грамота заканчивается приказаніемъ поскорѣе выслать выборныхъ «А выборныхъ бы естя людей, которыхъ выберутъ, отпустили бъ къ намъ, къ Москвѣ, не мѣшкая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ Новгородскомъ раззореньи было вѣдомо, и, выслушавъ отъ нихъ челобитья, учали бъ есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти объ нихъ ко всему добру, чтобъ всѣ люди нашего государства, по Божьей милости и нашимъ царскимъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и въ радости» [1]). Другая грамота писана въ Галичъ на имя губнаго старосты Перелешина. По своему содержанію она вполнѣ тожественна съ вышеприведенной [2]).

Былъ ли соборъ 1619 года продолженіемъ сессіи 1615—16 и слѣдующихъ годовъ или же началъ собою новую сессію? Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ положительно, за отсутствіемъ необходимыхъ для того данныхъ, но извѣстныя предположенія вполнѣ могутъ имѣть мѣсто. Весьма возможно, что соборъ 1619 г. засѣдалъ въ Москвѣ еще за долго, до прибытія Филарета и выборные на него были тѣми самыми, которые въ концѣ 1615 г. явились представителями народа, послѣ распущенія собора 1613—1615 годовъ. Также весьма вѣроятно, что на соборѣ 1619 года были новые выборные, прибывшіе въ Москву, послѣ распущенія собора 1618 года. «Во всякомъ случаѣ, какъ совершенно справедливо говоритъ г. Загоскинъ, несомнѣнно почти то, что земскіе чины, бившіе челомъ митрополиту Филарету, были выборными людьми постояннаго земскаго собора, такъ какъ трудно предположить, чтобы они вызваны были въ столицу нарочно для того, чтобы предложить Филарету патріаршій престолъ» [3]).

Такимъ образомъ, соборъ 1619 г., постановивъ производство по-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III. № 47, стр. 208; Книги разрядныя, т. I, стр. 615.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 105, стр. 143.

[3]) Исторія права Моск. госуд. т, I, стр. 252. Бѣляевъ утверждаетъ, что на соборѣ 1619 года принимали участіе выборные 1616 г., хотя, впрочемъ, это „утвержденіе“ является у него совершенно голословнымъ и не основаннымъ ни на какомъ соображеніи (стр. 30). Утверждать такъ, какъ утверждаетъ Бѣляевъ, нѣтъ никакой возможности, за полнѣйшимъ отсутствіемъ памятниковъ; въ данномъ случаѣ мы можемъ только *предполагать* и строить извѣстныя гипотезы, а ужъ никакъ не *утверждать* подобно Бѣляеву.

выхъ выборовъ, разошелся. Когда же произошли эти выборы? До послѣдняго времени это было неизвѣстно. Теперь же, благодаря открытію И. П. Дитятина, мы знаемъ, что новый соборъ долженъ былъ имѣть мѣсто пять мѣсяцевъ спустя, послѣ распущенія стараго [1]). До насъ дошла, такъ называемая, отсрочная грамота (открытая И. П. Дитятинымъ), помѣченная 9 сентябремъ 1619—20 г. Грамота эта (отъ царя Михаила Өедоровича устюжскому воеводѣ Бутурлину) измѣняетъ срокъ прибытія выборныхъ въ Москву, назначенный прежде правительствомъ. «Писано отъ насъ къ тебѣ напередъ сего, читаемъ въ ней, а велѣно выбрать изъ духовнаго чина человѣка или двухъ, а изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ посадскихъ людей по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, которые бъ умѣли разсказать обиды и насильства и раззореніе, и выборные списки на нихъ взять за руками, и выслать ихъ велѣно къ Москвѣ къ сроку, къ Покрову Пресвятой Богородицы (слѣдовательно, первый срокъ пріѣзда выборныхъ былъ 1-ое октября), нынѣшняго 128 году». «И нынѣ мы, Великій Государь, продолжалъ Михаилъ Өедоровичъ, по обѣщанію своему, пошли молиться въ Ярославль, на Кострому, на Унжу. А къ Москвѣ нашъ царскій приходъ будетъ послѣ Покрова. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бъ тѣмъ выборнымъ людямъ сказалъ, чтобъ они къ сроку, къ Покрову Пресвятой Богородицы къ Москвѣ не ѣздили, а были бы они по первому пути къ Николину дню (т. е. 6-го декабря) для того, чтобъ имъ на Москвѣ волокиты не было» [2]). И такъ, благодаря этой грамотѣ, намъ извѣстно, что открытіе соборныхъ засѣданій было отсрочено съ 1-го октября на 6-ое декабря. Состоялся ли этотъ соборъ и какой былъ результатъ его дѣятельности — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Во всякомъ случаѣ нужно предполагать, что соборъ состоялся и дѣйствовалъ даже въ слѣдующихъ годахъ, какъ это увидимъ ниже.

Въ 1621 г. въ Москвѣ снова засѣдалъ соборъ, разрѣшавшій вопросъ о войнѣ съ Польшей. Весьма возможно, что этотъ соборъ былъ тѣмъ же, объ отсрочкѣ засѣданій котораго говорила вышеразсмотрѣнная грамота [3]), тѣмъ болѣе, что вплоть до 1622 года соборы были вполнѣ постояннымъ учрежденіемъ, а не созывались для конкретныхъ случаевъ, какъ впослѣдствіи.—Предметомъ засѣданія собора 1621 г. были, какъ ужъ сказано, польскія дѣла. Дѣло въ томъ, что Москва вела переговоры съ Швеціей и Турціей о сов-

---

[1]) Русская Мысль за 1883 годъ, кн. 12.

[2]) Архивъ минист. юстиціи, Дѣла Устюжской воеводской канцеляріи, № 11. См. также *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 5.

[3]) Конечно, возможно также и другое предположеніе, по которому соборъ 1621 г. былъ созванъ спеціально для разрѣшенія вопроса о войнѣ съ Польшей и, слѣдовательно, былъ новымъ соборомъ по отношенію къ собору 1619—20 г.

мѣстномъ дѣйствіи противъ поляковъ. Шведскій король Густавъ Адольфъ, желая завладѣть польскимъ престоломъ, хотѣлъ пріобрѣсть себѣ въ союзники своего недавняго врага, московскаго царя. Также и турецкій султанъ Османъ, намѣреваясь совершить нападеніе на Польшу, хотѣлъ заручиться союзомъ съ исконнымъ врагомъ Рѣчи-Посполитой. Крымскій ханъ, находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, также обѣщалъ свое содѣйствіе въ войнѣ противъ поляковъ. Для Москвы подобный союзъ былъ очень выгоденъ: съ помощью союзниковъ она могла надѣяться отвоевать свои земли, отошедшія къ Польшѣ по Деулинскому миру и отмстить полякамъ за зло, причиненное ими въ эпоху смутнаго времени. Но съ Польшей былъ заключенъ миръ на 14 лѣтъ, приходилось его нарушить и отвѣчать за всѣ послѣдствія, могущія произойти, вслѣдствіе этого. Инициатива возникновенія войны принадлежала правительству, оно же должно было и давать отчетъ за ея результаты. Къ тому же было неизвѣстно, какъ отнесется народъ, и безъ того раззоренный междоусобіемъ и поборами прежнихъ лѣтъ, къ перспективѣ новой войны, слѣдовательно, новаго раззоренія, поддержитъ ли онъ правительство въ этомъ трудномъ дѣлѣ и можетъ ли оно разсчитывать на него. На основаніи этого, царь и патріархъ рѣшаются обратиться къ собору, чтобъ узнать настроеніе страны и, найдя опору въ народѣ, дѣйствовать съ его помощью. До насъ дошелъ актъ этого собора [1]. «Въ 1621 г., 12 октября, говорится въ немъ, былъ у царя Михаила Ѳедоровича и у патріарха Филарета Никитича, въ золотой, большой, грановитой палатѣ соборъ. По указу государя на соборѣ были: новгородскій митрополитъ Макарій, ростовскій Варлаамъ, крутицкій Іона, а также архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборные старцы, протопопы и весь освященный соборъ; бояре: князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищами, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, жильцы, дворяне изъ городовъ, выборные и приказные люди, головы, сотники, дѣти боярскія всѣхъ городовъ, гости и торговые люди, Донскіе атаманы и казаки и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства. На соборѣ царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ Никитичъ говорили всѣмъ чинамъ Московскаго государства о неправдахъ и клятвопреступленіи исконнаго московскаго врага, польскаго короля Сигизмунда и сына его Владислава, что король Сигизмундъ нарушилъ мирный договоръ, заключенный послами обоихъ государствъ, что польскіе урядники въ пограничныхъ городахъ въ своихъ «ссылочныхъ» листахъ называютъ королевича Владислава царемъ и великимъ княземъ всея Русіи, что польскіе люди въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ то: въ Путивль-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 57, стр. 227; Книги разрядныя; т. I, стр. 773.

скомъ, въ Брянскомъ, въ Луцкомъ, въ Торопецкихъ уѣздахъ и въ Поцынской волости наносятъ большой ущербъ русскимъ интересамъ, строятъ, напримѣръ, свои слободы и остроги, варятъ селитру (въ 70-ти мѣстахъ Путивльскаго уѣзда), жгутъ золу, ловятъ рыбу, бьютъ звѣря, грабятъ и побиваютъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сгоняютъ ихъ съ ихъ помѣстій, однимъ словомъ, «во многія мѣста вступаются неправдою и освапваютъ не по дѣлу». До сихъ поръ еще поляки не отпустили всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и продолжаютъ величать Владислава русскимъ царемъ. Изъ Серпейска же польскіе урядники «въ своихъ воровскихъ листахъ государево имя писали непригоже». И все это дѣлается для того, чтобъ разорить до конца Московское государство и ввести латинскую вѣру. Въ прошломъ 1620 году къ Покрову (1-го октября) пріѣхали польскіе послы Слизень и Анфоровичъ, присланные панами рады, съ грамотой отъ послѣднихъ, въ которой (послы говорили тоже самое) титулъ царя не былъ прописанъ, какъ слѣдуетъ, причемъ отвергалось даже самое родство государя съ прежними царями, въ то время, какъ Владиславъ назывался русскимъ царемъ и т. п. И, если король Сигизмундъ будетъ продолжать поступать такимъ образомъ, то царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ Никитичъ вынуждены будутъ стоять за православную вѣру, за Божьи церкви и за всѣхъ людей Московскаго государства. Турецкій же султанъ Османъ прислалъ къ государямъ своего посла грека Ѳому Кантакузина съ подарками и съ грамотами, въ которыхъ предлагаетъ свою дружбу и союзъ противъ общаго врага, польскаго короля Сигизмунда. Османъ даже ополчился противъ поляковъ, чтобъ отмстить имъ за разореніе Московскаго государства и завелъ съ ними войну на 10 лѣтъ. Турки ужъ выступили въ походъ въ апрѣлѣ и совѣтуютъ сдѣлать тоже самое русскимъ, чтобъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и возвратить утерянные города. Крымскій ханъ также присоединился къ туркамъ и проситъ Великихъ государей «идти на Литовскаго короля съ ихъ Государскія стороны», говоря, что Сигизмундъ предлагалъ ему свой союзъ и подстрекалъ противъ Москвы, но что онъ отказался отъ подобнаго союза, такъ какъ держитъ сторону Турецкаго султана. Также и шведскій король Густавъ-Адольфъ прислалъ къ нимъ, Государямъ своихъ пословъ съ предложеніемъ союза противъ поляковъ. Но, что они, Великіе Государи, не желая кровопролитія, велѣли боярамъ снестись обо всѣхъ этихъ дѣлахъ съ панами рады и, если Сигизмундъ, по прежнему, будетъ продолжать свою политику, то они рѣшились присоединиться къ союзникамъ, тѣмъ болѣе, что если положеніе Польши улучшится, то поляки начнутъ вновь «на Московское государство умышлять и всякія неправды дѣлати, по прежнему своему злому умыслу». Да, кромѣ того, султанъ, ханъ и король, въ случаѣ бездѣйствія русскихъ, изъ союзниковъ могутъ пре-

вратиться во враговъ.—Всѣ чины Московскаго государства били государямъ челомъ, чтобъ они стояли за Божьи церкви, за свою государскую честь и за государство противъ недруга своего, короля Сигизмунда и сына его Владислава. Духовенство объявило, что оно будетъ молить Бога и чудотворцевъ о побѣдѣ надъ врагомъ и о дарованіи скораго мира. Члены служилаго сословія, что они за «ихъ Государей и за ихъ Государство противъ Польскаго и Литовскаго короля ради битися, не щадя головъ своихъ». Кромѣ того, дворяне и дѣти боярскія просили «чтобъ велѣли ихъ въ городѣхъ разобрати, кому мочно ихъ Государева служба служити, чтобъ дворяне и дѣти боярскіе никаковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ». Гости же и торговые люди предложили казнѣ свои деньги, «какъ кому мочно, смотря по ихъ прожиткамъ». Тогда соборъ постановилъ «разобрати по городамъ» дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ, а для «разбора» послать въ города бояръ, дворянъ и дьяковъ. Рѣшено было также послать «съ собору» во всѣ города грамоты о состоявшемся рѣшеніи и съ приказаніемъ готовиться къ войнѣ. «И по государеву указу, посланы въ городы для разбора бояре, и дворяне, и дьяки: въ Ярославль бояринъ князь Д. Т. Трубецкой, да дьякъ Марко Поздѣевъ» и т. д. (идетъ подробный перечень всѣхъ лицъ, разосланныхъ по городамъ). Актъ заканчивается слѣдующими словами: «А Государевы, Царевы и Великаго Князя Михаила Өедоровича всея Русіи наказы боярамъ, и дворянамъ, и дьякамъ даны, и грамоты указныя къ боярамъ и воеводамъ о разборѣ посланы противъ наказовъ» [1]).

Кромѣ акта, до насъ дошли еще памятники, свидѣтельствующіе о дѣятельности собора 1621 года, это: наказъ, данный Михаиломъ Өедоровичемъ боярину князю Лобанову-Ростовскому и дьяку Трескину «о бытіи имъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, для выбора Понизовыхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на службу» и двѣ грамоты, посланныя «съ собору» въ города [2]). Изъ наказа видно, что царь приказалъ вышепоименованнымъ лицамъ «ѣхати въ Нижній-Новгородъ», чтобъ «разбирати дворянъ и дѣтей боярскихъ: Нижегородцевъ, Арзамасцевъ, Вязьмичъ, Дорогобужанъ, Балахонскихъ помѣщиковъ, да Нижегородскихъ иноземцевъ: Литву и Нѣмецъ, да Казанскихъ городовъ дѣтей боярскихъ Алатарцевъ, Стародубцевъ, Рославцевъ, которымъ велѣно быть на

[1]) На этотъ разъ даже такой скептикъ, какъ г. Чичеринъ не рѣшается прямо утверждать, что соборъ 1621 г. былъ пародіей на соборъ, какъ въ 1618 г. „Трудно сказать (sic!), говоритъ г. Чичеринъ, имѣлъ ли тотъ же характеръ соборъ 1621 г., созванный по случаю новой войны съ Польшей... Можетъ быть, на этотъ разъ, сочли нужнымъ созвать людей со всего государства“ (sic!). См. О народномъ представительствѣ, стр. 371.

[2]) Вторая относится уже къ 1622 г. и послана пять мѣсяцевъ спустя, послѣ открытія соборныхъ засѣданій, впрочемъ, о ней мы еще будемъ говорить.

Алатарѣ, Курмышанъ и Курмышскихъ помѣщиковъ, Вязьмичъ, Рославцевъ, и Курмышскихъ и Алатарскихъ и Арзамаскихъ князей и мурзъ, и татаръ, и атамановъ, и ясауловъ, и казаковъ Алатарскихъ помѣщиковъ». Пріѣхавъ въ Нижній, князь Лобановъ и дьякъ Трескинъ обязаны были призвать къ себѣ всѣхъ лицъ, вышеназванныхъ категорій, «пересмотрѣть по спискамъ всѣхъ на лицо» и совершить имъ «разборъ». «А выслать ихъ велѣти городы порознь: которому городу напередъ податно пріѣхати въ Нижній, и тѣ бъ городы къ разбору ѣхали напередъ; а которымъ городамъ въ Нижній ѣхати подалѣ, и тѣмъ городамъ къ разбору ѣхати опослѣ; а всѣхъ городовъ вдругъ выслати къ себѣ въ Нижній не велѣть, для того, чтобъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и Татарамъ, пріѣхавъ изъ городовъ всѣмъ вдругъ, лишняго житья въ Нижнемъ не было». Пересмотря всѣхъ «на лицо» князь Лобановъ и дьякъ Трескинъ должны были сказать имъ рѣчь, въ которой изложить послѣднія событія и выставить на видъ «неправды» короля Сигизмунда и королевича Владислава. «И мы, Великій Государь, долженъ былъ, между прочимъ, передать Лобановъ отъ имени Михаила Ѳедоровича, совѣтовавъ о томъ съ отцемъ нашимъ, съ Великимъ Государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи и говоря съ бояры нашими, учиня соборъ нашимъ всѣхъ чиновъ людямъ» рѣшили воевать съ поляками, въ случаѣ отказа съ ихъ стороны исполнить требованія московскаго правительства. «И для того во всѣ городы послали есмя бояръ нашихъ, и дворянъ, и дьяковъ, а велѣли имъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей пересмотрѣти и велѣли разобрати, какъ кому быти на нашей службѣ, и они бъ дворяне и дѣти боярскіе сами про себя и про свою братію сказывали по нашему крестному цѣлованью вправду, какъ кому быти на нашей службѣ, и на нашу бъ службу были готовы». Затѣмъ выбрать окладчиковъ, по возможности, такихъ, которые ужъ занимали эту должность; если же потребуется избрать новыхъ, «то избирать ихъ, сколько пригоже» и непремѣнно «городомъ», а самимъ (т. е. Лобанову и Трескину) надъ ними того смотрѣти». Выбравъ, привести ихъ къ крестному цѣлованію, чтобъ говорили правду, какое за кѣмъ помѣстіе и вотчина, «какъ кому мочно Государева служба служить», сколько у кого дѣтей и т. п. Все, что окладчики скажутъ, «и то велѣти написати именно». Въ случаѣ же возникновенія спора между окладчикомъ и кѣмъ бы то ни было, «про то распрашивати всего города, да какъ скажутъ, такъ про него имъ написати, а иныхъ, про которыхъ споръ будетъ и розняти будетъ нечѣмъ, и тѣхъ помѣстія и вотчины велѣти дозирати». Однимъ словомъ, на обязанности окладчиковъ было: дать самыя точныя свѣдѣнія, касательно лицъ и имущества служилаго сословія, чтобъ правительство, въ случаѣ надобности, призывая дворянъ и дѣтей боярскихъ къ

оружію, могло ими руководствоваться. Если же окладчики «учнутъ лгать и правды сказывать не учнутъ», то уличать ихъ всѣмъ городомъ и, если отыщется виновный, то «послати его въ тюрьму или бити батоги, смотря по винѣ». «А разобравъ и пересмотрѣвъ въ Нижнемъ, такъ заканчивается наказъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ Нижегородцевъ, Арзамасцевъ, Алатарцевъ, Курмышанъ и иные городы по списку и сдѣлавъ списки и перечневую роспись противъ наказа, про всѣ статьи подлинно прислать къ Государю тотчасъ, а присылати по городамъ порознь: который городъ на передъ сдѣлаютъ, того города и списки подлинные и перечневую роспись прислати напередъ; а дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и Татарамъ сказати, чтобъ они на Государеву службу были готовы, лошади кормили, и запасы себѣ пасли, и ожидали о службѣ Государева указу вскорѣ. А какъ всѣ городы противъ наказа разберутъ, и имъ тѣхъ всѣхъ городовъ и десятинъ велѣти сдѣлати противъ подлинныхъ списковъ, каковы списки пошлютъ къ Государю къ Москвѣ, а сдѣлавъ десятни по городамъ порознь, по статьямъ противъ наказа, ѣхати къ Государю, Царю и Великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи къ Москвѣ» [1]).

Содержаніе первой грамоты, посланной «съ собору» наполнено перечисленіемъ всѣхъ «неправдъ» и «клятвопреступленій», совершенныхъ поляками по отношенію къ Московскому государству, начиная съ появленія Лжедимитрія и до послѣдняго времени. «И мы, Великій Государь, говорится въ грамотѣ, не истерпя такихъ многихъ грубостей и неправдъ... совѣтовавъ съ... патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ и говоря съ бояры своими, учиня соборъ и призвавъ къ себѣ на соборъ» всѣхъ чиновъ людей, заявили имъ обо всемъ и постановили: если поляки не «исправятся», то объявить имъ войну, заключивъ союзъ съ Османомъ и Густавомъ Адольфомъ. «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, вы бъ созвали новгородскихъ всякихъ чиновъ людей и прочли имъ эту грамоту (грамота адресована на имя новгородскаго воеводы князя Мезецкаго и дьяковъ Милославскаго и Семенова), чтобъ митрополитъ Макарій (новгородскій) молилъ Бога о насъ, о родителяхъ нашихъ и «подалъ побѣду и одолѣніе на вся враги наша и покорилъ бы подъ ноги наша всякаго врага и супостата». А дворянамъ бы есте, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ служилымъ людемъ нашу службу сказали, чтобъ они на нашу службу были готовы... и ожидали бъ нашихъ грамотъ, какъ имъ велимъ быти на нашей службѣ» [2]).

---

[1]) Архивъ минист. юстиціи, Дѣла Московскаго стола Разряднаго приказа, книга 10, листы 33 об.—67 об. См. также Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. III, № 59, стр. 235 и Книги разрядныя, т. I, стр. 785.

[2]) Архивъ минист. юстиціи, Дѣла Московскаго стола Разряднаго приказа, книга 10, листы 67 об.—96. См. также Книги разрядныя, т. I, стр. 805.

Вторая грамота (тоже въ Новгородъ) помѣчена 14 мартомъ 1622 г. и извѣщаетъ о дальнѣйшихъ событіяхъ, происшедшихъ уже послѣ посылки первой. Правительство сообщаетъ новгородцамъ, что «бояре съ собору послали въ Польшу гонца Борнякова съ грамотою, а въ грамотѣ своей писали тѣ ихъ всѣ неправды подлинно». Въ февралѣ гонецъ возвратился обратно и привезъ отвѣтъ отъ пановъ рады. Отвѣтъ былъ преисполненъ всякими дерзостями и грубостями и поляки нисколько не выказали намѣренія «исправиться». Кромѣ того, гонецъ привезъ извѣстіе, что «на весну» турки и крымцы «идутъ на Литовскаго короля со многими людми». Также изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что вскорѣ предстоитъ война между Турціей и Польшей, въ виду всего этого «мы, совѣтовавъ съ отцемъ нашимъ... патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, учиня соборъ, говорили... митрополитомъ, и архіепископомъ, и епископомъ, и всему освященному собору, и бояромъ нашимъ, и думнымъ людемъ, и дворяномъ, и всего Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, что намъ... такихъ неправдъ и многихъ грубостей и своему имени безчестье болши того терпѣти не мочно... И указали есмя съ собору всѣмъ служилымъ людемъ быти на нашу службу готовымъ и ожидати нашихъ грамотъ». «И какъ вамъ ся наша грамота придетъ», вы бъ распорядились, чтобъ она была прочтена всякихъ чиновъ людямъ для того, чтобъ митрополитъ молилъ Бога о дарованіи намъ побѣды, а служилые люди были бъ готовы къ войнѣ» [1]).

Рѣшеніе собора однако не было приведено въ исполненіе и миръ съ Польшей не нарушался до 1632 г., такъ какъ одинъ изъ главныхъ агитаторовъ въ пользу войны, султанъ Османъ потерпѣлъ неудачу и, возвращаясь въ Константинополь, былъ убитъ возмутившимся войскомъ. Густавъ-Адольфъ же счелъ за лучшее заключить съ Сигизмундомъ миръ, что и было исполнено въ Ливоніи.

Послѣ 1622 г., земскіе соборы утратили свой постоянный характеръ и стали созываться только для извѣстныхъ конкретныхъ случаевъ [2]). Государство успѣло уже настолько придти въ нормальное состояніе, что правительство не нуждалось въ постоянномъ

---

[1]) Архивъ минист. юстиціи, Дѣла Московскаго стола Разряднаго приказа, книга 10, листы 99—110 об. См. Также Книги разрядныя, т. I, стр. 824. Такимъ образомъ, на основаніи этой грамоты, можно предположить, что соборъ, созванный, какъ извѣстно, 12 октября 1621 г., продолжалъ засѣдать еще въ мартѣ 1622 г. Конечно, мыслимо и другое предположеніе, по которому соборъ 1622 г. былъ уже новымъ соборомъ, созваннымъ для обсужденія результатовъ поѣздки гонца Борнякова, но первое предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

[2]) Г. Загоскинъ предполагаетъ, что постоянный соборъ прекратилъ свое существованіе послѣ 1619 г. Очевидно, подобное мнѣніе не вѣрно.

содѣйствіи народа. Однако, каждый разъ, когда дѣла осложнялись, правительство созывало народныхъ представителей и, какъ прежде, опиралось на нихъ, вручая имъ въ руки судьбы всего государства. Благіе результаты подобной политики не замедляли сказываться и, какъ правительство, такъ и народъ выходили побѣдителями изъ всякихъ «осложненій», продолжая трудиться совокупными усиліями для блага государства.

Въ 1632 г. умеръ польскій король Сигизмундъ и въ Польшѣ началась анархія, являвшаяся непремѣннымъ условіемъ при избраніи новаго короля. Этимъ временемъ воспользовались московскіе «Великіе Государи», чтобъ начать непріязненныя дѣйствія противъ поляковъ и уничтожить условія Деулинскаго мира. Очевидно, ни патріархъ Филаретъ, ни сынъ его никогда не отказывались отъ этой мысли. Они выжидали только удобнаго времени и случая, чтобъ напасть на Польшу и отмстить ей за прежнее зло. Подобная попытка была совершена въ 1621 году, но тогда она неудалась. Новый случай представился въ 1632 г., имъ и воспользовались московскіе правители. Разсчетъ ихъ однако оказался невѣрнымъ и ужъ при началѣ войны, не смотря на ея удачный ходъ, оказался недостатокъ въ средствахъ и пришлось обратиться къ народу, прося у него помощи въ этомъ отношеніи... Разсматривая событія данной эпохи, можно задаться вопросомъ: почему правительство, желая объявить войну не созвало собора и не поступило такъ, какъ въ 1621 г., при совершенно аналогичныхъ обстоятельствахъ? Намъ кажется здѣсь могутъ быть двѣ причины: или правительство не считало нужнымъ опираться на народъ и спрашивать его согласіе, потому что послѣдній ужъ высказался по данному вопросу 11 лѣтъ тому назадъ и оно не считало возможнымъ измѣненія народнаго настроенія по отношенію къ исконному врагу Россіи, или правительство не считало самую войну настолько опасной въ 1632 г., какъ въ 1621 г., когда, хотя и приходилось дѣйствовать въ союзѣ съ другими государствами, но за то и Польша не была раздираема междоусобіями, представляя могущественное цѣлое, исходъ борьбы съ которымъ могъ быть неизвѣстенъ. Примѣры турецкаго султана и шведскаго короля служатъ подтвержденіемъ истинности нашихъ словъ. Если бъ Филаретъ и Михаилъ считали свой шагъ рискованнымъ, они бъ обратились къ народу, что дѣйствительно и случилось, когда оказался недостатокъ въ средствахъ и когда счастіе въ слѣдующемъ 1633—1634 году измѣнило русскому оружію...

Первый соборъ состоялся въ 1632—1633 г. Мы ужъ сказали, какія были причины его созванія. Хотя рѣшеніе правительства начать войну съ Польшей не было санкціонировано народомъ, слѣдовательно, отвѣтственность за него падала на правительство, это последнее сочло необходимымъ обложить народъ новымъ налогомъ на военныя издержки, для чего и созвало соборъ. Актъ его до насъ

не дошелъ, но мы знаемъ о существованіи собора изъ другихъ источниковъ. Такъ, въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ годомъ 7141 (1632) записано слѣдующее событіе: «Въ 141 году, ноября въ 11 день, въ воскресенье въ столовой былъ Государь и святѣйшій государь патріархъ на соборѣ для денежнаго сбору ратнымъ людямъ на жалованье. И съ того числа указалъ Государь и святѣйшій государь патріархъ на Москвѣ сбирать деньги: бояриму князю Д. М. Пожарскому да... архимариту Левкею, да М. Ѳ. Глѣбову, да дьякомъ: ...В. Копнину, да Б. Степанову съ бояръ, съ окольничихъ, и съ дворянъ, и съ дьяковъ, и съ гостей, что кто дастъ, да и съ гостей же и съ торговыхъ людей пятую деньгу. А во всѣ городы для тѣхъ же запросныхъ и пятинныхъ денегъ указали послать властей, и дворянъ, и подъячихъ» [1]). Другое указаніе на существованіе этого собора находится въ актѣ слѣдующаго собора, бывшаго въ 1633—1634 г. [2]). На этомъ соборѣ была произнесена рѣчь, (въ актѣ не упоминается, кто произнесъ ее) начинавшаяся слѣдующими словами: «Въ прошломъ во 141 году Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, совѣтовавъ съ отцомъ своимъ, блаженныя памяти (патріархъ Филаретъ умеръ за нѣсколько времени передъ тѣмъ) съ великимъ государемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всеа Русіи, *объявили вамъ на первомъ соборѣ»* и т. д. Итакъ, изъ этой рѣчи видно, что въ «прошломъ 141 году» т. е. въ 1633 г. (по старому лѣтосчисленію, когда новый годъ начинался съ 1-го сентября). Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ Филаретъ созвали соборъ, считавшійся ими *первымъ* по отношенію къ собору 1634 г. (по старому лѣтосчисленію). Существуютъ еще два памятника, свидѣтельствующихъ о бытности собора 1632—1633 г., это: наказъ, данный Д. М. Пожарскому и архимандриту Левкею, которымъ, какъ извѣстно, было поручено соборомъ собрать деньги и царская грамота въ Бѣлозерскій Кириловъ монастырь о сборѣ и доставленіи въ Москву денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. «Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, говорится въ наказѣ, совѣтовавъ съ митрополиты, и со архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людми, и съ стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны, и съ приказными людми, и съ гостми, и всякихъ чиновъ съ людми». Далѣе говорится, что на соборѣ было постановлено, чтобъ всѣ чины «въ вспоможенье ратнымъ людемъ на жалованье дали денегъ». «А съ тор-

[1]) Дворцовые разряды, т. II, стр. 299.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 99, стр. 342; Акты Арх. Эксп. т III, № 242, стр. 365; Книги разрядныя, т. II, стр. 611.

говыхъ съ Московскихъ людей, и въ городѣхъ съ гостей, и съ торговыхъ съ лутчихъ и съ середнихъ съ молотчихъ людей» указано было взять «пятую деньгу»; также и съ членовъ служилаго сословія «въ городѣхъ» рѣшено было: «взяти на жалованье ратнымъ людемъ, кто что дастъ». На соборѣ всѣ чины (между прочимъ, «гости, и гостинныя, и суконныя сотни, и черныхъ сотенъ, и всякіе люди») били челомъ: «власти, Крутицкой митрополитъ Павелъ и иные власти» дали свои домовыя и келейныя деньги, члены служилаго сословія «говорили, что они въ вспоможенье ратнымъ людемъ денегъ дадутъ, а что кто дастъ, и тому они принесутъ росписи». Далѣе наказъ содержитъ въ себѣ правила, которыми должны были руководствоваться Пожарскій и митрополитъ Левкій при исполненіи порученія, даннаго имъ соборомъ [1]). Тоже свидѣтельство (даже тѣми же словами) о бытности собора 1632—1633 г. находится также и въ грамотѣ въ Бѣлозерскій монастырь, предписывавшей «богомольцамъ» этого монастыря исполнить постановленіе собора и выплатить слѣдуемую съ нихъ сумму, приславъ ее въ Москву «въ Приказъ сборныхъ и пятинныхъ денегъ» Пожарскому и митрополиту Левкію [2]).

Было уже упомянуто выше, что вначалѣ война была очень удачна для русскихъ. Пользуясь междоусобіями въ Польшѣ, русское войско одерживало одну побѣду за другой. Масса городовъ перешла въ ихъ руки и Шеинъ (главнокомандующій русскимъ войскомъ) осадилъ уже Смоленскъ. Послѣ 8-ми мѣсячной осады, поляки готовы были сдаться, какъ вдругъ дѣла перемѣнились и побѣдители должны были помѣняться ролями съ побѣжденными. Въ виду опасности со стороны Московскаго государства, грозившей всей Польшѣ, поляки прекратили свои распри и избрали королемъ Владислава, сына Сигизмунда III и бывшаго претендента на Московскій престолъ. Первымъ дѣломъ новаго короля было отправиться съ войскомъ на помощь осажденному Смоленску. Шеинъ былъ стѣсненъ съ двухъ сторонъ и его положеніе съ каждымъ днемъ ухудшалось, въ особенности, послѣ того, какъ Дорогобужъ, находившійся въ тылу русскаго войска, былъ взятъ поляками. Пути къ отступленію были пресѣчены и русскіе гибли отъ постоянныхъ стычекъ съ непріятелемъ и отъ холода и голода. Еще раньше передъ этимъ, крымскіе татары, по наущенію Владислава, вторглись въ предѣлы Московскаго государства и предавали огню и мечу все, что попадалось имъ на пути. Тогда, много ратныхъ людей, служившихъ въ войскѣ Шеина и имѣнія которыхъ пострадали отъ вторженія крымцевъ, ушли изъ подъ Смоленска защищать свое имущество, чѣмъ еще болѣе ослабили войско. Михаилъ Өедоровичъ, находясь въ

---

[1]) Книги разрядныя, т. II, стр. 480.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 211, стр. 309.

подобныхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и лишась, вдобавокъ ко всему этому, своего постояннаго совѣтника, патріарха Филарета, созвалъ земскій соборъ (благо представители народа, выбранные на соборъ 1632—33 г. продолжали жить въ Москвѣ), чтобъ съ его помощью спасти государство и возвратить миръ, утраченный по милости «Великихъ Государей».

Г. Загоскинъ придерживается того мнѣнія, что соборъ, созванный въ 1632—33 г. «въ виду продолжавшейся войны и въ виду тяжелаго положенія государства, не былъ распускаемъ въ теченіи всего слѣдующаго года». Г. Загоскинъ вполнѣ правильно считаетъ соборъ, созванный въ январѣ 1633—34 г. продолженіемъ собора 1632—33 г., такъ какъ послѣдній «составился изъ нераспущенныхъ выборныхъ 1632—33 г.». Доказательства истинности этого мнѣнія, онъ видитъ во 1) въ томъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ 28-го января указалъ быть собору, а 29-го состоялось уже первое засѣданіе и во 2) въ томъ, что въ рѣчи, которою открылось засѣданіе собора, упоминается о соборѣ 1632—33 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:... «объявили вамъ на *первомъ* соборѣ». «Ясно, говоритъ г. Загоскинъ, что рѣчь обращена къ выборнымъ 1632 г. и что осенью 1632 г. происходило лишь первое засѣданіе ихъ [1]). Г. Чичеринъ допускаетъ другое предположеніе, а именно, что соборъ 1633 г. былъ исключительно московскимъ соборомъ, т. е. такимъ, на которомъ присутствовали только москвичи. Но едва ли это предположеніе вѣрно. Михаилъ Ѳедоровичъ нуждался въ поддержкѣ всей земли, а не одной Москвы и, наконецъ, въ прошломъ у не было прецедентовъ для созыва исключительно представителей столицы. Онъ привыкъ опираться на весь народъ и совѣщаться съ представителями всего государства. Съ созывомъ выборныхъ только отъ Москвы терялся всякій смыслъ существованія, всякій raison d'être земскихъ соборовъ. Наконецъ самъ г. Чичеринъ противорѣчитъ себѣ. Постараемся это доказать. «Изъ этого (1634 г.) акта, говоритъ г. Чичеринъ, можно, повидимому, вывести заключеніе, что въ то время въ Московскомъ государствѣ чрезвычайныя подати взимались не иначе, какъ съ согласія самихъ плательщиковъ. На дѣлѣ такъ и было, ибо,

---

[1]) Ист. права Моск. госуд. т. I, стр. 260. Къ доказательствамъ г. Загоскина можемъ прибавить еще одно, (о которомъ г. Загоскинъ ничего не говоритъ) являющееся, на нашъ взглядъ, самымъ убѣдительнымъ. Это одно мѣсто въ рѣчи, начало которой г. Загоскинъ приводитъ. „А въ прошломъ въ 141 г., по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и отца его, Государева, блаженныя памяти великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу, *а по приговору васъ, властей и бояръ, и думныхъ, и всякихъ чиновъ людей, съ соборнаго уложенья сбирано*"... и т. д. Изъ этого мѣста ясно, что выборные на соборѣ 1633—34 г. были тѣми же выборными, которые въ 1632—33 г. постановили собрать „пятую деньгу".

если трудно было собрать подати, наложенныя соборнымъ опредѣленіемъ, то еще менѣе представлялось возможности сбирать ихъ безъ воззванія къ патріотическимъ чувствамъ и къ добровольному согласію земскихъ людей» [1]). Если признать вѣрнымъ, что въ Московскомъ государствѣ чрезвычайныя подати взимались не иначе, какъ съ согласія самихъ плательщиковъ, то ipso facto соборъ 1634 г., созванный для полученія чрезвычайныхъ сборовъ въ пользу войны, долженъ былъ быть соборомъ всего государства, такъ какъ подать налагалась на всѣхъ гражданъ, а не на однихъ москвичей. Рѣшеніе этихъ послѣднихъ было бы необязательно для жителей другихъ городовъ, не участвовавшихъ на соборѣ, а, согласно съ г. Чичеринымъ, платить тотъ, кто самъ обязался платить, наложивъ на себя извѣстную подать. Вотъ выводъ, къ которому мы неизбѣжно придемъ, признавъ вѣрнымъ положеніе автора «О народномъ представительствѣ». Г. же Чичеринъ, признавая, что чрезвычайныя подати взимались не иначе, какъ съ согласія самихъ плательщиковъ, старается доказать существованіе такого факта, который именно опровергаетъ его мнѣніе.

Отъ собора 1633—34 г. до насъ дошелъ его актъ [2]). Изъ него видно, что Михаилъ Ѳедоровичъ «указалъ 28-го января быти на соборѣ» всѣмъ чинамъ Московскаго государства и что соборъ состоялся на слѣдующій день, 29-го января въ Столовой избѣ. На немъ принимали участіе: 3 митрополита, (Кипріянъ новгородскій, Варлаамъ ростовскій и Павелъ крутицкій) 5 архіепископовъ, (вологодскій, рязанскій, суздальскій, тверской, псковской) 1 епископъ, (коломенскій) архимандриты и игумены (изъ Москвы и изъ городовъ), бояре, окольничіе, думные люди, стольники, дворяне, приказные люди, гости и торговые люди гостинной, суконной и черныхъ сотенъ. Сколько было всѣхъ выборныхъ—неизвѣстно, такъ какъ въ актѣ объ этомъ ничего не говорится... Соборъ открылся рѣчью, неизвѣстно кѣмъ сказанной или прочитанной. Въ ней описывалась длинная исторія всякихъ «неправдъ» и «клятвопреступленій», совершенныхъ поляками противъ русскихъ. Всѣ эти «неправды» были изложены при описаніи прежнихъ соборовъ, а такъ какъ у нашихъ предковъ была большая страсть пережевывать одно и тоже и переливать изъ пустаго въ порожнее, то повторять ихъ вновь совершенно излишне. Изъ изложенія этихъ «неправдъ» видно только страстное желаніе московскаго правительства во что бы то ни стало начать войну съ Польшей и затѣмъ, когда эта война привела къ довольно печальнымъ результатамъ, оправдаться передъ народными представителями, взваливъ всю войну на поляковъ. «И царь съ патріархомъ, говорится

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 373.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 99, стр. 342: Акты Арх. Эксп. т. III, № 242, стр. 365; Книги разрядныя, т. II, стр. 611.

въ актѣ, послали М. Б. Шеина съ товарищами къ Дорогобужу и къ Смоленску, С. В. Прозоровскаго къ Бѣлой и Б. Нагого къ Серпейску и къ другимъ польскимъ городамъ. Съ Шеиномъ послано большое войско, причемъ служилымъ людямъ дано государево жалованье и мѣсячный кормъ. Благоря помощи Бога и радѣнью М. Б. Шеина, русскіе взяли Дорогобужъ, Бѣлую, Серпейскъ, Себежъ, Красный, Невль, Рославль, Почепъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Трубчевскъ, Полоцкъ, выжгли посады и остроги подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озерищемъ, Лужею, Мстиславлемъ, Кричевомъ, взяли Освею, Друю, Сурожъ, Батуринъ, Ромонъ, Ивангородъ, Борзну, Ясеничи и Косеничи. Въ нихъ плѣнили «подвоеводъ», урядниковъ, ротмистровъ и капитановъ, побили многихъ польскихъ и литовскихъ людей, взяли много трофеевъ, какъ то: знамена, барабаны и т. п. Затѣмъ М. Б. Шеинъ осадилъ Смоленскъ и нанесъ большой ущербъ полякамъ. Тогда король Владиславъ, видя «большую тѣсноту надъ Смоленскомъ», наслалъ на Московское государство крымскаго царя. Въ Россію вторгся сынъ его, царевичъ Мумаракъ Гирей, раззорилъ и сжегъ многіе украинскіе города и не мало народу взялъ въ плѣнъ. Этимъ король Владиславъ «государеву дѣлу поруху учинилъ многую», такъ какъ дворяне и дѣти боярскія украинскихъ городовъ, находившіеся подъ Смоленскомъ, видя раззоренье своихъ помѣстій и вотчинъ и плѣненіе своихъ семействъ, оставили войско и уѣхали въ Украйну. Владиславъ же пришелъ къ Смоленску, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Казиміромъ и со многими ратными людьми. Но Шеинъ ихъ побилъ и захватилъ плѣнныхъ и трофеи. Плѣнные же сказывали, что Владиславъ хочетъ отбить Смо*ленскъ и идти на Москву, чтобъ, по наущенію* «проклятаго Папы *Римскаго» уничтожить православіе и ввести* «проклятую папежскую *вѣру», а церкви превратить въ костелы* (послѣднее намѣреніе по*стоянно приписывалось Сигизмунду и Владиславу,* хотя довольно сомнительно, чтобъ такая цѣль была у нихъ ясно намѣчена, но московское правительство очень хорошо знало слабую струну тогдашняго русскаго общества и умѣло во время ее затрогивать. Вамъ же извѣстно, читаемъ далѣе, сколько зла причинили поляки православнымъ христьянамъ (идетъ съизнова перечисленіе этого «зла»). Затѣмъ слѣдуетъ сообщеніе о критическомъ положеніи Шеина: король «государевымъ ратнымъ людямъ тѣсноту учинилъ и дороги заступилъ», вслѣдствіе чего, царь Михаилъ Θедоровичъ послалъ на выручку Шеина князя Д. М. Черкаскаго съ ратными людьми. Но для этого требуются деньги, такъ какъ «безъ жалованья служити ему (государю) не мочно». Государева же казна «роздана всякимъ ратнымъ людемъ» и теперь правительство не обладаетъ никакими денежными средствами. По вашему же приговору и съ соборнаго уложенья было постановлено въ прошломъ году взять пятую деньгу съ имуществъ, но, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ многіе

гости и торговые люди давали ее «неправдою», не пропорціонально своимъ промысламъ и имуществамъ. Въ 1613 г. же, когда избрали царемъ Михаила Ѳедоровича, государство было гораздо болѣе раззорено и, когда положено было собрать пятую деньгу, то правительство собрало несравненно болѣе, чѣмъ теперь». Актъ заканчивается увѣщаніемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства оказать пособіе правительству и, ради спасенія православной вѣры, дать денежныя вспомоществованія: освященному собору и членамъ служилаго сословія—на жалованье ратнымъ людямъ, а гостямъ и торговымъ людямъ—«съ животовъ и съ промысловъ пятую денгу вправду». «Подобное пожертвованіе, говоритъ актъ, будетъ пріятно Богу и Государю, который «и впередъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ». Въ отвѣтъ на это обращеніе правительства, чины постановили: дать требуемую субсидію, «смотря по своимъ пожиткомъ, что кому мочно». 4-го февраля Михаилъ Ѳедоровичъ поручилъ князю Б. М. Лыкову, В. Г. Коробьину, архимандриту Ѳеодосію и дьякамъ Невѣрову и Петрову сбирать со всякихъ людей «тѣ запросные и памятные денги». Эти лица получили наказъ, помѣченный 18 февралемъ, въ которомъ была выработана процедура сбора и посылки денегъ въ Москву [1]). «Въ Москвѣ, говорится между прочимъ въ наказѣ, для сбора со всякихъ тяглыхъ людей «велѣть имъ выбрать межъ себя изъ гостей, и изъ гостиной сотни, и изъ черныхъ со всякихъ слободъ добрыхъ людей, и выборъ на нихъ за руками къ тому сбору велѣти принесть, и по тому ихъ выбору пересмотрѣть, и по смотру будетъ, которые пригодятся, велѣть привести къ крестному цѣлованью, а будетъ, которые къ такому дѣлу не пригодятся, и въ ихъ мѣсто велѣть выбрать иныхъ, и велѣть въ окладѣ быть всѣмъ вмѣстѣ, и межъ себя велѣть имъ окладыватись вправду по животомъ и по промысломъ, и къ тому окладу руки свои прикладывати»... Лица, предназначенныя для сбора денегъ, какъ то князь Лыковъ, Коробьинъ и др. должны вести приходныя книги порознь, по статьямъ и извѣщать Государя, сколько у нихъ будетъ денегъ, собранныхъ въ Москвѣ и привозныхъ изъ городовъ... До насъ дошла еще другая грамота, свидѣтельствующая о результатахъ дѣятельности разсматриваемаго собора: это грамота Михаила Ѳедоровича архимандриту Нижегородскаго Печерскаго монастыря Рафаилу о немедленномъ сборѣ на жалованье ратнымъ людямъ, по соборному уложенію, и о присылкѣ всего сбора въ Москву, къ князю Лыкову [2]).

Какъ извѣстно, цѣль созванія собора не была достигнута: Шеина не выручили и онъ, находясь въ отчаянномъ положеніи, принужденъ былъ заключить несчастный, какъ для него, такъ и для Москов-

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 245, стр. 372; Книги разрядныя, т. II, стр. 621.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т III, № 101, стр. 348.

скаго государства договоръ съ поляками [1]), по которому ему дозволялся выходъ изъ подъ Смоленска, но съ условіемъ положить пушки и знамена къ ногамъ Владислава. За это впослѣдствіи Шеина обвинили въ измѣнѣ и отрубили ему голову. Владиславъ, освободивъ Смоленскъ, двинулся къ Бѣлой, но подъ ней потерпѣлъ неудачу и, боясь нападенія шведовъ и турокъ на свои владѣнія, заключилъ съ Москвою «вѣчный миръ», по которому получилъ отъ московскаго правительства за отказъ отъ царскаго титула 20,000 рублей. Уничтожить условія Деулинскаго мира Михаилу Ѳедоровичу не удалось!..

Около этого же времени (впрочемъ, можетъ быть и раньше, а можетъ быть и позже, такъ какъ точно опредѣлить время за полнѣйшимъ отсутствіемъ памятниковъ нѣтъ никакой возможности) произошелъ какой то соборъ, созванный по поводу оскорбленій, нанесенныхъ въ Крыму московскимъ посламъ. Отъ собора сохранилось одно только мнѣніе духовенства [2]). «Благовѣрному... государю Михаилу Ѳедоровичу... богомолецъ твой Іосафъ патріархъ, начинается мнѣніе, со всѣмъ освященнымъ соборомъ Бога молимъ и совѣтъ даемъ». «Прислано ко мнѣ (патріарху) изъ Посольскаго приказа письмо, что̀ объявлено на соборѣ всякихъ чиновъ людемъ Крымскаго царя... многія неправды, что... они чинятъ въ Крымѣ твоимъ посланникамъ позоръ, и мученіе, и грабежъ, и всякую тѣсноту... и о тѣхъ злыхъ неправдахъ и о казнѣ, которая посылана по старинѣ въ Крымъ (очевидно рѣчь идетъ о денежныхъ субсидіяхъ, которыми Москва покупала себѣ спокойствіе со стороны татаръ) для дружбы и любви и казну емлютъ... какъ нынѣ быть и за мученіе твоихъ, государевыхъ людей Крымскимъ посломъ и гонцомъ что учинити?» Итакъ, содержаніе «письма», читаннаго на соборѣ заключалось въ изложеніи событій, происшедшихъ въ Крыму. Московскимъ посламъ было нанесено оскорбленіе и нарушена «дружба и любовь», ради сохраненія которыхъ, правительство посылало въ Крымъ «казну». Но въ чемъ заключалось это оскорбленіе—остается для насъ неизвѣстно. Фактъ только тотъ, что правительство придавало ему на столько важное значеніе, что созвало соборъ и предоставило на его разрѣшеніе вопросъ, что предпринять по отношенію къ Крыму и какъ отвѣтить на оскорбленіе пословъ. «И я Іосафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ дали мысль свою», такъ отвѣчало духовенство на вышесказанный вопросъ. «Наша... должная» молиться Богу о всемъ мірѣ, о благосостояніи церквей и о твоемъ (царя) здоровіи, такъ какъ ты «поставленъ еси» отъ Бога самодержцемъ. Твоя обязанность заботиться о своихъ подданныхъ («вся обладаемая тобою отъ тревол-

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 246, стр. 374.

[2]) Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Русскаго Археологическаго Общества, II, стр. 372. См. также Митр. Макарія: Исторія русской церкви, т. XI, стр. 93.

ненія спасати». Покажи, государь, «ревность и благочестіе, чтобы тебѣ... своихъ посланниковъ отъ такихъ басерменскихъ рукъ, и злаго мученія, и позоровъ, какъ мочно свободить, а царская твоя казна тѣмъ скудна не будетъ». Послѣ же освобожденія посланниковъ, можно прекратить посылку денегъ въ Крымъ, такъ какъ она не достигаетъ своей цѣли. Въ Украинскихъ городахъ необходимо «устроить ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ... какъ тебѣ, милосердому... государю Богъ извѣститъ». Что же касается до того, какъ поступить съ крымскими послами «за мученіе твоихъ, государевыхъ людей», то на этотъ вопросъ намъ отвѣчать не «пристоитъ», такъ какъ мщеніе врагамъ—предметъ не нашего вѣдѣнія, а твоего и «твоихъ боляръ, и ближнихъ людей, и твоего царскаго синклита».—Вотъ все, что намъ извѣстно объ этомъ соборѣ...

Въ 1636—1637 г. донскіе казаки убили турецкаго посла Ѳому Кантакузена и взяли приступомъ Азовъ, вырѣзавъ въ немъ все мусульманское населеніе. Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ къ нимъ по этому поводу грамоту съ выговоромъ [1]). Результатомъ взятія Азова было нашествіе на московскіе предѣлы крымскаго царевича Сафа-Гирея и ихъ опустошеніе въ видѣ мести за Азовъ. Тогда Михаилъ Ѳедоровичъ, согласно своему обычаю обращаться въ трудныя минуты къ народу, созвалъ соборъ, актъ котораго, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ. Памятникъ, свидѣтельствующій о бытности въ 1636—1637 г. собора, это царская грамота въ Устюжну Желѣзнопольскую о сборѣ денегъ, по случаю Крымской войны [2]). Грамота писана на имя «посадскихъ лучшихъ, и середнихъ, и молодчихъ людей». «Въ нынѣшнемъ 1637 году, говорится въ ней, въ сентябрѣ мѣсяцѣ Крымскій ханъ Богатъ-Гирей послалъ на наши Украйскіе города, своего брата Нарадына Сафа-Гирея съ крымскими и съ ногайскими людьми. Крымскій же царевичъ раззорилъ наши предѣлы и раньше, чѣмъ возвратиться къ себѣ домой, прислалъ къ намъ съ грамотою своего гонца, въ которой писалъ, что приходилъ въ наши города, по повелѣнью своего брата, мстя за взятіе Азова донскими казаками и что весною самъ крымскій царь съ огромною ратью готовится идти на Московское государство. Вслѣдствіе этого, «мы, Великій Государь учинили о томъ соборъ и говорили на соборѣ отцу своему и богомольцу, святѣйшему Іосафу, Патріарху Московскому и всеа Русіи, и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и архимаритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ, и стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и дьякомъ, и головамъ, и сотникамъ, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ изъ городовъ, и гостемъ, и торговымъ, и всякимъ жилецкимъ людемъ, объявили», какъ намъ стоять противъ нашего

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 108, стр. 367.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 275, стр. 418.

непріятеля, крымскаго хана и какъ ратныхъ людей собирать, чтобъ Божьи церкви не были осквернены, государство раззорено и православные люди въ плѣнъ не попались. Ратные же люди въ числѣ уменьшились и «безъ прибавочныхъ людей съ земель быти не мочно». Тогда соборъ приговорилъ: испрося у Бога милости, стоять противъ крымскаго царя и объявить ратнымъ людямъ о предстоящемъ походѣ. Взять съ дворцовыхъ селъ, съ двадцати дворовъ по человѣку, съ земель же, принадлежащихъ духовенству, взять даточныхъ пѣшихъ людей, съ десяти дворовъ по человѣку. Съ вотчинъ и помѣстій, принадлежащихъ членамъ служилаго сословія, взять также съ двадцати дворовъ по человѣку. Съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей, съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей. Съ городовъ, съ посадовъ, съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей, вмѣсто даточныхъ людей, взять по 20-ти рублей съ 10-ти дворовъ, т. е. съ двора по 2 рубля. Собрать эти деньги было поручено князю И. А. Голицыну и дьякамъ Чирикову и Евсѣеву. Грамота заканчивается приказаніемъ посадскимъ людямъ исполнить постановленіе собора, чтобъ «нашему великому и земскому дѣлу мотчанья и порухи не было» [1])...

Приготовленія Московскаго государства къ войнѣ оказались излишними, такъ какъ угроза крымскаго царевича не сбылась и никакого

---

[1]) Въ Дворцовыхъ разрядахъ записано подъ годомъ 7146 (1637) одно извѣстіе, которое можно принять за доказательство существованія разсматриваемаго собора. „Того же мѣсяца сентября въ 24 день, читаемъ въ разрядахъ, по Крымскимъ же вѣстямъ, указалъ Государь быть на Москвѣ боярамъ и воеводамъ противъ Крымскаго царевича Нурадина (какъ извѣстно, нашествіе этого царевича было поводомъ созванія собора)... Съ бояриномъ князь И. А. Голицынымъ указалъ Государь быть стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ Московскимъ, и жильцомъ, *и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ изъ городовъ*, и атаманомъ, и казакомъ, и дворовымъ людемъ"... (т. II, стр. 555). Присутствіе въ Москвѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ объясняется, по нашему мнѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ бытностью въ это время собора. Существуетъ еще свидѣтельство о распоряженіи правительства касательно присылки выборныхъ на какой-то неизвѣстный соборъ, долженствовавшій имѣть мѣсто въ первой половинѣ 1637 года. (См. Загоскина: Столы разряднаго приказа, по хранящимся въ московскомъ архивѣ минист. юстиціи книгамъ ихъ, стр. 14). Свидѣтельство это находится въ Записной книгѣ № 3 (л. 135 об.) Московскаго стола Разряднаго приказа Архива минист. юстиціи. „Декабря въ 17 день (1636 г.), говоритъ Записная книга, посланы въ города государевы грамоты о дворянѣхъ и о дѣтяхъ боярскихъ, а, по государеву указу, *велѣно дворянъ и дѣтей боярскихъ выслать изъ городовъ по пти человѣкъ для государева и земскаго дѣла*". Весьма возможно, что этотъ неизвѣстный соборъ, начавшій засѣдать въ первой половинѣ 1637 года, былъ тѣмъ же соборомъ, который во второй половинѣ этого года занимался крымскими дѣлами. Въ этомъ насъ убѣждаетъ и та поспѣшность, съ которой былъ созванъ разсматриваемый соборъ: въ сентябрѣ вторгся крымскій царевичъ и въ сентябрѣ уже засѣдалъ соборъ. Очевидно, выборные жили въ Москвѣ и поспѣшить на зовъ Михаила Ѳедоровича для нихъ не составляло никакой трудности.

нападенія на Москву не было. Донцы продолжали безнаказанно владѣть Азовомъ и тревожить крымцевъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ продолжалось до 1641 г. Въ этомъ году султанъ Ибрагимъ I-ый, вполнѣ приготовившись къ войнѣ, съ огромнымъ войскомъ (240000 человѣкъ и 100 пушекъ) двинулся къ Азову и осадилъ его. Казаки мужественно защищались и отбили всѣ приступы турокъ (числомъ 24). Турецкая артиллерія, хотя и значительно разрушила Азовъ, но помочь взять его не могла. Съ значительнымъ урономъ (турки потеряли 20000 человѣкъ) Ибрагимъ отступилъ отъ Азова и возвратился въ Константинополь. Такимъ образомъ, казаки одержали побѣду. Но, сознавая отлично, что въ случаѣ новаго нападенія, они продержаться не въ состояніи, послали въ Москву грамоту съ извѣщеніемъ о побѣдѣ и съ просьбой о помощи. Михаилъ Ѳедоровичъ отвѣтилъ имъ похвальной грамотой, въ которой увѣщалъ ихъ «стоять крѣпко» въ завоеванномъ ими городѣ и увѣдомлялъ о посылкѣ къ нимъ 5000 рублей [1]). Московскому царю предстояло рѣшить трудную задачу: что дѣлать съ Азовомъ? Онъ долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: или взять Азовъ подъ свою державу и тѣмъ самымъ начать войну съ Турціей, могущественнымъ въ то время государствомъ, за исходъ борьбы съ которымъ онъ поручиться не могъ; или отказаться отъ Азова, приказавъ казакамъ очистить его, т. е. совершить дѣйствіе, далеко неполитичное и вредное интересамъ Россіи. Азовъ представлялъ важный оплотъ противъ нападеній крымцевъ и въ торговомъ и въ стратегическомъ отношеніи былъ необходимымъ пунктомъ для Московскаго государства, почти отрѣзаннаго отъ моря. Еще Иванъ IV имѣлъ намѣреніе завладѣть Азовомъ; всѣмъ извѣстны стремленія Петра I и Екатерины II къ обладанію этимъ городомъ. Важное его значеніе сознавалось многими и въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, какъ это мы увидимъ изъ разсмотрѣнія дѣянія собора 1642 г. Не зная, какое принять въ данномъ случаѣ рѣшеніе и находясь въ подобномъ затруднительномъ положеніи, Михаилъ Ѳедоровичъ рѣшилъ созвать соборъ и спросить мнѣніе самого народа, чтобъ сообразно съ этимъ, и поступить. Этотъ знаменитый соборъ состоялся въ Москвѣ, въ Столовой избѣ 3-го января 1642 года.

До насъ дошелъ его актъ, къ сожалѣнію, неполный (не хватаетъ конца) [2]). Изъ него видно, что правительство распорядилось о присылкѣ на соборъ выборныхъ «изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и изъ меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей». Изъ рѣчи печатника и думнаго дьяка Ѳ. Ѳ. Лихачева, сказанной имъ при открытіи собора, мы знаемъ, сколько велѣно было прислать выборныхъ, а именно: изъ большихъ статей: человѣкъ по 20, по

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 112, стр. 375.
[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 113, стр. 378.

15, по 10 и по 7 (слѣдовательно, отъ 7-ми до 20-ти). А изъ небольшихъ статей: по 5, по 6, по 4. по 3 и по 2 (слѣдовательно, отъ 2-хъ до 6-ти). Раньше же, чѣмъ произвести выборы, царь приказалъ объявить ихъ причину, Михаилъ Ѳеодоровичъ «указалъ быти собору, читаемъ въ актѣ, для того, что идетъ ко Государю Турецкой посолъ, а въ вѣстяхъ во многихъ пишутъ, что на весну Турской Салтанъ хочетъ послать войною на Московское государство, осадя Азовъ». Списки именъ выборныхъ были присланы «изъ Розряду» въ Посольскій приказъ. Сколько было ихъ всѣхъ, неизвѣстно, такъ какъ въ актѣ объ этомъ не говорится, (о числѣ духовныхъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ въ актѣ совершенно не упоминается) но, за исключеніемъ членов освященнаго собора и думы, можно знать число другихъ представителей народа, такъ какъ на это есть указаніе. По нашему разсчету выходитъ, что стольниковъ было 10 (къ нимъ былъ приставленъ дьякъ Спиридоновъ), московскихъ дворянъ 22, головъ стрѣлецкихъ 4, жильцовъ 12, (у дворянъ, у жильцовъ и у головъ стрѣлецкихъ приставленъ былъ дьякъ Лукинъ) дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ 115: изъ Владиміра 3, изъ Суздаля 3, изъ Юрьева Польскаго 3, Луха 1, Гороховца 1, Переяславля Залѣскаго 3, Нижняго 2, Мурома 3, Арзамаса 3, Мещеры 3, Коломны 3, Рязани 8, Тулы 3, Каширы 3, Алексина 3, Серпухова 2, Калуги 3, Воротынска 2, Лихвина 2, Серпейска 3, Бѣлева 3, Козельска 3, Мещевска 3, Можайска 2, Звенигорода 1, Малаго Ярославца 2, Черни 2, Новосиля 3, Ряжска 3, Новгорода Великаго 2, (отъ Деревской и Бѣжецкой пятины по 1), Ржева 2, Зубцова 2, Торопца 2, Смоленска 4, Вязьмы 3, Ростова 2, Ярославля 3, Костромы 4, Галича 4, Торжка 2, Старицы 1, Бѣлоозера 2, (къ нимъ былъ приставленъ дьякъ Атарскій); гостей 3, торговыхъ людей 5, представителей суконной сотни 4, представителей черныхъ сотенъ и слободъ 20 (отъ Дмитровской сотни 2, отъ Новгородской сотни 2, отъ Срѣтенской сотни 2, отъ Заяузской слободы 2, отъ Покровской сотни 2, отъ Кожевницкой полусотни 1, отъ Устюжской полусотни 1, отъ Ордынской сотни 2,отъ Мясницкой полусотни 1, отъ Кузнецкой слободы 1, отъ Голутвинской слободы 1, отъ Екатерининской слободы 1, отъ Алексѣевской слободы 1. отъ Никитинской слободы 1). Итакъ, всѣхъ выборныхъ было на соборѣ 195; кромѣ нихъ, въ составъ его вошли самъ царь, митрополитъ Крутицкій Серапіонъ, архимандриты, игумены, протопопы и весь освященный соборъ, бояре, окольничіе и думные люди (боярская дума). Не было только посадскихъ и уѣздныхъ людей изъ городовъ; правительство, почему то. не признало нужнымъ ихъ призвать Засѣданіе собора открылось заявленіемъ дьяка Лихачева о способѣ производства выборовъ, согласно повелѣнію государя. Затѣмъ было прочитано «письмо» (нѣчто въ родѣ доклада), но кѣмъ—неизвѣстно. Нужно думать, что докладъ читался всѣмъ чинамъ вмѣстѣ и что они не со-

ставляли въ это время отдѣльныхъ группъ, какъ впослѣдствіи, при подачѣ своихъ мнѣній. На это указываетъ фраза, находящаяся въ актѣ: «а въ то время, по Государеву указу, въ Столовой избѣ *были бояре и окольничіе и думные люди,* и о Азовскомъ дѣлѣ и о войнѣ *всѣмъ людемъ* вслухъ чтено *при бояряхъ* по сему письму». Содержаніе этого письма слѣдующее: прислали Донскіе казаки и ихъ атаманъ Осипъ Петровъ атамана Васильева и есаула Порошина съ «отпискою», въ которой писали, что приходили къ нимъ подъ Азовъ турки и крымцы и осадили ихъ. И былъ съ ними крѣпкій бой, но, благодаря помощи Божьей, турки были отбиты и потерпѣли большой уронъ. Осада же продолжалась съ іюня по сентябрь. А теперь казаки терпятъ во всемъ большой ущербъ: нѣтъ у нихъ ни припасовъ, ни пороху. много народу убито и многіе разошлись «врознь». Такъ что держаться они больше не могутъ и, если царь хочетъ оставить за собой Азовъ, то пусть пришлетъ «воеводу съ ратными людьми», потому что иначе они принуждены будутъ отправиться къ своимъ «старымъ юртамъ». Тогда государь послалъ казакамъ грамоту «съ милостивымъ словомъ», хваля ихъ за храбрость и наградилъ ихъ своимъ жалованьемъ. Велѣлъ также осмотрѣть Азовъ и составить его планъ. «Нынѣ» же, писали изъ Царьграда Б. Лыковъ и А. Буколовъ, что весною хочетъ идти подъ Азовъ самъ визирь и теперь уже готовится къ походу, собирая отовсюду огромное войско. Также послано приказаніе и крымскому царю быть наготовѣ, чтобъ вмѣстѣ двинуться къ Азову, а затѣмъ и на Московское государство. Наконецъ, изъ многихъ другихъ источниковъ царю извѣстно, что весною предстоитъ война съ турками и крымцами. Поэтому, слѣдуетъ ли разрывать миръ съ Турціей и принимать Азовъ подъ свое покровительство? А если начинать войну, то понадобится много ратныхъ людей, запасовъ и денегъ и откуда ихъ взять? Обо всемъ этомъ необходимо подумать земскимъ чинамъ и изложить свое мнѣніе письменно». Послѣ прочтенія «письма», всѣмъ чинамъ были розданы копіи съ него. Подобная же копія была послана митрополиту Серапіону, чтобъ онъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ «о томъ дѣлѣ» высказалъ свое мнѣніе. Чины были раздѣлены на группы и каждая группа подавала свою «мысль» отдѣльно [1]). Духовенство сказало слѣдующее: «то дѣло (Азовское), Государь, твое Государево и твоего царскаго синклита, мы же твои богомольцы должны молить Бога о благополучіи всего міра, о благосостояніи церквей, о твоемъ здоровіи и о всей твоей палатѣ. То-же

[1]) Группы, какъ извѣстно, подавали свои мнѣнія (сказки) неодновременно: однѣ подали 3-го января (московскіе дворяне), другія 13-го (духовенство), третьи 17-го (одна категорія городовыхъ дворянъ) и т. п. Объясняется это тѣмъ, что чины неодинаково отнеслись къ своей работѣ: одни болѣе серьезно, другіе менѣе, для однихъ потребовалось, слѣдовательно, болѣе времени, чѣмъ для другихъ.

дѣло входитъ въ кругъ твоего вѣдомства и вѣдомства твоей думы, а намъ то все «не за обычай». Если же, Государь, ты рѣшишь «рать строить», то мы готовы жертвовать въ пользу ратныхъ людей, «елико сила наша можетъ». Странное дѣло, духовенство, принимавшее всегда дѣятельное участіе въ государственномъ управленіи и въ рѣшеніи всевозможныхъ политическихъ вопросовъ и игравшее видную роль въ древнерусской жизни, вдругъ оказывается совершенно некомпетентнымъ въ Азовскомъ дѣлѣ, вполнѣ полагаясь на царя! Невольно является сомнѣніе въ искренности того, что сказалъ освященный соборъ. Намъ кажется, дѣло было очень просто: духовенство не сочувствовало войнѣ, но, не зная рѣшенія царя и боясь возникновенія какого бы то ни было антагонизма между этимъ послѣднимъ и освященнымъ соборомъ, дало уклончивый отвѣтъ. Заявленіе духовенства было подано 13-го января Крутицкимъ митрополитомъ и принято сыномъ боярскимъ Семеномъ Сатынинковымъ.— 8-го января высказались, «помысля», стольники. Мнѣніе ихъ, по всей вѣроятности, принялъ прикомандированный къ нимъ, дьякъ Спиридоновъ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: «воевать ли съ Турками или нѣтъ—воля государя. По нашему же мнѣнію, слѣдуетъ приказать оставаться въ Азовѣ, тѣмъ казакамъ, которые его взяли, давъ имъ въ видѣ помощи «охочихъ вольныхъ людей». Изъ какихъ же городовъ и сколько ратныхъ людей въ прибавку послать, и чѣмъ тѣхъ ратныхъ людей пожаловать, и какіе денежные хлѣбные и пушечные запасы дать, и въ какомъ количествѣ — во всемъ этомъ государева воля. Что же касается до насъ, то мы всегда готовы за него стоять». Читая отвѣтъ стольниковъ, можно сдѣлать два предположенія: или они были лишены всякаго политическаго смысла, или также были противъ войны, но не рѣшались объ этомъ заявить прямо. Собственно говоря, наговорили они много, но не сказали ничего!

3-го января было подано мнѣніе московскихъ дворянъ, принятое, по всей вѣроятности, дьякомъ Лукинымъ. «Вполнѣ зависитъ отъ государя, писали дворяне, оставить ли Азовъ за собой, или нѣтъ. Казаки должны оставаться въ немъ, но къ нимъ слѣдуетъ послать помощь изъ «охочихъ людей», «прибранныхъ» въ Украйнскихъ городахъ, на счетъ государя. Если же охотниковъ отыщется не много, то необходимо совершить вербовку ратныхъ людей, но также въ Украйнскихъ городахъ. Откуда же взять деньги и запасы, то должно быть вѣдомо государю».—Нечего и говорить, что это мнѣніе вполнѣ аналогично съ предыдущимъ.

На слѣдующій день, 4-го января двое изъ московскихъ дворянъ: Никита Беклемишевъ и Тимофей Желябужскій подали свое отдѣльное мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ другихъ членовъ своего сословія. «Объявить ли войну туркамъ, говорили они, это вполнѣ зависитъ отъ государя. Но послѣднему должно быть извѣстно, сколько зла причинили

Московскому государству турецкій султанъ и крымскій царь. Сколько разъ крымскій царь давалъ обѣщаніе не воевать больше съ нами и сколько разъ нарушалъ онъ свое обѣщаніе! Сколько плѣнныхъ было взято въ Украйнскихъ городахъ и продано въ Крыму! А что сдѣлали Крымцы въ 1633—34 г., когда Москва находилась въ войнѣ съ поляками? Они вторглись въ московскіе предѣлы и раззорили ихъ, вслѣдствіе чего, много ратныхъ людей должны были удалиться изъ подъ Смоленска и «отъ того учинилось въ полкахъ великое нарушеніе». За всѣ эти ихъ неправды наказалъ ихъ Богъ отнятіемъ Азова и съ тѣхъ поръ прекратились всякія войны и украйнскіе города находились долгое время въ покоѣ. Но въ прошломъ 1641 г., турецкій султанъ послалъ громадное войско къ Азову, чтобъ взять его отъ казаковъ. однако, съ Божьей помощью, турки были отбиты и съ позоромъ должны были отступить. По нашему мнѣнію, государю слѣдуетъ Азовъ принять и велѣть «его держати», по прежнему, донскимъ казакамъ. Необходимо также послать къ нимъ ратныхъ людей изъ Москвы и изъ Украйнскихъ городовъ «изо всякихъ чиновъ....опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей и дать имъ хлѣбные запасы и жалованье. Азовъ же укрѣпить и возстановить въ немъ все разрушенное. Если же въ государевой казнѣ не хватитъ денегъ на жалованье, то нужно будетъ выбрать отъ всякихъ чиновъ по два, по три «добрыхъ» человѣка и, обязавъ ихъ крестнымъ цѣлованьемъ говорить правду, велѣть имъ сбирать деньги съ приказныхъ и съ дворовыхъ людей, и со вдовъ, и съ недорослей, и съ гостей, и съ торговыхъ людей, и со всякихъ чиновъ, не находящихся на государевой службѣ. Тѣ же лица, которыя служатъ «у корыстовныхъ дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ» также обязаны жертвовать, чтобъ не было неравенства въ этомъ отношеніи. Даточныхъ же людей, «чѣмъ украйные города полнить въ Татарскіе приходы» необходимо взять съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, у которыхъ имѣется много помѣстій и вотчинъ. Вообще, необходимо уравнять, касательно выставки даточныхъ людей многихъ лицъ, неравныхъ по своему имуществу, такъ, чтобъ лица, болѣе богатыя выставляли больше менѣе богатыхъ. Въ случаѣ удержанія Азова за собой, заканчиваютъ Беклемишевъ и Желябужскій, всѣ племена, живущія вблизи его, какъ то ногайцы, горскіе черкесы и др. будутъ служить государю, въ противномъ случаѣ, они будутъ находиться во власти турокъ».—Итакъ, два московскихъ дворянина высказались за войну, подробно мотивируя свое мнѣніе и исчисляя тѣ средства, при помощи которыхъ она можетъ быть ведена. Очевидно, къ ихъ мнѣнію не присоединились ихъ собратья, иначе имъ не зачѣмъ было бы подавать его отдѣльно.

Характеристично мнѣніе головъ и сотниковъ московскихъ: разрывать ли миръ или нѣтъ, все зависитъ отъ воли Государя. Если разрывать, то изысканіе необходимыхъ средствъ для веденія войны

также лежитъ на Государѣ. «А мы, холопи его, Государевы, ему, Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи служить ради и готовы, гдѣ Государь не укажетъ». Мы думаемъ, Михаилъ Ѳедоровичъ былъ не особенно доволенъ, получивъ подобное «мнѣніе» объ Азовскомъ вопросѣ. Еслибъ онъ довольствовался однимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, то ему не зачѣмъ было бы прибѣгать къ собору и дѣлать опросъ народу. Онъ хотѣлъ знать мнѣніе всего государства, а не выраженіе какихъ бы то нибыло чувствъ, въ существованіи которыхъ, намъ кажется, онъ и не сомнѣвался. Печальную картину представляло бы древнерусское представительство, еслибъ всѣ народные представители были похожи на головъ и сотниковъ московскихъ. Къ счастію, этого не было и потому г. Чичеринъ не правъ въ своемъ выводѣ о земскихъ соборахъ. Онъ видитъ у выборныхъ 1642 г, «отсутствіе политической мысли» (объ этомъ мы еще будемъ говорить); намъ кажется, что скорѣе не «отсутствіе политической мысли», а просто нежеланіе вести войну, (не у всѣхъ, конечно) трудную въ то время для государства, (понятно, изъ нежеланія воевать и удержать Азовъ, нельзя еще выводить отсутствіе политическаго смысла). А такъ какъ для выборныхъ было неизвѣстно настроеніе царя, въ пользу мира оно или въ пользу войны и предполагая (можно допустить и это), что царь болѣе склоняется на сторону войны (данныя для составленія подобнаго мнѣнія, какъ извѣстно, существовали: сношенія царя съ донцами, хвала ихъ за храбрость, посылка 5000 рублей, нападеніе крымскаго царевича, «неправды» турецкаго султана и крымскаго хана, исчисленныя въ рѣчи на соборѣ и т. п.), нѣкоторые, не сочувствовавшіе войнѣ и не желавшіе становиться въ оппозиціонное положеніе, по отношенію къ царю, давали уклончивые отвѣты, во всемъ полагаясь на волю государя, послужившіе поводомъ къ обвиненію ихъ со стороны г. Чичерина въ «отсутствіе политической мысли».

Мнѣніе владимірскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ очень похоже на мнѣніе головъ и сотниковъ: «брать ли Азовъ, или нѣтъ во всемъ этомъ воленъ государь. Что же касается до всевозможныхъ запасовъ, то и въ этомъ вполнѣ полагаемся на государя. А намъ, холопямъ его быть на его, государевой службѣ». Однако, дворяне и дѣти боярскія оказались храбрѣе предыдущей группы, такъ какъ рѣшились заикнуться о своей бѣдности, чѣмъ и выдали свое отношеніе къ войнѣ. «А бѣдность нашего города, заключили они, вѣдома ему, Государю и его, Государевымъ боярамъ».— 17-го января высказались нижегородцы, муромцы и лушане. «Принимать ли Азовъ, говорили они, или нѣтъ—въ томъ Государская воля. Будетъ ему, Государю годѣ, и онъ велитъ принять; а будетъ негодѣ, онъ не велитъ принять: а гдѣ люди взять въ Азовъ, въ томъ Государь воленъ, и гдѣ деньги взять, въ томъ его-жъ Государская воля и бояре вѣчные наши господа промышленники»... Мы

же государю всегда рады служить». И этой группѣ, очевидно, не хотѣлось воевать!

На сколько безцвѣтны заявленія первыхъ двухъ группъ городовыхъ дворянъ, настолько интересны заявленія послѣднихъ. Представители городовъ: Суздаля, Юрьева, Переяславля-Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья и Гороховца сказали слѣдующее: «необходимо тебѣ, Великому Государю принять Азовъ подъ свое покровительство и начать войну съ турками, за всѣ ихъ великія неправды по отношенію къ тебѣ. Если же ты, Государь, отступишься отъ Азова, то въ руки басурманъ попадетъ образъ Ивана Предтечи. Какъ бы этимъ не навлечь гнѣва Божія, такъ какъ Богу обязанъ ты взятіемъ Азова и закрѣпленіемъ его за тобой? Благодаря же Богу и «великимъ свѣтильникамъ» (Ивану Предтечи и Николаю Чудотворцу), отбиты были «нечестивыя орды» «малыми такими людьми» донскими казаками. Слѣдуетъ тебѣ, Государь, велѣть донцамъ остаться въ Азовѣ и послать къ нимъ стрѣльцовъ и «стараго сбора солдатовъ». Жалованье же для нихъ можно взять изъ казны, а «пушечныя, Государь, казны у тебя много». Что же касается до хлѣбныхъ запасовъ, то ихъ можно взять «съ Украйныхъ съ Зарѣцкихъ городовъ, съ живущаго со всѣхъ безъ выбора и съ своихъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ», потому что тогда они придутъ одновременно съ посланными людьми. Слѣдовало бы также «для великаго поспѣшенья» взять запасы съ Троицко-Сергіева монастыря и съ другихъ монастырей. Если же потребуется послать людей и хлѣбные запасы въ «украйные въ полевые и въ Повольскіе городы», то «прибрать» въ Москвѣ и въ городахъ стрѣльцовъ и солдатъ, а запасы взять со всей земли, «со всѣхъ безъ выбора». Что же касается до предстоящей войны съ турками, то нужно будетъ поступить такъ, какъ поступали при прежнихъ государяхъ, т. е. положась на помощь Бога и чудотворцовъ, «рать строить» и взять даточныхъ людей съ помѣстій, вотчинъ и съ монастырей. Нынѣ бояре пожалованы, Государь, тобою помѣстіями и вотчинами «противъ ихъ чести», дать даточныхъ людей они вполнѣ могутъ. Дьяки же и подъячіе, находясь постоянно у твоихъ дѣлъ, разбогатѣли «богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ» и настроили себѣ «домы, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя». При прежнихъ государяхъ никогда ничего подобнаго не бывало. Съ ихъ вотчинъ и помѣстій вели, Государь, взять «ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей», а также обложи ихъ налогомъ на жалованье войску. Что касается до духовенства, то и здѣсь существуютъ злоупотребленія. Духовные чины даютъ съ своихъ земель даточныхъ людей «противъ писцовыхъ книгъ, а иные и противъ заступленія». Вели имъ, Государь, также жертвовать на войну и имѣть росписи ихъ вотчинамъ «что за ними крестьянъ». Если же, кто изъ нихъ что либо утаитъ, «вели, Государь, имъ свой,

Государевъ указъ учинить по своему, Государеву уложенію и противъ правила своихъ отецъ», утаенныхъ же крестьянъ взять «на себя». «А которые, Государь, наша братія» (дворяне), не желая тебѣ служить, «писались по Московскому списку и въ иные твои, Государевы чины» и разбогатѣли большимъ богатствомъ, также должны будутъ нести извѣстныя повинности въ пользу войны... Дворовые твои, Государевы всякихъ чиновъ люди, бывая черезъ годъ или два «на приказѣхъ въ твоихъ дворцовыхъ селахъ», наживаютъ великія «пожитки», «а твоей полковыя службы не служатъ». Вели также и съ нихъ взять даточныхъ людей и деньги на жалованье съ ихъ пожитковъ, равно какъ и со вдовъ, съ недорослей и съ «нашей братіи, отставленной отъ службы». Вмѣсто посланныхъ людей на театръ войны, государю слѣдовало бы набрать себѣ войско въ Москвѣ и въ городахъ изъ стрѣльцовъ и солдатъ «окромѣ нашихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ». Мы рады стоять за тебя, Государь, а ты «насъ, холопей своихъ, и раззоренныхъ, и безпомощныхъ, и безпомѣстныхъ, и пустопомѣстныхъ, и малопомѣстныхъ вели взыскать жалованьемъ», «чтобъ было чѣмъ твоя Государская служба служить». Необходимо также взять роспись вотчинамъ и помѣстьямъ у всѣхъ чиновъ людей, сколько у каждаго крестьянъ. Утаенные крестьяне должны быть «приписаны на Государя безповоротно». Вели, Государь, также «уложить свое уложеніе», со сколькими крестьянами нужно служить безъ жалованья и, если у кого окажется въ данномъ случаѣ излишекъ, то тотъ долженъ платить за него извѣстную сумму въ государеву казну. Вслучаѣ нужды въ деньгахъ, придется взять казну патріарха и домовую казну, принадлежащую монастырямъ и духовенству (каждый монастырь обладалъ подобной казной). Съ торговъ и промысловъ всякихъ торговыхъ и черныхъ людей необходимо также взять деньги на военныя издержки. Вели также «счесть по приходнымъ книгамъ» въ Москвѣ и въ городахъ у приказныхъ людей, у дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ, «чтобъ твоя казна безъ вѣдомости у тебя не терялась» и была бъ у тебя прибыль... «То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка!».

Неужели же третья группа городовыхъ дворянъ, такъ обстоятельно высказавшаяся, также лишена всякой «политической мысли»? Намъ кажется, утверждать послѣднее, значитъ прямо отворачиваться отъ фактовъ и признавать черное бѣлымъ! Въ «сказкѣ» этой группы нѣтъ даже того заявленія которымъ начинаются мнѣнія большинства выборныхъ: «принять ли Азовъ или нѣтъ—въ этомъ его, государева воля». Правда, сторонники отсутствія у древнихъ русскихъ всякаго политическаго смысла могутъ упрекнуть третью группу въ религіозной мотивировкѣ своего рѣшенія отстоять Азовъ. «Какіе же это политики, могутъ воскликнуть они, когда примѣшиваютъ

религію къ рѣшенію политическихъ вопросовъ и объясняютъ необходимость перспективы войны боязнью разгнѣвить Бога и чудотворцевъ»! Въ отвѣтъ на это, приведемъ слова В. И. Сергѣевича, съ которыми мы вполнѣ согласны. «Ссылки на такое чисто религіозное соображаніе, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, не удивятъ насъ, если мы припомнимъ, что дѣло происходило въ царствованіе Михаила Θеодоровича, соправителемъ котораго много лѣтъ былъ святѣйшій патріархъ Филаретъ. Городовые дворяне заслужили бы упрекъ въ отсутствіи политическаго смысла только тогда, если бы они привели этотъ одинъ мотивъ, но они приводятъ его вмѣстѣ съ мотивами чисто политическими, вполнѣ исчерпывающими дѣло. Зная благочестивое настроеніе царя, они только усиливаютъ этимъ сопоставленіемъ значеніе своихъ политическихъ соображеній» [1]). Третья группа городовыхъ дворянъ поняла важное значеніе Азова и отстаивала необходимость удержать его за Россіей. Пользуясь случаемъ, она рѣшилась разоблачить передъ царемъ, не боясь никакихъ послѣдствій за это, всѣ подвиги тогдашней администраціи и своего рода «аномаліи» въ государственномъ управленіи. Но она этимъ не ограничилась, она пошла дальше и привела тѣ средства, при помощи которыхъ, по ея мнѣнію, могутъ быть устранены всякія ненормальности. «Повинность выставки даточныхъ людей и выдачи денегъ на военныя издержки, говорятъ дворяне, распредѣлена неравномѣрно, ничего подобнаго въ прежнее время не было, тогда платили всѣ одинаково». «Дьяки и подъячіе, обогатившись воровствомъ и взятками, выстроили себѣ такія каменныя палаты, что неудобь-сказаемыя. Ихъ необходимо обложить повинностями, нести ихъ они могутъ». «Городовые дворяне («наша братія») уклоняются отъ службы, записываясь въ списки другихъ чиновъ и, находясь въ Москвѣ у государевыхъ дѣлъ, наживаются и обогащаются». «Придворные чины, будучи въ приказахъ и управляя дворцовыми селами, уклоняются отъ военной службы и наживаютъ великіе пожитки». Указывая на свое бѣдственное положеніе въ матеріальномъ отношеніи, дворяне просятъ царя обратить на это вниманіе и оказать имъ помощь «жалованіемъ». Совѣтуютъ уравнять всѣхъ въ отношеніи пользованія крестьянами и привести въ извѣстность приходныя книги разныхъ приказныхъ людей. Наконецъ, выражаютъ необходимость производства росписи землямъ всѣхъ чиновъ, чтобъ было извѣстно, сколькими крестьянами владѣетъ каждый чинъ и т. п. Вотъ рядъ мѣръ, которыя было необходимо привести въ исполненіе, по мнѣнію третьей группы, для пользы государства и для успѣшнаго веденія предстоящей войны.

Четвертая группа городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (представители городовъ: Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, Серпухова, Калуги, Бѣлева, Козельска, Лихвина, Сер-

---

[1]) Сборникъ государств. знаній, В. П. Безобразова, т. II, стр. 47.

нейска, Мещевска, Воротынска, Ярославля, Боровичей, Болхова, Ряжска и др.) высказались слѣдующимъ образомъ: «отдавать Азовъ не слѣдуетъ, этимъ можно прогнѣвить Бога и великихъ чудотворцевъ, такъ какъ взятіе его ничѣмъ иначе нельзя объяснить, какъ вмѣшательствомъ и помощію съ ихъ стороны. Наконецъ, этимъ поступкомъ нисколько не задобришь и не укротишь турокъ и татаръ и война будетъ продолжаться по прежнему. Лучше оставить Азовъ за собой, тогда, по крайней мѣрѣ, погайцы, могущіе опустошать государевы земли, будутъ находиться у государя въ подчиненіи. Укрѣпить Азовъ можно, пославъ въ него стрѣльцовъ и солдатъ; запасы же взять вели, Государь, съ шацкихъ, съ тамбовскихъ и съ Комарицкой волостей, а также изъ другихъ украинскихъ городовъ, находящихся вблизи Азова. Пушечныхъ же запасовъ у тебя въ казнѣ, Государь, довольно. Затѣмъ необходимо кликать кличъ въ Москвѣ и городахъ, не захочетъ ли кто идти воевать съ турками (крѣпостные, холопы и крестьяне не должны идти на войну). Что же касается до всевозможныхъ запасовъ, нужныхъ вообще для войны, то ихъ можно взять съ вотчинъ и помѣстій всѣхъ чиновъ людей (бояръ, окольничихъ, стряпчихъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, воеводъ, приказныхъ людей, также вдовъ, недорослей, придворныхъ чиновъ и т. д.) и съ твоихъ дворцовыхъ волостей. Деньги и запасы брать пропорціонально числу имѣющихся крестьянъ, а не по писцовымъ книгамъ. Утаенныхъ крестьянъ отнимать безповоротно, а малопомѣстнымъ и безпомѣстнымъ «дать жалованье, какъ тебѣ Государю Богъ извѣститъ». Духовные чины, монастыри, дьяки, подъячіе, гости и всякіе торговые люди также должны нести повинности «по ихъ сказкамъ». Тѣ лица, которыя владѣютъ числомъ крестьянъ, большимъ 50-ти должны и сами служить и «запасы» давать; тѣ же, у которыхъ число крестьянъ равняется 50-ти должны только служить. «А мы, холопи твои, заключаютъ дворяне, съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою, государеву службу противъ твоихъ, государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, Государь, укажешь; а раззорены мы, холопи твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ. То наша, холопей твоихъ, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мысль и сказка»!

Нечего и говорить, что мнѣніе 4-ой группы городовыхъ дворянъ очень напоминаетъ собой мнѣніе 3-ей группы. «Рады бы воевать, государь, и сознаемъ полезность и необходимость войны съ турками, да ужъ больно раззорены мы московской волокитою», вотъ нота, явственно звучащая черезъ все «мнѣніе» этой группы. Звукъ этой ноты можно отыскать и въ предыдущемъ «мнѣніи», но тамъ онъ не настолько явственъ, какъ здѣсь. И 4-я группа также подробно исчисляетъ средства для веденія войны и также изобли-

чаетъ результаты воеводскаго правленія и суда московскихъ баскаковъ.

Сущность мнѣнія, поданнаго гостями и торговыми людьми гостинной и суконной сотни, заключалась въ слѣдующемъ: «принять ли Азовъ или нѣтъ вполнѣ зависитъ отъ воли государя, но не мѣшаетъ всетаки помнить, что въ то время, когда этотъ городъ находился во власти турокъ, православные христіане постоянно терпѣли всевозможныя насилія со стороны послѣднихъ, вѣра ихъ поругалась, а украинскіе города были разрушаемы и, вслѣдствіе этого, пустѣли. Что касается до устройства и организаціи войска и «запасовъ», то это дѣло государя и служилыхъ людей; до насъ оно не касается, мы же, холопи твои, «гостишка и гостинные и суконные сотни торговые людишка городовые и питаемся на городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, служимъ мы тебѣ, Государь, въ Москвѣ и городахъ «во вся годы безпрестанни». Вслѣдствіе этихъ «службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопи твои, давали тебѣ, Государю, въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу», мы совсѣмъ «оскудѣли, обнищали до конца». Собираемъ же мы твою казну «съ великою прибылью», тамъ, гдѣ прежде собирали около 500—600 рубл., тамъ теперь собираемъ около 5,6 тысячъ. «Торжишки» же наши теперь очень плохи, причина этого явленія заключается въ томъ, что иноземцы, пріѣзжающіе въ Москву и въ города, вытѣснили наши товары, такъ какъ конкурировать съ ними мы не въ состояніи. Также «оскудали и обнищали» многіе люди отъ твоихъ воеводъ и отъ «ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли». Въ прежнее время было не то, тогда воеводъ не было (за исключеніемъ украинскихъ городовъ, куда они были посылаемы для защиты жителей отъ нападеній турокъ, крымцевъ и ногайцевъ) и «въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами про межъ себя». Мы просимъ у тебя помощи, Государь: пожалуй своей отчиной! Если же ты захочешь оставить Азовъ у себя, то мы рады свои головы положить за православную вѣру и за твое «царево многолѣтнее здоровіе». «То за нами, гостишекъ и гостинные и суконные сотни людишекъ рѣчи».

Не смотря на крайнее униженіе и холопскій тонъ своего «заявленія», гости и торговые люди выказали присутствіе у себя большаго политическаго смысла. «Воеводское правленіе—вотъ корень зла, бывшаго въ русской землѣ, это зло не мыслимо при существованіи губныхъ учрежденій, т. е. при участіи населенія въ мѣстномъ управленіи, при земской автономіи». Неужели, подобное заявленіе не дѣлаетъ чести русскимъ XVII столѣтія! Нота, подмѣченная нами въ предыдущихъ «мнѣніяхъ» продолжаетъ звучать еще болѣе въ «сказкѣ» гостей и торговыхъ людей: «много бы пользы принесло удержаніе Азова, но для этого требуются деньги, а мы оскудали

и раззорены до конца, хотя, впрочемъ, и готовы умереть за государя».

Мнѣніе сотскихъ и старостъ черныхъ сотенъ и слободъ очень напоминаетъ собою мнѣніе гостей и торговыхъ людей. «Твое дѣло, Государь, какъ поступить съ Азовомъ, говорятъ представители черныхъ сотенъ, напоминаемъ тебѣ только, что когда Азовъ былъ во власти турокъ, то мусульмане каждый годъ ходили войною и христiане терпѣли отъ нихъ страшныя насилия. Что же касается до устройства войска, то это должно быть тебѣ извѣстно; «мы же, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскiе и старостишка и всѣ тяглые людишка нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, и отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ, Государю въ Смоленскую службу, и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго землянаго дѣла, и отъ твоихъ, государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ, которыя мы, сироты твои въ твоихъ, государевыхъ въ разныхъ службахъ на Москвѣ служили съ гостьми и опричь гостей». А извѣстно, что «на всякой годъ» мы должны поставлять въ твои приказы по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да на земскiй дворъ, кромѣ того, 75 человѣкъ ярыжныхъ и извощиковъ «съ лошадьми для ради грѣховнаго пожарнаго времени». Всѣмъ этимъ лицамъ мы платимъ ежемѣсячно большiя кормовыя деньги, что стоитъ очень дорого и раззоряетъ насъ окончательно. «И отъ тое великiя бѣдности многiе тяглые людишка изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишка свои мечутъ». Заканчивается мнѣнiе завѣренiемъ «тяглыхъ людишекъ», что за государя и за православную вѣру они всегда готовы положить свои головы. Конецъ акта до насъ не дошелъ, такъ что мнѣнiе сотскихъ и старостъ прерывается на полсловѣ.

То, что мы сказали о сказкѣ гостей и торговыхъ людей, тоже самое придется повторить и о послѣдней сказкѣ. Отрицательное отношенiе къ дѣйствительности и отсутствiе всякаго желанiя представить въ розовомъ свѣтѣ и исказить передъ государемъ существующiй порядокъ вещей—вотъ черта, замѣченная нами у русскихъ XVII столѣтiя.

Итакъ, изъ 195 выборныхъ [1]) духовенство и 43 выборныхъ (10 стольниковъ, 20 московскихъ дворянъ, 4 стрѣлецкихъ головъ и 9 городовыхъ дворянъ: 3 изъ Владимира, 2 изъ Нижняго, 3 изъ Мурома и 1 изъ Луха) высказались крайне неопредѣленно. За то остальные 152 человѣка выказали у себя присутствiе большаго политическаго смысла и подали мнѣнiя, совершенно рацiонально мотивированныя. Вслѣдствiе этого, для насъ являются совсѣмъ непонятными тѣ данныя, на основанiи которыхъ г. Чичеринъ могъ придти

[1]) В. И. Сергѣевичъ считаетъ 181 выборный.

къ своему крайне странному выводу о дѣятельности собора 1642 г. «Въ Азовскомъ соборѣ, говоритъ вышеназванный ученый, послѣднемъ въ царствованіи Михаила Ѳедоровича, нельзя не видѣть упадка соборнаго устройства. По своей чисто совѣщательной формѣ, по разрозненности поданныхъ мнѣній, онъ напоминаетъ времена, предшествовавшія междуцарствію; по отсутствію всякой политической мысли, по наивно высказывающимся эгоистическимъ стремленіямъ сословій, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу. Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства»! [1])

Мы представили болѣе или менѣе подробную картину дѣятельности собора 1642 г. Неужели же на ней можно видѣть только то, что видитъ г. Чичеринъ? Развѣ мыслимы подобныя обобщенія, какія допускаетъ послѣдній? Меньшинство, въ составъ котораго вошло духовенство (В. И. Сергѣевичъ, на основаніи другихъ соборовъ, полагаетъ, что духовныхъ чиновъ было 25 человѣкъ) и 43 выборныхъ, слѣдовательно, если считать вѣрнымъ предположеніе В. И. Сергѣевича, около 68 человѣкъ, дѣйствительно, высказалось крайне неопредѣленно, вполнѣ полагаясь на волю государя. Слѣдовательно, тѣ, эпитеты, которыми награждаетъ г. Чичеринъ *всѣхъ* выборныхъ на соборѣ 1642 г. могутъ относиться къ нему одному и то только отчасти. Говоримъ «отчасти», потому что весьма возможно, что это меньшинство просто не желало войны, но не рѣшалось откровенно высказаться, не зная навѣрно настроеніе царя. Отсюда еще до отсутствія политическаго смысла далеко! Большинство же въ 125 человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ быть обвинено во всемъ томъ, въ чемъ обвиняетъ всѣхъ выборныхъ г. Чичеринъ. Разсмотримъ эти обвиненія по пунктамъ.

1) «Чисто совѣщательная форма и разрозненность поданныхъ мнѣній» служитъ, по мнѣнію г. Чичерина, признакомъ «упадка соборнаго устройства». Намъ хотѣлось бы попросить почтеннаго автора «О народномъ представительствѣ» указать на такіе соборы, бывшіе въ древней Руси, которые отличались не «совѣщательной формой» и обладали, слѣдовательно, ограничительной властью? Если г. Чичеринъ укажетъ намъ хоть на одинъ такой соборъ, мы вполнѣ согласимся съ его воззрѣніемъ. Сомнѣваемся только, чтобъ г. Чичеринъ былъ въ состояніи исполнить нашу просьбу, такъ какъ древнерусскія представительныя учрежденія были и не «совѣщательными» и не «ограничительными» въ современномъ смыслѣ этого слова, по той простой причинѣ, что подобныхъ понятій древнерусская жизнь не выработала [2]). Все зависѣло отъ *фактическихъ* условій, среди которыхъ находилось правительство: было оно слабо, и соборы обладали большимъ вліяніемъ, было оно сильно, и вліяніе соборовъ па-

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 378.

[2]) Объ этомъ мы будемъ еще говорить.

дало; такимъ образомъ, отношеніе силы и слабости правительства и соборовъ было обратно пропрціонально. Вотъ, почему мы сомнѣваемся, чтобъ г. Чичеринъ отыскалъ намъ соборъ съ ограничительной властью (точно такъ же, какъ и съ однимъ совѣщательнымъ значеніемъ). Что же касается до «разрозненности поданныхъ мнѣній», то признамся, намъ кажется крайне комичнымъ подобный признакъ упадка соборнаго устройства. Соборъ 1642 г. былъ созванъ для узнанія настроенія всей земли, всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Правительству было необходимо знать, какъ относится весь народъ къ Азовскому «дѣлу». Вслѣдствіе этого, нужно было допросить всѣ чины *отдѣльно*, иначе цѣль собора могла бы быть не достигнута и правительство не получило бы *обстоятельнаго* мнѣнія всѣхъ классовъ населенія. Вотъ причина опроса представителей народа по категоріямъ и отдѣльная подача «сказокъ». Вытекаетъ ли отсюда тотъ выводъ, къ которому пришелъ г. Чичеринъ? Намъ кажется, что нѣтъ.

2) «Отсутствіе политической мысли» есть причина, что соборъ 1642 г. «не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу». Мы уже сказали о религіозной мотивировкѣ мнѣній. Кромѣ нея, другими данными для обвиненія выборныхъ могутъ служить заявленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, что все зависитъ отъ воли государя, помѣщенныя, какъ извѣстно, въ началѣ сказокъ. «Такъ выражаются, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, Беклемишевъ, Желябужскій, гости и посадскіе люди. Можемъ ли упрекать ихъ за это? Наоборотъ, мы видимъ въ этомъ глубокое пониманіе тѣхъ условій, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать». Нѣсколькими страницами далѣе В. И. Сергѣевичъ продолжаетъ: «чиновъ собора упрекаютъ въ томъ, что они не указываютъ, сколько же именно должно съ нихъ взять, а ссылаются на усмотрѣніе государя: «что ты, государь, укажешь положить на свою государеву землю». Дѣйствительно, такія указанія, если и не отсутствуютъ совершенно, то во всякомъ случаѣ ихъ очень мало. Но точное опредѣленіе суммы всѣхъ издержекъ предстоящей войны и не могло быть сдѣлано: нельзя было, конечно, предвидѣть, во что эта война могла обойтись. Рѣшаясь на нее, чины собора берутъ на себя и всѣ издержки, заботясь о томъ только, чтобы они равномѣрно падали на всѣхъ и чтобы избылыхъ не было» [1]). Но одними отрицательными аргументами нельзя еще опровергнуть мнѣніе г. Чичерина: необходимы положительные. Перейдемъ къ нимъ. Мы видѣли, какъ мотивировали выборные свое рѣшеніе не отдавать Азова. «Азовъ необходимъ для Московскаго государства, потому что онъ служитъ оплотомъ противъ нападеній турокъ и татаръ и, владѣя имъ, можно держать въ подчиненіи всѣ племена, кочующія около него, которыя, въ противномъ случаѣ, дѣлали бы нападенія на рус-

[1]) Сборникъ В. П. Безобразова, стр. 47—51. Нечего и говорить, что съ этими словами мы вполнѣ согласны.

скіе предѣлы». Неужели, подобная мотивировка своихъ сказокъ можетъ служить доказательствомъ въ пользу отсутствія всякаго политическаго смысла у русскихъ XVII столѣтія? Признаемся, подобная аргументація крайне оригинальна. Необходимость войны съ турками выборные объясняютъ «неправдами» турецкаго султана и крымскаго хана по отношенію къ московскому царю; при томъ, нѣкоторые изъ нихъ довольно подробно перечисляютъ все зло, причиненное ими Россіи и требуютъ возмездія за него. И въ этомъ мы не можемъ видѣть отсутствіе политической мысли. Наконецъ, обличеніе всѣхъ злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ государствѣ, требованіе реформъ, какъ то: уравненіе всѣхъ въ платежѣ налоговъ, уничтоженіе привилегированныхъ лицъ, указаніе на причины зла и т. п. неужели все это не дѣлаетъ чести древнему русскому обществу?

3) «Наивно высказывавшіяся эгоистическія стремленія были присущи выборнымъ 1642 года».

Данныя для этого обвиненія могутъ быть слѣдующія: предложеніе остаться въ Азовѣ донскимъ казакамъ и послать туда охотниковъ, солдатъ и стрѣльцовъ (нежеланіе, слѣдовательно, самимъ идти на театръ войны), требованіе не набирать войска изъ крѣпостныхъ и кабальныхъ людей и совѣтъ сбирать «хлѣбные запасы» съ украйнскихъ городовъ. Первое объясняется весьма просто. Охотники, стрѣльцы и солдаты содержались на счетъ казны, послѣднія двѣ категоріи составляли постоянное войско. Но кромѣ нихъ, главный контингентъ военныхъ силъ Московскаго государства составляли служилые люди, являвшіеся на войну въ сопровожденіи извѣстнаго числа лицъ, вооруженныхъ на счетъ членовъ служилаго сословія. Издержки на войну падали на послѣднихъ — это была ихъ повинность, которую они должны были нести съ помѣстій и вотчинъ, полученныхъ отъ правительства. «Такое войско, справедливо замѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ, естественно могло дѣйствовать только въ теченіи сравнительно небольшихъ промежутковъ времени» [1]). Вотъ причина, почему для *постояннаго* занятія Азова требовалось постоянное войско, а не собранное на время.

Что касается до требованія не вербовать кабальныхъ и крѣпостныхъ людей, то оно основывается на слѣдующемъ: лица владѣвшія помѣстіями и вотчинами и по своему полу, возрасту, положенію и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ бывшія не въ состояніи отправлять военную службу (духовенство, вдовы, недоросли, больные, старики и т. п.) должны были выставлять за себя, такъ называемыхъ, даточныхъ людей. Слѣдовательно, если лица, имѣвшія возможность носить оружіе, обязались сами идти на войну, то съ какой же стати брать съ нихъ еще ихъ крѣпостныхъ и кабальныхъ въ видѣ даточныхъ людей?

[1]). Сборникъ В. П. Безобразова, стр. 49.

Выборные совѣтовали сбирать «хлѣбные запасы» съ украинскихъ городовъ, какъ самыхъ близкихъ къ театру войны, чтобъ запасы скорѣе прибыли къ мѣсту назначенія. Слѣдовательно, и въ этомъ ничего «эгоистическаго» нѣтъ. Напротивъ, въ случаѣ возникновенія войны съ турками, выборные рѣшаются разложить расходы и военныя издержки на всѣ сословія «безъ выбора», чтобъ не было въ этомъ отношеніи привилегированныхъ лицъ и чтобъ всѣ повинности лежали на каждомъ, пропорціонально его имуществу.

Итакъ, мы разобрали и проанализировали воззрѣнія г. Чичерина. Теперь должно быть понятно, какъ несправедливо его восклицаніе: «грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства»!

Но какой же былъ результатъ дѣятельности Азовскаго собора, исполнилъ ли царь мысль народа? Да, онъ исполнилъ и дѣйствовалъ вполнѣ въ интересахъ своихъ подданныхъ. Большинство выборныхъ вполнѣ сознавало необходимость присоединенія Азова, но въ тоже время государство было раззорено, народъ бѣдствовалъ и начинать новую войну при такихъ условіяхъ было бы безуміемъ. Если мы сведемъ всѣ мнѣнія, высказанныя выборными, если мы вникнемъ въ ихъ точный смыслъ, если мы сопоставимъ ихъ съ внутреннимъ состояніемъ жизни Московскаго государства въ эпоху земскаго собора 1642 г., то они отольются въ нашихъ глазахъ въ слѣдующей формѣ: «Азовъ необходимъ для успѣховъ политической жизни русской земли. Мы готовы были бы принести новыя жертвы для его пріобрѣтенія— но мы раззорены предшествовавшими смутами, войнами и поборами; прежде нежели помышлять о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ, намъ слѣдуетъ подумать объ устройствѣ большаго порядка во внутренней жизни своей» [1]). Вотъ та нота, о которой мы говорили выше и которая явственно звучала въ сказкахъ нѣкоторыхъ группъ. Михаилъ Өедоровичъ, можетъ быть и желавшій оставить за собой Азовъ, какъ то показываютъ нѣкоторые его поступки, принужденъ былъ согласиться съ доводами представителей народа и отказаться отъ своего намѣренія. 30-го апрѣля была послана къ донскимъ казакамъ грамота о немедленномъ ихъ выходѣ изъ Азова въ прежнее мѣстожительство [2]). Казаки остались этимъ крайне недовольны, но принуж-

---

[1]) Загоскинъ, Исторія права Моск. госуд., т. I, стр. 279.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 114, стр. 400. Н. И. Костомаровъ полагаетъ, что Михаилъ Өедоровичъ оттого не согласился воевать, что тяглые люди высказались противъ войны. „Здѣсь, говоритъ вышеназванный ученый, какъ нельзя рѣзче выразилось различіе и противоположность между интересами и взглядами двухъ половинъ, на которыя въ государственномъ отношеніи разбивался русскій народъ—служилыхъ и неслужилыхъ или „государевыхъ холопей“ и „государевыхъ сиротъ“, какъ они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ея для государственныхъ цѣлей; вторые, не высказываясь явно противъ

дены были исполнить волю царя, разрушивъ, впрочемъ, Азовъ до основанія. Такимъ образомъ, думать, что въ Азовскомъ вопросѣ Михаилъ Ѳедоровичъ поступилъ вопреки мнѣнію народа было бы въ высшей степени ошибочно. Даже, еслибъ не было доказательствъ противнаго, то, на основаніи предыдущаго, нельзя бы было допустить ничего подобнаго. Впродолженіи всего своего царствованія, первый Романовъ постоянно обращался къ народу и управлялъ государствомъ рука объ руку съ нимъ. Онъ помнилъ, что былъ обязанъ трономъ послѣднему и никогда не отдалялся отъ него. Михаилъ Ѳедоровичъ былъ народнымъ царемъ, управлявшимъ государствомъ въ интересахъ всѣхъ земскихъ чиновъ и идти въ разрѣзъ съ народными желаніями было не въ его духѣ. Вотъ, почему невозможно, чтобъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ въ Азовскомъ, онъ рѣшился дѣйствовать не такъ, какъ хотѣлъ того народъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, кромѣ разсмотрѣнныхъ соборовъ, были еще, такъ сказать, неполные соборы, когда правительство призывало не всѣ сословія, а одно или нѣсколько для разрѣшенія такихъ спеціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ оно считало компетентнымъ то, а не другое сословіе. Такъ, мы знаемъ, что правительство Михаила Ѳедоровича созвало два такихъ неполныхъ собора, въ составъ которыхъ вошли московскіе торговые люди. Извѣстно, что посредникомъ при заключеніи Столбовскаго мира между Россіей и Швеціей, по которому Новгородъ остался за Россіей, былъ извѣстный англійскій купецъ Джонъ Мерикъ, посланный своимъ правительствомъ въ Москву хлопотать о нѣкоторыхъ привилегіяхъ для англійскихъ купцовъ. Благодаря его помощи, Москва не потеряла Новгорода и, вообще, мирныя условія не были для нея такъ тяжелы, какъ могли бы быть. Но за то Мерикъ потребовалъ въ вознагражденіе себѣ пропуска англичанъ въ Персію, дозволенія отыскивать путь рѣкою Обью въ Индію и Китай и нѣкоторыхъ другихъ привилегій. На это боярская дума отвѣтила, что такое важное дѣло «безъ совѣту всея земли» рѣшить нельзя и созвала гостей и торговыхъ людей на совѣщаніе, такъ какъ вопросъ касался ихъ интересовъ. Въ данномъ случаѣ представителями «всей земли» были торговые люди, являвшіеся самыми компетентными въ разрѣшеніи предложеннаго вопроса. Что могло сказать по данному вопросу служилое сосло-

---

войны, представили только скудость средствъ для ея веденія. Но въ послѣднихъ была вся сила народнаго голоса. Правительству, послѣ этого собора, не оставалось ничего, какъ только поспѣшить помириться съ турками". (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей, т. IV, стр. 50). Очевидно, мнѣніе Н. И. Костомарова нисколько не противорѣчитъ тому, что было сказано нами. Вполнѣ можно думать, что тяглые люди были прямо противъ войны, но не желая не согласиться съ государемъ, высказались за нее. По крайней мѣрѣ такой характеръ носятъ ихъ мнѣнія.

віе или духовенство? Ровно ничего. Вотъ почему правительство и не призвало ихъ «на совѣтъ». Результатомъ совѣщанія гостей и торговыхъ людей было слѣдующее мнѣніе: «думаютъ они, что англичанамъ нужна не дорога въ Персію, но путь въ Индію, такъ какъ тотъ путь, по которому они теперь ходятъ (черезъ Турцію) очень тяжекъ и неудобенъ, государевою же землею имъ будетъ ходить легче. Но прибыли отъ этого государю никакой не будетъ, такъ какъ пошлинъ съ своихъ товаровъ они не платятъ, «а русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ»: русскіе люди совсѣмъ оскудѣли и теперь, покупая товары у англичанъ въ Архангельскѣ, продаютъ ихъ въ Астраханѣ персіянамъ. Если же англичане сами будутъ ѣздить въ Персію, то это прекратится и, какъ казна, такъ и торговые люди потерпятъ убытокъ. Вмѣстѣ же съ англичанами русскимъ торговать нельзя, такъ какъ подобная конкуренція для послѣднихъ не мыслима». Что же касается до дороги въ Китай, то гости объявили: о Китаѣ они ничего не знаютъ и въ Сибири не торговали, англичане давно ищутъ этотъ путь, но «и впередъ имъ туда не дорога-жъ, поискавъ да и покинутъ». О добываніи желѣзной руды правительство получило слѣдующій отвѣтъ: пусть англичанамъ будетъ дозволено искать желѣзо, убытка отъ этого русскимъ не предвидится, напротивъ, даже прибыль, такъ какъ теперь желѣзо привозится изъ за моря, а тогда (если оно будетъ найдено въ Россіи) будетъ и свое, болѣе дешевое, нежели заграничное»...«Думаютъ они, продолжали гости, что англичане хватаются за льняной промыселъ, вслѣдствіе того, что ленъ нейдетъ къ нимъ теперь изъ Пскова, но изъ Вязьмы, Смоленска и Бѣлой, пеньки также нѣтъ русскимъ людямъ отъ того помѣшка будетъ». Впрочемъ, трое торговыхъ людей подали мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ большинства (Юдинъ, Булгаковъ и Котовъ), а именно: если англичанамъ предоставить заниматься льнянымъ промысломъ, то убытка отъ этого русскимъ не будетъ, напротивъ, ленъ подешевѣетъ и, если дѣла англичанъ пойдутъ хорошо, то это можетъ побудить и русскихъ заняться тѣмъ же промысломъ.—Что касается до смолы, то ее слѣдуетъ отпускать за море, вслѣдствіе чего она вздорожаетъ и государевымъ людямъ будетъ прибыли больше. Но здѣсь появилось разногласіе. Торговые люди, бывавшіе въ Архангельскѣ высказались въ противоположномъ направленіи и заявили, что напротивъ было бы выгоднѣе запретить вывозъ смолы, потому что тогда «съ нея пошлины больше». Правительство согласилось съ послѣднимъ мнѣніемъ. «Вывозить алебастръ, продолжали гости, можно предоставить англичанамъ тѣмъ болѣе, что его очень много: лѣтъ на 50 хватитъ; «когда его отъ береговъ будутъ брать, то судамъ легче ходить, и, какъ станетъ у англичанъ какой промыселъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять». Итакъ, мы видимъ, что гости и торговые люди отнеслись довольно враждебно къ притязаніямъ англичанъ и только

по вопросамъ о желѣзной рудѣ и объ алебастрѣ согласились ихъ удовлетворить. Московское правительство поступило сообразно съ отвѣтомъ гостей и Мерикъ долженъ былъ уѣхать, не добившись почти ничего. Это произошло въ 1617 году [1]).

Но въ 1620 г. онъ снова пріѣхалъ въ Москву и снова заговорилъ о пути въ Персію. Михаилъ Ѳедоровичъ вторично созвалъ гостей и торговыхъ людей и объявилъ имъ, что англичане за дорогу въ Персію дадутъ «въ помощь казны, что будетъ пригоже». Кромѣ того, передъ открытіемъ засѣданія гостямъ было сказано отъ имени царя и патріарха, что Московское государство совершенно разорено, казна пуста, «государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ, докуки государю и челобитье отъ служилыхъ людей большія, а пожаловать не чѣмъ и т. п. Если жъ дать англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнья»? Гости отвѣтили: «бьемъ челомъ за милость великихъ государей, а въ томъ, дать ли дорогу англичанамъ въ Персію или нѣтъ, ихъ, государская воля». «При этомъ гости прибавили, что будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, только бъ государь милость показалъ, за то на нихъ опалы не положилъ, что они будутъ говорить спроста». Князь Черкасскій и дьякъ Грамотинъ объявили имъ, чтобъ они говорили безъ всякаго опасенія и стали спрашивать гостей порознь. Гость Иванъ Юрьевъ сказалъ слѣдующее: «если допустить англичанъ ѣздить по Волгѣ въ Персію, то убытокъ государю и гостямъ будетъ большой, такъ какъ теперь много торговыхъ людей ѣздятъ въ Астрахань и съ Тезиковъ, пріѣзжающихъ туда, берутъ съ рубля по 4 алтына. Если же англичане станутъ ѣздить въ Персію, то Тезики прекратятъ свои поѣздки въ Астрахань. Даже въ случаѣ установленія пошлины съ англичанъ, русскіе потерпятъ убытокъ, ибо не будутъ въ состояніи выдержать конкурренціи съ первыми. А для собранія государской казны на время потерпѣть можно, хотя и убыточно», заключилъ гость. Другой гость, Григорій Твердиковъ сказалъ: «пусть государь позволитъ англичанамъ торговать съ персіянами англійскими товарами, но русскими запретитъ. Русскихъ товаровъ идетъ въ Персію много, а именно: соболи, кость, рыбій зубъ, ефимки и т. п.; если ихъ будутъ продавать англичане, то русскіе потерпятъ большой убытокъ». «Когда прежде думали, что Московское государство будетъ за польскимъ королемъ, отвѣчалъ третій гость Григорій Никитниковъ, то голландцы давали королю 100.000 рублей за дорогу въ Персію, слѣдовательно, если англичане дадутъ въ казну много, то предоставить имъ торговать на Волгѣ. Вообще, не мѣшало бы прибыльнѣе поторговаться съ обѣими націями вмѣстѣ: одни передъ другими больше дадутъ.

---

[1] Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 112.

Но небольшую пошлину брать съ англичанъ нельзя—это убыточно». Четвертый гость Родіонъ Котовъ стоялъ за дозволеніе англичанамъ торговать съ Персіей. «Однимъ англичанамъ своими товарами, какъ Персію затворить, сказалъ онъ, много въ Персіи охочихъ торговыхъ людей поѣдутъ за русскими товарами». Остальные всѣ высказались противъ притязаній англичанъ и, если соглашались на нихъ, то подъ условіемъ платежа большой пошлины. Говорили также о необходимости спроса ярославскихъ и нижегородскихъ торговыхъ людей, больше московскихъ торгующихъ съ Персіей, слѣдовательно, компетентныхъ въ данномъ дѣлѣ.—Итакъ, не смотря даже на то, что правительство было непрочь даровать право торговли англичанамъ, что видно изъ его заявленія передъ совѣщаніемъ, большинство гостей высказалось противъ. Государь и патріархъ поступили такъ, какъ желали торговые люди и соглашеніе съ Мерикомъ не состоялось. Ему пришлось вторично уѣзжать ни съ чѣмъ [1])

---

[1]) Соловьевъ, т. IX, стр. 169.

ГЛАВА IV.

СОБОРЫ ПРИ АЛЕКСѢѢ МИХАЙЛОВИЧѢ.

Избирательный соборъ 1645 года. — Соборъ 1648—49 года и Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича.—Соборъ 1650 г. Два малороссійскихъ собора 1651 и 1653 гг.— Совѣщанія съ гостями и торговыми людьми въ 1660 и 1672 гг. — Торжественное „объявленіе" царевича Ѳедора Алексѣевича въ 1674 г.

12 іюня 1645 года скончался Михаилъ Ѳедоровичъ и на престолъ вступилъ «тишайшій государь» Алексѣй Михайловичъ. Существуетъ нѣсколько свидѣтельствъ, что послѣ смерти Михаила, въ Москвѣ состоялся земскій соборъ, санкціонировавшій вступленіе на престолъ новаго царя. «По смерти же его (Мих. Ѳед.), пишетъ Котошихинъ, остался сынъ его царевичъ Алексѣй Михайловичъ да три дщери царевны. *И мало время минувти, патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь духовный чинъ соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь, послѣ смерти прежняго царя, на царство обрали сына его нынѣшняго царя* и учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви и молили Бога. А когда царя коронуютъ, и въ то время бываетъ ему помазаніе елеомъ, и потому именуется Помазанникъ. И послѣ того, власти, и бояре, и ближніе и всякихъ чиновъ люди на государствѣ его поздравляли. И по поздравленію, патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и иныя власти царя благословляли образами и подносили хлѣбы, и бархаты, и объяри, и отласы, и камки золотые и простые, и соболи, и серебряные сосуды; *а бояре, и ближніе люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и полковники, и дворяне и дѣти боярскіе городовые, и гости, и слу-*

жилые люди дарили противъ того жъ, что и власти; *а сотенные, и торговые, и изъ городовъ посадцкіе люди* подносили хлѣбы съ солью и дарили противъ такого жъ обычая, у кого что прилучилося; *а было тѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и посадцкихъ людей для того собранія человѣка по два изъ города»* [1]). Такимъ образомъ, если довѣрять Котошихину, въ 1645 г. собрался въ Москвѣ земскій соборъ, избравшій на царство Алексѣя Михайловича и, вопреки прежнему обыкновенію, не ограничившій его власти. На этомъ соборѣ принимали участіе всѣ чины Московскаго государства, а именно: освященный соборъ съ патріархомъ Іосифомъ во главѣ, боярская дума и выборные отъ каждаго чина (каждый городъ послалъ извѣстное число представителей, выбравъ изъ каждаго чина по два человѣка). Изъ свидѣтельства Котошихина видно, что па соборѣ были: дворяне и дѣти боярскіе (московскіе и городовые), гости, посадскіе и, вообще, торговые люди, какъ изъ Москвы, такъ и изъ городовъ и, наконецъ, выражаясь словами Котошихина, «чернь» (надо думать, простой народъ Москвы).

Очень жаль, что отъ этого собора не дошло болѣе подробныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ, судя по словамъ Котошихина, онъ былъ однимъ изъ полныхъ соборовъ, что, какъ извѣстно, далеко не часто случалось въ древней Руси. Даже на такомъ важномъ соборѣ, какъ 1642 года отсутствовали нѣкоторые чины, напр. посадскіе городовые и уѣздные люди. Тѣмъ болѣе было бы интересно изучить дѣятельность и организацію собора 1645 года.

Г. Загоскинъ приводитъ еще два свидѣтельства существованія вышеназваннаго собора это: одно мѣсто въ Памяти Обонежской Пятины Нагорной Половины на имя губнаго старосты Кобылина о присылкѣ въ Москву выборнаго человѣка для участія въ составленіи Уложенія 1648 — 49 года и затѣмъ показаніе голштинскаго посла Адама Олеарія, бывшаго въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ первомъ памятникѣ читаемъ между прочимъ слѣдующее: «по государеву указу и отца его государева и богомолца святѣйшаго Іосифа, патріарха Московскаго и всеа Русіи и по приговору государевыхъ бояръ, *а по челобитью столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жилцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ* городовъ, и иноземцовъ, и гостей, и гостиныя суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей, велѣно на Москвѣ» и т. д. [2]). «Ясно, говоритъ г. Загоскинъ, что здѣсь рѣчь

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, глава I, стр. 6. Въ VIII главѣ этого же сочиненія находится еще слѣдующее мѣсто (цитированное уже выше), также подтверждающее фактъ избранія новаго государя: „*А нынѣшняго царя обрали на царство,* а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали“ и т. д. (стр. 4).

[2]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 27 стр. 40.

идетъ о всенародномъ челобитіи земскаго собора. Когда же происходилъ этотъ соборъ? На послѣднемъ земскомъ соборѣ 1642 г. не было и рѣчи о необходимости составленія новаго законодательнаго сборника; слѣдовательно, въ промежутокъ времени 1642—1649 гг. имѣлъ мѣсто земскій соборъ, свѣдѣнія о которомъ утратились. Въ виду вышеприведенныхъ соображеній и доводовъ, мы не видимъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что этимъ таинственнымъ земскимъ соборомъ и былъ избирательный соборъ 1645 года» [1]). Весьма возможно, что г. Загоскинъ правъ и что челобитіе, о которомъ упоминаетъ грамота 1648 г. имѣло мѣсто на соборѣ 1642 года. Ничего невѣроятнаго въ этомъ быть не можетъ. Хотя, съ другой стороны, отчего не допустить и слѣдующаго предположенія: между первымъ и вторымъ соборомъ (1645 и 1648—49 гг.) въ царствованіе Алексѣя Михайловича протекло *три* года, весьма возможно, что въ этотъ промежутокъ времени могъ состояться какой нибудь новый соборъ, свидѣтельства о которомъ до насъ не дошли или не найдены (фактъ вполнѣ возможный) и о которомъ подразумѣвается въ грамотѣ отъ 1648 г. подъ словами: «по челобитію» всякихъ чиновъ? Г. Загоскинъ согласится, что и въ этомъ ничего невѣроятнаго быть не можетъ. Наконецъ, (можно допустить также и это) челобитныя могли быть поданы и *не на соборъ*. Подобное явленіе вполнѣ было присуще древне-русской жизни и отрицать его г. Загоскинъ не можетъ. Мы видѣли уже (въ введеніи), что подача челобитныхъ была одной изъ формъ участія населенія въ управленіи государствомъ, въ «строеніи земли» и существовала еще за долго до созванія перваго земскаго собора при Иванѣ IV. И. Н. Дитятинъ подробно развиваетъ эту мысль [2]), съ которой г. Загоскинъ точно также согласенъ. Поэтому весьма возможно, что впродолженіи вышеназванныхъ трехъ лѣтъ подавались челобитныя, которыя и явились однимъ изъ стимуловъ созванія собора 1649 г. О нихъ, можетъ быть, и говоритъ Память Обонежской Пятины. Повторяемъ: это ничто иное, какъ предположеніе, имѣющее, впрочемъ, такое же право на существованіе, какъ и предположеніе г. Загоскина. Въ «Памяти» говорится о «челобитіи иноземцевъ». Намъ кажется, что это скорѣе служитъ подтвержденіемъ вѣроятности третьяго предположенія и по слѣдующей причинѣ. Иностранцы, имѣвшіе возможность жить въ Московскомъ государствѣ и даже пользоваться большими правами, пользовались, между прочимъ, правомъ подавать челобитныя на имя государя, но никогда не участвовали на земскихъ соборахъ. Объ этомъ мы нигдѣ не находимъ никакихъ указаній, да оно вполнѣ и понятно. Даже теперь, въ

---

[1]) Ист. пр. Моск. госуд. т. I, стр. 281.

[2]) Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскимъ государствомъ (Русская Мысль 1880 г. № 5).

представительныхъ государствахъ новаго времени иностранный подданный не можетъ пользоваться ни пассивнымъ, ни активнымъ правомъ избранія; для этого требуется его натурализація, т. е. переходъ въ подданство того государства, въ парламентѣ котораго онъ желаетъ быть депутатомъ. Вслѣдствіе этого, уже a priori можно рѣшить, что въ прежнее время, когда существовало крайнее недовѣріе и непріязнь къ иностранцамъ, послѣдніе не имѣли никакой возможности принимать участія въ государственномъ управленіи. Поэтому понятно, почему въ древне-русскія представительныя учрежденія былъ закрытъ доступъ всѣмъ не русскимъ. Между тѣмъ, грамота говоритъ о «челобитіи иноземцевъ» на ряду съ другими челобитіями, принимаемыми г. Загоскинымъ за доказательства существованія собора. Этотъ фактъ и побуждаетъ насъ скорѣе думать, что вышеназванныя челобитныя были поданы не на соборѣ.

Другое свидѣтельство есть показаніе Олеарія. Какъ извѣстно, Адамъ Олеарій, посолъ герцога шлезвигъ-голштинскаго Фридриха, совершилъ путешествіе въ Москву и Персію и описалъ его въ своемъ сочиненіи, полное названіе котораго: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636, 1639 годахъ». Въ XIII главѣ своего сочиненія Олеарій говоритъ: «когда, какъ выше сказано, въ 1645 году по Р. Х. Іюля 12-го Великій князь всея Россіи Михаилъ Ѳедоровичъ скончался, то тотчасъ же, на другой затѣмъ день, именно 13-го іюля, привѣтствовали Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи сына его, шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича (род. 17-го марта 1630 г.) и въ тотъ же день, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ Бояръ, знатныхъ господъ и всего народа, его вѣнчали на Царство и присягнули ему» [1]).

На основаніи этихъ свидѣтельствъ, мы имѣемъ основаніе предполагать, что въ 1645 г. въ Москвѣ состоялся соборъ, избравшій на царство Алексѣя Михайловича или, лучше сказать, санкціонировавшій народной волею вступленіе его на престолъ. Странно только, что новоизбранный царь ни слова объ этомъ не говоритъ въ своихъ окружныхъ грамотахъ, упоминая между тѣмъ о прежнемъ крестномъ цѣлованіи всѣхъ чиновъ Московскаго государства. «И по прежнему крестному цѣлованію, читаемъ въ одной изъ грамотъ, бояръ нашихъ, и окольничихъ, и думныхъ людей, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей Московскаго государства.... учинились мы, Великій Государь на Владимірскомъ и на Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ великихъ Государствахъ Россійскаго Царствія Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи» [2]).

---

[1]) Олеарій (перев. П. Барсова), стр. 256.
[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 122, стр. 417.

Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ еще молодой и вдобавокъ мягкосердечный, въ первое время своего царствованія находился совершенно подъ вліяніемъ боярина Морозова, правившаго безконтрольно государствомъ и никому не отдавая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Послѣдній, желая упрочить свое положеніе при дворѣ, женилъ царя на дочери дворянина Милославскаго, а самъ, не смотря на свою старость, женился на ея сестрѣ. «Илья Даниловичъ Милославскій, говоритъ Олеарій, сдѣлавшись тестемъ царя, вошелъ въ большую силу» и сталъ покровительствовать своимъ бѣднымъ родственникамъ и слугамъ, желавшимъ обогатиться на счетъ государевой казны. «Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ по имени Леонтій Степановичъ Плещеевъ, который посаженъ былъ главнымъ судьею въ Земскомъ Дворѣ или Приказѣ (Ратушѣ). Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простаго народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ Приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими». «Въ числѣ такихъ безбожныхъ чиновниковъ былъ еще одинъ, по имени Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ», онъ былъ управляющимъ Пушкарскаго Приказа и также грабилъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми сталкивалъ его случай [1])». Вышеописанныя личности не составляли въ то время исключенія, все русское чиновничество XVII вѣка было деморализовано до мозга костей и «скоблило кожу съ простаго народа» съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи. Изъ сказокъ, поданныхъ выборными на соборѣ 1642 г. мы ужъ видѣли, что творили «государевы воеводы» въ мѣстностяхъ и какъ раззоряли народъ. Въ Москвѣ было не лучше. Плещеевыхъ и Траханіотовыхъ наплодилось неисчислимое количество и эти sui generis паразиты усердно конкурировали между собой въ дѣлѣ ограбленія народа и раззоренія государства. Народъ жаловался царю, подавалъ ему челобитныя, но онѣ не доходили до послѣдняго или доходили въ неузнаваемомъ видѣ. Царь былъ далекъ отъ народа и не вѣдалъ того, что творилось въ государствѣ; между нимъ и народомъ воздвиглась своего рода стѣна, разобщившая ихъ другъ отъ друга, это стѣна изъ морозовскихъ фаворитовъ и его всевозможныхъ прихлебателей. Реформы, на которыя указывали выборные въ 1642 г. не приводились въ исполненіе, положеніе всѣхъ сословій было крайне плачевно, какъ вслѣдствіе неурядицъ среди нихъ самихъ, такъ и во всемъ государственномъ управленіи, наконецъ, въ довершеніе ко всему былъ установленъ новый акцизъ на соль, тяжело отозвавшійся на народномъ благосостояніи; все это порождало сильное неудовольствіе и послужило причиной возникновенія событій, разыгравшихся лѣтомъ 1648 г. въ Москвѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ Россіи. Не получая

[1]) Олеарій, стр. 267

удовлетворенія въ своихъ насущныхъ потребностяхъ и видя, что правительство не обращаетъ никакого вниманія на заявленія народныхъ желаній и нуждъ, народъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился самъ своими силами овладѣть тѣмъ, въ чемъ ему отказывали. Въ началѣ лѣта 1648 г. въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ, быстро распространившійся и по другимъ городамъ [1]. «Бысть волненіе, говоритъ лѣтописецъ и восташа чернь на бояръ, къ нимъ же присташа и служилые люди, и бысть междусобица велика» [2]. Многіе боярскіе дома были разграблены и нѣсколько человѣкъ, наиболѣе ненавистныхъ народу, какъ то Плещеевъ, Траханіотовъ и др. убиты. „Убиша міромъ Леонтья Плещеева, а Петра Траханіотова

[1]) Что касается до времени возникновенія московскаго мятежа, то на этотъ счетъ въ источникахъ существуетъ разногласіе. Такъ, по Дворцовымъ разрядамъ мятежъ начался 25-го мая (т. III, стр. 93), Олеарій относитъ его къ 6-му іюлю (стр. 270), по Лѣтописи о мятежахъ же выходитъ, что волненія начались 2-го іюня (стр. 357). Съ этимъ согласно и показаніе богомольной грамоты, разосланной по всѣмъ городамъ патріархомъ. „Въ нынѣшнемъ во 156, іюня во 2 день, говорится въ ней, учинилась на Москвѣ и по городамъ междуусобная брань“... и т. д. (Акты Арх. Эксп. т. IV, № 30). Третья дата (2 іюня) нужно думать самая вѣрная, такъ какъ ее подтверждаютъ и многіе неизданные источники (по крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что мятежъ имѣлъ мѣсто въ іюнѣ). „157 года, сентября въ 14 день, говорится въ одномъ документѣ, государь пожаловалъ *стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и жильцовъ,* у которыхъ въ прошломъ 156 году *іюня* въ день на Москвѣ дворы ихъ погорѣли и велѣлъ ихъ съ Москвы отпустить по деревнямъ“... (Записная книга Московскаго стола Разряднаго приказа Архива министерства юстиціи, № 7, л. 26). „Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, читаемъ въ другомъ документѣ, бьютъ челомъ холопи твои Ондрюшко, да Ивашко Племянниковы; въ прошломъ, Государь, во 156 году, *іюня въ третій день дворишка, Государь, наши московскіе сгорѣли... а животишка наши всѣ разграблены безъ остатку на дворѣ боярина и дворецкаго князь Алексѣя Михайловича Львова*“ и т. д. (Столбецъ Моск. стола, Разр. приказа Архива мин. юст. за № 217, дѣло № 3, л. 5). Въ томъ же столбцѣ находится слѣдующее, весьма любопытное извѣстіе нетолько касательно времени московскихъ волненій, но и касательно времени убіенія извѣстнаго Плещеева: „дворянинъ Левонтій Степановъ сынъ Плещеевъ 156 года, *іюня въ 4 день* за вину выданъ чернымъ людямъ и убитъ у Лобнаго мѣста“. (Столбецъ за № 217, дѣло № 4, л. 64 и 70). Но кромѣ русскихъ источниковъ, есть еще одинъ голландскій, который также свидѣтельствуетъ въ пользу того, что мятежъ произошелъ въ іюнѣ. По словамъ г. Феттерлейна, въ голландскомъ печатномъ текстѣ число событія (мятежа), какъ въ заглавіи, такъ и въ разсказѣ одинаково обозначено 2 іюня (Феттерлейнъ, Замѣтка по поводу „Разсказа очевидца о московскомъ бунтѣ 1648 года“, см. Вѣстникъ Европы 1880 г. февраль).

Вышеназванные писанные документы сообщилъ намъ помощникъ начальника 1-го отдѣленія Архив. мин. юст. А. Н. Зерцаловъ, которому мы и приносимъ нашу искреннюю благодарность.

[2]) Лѣтопись о мятежахъ, стр. 357.

казнила на пожарѣ", читаемъ въ лѣтописи [1]). Самъ царь боялся, какъ бы разъяренный народъ не обратилъ своего гнѣва противъ него; «царица, говоритъ Котошихинъ, и царевичи, и царевны запершися сидѣли въ хоромехъ въ великомъ страху и въ боязни» [2]). Правительство употребило всѣ усилія, чтобъ прекратить мятежъ и, сознавая опасность положенія, дѣйствовало миролюбиво при помощи одного только увѣщанія. «Его царское Величество, пишетъ Олеарій, у котораго мы находимъ самое подробное описаніе московскихъ волненій, замѣстилъ негодныхъ чиновниковъ и мѣста ихъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ» [3]). Мало того, царь рѣшился примириться съ народомъ и объясниться съ нимъ лично. Алексѣй Михайловичъ поступилъ въ данномъ случаѣ такъ же, какъ нѣкогда Иванъ IV, находясь при аналогичныхъ обстоятельствахъ съ первымъ. Разница только въ томъ, что Иванъ говорилъ свою рѣчь предъ лицомъ *всей* земли, Алексѣй же Михайловичъ предъ лицомъ одного московскаго народа. Рѣчь, произнесенная царемъ, крайне характеристична, Олеарій приводитъ ее цѣликомъ [4]). Царь началъ съ выраженія прискорбія и сожалѣнія, что ему ничего не было извѣстно о тѣхъ подвигахъ, которыми занимались «безбожные» Плещеевъ и Траханіотовъ, вполнѣ заслуженно понесшіе свое наказаніе. «На ихъ мѣста, сказалъ царь, назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ править народомъ съ кротостью и справедливостью, будутъ блюсти пользу и благо народное, о чемъ и самъ онъ будетъ отнынѣ имѣть бдительное смотрѣніе». «Увеличенная пошлина на соль, продолжалъ царь, вмѣстѣ съ этимъ будетъ отмѣнена, выданныя до сего милостивыя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности, онъ желаетъ теперь расширить и умножить и во всемъ поступать впредь, какъ отецъ подданныхъ своей страны, съ царскимъ милосердіемъ». Услышавъ это, народъ поклонился царю, поблагодарилъ его и пожелалъ ему долголѣтней жизни. Въ заключеніе своей рѣчи, царь старался оправдать Морозова и просилъ народъ простить его. «Онъ, т. е. царь ручается, что отнынѣ Морозовъ, напротивъ, будетъ оказывать имъ всю свою любовь, вѣрность и доброе расположеніе. Если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не занималъ болѣе мѣста Государственнаго Совѣтника, то онъ, царь отставитъ его отъ этой должности, но только, чтобы онъ, царь, не выдавалъ народу голову его, своего втораго отца, воспитавшаго его и возраставшаго». «Его сердце не можетъ вынести

[1]) Тамъ же стр. 358.
[2]) О Россіи, гл. VII, стр. 84.
[3]) Олеарій, стр. 277.
[4]) Тамъ же стр. 277—279.

этого, такъ заключилъ Алексѣй Михайловичъ свою рѣчь, и потому онъ хочетъ думать, что народъ не потребуетъ отъ него такой жертвы, какъ прежде„. «Когда при этомъ слезы, говоритъ Олеарій, какъ свидѣтельство и великой любви къ Морозову, выступили на глазахъ его Царскаго Величества и прервали рѣчь его, весь народъ преклонилъ головы и громко закричалъ: „Боже, сохрани его Царское Величество въ добромъ здравіи, на многія лѣта! Какъ угодно Богу и его Царскому Величеству, такъ и да будетъ!“ При такомъ заявленіи народа, Его Царское Величество также сердечно возрадовался, какъ прежде сердечно скорбѣлъ, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ поблагодарилъ народъ за такое рѣшеніе и увѣщевалъ его успокоиться и быть послушнымъ, увѣряя его при томъ, что самъ онъ всегда и безъ отмѣны будетъ исполнять все то, что теперь обѣщалъ народу. Затѣмъ, его Царское Величество въ сопровожденіи своихъ придворныхъ людей, бывшихъ при его шествіи, мирно возвратился въ Кремль». Морозовъ былъ смѣненъ и сосланъ на нѣкоторое время въ Кирилловъ монастырь. До насъ дошла царская грамота въ этотъ монастырь объ охраненіи его отъ всякой опасности [1]). Вскорѣ однако онъ былъ возвращенъ и пріобрѣлъ снова большое вліяніе на дѣла. Впрочемъ, «съ той поры всякій, говоритъ Олеарій, подавшій письменную просьбу его Царскому Величеству черезъ Морозова никогда не получалъ отказа. И въ настоящее время, какъ мнѣ извѣстно за вѣрное, Морозовъ продолжаетъ быть истиннымъ покровителемъ и благодѣтелемъ народа, какъ Нѣмцевъ, такъ и Русскихъ» [2]).

Однако правительство Алексѣя Михайловича сознавало, что одной царской рѣчи не достаточно, чтобъ залѣчить всѣ болѣзни государственнаго организма и уничтожить зло, накопившееся вѣками. Необходимо было принять радикальныя мѣры для удовлетворенія народныхъ нуждъ и для уничтоженія всякой возможности возникновенія въ будущемъ событій, подобныхъ имѣвшимъ мѣсто лѣтомъ 1648 г. Чувствовалась крайняя потребность въ новомъ уложеніи, такъ какъ старый Судебникъ не удовлетворялъ болѣе требованіямъ жизни. Чуть не ежедневно подававшіяся челобитныя, броженіе въ народѣ и, наконецъ, открытый бунтъ—все указывало на ненормальное положеніе дѣлъ въ государствѣ и на необходимость скорѣйшаго его уничтоженія. Вслѣдствіе только что происшедшихъ событій и изъ боязни еще худшаго въ будущемъ, правительство рѣшилось послѣдовать исконной политикѣ русскихъ царей, всегда дававшей одни благіе результаты: искать въ смутныя времена опоры въ народѣ и призывать его къ участію въ государственномъ управленіи... 1-ое сентября 1649 г. (по старому лѣтосчисленію) было назначено

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 29, стр. 42.

[2]) Олеарій, стр. 279.

срокомъ для съѣзда выборныхъ въ Москву, какъ это видно изъ грамоты въ Обонежскую пятину Нагорной половины, адресованной на имя губнаго старосты Ивана Кобылина [1]). Грамота содержитъ въ себѣ приказаніе послѣднему произвести выборы среди дворянъ и дѣтей боярскихъ и позаботиться о скорѣйшей присылкѣ выборнаго въ Москву. «Въ нынѣшнемъ 156 году, говорится въ этомъ памятникѣ, 28-го іюля въ грамотѣ Государя Алексѣя Михайловича, за приписью дьяка Ларіонова, писано въ Великій Новгородъ къ воеводѣ князю Хилкову и къ дьяку Завьялову: по указу Государя и святѣйшаго патріарха Іосифа, по приговору государевыхъ бояръ (боярской думы) и по челобитію земскихъ чиновъ Московскаго государства, (о времени этого челобитія было сказано выше) велѣно въ Москвѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи на всякіе расправные дѣла написать Судебникъ и Уложенную книгу, чтобъ впередъ по той Уложенной книгѣ всякіе дѣла дѣлать и вершить безо всякаго переводу и безволокитно; а для того Государева и земскаго дѣла указалъ Государь взять изо всѣхъ городовъ дворянъ и посадскихъ людей добрыхъ, чтобъ государевы и земскіе дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобъ государевы дѣла, по указу Государя и по Уложенію, были нѣчимъ не рушимы; а срокъ выборнымъ людемъ всѣмъ учиненъ стать въ Москвѣ Сентября 1 число 157 году». Далѣе слѣдуетъ указаніе на порядокъ производства выборовъ. «Когда къ тебѣ (губному старостѣ Кобылину) придетъ эта грамота, ты долженъ созвать въ губной станъ всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Обонежской пятины Нагорной половины и прочесть имъ государевъ указъ. Затѣмъ ты обязанъ имъ сказать, чтобъ они выбрали изъ своей среды человѣка добраго и смышленаго, которому государевы и земскіе дѣла «за обычай» и на того выборнаго человѣка взялъ бы у нихъ «выборъ за руками» (протоколъ о производствѣ выборовъ). Когда все это будетъ сдѣлано, ты вели выборному ѣхать въ Великій Новгородъ, тотчасъ «съ запасомъ [2]), безо всякаго мотчанія», чтобъ ему поспѣть въ Москву, къ назначенному сроку (1-го сентября 1649 г.). Въ случаѣ же того, если дворяне и дѣти боярскія не захотятъ ѣхать въ Губной станъ, то скажи имъ, чтобъ они ѣхали въ Великій Новгородъ (если это для нихъ ближе). Но, чтобъ все дѣлалось, какъ можно скорѣе», прибавляетъ грамота.

«Въ лѣто 7156, іюля въ 16 день, читаемъ въ другомъ памят-

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 27, стр. 40.

[2]) Изъ многихъ документовъ, напечатанныхъ въ *моихъ* Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. видно, что вышеназванныхъ „запасовъ" не хватило выборнымъ, такъ какъ они принуждены были обращаться къ правительству за денежною помощью, не смотря на то, что и безъ того получали „государево жалованье" (стр. 49—70).

нике [1]), Государь Алексѣй Михайловичъ, въ двадесятое лѣто (очевидно, что Алексѣй Михайловичъ такъ же, какъ нѣкогда Иванъ IV дѣйствовалъ побуждаемый умными совѣтниками, напр. патріархомъ Іосифомъ и др. Самъ онъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ въ управленіи государствомъ) возраста своего, въ третье лѣто Богомъ хранимыя своя Державы совѣтовалъ съ отцемъ своимъ... Іосифомъ Патріархомъ, и съ Митрополиты, и съ Архіепископы, и съ Епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, которые статьи написаны въ правилѣхъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ и въ градскихъ законѣхъ Греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ Государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ. И тѣ бы статьи выписать и чтобы прежнихъ великихъ Государей, Царей и великихъ Князей Россійскихъ и Отца его, Государева, блаженныя памяти великаго Государя, Царя и великаго Князя Михайла Θедоровича всея Русіи указы и боярскіе приговоры на всякіе Государственные и на земскіе дѣла собрать, и тѣ Государскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми судебниками справити. А на которые статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ Государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ бы статьи потому же написати и изложити по его, Государеву указу *общимъ совѣтомъ*, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна. И указалъ Государь Алексѣй Михайловичъ то все собрати и въ докладъ написати боярамъ: князю Н. И. Одоевскому, князю С. В. Прозоровскому, окольничему князю Θ. Θ. Волконскому, да дьякомъ Леонтьеву и Грибоѣдову». Цитированное мѣсто «выписки» (какъ и вся она) составлено въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что и было причиной его различнаго толкованія со стороны многихъ ученыхъ. Изъ «выписки» видно, что Алексѣй Михайловичъ, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и съ думою, рѣшилъ произвести реформу въ области законодательства и создать новое уложеніе, для для чего и постановилъ: 1) выписать изъ правилъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, а также изъ градскихъ законовъ греческихъ царей статьи «пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ», 2) собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры и «справить» ихъ со старыми судебниками, 3) написать вновь статьи «на которыя въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ не было» и 4) на основаніи всего этого, составить доклады для принесенія ихъ царю. Все это должно было быть совершено «общимъ совѣтомъ» т. е.

[1]) Выписка изъ соборнаго акта (Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. III, № 129, стр. 438 и предисловіе къ Уложенію).

земскимъ соборомъ [1]), для руководства же послѣднимъ и для подготовительныхъ работъ была учреждена подъ предсѣдательствомъ князя Н. И. Одоевскаго особая коммиссія, въ составъ которой вошли, кромѣ него, еще одинъ бояринъ, одинъ окольничій и два дьяка.

---

[1]) Слова „общій совѣтъ“ толкуются различно. Извѣстный Строевъ, признававшій, что Уложеніе было продуктомъ дѣятельности одной только коммиссіи съ княземъ Н. И. Одоевскимъ во главѣ, относилъ ихъ къ послѣдней. „Царь, говоритъ Строевъ, повелѣлъ разрѣшить статьи, не рѣшенныя прежними Судебниками, указами государей и боярскими приговорами, руководствуясь духомъ прежнихъ отечественныхъ узаконеній. Въ ихъ разрѣшеніи равно участвовали *всѣ составители Уложенія* (по Строеву *всѣ* члены коммиссіи), ибо повелѣно было изложить ихъ „общимъ совѣтомъ“. (Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго ц. Алексѣемъ Михайловичемъ, 1833 г. стр. 26). Н. П. Загоскинъ вполнѣ правъ, признавая подобное толкованіе вышеназванныхъ словъ „абсолютно невѣрнымъ“. „Если бы Строевъ, говоритъ казанскій профессоръ, и повторявшіе его выводы писатели ближе вникли во внутреній смыслъ предисловія, они *сопоставили бы съ этимъ выраженіемъ его повтореніе, находящееся нѣсколько ниже, гдѣ говорится, что проэктъ сборника слушался всѣми выборными людьми, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ*“. Отсюда Н. П. Загоскинъ справедливо выводитъ, что подъ „общимъ совѣтомъ“ понимается земскій соборъ (Уложеніе ц. и в. кн. Алекс. Мих. и земскій соборъ 1648—49 года. Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Казанскаго унив. 5-го ноября 1879 года стр. 32). Но г. Загоскинъ, по вѣрному замѣчанію г. Мейчика, слишкомъ „съуживаетъ задачу соборныхъ людей“, такъ какъ считаетъ ихъ дѣятельность простирающеюся только на составленіе однѣхъ новыхъ статей, между тѣмъ, какъ на основаніи „выписки“ можно предполагать, что дѣятельность выборныхъ была шире и не ограничивалась одними новыми статьями. По мнѣнію г. Мейчика, назначеніе „общаго совѣта“ заключалось въ томъ, чтобъ „*написать и изложить, какъ прежнія, такъ и новыя пристойныя статьи*“. Къ такому мнѣнію г. Мейчикъ приходитъ, толкуя одно мѣсто въ „выпискѣ“. „А на которыя статьи, говорится въ ней, въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было: и тѣ бъ статьи *потому же* написати и изложити по его, государеву указу общимъ совѣтомъ“. „Выраженіе „потому же“, говоритъ г. Мейчикъ, означаетъ „такимъ же образомъ“, т. е. какъ и тѣ статьи, на которыя послѣдовали указы прежнихъ государей. Тѣ изъ писателей, которые ограничиваютъ участіе выборныхъ обсужденіемъ однѣхъ лишь новыхъ статей, оставляютъ безъ объясненія это существенное слово“. „Къ тому же продолжаетъ г. Мейчикъ, нельзя найти разумнаго основанія, почему бы выборъ *пристойныхъ* статей изъ градскихъ законовъ почитался не подлежащимъ обсужденію выборныхъ: вѣдь онѣ также должны восполнить пробѣлы въ прежнихъ указахъ, какъ и тѣ, которыя вновь будутъ написаны“ (Сборникъ Археологическаго института, книги: 3, стр. 108 и 4, стр. 37). Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію, тѣмъ болѣе, что и факты на его сторонѣ. Такъ извѣстно, что VIII глава Уложенія („О искупленіи плѣнныхъ“) была продуктомъ совмѣстнаго совѣщанія царя съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ, боярами, думными людьми и „всякихъ чиновъ выборными людьми“ (Рѣчь Н. П. Загоскина, стр. 52), а между тѣмъ постановленія ея *не были новы* (Сборн. Археол. инст. книга 4, стр. 37).

«Для того Государева и земскаго великаго дѣла, продолжаетъ выписка. Государь указалъ, а бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, изъ московскихъ дворянъ и изъ жильцовъ по два человѣка. Также изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (изъ всѣхъ большихъ городовъ, кромѣ Новгорода) взять по два человѣка. Изъ Новгорода же съ каждой пятины по человѣку (слѣдовательно пять человѣкъ). Небольшіе же города должны были прислать по человѣку. Изъ гостей взять по три человѣка, изъ гостинной и суконной сотенъ—по два, а изъ черныхъ сотенъ, изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ—по человѣку. Выборные должны быть добрыми и смышлеными людьми, могущими оправдать довѣріе Государя».

Изъ выписки видно, что коммиссія исполнила подготовительныя работы и бояре, вошедшіе въ ея составъ, выписавъ нужныя статьи изъ вышепоименованныхъ источниковъ, «приносили» ихъ къ государю. 3-го октября 1649 года Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ, съ освященнымъ соборомъ и съ боярской думою «слушалъ и выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ чтено, чтобы то все Уложеніе впредь было точно и неподвижно. Государь указалъ написать Уложеніе на списокъ и закрѣпить этотъ списокъ всѣмъ чинамъ Московскаго государства. Затѣмъ Государь велѣлъ списать Уложеніе съ подписями въ книгу и закрѣпить ее дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Съ этой же книги напечатать «многіе» другія книги и разослать ихъ по приказамъ и по городамъ. Все было исполнено такимъ образомъ, какъ хотѣлъ Государь». Выписка заканчивается словами: «а какъ то Уложеніе, по Государеву, Цареву и Великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу, чтено выборнымъ людемъ, и въ то время въ отвѣтной палатѣ, по Государеву указу, сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, да съ нимъ выборные люди».

Итакъ, мы видимъ, что соборъ 1649 г. состоялъ изъ двухъ палатъ. Въ составъ одной изъ нихъ, верхней (если только можно употребить это слово) вошли самъ царь, патріархъ, освященный соборъ и боярская дума, слѣдовательно высшіе разряды чиновъ. Составъ нижней былъ изъ выборныхъ низшаго служилаго сословія (стольники, стряпчіе, московскіе дворяне, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія) и тяглыхъ людей (гости, гостинная и суконная сотни, черныя сотни). Представителемъ правительства въ нижней палатѣ былъ князь Долгорукій. Какъ увидимъ ниже, нижняя палата далеко не ограничилась однимъ выслушаніемъ доклада, но принимала дѣятельное участіе въ составленіи Уложенія, исправляя и дополняя его.

Сколько было всѣхъ членовъ собора 1648—1649 г., трудно рѣшить, такъ какъ далеко не всѣ подписались подъ Уложеніемъ. На

подлинномъ уложенномъ столбцѣ имѣется 315 подписей [1]), благодаря же изысканіямъ А. Н. Зерцалова, извѣстно, что 25 членовъ собора совсѣмъ не подписались подъ Уложеніемъ, хотя изъ многихъ источниковъ видно, что они принимали участіе въ составленіи этого законодательнаго памятника и были выборными на соборѣ [2]). Весьма возможно, что неподписавшихся было гораздо больше, но они до сихъ поръ неизвѣстны. Въ составъ собора вошли: патріархъ Іосифъ, два митрополита (Варлаамъ ростовскій и Серапіонъ крутицкій), три архіепископа (вологодскій, рязанскій и тверской), епископъ (коломенскій), пять архимандритовъ, игуменъ, 15 бояръ (между ними встрѣчаются фамиліи Морозова, Одоевскаго, Львова и др.), 10 окольничихъ, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, четыре думныхъ дьяка, два простыхъ дьяка, Благовѣщенскій протопопъ (духовникъ государя), шесть московскихъ дворянъ (среди которыхъ два стольника), 153 дворянина и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, 15 стрѣльцовъ, трое гостей, 12 представителей московскихъ сотенъ и слободъ, 79 посадскихъ изъ городовъ и 21 человѣкъ неизвѣстнаго чина [3]). Слѣдующіе города были представлены на соборѣ: Алатырь, Алексинъ, Арзамасъ, Атемаръ, Балахна, Болховъ, Боровскъ, Брянскъ, Бѣжецкій-Верхъ, Бѣлгородъ, Бѣлевъ, Бѣлоозеро, Васильгородъ, Верея, Владиміръ, Вологда, Волоколамскъ, Воронежъ, Вязьма, Вятка, Галичъ, Гдовъ, Гороховецъ, Дмитровъ,

[1]) Забѣлинъ, Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачева, книга 1, изд. 1876 г. стр. 3—14).

[2]) Не подписались подъ Уложеніемъ слѣдующіе выборные: одинъ изъ Алексина, одинъ изъ Бѣжецкаго-Верха, одинъ изъ Ельца, одинъ изъ Карачева, одинъ изъ Кашина, одинъ изъ Костромы, одинъ изъ Кромъ, одинъ изъ Ливенъ, одинъ изъ Лихвина, одинъ изъ Можайска, одинъ изъ Москвы, одинъ изъ Нижняго-Новгорода, одинъ изъ Новгорода, одинъ изъ Оскола, одинъ изъ Рыльска, двое изъ Серпухова, двое изъ Сѣвска, одинъ изъ Торопца, одинъ изъ Уржума, двое изъ Усмани и двое выборныхъ неизвѣстно изъ какихъ городовъ. Кромѣ этихъ 25 лицъ, не подписались подъ Уложеніемъ еще пять дьяковъ (впрочемъ, трое изъ нихъ скрѣпили его на оборотѣ и по склейкамъ), участвовавшихъ въ его составленія (Гавреневъ, Волошениновъ, Елизаровъ, Грибоѣдовъ и Леонтьевъ), итого 30 лицъ. (См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 13—48).

[3]) Интересна группировка грамотныхъ и неграмотныхъ на этомъ соборѣ, произведенная А. Н. Зерцаловымъ. Изъ 315 лицъ, подписавшихся подъ Уложеніемъ, 171 были грамотны (патріархъ, архіепископы, епископъ, архимандриты, игуменъ, протопопъ, 13 бояръ, окольничіе, казначей, думный дворянинъ, печатникъ, четыре думныхъ дьяка, два моск. дворянина, 81 городовыхъ дворянъ, два гостя, два простыхъ дьяка, шесть стрѣльцовъ, семь московскихъ посадскихъ и 27 городовыхъ посадскихъ), остальные же 143 человѣка были неграмотны (два боярина, три моск. дворянина, 67 городовыхъ дворянъ, гость, девять стрѣльцовъ, пять моск. посадскихъ и 56 городовыхъ посадскихъ). См. *мои* Матеріалы, стр. 13—48.

Елатьма, Елецъ, Зарайскъ, Зубцовъ, Кадомъ, Казань, Кайгородъ, Калуга, Карачевъ, Каргополь, Кашинъ, Кашира, Клинъ, Козельскъ, Коломна, Кострома, Кременскъ, Кромы, Кузьмодемьянскъ, Курмышъ, Курскъ, Ладога, Ливны, Лихвинъ, Великія-Луки, Лухъ, Мещевскъ, Мещера, Можайскъ, Москва, Муромъ, Мценскъ, Нерехта, Нижній-Новгородъ, Новосиль, Новгородъ-Сѣверскій, Новгородъ, Новоторжекъ, Одоевъ, Опочка, Орелъ, Осколъ, Переяславль-Залѣсскій, Переяславль-Рязанскій, Порховъ, Пошехонье, Псковъ, Путивль, Ржева-Володимірова, Ржева-Пустая (Пусторжевъ), Романовъ, Ростовъ, Руза, Ряжскъ, Рязань, Рыльскъ, Свіяжскъ, Серпуховъ, Смоленскъ, Солова, Соль-Великая, Сольвычегодскъ, Солигаличъ, Соликамскъ, Старая-Русса, Старица, Стародубъ, Суздаль, Сѣвскъ, Тверь, Темниковъ, Торопецъ, Таруса, Тула, Угличъ, Унжа, Уржумъ, Усмань, Уфа, Холмогоры, Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ, Цивильскъ, Чаранецъ, Чебоксаръ, Чердынь, Черниговъ, Чернь, Чухлома, Шуя, Юрьевъ-Польскій, Ядринъ, Яранскъ, Малоярославецъ, и Ярославль [1]).

Долго ли продолжались засѣданія собора, сколько мѣсяцевъ было употреблено на составленіе Уложенія? На этотъ счетъ въ наукѣ до послѣдняго времени существовало разнорѣчіе. Строевъ и его послѣдователи полагали, что срокъ составленія Уложенія равнялся $2^1/_2$ мѣсяцамъ: съ 16-го іюля, когда была учреждена извѣстная коммиссія и по 3-е октября, когда плодъ трудовъ этой коммиссіи читался выборнымъ на соборѣ. Но подобное мнѣніе не можетъ быть допущено, вопервыхъ, потому что немыслимо въ такой короткій промежутокъ времени составить столь обширный законодательный памятникъ, какъ Уложеніе, вовторыхъ же, имѣются положительныя данныя, опровергающія вышеприведенное мнѣніе.

---

[1]) См. *мои* Матеріалы, стр. 13—48. Среди рукоприкладствъ на подлинномъ Уложеніи встрѣчается одно, довольно странное: „по выбору Лучанъ и Пусторжевцевъ Микита Сумароковъ руку приложилъ". (Архивъ историко-юрид. свѣденій, книга 1, стр. 7). „При буквальномъ пониманіи этой подписи, говоритъ г. Мейчикъ, легко подумать, что Сумароковъ былъ уполномоченъ на представительство двухъ городовъ—Лукъ и Ржевы Пустой. Между тѣмъ, изъ другихъ подписей видно, что оба города—Ржева Пустая равно, какъ и Луки имѣли своихъ особыхъ представителей". (Сбор. Арх. инст. кн. 3, стр. 108). Такимъ образомъ, г. Мейчикъ оказывается не въ состояніи объяснить вышеназванной странности. Между тѣмъ, она объясняется слѣдующимъ образомъ: въ Лукахъ Великихъ жили нѣкоторые пусторжевцы, которые и участвовали вмѣстѣ съ лучанами въ выборѣ представителя на соборъ. Что подобный фактъ дѣйствительно могъ имѣть мѣсто, приведемъ одну, найденную А. Н. Зерцаловымъ, запись. „145 года, іюня въ 4 день, читаемъ въ ней, на Луки Великіе, по челобитію дворянъ и дѣтей боярскихъ Лучанъ и Пусторжевцевъ, и Невлянъ, *которые живутъ на Лукахъ Великихъ*, велѣно сбирать сборы и вѣдать ихъ городовому прикащику" (Архивъ минист. юст. (въ Москвѣ), Печатной конторы безпошлинная книга, № 12, л. 261).

Г. Загоскинъ полагаетъ, что соборная сессія продолжалась до конца декабря и свое предположеніе основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: «несомнѣнно, говоритъ онъ, что земскій соборъ былъ еще въ наличности въ концѣ ноября, такъ какъ 25-го числа этого мѣсяца была подана выборными людьми челобитная. Не было окончено въ концѣ ноября и самое обсужденіе проэкта Уложенія: это видно уже изъ предмета челобитья 25-го ноября, касающагося статей XIX главы Уложенія, значитъ въ концѣ ноября обсуждалась только XIX глава сборника и собору предстояло еще обсудить почти треть всего Уложенія (по окончательной редакціи его). Такимъ образомъ, зная minimum продолжительности соборной сессіи (1 сентября—25 ноября) мы имѣемъ право предположить окончаніе ея развѣ только къ концу декабря,—а этимъ устраняется до извѣстной степени баснословная быстрота составленія и изданія Уложенія, такъ часто поражавшая изслѣдователей» [1]).

Но и предположеніе г. Загоскина, хотя гораздо болѣе вѣроятное, чѣмъ Строева также не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что еще въ серединѣ января законодательная работа не была окончена, какъ это видно изъ одной царской грамоты, адресованной на имя боярина М. М. Салтыкова и дьяка Шпулина. Грамота писана 13-го января 157 г. и содержитъ въ себѣ извѣщеніе со стороны царя, что ярославскимъ и костромскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ «у разбору и денежнаго жалованья быти не велѣно, *потому что они на Москвѣ отъ нашего (государева) и земскаго дѣла не отдѣлалися*» [2]).

Наконецъ, существуетъ указаніе въ самомъ Уложеніи, когда было закончено составленіе этого законодательнаго памятника. Мы говоримъ о послѣсловіи. «Совершена сія книга, читаемъ въ послѣднемъ, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи Самодержца ...лѣта 7157-го, генваря въ 29 день». Долгое время думали, что 29 января Уложеніе было закончено печатаніемъ, теперь же, когда извѣстно, что первый указъ о печатаніи вышелъ 7 апрѣля, естественно, что слова: «совершена сія книга» означаютъ не окончаніе печатанія, но окончаніе составленія сборника, тѣмъ болѣе, что онѣ находятся не только въ первопечатномъ изданіи, но и заканчиваютъ собою подлинную рукопись Уложенія. Въ виду же того, что рѣчь идетъ о книгѣ, а не о спискѣ («совершена *сія книга*»), нужно думать, что вышеназванныя слова относятся къ черновому подлиннику, имѣвшему видъ книги, съ котораго былъ написанъ уложенный столбецъ и что послѣсловіе этой книги вошло въ рукописный свитокъ [3]).

[1]) Рѣчь г. Загоскина, стр. 57.

[2]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 72.

[3]) Сборникъ Археолог. института, книги: 2, стр. 11 и 3, стр. 114.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Уложеніе составлялось не два съ половиною мѣсяца, какъ думали Строевъ и его послѣдователи, а шесть съ половиною, что далеко не одно и тоже.

Указъ о печатаніи перваго изданія Уложенія состоялся 7 апрѣля 1649 г. Самое изданіе вышло въ свѣтъ 20 мая, а 14 іюня началась его продажа (до 1-го августа каждый экземпляръ продавался по рублю, послѣ же этого числа—по 40 алтынъ [1]). Указъ о печатаніи втораго изданія вышелъ 26 августа того же года (1649), печатаніе началось 7 ноября 158 г. (1650 г. по старому лѣтосчисленію), а изданіе вышло въ свѣтъ 21 декабря. Продажа началась 4 января и окончилась 25 августа 159 г. (1651 по старому лѣтосчисленію [2]). Оба раза было напечатано по 1200 экземпляровъ [3]).

Переходимъ къ одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, къ вліянію выборныхъ на составленіе Уложенія. Строевъ и его послѣдователи, какъ ужъ было упомянуто выше, отвергали всякое участіе со стороны народныхъ представителей въ дѣлѣ составленія новаго законодательнаго сборника, явившагося, по ихъ мнѣнію, исключительно продуктомъ дѣятельности одной коммиссіи съ княземъ Одоевскимъ во главѣ. Дѣятельность выборныхъ заключалась въ слушаніи Уложенія и въ приложеніи къ нему своихъ рукъ. Народъ, такимъ образомъ, далъ свою санкцію рѣшенію коммиссіи и утвердилъ его своей волей [4]). Невольно рождается вопросъ, стоило же для этого ѣздить въ Москву и такъ торопиться съ выборами? Дѣйствительно, не стоило, если бъ картина составленія Уложенія, нарисованная Строевымъ, была вѣрна, но въ томъ то и дѣло, что вѣрнаго въ ней нѣтъ ничего и выборные далеко не играли роли такихъ маннекеновъ, какими изображаетъ ихъ Строевъ. Первыми, отнесшимися крайне скептически къ строевской картинѣ составленія Уложенія были г. Шпилевскій и Щаповъ. Г. Шпилевскій въ своей рѣчи «Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства» [5]) призналъ, что двѣ статьи Уложенія составлены при участіи народныхъ представителей, а именно: 1-я статья XIII главы (О монастырскомъ приказѣ) и 42 статья XVII главы (О вотчинахъ). Щаповъ также призналъ вліяніе выборныхъ на составленіе двухъ статей: 1 статьи XIX главы (О посадскихъ людехъ) и 42 статьи

---

[1]) См. *мои* Матеріалы, стр. 188—218.

[2]) См. *мои* Матеріалы, стр. 219—288.

[3]) Нѣкоторые ученые признаютъ существованіе еще третьяго изданія (въ 1649 г.), напримѣръ, г. Мейчикъ (Собр. Археол. инст. книга 3, стр. 116), но въ виду отсутствія какихъ бы то нибыло ясныхъ доказательствъ въ пользу подобнаго мнѣнія, этотъ вопросъ долженъ пока считаться открытымъ.

[4]) Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, стр. 14—19.

[5]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Казанскаго унив. 5 ноября 1862 г. (См. Ученыя записки этого университета 1862 г. вып. II, стр. 316—317).

XVII главы (О вотчинахъ). Въ доказательство истинности своихъ словъ онъ привелъ двѣ челобитныя, поданныя выборными на соборѣ, результатомъ чего и было возникновеніе двухъ вышеназванныхъ статей [1]). Въ первой челобитной «всѣ выборные люди ото всея земли били челомъ, чтобъ Государь указалъ у патріарха, и у властей, и у монастырей, и у протопоповъ, и у поповъ вотчинныя земли взять на себя, Государя, которыя даваны съ восемьдесятъ осьмаго году, послѣ указу и уложенью прежнихъ Государей... и прежнихъ властей, которые съ ними, Государи въ то время были на соборѣ; а въ соборномъ дѣлѣ уложенье написано, что съ тѣхъ мѣстъ въ монастыри вотчинныхъ земель отпудъ не давать, а власти де къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредъ, кто по нихъ иные власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать; и велѣлъ бы тѣ земли, взявъ изъ монастырей, роздать по розбору служилымъ людемъ, безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ» [2]). На основаніи этого челобитья, возникла 42 статья XVII главы Уложенія (О вотчинахъ). Вторая челобитная, приведенная Щаповымъ, слѣдующая: тяглые люди жалуются, что «на Москвѣ и около Москвы по городамъ на посадѣхъ дворы и около посадовъ заведены слободы патріарши, и митрополичи, и владычни, и монастырскія, и боярскія, и княженецкія, и стольниковъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, а въ тѣхъ де дворѣхъ и въ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городѣхъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и онбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ промыслѣхъ ихъ такіе заступные и торговые люди затѣснили и изобидѣли многими обидами; а съ промысловъ де они съ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ съ ними не платятъ, живутъ всегда во лготѣ и на Москвѣ де и въ городѣхъ отъ нихъ заступныхъ людей въ торгѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится и межусобіе и ссоры большіе». Челобитная заканчивается просьбой уничтожить подобное явленіе. Служилое сословіе подало такую же челобитную, по содержанію совершенно аналогичную съ предыдущей. «И 157 году, ноября въ 13 день, читаемъ ниже, по тому челобитью всѣхъ чиновъ Московскаго государства докладывали великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича бояре князь Н. И. Одоевскій да князь С. В. Прозоровскій, окольничій князь Ѳ. Ѳ. Волконскій, да дьяки Г. Леонтьевъ да Ѳ. Грибоѣдовъ» [3]).

---

[1]) Отечеств. Записки 1862 г. № 11, стр. 6—8.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 33, стр. 48.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 32, стр. 44.

На основаніи послѣднихъ двухъ челобитныхъ, была составлена 1-я статья XIX главы Уложенія (О посадскихъ людѣхъ).

Вторымъ доказательствомъ того, что выборные не изображали собою безгласныхъ маннекеновъ Щаповъ считаетъ одно извѣстіе, почерпнутое имъ изъ «Сборника архіер. грам. соловецкой библіотеки» (№ 19), изъ котораго видно, что князь А. М. Львовъ и съ нимъ до 120 человѣкъ осмѣлились выразить свое недовольство Уложеніемъ, вслѣдствіе чего и были сосланы въ Соловецкій монастырь, гдѣ впослѣдствіи, когда Никонъ совершилъ свои нововведенія, произвели бунтъ противъ царя, ратуя за старую вѣру. Къ этому извѣстію, намъ кажется, нужно относиться крайне скептически, ужъ по одному тому, что оно какъ то не вяжется съ фактомъ, вполнѣ доказаннымъ г. Загоскинымъ, что до 80 статей Уложенія были составлены при участіи выборныхъ людей. Противъ чего же могли протестовать эти 120 выборныхъ, т. е. почти *половина* членовъ собора! Наконецъ, неужели же ни одинъ памятникъ (кромѣ вышеназваннаго) не упомянулъ бы о такомъ крупномъ событіи, какъ ссылка почти половины всего числа представителей народа! Третье соображеніе, на основаніи котораго едва ли могло состояться событіе, указанное Щаповымъ, это вѣроятность осторожной политики со стороны правительства по отношенію къ возбужденному народу. Врядъ ли Алексѣй Михайловичъ могъ совершить подобный актъ произвола, когда еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, народъ, протестовавшій противъ того же произвола, требовалъ смерти высшихъ сановниковъ государства и когда, какъ передаетъ Щаповъ, «весьма многіе земскіе люди часто государеву указу и повелѣнію учинялись противны и, преступя его крестное цѣлованье, про него, великаго государя износили непристойныя рѣчи» [1]. Нечего и говорить, какъ было бы неблагоразумно и рискованно принимать въ такое время какія бы то ни было репрессивныя мѣры, тѣмъ болѣе, что и самый соборъ былъ созванъ ради успокоенія умовъ и умиротворенія государства. «И то всѣмъ вѣдомо, писалъ впослѣдствіи Никонъ, что сборъ былъ не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей» [2].

Но, кромѣ подобнаго рода соображеній, существуютъ фактическія данныя, опровергающія извѣстія о ссылкѣ князя Львова. Вплоть до 17 марта 1652 г. послѣдній присутствовалъ въ приказѣ Большаго дворца и участвовалъ во всѣхъ царскихъ церемоніяхъ, какъ это видно изъ Дворцовыхъ разрядовъ. 17 же марта 1652 года «за старостію, по его челобитію, не указалъ ему Государь вѣдать во дворцѣ» [3]. Какимъ же образомъ человѣкъ, подвергнутый опалѣ

[1]) Земство и расколъ, стр. 26.
[2]) Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи, т. II, стр. 526.
[3]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 300.

могъ еще оставаться на службѣ *три* года и когда же онъ былъ тогда сосланъ? Есть еще другое извѣстіе, изъ котораго видно, что князь А. М. Львовъ умеръ въ 1656 году и погребенъ въ Спасо-ярославскомъ монастырѣ [1]), что также опровергаетъ возможность ссылки его въ Соловецкій монастырь и участія въ возмущеніи послѣдняго. Но, если извѣстіе о ссылкѣ князя Львова и 120 выборныхъ лишено всякаго основанія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ были довольны Уложеніемъ. Масса народа, не принимавшая участія въ его составленіи и, какъ извѣстно, не пославшая своихъ представителей на соборъ, сомнѣваемся, чтобъ сочувствовала тѣмъ принципамъ, которые были проведены въ новомъ сборникѣ. «Не даромъ, говоритъ Щаповъ, нѣкоторыя демократическія согласія раскола отвергали и до нынѣ отвергаютъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, называя его «богопротивною, антихристовою книгою» [2]). А извѣстно, что расколъ былъ не только религіозной, но и политической оппозиціей существовавшему въ то время порядку вещей въ Россіи. Было не довольно Уложеніемъ также и духовенство, по причинѣ ограниченія его имущественныхъ правъ, совершеннаго на основаніи Уложенія. До насъ дошло письмо Никона, въ которомъ онъ очень нелестно отзывается о князѣ Одоевскомъ и о коммиссіи, во главѣ которой находился послѣдній [3]).

Въ 1875 г. появилось извѣстное изслѣдованіе о земскихъ соборахъ В. И. Сергѣевича, сдѣлавшаго большой шагъ впередъ въ уясненіи вопроса о дѣятельности выборныхъ на соборѣ 1649 года. В. И. Сергѣевичъ считаетъ уже 19 статей, на составленіе которыхъ вліяли выборные. «Изъ 40 статей, говоритъ онъ, XIX главы Уложенія «о посадскихъ людяхъ» 17 (1, 3, 5—18, 39) составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ людей». «О монастырскомъ приказѣ читаемъ, что государь указалъ ему быть особо по челобитью стольниковъ, дворянъ и посадскихъ людей. Особенно любопытное указаніе на участіе выборныхъ людей въ составленіи статей Уложенія находимъ въ статьѣ 42 главы XVII... Ясно, что соборъ 1649 г. подходитъ къ разряду тѣхъ соборовъ, результатомъ которыхъ были соборные приговоры. Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора 1649 г. и въ какой мѣрѣ вошли онѣ въ Уложеніе — вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой. Но, что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія» [4]). По мнѣ-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи, Дѣла Вотчинной коллегіи старыхъ лѣтъ по г. Ярославлю, кн. № 37. Сообщено намъ А. П. Зерцаловымъ. См. также кн. Долгорукова: Россійская родословная книга, ч. I, стр. 186.

[2]) Отеч. Зап. 1862 г. № 11, стр. 6—8.

[3]) Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи, т. II.

[4]) Сборникъ государств. знаній В. П. Безобразова, т. II, стр. 43.

нію В. П. Сергѣевича, инициатива созванія собора 1649 г. также непосредственно принадлежала земскимъ чинамъ. «Какъ бы то ни было, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что мысль о составленіи новаго Уложенія возникла у выборныхъ людей, хотя мы и не знаемъ ближайшихъ условій, при которыхъ это совершилось». Отсюда видно, что В. И. Сергѣевичъ понялъ гораздо шире дѣятельность земскихъ чиновъ, нежели Щаповъ, по мнѣнію котораго, выборные, хотя и сдѣлали кое что, но «обнаружили мало вліянія и участія въ редакціи Уложенія».

Дальше всѣхъ въ вопросѣ о дѣятельности выборныхъ на соборѣ 1649 г. пошелъ Н. П. Загоскинъ. Въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ годичномъ собраніи Казанскаго университета въ 1879 г. г. Загоскинъ доказалъ, что участіе выборныхъ при составленіи Уложенія проявилось въ двоякомъ направленіи: во вліяніи ихъ на работу коммиссіи, имѣвшей мѣсто до 3 октября и посредствомъ подачи челобитныхъ послѣ 3 октября. Извѣстно, что однѣ статьи Уложенія составлены на основаніи Моисеева закона, градскихъ законовъ (памятники византійскаго права). Литовскаго статута, Царскаго Судебника (составленнаго при Иванѣ IV въ 1550 г.) и Стоглава. Другія же статьи составлены вновь, ихъ всѣхъ 17 (137, 146, 147, 149, 185 и 236 X главы (о судѣ); 15, 16, 17, 18 и 30 XI главы (о крестьянахъ); 2 и 3 XV главы (о вершеныхъ дѣлахъ); 34 и 35 XVII главы (о вотчинахъ); 57 и 58 XX главы (о холопахъ) [1]). Г. Загоскинъ считаетъ эти 17 статей, составленными при участіи выборныхъ «общимъ совѣтомъ» [2]). Задаваясь вопросомъ, когда онѣ были составлены: до или послѣ 3 октября, онъ отвѣчаетъ: «мы лично болѣе склоняемся въ пользу перваго предположенія тѣмъ болѣе, что выборные находились въ Москвѣ уже съ 1 сентября, слѣдовательно, слишкомъ за мѣсяцъ до окончательнаго изготовленія проэкта сборника—и въ этотъ промежутокъ времени легко могли быть собираемы для обсужденія постановленныхъ коммиссіею новыхъ законодательныхъ вопросовъ. Но, во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ въ составленіи этихъ 17-ти статей—еще не было выраженіемъ законодательной инициативы земскаго собора 1648—1649 г. Послѣдняя выразилась въ челобитныхъ, поданныхъ выборными людьми государю послѣ 3 октября, слѣдовательно, при обсужденіи проэкта Уложенія» [3]). Такъ, 30 октября были поданы двѣ челобитныя: отъ членовъ служилаго сословія и отъ членовъ тяглаго (на нихъ ссылался Щаповъ и мы ихъ разсмотрѣли выше).

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣденій, т. I, стр. 18—20.

[2]) Мы уже говорили выше, что подобное ограниченіе дѣятельности выборныхъ и распространеніе ея только на однѣ новыя статьи не соотвѣтствуетъ фактамъ.

[3]) Рѣчь Н. П. Загоскина, стр. 40—41.

Г. Загоскинъ показалъ, что онѣ дали содержаніе 16-ти статьямъ XIX главы Уложенія: «о посадскихъ людѣхъ» (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17). 25 ноября было подано новое челобитье. «Били челомъ ото всей земли, чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ учинить на Московскомъ государствѣ по прежнему, какъ было при прежнихъ Государѣхъ.... на Москвѣ, и около Москвы, и въ городѣхъ на посадѣхъ, и около посадовъ, въ слободахъ торговыхъ людей крестьянъ и бобылей и закладчиковъ и откупщиковъ, опричь его государевыхъ торговыхъ людей нигдѣ ничьихъ не было» [1]. «Это челобитье, говоритъ г. Загоскинъ, вызвало къ жизни три новыя статьи XIX главы Уложенія (13, 18, 20), а если принять въ соображеніе статьи, составляющія ихъ дальнѣйшее развитіе (19, 21—34), то мы найдемъ, что общее число статей, вызванныхъ челобитьемъ 25 ноября доходитъ до 18» [2]. Благодаря изысканіямъ г. Загоскина, оказывается, что вся XIX глава Уложенія, заключающая въ себѣ 40 статей, возникла по инииціативѣ и при участіи выборныхъ людей [3]. Разсматривая извѣстную челобитную объ ограниченіи правъ духовенства (на нее указалъ Щаповъ и мы привели ее выше), поданную до 9 го ноября [4], г. Загоскинъ признаетъ, что результатомъ ея было возникновеніе 42, 43 и 44 статей XVII главы Уложенія (О вотчинахъ) [5]. Вся XIII глава, состоящая изъ 7 частей, также составлена, по мнѣнію г. Загоскина, по челобитью выборныхъ. На это указываетъ само Уложеніе. Такъ, въ первой статьѣ этой главы находится слѣдующее мѣсто: «а нынѣ Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостинные, и суконные, и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ, и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей, указалъ» и т. д. «Послѣднее опредѣленіе Уложенія говоритъ г. Загоскинъ, относительно котораго существуютъ свѣдѣнія, что оно состоялось по челобитью извѣстнаго класса населенія—это первыя двѣ статьи XI главы («Судъ о крестьянѣхъ»), отмѣняющія прежній давностный срокъ, прежнія урочныя лѣта (въ 15 лѣтъ), установленныя

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 32, стр. 48.

[2]) Рѣчь Н. П. Загоскина, стр. 44. Г. Платоновъ доказалъ, что Н. П. Загоскинъ ошибся, усматривая зависимость 34 статьи XIX главы отъ челобитія 25 ноября. Оказывается, что источникомъ этой статьи является челобитье гостей и гостинной сотни, поданное государю 4 января 1649 года (Доп. къ А. И. т. III, № 47). См. брошюру Платонова „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“, стр. 14.

[3]) Рѣчь Н. П. Загоскина, стр. 45.

[4]) А. А. Э. т. IV, № 33, стр. 48.

[5]) Рѣчь, стр. 47.

указомъ отъ 1647 г. для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ». Но это челобитье было подано въ 1648 г., слѣдовательно, до 1 сентября. На основаніи его же, возникло до 12 статей той же главы, составляющихъ дальнѣйшее развитіе двухъ первыхъ статей [1]). Много статей также возникло, если не по иниціативѣ выборныхъ, то во всякомъ случаѣ при ихъ участіи, какъ напр. VIII глава Уложенія: «О искупленіи плѣнныхъ» [2]) и др. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Загоскинъ, что разъ доказано вліяніе выборныхъ на составленіе Уложенія, то мы имѣемъ основаніе полагать, что оно было гораздо сильнѣе и что число челобитныхъ было гораздо больше [3]). Составляя резюме всего сказаннаго, г. Загоскинъ говоритъ, что вообще при участіи выборныхъ людей составлены слѣдующія статьи: 1—7 VIII главы; 137, 146, 147, 149, 185 и 236 X главы; 1—14, 15—18 и 30 XI главы; 1—7 XIII главы; 2—3 XV главы; 34—35, 42—44 XVII главы; 1—34 XIX главы; 57—58 XX главы. Въ результатѣ получаются 82 статьи, размѣщенныя въ восьми главахъ, что составляетъ почти 8,5% общаго количества статей Уложенія!... [4]).

Трудъ г. Загоскина вызвалъ нѣкоторыя исправленія и дополненія со стороны г. Мейчика, послѣдняго по времени изслѣдователя Уложенія. „Способы г. Загоскина въ отысканіи новыхъ статей говоритъ г. Мейчикъ, требуютъ большой осмотрительности». Такъ, напр. противъ 236 ст. X главы на подлинномъ уложенномъ столбцѣ значится: «вновь пополнено», но изъ одного позднѣйшаго указа [5]) видно, что эта статья попала въ Уложеніе изъ наказа межевщикамъ 135, 136 гг. Тоже самое можно сказать и относительно двухъ другихъ статей той же главы (146 и 147). Новыми онѣ могутъ считаться не по идеѣ, а по строгости наказаній. «Изъ числа статей, указывающихъ на то, что въ нихъ новаго, говоритъ г. Мейчикъ, относимъ ст. 2 главы XVII, упущенную изъ виду г. Загоскинымъ. Указаніе на происхожденіе этого распоряженія важно и въ томъ отношеніи, что при его помощи мы легко открываемъ еще одну новую статью въ XVI главѣ, именно 16» [6]). «У г. Загоскина, продолжаетъ г. Мейчикъ, явились въ числѣ новыхъ постановленій такія, которыя изданы были раньше Уложенія. Напр. въ главѣ XI авторъ относитъ къ этому разряду статьи 3—14, между тѣмъ, какъ статьи 9 и 10 заимствованы изъ писцоваго на-

---

[1]) Рѣчь, стр. 50—51.

[2]) Какъ было уже сказано, эта глава не можетъ быть отнесена къ категоріи вновь составленныхъ.

[3]) Рѣчь, стр. 51.

[4]) Рѣчь, стр. 55—56.

[5]) Полное Собр. Законовъ, т. I, № 580.

[6]) Сборн. Археологическаго инст. книга 4, стр. 38.

каза 1646 года [1]). Тоже должно сказать и о главѣ XIII, которую онъ всю считаетъ новою, тогда, какъ въ дѣйствительности ст. 2, 4 и 5 имѣютъ свой источникъ въ указѣ 9 марта 1642 г.» [2]). Но, какъ бы то ни было въ общемъ выводъ г. Загоскина вполнѣ вѣренъ и до 80-ти статей Уложенія составлено при участіи выборныхъ.

До сихъ поръ мы говорили, такъ сказать, о пассивномъ участіи земскихъ чиновъ въ дѣлѣ составленія новаго сборника, но до насъ дошли документы, изъ которыхъ видно и ихъ активное участіе. Извѣстно, что срокомъ прибытія выборныхъ въ Москву было назначено 1-е сентября 7157 года. Между тѣмъ, многіе выборные пріѣхали раньше, а именно въ августѣ 7156 года (по старому лѣтосчисленію). Это видно изъ «Росписи дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ», приложенной къ памяти изъ приказа Казанскаго дворца (отъ 11-го сентября 7157 г.) на имя дьяковъ Гавренева и Ларіонова [3]). «Роспись дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, читаемъ въ ней, которые, по государеву указу, *выбраны въ городахъ и присланы къ Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ прошломъ, въ 156, въ августѣ* и въ нынѣшнемъ, въ 157 году, въ сентябрѣ въ разныхъ числахъ». Такимъ образомъ, этотъ памятникъ вполнѣ подтверждаетъ предположеніе г. Загоскина, что нѣкоторые представители служилыхъ людей съѣхались въ Москву до 1-го сентября [4]). Весьма возможно, что они принимали участіе въ работахъ правительственной коммиссіи, какъ это было впослѣдствіи, что намъ извѣстно изъ документовъ. Такъ, до насъ дошла память князю Хилкову о выдачѣ денежнаго жалованья выборнымъ. Въ ней говорится между прочимъ что «быти имъ (выборнымъ) на Москвѣ *въ приказѣ у бояръ, у князя Никиты Ивановича Одоевскаго съ товарищи* для государевыхъ и земскихъ дѣлъ» [5]). Такимъ образомъ, нѣкоторые выборные входили въ составъ коммиссіи кн. Одоевскаго и участвовали въ ея работахъ. За свои труды они получали особое жалованье, не выдававшееся выборнымъ, не участвовавшимъ въ коммиссіи. Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи память дьяку Силину о вознагражденіи жалованьемъ выборныхъ изъ Одоева. «Въ нынѣшнемъ, въ 157 году, января въ 17 день, говорится въ ней, Хвалимера Шатилова, да Ѳедора Колупаева пожаловалъ Государь: велѣлъ имъ своего государева денежнаго жалованья *придачи учинить къ прежнимъ ихъ окладамъ по пяти рублей*

---

[1]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 14.

[2]) Сборн. Археол. инст. книга 4, стр. 39.

[3]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 54—55.

[4]) Рѣчь, 50—51.

[5]) См. *мои* Матеріалы, стр. 57.

человѣку, за то, что они въ нынѣшнемъ, 157 году, по выбору Одоевскихъ всякихъ чиновъ людей были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояры: со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, да съ княземъ Семеномъ Васильевичемъ Прозоровскимъ, да съ окольничимъ съ княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ и съ дьяками» [1]). Эти документы не были извѣстны прежнимъ изслѣдователямъ Уложенія и даже г. Мейчикъ (какъ уже сказано, послѣдній по времени изслѣдователь этого законодательнаго памятника) долженъ былъ констатировать фактъ отсутствія прямыхъ указаній на совѣщанія правительственной коммиссіи съ выборными [2]). Что послѣдніе вообще не играли роли строевскихъ маннекеновъ, а принимали дѣятельное участіе въ составленіи Уложенія—это видно также и изъ другихъ документовъ. Такъ, извѣстно, что въ ноябрѣ 1648 года «указалъ государь собирать на Москвѣ и въ городахъ закладчиковъ боярину князю Ю. А. Долгоруково, да дворянамъ В. И. Толстому, да С. И. Заборовскому, да дьякамъ И. Патрекѣеву, да С. Чернышеву» [3]). Подобная мѣра была вызвана двумя челобитными, поданными выборными служилыми и тяглыми людьми 30 октября 1648 г. Въ ноябрѣ эти челобитья докладывались членами правительственной коммиссіи государю и воспослѣдовавшій царскій указъ утвердилъ всѣ ходатайства выборныхъ. Одновременно съ этимъ данъ былъ указъ Сыскному приказу о приведеніи этихъ ходатайствъ въ исполненіе и объ отпискѣ на государя въ тягло слободъ, заведенныхъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, а также всѣхъ живущихъ въ нихъ людей (закладчиковъ) [4]). Какъ мы видѣли выше, осуществить на практикѣ это распоряженіе было поручено князю Ю. А. Долгорукому и дворянамъ Толстому и Заборовскому. Первый былъ предсѣдателемъ выборной палаты собора, второй, по всей вѣроятности, выборнымъ, но изъ какого города — неизвѣстно, третій же выборнымъ изъ Бѣжецкаго Верха. Такимъ образомъ, и это извѣстіе не въ пользу того, будто выборные *только* слушали Уложеніе и приложили къ нему свои руки. По окончаніи собора, царь Алексѣй Михайловичъ произвелъ Заборовскаго въ думные дьяки (2 февраля 1649 г.), чѣмъ и выразилъ послѣднему свою благодарность за его дѣятельность [5]). Вообще, многіе выборные, по окончаніи составле-

---

[1]) См. *мои* Матеріалы, стр. 69.

[2]) Сборникъ Археол. инст. книга 3, стр. 110.

[3]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 108.

[4]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 32, стр. 47. См. также Рѣчь Н. П. Загоскина, стр. 42—43.

[5]) Архивъ мин. юст. записная книга Московскаго стола Разряднаго приказа, № 7, л. 97. Выписываемъ это извѣстіе, указанное намъ А. П. Зерцаловымъ „Февраля во 2 день на праздникъ Срѣтенія Господня государь пожаловалъ: велѣлъ быть въ думныхъ дьяцехъ въ разрядѣ съ думнымъ діакомъ съ Иваномъ Гавреневымъ Семену Иванову сыну Заборовскому. Государево жалованье думное дьячество

нія Уложенія, были вознаграждены государемъ, что также свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ дѣятельности на соборѣ. Такъ, до насъ дошла одна челобитная, изъ которой видно, что многіе чины собора, «которые были на Москвѣ въ выборѣ для Соборнаго Уложенья, и тѣ пожалованы по воеводствамъ и по приказамъ, а иные написаны по Московскому списку, а инымъ даваны наказы въ пожи за годъ и за полтора» [1]).

Изъ сказаннаго видно, въ чемъ заключалась дѣятельность народныхъ представителей и какъ они были далеки отъ той роли, какая приписывалась имъ Строевымъ и его послѣдователями. Одинъ изъ послѣднихъ (г. Чичеринъ), говоря о соборѣ 1648—49 г., заявилъ, что «здѣсь нѣтъ ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсужденія предлагаемыхъ законовъ». Конечно, г. Чичеринъ повторилъ только то, что было уже раньше высказано Строевымъ, но дѣло въ томъ, что Строевъ, рисуя картину соборной дѣятельности въ 1648—49 г. не имѣлъ подъ руками Актовъ Археографической Экспедиціи и потому могъ впасть въ ошибку. Къ несчастію, этого нельзя сказать о г. Чичеринѣ, подобныя «смягчающія обстоятельства» не могутъ быть примѣнимы къ нему. Его сочиненіе «О народномъ представительствѣ» вышло въ 1866 г., IV-же томъ Актовъ Арх. Эксп. былъ изданъ за *тридцать* лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1836 г.), слѣдовательно, почтенный авторъ «Областныхъ учрежденій» всегда могъ имъ воспользоваться, чего совсѣмъ не видно изъ его главы о земскихъ соборахъ.

Мятежъ, вспыхнувшій въ Москвѣ не ограничился только послѣдней, но распространился и по другимъ городамъ Московскаго государства. Наибольшей силы онъ достигъ въ Новгородѣ и въ Псковѣ. Предлогомъ къ его возникновенію въ Псковѣ было слѣдующее обстоятельство. Въ 1550 году московское правительство должно было заплатить Швеціи выкупъ частью деньгами, частью хлѣбомъ за перебѣщиковъ, бѣжавшихъ въ Россію изъ бывшихъ русскихъ земель, уступленныхъ по Столбовскому договору Швеціи. Для этой цѣли былъ посланъ въ Псковъ гость Емельяновъ, обязанный скупать хлѣбъ и отправлять его въ Швецію. Въ Псковѣ же въ этотъ годъ свирѣпствовалъ голодъ и, такъ какъ Емельяновъ ни у кого не позволялъ покупать хлѣба иначе, какъ у себя, то это вызвало сильное неудовольствіе, выразившееся въ ограбленіи и избіеніи шведскаго купца Нумменса, ѣхавшаго изъ Москвы и везшаго съ собой около 20000 рублей. Въ это же время вспыхнулъ мятежъ въ

ему сказывалъ діакъ Григорій Ларіоновъ, а напередъ того Семенъ служилъ по Бѣжецкому Верху по выбору. Къ кресту приведенъ въ меншой въ золотой палатѣ февраля въ 15 день, а приводили его ко кресту окольничій князь Петръ Өедоровичъ Волконской, да діакъ Григорій Ларіоновъ".

[1]) См. *мои* Матеріалы, стр. 70.

Новгородѣ. Для производства розыска въ Псковъ былъ посланъ окольничій Волконскій, но и его постигла участь Нумменса. Тогда, для усмиренія возставшихъ, правительство снарядило войско подъ начальствомъ князя Хованскаго. Но послѣдній не могъ ворваться въ городъ и принужденъ былъ повести осаду [1]). Видя, что силой ничего не подѣлаешь и, по всей вѣроятности, боясь повтореній событій 1648 г., Алексѣй Михайловичъ рѣшился апеллировать къ народу и съ его помощью усмирить возставшіе города. 26 іюля 1650 г. въ Москвѣ состоялся соборъ, на которомъ приняли участіе бояре, окольничіе и другіе члены московскаго служилаго сословія, дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, московскіе гости, торговые люди гостинной, суконной и черныхъ сотенъ и стрѣльцы.

Гостинная и суконная сотни представлялись каждая *пятью* старостами, черныя же сотни послали по сотскому. Выборнымъ было подробно разсказано о поведеніи псковичей и о тѣхъ безчинствахъ, которыя имѣли мѣсто въ это время въ Псковѣ. Послѣ этого, имъ былъ предложенъ вопросъ: «что дѣлать, если возставшіе не послушаютъ посланныхъ къ нимъ для увѣщанія, епископа Рафаила и выборныхъ людей»? Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ отвѣтъ народныхъ представителей и намъ только извѣстенъ наказъ, отправленный къ Рафаилу, въ которомъ предписывалось не требовать коноводовъ возстанія и дѣйствовать вообще миролюбивыми средствами. Очевидно, посылка этого наказа согласовалась съ отвѣтомъ выборныхъ, высказавшихся противъ принятія какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣръ, по отношенію къ возставшимъ [2]).

Еще до открытія соборныхъ засѣданій въ Псковъ была послана депутація изъ выборныхъ людей, во главѣ которой находился епископъ коломенскій и каширскій Рафаилъ. Депутація состояла изъ 16 лицъ, въ составъ которой вошли, кромѣ Рафаила, андроніевскій архимандритъ Сильвестръ, черниговскій протопопъ Рафаилъ, одинъ выборный отъ стольниковъ, одинъ отъ стряпчихъ, одинъ отъ московскихъ дворянъ, двое отъ городовыхъ дворянъ, одинъ отъ гостей, двое отъ торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ и четверо отъ московскихъ черныхъ сотенъ. Къ депутаціи былъ приставленъ подъячій Ивановъ. Депутація получила царскую грамоту для прочтенія псковичамъ и наказъ, какъ поступать съ возмутившимся городомъ. Рафаилъ и выборные должны были стараться уговорить возставшихъ подчиниться царю и впустить въ городъ Хованскаго съ войскомъ, за что имъ обѣщалась полнѣйшая амнистія въ ихъ преступленіяхъ [3]).

Псковичи смирились. Торжественно встрѣтивъ депутацію, они

---

[1]) Олеарій, стр. 280.

[2]) Соловьевъ, т. X, стр. 198 (Изд. 1860 г.).

[3]) Доп. къ Акт. Истор. т. III, № 74, стр. 265.

отправились вмѣстѣ съ ней въ Троицкій соборъ, гдѣ имъ и были прочтены царскія грамоты. 20 августа Псковъ цѣловалъ крестъ Алексѣю Михайловичу, отказавшемуся отъ кровопролитія и достигшему при помощи убѣжденія того, чего не могъ или, лучше сказать, не хотѣлъ достигнуть при помощи оружія.

Въ 1651 и въ 1653—1654 годахъ въ Москвѣ состоялись два послѣднихъ полныхъ собора. Причины ихъ созванія были слѣдующія: какъ извѣстно, южная Русь, такъ называемая Малороссія, принадлежала Польшѣ, къ которой она перешла, послѣ соединенія Польскаго королевства съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Русскій простой народъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой не могъ похвастаться своимъ положеніемъ; эксплоатируемый поляками и угнетаемый за вѣру и національность, онъ страдалъ гораздо больше своего собрата, холопа московскаго царя. А извѣстно, каково было положеніе послѣдняго подъ управленіемъ помѣщиковъ и воеводъ! Но за то вѣра и національность его не страдали, онъ могъ хоть этимъ утѣшаться, чего не было у малороссовъ. Презираемый поляками и приведенный въ отчаяньe, польскій русскій или возставалъ на своихъ угнетателей или бѣжалъ въ вольныя казацкія общины, въ особенности, въ Запорожскую сѣчь—эту республику sui generis, помѣщавшуюся на неприступныхъ днѣпровскихъ порогахъ. Казачество развивалось. Польскіе короли даровали ему извѣстную автономію, благодаря которой оно вскорѣ сдѣлалось такой силой, что могло выступить въ качествѣ защитницы православія и русской народности. Начинается рядъ кровопролитныхъ войнъ между поляками и казаками, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ и крымскіе татары. Эти войны достигли апогея своего развитія при извѣстномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, послѣдній не въ состояніи былъ оказать сопротивленія непріятелю и былъ вынужденъ прибѣгнуть къ чужеземной помощи. Извѣстно, что одно время онъ даже считался данникомъ исконнаго врага казачества, турецкаго султана; наконецъ, рѣшился обратиться къ московскому царю и просить послѣдняго принять его и казаковъ «подъ свою высокую руку». Вначалѣ Алексѣй Михайловичъ игнорировалъ эту просьбу, но, когда она снова была возобновлена въ 1650 и 1651 годахъ, измѣнилъ свой образъ дѣйствій и серьезно взглянулъ на дѣло. А дѣло, дѣйствительно, было серьезное. Принимая казаковъ въ свое подданство, царь этимъ самымъ объявлялъ войну Польшѣ, съ которой Московское государство было въ мирѣ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, царь рѣшилъ обратиться къ народу, чтобъ узнать его волю и поступить согласно съ ней.

Первый соборъ состоялся въ февралѣ 1651 года [1]). Ближайшимъ

[1]) О томъ, въ какомъ положеніи находилась исторія этого собора въ трудахъ

поводомъ его созванія было слѣдующее обстоятельство: польское правительство, зная о переговорахъ Хмельницкаго съ Москвою, конечно, не могло равнодушно относиться къ подобному явленію, для чего «и прибѣгло, какъ говоритъ историкъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія Бантышъ-Каменскій [1]), къ ухищреніямъ, намѣреваясь посредствомъ оныхъ прервать всякое сообщеніе казаковъ съ россіянами». Для этой цѣли въ Москву былъ посланъ королевскій посланникъ Альбрехтъ Пражмовскій. Его миссія заключалась въ томъ, чтобъ увѣрить московское правительство въ существованіи у Хмельницкаго враждебныхъ замысловъ по отношенію къ Россіи и предупредить Алексѣя Михайловича относительно пріема подъ свое покровительство казаковъ. «Польскія дѣла между тѣмъ, становились часъ отъ часу важнѣе, почему государь разсудилъ за благо для совѣщанія объ оныхъ созвать соборъ» [2]). До насъ дошелъ актъ послѣдняго, призывная грамота, протоколъ о выборахъ на соборъ и 47 воеводскихъ отписокъ съ извѣщеніемъ о состоявшихся выборахъ [3]).

Призывная грамота адресована на имя крапивенскаго воеводы и заключаетъ въ себѣ предписаніе о производствѣ выборовъ среди дворянъ и посадскихъ и о присылкѣ выборныхъ въ Москву къ сборному воскресенью (первое воскресенье въ Великомъ посту), когда должны были открыться засѣданія собора. «И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, пишетъ Алексѣй Михайловичъ воеводѣ, и ты бъ нашъ указъ соловлянамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ сказалъ, чтобъ они... выбрали дворянъ лучшихъ людей, двухъ человѣкъ изъ себя, да изъ посадскихъ людей двухъ же человѣкъ тотчасъ и прислали къ указному сроку, чтобъ нашему и земскому дѣлу мотчанья не было» [4]). Подобныя же грамоты были посланы и другимъ воеводамъ. Послѣдніе дѣйствительно распорядились о производствѣ выборовъ и о посылкѣ выборныхъ въ Москву. Это видно изъ протокола, составленнаго въ Новосилѣ по поводу избранія двухъ представителей отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и подписаннаго шестью избирателями [5]) и изъ воеводскихъ отписокъ, содержащихъ

нашихъ изслѣдователей см. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 77.

[1]) Исторія Малой Россіи, т. I, глава 1, стр. 2.

[2]) Бантышъ-Каменскій, т. I, стр. 3.

[3]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.

[4]) Архивъ мин. юст. столбцы Московскаго стола, Разряднаго приказа, № 240 (столбецъ № 1). См. также *мои* Матеріалы, стр. 91. Эта грамота является повторительной, такъ какъ правительство еще раньше предписало воеводѣ произвести выборы.

[5]) Архивъ мин. юст. столбцы Московскаго стола Разр. приказа, № 240 (столбцы №№ 74, 75 и 76). См. также *мои* Матеріалы, стр. 89.

въ себѣ подробное описаніе процедуры выборовъ, происшедшихъ въ 44 городахъ (Арзамасѣ, Алексинѣ, Боровскѣ, Бѣлгородѣ, Болховѣ, Бѣлевѣ, Владимірѣ, Воронежѣ, Вереѣ, Волокѣ, Ельцѣ, Зарайскѣ, Звенигородѣ, Коломнѣ, Крапивнѣ, Карачевѣ, Калугѣ, Каширѣ, Козельскѣ, Курскѣ, Ливнахъ, Лихвинѣ, Лухѣ, Муромѣ, Мещевскѣ, Можайскѣ, Мценскѣ, Новосилѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, Одоевѣ, Путивлѣ, Переяславлѣ, Переяславлѣ-Рязанскомъ, Рыльскѣ, Ряжскѣ, Серпуховѣ, Сѣвскѣ, Серпейскѣ, Суздалѣ, Тулѣ, Черни, Шацкѣ и Юрьевѣ-Польскомъ) [1].

Въ составъ собора (засѣдавшаго въ Столовой палатѣ) вошли: самъ царь, патріархъ Іосифъ, митрополиты, архіепископы, епископы, черныя власти, бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, дворяне и дѣти боярскія изъ городовъ, гости, торговые и «всякихъ чиновъ» люди.

Соборъ состоялъ изъ нѣсколькихъ засѣданій. Первое имѣло мѣсто 19 февраля. На немъ присутствовали только одни духовные чины т. е. освященный соборъ, которымъ и былъ прочтенъ докладъ или «государево письмо». Духовенство отвѣтило на него черезъ восемь дней, т. е. 27 февраля. Второе засѣданіе произошло 28 февраля, на которомъ присутствовали: царь, боярская дума и всѣ члены собора, кромѣ духовныхъ лицъ. На этомъ засѣданіи также было прочитано вышеназванное «письмо.» Содержаніе его заключалось въ слѣдующемъ: «Въ 142 году государь Михаилъ Ѳедоровичъ заключилъ съ польскимъ королемъ Владиславомъ договоръ, по которому было постановлено, что впредь, какъ Московское государство, такъ и Польша должны находиться въ постоянномъ мирѣ, представители же верховной власти въ обоихъ государствахъ жить «межъ себя въ братской дружбѣ, и въ любви, и въ соединеніи и межъ собою во всякихъ мѣрахъ добра хотѣти, и другъ другу лучшаго искати, и во всемъ правду чинити». Въ такомъ же состояніи дружбы и любви другъ къ другу должны находиться и подданные обоихъ государствъ. Что же касается до «прежнихъ, давно зашлыхъ обидъ и дѣлъ», то по отношенію къ нимъ было постановлено: «отставить и замирить ихъ и впередъ не вчинать и недружбы никакія не мстить». Договоръ предусмотрѣлъ также и весьма важный съ точки зрѣнія московскаго правительства вопросъ о государевыхъ титлахъ. Польскій король обязался величать московскаго государя «по его, Государскому достоинству и, какъ онъ, великій Государь самъ себя описуетъ, безо всякаго премѣненья». Себѣ же не преписывать московскихъ титуловъ и не называтся «Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи». Договоръ былъ закрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ обоихъ государей и утвержденъ ихъ

[1]) Арх. мин. юст. столбцы Моск. стола Разр. прик. № 240. См. также *мои* Матеріалы, стр. 92—128.

печатями. Однако, не смотря на это (говорить докладъ), онъ былъ нарушенъ со стороны поляковъ. Послѣдніе по прежнему писали въ своихъ грамотахъ и листахъ «Государскія именованія и титлы со многимъ премѣненіемъ и съ прописокою». «А иные злодѣи въ 6-ти листѣхъ писали и съ безчестіемъ блаженныя памяти В. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Ѳедоровича всеа Русіи именованье писали «Ѳедоромъ Михайловичемъ», а иные «Михаиломъ Филаретовичемъ», а В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣя Михайловича всеа Русіи «Александромъ Михайловичемъ» и т. п. Вслѣдствіе этого, правительство отправило въ Польшу «пословъ и посланниковъ», на обязанности которыхъ было прекратить подобное нарушеніе договора. Паны рады отвѣтили, что употребятъ всѣ усилія касательно соблюденія договора и что всѣ тѣ, которые нарушатъ его, будутъ наказаны. Тоже самое подтвердили и польскіе послы: Янъ Оборскій и князь Самойло Соколинскій, бывшіе въ Москвѣ въ 146 году. Въ 148 же году король Владиславъ писалъ государю, что «которые люди, за его, королевскимъ заказомъ, учнутъ Государево именованье и титло писать не по ихъ Государскому утвержденію, и тѣ будутъ казнены». Въ такомъ же духѣ отвѣтили паны рады въ 153 году князю А. М. Львову «съ товарищи». Между тѣмъ вышеназванныя обѣщанія никогда не сдерживались и договоръ по прежнему нарушался. При нынѣшнемъ же королѣ Янѣ Казимірѣ «учало быть и пуще прежняго», такъ напр. въ нѣкоторыхъ «книгахъ напечатаны злыя безчестья и укоризны, чего не токмо Великимъ Государемъ.... и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно. Также и Московскаго государства про бояръ и про всякихъ чиновъ людей напечатаны многія безчестія и укоризны». Въ 158 году правительство снова послало въ Польшу пословъ (боярина Гр. Г. Пушкина съ товарищами) требовать удовлетворенія и «на виноватыхъ просити казни смертныя». Но и изъ этого ничего не вышло. Правда, король обѣщалъ созвать сеймъ и на немъ въ присутствіи пословъ наказать нарушителей договора, но до сихъ поръ сеймъ не созванъ и правительство не получило никакого удовлеторенія. Между тѣмъ «съ Государевы стороны вѣчное докончанье во всякихъ мѣрахъ и по сямѣста сдержано крѣпко и нерушимо». Недавно же получилось извѣстіе, что польскій король сносится съ крымскимъ ханомъ, «чтобъ имъ сопча Московское государство воевать и раззорить». Для этой цѣли Янъ Казиміръ пропустилъ черезъ свои земли крымскаго посла, ѣхавшаго въ Швецію, чтобъ убѣдить «думныхъ людей» королевы Христины не оказывать помощи русскимъ въ предстоящей войнѣ. Изъ перегововоръ посла со шведскими думными людьми выяснилось, что крымскій ханъ хочетъ послать на помощь королевѣ Христинѣ «50 тысячъ и больше воинскихъ людей».—Вторая часть доклада посвящена вопросу о принятіи Богдана Хмельницкаго «со

всѣмъ войскомъ запорожскимъ» «подъ Государеву высокую руку». Если же челобитье Хмельницкаго не будетъ исполнено, то казаки «поневолѣ учинятся въ подданствѣ у турскаго салтана съ крымскимъ ханомъ вмѣстѣ». Докладъ заканчивается слѣдующимъ вопросомъ, предложеннымъ на разрѣшеніе выборныхъ: если польскій король не дастъ никакого удовлетворенія и «за Государеву честь виноватымъ казни не учинитъ», а будетъ ее откладывать съ сейма на сеймъ, «и о томъ великомъ дѣлѣ, о Государевѣ чести съ польскимъ королемъ и съ паны рады за ихъ многія неправды, и что онъ ссылается о войнѣ на Московское государство съ крымскимъ ханомъ какъ быть?» [1]).

До насъ дошелъ только отвѣтъ духовенства, поданный, какъ извѣстно, 27 февраля. Отвѣты другихъ сословій были, по всей вѣроятности, однородны съ нимъ. «Благовѣрному и Благочестивому и Христолюбивому Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Алексѣю Михайловичу, читаемъ въ отвѣтѣ, Богомолецъ твой, Государевъ Іосифъ патріархъ съ митрополиты, и архіепископы, и со архимариты, и со игумены, и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ Бога молимъ и совѣтъ даемъ». 19 февраля нынѣшняго, 159 года принесъ къ намъ князь А. М. Львовъ письмо, читанное на соборѣ (идетъ вкратцѣ изложеніе содержанія письма). Нашъ отвѣтъ на него слѣдующій: если польскій король не дастъ тебѣ удовлеворенія за нарушеніе договора и если виновники въ этомъ нарушеніи не будѣтъ наказаны, то «Святая, Великая, Соборная, Апостольская церковь.... можетъ подати разрѣшеніе тебѣ, В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣю Михайловичу». «А будетъ король во всемъ справится и оборонъ учинитъ и о запорожскомъ гетманѣ съ Черкасы мочно принять со утвержденіемъ» [2]). Такимъ образомъ, духовенство дало условный отвѣтъ: если король не удовлетворитъ требованіямъ московскаго правительства, то духовные чины даютъ свое согласіе на объявленіе войны Польшѣ и на присоединеніе Малороссіи къ Россіи [3]).

---

[1]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ (въ Москвѣ), Сношенія Россіи съ Польшей 1651 г., связка № 87, дѣло № 4. См. также *мои* Матеріалы, стр. 83.

[2]) Архивъ мин. иностр. дѣлъ Сношенія Россіи съ Польшей 1651 г. связка № 87, дѣло № 4. См. также *мои* Матеріалы, стр. 87.

[3]) Въ 1650 году (слѣдовательно, за годъ до созванія перваго малороссійскаго собора) въ Варшаву были посланы бояринъ Г. Пушкинъ, окольничій С. Пушкинъ и дьякъ Г. Леонтьевъ, которые, ведя переговоры съ поляками по поводу нарушенія послѣдними вышеназваннаго договора, грозили панамъ, что если они „не исправятся", то государь Алексѣй Михайловичъ „велитъ учинить на Москвѣ соборъ", на которомъ „велитъ вычесть королевскія неправды", затѣмъ „со всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ" пойдетъ въ церковь, куда принесетъ „утвержденную грамоту" короля Владислава „во свидѣтельство нарушенія вѣчнаго докончанья съ королевской стороны" и объявитъ Польшѣ войну. (Соловьевъ, т. X, стр. 267). И. И. Дитятинъ справедливо видитъ осуществленіе этой угрозы въ

Второй соборъ произошелъ два года спустя послѣ перваго, а именно въ 1653 г. [1]).

Изъ соборнаго акта [2]) видно, что на засѣданіи 1-го октября

соборѣ 1651 года, а въ вышеописанной церковной процедурѣ—„разрѣшеніе", обѣщанное духовенствомъ Алексѣю Михайловичу отъ имени святой, великой, соборной, апостольской церкви. (Статья Н. П. Дитятина, Русская Мысль 1883 г. № 12).

[1]) Вопросъ о времени засѣданія собора 1653 г. долгое время былъ спорнымъ. Изъ акта этого собора видно, что онъ происходилъ 1-го октября, между тѣмъ, существуютъ извѣстія, на основаніи которыхъ можно предположить, что засѣданіе 1-го октября было послѣднимъ и что соборъ началъ свои засѣданія гораздо раньше, а именно 5-го іюня. Такъ, въ Дворцовыхъ разрядахъ записано слѣдующее извѣстіе: мая во 4 день въ Замосковные и во всѣ Украинные городы посланы государевы грамоты, велѣно во всѣхъ городѣхъ выслать изо всякаго города изъ выбору по два человѣка дворянъ добрыхъ и разумичныхъ людей и выслать къ Москвѣ на указной срокъ, мая къ 20 числу". (Ш т. стр. 350). По нѣсколькими строками ниже находится другое извѣстіе, изъ котораго видно, что прежде назначенный срокъ (20 мая) былъ перенесенъ на 5 іюня. „Мая въ 15 день, читаемъ ниже, посланы государевы грамоты въ Замосковные и въ Украинные городы къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ, велѣно по прежнему государеву указу, выборныхъ людей, добрыхъ дворянъ по два человѣка изъ города выслать въ Москвѣ къ прежнему указному сроку, іюня къ 5 числу". (Т. III, стр. 351). Есть еще другое извѣстіе въ пользу того, что соборъ 1653 г. имѣлъ не одно засѣданіе, а нѣсколько. Оно приведено Соловьевымъ въ его „Исторіи" и взято имъ изъ столбцовъ приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. архивѣ. (Г. Платоновъ неправильно замѣчаетъ, что Соловьевъ почерпнулъ его изъ „неизданныхъ" дворцовыхъ разрядовъ 1654 г. См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. № 3, стр. 18). Оно заключается въ слѣдующемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, прощаясь 23 апрѣля 1654 г. съ войскомъ, отправлявшемся въ Польшу, сказалъ рѣчь въ которой, между прочимъ, упомянулъ, что „въ прошломъ году (1653) *были соборы не разъ*, на которыхъ были и отъ васъ (войска) выборные отъ всѣхъ городовъ дворяне по два человѣка; *на соборахъ этихъ* мы говорили о неправдахъ польскихъ королей, вы слышали это отъ своихъ выборныхъ" и т. д. (т. X, стр. 359, изд. 1860 г.). Третье извѣстіе въ пользу того, что засѣданій собора 1653 г. было нѣсколько это — начало акта соборнаго засѣданія 1-го октября, почему то не напечатанное при изданіи послѣдняго. „Въ прошломъ 161 (1652) году (по старому лѣтосчисленію), читаемъ въ подлинномъ актѣ, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи самодержца, говорено *на соборѣхъ* о литовскомъ и черкасскомъ дѣлахъ". (Архивъ мин. ин. дѣлъ, Сношенія Россіи съ Польшей, связка 98, дѣло № 8; также связка 97, дѣло № 6). На основаніи этихъ свидѣтельствъ, мы можемъ придти къ тому выводу, что соборъ началъ свои засѣданія 5 іюня и окончилъ ихъ, по всей вѣроятности, 1-го октября.

[2]) Соборный актъ находится въ Арх. мин. ин. дѣлъ (въ Москвѣ), Сношенія Россіи съ Польшей 1653 г. связка № 98, дѣло № 8 и напечатанъ въ Собр. Гос. Грам. и Дог. (т. Ш, № 157, стр. 481), въ Полн. Собр. Зак. (т. I, № 104, стр. 293) и въ Акт. Южн. и Западн. Россіи (т. X, № 2, стр.). Кромѣ того, извѣстіе о засѣданіи 1-го октября записано и въ Дворц. разр. (т. III, стр. 369).

(1653 г.) присутствовали: царь, пришедшій на соборъ съ крестнымъ ходомъ изъ церкви «отъ праздника отъ Покрова Пресвятыя Богородицы», патріархъ Никонъ, два митрополита (Сильвестръ крутицкій и Михаилъ сербскій), архимандриты, игумены и весь освященный соборъ, бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія, гости, торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотенъ, а также дворцовыхъ слободъ, стрѣльцы и «иныхъ всякихъ чиновъ люди» [1]). По сколько было всѣхъ выборныхъ и какіе города прислали ихъ—неизвѣстно, объ этомъ актѣ ничего не говоритъ.

Засѣданіе происходило въ Грановитой палатѣ и открылось чтеніемъ доклада («письма») о тѣхъ дѣлахъ, по поводу которыхъ соборъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Также неизвѣстно, кто прочелъ докладъ, въ актѣ просто сказано: «чтено вслухъ», но кѣмъ, не упомянуто; нужно думать, что эту обязанность исполнилъ какой нибудь дьякъ. Въ докладѣ говорилось о заключеніи договора между Михаиломъ Ѳедоровичемъ и королемъ Владиславомъ, на основаніи котораго ихъ дѣти и наслѣдники должны были находиться между собой въ «братской дружбѣ, въ любви и въ соединеніи», а также наслѣдникамъ польскаго короля вмѣнялось въ обязанность всегда величать московскаго царя его полнымъ титуломъ и не присваивать себѣ послѣдняго. Договоръ былъ закрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ и утвержденъ «грамотами и печатьми». Но поляки нарушили его. «Именованья и титлы» покойнаго и нынѣ царствующаго царя были писаны «въ листѣхъ въ порубежные города» «не по вѣчному докончанію, со многимъ премѣненіемъ». Польскій же король писался «царскимъ именованьемъ». Вслѣдствіе этого, были посланы въ Польшу послы требовать удовлетворенія. Король и паны рады обѣ-

---

Первая половина акта вполнѣ тожественна съ актомъ собора 1651 г. Въ Арх. мин. ин. дѣлъ имѣется еще другой документъ, касающійся собора 1653 г. (Сношенія Россіи съ Польшей 1653 г., связка № 97, дѣло № 6). Послѣдній состоитъ изъ одного „государева письма" (рѣчи, произнесенной на соборѣ), почти тожественнаго съ напечатаннымъ. Разница только въ томъ, что въ ненапечатанномъ „письмѣ" нѣкоторыя мѣста, существующія въ напечатанномъ совсѣмъ пропущены, нѣкоторыя же изложены съ большей подробностью (напримѣръ, конецъ). Все письмо испещрено поправками, сдѣланными рукою современника. Оканчивается письмо слѣдующей фразой: „И того дни по сему письму объявлено, и Государь, Царь и Великій князь всеа Русіи Алексѣй Михайловичъ, и Государь Святѣйшій патріархъ, и власти, и бояре, и окольничіе, и другіе люди, и всякихъ чиновъ выборные люди въ то время были въ Грановитой палатѣ". (См. также статью Н. Н. Дитятина въ Русской Мысли 1883 г. № 12). Вышеназванный документъ напечатанъ въ Приложеніяхъ.

[1]) „А изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, и изъ посадскихъ людей, прибавляютъ Дворц. разр. (т. III, стр. 369), были выборные люди".

щали наказать виновныхъ въ писаніи подобныхъ «листовъ», но обѣщанія своего не сдержали. Теперь же, при королѣ Янѣ Казимірѣ «учало быть и пуще прежняго». О русскихъ царяхъ въ книгахъ напечатаны такія «злыя безчестья, укоризны и хулы», что «слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно». Тоже самое пишется и о всѣхъ чинахъ Московскаго государства. «Не токмо, говоритъ докладъ, за вѣчнымъ докончаньемъ, и въ развратье того не бываетъ». Московское правительство снова отправило пословъ требовать наказанія виновнымъ. Поляки обѣщали, согласно своей конституціи 1637 г., наказать виновныхъ въ присутствіи пословъ. Но, не смотря на неоднократные переговоры на этотъ счетъ, своего обѣщанія снова не сдержали, а паны рады даже назвали со смѣхомъ требованіе Московскаго правительства «малымъ дѣломъ» и отпустили пословъ ни съ чѣмъ. Польскій король Янъ Казиміръ, забывъ свой договоръ, вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ и пропустилъ черезъ свои предѣлы крымскаго посла въ Швецію «для ссоры и войны съ Московскимъ государствомъ». «Да съ его же королевскія стороны учали быть въ порубежныхъ мѣстѣхъ задоры большіе». Польскіе люди совершаютъ всевозможныя насилія надъ русскими, раззоряютъ ихъ земли, грабятъ крестьянъ, мучатъ разными муками, «а урядники ихъ расправы въ томъ не чинятъ». «Съ государевы стороны вѣчное докончанье во всякихъ мѣрахъ и по сямѣста сдержано крѣпко и нерушимо». «Въ прошлыхъ годахъ, продолжаетъ актъ, гетманъ запорожскій Богданъ Хмельницкій и все запорожское войско много разъ посылали пословъ, говорившихъ неоднократно, что поляки учинили гоненіе на православную вѣру, установили унію и «всякія надъ ними гоненія и поруганія и злости нехристьянскія чинили, чего они и надъ еретиками и надъ жидами не чинятъ». Поэтому казаки ополчились на своихъ гонителей и соединились съ крымскимъ ханомъ, «а у Царскаго Величества милости просятъ, чтобъ онъ ихъ принялъ подъ свою высокую руку». Въ прошломъ, 161 году Хмельницкій снова послалъ своихъ пословъ къ царю съ указаніемъ на притѣсненія со стороны поляковъ и просилъ, если ужь государь не хочетъ взять казаковъ подъ свою высокую руку, то былъ бы хоть посредникомъ между ними и поляками. Тогда государь послалъ въ Польшу князя Репнина-Оболенскаго «съ товарищи». Миссія ихъ однако оказалась неудачной: поляки не только отказали во всемъ, но даже пошли на Хмельницкаго войною, рѣшивъ на сеймѣ «искоренить» православную вѣру и раззорить Божьи церкви. Между тѣмъ, когда Янъ Казиміръ былъ избранъ королемъ, то присягалъ, «что ему межъ разнствующими въ вѣрѣ Христьянской остерегати и защищати и никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попущати». Въ случаѣ же, если этотъ пунктъ конституціи не будетъ соблюденъ, подданные освобождаются отъ своей присяги въ вѣрности королю и

считаются по отношенію къ нему совершенно свободными. Докладъ заканчивается сообщеніемъ, что въ Москву прибылъ недавно новый посланецъ отъ запорожцевъ Лавринъ Капуста, передавшій извѣстіе, что война съ поляками началась и что пока счастіе на сторонѣ казаковъ: послѣдніе уже два раза побили первыхъ, объявившихъ, что, если они не справятся съ Хмельницкимъ, то пойдутъ воевать «государеву землю». Крымскій ханъ держитъ сторону казаковъ, его войско ужъ пришло и стоитъ подъ Бѣлой Церковью. Капуста просилъ отъ имени Хмельницкаго прислать помощь,хотя бы въ 3000 человѣкъ въ Кіевъ и въ нѣкоторые другіе города».

Намъ неизвѣстно, какъ былъ формулированъ вопросъ предложенный правительствомъ на разрѣшеніе выборныхъ. Судя по отвѣтамъ послѣднихъ, нужно думать, что такимъ образомъ: «слѣдуетъ ли разрывать миръ съ поляками и принимать въ подданство казаковъ»? Подлинные отвѣты чиновъ до насъ не дошли, намъ извѣстны только ихъ резюме, помѣщенное въ актѣ. «Бояре, говорится въ послѣднемъ, выслушавъ докладъ, приговорили: «такъ какъ поляки учинили Московскому государству много неправдъ (идетъ ихъ перечисленіе) и не дали никакого удовлетворенія, то разорвать съ ними миръ и объявить имъ войну. Что же касается до гетмана и запорожцевъ, то ихъ необходимо, ради спасенія православной вѣры, принять подъ свое покровительство «съ городами ихъ и съ землями». «А будетъ Государь ихъ не пожалуетъ», то чтобъ «велѣлъ помирить ихъ чрезъ своихъ великихъ пословъ, чтобъ имъ тотъ миръ былъ надеженъ». Впрочемъ, въ виду того, что поляки ужъ отказали въ посредничествѣ, принятіе ихъ въ подданство является необходимостью, тѣмъ болѣе, что, на основаніи польской конституціи, казаки стали отнынѣ вольными людьми, такъ какъ Янъ Казиміръ нарушилъ свою присягу и притѣснялъ ихъ за ихъ религіозныя убѣжденія». Остальные чины также высказались за войну съ Польшей и за принятіе казаковъ подъ высокую руку государя. При этомъ служилые люди замѣтили, что они готовы «съ Литовскимъ королемъ битися, не щадя головъ своихъ и рады помереть за ихъ Государскую честь». «А торговые всякихъ чиновъ люди вспоможеньемъ и за ихъ Государскую честь, головами жъ своими рады помереть».

Такимъ образомъ, взгляды правительства оказались вполнѣ солидарными со взглядами народа и, заручившись поддержкою послѣдняго, Алексѣй Михайловичъ исполнилъ просьбу казаковъ и принялъ ихъ «подъ свою высокую руку».

Любопытна полемика между К. Аксаковымъ и Соловьевымъ по поводу разсмотрѣннаго нами собора. Извѣстно, что еще до созванія собора, 6 сентября московское правительство отправило къ Хмельницкому стольника Стрѣшнева и дьяка Бредихина съ грамотой, въ

которой Алексѣй Михайловичъ, хваля казаковъ за ихъ усердіе и преданность заявляетъ, что въ вознагражденіе за это посылаетъ имъ жалованье [1]). Хмельницкій отвѣтилъ Алексѣю Михайловичу, что казачество очень радо, узнавъ отъ Стрѣшнева и Бредихина о желаніи царя принять послѣднее подъ свою руку [2]). Такимъ образомъ, еще до созванія собора (если считать временемъ его созванія 1-е октября) правительство Алексѣя Михайловича рѣшило присоединить Малороссію къ Москвѣ. Къ чему же нужно было тогда обращаться къ народу и спрашивать его согласіе на этотъ счетъ? Соловьевъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «въ обстоятельствахъ созванія малороссійскаго собора ясно видно, что явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія... 6-го сентября государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а 1-го октября созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ созывать вторично соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе; если же хотѣли большаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать соборъ, послѣ рѣшенія дѣла»? [3]). К. Аксаковъ, полемизируя съ Соловьевымъ, приходитъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. «Г. профессоръ, говоритъ онъ, выражается очень осторожно; онъ говоритъ: было разсуждаемо, но не прибавляетъ: на соборѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ уже собиралъ соборъ (первый) о Малороссійскихъ дѣлахъ; соборъ объявилъ себя въ пользу того, чтобъ Малороссію принять. Послѣ такого рѣшенія, царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ все право, безъ всякаго нарушенія уваженія къ достоинству земскаго собора, сказать гетману о своемъ согласіи принять его въ свое подданство. Для чего же собиралъ онъ второй соборъ?—для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и царь и земля были согласны. Для этого втораго собора царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ тайныхъ пословъ съ тайными рѣчами (онъ хотѣлъ, можетъ быть, увѣриться, какъ приметъ гетманъ *теперь* его согласіе, ибо это дѣло тянулось долго); но, послѣ рѣшенія земскаго собора, царь посылаетъ открыто и торжественно великихъ пословъ, которые открыто и торжественно принимаютъ гетмана со всею Малороссіею въ подданство. Между первымъ и вторымъ соборами прошло три года, поэтому нужна была торжественная санкція

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 156, стр. 480.

[2]) Ibid. т. III, № 159, стр. 493.

[3]) Шлецеръ и анти-историческое направленіе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г т. VIII, апрѣль).

отъ новаго собора: царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ показать, что принимаетъ онъ Малороссію въ подданство *вслѣдъ за рѣшеніемъ земскаго собора,* а для того и созываетъ черезъ три года, передъ самымъ принятіемъ Малороссіи въ подданство, новый земскій соборъ. Итакъ, малороссійское дѣло не только не умаляетъ значеніе земскихъ соборовъ, но еще усиливаетъ оное» [1]).

Изъ этой полемики видно, что ни одной изъ спорящихъ сторонъ не было извѣстно, что соборъ 1653 г. засѣдалъ еще задолго до 1-го октября и что посольство Бредихина было отправлено во время пребыванія выборныхъ въ Москвѣ и, конечно, съ ихъ вѣдома. Поэтому, мнѣніе Соловьева, будто въ обстоятельствахъ созванія собора сказалось вымираніе явленія, можно считать совершенно невѣрнымъ. Напротивъ (скажемъ словами К. Аксакова) «малороссійское дѣло не только не умаляетъ значеніе земскихъ соборовъ, но еще усиливаетъ оное».

17-го октября 1660 года Алексѣй Михайловичъ созвалъ гостей и торговыхъ людей гостинной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ и предложилъ на ихъ разрѣшеніе нѣкоторые вопросы, касающіеся торговли. Вопросы эти были слѣдующіе: почему въ Москвѣ и въ городахъ вздорожалъ хлѣбъ и какія мѣры необходимо принять, чтобы онъ подешевѣлъ? Отчего также вздорожали съѣстные припасы и скотъ; ужь не «закупщики» ли въ этомъ виноваты? Не окажетъ ли вліяніе на пониженіе цѣны на хлѣбъ прекращеніе продажи вина на государевыхъ «кружечныхъ дворахъ» и не слѣдуетъ ли ее замѣнить продажей только пива и меду? На это гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ отвѣчали: «хлѣбъ вздорожалъ вслѣдствіе неурожая, сильнаго винокуренія и перепродажи его закупщиками и «винными откупщиками». Необходимо, чтобъ государь приказалъ прекратить продажу вина на «кружечныхъ дворахъ» и роздалъ бы стрѣльцамъ жалованье не деньгами, а хлѣбомъ. Его же можно взять у патріарха, у духовенства и у монастырей, «который у нихъ будетъ хлѣбъ въ мѣшкѣ» (опять посягательство на права духовныхъ чиновъ). Послѣдней мѣрой, предложенной торговыми людьми было запрещеніе «закупщикамъ» (скупщикамъ) и «кулащикамъ» (кулакамъ) скупать и перепродавать хлѣбъ въ Москвѣ и около нея за 100 верстъ въ городахъ и селахъ. (Въ Москвѣ, впрочемъ, скупщикамъ было запрещено совершать свои операціи только до 6-ти часовъ дня). «Тогда» крестьяне изъ ближнихъ городовъ, селъ и деревень будутъ привозить хлѣбъ сами и передъ откупщиками продавать его многимъ дешевле и оттого ото всего хлѣба будетъ больше и цѣна дешевле», заключили торговые люди. Отвѣтъ же сотскихъ и старостъ черныхъ сотенъ и слободъ, а также лучшихъ, середнихъ и молодшихъ тор-

[1]) Сочиненія, т. I, стр. 207.

говыхъ людей заключался въ слѣдующемъ: «хлѣбъ вздорожалъ, вслѣдствіе того, что «пашенныхъ людей» стало мало и многіе люди померли и «лошадьми опали». А это произошло по причинѣ мороваго повѣтрія и частыхъ войнъ. Вторая причина вздорожанія хлѣба это—прекращеніе выдачи жалованья натурою и замѣна его деньгами ружнымъ попамъ, церковникамъ, стрѣльцамъ и государевымъ дворовымъ «людямъ розныхъ чиновъ», вслѣдствіе чего, эти лица должны покупать хлѣбъ и этимъ увеличивать спросъ на него. Третья причина—прекращеніе привоза хлѣба на московскій житный дворъ изъ дворцовыхъ селъ и волостей и обложеніе послѣднихъ денежнымъ оброкомъ. Четвертая причина—покупка и перепродажа хлѣба закупщиками и кулаками. Что же касается до прекращенія винной продажи на кружечныхъ дворахъ, то «того они не вѣдаютъ, потому что хлѣбъ въ Божьей волѣ, а о кружечныхъ дворѣхъ и о винной продажѣ для мірской скудости, какъ Великому Государю Богъ извѣститъ». Получивъ эти отвѣты, Алексѣй Михайловичъ предложилъ торговымъ людямъ еще одинъ вопросъ: кто скупаетъ хлѣбъ въ Москвѣ, въ городахъ и уѣздахъ? На это гости и торговые люди отвѣчали: «узнать имена скупщиковъ можно въ Помѣрной избѣ, знаетъ ихъ также Яковъ Шустовъ, ибо имѣетъ съ ними дѣла». Послѣдній заявилъ, что ему извѣстно, что «торговые люди платили пошлины съ хлѣба съ цѣны съ 7000 рублей въ Помѣрную избу». «Торгуютъ де хлѣбомъ, отвѣчали снова гости, Дѣдиловцы, Яковлевы братья и племянники». На это Яковъ возразилъ, что дѣйствительно хлѣбомъ торгуютъ его братья и племянники, но гдѣ они «хлѣбъ покупая, ссыпаютъ, то вѣдаютъ они». Благодаря же гостямъ, правительство узнало о существованіи нѣкоего торговаго человѣка Михайла Бечевина, также занимавшагося большой скупкой хлѣба... Торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ, воспользовавшись случаемъ, били государю челомъ, чтобъ онъ повелѣлъ «переписать» весь хлѣбъ, принадлежащій закупщикамъ и указали, между прочимъ, мѣста подобной скупки (Рязань, Щацкій, Темниковъ, Красная слобода, Нижній Новгородъ и т. п.). Этотъ хлѣбъ, по ихъ мнѣнію, казна должна купить и продать бѣднымъ людямъ. Необходимо также принять извѣстныя мѣры противъ скупщиковъ рыбы, потому что иначе рыба никогда не подешевѣетъ. Что же касается до кружечныхъ дворовъ, то по этому вопросу «торговые люди учинили между собою споръ и только три человѣка высказались за уменьшеніе продажи вина, остальные же признали себя солидарными съ гостями [1]).

Въ 1667 г. московское правительство заключило торговый договоръ съ армянскими купцами, предоставивъ имъ право на торговлю персидскими товарами [2]). Въ 1672 же году оно призвало гостей въ Посольскій

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. IV, № 18, стр. 69.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. IV, № 56, стр. 204.

приказъ, чтобъ узнать отъ нихъ, не вредитъ ли этотъ договоръ ихъ интересамъ и не приноситъ ли имъ ущерба въ матеріальномъ отношеніи? Вопросъ, на который гости должны были отвѣтить былъ слѣдующій: если армяне, согласно съ договоромъ, будутъ привозить сырой шелкъ (сырецъ) и всякіе персидскіе товары въ Москву, въ Архангельскъ, въ Великій Новгородъ, въ Псковъ, въ Смоленскъ и за море въ «Нѣмецкія земли», «не будетъ ли оттого Московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ промыслахъ ихъ помѣшки»? Гости дали слѣдующій отвѣтъ: при великихъ государяхъ блаженной памяти Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при нынѣ царствующемъ Алексѣѣ Михайловичѣ «Шаховы Персидскія области купецкія люди» кизылбаши (персіяне), армяне, кумычане и индѣйцы (индусы) всегда пріѣзжали съ шелкомъ-сырцомъ и съ другими товарами въ Московское государство и торговали по всѣмъ городамъ съ русскими купцами. Съ иностранцами же персіяне, по государеву указу, никогда не имѣли никакихъ дѣлъ и въ нѣмецкія земли не ѣздили. Русскіе же купцы очень часто посѣщали Астрахань и Персію, обмѣнивая свои и нѣмецкіе товары на персидскіе, изъ которыхъ послѣдніе, въ особенности шелкъ-сырецъ, всегда продавались въ казну великаго государя. Казна же, въ свою очередь, продавала ихъ нѣмцамъ за ефимки, чѣмъ и полнилась. Если же персіяне, армяне и индусы будутъ торговать съ иностранцами (съ нѣмцами, съ греками и съ др.), то въ результатѣ получится большой убытокъ, какъ для казны, такъ и для торговыхъ людей, потому что ефимки за шелкъ пойдутъ персіянамъ, торговые же люди ничего не получатъ за нѣмецкіе товары, такъ какъ лишатся посредничества между нѣмецкими и восточными народами. Поэтому, необходимо оставить въ силѣ прежніе указы и не дозволять персіянамъ торговать съ иноземцами.

Подъ этимъ «объясненіемъ» подписались 15 гостей и два представителя гостинной сотни [1]). — Правительство исполнило желаніе гостей и торговля армянъ съ иностранцами не была разрѣшена.

1-го сентября 1674 г., слѣдовательно, въ первый день новаго года произошло въ Москвѣ, необыкновенное для того времени событіе: царь Алексѣй Михайловичъ торжественно на Красной площади «объявилъ» всѣмъ чинамъ Московскаго государства старшаго своего сына, наслѣдника престола Ѳедора Алексѣевича [2]). При этомъ торжествѣ присутствовали: патріархъ Іоакимъ, митрополиты, архіепископы, епископы, весь освященный соборъ, царевичи, бо-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. IV, № 81, стр. 277.

[2]) Чинъ объявленія помѣщенъ въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. IV, № 97, стр. 316.

яре, окольничіе, думные дворяне, дьяки, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы и всякіе чины Московскаго государства. Кромѣ того, здѣсь же находились и представители иностранныхъ державъ, напр. польскій резидентъ Свидерскій, датскій резидентъ и др. Сперва было совершено богослуженіе, затѣмъ бояринъ князь Долгорукій говорилъ отъ имени Алесѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича рѣчи и т. п. Это было послѣднее обращеніе къ народу въ царствованіи Алексѣя Михайловича. Черезъ два года, а именно 30 января 1676 г. скончался «тишайшій» государь, оставивъ престолъ свой 15-ти лѣтнему Ѳедору Алексѣевичу.

ГЛАВА V.

ПОСЛѢДНІЕ СОБОРЫ.

Совѣщаніе правительства съ гостями 1676 г. — Совѣщаніе правительства со служилыми людьми 1681—82 гг. объ уничтоженіи мѣстничества. — Совѣщаніе правительства съ тяглыми людьми 1682 г. — Мнѣнія о неполныхъ соборахъ К. Аксакова и Соловьева. — Два избирательныхъ собора 1682 г. — Послѣдній соборъ 1698 г.

Въ первый же годъ царствованія Ѳедора Алексѣевича состоялось совѣщаніе между правительствомъ и гостями по поводу торговли съ армянами. 23 февраля 1676 г. читаемъ въ «объясненіи», помѣщенномъ въ Собр. Госуд. Грам. и Догов. [1]), по государеву указу, въ Отвѣтной палатѣ, въ присутствіи бояръ: князя Долгорукаго съ товарищами, были прочитаны гостямъ договорныя жалованныя грамоты прежнихъ государей армянамъ: Ромодамскому и Лушкову «съ товарищи» и переводы съ писемъ голландскаго посла Клинкена о шелковомъ промыслѣ. Взаключеніе, гости были допрошены: «какъ тому шелковому промыслу противъ посольскихъ поданныхъ писемъ впредь состояться»? На это гости отвѣчали: «когда въ 1672 году насъ призвали въ Посольскій приказъ и спросили наше мнѣніе о торговомъ договорѣ, заключенномъ съ армянами въ 1667 году, мы высказались противъ него, какъ нарушающемъ интересы казны и наши. Тогда правительство заключило новый договоръ, по которому армянамъ вмѣнялось въ обязанность привозить персидскіе товары и, въ особенности, шелкъ сырецъ въ Московское государство, торговать только съ русскими купецкими людьми и за море ничего не вывозить. Черезъ Турцію же и другія земли для торговли съ иноземцами вышеназванные армяне не должны были ѣздить. Но они

[1]) Т. IV, № 105, стр. 337.

не соблюли договора. Шелку привозятъ въ Московское государство немного, лучшій же и въ огромномъ количествѣ идетъ прежними путями въ другія страны. По всему видно, что армяне хотятъ получить разрѣшеніе на торговлю съ иноземцами въ предѣлахъ Россіи, что будетъ крайне вредить русскимъ интересамъ. Если же иноземцы увидятъ, что шелкъ идетъ къ нимъ только черезъ Россію, а остальные пути для него закрыты, то они, поневолѣ, должны будутъ покупать его у русскихъ купцовъ и этимъ обогащать казну и послѣднихъ. Что же касается до писемъ голландскаго посла, въ которыхъ онъ проситъ разрѣшеніе торговли голландцевъ съ персіянами въ предѣлахъ Московскаго государства и право провоза шелка со стороны послѣднихъ черезъ Россію въ Голландію, поступая такимъ образомъ, якобы въ интересахъ Россіи, то это онъ проситъ просто, вслѣдствіе того, что знаетъ, какъ было бы выгодно для голландцевъ полученіе подобнаго разрѣшенія. Если бъ дѣйствительно посолъ имѣлъ въ виду интересы Московскаго государства, то «должно ему, вмѣсто цвѣта, явить самый плодъ» и заключить такой договоръ, по которому бы голландцы покупали въ Архангельскѣ весь шелкъ, идущій изъ Персіи, у русскихъ купцовъ и у казны. Если же они не захотятъ заключить договора, то этимъ прямо покажутъ, что русскіе интересы для нихъ не имѣютъ никакого значенія и что они хлопочатъ только ради своей выгоды». Въ концѣ концовъ гости высказались за разрѣшеніе голландцамъ торговать съ армянами и съ персіянами въ Россіи, но только впродолженіи двухъ лѣтъ, чтобъ въ случаѣ убытка отъ этой торговли для русскихъ купцовъ, запретить ее, по истеченіи двухлѣтняго срока. Что же касается до армянъ, то они обязаны вести торговлю съ русскими, но за то казна, въ свою очередь, обязана принять тотъ ихъ шелкъ, который останется нераспроданнымъ. Если же армяне на это не согласятся, то дозволить имъ торговать у Архангельска съ иноземцами. Хотя подобное послабленіе и убыточно для русскихъ, но все жь лучше помириться съ нимъ, чѣмъ допустить такую торговлю во всемъ государствѣ, а также вывозъ за море персидскихъ товаровъ. Для того же, чтобъ иностранныя державы знали о состоявшемся рѣшеніи допустить иноземцамъ покупку персидскихъ товаровъ въ Архангельскѣ у самихъ армянъ, а не черезъ посредничество русскихъ, какъ прежде, необходимо отправить къ нимъ пословъ и объявить о томъ». Этимъ гости закончили свое «объясненіе».

Въ 1681—82 гг. 24 ноября снова состоялось совѣщаніе между правительствомъ и представителями одного сословія. Дѣло касалось разсмотрѣнія ратнаго устава, слѣдовательно, были призваны выборные отъ стольниковъ, генераловъ, полковниковъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ (вторая палата). Предсѣдателемъ на «совѣщаніи» былъ назначенъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Кромѣ того, на

немъ присутствовали также и его «товарищи» т. е. бояре. Последніе съ княземъ Голицынымъ во главѣ должны были передать выборнымъ, какими мотивами руководствовался государь, созывая ихъ на совѣщаніе. «Вѣдомо ему, Государю учинилось, говорилъ князь Голицынъ, что нашъ ратный уставъ устарѣлъ и что русское войско, какъ это выяснилось изъ предыдущихъ войнъ, стало гораздо ниже непріятельскихъ войскъ. Необходимо «прежде бывшее воинское устроеніе перемѣнить на лучшее, чтобы имѣти противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе». Сказавъ это, князь Голицынъ «съ товарищи» говорили выборнымъ «о многихъ къ ратному дѣлу устроеніяхъ и чтобъ они, выборные люди объявили, въ какомъ ратномъ устроеніи пристойнѣе быти стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и жильцамъ»? Выборные отвѣчали: «Государю слѣдуетъ указать служить вышеназваннымъ чинамъ по прежнему, но росписать всѣхъ въ роты, а не въ сотни, какъ теперь. Вмѣсто же сотенныхъ головъ, быть ротмистрамъ и поручикамъ изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безпремѣнно и межъ себя безъ мѣстъ и безъ подбору, кому въ какомъ чинѣ Государь быти укажетъ. Въ полку должны быть 6 ротъ, въ ротѣ же 60 человѣкъ, слѣдовательно, въ составъ полка должны входить 360 человѣкъ. Ротмистры обязаны, какъ и теперь, имѣть во главѣ старшаго ротмистра, а людямъ ихъ быти за ними въ тѣхъ же ротахъ по прежнему: съ 25 дворовъ по человѣку. Чтоже касается до знаменъ, то ихъ носить должны ротмистровы люди». Отвѣтъ выборныхъ былъ донесенъ боярами царю. Послѣдній согласился съ ихъ мнѣніемъ и велѣлъ составить списокъ именъ «кому быти ротмистрамъ и поручикамъ». Для облегченія этой работы, выборнымъ былъ прочтенъ подлинный списокъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ. Исполнивъ приказаніе государя и составивъ нужный списокъ, бояре и выборные били челомъ Ѳедору Алексѣевичу, говоря, что, такъ какъ они внесли себя и своихъ родственниковъ «въ ротмистры и въ поручики», а между тѣмъ представители многихъ родовъ, какъ, напримѣръ, Трубецкіе, Одоевскіе и др. не были ими внесены, вслѣдствіе того, что по причинѣ «малыхъ лѣтъ» еще не сказаны въ вышеназванныя категоріи чиновъ, то, чтобъ они въ будущемъ не имѣли бы отъ тѣхъ родовъ «укоризны и попреку», они просятъ Государя повелѣть невнесеннымъ въ списки родамъ вписывать къ нихъ своихъ дѣтей, если послѣдніе достигнутъ необходимыхъ для этого условій». «Вообще же, для совершенной въ ратныхъ, въ посольскихъ и во всѣхъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, говорили въ челобитной выборные, необходимо, чтобъ Государь приказалъ уничтожить мѣстничество и чтобъ всѣ чины въ приказахъ, въ полкахъ и повсюду въ городахъ были бъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому Государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться и разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ

случаевъ въ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было». Ѳедоръ Алексѣевичъ, прочтя это челобитье, «указалъ быти у себя въ палатахъ» святѣйшему патріарху съ архіереями и съ выборными властьми, а также боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ. 12 января состоялось въ царскихъ палатахъ засѣданіе членовъ освященнаго собора и боярской думы (первая палата). Князь Голицынъ прочелъ челобитье выборныхъ отъ служилаго сословія по поводу уничтоженія мѣстничества, а государь произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что, благодаря мѣстничеству, нарушается миръ и тишина среди его подданныхъ и что этотъ пагубный обычай, укоренившійся въ Россіи, служитъ источникомъ всевозможныхъ смутъ и вредно отзывается на всѣхъ дѣлахъ. Уже Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ старались его уничтожить и строго наказывали мѣстничествовавшихся. Ѳедоръ Алексѣевичъ привелъ примѣры, когда интересы государства страдали, вслѣдствіе несогласій между собой бояръ и воеводъ, какъ, напримѣръ, подъ Конотопомъ, подъ Чудновымъ «и въ иныхъ многихъ мѣстахъ» и высказался противъ продолженія существованія подобнаго порядка вещей. «И Вы бы, Святѣйшій Патріархъ со Архіереи, заключилъ свою рѣчь Ѳедоръ Алексѣевичъ (рѣчь была обращена къ послѣднимъ), намъ, Великому Государю намѣреніе свое о томъ объявили: по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью, всѣмъ разрядамъ и чинамъ быти безъ мѣстъ или по прежнему быти съ мѣсты»? Патріархъ, въ свою очередь, отвѣтилъ рѣчью, въ которой, вполнѣ согласившись съ царемъ, заявилъ, что послѣдній можетъ разсчитывать на поддержку и благословеніе его и освященнаго собора въ дѣлѣ уничтоженія мѣстничества. Тогда государь пригласилъ бояръ высказаться по данному вопросу. Нечего и говорить, что бояре также согласились съ царемъ. Заручившись согласіемъ всѣхъ чиновъ, государь приказалъ сжечь разрядныя книги и этимъ положить конецъ всякимъ мѣстническимъ счетамъ. Всѣ чины съ радостью приняли это извѣстіе, благодарили Бога и воскликнули: «да погибнетъ во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки»! Въ этотъ же день книги были сожжены въ сѣняхъ Передней палаты въ присутствіи представителей царя (князя Долгорукаго) и патріарха (митрополитовъ и архіепископовъ). Обо всемъ этомъ вышеназванный князь Долгорукій сообщилъ на Постельномъ крыльцѣ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и всякихъ чиновъ людямъ... Такъ погибло это уродливое явленіе древнерусской жизни, въ борьбѣ съ которымъ оказались безсильными могущественные московскіе самодержцы и погибло, вслѣдствіе желанія его погибели той части русскаго народа, среди которой оно разрослось до грандіозно-безобразныхъ размѣровъ!.. Подъ «соборнымъ дѣяніемъ объ

уничтоженіи мѣстничества» [1]), мы находимъ подписи лицъ, принимавшихъ участіе въ «искорененіи» этого явленія, а именно: самого государя Ѳедора Алексѣевича, патріарха Іоакима, 6-ти митрополитовъ, 2-хъ архіепископовъ, 3-хъ архимандритовъ, 41-го боярина, 28 окольничихъ, 19 думныхъ дворянъ, 10 думныхъ дьяковъ, 23 стольниковъ комнатныхъ и 39 выборныхъ людей (23 стольниковъ, 2 генераловъ, 2 полковниковъ рейтарскихъ, 4 полковниковъ пѣхотныхъ, 3 стряпчихъ, 4 дворянъ и 1 жильца). Итого всѣхъ подписей 173.— Совѣщаніе или неполный соборъ 1682 года, какъ совершенно справедливо говоритъ В. И. Сергѣевичъ, замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ мы видимъ двѣ палаты, какъ и въ 1649 году. Въ составъ одной вошли члены освященнаго собора и боярской думы, въ составъ другой выборные отъ служилаго сословія. Въ первой присутствовалъ самъ царь, во второй представителемъ правительства былъ князь Голицынъ. Первая начала свои засѣданія 12 января и возникла отчасти по иниціативѣ второй, вторая же собралась 24 ноября. Засѣданія первой происходили въ царскихъ палатахъ, гдѣ помѣщалась вторая — неизвѣстно. Мы знаемъ только, что члены второй палаты слушали рѣшеніе первой на Постельномъ крыльцѣ.—

Въ 1682 же году произошло другое совѣщаніе между правительствомъ и представителями одного сословія, на этотъ разъ, тяглаго. Предсѣдательствовалъ на этомъ «совѣщаніи» также князь Голицынъ. До насъ дошелъ именной указъ отъ 1681 года, помѣченный 11 декабремъ [2]), изъ котораго и извѣстно о бытности вышеназваннаго «совѣщанія». Цѣль его состояла въ уравненіи службъ и податей гостей, купцовъ гостинной и суконной сотенъ, а также дворцовыхъ и конюшенныхъ слободъ и черныхъ сотенъ, городовыхъ посадскихъ людей и крестьянъ дворцовыхъ селъ и слободъ. Въ составъ этой «коммиссіи» (подобное названіе принадлежитъ Соловьеву) вошли: князь В. В. Голицынъ, окольничій Чаадаевъ, дьякъ Кириллловъ «съ товарищи» т. е. думные люди, 4 представителя гостей и выборные отъ суконной и гостинной сотенъ, отъ дворцовыхъ слободъ, отъ черныхъ людей слободъ: Кодашевской, Конюшенной и Мѣщанской, отъ тяглыхъ посадскихъ людей всѣхъ городовъ (кромѣ сибирскихъ) и отъ дворцовыхъ селъ и волостей. Сколько было всѣхъ выборныхъ неизвѣстно. Выборные должны были быть «самыми лучшими», «добрыми» и «знающими къ такому дѣлу» людьми. Кромѣ того, правительство велѣло доставить въ Москву изъ приказовъ «списки въ тетрадѣхъ съ дьячими приписьми» «съ писцовыхъ, и съ переписныхъ, и окладныхъ, и платежныхъ книгъ»,

---

[1]) Помѣщено въ Древн. Росс. Вивл., т. XVII, № 15, стр. 422; въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. IV, № 130, стр. 396—410 и въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 905, стр. 368—379.

[2]) Полное Собр. Зак. т. II, № 899, стр. 366.

изъ которыхъ можно было бы почерпнуть свѣдѣнія касательно податей и окладовъ, лежавшихъ на жителяхъ городовъ, сотенъ и слободъ. «И для того дѣла и письма и для всякія справки изъ тѣхъ же приказовъ взять подъячихъ по одному человѣку молодыхъ самыхъ добрыхъ». Выборнымъ было вмѣнено въ обязанность привести съ собой окладныя книги съ 1678 г. по 1681 г. изъ земскихъ избъ и отъ земскихъ волостныхъ старостъ, а также «списки въ тетрадѣхъ», чтобъ узнать, сколько людей отправляютъ извѣстныя повинности и кто отправлялъ ихъ впродолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Выборные должны были собраться въ Москву къ 1-му январю 1682 года.—Что же сдѣлалъ разсматриваемый соборъ, какіе результаты были имъ достигнуты? Къ несчастію, мы не можемъ дать на это никакого отвѣта, за полнѣйшимъ отсутствіемъ памятниковъ. До насъ дошла только царская грамота на имя пермскаго воеводы князя Барятинскаго объ отпускѣ изъ Москвы выборныхъ на соборъ 1682 года [1]). Грамота, помѣченная 2-мъ маемъ этого года, принадлежитъ уже Петру, такъ какъ Ѳедоръ за мѣсяцъ передъ тѣмъ скончался. Бѣляевъ, а за нимъ и г. Загоскинъ говорятъ, будто существуетъ извѣстіе, что выборные «двойники» (названіе данное выборнымъ, вслѣдствіе того, что они избирались по два отъ извѣстнаго разряда лицъ) были въ 1682 году распущены по домамъ, но не приводятъ его. Нужно думать, что послѣднее именно и заключается въ вышеприведенной грамотѣ. Въ ней говорится слѣдующее: «указали мы, Великій Государь и бояре наши приговорили: всѣхъ городовыхъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, созванныхъ, по указу нашего брата, Государя Ѳедора Алексѣевича, въ Москву для уравненія всякихъ службъ и податей, всѣхъ отпустить по домамъ. А имъ, пріѣхавъ домой, произвести у себя въ городахъ, въ пригородахъ, въ уѣздахъ, въ слободахъ, въ волостяхъ и въ селахъ выборы вмѣстѣ съ земскими старостами и со всѣми посадскими и всякихъ чиновъ жилецкими людьми въ должности таможенныхъ, кружечныхъ и другихъ головъ и цѣловальниковъ. Выборные же листы неотложно прислать въ Москву, въ приказъ Большой казны къ 1-му іюлю». Вотъ все, что намъ извѣстно о «совѣщаніи» 1682 года...

Что касается до, такъ называемыхъ, неполныхъ соборовъ, то въ наукѣ на этотъ счетъ существуетъ разногласіе. Одни, какъ, напримѣръ, К. Аксаковъ, считаютъ ихъ такими соборами, какъ и прежніе и не видятъ въ нихъ никакихъ признаковъ упадка соборныхъ учрежденій. Другіе, напр. Соловьевъ, не считаютъ ихъ даже соборами и придаютъ имъ значеніе просто коммиссій. «Соборъ на счетъ мѣстничества, говоритъ Соловьевъ, полемизируя съ К. Аксаковымъ, не былъ земскимъ соборомъ, слѣдовательно, о немъ и го-

[1]) Акты Истор. т. V, № 83, стр. 133—134.

ворить не слѣдовало бы въ статьѣ о земскихъ соборахъ, наука требуетъ точности....Что же касается до созванія выборныхъ для уравненія службы и податей, то и это не земскій соборъ, такимъ онъ нигдѣ не называется» [1]). На это замѣчаніе К. Аксаковъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «но почему же собраніе выборныхъ въ Москву для такого важнаго земскаго и государева дѣла—не земскій соборъ?... при отсутствіи формальной опредѣленности, названіе въ нашихъ актахъ не составляетъ большой важности. Передъ нами само дѣло, которое говоритъ всего краснорѣчивѣе. Выборные изъ всѣхъ городовъ созваны въ Москву для совѣщанія о предметѣ государской и земской важности. На дѣлѣ это земскій соборъ, а потому мы и называемъ его такимъ» [2]). Что касается до насъ, то мы болѣе склоняемся на сторону втораго мнѣнія, хотя и не можемъ поставить послѣдніе соборы на одну доску съ прежними, временъ Алексѣя Михайловича и Михаила Θедоровича. Земскія представительныя учрежденія стали уже клонится къ упадку, они мало по малу начали терять свое значеніе, пока совершенно не выродились въ одну пустую форму безъ всякаго внутренняго содержанія. По нашему мнѣнію, главнымъ признакомъ ихъ паденія это ихъ неполнота, онѣ не являются уже органами *всего* Московскаго государства, но превращаются въ органы того или другаго сословія. Правда, съ подобнымъ явленіемъ мы встрѣчались и прежде, но сравнительно оно было рѣдко и наконецъ, рядомъ съ нимъ всегда дѣйствовалъ полный соборъ, превратившійся одно время даже въ постоянное учрежденіе, о которомъ теперь не было и помину..

27 апрѣля 1682 года скончался Θедоръ Алексѣевичъ. Послѣ него остались два брата: Иванъ и Петръ. Первый былъ слабаго ума, второй же, хотя и отличался большими способностями, но ему было въ то время только 10 лѣтъ. При дворѣ образовались двѣ партіи: одна держала сторону Ивана, другая Петра. Во главѣ первой находилась умная и энергичная царевна Софья съ Милославскими, во главѣ второй бояринъ Матвѣевъ и Нарышкины. Патріархъ съ духовенствомъ и большинство бояръ также склонялись на сторону Петра, ибо боялись ввѣрять судьбы государства слабоумному Ивану. Послѣ прощанія всѣхъ чиновъ съ усопшимъ государемъ, патріархъ, духовныя власти и бояре пошли въ Переднюю палату и тамъ говорили о томъ, кому изъ царевичей быть государемъ? Не придя ни къ какому рѣшенію, вышеназванныя лица постановили созвать земскій соборъ и предоставить этотъ вопросъ на его разрѣшеніе. До насъ дошелъ оффиціальный актъ этого собора [3]). Соборъ былъ

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, т. VIII, 1857 г. стр. 450.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 207—208.

[3]) Помѣщенъ въ Полн. Собр. Зак. т. II, № 914, стр. 384 и въ Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. IV, № 132; стр. 412.

созванъ въ тотъ же день, когда высшіе чины пришли къ необходимости его созванія. Патріархъ, архіереи, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди помѣстились на крыльцѣ передъ Передней палатой, стольники же, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскія, гости, тяглые люди гостинной и суконной сотенъ и «иныхъ чиновъ люди» были размѣщены «вверху на дворѣ, что передъ церковью Нерукотвореннаго Спаса образа и на площади, что за перградою». Патріархъ Іоакимъ открылъ засѣданіе слѣдующей рѣчью: «вѣдомо вамъ всѣмъ, что Россійское Царствіе, пребывая въ непорочной христіанской вѣрѣ, по благости Господа Бога Іисуса Христа, было въ державѣ покойныхъ Государей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича. Нынѣ же, послѣ кончины благовѣрнаго Государя Ѳедора Алексѣевича, остались братья его Государевы, Царевичи Иванъ и Петръ Алексѣевичи. Кому изъ нихъ быть пріемникомъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича? Объявите объ этомъ мнѣ, Патріарху и Архіереямъ свое намѣреніе единодушнымъ согласіемъ и единодушною мыслью!» По оффиціальному акту всѣ чины «единогласно отвѣщали», чтобъ быть Государемъ Царевичу Петру Алексѣевичу. Затѣмъ патріархъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и получилъ такой же «единогласный» отвѣтъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что далеко не было подобнаго единогласія. Показанія современниковъ свидѣтельствуютъ, что не всѣ были за Петра, но что были также голоса и за Ивана. Такъ, графъ Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина Матвѣева, пишетъ въ своихъ запискахъ: «при томъ же вышереченномъ избраніи и нареченіи его высокопомянутаго Величества отъ противныя стороны нѣкто Максимъ Исаевъ, сынъ Сумбуловъ, въ ту же пору будучи въ Кремлѣ, при собраніи общемъ, съ своими единомышленниками, гораздо изъ рядоваго дворянства, продерзливо кричалъ: «что по первенству падлежитъ быть на Царствѣ Государю Царевичу Іоанну Алексѣевичу всея Россіи». За что онъ, Сумбуловъ потомъ награжденъ былъ чиномъ палатнымъ думнаго дворянства» [1])... Другой современникъ Крекшинъ также говоритъ о партіи царевны Софьи и объ ея интригахъ въ пользу Ивана [2]). Однако, партія Петра взяла верхъ и патріархъ съ духовенствомъ и съ высшими чинами отправился въ палаты усопшаго царя, гдѣ находился въ это время Петръ и благословилъ его на царство. Если вѣрить Крекшину, то Петръ вначалѣ отказывался отъ престола въ пользу брата Ивана и «ради юныхъ своихъ лѣтъ», но, внимая неоднократнымъ просьбамъ патріарха и чиновъ, уступилъ и согласился исполнить волю народа. Нечего и говорить, что

---

[1]) Сахаровъ, Записки русскихъ людей, изд. 1841 г. стр. 6.
[2]) Сахаровъ, стр. 31—32.

разсмотрѣнный нами «соборъ» есть фиктивный соборъ, пародія на древнерусское представительное учрежденіе, одна форма безъ содержанія. Хотя въ оффиціальномъ памятникѣ и говорится, будто Петръ былъ избранъ *всѣми* чинами Московскаго государства, но на самомъ дѣлѣ его избрали только жители Москвы. Поспѣшность, съ которой былъ созванъ соборъ, исключаетъ возможность присутствія на немъ городовыхъ чиновъ, за исключеніемъ развѣ случайно пріѣхавшихъ въ Москву или тѣхъ, «двойниковъ», созванныхъ при Ѳеодорѣ, которые, какъ извѣстно, были распущены по домамъ мѣсяцъ спустя, послѣ собора. К. Аксаковъ, Бѣляевъ и Н. И. Костомаровъ склоняются къ послѣднему мнѣнію, что, конечно, весьма возможно, но, что, конечно, также нисколько не опровергаетъ фиктивности разсматриваемаго собора. «Двойники», какъ извѣстно, не могли быть спеціально выборными на избирательный соборъ 1682 года, слѣдовательно, присутствіе ихъ на послѣднемъ было простой случайностью, какъ и всѣхъ остальныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ городовъ въ столицу. Мы вполнѣ согласны съ слѣдующими словами г. Загоскина, характеризующими соборъ, избравшій Петра. «Очевидно, говоритъ г. Загоскинъ, что, такъ называемый, земскій соборъ 27 апрѣля 1682 года есть соборъ фиктивный, по внѣшней обстановкѣ своей напоминающій фиктивный земскій соборъ 1610 года, низложившій царя Василья Шуйскаго, по внутреннему же значенію своему и по дѣятельной роли въ немъ патріарха съ партіей своею— онъ напоминаетъ намъ избирательный земскій соборъ 1598 года, возведшій на престолъ Бориса Годунова» [1]). Дѣйствительно, болѣе удачное сравненіе трудно привести.

Ровно черезъ мѣсяцъ, послѣ описанныхъ нами событій, состоялся второй фиктивный соборъ, избравшій на царство царевича Ивана Алексѣевича. То была побѣда партіи царевны Софьи! Возмутивъ стрѣльцовъ, она достигла власти и устранила своихъ соперниковъ. Большинство изъ нихъ было убито, какъ, напримѣръ, Матвѣевъ, Нарышкины, Долгорукіе, Салтыковы, Ромадановскій и другіе, остальные же удалены отъ дѣлъ. Петръ царствовалъ номинально, настоящей же правительницей была его сестра. Наконецъ и это прекратилось. 23 мая Хованскій, начальникъ стрѣльцовъ, явился во дворецъ и объявилъ правительницѣ, что стрѣльцы требуютъ, чтобъ Иванъ былъ также вѣнчанъ царемъ и правилъ бы государствомъ одновременно съ братомъ. Въ случаѣ же отказа ихъ требованію, стрѣльцы пригрозили новымъ мятежемъ. Софья согласилась и, по совѣщанію съ боярами, созвала земскій соборъ. До насъ дошелъ также актъ и этого собора [2]). Нечего говорить, что и теперь на со-

[1]) Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 307.

[2] Полн. Собр. Зак., т. II, № 920, стр. 398—401, и Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. IV, № 147, стр. 441—445.

борѣ приняли участіе только одни москвичи и случайно находившіеся въ Моквѣ жители другихъ городовъ, хотя въ актѣ были упомянуты: «митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, сибирскіе и касимовскіе царевичи, бояре, окольничіе и думные люди, стольники, стряпчіе и дворяне московскіе, жильцы, дворяне изъ городовъ и всякихъ чиновъ служилые люди, гости, гостинныя и суконныя сотенъ торговые люди и чернослободцы». Всѣ эти чины съ патріархомъ во главѣ били челомъ Петру и Ивану Алексѣевичамъ, что такъ какъ царевичъ Иванъ, приходящійся государю «большимъ братомъ», отказался отъ трона въ пользу Петра, то «чинится въ народахъ Россійскаго Царствія нынѣ распри» и, поэтому, они всѣ просятъ, чтобъ «для всенароднаго умиренія» братья «учинились на престолѣ царями, воспріяли скипертъ и державу и самодержавствовали обще». Государи исполнили волю народа и согласились вмѣстѣ править подъ руководствомъ царевны Софьи.

Послѣдній соборъ былъ созванъ Петромъ 20 или 21 октября 1698 года по поводу суда надъ царевной Софьей. Извѣстно, что въ 1698 году, въ то время, когда Петръ находился заграницей, въ Москвѣ вспыхнулъ новый стрѣлецкій бунтъ, въ которомъ царевна Софья играла немаловажную роль. Бунтовщики были усмирены, благодаря энергіи боярина Шеина, разбившаго ихъ на голову подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Между тѣмъ, Петръ, получивъ извѣстіе о бунтѣ, поспѣшилъ въ Россію и 26 августа былъ ужъ въ Москвѣ. Начался розыскъ, а затѣмъ страшныя казни. Такъ какъ царевна Софья и сестра ея Марфа оказались очень скомпрометированными, то Петръ рѣшился отдать ихъ подъ судъ, но подъ судъ народный. Въ октябрѣ состоялся соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей, рѣшеніе котораго, къ несчастію, неизвѣстно. Объ этомъ событіи повѣствуетъ I. Г. Корбъ, бывшій секретаремъ при посольствѣ германскаго императора Леопольда I въ своемъ сочиненіи: «Diarium itineris in Moscoviam» [1]). По словамъ Корба, «царь рѣшилъ созвать по два человѣка отъ всѣхъ сословій своего народа, т. е. отъ бояръ, князей, военныхъ чиновъ, стольниковъ, приказныхъ (scribis), гражданъ, простонародья и отъ особыхъ общинъ— въ общій совѣтъ всѣхъ чиновъ и этому собранію дать приказаніе и полную власть допросить Софью, обнаружить ея происки, угрожавшіе государству, приговорить ее къ такого рода казни, какую она заслужила и свое рѣшеніе объявить во всеобщее извѣстіе» [2]).

[1]) Дневникъ поѣздки въ Московское государство И. Хр. Гваріента, посла императора Леопольда I къ царю и великому князю Московскому Петру I въ 1698 году, веденный секретаремъ посольства I. Г. Корбомъ. (Переводъ Женева и Семевскаго, 1867 г.), стр. 105—106.

[2]) „Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis, Bojarinis, principibus,

Итакъ, на соборѣ принимали участіе: бояре, разные высшіе чины, стольники и представители низшихъ чиновъ. Каждый разрядъ людей послалъ двухъ выборныхъ. Къ какому рѣшенію пришелъ соборъ, мы не знаемъ, за неимѣніемъ для этого данныхъ. Вообще, кромѣ Корба, ни одинъ памятникъ не упоминаетъ о соборѣ 1698 года, такъ что намъ неизвѣстно, былъ ли онъ мѣстнымъ, московскимъ соборомъ или же органомъ всей земли. Что касается до насъ, то мы болѣе склоняемся къ первому предположенію, нежели ко второму. Поспѣшность, съ которой онъ былъ созванъ и которая практиковалась Петромъ въ продолженіи всего розыска, отвергаетъ возможность втораго предположенія и заставляетъ думать, что соборъ 1698 года былъ соборомъ только города Москвы, а не всего государства. Странно, что никто изъ ученыхъ, кромѣ Соловьева [1]), не упоминаетъ объ этомъ соборѣ, а между тѣмъ онъ можетъ служить доказательствомъ невѣрности воззрѣній славянофиловъ, связывающихъ исчезновеніе соборовъ съ именемъ Петра. — Соборъ 1698 года былъ послѣднимъ соборомъ Московскаго государства, превратившагося въ 1721 году въ Россійскую имперію.

После Петра, было нѣсколько попытокъ созвать выборныхъ отъ народа, но онѣ уже не имѣли того значенія, какъ древнерусскія представительныя учрежденія и обыкновенно кончались ничѣмъ. Такія попытки произошли при Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ, Елизаветѣ и, наконецъ, при Екатеринѣ II. Знаменитая Екатерининская коммиссія депутатовъ имѣла нѣсколько общихъ чертъ съ соборомъ 1649 года, прототипомъ которой онъ отчасти и былъ [2]). Извѣстенъ печальный конецъ этой коммиссіи. Съ тѣхъ поръ правительство болѣе не созывало выборныхъ и не обращалось къ народу. Въ царствованіи Павла, Александра I (вторая половина) и Николая I не могло быть и рѣчи о чемъ-либо подобномъ. Древнія представительныя учрежденія вымерли и отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Народъ позабылъ ихъ, какъ позабылъ въ московскую эпоху свои вѣчевыя учрежденія.... Одна только исторія не позабыла ихъ.

---

officialibus bellicis, stolnicis, scribis, civibus et plebeis et singulis tribubus binos seligere". (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, прим. 214).

[1]) Исторія Россіи (изд. 1864 г.), т. XIV, стр. 283.

[2]) „Въ собраніи депутатовъ 1767 года мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-жизненныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства. Недаромъ императрица Екатерина II вспомнила о земскомъ соборѣ 1648 г. и почтила особеннымъ увѣковѣчиніемъ памятникъ того собора—уложеніе 1649 г.". (Щаповъ, Отечественныя записки 1862 г. ноябрь, стр. 20 — 21). — „Составъ и устройство новаго земскаго собора или коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія оказываются сдѣланными, какъ бы по образцу прежнихъ земскихъ соборовъ". (Бѣляевъ, Рѣчи и отчетъ Московскаго университета за 1867 г. стр. 60).

ГЛАВА VI.

ОРГАНИЗАЦІЯ И КОМПЕТЕНЦІЯ СОБОРОВЪ.

Дѣленіе на категоріи: соборы избирательные и неизбирательные, соборы полные, неполные и фиктивные. — Причина и поводы созванія соборовъ. — Ихъ составъ.— Сословность. — Число выборныхъ. — Процедура выборовъ. — „Запасы", бравшіеся выборными. — Цензъ. — Отношеніе древнихъ русскихъ къ праву избранія своихъ представителей. — Отсутствіе періодичности соборовъ и опредѣленныхъ дней засѣданій.—Продолжительность засѣданія.—Мѣсто засѣданія.—Свидѣтельство Флетчера о порядкѣ засѣданій. — Дѣйствительный порядокъ засѣданій. — Закрытіе соборовъ. — Исчисленіе соборовъ. — Компетенція и значеніе соборовъ. — Прекращеніе ихъ и мнѣнія, существующія по этому поводу въ наукѣ.

Изъ разсмотреннаго нами историческаго очерка древнерусскихъ представительныхъ учрежденій, мы видимъ, что послѣднія могли быть *двухъ* родовъ [1]): избирательныя и неизбирательныя или, какъ принято называть въ наукѣ, совѣщательныя [2]). Къ первому роду

---

[1]) Г. Владимірскій-Будановъ (Кіевскія унив. извѣстія за 1875 г. № 10) считаетъ подобное дѣленіе произвольнымъ въ виду того, что земскіе соборы, какъ избиравшіе государей, такъ и собиравшіеся при государяхъ были по своему составу и значенію однимъ и тѣмъ-же учрежденіемъ. Наконецъ, очень часто случалось, что одинъ и тотъ же соборъ и избиралъ государя и оставался засѣдать при избранномъ царѣ (стр. 275—276). Вполнѣ соглашаясь съ посылками кіевскаго профессора, мы не можемъ однако согласиться съ его выводомъ. Конечно, и тѣ и другіе соборы были однимъ и тѣмъ-же учрежденіемъ, но въ виду того, что однимъ изъ нихъ была присуща такая функція, какая отсутствовала у другихъ, мы и считаемъ необходимымъ выдѣлить эти „одни", тѣмъ болѣе, что и въ способахъ ихъ созванія существовала разница, отличавшая ихъ другъ отъ друга, (неизбирательные соборы созывались государемъ, избирательные же боярской думой, патріархомъ и т. п.).

[2]) Послѣднее названіе, собственно говоря, не имѣетъ никакого смысла по слѣдующимъ двумъ причинамъ.—Вопервыхъ, называя такимъ образомъ неизбиратель-

или къ первой категоріи относились такія, одна изъ главныхъ функцій которыхъ заключалась въ избраніи представителя верховной власти или въ санкціонированіи волей народа вступленіе на престолъ новаго государя, хотя бы послѣдній могъ вступить и безъ подобнаго санкціонированія, исключительно на основаніи закона или, лучше сказать, обычая. Мы знаемъ, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ законнымъ наслѣдникомъ Ивана IV, точно также, какъ Алексѣй Михайловичъ законнымъ наслѣдникомъ Михаила Ѳедоровича, однако, оба они были избраны земскимъ соборомъ и получили бразды правленія изъ его рукъ. Это было сдѣлано, безъ сомнѣнія, для упроченія ихъ власти и для доказательства, что царствованіе ихъ есть выраженіе народной воли, народнаго желанія. Изъ сказаннаго ясно, что самые избирательные соборы въ свою очередь могли быть также двухъ родовъ, а именно соборы, функція которыхъ заключалась въ избраніи новаго государя, въ случаѣ пресѣченія царствовавшей династіи и соборы, санкціонировавшіе актъ вступленія на престолъ законнаго государя. Первые созывались боярской думой или патріархомъ и только въ «безгосударное» время, по выраженію памятниковъ. Тогда они представляли собою верховную власть и пользовались всѣми ея правами и прерогативами. Управленіе государствомъ лежало на ихъ обязанности, такъ какъ, замѣняя государя, они осуществляли его функціи во всѣхъ отношеніяхъ. Законодательство, администрація, судъ, сношеніе съ иностранными державами и т. п. исключительно принадлежали имъ. Соборы обладали своей печатью [1]) и разсылали грамоты отъ своего имени. Но подобныя права были имъ присущи только до избранія государя, послѣ же этого, даже самое существованіе ихъ зависѣло уже отъ личности представителя верховной власти. Къ соборамъ этого рода можно отнести соборы: 1598 г. (избравшій Бориса Годунова), 1606 г. (избравшій Василія Шуйскаго), 1613 г. (избравшій Михаила Ѳедоровича и представляющій собою образецъ избирательнаго собора, правившаго государствомъ нѣкоторое время) и два собора 1682 г. (избравшихъ Петра и Ивана). Второго рода избирательные соборы созывались для утвержденія новаго государя на престолѣ, слѣдовательно, имѣли мѣсто не въ «безгосударное»

ные соборы, можно думать, что этимъ они противуполагаются избирательнымъ, являющимся будто бы ограничительными, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ никогда не были. Вовторыхъ же, древнерусская жизнь, не отличавшаяся, какъ извѣстно, выработкой какихъ бы то ни было опредѣленныхъ юридическихъ понятій, не доросла до различенія понятія „совѣщательнаго“ и „ограничительнаго“ учрежденія, слѣдовательно, примѣненіе этихъ современныхъ понятій къ институтамъ московской эпохи не имѣетъ никакого основанія.

[1]) Такой случай былъ только два раза, именно: въ 1611 и 1613 годахъ (впрочемъ, тоже самое было, по всей вѣроятности, и въ 1612 г.).

время. Государь существовалъ, нужно было только упрочить его власть актомъ народнаго избранія. Къ такимъ соборамъ могутъ быть причислены соборы: 1584 г. (при вступленіи на престолъ Θедора Ивановича) и 1645 г. (при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича). Соборы второй категоріи, т. е., такъ называемые, совѣщательные созывались всегда по иниціативѣ государя и, слѣдовательно, не могли имѣть мѣста въ «безгосударное» время. Къ этой категоріи относятся всѣ остальные соборы, за исключеніемъ 1610 года, низложившаго Шуйскаго. Соборъ 1610 года не можетъ быть подведенъ ни подъ какую изъ разсмотренныхъ категорій, такъ какъ представляетъ собою нѣчто особенное въ древнерусской жизни. Лѣтописцы никогда не признавали его дѣяній за законныя, а его самого считали скопищемъ крамольниковъ, совершившихъ актъ насилія надъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ, на что они не имѣли никакого права, кромѣ права силы.

Кромѣ вышеразсмотрѣннаго дѣленія соборовъ на категоріи, нужно еще всегда имѣть въ виду другое дѣленіе, что бываетъ необходимо, при исчисленіи количества соборовъ. Намъ извѣстно изъ исторіи, что рядомъ съ относительно полными соборами, существовали и, такъ называемые, фиктивные соборы, бывшіе по идеѣ, но не на практикѣ, органами всего государства. Собственно говоря, полныхъ соборовъ въ полномъ смыслѣ этого слова никогда не было. Создать такое представительство, которое дѣйствительно представляло бы все Московское государство было не по силамъ древнимъ русскимъ. По справедливому замѣчанію одного ученаго [1]), правильное осуществленіе этой мысли составляетъ труднѣйшую задачу не только для Московской Россіи, но и для современной теоріи государственнаго права. Слѣдовательно, уже a priori не возможно допущеніе существованія въ Московскомъ государствѣ полныхъ соборовъ, отражавшихъ въ себѣ всѣ классы древнерусскаго населенія. Но кромѣ того, мы имѣемъ массу данныхъ, на основаніи которыхъ не можемъ признать существованія хотя бы одного полнаго собора. Очень часто многіе города вовсе не посылали своихъ выборныхъ (сибирскіе города никогда не посылали) [2]), что же касается до сословій, то нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, крестьяне всего только два раза были въ качествѣ выборныхъ на соборѣ (въ 1613 г. и въ 1682 г., при уравненіи службъ и податей). Г. Загоскинъ дѣлитъ соборы на полные, неполные и фиктивные. Первые, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ дѣйствительное представительство всего населенія Московскаго государства, вторые же лишь представительство болѣе или

[1]) В. И. Сергѣевича.

[2]) На соборъ 1613 г. какъ извѣстно, были приглашены и представители Сибири, но, не смотря на это, можно думать, что ихъ не было, вслѣдствіе отсутствія ихъ рукоприкладствъ на соборной грамотѣ.

менѣе значительной части его [1]). По нашему мнѣнію, подобное дѣленіе не имѣетъ никакого основанія, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было критерія для различенія понятія «полнаго» собора отъ понятія «неполнаго». Почему соборъ 1649 г. можетъ быть названъ полнымъ соборомъ (какъ полагаетъ г. Загоскинъ), когда на немъ не было представителей отъ крестьянъ и нѣкоторыхъ городовъ, а соборъ 1642 г. неполнымъ, когда на немъ также не было представителей отъ крестьянъ и нѣкоторыхъ городовъ? Очевидно, подобное дѣленіе не выдерживаетъ критики и гораздо удобнѣе дѣлить въ данномъ случаѣ всѣ соборы не на три категоріи, какъ это дѣлаетъ г. Загоскинъ, а на двѣ. Къ первой можно отнести соборы относительно полные, ко второй же соборы абсолютно неполные, иначе фиктивные, гдѣ населеніе всего Московскаго государства отождествляется съ жителями города Москвы. Такъ что подобный соборъ, являясь de facto органомъ одного города, считается de jure органомъ всего государства. Фиктивныхъ соборовъ было нѣсколько, а именно: въ 1606 году, въ 1610 году и два въ 1682 году (королевичъ Владиславъ также считался избраннымъ всѣми чинами Московскаго государства). Если бы г. Загоскинъ подъ неполнымъ соборомъ подразумѣвалъ такія обращенія къ народу, какія имѣли мѣсто, напримѣръ, въ 1660 г., въ 1672 г., въ 1676 г. и въ 1682 г., то мы вполнѣ согласились бы съ нимъ и не критиковали бы его дѣленія. Но въ томъ то и дѣло, что г. Загоскинъ ничего подобнаго не подразумѣваетъ. Вышеназванныя совѣщанія съ народомъ онъ считаетъ, какъ и Соловьевъ, за простыя коммиссіи, къ участію въ которыхъ выборные привлекались въ качествѣ спеціалистовъ и экспертовъ. «Само собою разумѣется, говоритъ г. Загоскинъ, что подобныя собранія никакъ не могутъ и не должны быть смѣшиваемы съ земскими соборами, хотя бы даже и съ земскими соборами неполными и несовершенными. Послѣдніе, не заключая въ себѣ de facto полнаго народнаго представительства, признавались за представительство всей земли, хотя бы только по идеѣ; разсматриваемыя же въ настоящее время собранія и не претендуютъ на подобнаго рода значенія. Это просто временныя правительственныя коммиссіи, составляемыя изъ думныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ, съ привлеченіемъ къ участію въ нихъ спеціалистовъ по роду занятій или службы, свѣдущихъ людей, экспертовъ» [1]). Г. Загоскинъ забылъ отвѣтъ Михаила Ѳедоровича Джону Мерику на просьбу послѣдняго касательно дарованія нѣкоторыхъ правъ англійскимъ купцамъ. «О такомъ важномъ дѣлѣ, сказалъ русскій царь, безъ совѣту *всей земли* рѣшить нельзя" и созвалъ *только* торговыхъ людей, явившихся въ данномъ случаѣ

---

[1]) Исторія права Московскаго государства, т. I, стр. 312.

[1]) Исторія права Московскаго государства, т. I, стр. 299.

представителями *всего* государства. Между тѣмъ, совѣщаніе съ гостями въ 1617 г. можно вполнѣ поставить на одну доску съ позднѣйшими совѣщаніями при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Это и дѣлаетъ Соловьевъ въ своей статьѣ: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе». Г. же Загоскинъ почему то совершенно игнорируетъ вышеназванное совѣщаніе и не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ. А между тѣмъ оно опровергаетъ его мнѣніе, будто, такъ называемыя, «коммиссіи» не признавались за представительство всей земли, хотя бы только по идеѣ. Мы не упоминаемъ уже о соборѣ 1682 г., уничтожившемъ мѣстничество, носившемъ на себѣ всѣ признаки собора [1]). Итакъ, соборы были относительно полные, фиктивные и неполные. Подъ послѣдними мы подразумѣваемъ не неполные соборы г. Загоскина, а, такъ называемыя, «коммиссіи», когда призывалось одно сословіе или нѣсколько чиновъ, считавшихся компетентными въ разрѣшеніи извѣстнаго вопроса и являвшихся въ качествѣ представителей всего государства...

Кромѣ соборовъ, бывшихъ органами всей земли, существовали еще, такъ называемые, мѣстные или областные соборы. К. Аксаковъ вполнѣ правъ, придавая имъ большое значеніе [2]). Впродолженіи смутнаго времени такіе мѣстные соборы играли видную роль въ дѣлѣ умиротворенія государства и освобожденія его отъ непріятеля. Въ городахъ созываются сходки, на которыхъ принимаютъ участіе не только жители одного города, но и нѣсколькихъ, близъ лежащихъ. Постановляются рѣшенія, пишутся грамоты, сносятся съ другими городами и т. п. Мѣстные соборы являются органами извѣстной мѣстности, области. До насъ дошло много грамотъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности такихъ соборовъ въ 1610, 1611 и 1612 гг. [3]). Въ этихъ грамотахъ чины какой нибудь области, напримѣръ, «Казанскаго государства» пишутъ всѣмъ чинамъ «Пермскія земли» [4]) и т. п. Очевидно, соборъ Казанскаго государства, являлся мѣстнымъ соборомъ, соборомъ областнымъ, на которомъ принимали участіе представители всѣхъ или нѣкоторыхъ городовъ, входившихъ въ составъ одного мѣстнаго цѣлаго, а именно въ данномъ случаѣ, въ составъ земель, принадлежавшихъ бывшему Казанскому царству. Но нужно сказать, что эти «мѣстные соборы» существовали только впродолженіи смутнаго времени и, по прекращеніи его, совершенно исчезли.

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ иначе и не называетъ его, какъ соборомъ.

[2]) Щаповъ также признаетъ за ними громадное значеніе (Отеч. Записки за 1861 г. № 11, стр. 113), что мы и видѣли выше.

[3]) Помѣщены онѣ въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. (т. II), Актахъ Арх. Эксп. (т. II) и Актахъ Истор. (т. II).

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 269, стр. 568.

Когда же созывались соборы? Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо различать причину созванія соборовъ отъ поводовъ къ ихъ созванію. *Причина* всегда была одна и та же: затруднительность положенія, въ которомъ находилось правительство и выйти изъ котораго оно не считало возможнымъ безъ помощи со стороны народа. Помощь эта или поддержка могла быть двухъ родовъ: нравственная и матеріальная. Какъ та, такъ и другая была одинаково необходима для правительства. Оно и понятно, древне-русское правительство не обладало такой матеріальной силой, чтобъ могло удержаться, вопреки желанію большинства народа. Вся сила и могущество его заключалось въ послѣднемъ: изъ него образовывалось войско, отъ него шли деньги и правительство было несокрушимо, какъ со стороны внѣшнихъ, такъ и со стороны внутреннихъ враговъ. Примѣръ Михаила Ѳедоровича доказываетъ наглядно истинность нашихъ словъ. Не смотря на отчаянное положеніе государства, на всеобщее раззореніе, на присутствіе многочисленнаго непріятеля какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, первый Романовъ не только удержался на престолѣ, но олицетворяя собою порядокъ, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ анархіей и передалъ тронъ своему наслѣднику. Между тѣмъ, могущественные Годуновы, Лжедимитрій, Василій Шуйскій, Владиславъ, не смотря на благодѣянія по отношенію къ народу (Борисъ Годуновъ), на происхожденіе отъ древняго царскаго рода (Василій Шуйскій), на поддержку иностранныхъ державъ (Лжедимитрій и Владиславъ), не могли удержаться на тронѣ и пали, лишенные поддержки и симпатіи всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Отсюда понятно, почему русскіе государи постоянно имѣли сношенія съ народомъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращались къ нему. Земскій соборъ былъ, такъ сказать, мѣриломъ состоянія умовъ и настроенія народа. Древнее правительство было *вынуждено* созывать соборы, не вслѣдствіе требованій сословій, какъ, напримѣръ, въ Англіи, но самымъ положеніемъ дѣлъ и силою тѣхъ обстоятельствъ и условій, среди которыхъ оно находилось. Когда государство начало упорядочиваться, когда Московская Русь стала походить на западно-европейское полицейское государство, когда завелись постоянныя войска и наемныя дружины изъ иностранцевъ, когда налоги можно было налагать безъ согласія чиновъ, земскіе соборы исчезаютъ и правительство приходитъ къ сознанію о не необходимости ихъ дальнѣйшаго существованія. Государи болѣе не нуждались въ непосредственной поддержкѣ народа, у нихъ было достаточно средствъ, чтобъ заставить повиноваться себѣ. Понятно, соборы исчезли, такъ какъ не обладали никакими гарантіями и правами въ родѣ Magna charta, Statutum de tallagio non concedendo и т. п. Ничего подобнаго древне-русская жизнь не вы-

работала, да и не могла выработать [1]. Что касается до *поводовъ* созванія соборовъ, то они были довольно многочисленны. Объ избирательныхъ соборахъ нечего и говорить, они собирались тогда, когда нужно было избрать или утвердить новаго государя. Неизбирательные же соборы имѣли мѣсто, когда предвидѣлась война (напримѣръ въ 1618 г.), когда ощущался недостатокъ въ денежныхъ средствахъ (1616, 1621, 1634 и др.), когда государство было потрясаемо мятежами (1650 г.), когда сознавалась необходимость реформъ (1550 г., 1619 г., 1649 г. и др.), когда предстояла альтернатива войны или мира (1566, 1642, 1653 гг.) и т. п. Въ исторической части нашего труда подробно изсчислены всѣ поводы созванія соборовъ, такъ что повторять ихъ здѣсь совершенно излишне. Нужно, конечно, думать, что система представительства на соборахъ появилась, вслѣдствіе невозможности поголовнаго участія на нихъ всѣхъ жителей Московскаго государства, какъ то было въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, когда на вѣчевыхъ собраніяхъ отдѣльныхъ княженій участвовали всѣ жители, входившіе въ составъ этихъ незначительныхъ политическихъ аггрегатовъ. Что было возможно въ удѣльномъ періодѣ, то оказалось непримѣнимымъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда понятно возникновеніе представительства и замѣна имъ поголовнаго участія. Но послѣднее не уничтожилось совершенно и продолжало существовать тамъ, гдѣ было вполнѣ примѣнимо. Соборы не были исключительно представительными учрежденіями, на нихъ принимало также участіе изрядное количество лицъ, призывавшихся поголовно, благодаря своему соціальному положенію. Къ этой категоріи лицъ, входившихъ въ *составъ* собора, принадлежали: самъ царь (безъ сомнѣнія отъ него зависѣло присутствовать на соборѣ или нѣтъ; въ большинствѣ случаевъ онъ присутствовалъ), члены освященнаго собора, т. е. патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены; члены боярской думы, т. е. бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки и высшіе придворные чины, какъ то: конюшій, дворецкій, казначей, печатникъ и др. Ко второй категоріи, т. е. къ чинамъ собора, засѣдавшимъ на немъ по началу представительства, относились: низшіе чины духовенства, т. е. чины бѣлаго духовенства, какъ то: протопопы, попы и др. и монастырскіе старцы; низшіе чины служилаго сословія, т. е. стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и дѣти боярскія, городовые дворяне и дѣти боярскія, стрѣльцы, головы стрѣлецкія, казаки, ихъ атаманы, инородцы, пушкари и др.; чины тяглаго сословія: гости, торговцы гостинной и суконной сотенъ, торговцы черныхъ сотенъ и слободъ, однимъ словомъ, всѣ разряды посадскихъ людей и уѣздные люди

[1] Въ этомъ отношеніи большую аналогію представляютъ французскіе генеральные штаты, что мы и постараемся показать ниже.

(крестьяне), бывшіе всего только на двухъ соборахъ: въ 1613 и въ 1682 годахъ [1]).

Земскіе соборы обладали еще одной специфической особенностью отличавшей ихъ отъ древнихъ вѣчъ,—*сословностью*. Въ удѣльно-вѣчевой Руси сословій не было, хотя зачатки ихъ уже существовали, это фактическое разграниченіе лицъ на категоріи по роду занятій и службъ. Московское государство благопріятствовало развитію сословій; неудивительно, что все русское общество раздѣлилось на сословныя группы, отличавшіяся другъ отъ друга, хотя и далеко не на столько разобщенныя между собой, какъ на Западѣ. Поэтому, весьма понятно, что соборы, органы этого общества, должны были быть сословными учрежденіями и напоминать собою французскіе генеральные штаты, нѣмецкіе земскіе чины, испанскіе кортесы и другія имъ подобныя европейскія представительныя учрежденія, гдѣ выборные отъ народа не являлись представителями интересовъ всего государства, но только интересовъ отдѣльныхъ группъ и категорій людей. Что наши соборы были построены на началахъ сословнаго представительства, въ этомъ не трудно было убѣдиться изъ исторической части нашего труда. Мы видѣли, что грамоты, предписывавшія присылку выборныхъ на соборъ всегда говорятъ о выборныхъ отъ такого то сословія или чина и никогда не упоминаютъ о представителяхъ такой то мѣстности или города. Тоже самое встрѣчаемъ и въ соборныхъ актахъ. Наконецъ, самые выборы всегда происходили по сословіямъ. Что наши соборы были сословными учрежденіями на это указываетъ также существованіе двухъ палатъ (если только можно такъ выразиться) въ 1649 и въ 1682 гг. Въ первой палатѣ (верхней) находились царь, члены освященнаго собора и боярской думы т. е. высшіе разряды лицъ, во второй (нижней) выборные отъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей и тяглые люди. Наконецъ, очень часто выборные по сословіямъ подавали свои мнѣнія и челобитныя, а иногда и само правительство созывало только членовъ одного сословія, считавшагося компетентнымъ въ рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ (неполные соборы). Сословность сказывалась также и въ совѣщаніяхъ выборныхъ на соборѣ, такъ какъ онѣ происходили по сословіямъ или, лучше сказать, по чинамъ. Г. Владимірскій-Будановъ противополагаетъ совѣщаніямъ по сословіямъ совѣщанія по «статьямъ» и видитъ въ этомъ одно изъ доказательствъ въ пользу того, что наши соборы

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ (объ этомъ мы ужъ говорили выше) предполагаетъ, что посадскіе, бывшіе въ то время въ большинствѣ случаевъ тѣми же крестьянами, вслѣдствіе отсутствія рѣзкаго различія между городскими и уѣздными жителями, какъ извѣстно, до Уложенія, представляли интересы крестьянъ и этимъ восполнялось до нѣкоторой степени исключеніе послѣднихъ. (Сборн. госуд. знан., т. II, стр. 14).

не были сословными учрежденіями [1]). По нашему мнѣнію, нельзя эти двѣ формы совѣщаній противополагать другъ другу, по той простой причинѣ, что въ сущности онѣ составляютъ одно и тоже, такъ какъ въ составъ каждой «статьи» (какъ это было въ 1642 г.) входили члены только одного сословія и даже чина, а не всѣхъ. Конечно, если мы будемъ понимать подъ «совѣщаніемъ по сословіямъ» систему трехъ палатъ (духовенства, служилаго сословія и тяглыхъ людей), существовавшую на Западѣ, то ничего подобнаго у насъ не найдемъ.—Такимъ образомъ, изъ всего видно, что наши соборы были чисто сословнымъ учрежденіемъ, что впрочемъ вполнѣ доказывается и a priori [2]).

Изъ исторіи намъ ужъ извѣстно, что *число* выборныхъ на соборахъ не было однимъ и тѣмъ же и постоянно колебалось. Такъ, въ 1566 г. всѣхъ выборныхъ было 374, въ 1598 г.—457, въ 1649 г.—315 (по числу рукоприкладствъ) и т. д. Древне-русская жизнь не выработала особой, опредѣленной нормы для числа выборныхъ и оно не было постояннымъ, вслѣдствіе двухъ причинъ. Вопервыхъ, потому что правительство на каждый соборъ опредѣляло число выборныхъ, а иногда предоставляло его даже на усмотрѣніе самихъ избирателей. Такъ, до насъ дошло нѣсколько грамотъ, въ одной изъ которыхъ предписывалось городамъ прислать одного выборнаго отъ духовенства и двухъ выборныхъ отъ посадскихъ и служилыхъ людей (въ 1619 г.) [3]), а въ другой велѣно было городамъ прислать выборныхъ отъ всякихъ чиновъ «по скольку человѣкъ пригоже» (въ 1613 г.) [4]) и т. п. Ужъ на основаніи одного этого, число вы-

---

[1]) Кіевскія унив. извѣстія за 1857 г. № 10, стр. 269—270.

[2]) Проф. Владимірскій-Будановъ (Кіевскія унив. извѣстія за 1875 г. № 10) отрицаетъ сословность, какъ специфическій признакъ древне-русскаго представительства и видитъ въ этомъ отличіе нашихъ соборовъ отъ западно-европейскихъ представительныхъ учрежденій. Безспорно наши сословія существенно отличались отъ западно-европейскихъ. На Западѣ сословія образовались помимо и прежде государства, образованіе ихъ шло вполнѣ *естественнымъ* путемъ и государство должно было съ ними считаться. Напротивъ, творцомъ нашихъ сословій было само государство, разграничившее общество на группы, для большаго удобства ихъ эксплоатированія въ свою пользу. Учреждая сословія, государство руководствовалось исключительно фискальной точкой зрѣнія, чего совсѣмъ не было на Западѣ. Такимъ образомъ, образованіе нашихъ сословій было чисто *искусственное*. Понятно поэтому, почему у насъ не могли образоваться духовенство, дворянство и буржуазія въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Вслѣдствіе всего этого, наши соборы, хотя и были сословными учрежденіями и напоминали собой западно-европейское представительство, но съ другой стороны и отличались отъ него, если можно такъ выразиться, по *степени* сословности. Мы будемъ еще объ этомъ говорить ниже.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. Ш, № 105, стр. 149.

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. I, № 203, стр. 612.

борныхъ должно было постоянно колебаться и измѣняться, смотря по тому, сколько заблагоразсудится правительству приказать прислать народныхъ представителей и сколько избиратели пожелаютъ избрать. Во-вторыхъ, потому что многіе города, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, дальности разстоянія отъ Москвы, разбойничества на дорогахъ, дороговизны содержанія въ столицѣ и т. п., совсѣмъ не посылали выборныхъ [1]). Вотъ тѣ причины, по которымъ единообразное число представителей на соборахъ не могло имѣть мѣста въ древней Россіи. Нечего говорить, что далеко не всѣ мѣстности Московскаго государства бывали представлены на соборѣ. Иногда это случалось по винѣ правительства, которое склонно было думать, что люди одного и того же чина стоятъ въ одинаковыхъ условіяхъ, гдѣ бы не жили, а потому съ его точки зрѣнія посадскіе извѣстнаго города легко могли представлять интересы посадскихъ людей вообще, и въ крайнемъ случаѣ соборъ могъ состояться, если бы на немъ были только посадскіе города Москвы [2]). А иногда и по винѣ самихъ выборныхъ, какъ это мы показали выше.

Избирательнымъ округомъ былъ каждый городъ со своимъ уѣздомъ, при томъ городъ съ бо́льшимъ числомъ жителей посылалъ бо́льшее число выборныхъ, чѣмъ городъ съ меньшимъ. Такъ, Новгородъ всегда считался равнымъ пяти городамъ, ибо каждая его пятина ставилась на одну доску съ обыкновеннымъ городомъ. Но больше всѣхъ выборныхъ приходилось на долю Москвы. Въ 1649 году, когда города прислали по два дворянина и по одному выборному отъ таглыхъ людей, Москва представлялась двумя выборными отъ каждаго чина низшихъ служилыхъ людей, тремя выборными отъ гостей, двумя выборными отъ гостинной и суконной сотенъ (слѣдовательно, четыре человѣка) и однимъ выборнымъ отъ каждой черной сотни и посада!.. Случалось иногда такъ, что на соборахъ совершенно отсутствовали городовые чины, а призывались только московскіе (напримѣръ, такъ называемые, фиктивные соборы) что, впрочемъ, не мѣшало собору величать себя органомъ всего государства. Очень часто города присылали больше выборныхъ, чѣмъ то предписывало правительство, напр., въ 1649 г. Эти выборные приравнивались ко всѣмъ остальнымъ и также принимали участіе на соборѣ [3]).

---

[1]) Такъ, изъ дошедшихъ до насъ воеводскихъ „отписокъ“ 1651 года видно, что, вмѣсто 138 человѣкъ отъ 44 городовъ и двухъ пригородовъ (какъ то предписало правительство), явилось только 124 (не явились 13 посадскихъ и 1 дворянинъ). См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 92—128.

[2]) В. И. Сергѣевичъ, Сборн. госуд. знаній, т. II, стр. 16.

[3]) „По всей вѣроятности, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, вопросъ о томъ, сколько послать одного, двухъ или восемь рѣшался наличностью охотниковъ поѣхать въ Москву. Если ихъ было много, выбирали болѣе, чѣмъ требовало правительство;

Какимъ образомъ происходили самые выборы? На основаніи предыдущаго намъ извѣстно, что призывныя грамоты [1]), предписывавшія производство выборовъ, адресовались на имя воеводы или губнаго старосты. Послѣдніе, получивъ предписаніе, обыкновенно собирали людей всякихъ чиновъ въ церковь или въ губной станъ, читали имъ царскую грамоту и исполняли приказаніе правительства касательно выборовъ. Каждый чинъ выбиралъ особо, какъ это видно, между прочимъ, изъ воеводскихъ отписокъ, напечатанныхъ въ моихъ «Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.» [2]). Но иногда происходили такіе странные факты, какъ замѣна представителей одного чина людьми другаго. Это имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда въ избирательномъ округѣ отсутствовало какое нибудь сословіе, а между тѣмъ, правительство требовало присылки его представителей. До насъ дошли извѣстія, что въ подобныхъ случаяхъ воеводы иногда выходили изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ: посылали въ Москву, вмѣсто представителей отсутствовавшаго сословія, людей другаго сословія. Такъ, на соборъ 1651 г. воевода города Крапивны послалъ, вмѣсто посадскихъ людей, бывшихъ всего только въ числѣ трехъ человѣкъ, сына боярскаго и пушкаря. Въ этомъ же году ливенскій воевода тоже послалъ, вмѣсто выборнаго отъ посадскихъ, бобыля, такъ какъ посадскихъ въ Ливнахъ совсѣмъ не было [3]) и т. п. Послѣ производства выборовъ, составлялись протоколы, или, какъ они назывались, «выборы за руками», подписывавшіеся всѣми, принимавшими участіе въ выборахъ и отсылавшіеся въ Москву, въ Посольскій или Разрядный приказы. До насъ дошелъ одинъ такой «выборъ за руками», напечатанный въ *моемъ* изданіи матеріаловъ для исторіи земскихъ соборовъ [4]). Протоколъ этотъ составленъ въ Новосилѣ въ

если ихъ было мало, посылали одного, хотя городъ былъ и большой". (Сборн. госуд. знаній, т. II, стр. 22).

[1]) До насъ дошли *четыре* призывные грамоты. Напечатаны онѣ въ Актахъ Арх. Эксп. т. III, № 77, стр. 111 и № 105, стр. 143; въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III, № 47, стр. 208 и въ *моихъ* Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., ст . 92—128.

[2]) Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 92—128.

[3]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа № 240 (столбцы №№ 9 и 19). См. также *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 102 и 108. Впрочемъ, нужно замѣтить, что, какъ это видно изъ помѣты дьяка Заборовскаго на отпискѣ крапивенскаго воеводы, послѣдній за подобный самовольный поступокъ получилъ выговоръ отъ правительства. „Онъ (т. е. воевода) сглупилъ, гласитъ помѣта дьяка, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря мимо государева указу" и за это велѣно его „осудить гораздо".

[4]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 89. [извлечено изъ Архива минист. юстиц., столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа № 240. (столбцы №№ 74, 75 и 76)].

1651 г. и констатируетъ фактъ избранія двухъ представителей отъ новосильскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на первый малороссійскій соборъ. Вмѣстѣ съ «выборами за руками» въ Москву посылались и, такъ называемыя, воеводскія «отписки», составлявшіяся въ формѣ челобитныхъ. Это были грамоты, въ которыхъ воеводы извѣщали государя о полученіи его предписаній касательно производства выборовъ и сообщали объ исполненіи этихъ предписаній и о высылкѣ выборныхъ въ Москву. Обыкновенно, какъ протоколъ, такъ и отписку доставляли сами выборные, на обязанности которыхъ было «явиться» въ Разрядъ или въ Посольскій приказъ. До насъ дошло 47 такихъ отписокъ отъ 44 городовъ [1]). Всѣ онѣ представляютъ крайне интересный матеріалъ для исторіи нашего представительства, въ особенности со стороны его организаціи. Намъ придется еще ссылаться на нихъ, какъ уже и приходилось.

Воеводамъ было запрещено вмѣшиваться въ выборы и оказывать на нихъ какое нибудь давленіе. Такъ, когда крапивенскій воевода, не понявъ смысла царской грамоты относительно производства выборовъ, самъ выбралъ представителей на соборъ, вмѣсто того, чтобъ предоставить ихъ избраніе дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, то получилъ за это отъ правительства выговоръ. Вотъ, что гласитъ помѣта думнаго дьяка Заборовскаго на отпискѣ крапивенскаго воеводы Астафьева: «159, февраля въ 28 день послать грамоту *съ осудомъ* къ Василью Астафьеву; послана къ нему грамота, велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему выбрать и *за то его осудитъ гораздо...*» [2]).

У насъ такъ же, какъ и на Западѣ выборные получали особые наказы (инструкціи) отъ избирателей. Хотя ни одинъ изъ подобныхъ наказовъ до насъ не дошелъ, но мы знаемъ о нихъ изъ призывныхъ грамотъ. Такъ, когда Пожарскій приглашалъ выборныхъ на соборъ 1612 г., то онъ писалъ между прочимъ:« ... и *совѣтъ* свой къ намъ отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять и какъ намъ въ нынѣшнее..... время безгосударнымъ быть и выбрати бъ намъ Государя» [3]). Также на соборъ 1613 г. выборные пріѣхали «договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о Государскомъ избраньи *полные договоры*» [4]). Какъ извѣстно, въ призывной грамотѣ на соборъ 1619 г. встрѣчается слѣдующее мѣ-

---

[1]) Архивъ минист. юстиц., столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа, № 240. См. также *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст стр. 92—128.

[2]) Архивъ мин. юст., столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа № 240 (столбецъ № 9).

[3]) Древ. Росс. Вивл., ч. XV, стр. 180.

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. III, № 2, стр. 6.

сто: прислать выборныхъ, «которые бъ умѣли разсказать обиды, и насильства, и раззоренья, и чѣмъ Московскому государству полнитца, и ратныхъ людей пожаловать.» [1]). Бѣляевъ вполнѣ правъ, говоря, что при такомъ прямомъ требованіи, избиратели должны были дать выборнымъ наказы о мѣстныхъ нуждахъ и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію [2]).—Выборныхъ воевода обязанъ былъ доставить въ Москву «тотчасъ», «безсрочно», «безъ всякаго мотчанья», не «мѣшкая ни часу», чтобъ «государево и земское дѣло не стало». Но очень часто воеводы не исполняли этого приказанія, да и не могли исполнить. Такъ, въ воеводскихъ отпискахъ 1651 г. встрѣчается много заявленій со стороны воеводъ, изъ которыхъ видно, что выборные не могли явиться къ сроку въ Москву, вслѣдствіе того, что воевода слишкомъ поздно получилъ предписаніе о производствѣ выборовъ. Въ Арзамасѣ, напр., призывная грамота была получена уже *послѣ* срока. Подобныя опаздыванія объяснялись тѣмъ, что далеко не всѣ воеводы получали царскія грамоты прямо изъ Москвы. Обыкновенно это дѣлалось такимъ образомъ: одному воеводѣ посылалось нѣсколько грамотъ и ужь на его обязанности лежало разослать ихъ находившимся вблизи отъ него воеводамъ [3]). Вотъ еще одна причина, почему многіе города очень часто не присутствовали въ лицѣ своихъ представителей на соборахъ.

Выборные брали съ собой «запасы», что предписывалось имъ самимъ правительствомъ. Кто же давалъ эти «запасы»? Нужно думать, что избиратели [4]). Весьма возможно, что раскладка издержекъ на посылку въ Москву выборнаго, падавшая на лицъ, интересы которыхъ представлялъ этотъ выборный, служила также однимъ изъ стимуловъ для воздержанія отъ посылки кого бы то ни было на соборъ, чѣмъ и объясняется отсутствіе представителей многихъ городовъ на такихъ важныхъ соборахъ для всего государства, какъ 1613, 1642 и 1648—1649 гг. Впрочемъ, тяжесть содержанія выборныхъ не падала исключительно на однихъ избирателей, правительство также принимало въ этомъ участіе. Такъ было, по крайней мѣрѣ, на соборѣ 1648—49 г.г. Въ *моихъ* «Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.» собрано много челобитныхъ отъ выборныхъ на этотъ соборъ, изъ которыхъ видно, что правительство платило имъ «жалованье» и очень часто увеличивало его по просьбѣ выборныхъ [5]). Впродолженіи того времени, пока засѣдалъ соборъ, выборные не имѣли права отлучаться изъ Москвы.

---

[1]) Книги разрядныя, т. I, стр. 615.

[2]) Рѣчи и отчетъ Моск. унив. за 1867 г., стр. 42.

[3]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 92.

[4]) Также разрѣшаютъ этотъ вопросъ В. И. Сергѣевичъ (Сборн. госуд. знаній, т. II, стр. 19) и Н. П. Загоскинъ (Исторія права Моск. госуд. т. I, стр. 317).

[5]) Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 49—74.

До насъ дошло нѣсколько челобитныхъ отъ 1648 — 49 гг., [1]), въ которыхъ выборные просятъ государя отпустить ихъ изъ Москвы раньше срока окончанія соборныхъ засѣданій. Между прочимъ, мы имѣемъ также одну царскую грамоту о неотпущеніи выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ Москвы (въ 1648 — 49 гг.) «потому что они на Москвѣ отъ государева и земскаго дѣла не отдѣлалися» [2]). Правительство обыкновенно само опредѣляло, какого рода лица должны были быть избраны. «Добрые, разумные и постоятельные люди» говорится въ одной грамотѣ [3]). «Человѣка добра и смышлена, кому бы государевы и земскія дѣла за обычай», находимъ въ другой [4]) и т. п.

Какъ же относились московскіе люди къ праву избранія своихъ представителей на соборъ? Дорожили ли они этимъ правомъ, готовы ли были его защищать, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ? Ничего подобнаго не было и русскіе XVII-го столѣтія въ этомъ отношеніи нисколько не напоминали своихъ современниковъ, англичанъ. Ихъ отношеніе къ праву избранія представителей своихъ интересовъ было въ XVII вѣкѣ вполнѣ аналогично съ подобнымъ же отношеніемъ къ праву избранія со стороны англичанъ XIV столѣтія, когда отдѣльные города выпрашивали себѣ *привилегію* не посылать депутатовъ въ парламентъ. Правда, въ XVII вѣкѣ тѣ же англичане проливали свою кровь за это право, между тѣмъ, какъ наши предки считали тяжелою обязанностью быть представляемыми на соборахъ и самымъ «оригинальнымъ» образомъ относились къ праву избранія своихъ представителей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Изъ отписки карачевскаго воеводы мы знаемъ, какъ происходили выборы въ этомъ городѣ. Воеводѣ приходилось *два* раза посылать по уѣзду пушкарей и стрѣльцовъ, чтобъ сзывать дворянъ въ городъ и, всетаки, несмотря на это, только *два* дворянина почли своимъ долгомъ откликнуться на зовъ, которыхъ воевода и *отослалъ* въ Москву, хотя ихъ никто и не думалъ избирать. Тоже самое долженъ былъ продѣлать и воевода Переяславля—Рязанскаго. Но не смотря на посылку имъ «во всѣ станы пушкарей и затинщиковъ», дворяне не показывались въ городѣ вплоть до 14 февраля (земскій же соборъ долженъ былъ состояться 19 февраля), когда явились очень «немногіе люди» [5]) и т. п.

Нечего и говорить, что земскіе соборы созывались не періодически и что не было никакихъ сроковъ, когда правительство было

---

[1]) См. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. стр. 72—74.

[2]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Новгородскаго стола, № 7844. См. также *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 72.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. III, № 77, стр. 111.

[4]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 27, стр. 40.

[5]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы Московскаго стола Разряднаго приказа № 240 (столбцы №№ 17, 35 и 36). См. также *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст., стр. 103 и 119.

обязано обращаться къ помощи народныхъ представителей. Мы знаемъ, что правительство созывало выборныхъ тогда, когда чувствовало въ этомъ необходимость. Иногда соборы бывали довольно часто, какъ напримѣръ въ первую половину царствованія Михаила Ѳедоровича, когда они одно время превратились даже въ постоянное учрежденіе. Иногда же черезъ довольно изрядные промежутки времени, какъ напримѣръ при Иванѣ IV-мъ. Ничего опредѣленнаго въ данномъ случаѣ не было да и не могло быть. Англійскій посолъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588 и 1589 гг. и написавшій сочиненіе о Россіи, посвященное королевѣ Елизаветѣ, говоритъ, что днемъ засѣданія собора обыкновенно бываетъ пятница, по причинѣ святости этого дня [1]). Но къ показаніямъ Флетчера нужно относиться довольно скептически, такъ какъ, не будучи очевидцемъ соборовъ, онъ писалъ со словъ другихъ лицъ и, вслѣдствіе этого, впадалъ въ заблужденіе (какъ это мы увидимъ ниже). Наконецъ, факты не согласны съ мнѣніемъ Флетчера и опровергаютъ его. Благодаря И. П. Загоскину, вычислившему по данному году и числу, на основаніи правилъ Пасхаліи, дни засѣданія соборовъ (кромѣ тѣхъ, которые извѣстны изъ источниковъ), мы знаемъ, что только *два* собора произошли въ пятницу (1598 г. и 1650 г.), остальные же имѣли мѣсто въ воскресенье (1550 г. засѣданія 7-го и 21-го февраля собора 1613 г. и 1653 г.) [2]), во вторникъ (1642 г.), въ четвергъ (1634 г.) и въ субботу (1621 г.). Соборъ 1653 г., какъ извѣстно, состоялся въ праздникъ Покрова Богородицы (1-го октября), послѣ обѣдни, такъ что Алексѣй Михайловичъ явился на засѣданіе изъ церкви въ сопровожденіи духовенства съ крестами [3]).

Долго ли продолжались засѣданія соборовъ? Изъ исторіи извѣстно, что и на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго не было. Такъ, соборъ 1613 г. продолжался около трехъ лѣтъ, соборъ 1642 г. около двухъ недѣль, соборъ 1649 г. пять мѣсяцевъ. По всей вѣроятности, продолжительность сессіи стояла въ связи съ большей или меньшей сложностью дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію собора. Если предметъ соборнаго обсужденія былъ несложенъ и не представлялъ повода къ долгому и основательному размышленію — въ такомъ случаѣ соборная сессія могла ограничиться однимъ днемъ; въ противномъ случаѣ, сессія раздроблялась на нѣсколько отдѣльныхъ засѣданій, затягивавшихся на нѣсколько дней, недѣль и даже мѣсяцевъ [4]).

Соборы всегда происходили въ Москвѣ. Оно и понятно: Москва была столицей, мѣстопребываніемъ двора и центромъ, какъ въ по-

---

[1]) Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, стр. 21 (Лондонъ, изд. Оболенскаго)

[2]) Соборъ 1651 г. происходилъ также въ воскресенье (такъ называемое, сборное воскресенье, т. е. первое воскресенье въ Великомъ посту).

[3]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 322—323.

[4]) И. П. Загоскинъ, Исторія права Московскаго государства т. I, стр. 323

литическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи всего государства. Гдѣ же, какъ не въ ней должны были имѣть мѣсто засѣданій народные представители, созванные отовсюду, со всѣхъ концовъ русской земли. Въ большинствѣ случаевъ соборъ засѣдалъ въ царскихъ палатахъ, хотя опредѣленной комнаты для этого не было. Изъ актовъ намъ извѣстно, что какъ большая Грановитая Палата, какъ Столовая Изба, такъ и Отвѣтная Палата, одинаково служили мѣстомъ соборныхъ засѣданій. Одинъ разъ соборъ происходилъ въ палатахъ патріарха (въ 1598 г.), другой разъ въ Успенскомъ соборѣ (въ 1613 г.). Но нѣкоторые соборы имѣли мѣсто внѣ дома, подъ открытымъ небомъ, такъ соборъ 1550 г. (хотя остальныя засѣданія этого собора, по всей вѣроятности, должны были имѣть мѣсто въ какомъ нибудь помѣщеніи) происходилъ на Красной площади. На этой же площади происходили два обращенія къ народу со стороны Ивана IV-го въ 1564 и въ 1579 гг., избраніе Лжедимитрія I-го въ 1605 г. и, кажется, обращеніе къ народу Алексѣя Михайловича, послѣ мятежа 1648 г. Въ 1611 г. соборъ, созванный Прокопіемъ Ляпуновымъ имѣлъ свои засѣданія въ станѣ ополченцевъ, подъ Москвою. Соборъ, низложившій Шуйскаго, сперва собрался на Красной площади, но затѣмъ состоялся у Смоленскихъ воротъ. Фиктивный соборъ 1682 г. произошелъ на площади передъ крыльцомъ Передней палаты и т. п.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію *порядка* соборныхъ засѣданій, приведемъ свидѣтельство Флетчера объ этомъ порядкѣ. «Самое высшее учрежденіе для публичныхъ совѣщаній по дѣламъ государственнымъ, говоритъ послѣдній, называется соборомъ, т. е. земскимъ собраніемъ. Чины и званія лицъ, бывающихъ въ такихъ собраніяхъ, по порядку ихъ слѣдующія: 1) самъ Царь, 2) нѣкоторые изъ дворянъ, числомъ до двадцати, которые всѣ принадлежатъ къ его Думѣ, 3) столько же извѣстныхъ духовныхъ лицъ. Что касается до горожанъ или другихъ представителей народныхъ, то ихъ не допускаютъ въ это собраніе, такъ какъ простой народъ считается тамъ не лучше рабовъ, которые должны повиноваться, а не издавать законы и не имѣютъ права ничего знать о дѣлахъ общественныхъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ рѣшено и окончено. Земское собраніе (называемое соборомъ) составляется слѣдующимъ образомъ. Царь приказываетъ созвать тѣхъ дворянъ, засѣдающихъ (какъ было сказано) въ его Думѣ, коихъ онъ самъ заблагоразсудитъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, который приглашаетъ свое духовенство, т. е. обоихъ митрополитовъ, обоихъ архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользуются наибольшею извѣстностію и уваженіемъ. Когда всѣ соберутся на Царскомъ Дворѣ, то назначается день засѣданія, для чего обыкновенно избираютъ пятницу, по причинѣ святости этого дня. Когда опредѣленный день наступитъ, то духовныя лица собираются прежде въ назначенное время

и мѣсто, называемое столы. Какъ скоро приходитъ Царь въ сопровожденіи своихъ сановниковъ, то всѣ встаютъ и встрѣчаютъ его въ сѣняхъ, слѣдуя за патріархомъ, который благословляетъ Царя двумя первыми пальцами, возлагая ихъ ему на чело и на обѣ стороны лица, потомъ цѣлуетъ его въ правое плечо. Послѣ того идутъ въ палату, назначенную для такихъ собраній, гдѣ садятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Царь занимаетъ мѣсто на тронѣ, по одну сторону комнаты. Неподалеку отъ него, за небольшимъ четвероугольнымъ столомъ (за которымъ могутъ помѣститься человѣкъ двѣнадцать или около того) садится патріархъ съ митрополитами, епископами и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ лицъ Царской Думы съ двумя дьяками или секретарями (называемыми думными дьяками), которые записываютъ все, что происходитъ. Прочіе садятся на скамьяхъ около стѣны комнаты, такъ что каждый занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его званію. Потомъ одинъ изъ секретарей (въ качествѣ оратора) объявляетъ причину собранія и излагаетъ главные предметы или дѣла, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать. Но предлагать били по мнѣнію отдѣльныхъ лицъ, относительно какого нибудь общеполезнаго дѣла (какъ это дѣлается въ Англіи), Русскій земскій соборъ вовсе не дозволяетъ подданнымъ. Когда дѣло предложено секретаремъ на разсмотрѣніе, то прежде всего желаютъ знать голосъ или мнѣніе патріарха и духовенства, на что каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку своего званія; но эти мнѣнія ихъ бываютъ всегда однообразны и произносятся безъ всякаго разсужденія, какъ бы затверженный урокъ. На всѣ дѣла у нихъ одинъ отвѣтъ, котораго обычное содержаніе то: что Царь и дума его премудры, опытны въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ и гораздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до вѣры, и потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ вспомоществовать имъ молитвами по своей обязанности и должности, и проч. Такъ или почти такъ отвѣчаетъ каждый въ свою очередь, потомъ встаетъ кто нибудь изъ архимандритовъ или братьи, который посмѣлѣе другихъ (впрочемъ, уже заранѣе назначенный для формы) и проситъ Царя, чтобы онъ изволилъ приказать объявить имъ собственное мнѣніе Его Величества и какое будетъ угодно ему сдѣлать постановленіе по дѣлу предложенному дьякомъ. На это означенный секретарь отъ имени Царя отвѣчаетъ, что Его Величество, вмѣстѣ съ членами Думы своей, по надлежащемъ и здравомъ обсужденіи, нашелъ, что предложенное дѣло весьма хорошо и полезно для государства; но что, не смотря на то, Его Величество требуетъ отъ нихъ, какъ отъ людей благочестивыхъ и знающихъ, что слѣдуетъ признавать справедливымъ, ихъ богоугоднаго мнѣнія и даже сужденія, для того, чтобы утвердить или исправить дѣло, предложенное на разсмотрѣніе· и потому вновь пригла-

шаетъ ихъ откровенно объявить свое мнѣніе, и буде они одобрятъ сдѣланное предложеніе, то изъявили бы свое согласіе, дабы можно было приступить къ окончательному опредѣленію. Вслѣдъ за тѣмъ, объявивъ свое согласіе (что дѣлается весьма скоро), духовенство удаляется, благословляя Царя, который провожаетъ Патріарха до другой комнаты и потомъ возвращается на свое мѣсто, гдѣ остается, пока все будетъ окончено. Дѣла, рѣшаемыя соборомъ, дьяки или секретари излагаютъ въ формѣ прокламацій, которыя разсылаютъ въ каждую область и главный городъ государства, гдѣ обнародываютъ ихъ князья и дьяки или секретари тѣхъ мѣстъ. По окончаніи засѣданія, Царь приглашаетъ духовенство на парадный обѣдъ и затѣмъ всѣ расходятся по домамъ»[1]). Разсмотримъ теперь *дѣйствительный* порядокъ соборныхъ засѣданій, такой, какимъ онъ намъ рисуется, на основаніи имѣющихся у насъ памятниковъ.

Засѣданіе открывалось чтеніемъ рѣчи, въ которой излагался поводъ созванія собора и предлагались выборнымъ на разрѣшеніе извѣстные вопросы. При любви древнихъ русскихъ къ многословію, рѣчь начиналась издалека и занимала изрядное количество времени. Произносилъ ее или самъ царь, какъ въ 1550 г. или читалъ думный дьякъ, какъ въ 1642 г. Одинъ разъ произнесъ ее патріархъ (въ 1598 г.) Рѣчь выслушивалась всѣми чинами вмѣстѣ (исключеніе составляли два собора въ 1649 г. и въ 1682 г.) Послѣ прочтенія рѣчи, происходили совѣщанія выборныхъ между собой. Притомъ, совѣщанія, какъ совершенно справедливо предполагаютъ В. И. Сергѣевичъ и Н. П. Загоскинъ, должны были быть по сословіямъ. Намъ извѣстно, что на нѣкоторыхъ соборахъ, напримѣръ, въ 1566, въ 1642 и въ 1653 г. правительство само предписывало выборнымъ совѣщаться и подавать свои мнѣнія порознь, чтобъ ближе познакомиться съ отношеніямъ каждаго сословія къ предложенному вопросу. Мы знаемъ, что иногда правительство созывало членовъ одного только сословія, считая ихъ болѣе компетентными въ томъ дѣлѣ, по поводу котораго они должны были подать свое мнѣніе. Наконецъ, такъ какъ каждое сословіе несло особыя повинности, отличавшія его отъ другихъ сословій, то этимъ самымъ ужъ объясняется необходимость отдѣльнаго совѣщанія членовъ каждаго чина и каждой сословной группы. Въ Московскомъ государствѣ сословія настолько организовались и разобщились другъ отъ друга, что трудно предположить совмѣстное совѣщаніе (при которомъ каждый выборный пользовался бы равнымъ правомъ голоса), напримѣръ, боярина и митрополита съ одной стороны и какого нибудь черносошнаго или уѣзднаго «людишки» съ другой, если даже для дворянъ, первые являлись «вѣчными господами и промышленниками». На основаніи всего этого, мы имѣемъ

[1]) Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, глава 8, стр. 21, 22 и 23. (Изд. Оболенскаго).

полное право заключить, что на всѣхъ соборахъ и всегда совѣщанія происходили по сословіямъ, порознь. Г. Загоскинъ предполагаетъ даже, что «каждая сословная группа составляла при каждомъ земскомъ соборѣ и отдѣльное рѣшеніе, но что эти рѣшенія редактировались затѣмъ въ одно для поднесенія государю и для занесенія въ соборный актъ»... «Что въ оффиціальныхъ актахъ, продолжаетъ г. Загоскинъ, дѣйствительно принимались мѣры къ сокращенію ихъ редакціи, на это находимъ мы указаніе въ актѣ собора 1642 г.» [1]). Весьма возможно, что г. Загоскинъ правъ, потому что нѣтъ никакихъ данныхъ для опроверженія его мнѣнія. Правда, въ соборныхъ актахъ встрѣчаются такія выраженія какъ «и говорили на соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре... и всякихъ чиновъ люди» и т. п., на основаніи которыхъ можно заключить, что выборные отвѣчали на вопросы государя безъ раздѣленія, но съ другой стороны нужно помнить, что въ актахъ помѣщены отвѣты, редактированные дьяками и представленные на усмотрѣніе правительства въ своей окончательной формѣ. Для большей краткости и ясности однородныя мнѣнія соединялись въ одно и ужъ въ такой формѣ преподносились государю. Имѣемъ же мы подобный примѣръ резюме поданныхъ мнѣній въ актѣ собора 1642 г., конецъ котораго, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ.

Что касается до того, какъ подавались мнѣнія на нѣкоторыхъ соборахъ, на которыхъ выборные должны были отвѣчать «порознь», (въ 1566 г., въ 1642 г. и въ 1653 г.) то на этотъ счетъ существуетъ разногласіе между В. И. Сергѣевичемъ и Н. Н. Загоскинымъ. Разсмотримъ его, для чего будемъ вынуждены сдѣлать выписки изъ сочиненій обоихъ, вышеназванныхъ ученыхъ. «Отъ описанныхъ соборныхъ порядковъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, которые опредѣлялись сословностью Московскаго государства и въ существѣ сходны съ западноевропейскими, надо отличать порядки тѣхъ соборовъ, чинамъ которыхъ прямо предписывалось отвѣчать на рѣчь государя—«порознь». Такія предписанія мы имѣемъ для соборовъ 1566, 1642 и 1653 г.г., на которыхъ обсуждались сложнѣйшіе вопросы внѣшней политики: на первомъ—продолжать ли ливонскую войну или согласиться на миръ, предложенный польскимъ королемъ; на второмъ—принять ли отъ донскихъ казаковъ взятый ими у Турокъ Азовъ, на третьемъ—принять ли Хмѣльницкаго въ подданство и начинать ли войну съ Польшей? Въ виду особой трудности этихъ вопросовъ, правительство обращалось къ чинамъ, не съ цѣлью придти къ соборному ихъ рѣшенію, а только для того, чтобъ узнать ихъ мнѣнія, оставляя за собой самостоятельное рѣшеніе вопроса. Судя по дошедшимъ до насъ отвѣтамъ, подача мнѣній порознь могла идти даже далѣе дѣленія на чины. Не только каждый чинъ могъ дать

[1]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 326.

свой отвѣтъ, но и каждый выборный, думающій не согласно съ другими, могъ подать свое особое мнѣніе. Это было совершенно согласно и съ намѣреніями правительства, которое хотѣло только всесторонняго обсужденія вопроса. Въ актѣ собора 1653 г встрѣчаемъ такое выраженіе: «а стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе.... *допрашиваны жъ* по чинамъ, порознь». Подача мнѣній происходила, такимъ образомъ, въ формѣ допроса, причемъ, конечно, не могло быть обойдено ни одно разнорѣчіе. Въ случаяхъ приглашенія отвѣчать порознь, отвѣты давались, обыкновенно, письменно. Для этой цѣли къ чинамъ назначались особые дьяки, на которыхъ, вѣроятно и лежала письменная редакція отвѣта» [1]). И. П. Загоскинъ, полемизируя съ В. И. Сергѣевичемъ, смотритъ на дѣло иначе. «Мы считаемъ необходимымъ, говоритъ первый, остановиться на разъясненіи нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ актахъ соборовъ 1642 г. и 1653 г., которыя легко могутъ привести къ предположенію, будто на этихъ соборахъ подача мнѣній производилась путемъ допроса отдѣльныхъ лицъ каждой сословной группы, на основаніи которыхъ и составлялась письменная сказка приставленнымъ къ данной группѣ дьякомъ; ясно, что при этомъ предположеніи исключается возможность свободныхъ совѣщаній и дебатовъ въ средѣ соборныхъ людей каждой группы, которые замѣняются сухимъ, оффиціальнымъ истребованіемъ мнѣній каждаго соборнаго человѣка, изъ которыхъ дѣлаются затѣмъ выводы казенными чиновниками. Дѣло въ томъ, что въ актѣ собора 1642 г. встрѣчаются слѣдующія выраженія: «Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій, по допросу, сказали» и пр., или: «по государеву... указу велѣно допросить и мысль свою объявить на письмѣ.... что съ Турскимъ и съ Крымскимъ царемъ за Азовъ разрывать ли и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ принимать ли» и пр., или: «Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи намъ, холопямъ своимъ... велѣлъ своему государеву печатнику и думному дьяку Ѳ. О. Лихачеву сказати и допросити о новомъ, взятомъ отъ донскихъ казаковъ, Азовѣ городѣ: принять ли и стояти за него» и пр. Изъ этихъ выраженій и изъ словъ акта собора 1653 г. что «соборные люди допрашиваны по чинамъ, порознь»—легко можетъ быть выводимо заключеніе, будто бы подача соборными людьми мнѣній происходила въ средѣ каждой сословной группы въ формѣ допроса и будто письменная редакція выяснившагося такимъ путемъ мнѣнія цѣлой группы лежала на обязанности приставленнаго къ ней дьяка (къ такому именно заключенію приходитъ проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ»), который конечно и допрашивалъ соборныхъ людей, какъ весьма послѣдовательно вытекаетъ изъ этого заключенія. Приведемъ теперь выписки изъ текста того же

[1]) Сборн. госуд. знаній, т. II, стр. 30.

акта собора 1642 г., которыя сами докажутъ неосновательность подобнаго заключенія: «И Государю.... за Азовъ съ Турскимъ и съ Крымскимъ царемъ разрывать ли и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ прінимать ли?..» «и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ на крѣпко и... мысль свою объявить (естественно самимъ же) на письмѣ»; «Государь... указалъ стольникамъ о Азовѣ помыслить на крѣпко и ему Государю мысль свою объявить на письмѣ. И стольники, выслушавъ письма и помысля... сказали» и пр.; или: «Велѣно Московскимъ дворянамъ говорити и мыслити... о прінмкѣ у донскихъ атамановъ и казаковъ города Азова и мысль имъ свою о томъ велѣно принести къ Государю на письмѣ» и пр.; или: «По государеву указу велѣно приносить всякихъ чиновъ людямъ мысль свою на письмѣ... И Володимирцы дворяне и дѣти боярскіе... мысль свою написали»... Изъ приведенныхъ нами выписокъ, вполнѣ явствуетъ, какъ намъ кажется, что подача мнѣній на соборѣ 1642 г. вовсе не происходила въ формѣ допроса. Соборные люди каждой группы «мыслятъ», говорятъ между собой, совѣщаются, и, наконецъ, придя къ извѣстному соглашенію, письменно сами излагаютъ сущность своего мнѣнія; послѣднее замѣчается и изъ самой формы изложенія письменныхъ сказокъ ихъ— «а то насъ, холопей твоихъ, мысль и сказка», «то за нами рѣчи»—говорится въ заключеніи ихъ. Какое же значеніе должны мы придавать приведеннымъ выше выраженіямъ акта собора 1642 г., въ которыхъ говорится о допросахъ соборныхъ людей? Болѣе глубокое вникновеніе въ этотъ актъ открываетъ, что здѣсь подъ *допросами* разумѣются первоначальные вопросы, формулированные въ рѣчи къ соборнымъ людямъ, которые вмѣстѣ съ копіей съ самой рѣчи розданы были всѣмъ сословнымъ группамъ,—никакихъ позднѣйшихъ допросовъ соборнымъ людямъ не производилось и совѣщанія ихъ носили вполнѣ свободный характеръ; такимъ образомъ, выраженіе акта: «По государеву указу... велѣно допросить и мысль свою объявить на письмѣ»—означаетъ, что государемъ предписано было предложить соборнымъ людямъ вопросы, касающіеся Азовскаго дѣла, по которымъ требовались письменныя мнѣнія ихъ, но вовсе не означаетъ, что всѣ соборные люди каждой группы порозпь допрашивались агентомъ правительства. Въ подобномъ же смыслѣ должно быть понимаемо и выраженіе акта собора 1653 г., что соборные люди «допрашиваны по чинамъ, порознь»; оно означаетъ только то, что допросные или вопросные тезисы были обсуживаемы каждой сословной группою отдѣльно, порознь. Такимъ образомъ, весьма просто разъясняется, какъ намъ кажется, недоразумѣніе, вытекающіе изъ примѣненія въ актахъ соборовъ 1642 и 1653 г.г. словъ «допросъ» и «допрашивать» вмѣсто слова «вопросъ» и выраженія «требовать отвѣта на вопросъ»—и не представляется никакой необходимости признавать соборные порядки 1642 и 1653 г.г. за отклоненіе отъ общепринятаго порядка соборнаго про-

изводства, какъ дѣлаетъ это, между прочимъ, проф. Сергѣевичъ» [1]. Что касается до насъ, то мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію и позволяемъ себѣ не согласится съ В. И. Сергѣевичемъ. Аргументы г. Загоскина намъ кажутся на столько убѣдительными, что мы считаемъ излишнимъ прибавлять что либо къ нимъ. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что если на соборахъ 1566, 1642 и 1653 гг. и не существовала такая форма допросовъ, какую предполагаетъ В. И. Сергѣевичъ, то всетаки мы не имѣемъ возможности совершенно отвергнуть ея существованіе въ Московской Руси, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ одинъ соборъ, гдѣ она *дѣйствительно* существовала. Мы говоримъ о соборѣ гостей и торговыхъ людей 1620 г., созванномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, по поводу предложеній англійскаго купца Джона Мерика, когда представители правительства, князь Черкасскій и дьякъ Грамотинъ дѣйствительно спрашивали каждаго гостя *порознь*.

Совѣщанія выборныхъ занимали неодинаковое количество времени: однѣ продолжались не долго, другія, напротивъ, поглощали много времени. Все зависило отъ того, какъ относились выборные къ дѣлу. Изъ дѣяній Азовскаго собора мы ужъ видѣли, какая была разница во времени, которое употребляли выборные на свои занятія: одни совѣщались нѣсколько дней, другіе нѣсколько недѣль.

Резюмируемъ все сказанное. Совѣщанія выборныхъ слѣдовали за чтеніемъ рѣчи и происходили посословно. Посословно же составлялись и рѣшенія, принимавшіяся дьяками для представленія правительству, специально для этого приставленными къ каждой сословной группѣ. Но, хотя разобщеніе сословій и сказывалось на соборахъ, тѣмъ не менѣе мы должны констатировать и тотъ фактъ, что народные представители всѣхъ чиновъ и сословій слушали рѣчь царя вмѣстѣ, въ одной палатѣ и только ужъ затѣмъ совѣщались отдѣльно. Два собора составляютъ въ данномъ случаѣ исключеніе— это: 1649 и 1682 гг. Какъ на томъ, такъ и на другомъ мы видимъ двѣ палаты, такъ что высшіе чины были разобщены отъ низшихъ. Въ 1649 г. верхнюю палату составляли: царь, патріархъ съ освященнымъ соборомъ и члены боярской думы, т. е. бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Нижнюю—выборные люди: члены служилаго и тяглаго сословій. Представителемъ правительства былъ здѣсь князь Долгорукій. Также и въ 1682 г. въ составъ верхней палаты вошли: царь, освященный соборъ и боярская дума, въ составъ же нижней выборные отъ низшаго служилаго сословія (посадскіе совсѣмъ не присутствовали). Но на обоихъ этихъ соборахъ, члены верхней и нижней палатъ, въ свою очередь, были раздѣлены на сословныя группы, такъ какъ совѣщались и подавали свои мнѣнія отдѣльно. Послѣ совѣщаній, если выборные приходили къ какому нибудь рѣшенію, это послѣднее сообщалось государю на раз-

[1]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 327—329.

смотрѣніе. Государь утверждалъ его (всегда было такъ, хотя, понятно, онъ имѣлъ полное право и не утвердить его) и тогда оно получало форму соборнаго приговора. Очевидно, безъ санкціи государя не могъ состояться соборный приговоръ, его санкція была conditio sine qua non его возникновенія. Мы не говоримъ объ избирательныхъ соборахъ, гдѣ, по самому существу дѣла, это согласіе не могло вліять на дѣйствительность «утвержденной грамоты». Какимъ же образомъ достигалось рѣшеніе выборныхъ, было ли оно единогласнымъ или принадлежало большинству? В. И. Сергѣевичъ, основываясь на практикѣ избирательныхъ соборовъ и на незнаніи древнихъ русскихъ въ другихъ случаяхъ рѣшенія большинствомъ, предполагаетъ, что рѣшеніе должно было быть «единомысленнымъ», единогласнымъ [1]). Дѣйствительно, если мы вспомнимъ вѣчевыя собранія, губныя учрежденія и т. п., то уже, на основаніи закона солидарности соціальныхъ явленій, должны допустить существованіе единогласнаго рѣшенія. Но кромѣ того, въ актахъ нѣкоторыхъ избирательныхъ соборовъ (1598, 1613, 1682 гг.) говорится, что такой то государь былъ избранъ «единогласно», такой то «единомысленно», такой то «общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ» и т. п. На основаніи всего этого, мы должны допустить вѣроятность предположенія В. И. Сергѣевича и отвергнуть возможность существованія въ Московской Руси рѣшенія по большинству голосовъ. Впрочемъ, подобное «единогласіе» не исключало факта подачи отдѣльныхъ мнѣній, несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства. Мы знаемъ, что на соборѣ 1566 г. печатникомъ Висковатымъ было подано отдѣльное мнѣніе, точно такъ же, какъ на соборѣ 1642 г. дворянами Беклемишевымъ и Желябужскимъ. Подобное же явленіе имѣло мѣсто и на соборѣ торговыхъ людей въ 1617 г. по поводу предложенія Джона Мерика.—Очень часто выборные, пользуясь случаемъ, параллельно съ подачею мнѣній подавали государю и челобитныя, въ которыхъ просили осуществленія необходимыхъ реформъ. Такъ, на соборѣ 1649 г. такихъ челобитныхъ было подано очень много. Всѣ онѣ были приняты государемъ и вошли въ формѣ новыхъ статей въ Уложеніе. На основаніи же челобитной, поданной служилыми людьми въ 1682 г. было уничтожено мѣстничество и т. п.—Все, что происходило на соборѣ вносилось въ протоколъ, бывшій въ большинствѣ случаевъ довольно подробнымъ. Примѣры подобныхъ протоколовъ или соборныхъ актовъ были приведены въ исторической части нашего труда. Актъ скрѣплялся печатями царя, патріарха и членовъ высшихъ чиновъ. Низшіе же чины скрѣпляли его крестнымъ цѣлованіемъ. Кромѣ того, чины прикладывали къ нему свои руки (иногда всѣ, а иногда только нѣкоторые), причемъ за неграмотныхъ подписывались грамотные. Въ порядкѣ подписей строго

[1]) Сборникъ госуд. знаній, В. П. Безобразова, т. II, стр. 32.

соблюдалось іерархическое положеніе подписывавшихся и даже для такихъ людей, какъ князь Пожарскій не дѣлалось никакихъ исключеній. Извѣстно, послѣдній подписался только *десятымъ* подъ «утверженной грамотой» собора 1613 г. Соборный приговоръ, т. е. рѣшеніе выборныхъ, санкціонированное государемъ, обыкновенно приводилось въ исполненіе, для чего писались особыя грамоты, въ которыхъ, на основаніи «соборнаго уложенія», требовалось осуществленіе всего того, что было постановлено соборомъ. Образцы подобныхъ грамотъ были уже приведены выше.

Нарисовавъ, на сколько возможно, подробную картину порядка соборныхъ засѣданій, мы видимъ, какъ она отличается отъ картины тѣхъ же засѣданій, нарисованной Флетчеромъ. Какая же причина подобнаго «отличія»? Намъ кажется, дѣло объясняется весьма просто. Флетчеръ, какъ извѣстно, былъ въ Россіи въ 1588 и 89 гг., слѣдовательно, не могъ быть очевидцемъ никакого собора, такъ какъ въ это время не было ни одного случая созванія выборныхъ. Послѣдній соборъ (и то неполный) произошелъ въ 1584 г. за четыре года до прибытія англійскаго посла въ Москву. Отсюда ясно, что Флетчеръ, описывая соборныя засѣданія, долженъ былъ полагаться на слова другихъ лицъ, напримѣръ, Горсея, бывшаго въ то время въ Россіи и другихъ. Послѣдній же оставилъ намъ свидѣтельство о соборѣ 1584 года, на которомъ, по его словамъ, принимали участіе только высшіе чины, низшіе же отсутствовали. Флетчеръ тоже говоритъ, что «горожане и другіе представители народа» на соборныя засѣданія не допускаются. Если допустить вѣроятность предположенія Н. И. Костомарова, что соборъ, избравшій Өедора Ивановича былъ тѣмъ-же соборомъ, который подтвердилъ секуляризацію имуществъ духовенства, совершенную при Иванѣ IV, что весьма возможно, то намъ кажется, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Флетчеромъ былъ описанъ порядокъ засѣданія собора 1584 г., принятый имъ за обыкновенный порядокъ засѣданій на *всѣхъ* земскихъ соборахъ. Тѣмъ болѣе кажется намъ вѣроятнымъ наше предположеніе, что дѣйствительно существуетъ нѣкоторое сходство между описаніемъ Флетчера и тѣми свидѣтельствами, которыя мы имѣемъ о соборѣ 1584 г. Извѣстно, что на этомъ соборѣ была подтверждена крайне непріятная для духовенства законодательная мѣра, касающаяся духовныхъ имуществъ. Весьма возможно, что, когда патріархъ и члены освященнаго собора были приглашены высказать свое мнѣніе по поводу нея, то, не желая противорѣчить государю, стоявшему за секуляризацію имуществъ и выразить сочувстіе тому, чему они, безъ сомнѣнія, не могли сочувствовать, духовные чины и дали уклончивый отвѣтъ, признавъ себя некомпетентными въ томъ дѣлѣ, о которомъ ихъ спрашивали и положились на государя и его думу. «Царь и Дума его премудры, говорилъ по словамъ Флетчера патріархъ, опытны въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ и го-

раздо способнѣе ихъ судить о томъ, что полезно для государства, ибо они занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до вѣры и потому просятъ ихъ самихъ сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ вспомоществовать имъ молитвами по своей обязанности и должности» и т. п. Не есть ли это образецъ тѣхъ уклончивыхъ отвѣтовъ, съ которыми мы встрѣчались и послѣ на нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ, когда выборные, не сочувствуя въ чемъ либо правительству, не желали или боялись становиться въ оппозицію по отношенію къ нему!.. Что духовенство не сочувствовало постановленію собора 1584 г. это доказывается также и тѣмъ, что послѣднее строго не соблюдалось и *набожный* Өедоръ Ивановичъ продолжалъ по прежнему раздавать тарханныя грамоты, уничтоженныя соборомъ... Итакъ, по нашему мнѣнію, ошибка Флетчера заключается въ томъ, что онъ принялъ порядокъ засѣданій, бывшій на одномъ, неполномъ соборѣ за обыкновенный порядокъ засѣданій, имѣвшій мѣсто на всѣхъ земскихъ соборахъ и, такимъ образомъ, смѣшавъ признаки видоваго и родоваго понятій, возвелъ первое на степень втораго. Вотъ причина того «отличія», о которомъ мы упомянули выше и того, что къ показаніямъ Флетчера нужно относиться довольно скептически. И. П. Загоскинъ, говоря о Флетчерѣ, замѣчаетъ, что послѣдній «совершенно не понялъ земскихъ соборовъ; вѣрно передавая нѣкоторыя подробности ихъ, онъ смѣшалъ ихъ съ думою боярскою». Съ этимъ, намъ кажется, согласиться нельзя, такъ какъ Флетчеръ постоянно различаетъ понятіе собора или «парламента», какъ онъ выражается, отъ понятія думы или «императорскаго совѣта», такъ что смѣшенія понятій этихъ двухъ учрежденій мы у него не видимъ. Единственная его ошибка это—та, о которой мы только что говорили.

Закрытіе земскаго собора иногда ознаменовывалось обѣдомъ у царя, на который приглашались и выборные. Такъ, въ Дворцовыхъ разрядахъ читаемъ: «февраля въ 23-й день (1651 г.) въ недѣлю вторую поста былъ у государя столъ въ столовой избѣ, а у стола были бояре: князь Б. А. Репнинъ, князь Ө. О. Волконскій, да окольничій М. А. Ртищевъ; *да у стола-жъ были выборные городовые дворяне и выборные посадскіе люди*». [1]) Тѣмъ же ознаменовался и земскій соборъ 1648—49 гг. «7157 года, генваря въ 28 день, читаемъ въ одномъ документѣ, былъ у государя столъ въ столовой избѣ. А у государя, у стола были бояре: князь Н. И. Одоевскій, князь Ю. А. Долгорукій, окольничій князь Ө. Ө. Волконскій. А думные дьяки у стола не были. *Да у государя жъ у стола были дворяне и дѣти боярскіе выборные всѣхъ городовъ*». [2]) Соборъ 1653 г.

---

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 220.

[2]) Архивъ министерства юстиціи, записная книга Московскаго стола № 7, л. 87. Г. Мейчикъ въ своей статьѣ: „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложе-

также окончился парадным обѣдомъ, на которомъ «государь велѣлъ быть выборнымъ городовымъ дворянамъ двойникамъ». [1])

Сколько было всѣхъ соборовъ—рѣшить довольно трудно, во-первыхъ, потому что отъ многихъ соборовъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, а если и дошли, то крайне краткія и неполныя, во-вторыхъ, потому что о нѣкоторыхъ соборахъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича трудно сказать, были ли они отдѣльными соборами или только простыми сессіями какого нибудь собора. Во всякомъ случаѣ, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, попробуемъ разрѣшить этотъ вопросъ, хотя поставить его мы должны иначе. Мы не отвѣтимъ на вопросъ: сколько было всѣхъ соборовъ, но отъ сколькихъ соборовъ до насъ дошли извѣстія. К. Аксаковъ, Соловьевъ и г. Чичеринъ считаютъ 12 соборовъ (въ царствованіи Михаила Ѳедоровича). Бѣляевъ—7. В. И. Сергѣевичъ считаетъ всѣхъ соборовъ (съ 1543 по 1653)—16. Н. П. Загоскинъ—18. Что касается до насъ, то мы разсмотримъ раньше, сколько было относительно полныхъ, неполныхъ и фиктивныхъ соборовъ; затѣмъ сложивъ полученныя такимъ образомъ три числа, будемъ имѣть сумму всѣхъ соборовъ, о которыхъ сохранились извѣстія въ дошедшихъ до насъ памятникахъ.

Соборы относительно полные:

Два въ царствованіе Ивана IV: 1550 и 1566 гг. Одинъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича: 1584 г. Одинъ въ царствованіе Бориса Годунова: 1598 г. Одинъ при Лжедимитріи I: 1605 г. Два въ смутное время: 1611 и 1612 гг. Семь въ царствованіе Михаила Ѳедоровича: 1613—15 гг., 1616—19 гг. 1620—22 гг. 1633—34 гг. 1636 г., 1637 г., 1642 г. Пять при Алексѣѣ Михайловичѣ: 1645 г., 1648—49 гг., 1650 г., 1651 г. и 1653 г. Одинъ при Петрѣ: 1698 г.—Итого всѣхъ относительно полныхъ соборовъ было: *20*.

Соборы неполные:

Два при Михаилѣ Ѳедоровичѣ: 1617 и 1620 гг. Два при Алексѣѣ Михайловичѣ: 1660 и 1672 гг. Три при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ: 1676 г. и два въ 1682 г. Итого всѣхъ неполныхъ соборовъ было: *7*.

нія 1649 г.“ (Сборникъ Археологическаго института, книга 3, стр. 113) говоритъ: „хотѣлось бы узнать что нибудь о томъ, чѣмъ ознаменовалось его (собора) открытіе и закрытіе, какъ отнеслось правительство и общество къ такому многознаменательному событію, какъ соборному прекращенію проявившейся наружу смуты и междоусобицы. Съ грустью приходится сознаться, что поиски наши въ этомъ направленіи остались пока тщетными. И удивительное дѣло, въ то время, какъ о другихъ менѣе важныхъ соборахъ можно найти кое какія указанія, напримѣръ, что такого то числа у государя были за столомъ выборные люди или что такого то числа царь былъ на соборѣ, одѣтый въ такой то нарядъ, соборъ 1649 года не оставилъ по себѣ даже и такихъ слѣдовъ въ оффиціальныхъ дворцовыхъ запискахъ“. Очевидно г. Мейчикъ не зналъ о существованіи вышеприведеннаго извѣстія, цитированнаго изъ записной книги и указаннаго намъ А. Н. Зерцаловымъ.

[1]) Дворцовые разряды, т. III, стр. 354.

Фиктивные соборы:

Два при Шуйскомъ: 1606 и 1610 г. Два избирательныхъ собора 1682 г. Сюда же можно отнести и собраніе 1605 г., составленное изъ москвичей и красносельцевъ, низложившее Годуновыхъ и признавшее Лжедимитрія царемъ. Итого всѣхъ фиктивныхъ соборовъ было: *5*.

Сложивъ полученныя числа, найдемъ, что всѣхъ соборовъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія было: *32*.

Переходимъ къ вопросу о *компетенціи* нашего древняго представительства, тѣсно связанному съ вопросомъ о значеніи земскихъ соборовъ вообще. Говоря о компетенціи, необходимо всегда имѣть въ виду, что земскій соборъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ, а созывался лишь въ экстренныхъ случаяхъ, это во-первыхъ. Во-вторыхъ же, древне-русская жизнь, не знавшая никакой юридической опредѣленности, не очертила ни у одного изъ учрежденій государственнаго быта московской Россіи какой бы то ни было сферы функцій и отправленій, присущихъ тому, а не другому институту. Тѣмъ болѣе можно это сказать по отношенію къ земскимъ соборамъ. Послѣдніе вѣдали всѣ отрасли государственнаго управленія, такъ какъ поводы ихъ созванія, какъ мы видѣли, были крайне разнообразны. Одною изъ самыхъ главныхъ функцій избирательныхъ соборовъ было, конечно, *избраніе государя*. Подобныхъ избраній было въ Московской Руси *девять* (если считать избранія Лжедимитрія и Владислава). Такимъ образомъ, только *четыре* государя (считая съ княженія Ивана III, какъ эпохи объединенія Россіи) взошли на престолъ не по избранію, [1]) а если считать съ Ивана IV-го, перваго царя и созвавшаго первый соборъ, то окажется только *двое*. Итакъ *девять* государей взошло на престолъ по избранію и только *двое* не по избранію!... Какой же выводъ отсюда? Неужели Московское государство было избирательной монархіей на подобіе Германіи или Польши? Но ничего подобнаго не было. Избраніе государя въ Россіи не составляло *нормальной* функціи земскаго собора на подобіе такихъ же функцій, присущихъ польскому сейму или германскому рейхстагу. Государь избирался только въ случаѣ пресѣченія царствующей династіи или же, вступая на престолъ по праву законнаго наслѣдника, утверждался въ этомъ правѣ еще и избраніемъ со стороны собора. Нормальнымъ же порядкомъ считался переходъ власти отъ отца къ старшему сыну. Такимъ образомъ, большее число избраній сравнительно съ наслѣдственнымъ переходомъ власти было ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ случайности, вызванной фактомъ пресѣченія династіи и періодомъ смутъ.—*Иностранные дѣла* входили также въ сферу компетенціи соборовъ. Вопросы о войнѣ и мирѣ служили сплошь да рядомъ единственными поводами къ со-

[1]) Иванъ III, Василій III, Иванъ IV и Өедоръ Алексѣевичъ.

званію соборовъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1566, въ 1633, въ 1642, въ 1651, въ 1653 годахъ и т. д. Соборъ 1613—15 гг. велъ самыя дѣятельныя сношенія съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и, вообще, сосредоточивалъ въ себѣ все управленіе иностранной политикой. На соборѣ 1621 г. разрѣшался вопросъ о союзѣ съ турецкимъ султаномъ Османомъ, шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ и крымскимъ ханомъ противъ поляковъ. Соборы 1651 и 1653 гг. занимались вопросомъ о присоединеніи Малороссіи и т. п.—*Внутреннее законодательство* было также одной изъ важныхъ функцій соборовъ. Стоитъ вспомнить такіе соборы, какъ 1550, 1611, 1619, 1648—49 и 1682 гг. чтобъ понять, какую важную роль играло въ этомъ отношеніи наше древнее представительство. Судебникъ (1550 г.) мѣстныя учрежденія, постановленія соборовъ 1611 и 1619 гг., Уложеніе, уничтоженіе мѣстничества—все было продуктомъ соборной дѣятельности, притомъ дѣятельности непосредственной, въ которой прямое участіе принимали народные представители. Въ этомъ отношеніи наши соборы существенно отличались отъ французскихъ генеральныхъ штатовъ, столь сходныхъ съ ними въ другихъ отношеніяхъ. Результатомъ созванія генеральныхъ штатовъ были извѣстные ордонансы XV и XVI столѣтій, но въ составленіи этихъ законодательныхъ памятниковъ депутаты не принимали никакого участія. Вся дѣятельность ихъ сводилась къ представленію своихъ cahiers, служившихъ, между прочимъ, *однимъ* изъ источниковъ ордонансовъ, составленіе которыхъ было исключительной функціей только правительства. Сплошь да рядомъ эти ордонансы и обнародывались много лѣтъ спустя послѣ засѣданій генеральныхъ штатовъ.—*Церковныя дѣла и дѣла, касающіяся духовенства*, хотя и служили предметомъ соборныхъ обсужденій, какъ это видно изъ дѣяній соборовъ 1584 и 1648—49 гг., но, въ виду существованія соборовъ духовенства, занимавшихся вѣдѣніемъ этихъ дѣлъ, можно, не ошибаясь, сказать, что дѣла эти собственно къ компетенціи соборовъ не относились.—На обязанности нашихъ представительныхъ учрежденій лежало также принятіе *полицейскихъ* мѣръ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ. Такъ, мы знаемъ, сколько трудовъ потратилъ соборъ 1613—15 гг. на умиротвореніе Россіи и на очищеніе ея отъ «воровъ» и разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ въ то время повсюду. Въ періоды народныхъ возстаній и мятежей соборы также появлялись на сцену въ роли умиротворителей и посредниковъ между правительствомъ и возставшими, какъ это было въ 1650 г.—*Торговля и промышленность* также служили поводомъ къ созванію соборовъ (неполныхъ) и къ совѣщанію правительства съ торговыми людьми царствованія Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича.—Одно изъ важныхъ назначеній собора было изыскапіе *денежныхъ средствъ* (вотированіе налоговъ), въ особенности, необходимыхъ для Московскаго государства въ первое время, послѣ прекращенія смуты. Со-

борная дѣятельность въ этомъ направленіи дѣлаетъ честь древнимъ русскимъ, жертвовавшимъ буквально всѣмъ своимъ имуществомъ, лишь бы упорядочить государство, приведенное въ ужасное состояніе долгимъ періодомъ междоусобій и войнъ.— Что касается до *судебныхъ* функцій, присущихъ соборамъ, то на этотъ счетъ мы имѣемъ только два примѣра, когда соборъ являлся въ качествѣ верховнаго политическаго суда, это въ 1605 г. (судъ надъ Васильемъ Шуйскимъ) и въ 1698 г. (судъ надъ царевной Софьей).

Съ вопросомъ о компетенціи нашего древняго представительства, какъ было уже сказано, тѣсно связанъ вопросъ о его *значеніи* вообще. Чѣмъ же былъ нашъ древній соборъ? По воззрѣнію славянофильской школы, земскій соборъ является идеаломъ представительныхъ учрежденій, какимъ то перломъ созданія, неизвѣстнымъ западнымъ народамъ. Отношеніе его къ государю обыкновенно опредѣляется извѣстной фразой К. Аксакова: «правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія», фразой, которой такъ восхищается г. Загоскинъ, считая ее «классическимъ мѣстомъ литературы русской исторіи» [1]. Фраза эта, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ порожденіе того идеализированія явленій древне-русской жизни, на которое такъ падки славянофилы и ужъ совсѣмъ не годна для занятія «классическаго мѣста» гдѣ бы то ни было! Земскій соборъ былъ *силой*, это вѣрно, но не одного только мнѣнія. Сила его заключалась въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, во время которыхъ онъ появлялся на сцену для оказанія помощи слабому правительству, бывшему безсильнымъ, чтобъ одному совладать съ ними. Очевидно, при такихъ условіяхъ онъ не могъ быть представителемъ одного только мнѣнія. Правда, ему не были присущи какія бы то ни было политическія права и гарантіи и онъ всегда возникалъ по иниціативѣ правительства, но вѣдь сила же его и заключалась *только* въ слабости правительства! Самое слабое правительство было правительство Михаила Өедоровича, неуспѣвшее еще стать на твердую почву, послѣ анархіи смутнаго времени и время это совпадаетъ съ временемъ наибольшаго развитія дѣятельности земскаго собора. Такимъ образомъ, мнѣніе, будто соборъ былъ чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ, какъ это думаютъ славянофилы, можно считать совершенно невѣрнымъ. Само собой разумѣется, что онъ не былъ также и ограничительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ не обладалъ никакими прерогативами съ точки зрѣнія формальнаго права. Въ основѣ этого явленія древне-русской земли, по выраженію г. Загоскина, лежалъ фактъ а не право [2]. Точныя юридическія опредѣленія были не въ духѣ людей московской эпохи. Наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось.

[1]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 340.
[2]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 337.

Никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона [1]). Не смотря на такое неопредѣленное съ точки зрѣнія права положеніе, наше древнее представительство сдѣлало свое дѣло и не безслѣдно прошло въ русской исторіи [2]). Изъ исторической части нашего труда мы уже видѣли, сколько пользы принесъ земскій соборъ, поэтому мнѣніе В. И. Сергѣевича, что одной дѣятельности земскихъ соборовъ XVII вѣка уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью, можно считать вполнѣ истиннымъ. Дѣйствительно, въ чемъ заключается историческое значеніе нашего древняго представительства? Оно усматривается изъ обстоятельствъ, вызвавшихъ созваніе перваго земскаго собора; оно усматривается и изъ дѣяній послѣдующихъ земскихъ соборовъ. Завѣнчавъ собою дѣло внѣшняго объединенія русской земли, земскіе соборы объединили собою и внутреннюю жизнь ее, сблизили и сплотили между собою областныя земщины, дали имъ ясно сознать взаимную связь ихъ, дали имъ ясно увидѣть, что онѣ составляютъ органическія части одного великаго цѣлаго, дали понять имъ, — выражаясь словами покойнаго Бѣляева, — что всякое отдѣленіе ихъ отъ объединившей ихъ Москвы должно равняться для нихъ самоубійству; съ этой точки зрѣнія земскіе соборы явились потребностью, вызванною предшествовавшею жизнью русской земли. Земскіе соборы дали затѣмъ возможность непосредственному единенію царя съ землею, дали возможность правительству собственными глазами видѣть истинное положеніе своего государства, слышать изъ устъ представителей самаго народа заявленія о нуждахъ и желаніяхъ своихъ, которыя не всегда совпадали съ интерессами лицъ, непосредственно стоявшихъ вокругъ Московскаго престола. Смѣло, довѣрчиво и открыто звучали на соборахъ эти заявленія, наивно—откровенно обличали выборные передъ царемъ притѣсненія правительственныхъ должностныхъ лицъ, мздоимство дьяковъ, волокиту московскихъ судовъ, жаловались на неравномѣрность службъ, на тягость податей и повинностей, на обширныя привилегіи духовенства и т. п. Государи московскіе съ своей стороны довѣрчиво обращались къ землѣ за совѣтомъ и за содѣйствіемъ—видя въ непосредственномъ общеніи своемъ съ народомъ вѣрнѣйшій залогъ неприкосновенности самодержавія и могущества своего. Мы смѣло можемъ сказать, что земля содѣйствовала могуществу государства, давъ государству возможность подняться до той высокой степени силы и значенія, на которую вступаетъ оно съ начала XVIII вѣка. Достаточно указать на громадное жизненное значеніе земскихъ соборовъ въ царствованіе Михаила Θедоровича; на чрезмѣрныя жертвы при-

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Сборн. госуд. знаній т. II, стр. 35.

[2]) Вопреки мнѣнію г. Чичерина, ничего не признающаго за соборами, кромѣ полнѣйшаго ничтожества.

несенныя въ ихъ лицѣ русскою землею для спасенія распадавшагося государства и для поднятія его на ту степень могущества, до какой оно никогда еще не достигало. Вступая на престолъ, Михаилъ Өедоровичъ потребовалъ содѣйствія земли; земля оказала ему содѣйствіе, и совокупныя усилія обоихъ факторовъ—государства и земли—спасли государство и національность [1]).

Когда же и почему прекратились соборы? Въ 1653 г., какъ извѣстно, былъ послѣдній полный соборъ, послѣ него имѣли мѣсто только неполные соборы. Причина этому понятна. Государство упорядочилось, внѣшніе враги были изгнаны изъ его предѣловъ, внутренніе уничтожены, государева казна перестала пустѣть, издано было новое уложеніе, однимъ словомъ, правительству не приходилось болѣе находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и искать выхода изъ нихъ съ помощью народа. Оно чувствовало почву подъ ногами и даже съ такимъ сильнымъ народнымъ волненіемъ, какъ бунтъ Стефана Разина справилось одно, не прибѣгая къ помощи собора. Прекратилось дѣйствіе причинъ, вызвавшихъ существованіе соборовъ, прекратились и самые соборы. Кажется ясно, но всетаки на этотъ счетъ въ наукѣ существуетъ разногласіе. Одни ученые признаютъ начало возникновенія паденія соборовъ въ первой половинѣ царствованія Алексѣя Михайловича и въ бывшихъ въ то время соборахъ видятъ доказательство истинности своихъ словъ. Эта категорія ученыхъ видитъ большое различіе между соборами при Михаилѣ Өедоровичѣ и соборами при Алексѣѣ Михайловичѣ. Другіе, признавая паденіе соборовъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, расходятся съ первыми относительно момента возникновенія этого паденія. Третьи, никогда не признавая за соборами никакого значенія, считаютъ ихъ погибшими, вслѣдствіе своего внутренняго ничтожества. Четвертые, напротивъ, идеализируя древнерусскія представительныя учрежденія, связываютъ ихъ паденіе съ именемъ Петра. Разсмотримъ эти мнѣнія. Къ первой категоріи принадлежатъ Соловьевъ и Бѣляевъ. Соловьевъ относитъ начало паденія соборовъ къ первой половинѣ царствованія Алексѣя Михайловича и не придаетъ никакого значенія тѣмъ изъ нихъ, которые были въ это время. Его отношеніе къ собору 1653 г.—извѣстно, мы привели его выше: соборъ былъ созванъ для формы, явленіе уже вымерло и соблюдалось только по традиціи, изъ уваженія къ обычаямъ прежняго времени. Разсуждая послѣдовательно, необходимо допустить, что по мнѣнію Соловьева, и въ 1649 г. соборъ былъ созванъ для формы, чтобъ только соблюсти необходимую традицію, какъ это и дѣлаетъ К. Аксаковъ, полемизируя съ авторомъ «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ». Главное доказательство Соловьева истинности своего мнѣнія—есть небольшое

[1]) Загоскинъ, Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 340—341.

количество соборовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ то время, какъ (по мнѣнію покойнаго ученаго) при Михаилѣ Ѳедоровичѣ ихъ было 12! «Это ясно показываетъ, говоритъ онъ, вымираніе явленія, ослабленіе причины его производившей... При Михаилѣ Ѳедоровичѣ при каждой новой войнѣ, требовавшей особыхъ издержекъ, сбора десятой деньги созывался земскій соборъ, при царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ передъ началомъ войны съ турками сборъ десятой деньги рѣшили духовенство, бояре, окольничіе и думные люди» [1]). Совѣщанія же выборныхъ съ правительствомъ, бывшія послѣ 1653 г., Соловьевъ не признаетъ за земскіе соборы. Наше воззрѣніе на соборы 1649 и 1653 гг. уже извѣстно, слѣдовательно, можно понять въ чемъ мы не сходимся съ покойнымъ ученымъ. Что касается до рѣдкаго созванія соборовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, то это объясняется уменьшеніемъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ такъ часто находился Михаилъ Ѳедоровичъ (это признаетъ и Соловьевъ), но отсюда еще не слѣдуетъ, что въ первую половину царствованія Алексѣя Михайловича «явленіе вымирало» и имѣло мѣсто только «для формы». Все, что намъ извѣстно о соборахъ этого времени противорѣчитъ подобному заключенію. Бѣляевъ пошелъ еще дальше въ отрицаніи значенія соборовъ царствованія Алексѣя Михайловича. «Соборы времени Алексѣя Михайловича, говоритъ онъ, уже носятъ на себѣ совсѣмъ не тотъ характеръ, который они имѣли при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ нихъ уже не замѣтно той широты дѣйствій, которая была у предшествовавшихъ соборовъ». Въ видѣ примѣровъ Бѣляевъ приводитъ соборы 1649, 1650 и 1653 гг. Остановимся сперва на первомъ. «Вопервыхъ, говоритъ Бѣляевъ, на этомъ соборѣ, такъ сказать, двѣ палаты. Вовторыхъ, у выборныхъ не требовалось совѣтовъ и разсужденій о новыхъ законахъ, имъ только приказано выслушать книгу соборнаго Уложенія и подписаться подъ нею, чтобъ своимъ подписомъ «это государево, царственное и земское дѣло утвердить и на мѣрѣ поставить»... Въ-третьихъ, у выборныхъ не было инструкцій. Они должны были выслушать чтеніе книги, безъ приготовленія, въ нѣсколько дней сряду и при томъ въ многочисленномъ собраніи. Очевидно, это была одна формальность!» Нечего и говорить, какъ ложно подобное мнѣніе въ самомъ своемъ основаніи! Удивляешься только, какъ могъ Бѣляевъ писать эти строки въ 1867 г., когда ужъ 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ былъ изданъ IV томъ А. А. Э? «Соборъ 1650 года, продолжаетъ Бѣляевъ, по поводу мятежа псковичей, не былъ настоящимъ соборомъ, потому что на немъ участвовали преимущественно служилые люди, изъ жилецкихъ же людей были одни москвичи. Грамоты въ Псковъ были писаны не отъ собора, а отъ царя и патріарха». Но подобные соборы были и прежде, изъ этого однако

[1]) Русскій Вѣстникъ, т. VIII, стр. 448—450.

не слѣдуетъ, что и прежніе соборы были одной формальностью, по крайней мѣрѣ, Бѣляевъ ничего подобнаго не допускаетъ. «Последній соборъ 1653 года, читаемъ дальше, напоминаетъ прежніе соборы. Но за то на немъ были служилые и жилецкіе люди Москвы, а выборныхъ отъ городовъ не было». Очевидно, Бѣляевъ не потрудился прочитать акта собора 1653 г., иначе онъ не высказалъ бы подобнаго мнѣнія. «Послѣдній соборъ, заканчиваетъ цитируемый нами писатель, вѣроятно убѣдилъ Алексѣя Михайловича, что мысль и воля царя признается русскими людьми за мысль и волю всей русской земли и что потому въ созываніи новыхъ земскихъ соборовъ не настоитъ надобности» [1]). Ко второй категоріи ученыхъ можно отнести В. И. Сергѣевича и Н. П. Загоскина. Съ мнѣніемъ этой группы мы считаемъ себя вполнѣ солидарными и, если расходимся, то только въ частностяхъ. В. И. Сергѣевичъ считаетъ главною причиною исчезновенія соборовъ вліяніе высшаго духовенства и высшаго служилаго сословія. «Дѣятельность выборныхъ, говоритъ онъ, должна была не нравиться боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и, едва ли не всего болѣе, духовнымъ властямъ... Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобъ удерживать Алексѣя Михайловича отъ созванія выборныхъ людей. А, какъ постоянные совѣтники государя, они имѣли и много средствъ подъ руками, чтобъ выставить соборы, какъ учрежденіе ни на что не нужное. Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики. Для борьбы съ боярами созваны они были въ первый разъ. На злоупотребленія бояръ указываютъ они и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но борьба эта велась не одинаковымъ оружіемъ и не при равныхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ удалить отъ лица его представителей земли» [2]). Дѣйствительно, если мы вспомнимъ тѣ обличенія со стороны выборныхъ, которыя имѣли мѣсто на соборѣ 1642 г., если мы вспомнимъ, что имущественныя права духовенства (даже патріарха и митрополитовъ) и высшаго служилаго сословія были значительно ограничены на соборѣ 1648 — 1649 годахъ исключительно по иниціативѣ выборныхъ, то мы поймемъ, что не только весьма возможно, но даже весьма вѣроятно, что одинъ изъ важныхъ факторовъ исчезновенія соборовъ было вліяніе вышеназванныхъ лицъ на царя. Но всетаки однимъ этимъ вліяніемъ едва ли можно объяснять прекращеніе соборной дѣятельности. Если бъ не уничтожились тѣ «затруднительныя обстоятельства», о которыхъ мы говорили выше, то врядъ ли это «вліяніе» оказало извѣстное дѣйствіе? Сомнѣваемся, чтобъ Алексѣй Михайловичъ, находясь въ аналогичныхъ условіяхъ со своимъ отцомъ, обратилъ бы какое ни-

---

[1]) Рѣчи и отчетъ Московскаго университета за 1867 годъ.

[2]) Сборникъ госуд. знаній, т. II, стр. 58—59.

будь вниманіе на происки высшихъ чиновъ, да и сами эти высшіе чины, ужъ изъ одного простаго чувства самосохраненія, врядъ ли рѣшились на такіе происки?... Н. П. Загоскинъ, хотя и соглашается съ Соловьевымъ и говоритъ что въ царствованіе Алексѣя Михайловича земскіе соборы уже не имѣютъ того значенія, какое имъ было присуще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, однако, благодаря его же трудамъ, мы знаемъ о томъ огромномъ вліяніи выборныхъ, какое имѣло мѣсто въ 1648—49 г. при составленіи Уложенія. Очевидно, соборъ 1648 — 49 гг. имѣлъ такое же значеніе, если даже не большее, какъ и прежніе соборы. Здѣсь является нѣкоторое противорѣчіе у г. Загоскина, впрочемъ онъ и самъ признаетъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ 1879 г. въ Казанскомъ университетѣ, что принужденъ «взять назадъ многое изъ того», что было имъ высказано въ 1877 г., въ I томѣ «Исторіи Московскаго государства». Что же касается до собора 1653 г., то г. Загоскинъ признаетъ за нимъ «весьма важное государственное значеніе, живо возстановляющее въ памяти картину соборовъ эпохи царя Михаила» [1]). Къ третьей категоріи ученыхъ мы относимъ г. Чичерина. «Земскіе соборы исчезли, читаемъ въ «Народномъ представительствѣ», не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто, вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль (?) ихъ была кончена, они не могли болѣе дать правительству ни помощи, ни совѣта». Нѣсколько выше, разсматривая соборъ 1653 года, г. Чичеринъ говоритъ: «сравнивая неопредѣленныя выраженія грамоты съ прежними подобными, можно думать, что онъ былъ составленъ изъ Москвичей и находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей изъ городовъ... Краткость свѣденій о дѣйствіяхъ собора не должна насъ удивлять, когда мы примемъ въ соображеніе, что онъ былъ созванъ для формы. Дѣло ужъ было рѣшено въ мартѣ; въ сентябрѣ къ Хмельницкому отправлены были посланники съ извѣщеніемъ, что царь принимаетъ его въ подданство, а соборъ былъ созванъ 1-го октября. Очевидно, что учрежденіе было въ полномъ упадкѣ» [2]). Опровергать это мнѣніе излишне, весь нашъ трудъ есть его опроверженіе. Къ четвертой категоріи мы относимъ писателей славянофильскаго направленія [3]). Типичнымъ представителемъ этого направленія является К. Аксаковъ. Послѣдній видитъ виновника исчезновенія соборовъ въ Петрѣ съ его реформой, «соединяя послѣдній соборъ, по мѣткому выраженію Соловьева, мистически съ име-

---

[1]) Исторія права Московскаго госуд. т. I, стр. 279—296.

[2]) О народномъ представительствѣ, стр. 379—380.

[3]) Сюда же можно причислить и проф. Влад.-Буданова. „Очевидно, говоритъ послѣдній, что конецъ созыва соборовъ нужно отнести къ началу реформъ (къ правленію Софьи и Петра I)“. См. Кіевскія унив. извѣстія за 1875 г. № 10, стр. 273.

немъ Петра». Мы вполнѣ согласны съ Аксаковымъ, «что въ царствованіе Алексѣя Михайловича земскіе соборы были явленіемъ жизненнымъ, имѣли важное значеніе и, что совѣщательный элементъ существовалъ и проявлялся сильно». Но Аксаковъ признаетъ громадное значеніе за «совѣщательнымъ элементомъ» вплоть до самого Петра, послѣ котораго онъ уже сталъ замѣтно исчезать. Съ этимъ согласиться нельзя. Земскіе соборы начали терять свое значеніе во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича, когда полные соборы болѣе не собирались, а имѣли мѣсто одни только совѣщанія правительства съ какимъ нибудь сословіемъ. Тоже продолжалось и во все царствованіе Θеодора Алексѣевича. Послѣ его смерти, учрежденіе ужъ было близко къ упадку, на что показываютъ фиктивные соборы, избравшіе Петра и Ивана, когда дѣйствительно соблюдалась «одна форма изъ уваженія къ традиціямъ прошлаго времени». Какимъ же образомъ Петръ могъ быть виновникомъ исчезновенія соборовъ, когда они находились въ упадкѣ еще до него? Единственно, что можно допустить, это то, что Петръ, насадивъ въ Россіи западно-европейское полицейское государство [1]), ускорилъ паденіе «совѣщательнаго элемента» и, такъ сказать, окончательно доконалъ его. Идеи Лейбница и всѣхъ послѣдователей теоріи божественнаго права въ XVII вѣкѣ, въ эту эпоху сильнѣйшаго развитія абсолютизма, которыми былъ пропитанъ Петръ и которыя пропагандировалъ его сподвижникъ Θеофанъ Прокоповичъ въ своей «Правдѣ воли монаршей» не гармонировали съ созывомъ представителей народа и съ ихъ участіемъ въ управленіи государствомъ... Вотъ единственный упрекъ, который можно въ данномъ случаѣ сдѣлать Петру. Наконецъ существуютъ прямыя доказательства, опровергающія мнѣніе К. Аксакова. Извѣстно, что въ 1698 г. Петръ созвалъ соборъ и отдалъ ему на судъ царевну Софью. Объ этомъ событіи повѣствуетъ Іоаннъ Корбъ въ своемъ сочиненіи «Diarium itineris in Moscoviam».—Мы ничего не сказали о Н. И. Костомаровѣ, потому что Н. И. Костомаровъ очень мало распространяется о причинахъ паденія соборовъ. Но изъ того, что онъ высказалъ на этотъ счетъ въ своей статьѣ, его скорѣе всего можно причислить ко второй категоріи названныхъ нами ученыхъ? Н. И. Костомаровъ также признаетъ, что «земскіе соборы, такъ сказать, испаряются къ концу XVII вѣка» и видитъ причину этого явленія въ томъ, что «государство начало приходить въ прежній строй». [2]).

---

[1]) Зародыши котораго, впрочемъ, уже существовали и въ Московской Руси См. В. И. Сергѣевича: Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 828

[2]) „Новое Время“ за 1880 годъ.

ГЛАВА VII.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Германія.—Франція.—Англія.—Испанія.—Швеція.—Венгрія.

Германія.

Въ *составъ* собраній нѣмецкихъ земскихъ чиновъ обыкновенно входили три сословія: духовенство, дворянство и третье сословіе. Но въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ земляхъ было не три, а четыре сословія, напримѣръ: духовенство, высшее дворянство (Herrenstand), низшее дворянство и горожане (подобный составъ собраній встрѣчался въ славянскихъ земляхъ: въ Богеміи, Нидерлаузицѣ, Бранденбургѣ и др.) или: духовенство, дворянство, горожане и крестьяне (въ Тиролѣ, Фрисландіи и др.).

Духовенство (Prälatenstand) считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ, вслѣдствіе религіознаго духа времени, присущаго среднимъ вѣкамъ. Члены этого сословія принимали участіе въ собраніяхъ въ качествѣ вассаловъ государя, владѣвшихъ ленами, полученными отъ него. Поземельная собственность на феодальномъ правѣ была, такъ сказать, основою присутствія духовныхъ лицъ на собраніяхъ. Въ составъ духовенства входили: вопервыхъ, епископы. Отношенія ихъ къ государямъ были долгое время крайне неопредѣленны. Епископы не считали себя чьими бы то ни было вассалами и поэтому между ними и государями очень часто происходили столкновенія. Но мало по малу подобный антагонизмъ прекратился и епископы вынуждены были стать въ ряды остальнаго вассальства. Кромѣ епископовъ, на собраніяхъ присутствовали аббаты, пріоры, настоятели монастырей, пробсты, члены духовныхъ

орденовъ и т. п. Женскіе монастыри также посылали своихъ представителей. Посылали ихъ иногда и университеты [1]). Низшее духовенство на собраніяхъ не присутствовало. Впрочемъ, въ кургессенскихъ актахъ сохранились извѣстія о присутствіи на сеймахъ простыхъ священниковъ (gemeine Pfaffheit), но неизвѣстно, участвовали ли они въ качествѣ членовъ собранія или просто сопровождали епископовъ [2]). Со введеніемъ реформаціи, на сеймахъ появились лютеранскія духовныя власти, напримѣръ суперинтенденты и т. п. [3]). Въ первое время въ нѣкоторыхъ земляхъ (напр. въ Мекленбургѣ, Саксоніи и др.) духовныя лица засѣдали вмѣстѣ съ дворянами, почему, какъ тѣ, такъ и другіе назывались: «geistliche und weltliche Einwohner» или «Mannen geistliche und weltliche» (въ Мекленбургѣ) [4]). Въ Саксоніи одно время организація сейма совершенно напоминала англійскій парламентъ и не имѣла ничего общаго съ организаціей нѣмецкаго представительства. Сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: въ составъ верхней входили высшее духовенство и высшее дворянство (Herren), въ составъ нижней—рыцарство (низшее дворянство) и горожане. Въ довершеніе сходства рыцарство засѣдало не поголовно (какъ почти вездѣ въ Германіи), а черезъ представителей (какъ въ Англіи) [5]).—Однако, мало по малу духовенство обособилось отъ дворянства и стало засѣдать отдѣльно, образуя свою курію или палату.

Вторымъ сословіемъ было *дворянство* (Adel, Ritterstand). Могущественныя дворянскія фамиліи, такъ же, какъ и епископы, долгое время не хотѣли признавать своихъ вассальныхъ отношеній къ мѣстнымъ государямъ, стремясь стать на равное положеніе съ ними и сдѣлаться непосредственными вассалами императора. Но стремленія ихъ достигнуть, такъ называемаго, сословія имперскаго дворянства (Der Stand des Reichsunmittelbaren Adels) въ большинствѣ случаевъ окончились неудачей и они вошли въ ряды прочаго мѣстнаго вассальства. Въ однихъ мѣстностяхъ вышеназванныя фамиліи смѣшались съ низшимъ дворянствомъ, въ другихъ же, въ особенности въ славянскихъ или въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ, образовали особое сословіе высшаго дворянства (Herrenstand), засѣдавшаго на сеймахъ отдѣльно отъ низшаго дворянства (Ritterstand). Въ составъ этого дворянства входили графы и «господа» (Herren), потомки прежнихъ независимыхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, пользовав-

---

[1]) Unger, II b. s. 42—53; Mülverstedt, s. 30—33; O Gierke, I b. s. 538; Hegel, s. 116--117.

[2]) Unger, II b. s. 52.

[3]) Hegel, s. 131.

[4]) Hegel, s. 116.

[5]) Unger, II b. s. 44; Kampe, Die Lehre von den Landständen (1841), s. 48.

шихся суверенными правами, почему многіе изъ нихъ имѣли право писаться «Божьею милостью» [1]).

Дворянство, такъ же, какъ и духовенство, участвовало на сеймахъ въ качествѣ ленниковъ государя, но мало по малу съ теченіемъ времени подобныя феодальныя понятія затемняются и дворянство равно, какъ и другія сословія, призывается на сеймъ, не вслѣдствіе поземельнаго владѣнія, а въ силу своего личнаго права. Такъ, напр. на Тирольскомъ сеймѣ 1798 г. всякій дворянинъ имѣлъ право участвовать, причемъ не принималось въ разсчетъ, владѣлъ ли онъ землей или нѣтъ [2]).

Дворянство (такъ же, какъ и духовенство) участвовало на сеймахъ поголовно, притомъ такимъ образомъ, что каждый родъ имѣлъ своего представителя. Этимъ представителемъ былъ, конечно, глава рода. Дозволялось также посылать вмѣсто себя кого нибудь другаго. Но съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ земляхъ такой порядокъ измѣнился и поголовное участіе превратилось въ представительное. Такъ, бранденбургское дворянство не участвовало на сеймахъ in corpore, а избирало депутатовъ, представлявшихъ его интересы. Депутаты избирались по особымъ округамъ (Kreise), на которые дѣлилась провинція (какъ извѣстно, Бранденбургская марка подраздѣлялась на провинціи). Дворянство каждаго округа посылало нѣсколькихъ депутатовъ [3]). Напротивъ, въ Тиролѣ поголовное участіе дворянства сохранилось до послѣдняго времени и, когда былъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ голосованія по куріямъ голосованіемъ по большинству голосовъ, то императоръ воспротивился этому, такъ какъ въ противномъ случаѣ дворянство, обладая наибольшимъ числомъ голосовъ, сравнительно съ другими сословіями, всегда бы оставалось побѣдителемъ [4]).—Дворяне, какъ и другія сословія, были обязаны являться на сеймъ, хотя очень часто случалось, что многіе изъ нихъ отсутствовали, въ особенности, если вопросы, рѣшаемые на сеймѣ, не затрогивали ихъ интересовъ. При бранденбургскомъ курфюрстѣ Іоахимѣ I не разъ случалось, что половина рыцарства отсутствовала на собраніяхъ, что, впрочемъ, не мѣшало курфюрсту рѣшать дѣла безъ дворянъ [5]).

Третьимъ сословіемъ были *горожане*. Города всегда представлялись своими бургомистрами или совѣтниками (Rathmannen—

[1]) Unger, II b. s. 53—67; Mülverstedt, s. 34—46; O. Gierke, I b. s. 539; Kampe, Die Lehre von den Landständen, s. 47—49.

[2]) Unger, II b. s. 46.

[3]) Mülverstedt, s. 82.

[4]) Unger, II b. s. 54.

[5]) Mülverstedt, s. 83. На баварскомъ сеймѣ, созванномъ въ 1570 г. въ Мюнхенѣ произошелъ слѣдующій фактъ: многіе изъ явившихся членовъ сейма тайно удалились съ него. Тогда герцогъ Альбрехтъ заявилъ, что онъ принужденъ будетъ *наказать* самовольно оставшихъ сеймъ депутатовъ. (Freiberg, II b. s. 374).

члены городскаго совѣта, магистрата). Избирала ихъ не община (Gemeinde), но городскія власти (Stadtobrigkeit) т. е. магистратъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ источникахъ сохранились извѣстія, что иногда и община участвовала въ избраніи депутатовъ [1]). Во всякомъ случаѣ подобное избраніе со стороны общины было исключеніемъ и депутаты третьяго сословія всегда представляли интересы городскаго совѣта, а не общины. Представители городовъ получали особыя инструкціи отъ своихъ избирателей и обязаны были сообразоваться съ ними въ своихъ поступкахъ. Въ этихъ инструкціяхъ опредѣлялось поведеніе депутатовъ на сеймѣ. Очень часто случалось, что депутаты, не имѣя инструкцій на разрѣшеніе возбужденнаго вопроса, заявляли, что, до полученія ими новыхъ инструкцій, они отказываются отъ разрѣшенія даннаго вопроса. Такъ, на баварскомъ сеймѣ, созванномъ въ Ингольштатѣ (1526 г.), горожане отказались вотировать новый налогъ, подъ предлогомъ, что не имѣютъ на это полномочій отъ своихъ избирателей и что, безъ совѣта съ ними, не могутъ ничего предпринять [2]). Тоже самое произошло еще столѣтіемъ раньше на сеймѣ въ Ландсгутѣ (1460 г. [3]) и т. п. Что касается до инструкцій, то для примѣра приведемъ одну, данную своимъ депутатамъ городомъ Ростокомъ (въ Мекленбургѣ) на сеймѣ 1542 г. Въ инструкціи говорится, что депутаты должны воздерживаться отъ голосованія какихъ бы то ни было предложеній и стремиться во что бы то ни стало осуществить все, то, что сказано въ петиціяхъ (Beschwerden), поданныхъ городомъ герцогу (подобныя петиціи, на манеръ французскихъ cahiers, подавались сословіями на каждомъ сеймѣ). «Что касается субсидіи, испрашиваемой герцогомъ, читаемъ далѣе въ инструкціи, то объ этомъ нужно еще поговорить, слѣдуетъ ли давать таковую для уплаты долговъ герцога, сдѣланныхъ имъ ради постороннихъ цѣлей и безъ совѣта и желанія сословій. Турецкую же подать необходимо отмѣнить, вслѣдствіе дороговизны времени: можно подождать еще до тѣхъ поръ, когда турокъ дѣйствительно будетъ тиранизировать нѣмецкую націю» [4]).—Число представителей городовъ не было постояннымъ и очень часто варіировалось. Въ большинствѣ случаевъ города посылали по два депутата, но иногда и больше. Такъ, въ 1460 г. городъ Мюнхенъ послалъ бургомистра и трехъ городскихъ совѣтниковъ, пять же лѣтъ спустя послалъ пятерыхъ совѣтниковъ, въ 1480 же году его депутатами были снова бургомистръ и два совѣтника и т. п. [5]). Иногда города совсѣмъ воздерживались отъ

---

[1]) Unger, II b. s. 80.
[2]) Freiberg, II b. s. 208.
[3]) Lerchenfeld, s. CCLXXXI (Einleitung von Rockinger).
[4]) Hegel, s. 140.
[5]) Unger, II b. s. 81.

посылки депутатовъ, такъ, напр. на мюнхенскомъ сеймѣ 1445 г. многіе города совершенно отсутствовали [1]).

Четвертымъ сословіемъ были *крестьяне*. Послѣдніе, вслѣдствіе своего закрѣпощенія, не принимали участія въ собраніяхъ земскихъ чиновъ, но въ нѣкоторыхъ германскихъ земляхъ въ видѣ исключенія встрѣчаются на сеймахъ и представители крестьянъ. Подобныхъ земель было нѣсколько на сѣверѣ и на югѣ Германіи. Къ первымъ относится Фрисландія, гдѣ вплоть до 14-го столѣтія существовало демократическое устройство, вполнѣ напоминавшее бытъ древнихъ германцевъ временъ Тацита. Фрисландія была раздѣлена на отдѣльныя крестьянскія общины, во главѣ которыхъ находились выборные судьи, управлявшіе ими. На собраніяхъ въ Упстальбомѣ принимали участіе духовныя лица и судьи, выполняя здѣсь законодательныя, судебныя и административныя функціи. Такъ продолжалось до XIV ст. Впослѣдствіи Фрисландія подпала подъ власть сосѣднихъ государей и ея республиканская форма правленія была уничтожена. Въ странѣ образовалось дворянство и свободныя крестьянскія общины были закрѣпощены. Но учрежденія древней свободы окончательно не вымерли и на собраніяхъ земскихъ чиновъ рядомъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и горожанами появились также и представители оставшагося свободнымъ крестьянства. Послѣдніе вошли въ составъ третьяго сословія и засѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Демократическое устройство существовало также и въ мѣстностяхъ между нижнимъ Везеромъ и нижней Эльбой и сохранилось весьма долго. Когда часть этихъ мѣстностей перешла къ Ольденбургу, то владѣтели послѣдняго не имѣли силы искоренить свободныя учрежденія и должны были съ ними считаться. Въ виду отсутствія въ Ольденбургѣ сеймовъ, графы, желая получить денежныя субсидіи, принуждены бывали обращаться къ каждой общинѣ въ отдѣльности, чѣмъ тѣ и не замедляли пользоваться въ интересахъ своей свободы.—Другая часть этихъ мѣстностей перешла къ Бремену и, хотя правительство послѣдняго воспротивилось участію на сеймахъ крестьянства (жителей этихъ мѣстностей), оно всетаки сохранило свою древнюю свободу во всей ея чистотѣ. Однако, въ XVII ст. крестьяне затѣяли процессъ съ бременскими сословіями, требуя отъ нихъ доступа себѣ на сеймъ. Висмарскій трибуналъ, разсматривая эту жалобу, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: жители Марша (названіе вышеназванныхъ мѣстностей) не доказали своего права *постоянно* присутствовать на сеймахъ, но вполнѣ *доказали* право присутствовать на тѣхъ сеймахъ, на которыхъ затрогиваются ихъ интересы, поэтому, они, такъ же, какъ и другія свободныя сословія, должны быть вызываемы на подобные сеймы и имѣютъ право присутствовать на нихъ въ лицѣ

[1]) Freiberg, I b. s. 497.

своихъ представителей, выслушивать предложенія и защищать свои интересы при помощи петицій и протестацій!—Въ другихъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи, въ Дитмаршенѣ, на островѣ Рюгенѣ и т. п. также сохранилось свободное крестьянство, участвовавшее въ разныхъ формахъ въ управленіи своими дѣлами [1]).

Тоже самое было и на югѣ Германіи, гдѣ также свободные крестьяне участвовали въ государственномъ управленіи. Въ Тиролѣ они входили въ составъ собраній земскихъ чиновъ въ видѣ особой куріи или палаты, но, къ сожалѣнію, изъ источниковъ неизвѣстно, кто были ихъ представители: избирались ли они общинами или, подобно городамъ, сельскою властью (Dorfobrichkeit) [2]).

Разсматривая организацію собраній земскихъ чиновъ, прежде всего необходимо сказать, что эти собранія были двухъ родовъ: центральныя и мѣстныя. Первыя, такъ называемыя, Landstände являлись органами *всего* государства, напр. Баваріи, Мекленбурга, Бранденбурга, Австріи, Саксоніи и т. п. Вторыя (Provinzialstände, Kreisstände) какъ показываетъ самое названіе, были органами административныхъ *дѣленій* государства (конечно тамъ, гдѣ имѣлись подобныя дѣленія) [3]). Аналогія между французскими и нѣмецкими сословными учрежденіями—полная. Какъ во Франціи существовали генеральные и провинціальные штаты (états généraux и provinciaux), такъ и въ Германіи существовали Land и Provinzialstände. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ первыхъ, такъ какъ организація тѣхъ и другихъ вполнѣ тождественна и все сказанное о первыхъ будетъ относиться также и ко вторымъ.

Что касается до *мѣста* собраній, то ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ не было. Въ большинствѣ случаевъ сеймы созывались въ центрѣ страны, чтобъ отдаленныя провинціи, подъ предлогомъ дальности разстоянія и дороговизны ѣзды, не отказывались въ принятіи участія на сеймѣ. Обыкновенно избраніе мѣста засѣданія зависѣло отъ государя: очень часто случалось, что сеймъ созывался въ его резиденціи. Такъ, бранденбургскіе сеймы почти постоянно имѣли мѣсто въ Берлинѣ [4]). Въ Баваріи было постановлено, что сеймъ долженъ засѣдать попеременно въ одномъ изъ четырехъ главныхъ городовъ [5]). Напротивъ, мекленбургскіе сеймы никогда

---

[1]) Unger, II b. s. 100—122; O. Gierke, I b. s. 540.

[2]) Unger, II b. s. 122—127; O. Gierke, I b. s. 541; Jäger, II b. s. 393—411. Нужно надѣяться, что Jäger въ слѣдующихъ томахъ своего интереснаго труда „Geschichte der landständischen Verfassung Tirols" выяснитъ многое касательно крестьянскаго представительства въ Тиролѣ. Пока вышло два тома, изъ которыхъ собственно исторіи сословнаго представительства посвященъ только второй

[3]) Mülverstedt, s. 63.

[4]) Mülverstedt, s. 89.

[5]) Freiberg, II b. s. 435.

не созывались ни въ Ростокѣ, ни въ Висмарѣ (два главныхъ города), а всегда имѣли мѣсто на традиціонной Еврейской горѣ (Judenberg) у города Штернберга [1]). Вообще же сеймы созывались въ городахъ и въ закрытомъ помѣщеніи. Но иногда они, на манеръ древнихъ народныхъ собраній, засѣдали подъ открытымъ небомъ. Такъ, мекленбургскій сеймъ всегда засѣдалъ подъ открытымъ небомъ или въ палаткѣ.

Когда же созывался сеймъ и было ли что нибудь опредѣлено касательно времени его созванія? Сеймъ созывался тогда, когда въ этомъ была необходимость. Въ виду же того, что государи постоянно нуждались въ матеріальной поддержкѣ и постоянно чувствовали крайній недостатокъ въ деньгахъ, сеймы созывались очень часто. Не было года, чтобъ впродолженіи него не засѣдалъ хотя бы одинъ сеймъ [2]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ время созванія сейма было опредѣлено въ законѣ. Такъ, въ Баваріи на сеймѣ въ Ландсгутѣ (въ 1461 г.) было постановлено, что сеймъ долженъ созываться непремѣнно каждый годъ («Dass füran alle Jahre ein gemeiner Landtag versammelt werde») [3]).

Право *созванія* сейма принадлежало государямъ, а за ихъ отсутствіемъ ихъ замѣстителямъ. Впрочемъ, иногда случалось, что сеймы созывались и по своей инниціативѣ, но такое право за ними никогда не было признано (по крайней мѣрѣ, послѣ изданія Золотой буллы). Являться на сеймъ, какъ мы видѣли, считалось обязанностью со стороны всякаго подданнаго. Тѣ, кто отсутствовали, должны были извиняться. Государи очень часто грозили немилостью и наказаніемъ всякому, кто осмѣлится не явиться на сеймъ. И однако, несмотря на это, нерѣдко случалось, что масса лицъ, обязанныхъ присутствовать на сеймѣ, совсѣмъ не показывалась на немъ. Иногда отсутствовали цѣлые округи и города [4]). Призывныя грамоты (Ausschreiben, Convocatorien) адресовались къ отдѣльнымъ личностямъ и къ цѣлымъ сословіямъ. Члены высшихъ сословій (духовенство и высшее дворянство) обыкновенно получали приглашенія на сеймъ каждый въ отдѣльности. Члены же низшаго дворянства (напр. въ Бранденбургѣ) призывались къ выборамъ начальникомъ округа, на имя котораго и адресовалась грамота. Города также получали такія грамоты, адресованныя на имя городскихъ совѣтовъ. Небольшіе города иногда совсѣмъ не получали грамотъ и ужъ на обязанности большихъ было извѣстить ихъ о предстоящемъ сеймѣ. Въ грамотахъ излагался поводъ созванія сейма, для

---

[1]) Unger, II b. s. 139.

[2]) Unger, II b. s. 140.

[3]) Freiberg, II b. s. 539; Lerchenfeld, s. CCLXXXI (Einleitung von Rockinger).

[4]) Mülverstedt, s. 89; Unger, II b. s. 140.

того, чтобъ избиратели могли дать надлежащія инструкціи своимъ депутатамъ. Въ случаѣ несоблюденія этого условія, сословія жаловались государю, а депутаты отказывались вотировать предложенія правительства подъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ полномочій на это [1]).

Послѣ полученія призывныхъ грамотъ, сословія, не участвовавшія на сеймѣ поголовно, приступали къ *выборамъ*. Все, что намъ извѣстно на этотъ счетъ, было сказано выше. Депутаты должны были быть «прекраснѣйшими» людьми, «die treffliechsten», какъ выражается одна призывная грамота на мюнхенскій сеймъ 1519 г. [2]). Выборные получали инструкціи и снабжались петиціями (Beschwerden) на имя государя, въ которыхъ высказывались нужды и желанія сословій. Впослѣдствіи, съ развитіемъ значенія сословныхъ собраній установилось такое правило, что государь могъ разсчитывать на полученіе денежныхъ субсидій только, послѣ удовлетворенія желаній сословій, высказанныхъ въ петиціяхъ.

Что касается до порядка засѣданій, то объ этомъ будетъ сказано ниже. Упомянемъ теперь только о *формахъ* и *способахъ* засѣданій и голосованій, практиковавшихся на сеймахъ. Какъ извѣстно, сеймъ раздѣлялся на куріи или палаты по числу сословій, принимавшихъ участіе въ государственномъ управленіи. Эти куріи засѣдали или вмѣстѣ или отдѣльно. Открытіе и закрытіе сейма происходило въ общемъ собраніи. Вообще, въ общемъ собраніи имѣли мѣсто торжественныя засѣданія. Рѣшенія же извѣстныхъ вопросовъ и предложеній, внесенныхъ въ сеймъ, равно какъ и обыкновенныя засѣданія, происходили по куріямъ и каждое сословіе совѣщалось отдѣльно. Но далеко не всѣ сеймы дѣлились на куріи. Въ небольшихъ государствахъ подобнаго дѣленія не было и сословія всегда засѣдали вмѣстѣ. Иногда въ составъ куріи входило не одно, а два сословія, напр. духовенство и дворянство или горожане и крестьяне и т. п. [3]).

Что касается до голосованія, то оно происходило слѣдующимъ образомъ. Въ прежнее время голосованіе по большинству голосовъ не имѣло никакого значенія и единогласіе было необходимымъ условіемъ для дѣйствительности сеймоваго постановленія. Вслѣдствіе этого, всякій, несогласный съ постановленіемъ сейма, покидалъ послѣдній и не считалъ свой обязанностью подчиняться ему. Такимъ образомъ, постановленіе имѣло силу только по отношенію къ принявшимъ его. Объясняется подобный фактъ слабостью центральной власти и отсутствіемъ, вслѣдствіе этого, исполнительныхъ органовъ, могшихъ осуществлять постановленіе на практикѣ. Тѣ,

[1]) Mülverstedt, s. 90.
[2]) Freiberg, II b. s. 189.
[3]) Unger, II b. s. 147.

кто участвовали въ составленіи законовъ, тѣ и приводили ихъ въ исполненіе. Съ усиленіемъ власти государей и съ ослабленіемъ феодальнаго порядка вещей, единогласное рѣшеніе замѣнилось рѣшеніемъ по большинству голосовъ. Каждая курія постановляла рѣшеніе по большинству голосовъ, а постановленіе всего сейма рѣшалось большинствомъ куріятскихъ голосовъ. Впрочемъ, впослѣдствіи третье сословіе воспротивилось подобному способу голосованія и въ нѣкоторыхъ государствахъ былъ провозглашенъ принципъ, что рѣшеніе двухъ курій не можетъ связывать третью [1]).

Продолжительность засѣданій сейма не была опредѣлена и все зависѣло отъ занятій членовъ сейма и отъ важности дѣлъ, разсматриваемыхъ на немъ. Депутаты *содержались* государемъ, а не избирателями. Отъ многихъ сеймовъ до насъ дошли жалобы ихъ членовъ по поводу скуднаго содержанія, выдававшагося депутатамъ. Содержаніе иногда выдавалось нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ сейма.

Переходимъ къ порядку засѣданія и къ дѣлопроизводству сейма. Для примѣра приведемъ порядокъ засѣданія, практиковавшійся въ бранденбургскомъ сеймѣ [2]).

Послѣ пребытія сословій къ мѣсту засѣданія сейма (если сеймъ засѣдалъ въ Берлинѣ, то этимъ мѣстомъ было всегда одна изъ залъ во дворцѣ курфюрста), курфюрстъ извѣщался объ этомъ. Тогда онъ въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ и министровъ, а нерѣдко и принцевъ крови, отправлялся въ залъ, чтобъ лично открыть сеймъ. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ сеймъ открывалъ кто нибудь другой по порученію курфюрста, напр. принцъ крови или министръ. Засѣданіе открывалось небольшой рѣчью, въ которой въ краткихъ словахъ излагался поводъ созванія сейма и выражалась благодарность сословіямъ за ихъ послушаніе правительству и прибытіе на сеймъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе правительственныхъ предложеній (Landtagsproposition), гдѣ уже подробно мотивировалось созваніе депутатовъ и излагались новыя мѣры, вносимыя на разсмотрѣніе и разрѣшеніе сейма. Предложенія эти читались обыкновенно самимъ канцлеромъ. Послѣ этого, сословія расходились для совѣщанія по поводу отвѣта правительству. Иногда сословія совѣщались вмѣстѣ. Впрочемъ, подобные случаи можно считать за исключенія, такъ какъ третье сословіе, ради обезпеченія за собой полной независимости мнѣній и дѣйствій, рѣдко соглашалось на такое совмѣстное совѣщаніе. Во время совѣщаній сословія сносились другъ съ другомъ и давали или одинъ общій отвѣтъ или отдѣльные отвѣты по сословіямъ. Отвѣтъ передавался правительству черезъ духовенство,

---

[1]) Unger, II b. s. 147; Mülverstedt, s. 60; Kampe, s. 71.

[2]) Все сказанное нами о бранденбургскомъ сеймѣ будетъ также относиться и къ сеймамъ другихъ германскихъ государствъ, такъ какъ порядокъ засѣданій на всѣхъ сеймахъ былъ почти одинъ и тотъ же.

предсѣдатель котораго—гавельбергскій епископъ былъ также предсѣдателемъ и всего сейма. Что касается до содержанія отвѣта, то оно, конечно, бывало далеко неоднороднымъ: все зависѣло отъ того, принимаютъ ли сословія правительственныя предложенія или нѣтъ. Начинался отвѣтъ обыкновенно выраженіемъ благодарности сословій за отеческое попеченіе о нихъ курфюрста и пожеланіемъ всякаго счастья, какъ ему, такъ и всему государству. Затѣмъ слѣдовалъ уже самый отвѣтъ. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ передавались также и петиціи (Beschwerden, Gravamina), причемъ нерѣдко сословія заявляли, что отъ удовлетворенія послѣднихъ зависитъ и принятіе правительственныхъ предложеній [1]). Петиціи редактировались обыкновенно особыми выборными, избранными на этотъ случай сословіями [2]). Въ большинствѣ случаевъ каждое сословіе подавало *свою* петицію, составленную изъ отдѣльныхъ петицій, привезенныхъ членами этого сословія. Существовала особая сеймовая должность оратора или защитника (Fürsprecher), занимаемая обыкновенно какимъ нибудь юристомъ и избираемая сословіями. Каждое сословіе имѣло своего защитника. На обязанности этого послѣдняго было защищать передъ правительствомъ интересы сословій и вообще вести съ нимъ переговоры по поводу петицій [3]). Если отвѣтъ сословій не нравился правительству, тогда возникали между ними переговоры, пока въ результатѣ не получалось соглашеніе, удовлетворявшее интересы обѣихъ сторонъ. Резолюціи правительства на отвѣты сословій также обсуждались послѣдними отдѣльно, какъ и самыя предложенія. Вопросы рѣшались въ куріяхъ большинствомъ голосовъ и подъ предсѣдательствомъ особыхъ сословныхъ предсѣдателей. Когда, наконецъ, достигалось единеніе между правительствомъ и сеймомъ, то составлялось сеймовое постановленіе (Landtagsabschied, Landtagsschlussrecess) и прочитывалось въ торжественномъ собраніи всѣхъ сословій. Постановленіе это подписывалось государемъ (курфюрстомъ) и членами сейма. Затѣмъ сеймъ закрывался рѣчью курфюрста, или кого либо изъ министровъ [4]).

Въ исторіи нѣмецкихъ сословныхъ собраній весьма видную роль играли, такъ называемые, сеймовые комитеты (Ausschüsse), замѣнившіе впослѣдствіи самые сеймы. Очень часто (а потомъ постоянно) на сеймѣ избирался особый комитетъ, на обязанности котораго было или приготовлять дѣла для рѣшенія сейма (важныя дѣла) или рѣшать дѣла своей властью (маловажныя дѣла). Этимъ же комитетамъ предоставлялось разбирать всѣ споры, возникавшіе между

---

[1]) Mülverstedt, s. 93—98.

[2]) Freiberg, II b. s. 422.

[3]) Hegel, s. 139.

[4]) Mülverstedt, s. 98—101.

правительствомъ и сеймомъ или между отдѣльными сословіями [1]). Члены комитета зависѣли отъ сейма и обязаны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ послѣднему. Когда государи, предпочитая лучше имѣть дѣло съ комитетами, чѣмъ съ сеймами, приписывали первымъ такую власть, какою тѣ не обладали и требовали отъ нихъ рѣшенія по такимъ вопросамъ, въ которыхъ могъ быть компетентенъ только сеймъ, то тѣ не разъ отвѣчали, что безъ сейма они ничего сдѣлать не могутъ [2]). Выборы въ комитетъ происходили посословно: каждое сословіе избирало изъ себя опредѣленное число депутатовъ. Былъ еще другой способъ выборовъ, а именно: дворянство избирало равное число депутатовъ изъ духовенства и горожанъ, тѣ же, въ свою очередь, избирали изъ дворянъ. Число членовъ комитета не было опредѣлено и постоянно варіировалось, начиная съ 12-ти и кончая сотней [3]). Въ Баваріи дворянство пользовалось привилегіей посылать въ комитетъ число выборныхъ, равное числу выборныхъ двухъ другихъ сословій, что не разъ вызывало протесты и неудовольствіе этихъ послѣднихъ [4]). Комитетъ избиралъ изъ себя другой комитетъ (engerer Ausschus), игравшій по отношенію къ нему ту же роль, какую онъ самъ игралъ по отношенію къ сейму. — Мало по малу комитетъ превратился въ постоянное учрежденіе, существовавшее въ промежутокъ времени отъ одного сейма до другаго и обновлявшееся въ своемъ составѣ на каждомъ сеймѣ. Ему были присущи постоянныя функціи и онъ участвовалъ въ государственномъ управленіи вмѣстѣ съ государемъ, вполнѣ ограничивая его власть. Впослѣдствіи, когда значеніе сеймовъ уменьшилось и они, наконецъ, совсѣмъ перестали созываться, комитетъ занялъ ихъ мѣсто, но уже въ качествѣ почти совѣщательнаго учрежденія при абсолютномъ государѣ.

Говоря о *компетенціи* и о *значеніи* нѣмецкаго сословнаго представительства, необходимо имѣть въ виду, что эта компетенція и это значеніе далеко не во всѣ времена были одними и тѣми же. Сословныя собранія XIV ст. въ этомъ отношеніи существенно отличались отъ сословныхъ собраній XVI ст. Эти же послѣднія далеко не походили на сословныя собранія XVII ст. Такимъ образомъ, разсматривая функціи нѣмецкихъ сеймовъ, мы будемъ имѣть въ виду только тотъ періодъ времени, который можно считать за апогей развитія сословнаго представительства, это столѣтіе—съ середины XV до середины XVI вѣковъ. Въ исторіи нѣмецкаго представительства это столѣтіе играетъ весьма важную роль. Въ названное время сословныя собранія достигли такого значенія, какого

---

[1]) Unger, II b. s. 150.
[2]) Freiberg, I b. s. 663 u. II b. s. 253.
[3]) Unger, II b. s. 151.
[4]) Freiberg, I b. s. 661.

онѣ не имѣли ни до, ни послѣ этого столѣтія. Въ XIV вѣкѣ онѣ еще развивались, въ XVII вѣкѣ онѣ уже разлагались. Такимъ образомъ, предметомъ нашего изслѣдованія будетъ цвѣтущая пора въ исторіи представительныхъ учрежденій, пора полнѣйшаго развитія ихъ силъ и значенія, когда (позволимъ себѣ такъ выразиться) дѣтство ихъ уже окончилось, а старость еще не наступила. Въ этотъ періодъ сословный сеймъ былъ самымъ важнымъ факторомъ въ жизни государственнаго организма, въ немъ сосредоточивалось все управленіе послѣднимъ. Онъ былъ учрежденіемъ судебнымъ, законодательнымъ и административнымъ, вполнѣ—ограничивавшимъ власть государя, не только de facto, но и de jure. Разсмотримъ составъ его компетенціи, а затѣмъ скажемъ о его значеніи вообще и объ отношеніи къ представителю верховной власти т. е. государю.

Сеймъ былъ *судебнымъ* учрежденіемъ. Онъ считался верховнымъ судомъ въ государствѣ вплоть до учрежденія особыхъ судовъ (Hofgerichte), къ которымъ впослѣдствіи перешла юрисдикція сеймовъ. До основанія же этихъ судовъ ихъ мѣсто занималъ сеймъ. Такъ, въ бременскомъ архіепископствѣ сеймъ собирался три раза въ годъ, чтобъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа рѣшать всѣ дѣла и споры, накоплявшіеся за извѣстный промежутокъ времени. Въ 1517 г. такой порядокъ судебнаго разбирательства былъ уничтоженъ и замѣненъ другимъ. Былъ учрежденъ особый судъ (Hofgericht), имѣвшій характеръ сеймоваго комитета, члены котораго избирались сеймомъ. Этотъ Hofgericht выполнялъ всѣ судебныя функціи, присущія прежде сейму, для чего и собирался два раза въ годъ. Сеймъ же превратился въ аппеляціонную инстанцію по отношенію къ Hofgericht'у и собирался теперь уже разъ въ годъ. Въ другихъ государствахъ мы видимъ тоже явленіе: до учрежденія гофгерихтовъ сеймъ былъ исключительно верховнымъ судомъ и вѣдалъ всѣ судебныя дѣла. На его рѣшенія не могло быть никакой аппеляціи. Послѣ же учрежденія судовъ, въ однихъ государствахъ сеймъ превратился въ аппеляціонную инстанцію по отношенію къ гофгерихту, какъ въ Бременѣ, въ другихъ же (и такихъ было большинство) на рѣшенія гофгерихта не могло быть никакой аппеляціи и они считались окончательными. Сеймъ же рѣшалъ нѣкоторыя дѣла, не входившія въ составъ юрисдикціи Hofgericht'a. Такими дѣлами были: дѣла большой важности (политическія) или такія, въ которыхъ были замѣшаны интересы государя и членовъ сейма. Были еще государства, въ которыхъ сеймъ и гофгерихтъ, такъ сказать, конкурировали другъ съ другомъ и отъ воли обвиняемаго зависѣло, кто его долженъ судить—то или другое учрежденіе. Однако, мало по малу всѣ судебныя дѣла перешли къ гофгерихту, который со временемъ и сдѣлался верховнымъ судомъ, безъ всякой въ этомъ отношеніи конкуренціи со стороны сейма.

Другая судебная функція сейма (какъ мы уже видѣли) было вліяніе путемъ выборовъ па составъ высшихъ судовъ въ государствѣ (Obergerichte, Hofgerichte, Kammergerichte и т. п.). Всѣ эти суды составлялись благодаря сейму, избиравшему пхъ членовъ. Выборы большей частью происходили такимъ образомъ, что каждое сословіе избирало опредѣленное число депутатовъ (напр. въ Бременѣ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правомъ избранія пользовалось только одно дворянство, причемъ судьи также должны были быть дворянами (напр. въ Австріи). Иногда сеймъ являлся въ качествѣ третейскаго суда, разбиравшаго столкновенія между государемъ и членами сейма или даже между государемъ и иностранными государствами. Такъ, бранденбургскій сеймъ еще въ 1252 г. выступилъ въ роли третейскаго суда, чтобъ уладить споръ между маркграфомъ Іоанномъ и имперскимъ городомъ Любекомъ. Въ 1399 г. бранденбургскій же сеймъ въ качествѣ третейскаго суда разрѣшилъ столкновеніе между маркграфомъ Іобстомъ и дворяниномъ Бредовымъ и т. п.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго мы видимъ, что сеймъ долгое время былъ верховнымъ судомъ въ государствѣ. Съ учрежденіемъ особыхъ судовъ, судебная власть сейма стала конкурировать съ судебной властью этихъ судовъ. Впрочемъ, сеймъ по прежнему оставался верховнымъ судомъ. Въ однихъ государствахъ онъ былъ апелляціонной инстанціей по отношенію къ учрежденнымъ судамъ, въ другихъ же обладалъ особой юрисдикціей, отличной отъ юрисдикціи гофгерихтовъ. Наконецъ, составъ гофгерихтовъ зависѣлъ отъ сейма, такъ какъ послѣдній имѣлъ право избранія ихъ членовъ. Иногда сеймъ являлся въ качествѣ третейскаго суда и рѣшалъ такія дѣла, какія не могли входить въ составъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Постепенно однако судебная власть сейма уничтожилась и перешла къ вышеназваннымъ гоф—и камергерихтамъ [1]).

Сейму были также присущи *законодательныя* функціи. Вопросъ о томъ, былъ ли сеймъ законо-совѣщательнымъ или законо-утвердительнымъ учрежденіемъ, вопросъ крайне темный, такъ какъ въ законахъ на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго. Во многихъ актахъ, явившихся продуктомъ совмѣстной дѣятельности государей и сеймовъ, постоянно встрѣчаются такія фразы, которыя не только ничего не объясняютъ, но еще болѣе запутываютъ историка. Въ однихъ изъ нихъ говорится, что они составлены «по совѣщанію съ съ сословіями» («mit Vollwort und Rath der Stände»), въ другихъ— «по утвержденіи сословіями» («mit Wissen und Willen der Landschaft»), что далеко не одно и тоже. Изъ исторіи также извѣстно, что нѣ-

¹) Unger, II b. s. 161—135; Mülverstedt, s. 123 u. 176—182; Neumann, s. 141—170.

которые законы изданы одними государями не только безъ утвержденія со стороны сейма, но даже безъ совѣщанія съ нимъ. При составленіи же другихъ, сеймъ игралъ весьма видную роль и даже самый вопросъ о ихъ изданіи бывалъ нерѣдко возбуждаемъ по его иниціативѣ. Какимъ же образомъ разобраться въ этой путаницѣ и придти къ болѣе или менѣе вѣрному ея разрѣшенію? Намъ кажется, что прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, когда, т. е. въ какой періодъ времени въ исторіи нѣмецкаго представительства государи издавали законы одни безъ согласія или съ рѣдкимъ согласіемъ земскихъ чиновъ. Затѣмъ, какого рода законы издавались такимъ образомъ и при изданіи какихъ законовъ употреблялись слова «совѣщаніе» и «утвержденіе»? Рѣшивъ эти два вопроса, мы рѣшимъ и тотъ, былъ ли сеймъ законо-совѣщательнымъ или законоутвердительнымъ учрежденіемъ? Обративъ вниманіе на первый вопросъ, мы видимъ, что наибольшее количество единоличныхъ изданій законовъ (если можно такъ выразиться) приходится или на XV или на XVII ст. (въ особенности на второе), наименьшее же на тотъ періодъ времени (отъ середины XV до середины XVI ст.), который мы охарактеризовали періодомъ зрѣлости представительныхъ учрежденій и наибольшаго развитія ихъ значенія. Подобный фактъ вполнѣ понятенъ. XVII ст. есть эпоха увеличенія абсолютизма государей и паденія сословныхъ собраній, XV же столѣтіе является эпохой возникновенія постепеннаго роста значенія сословныхъ собраній, достигшаго своего кульминаціоннаго пункта въ концѣ XV и началѣ XVI ст. Понятно, что въ началѣ XV ст. сеймъ немогъ еще обладать такой властью, какъ впослѣдствіи и потому неудивительно, что въ этотъ періодъ времени законы нерѣдко издавались однимъ государемъ безъ всякаго участія сейма.

Рѣшивъ первый вопросъ, перейдемъ ко второму. Какіе законы въ разсматриваемое столѣтіе издавались однимъ государемъ, а также по совѣщанію съ сеймомъ или по его утвержденію? Изъ исторіи видно, что законы, издававшіеся однимъ государемъ въ большинствѣ случаевъ были такого рода, что нисколько не затрогивали интересовъ сословій: сюда относились законы, не вводившіе никакихъ новыхъ принциповъ въ право, но санкціонировавшіе то, что уже существовало de facto, напр. предписанія о томъ (Befehle) что, въ случаѣ опасности, грозящей странѣ отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ жители должны вооружаться и ожидать приказаній правительства касательно дальнѣйшихъ дѣйствій. Сюда же относились законы, дѣйствіе которыхъ распространялось только на домены и владѣнія государя (Fürstliche Kammergüter). Наконецъ, сюда же причислялись законы преимущественно полицейскаго характера, хотя и вводившіе новые принципы, но непосредственно не затрогивавшіе интересовъ сословій, напр. законы о нищихъ, бѣглыхъ, иностранцахъ и т. п. Если же государь покушался единолично издавать

такіе законы, которые касались интересовъ сословій, то послѣднія оказывали ему сильное противодѣйствіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ.

Что касается до законовъ, для изданія которыхъ было необходимо предварительное совѣщаніе съ сеймомъ, то сюда можно причислить законы, хотя и затрогивавшіе интересы сословій, но не касавшіеся ихъ имущества, напр. нѣкоторые гражданскіе законы, уголовное и процессуальное законодательство и т. п.

Законы же, требовавшіе санкціи сейма касались уже имущества сословій и поэтому, безъ ихъ согласія, не могли быть изданы. Сюда можно причислить ленное законодательство, финансовые законы, законы установлявшіе новыя повинности и т. п.

Конечно, подобная классификація крайне несовершенна, но это объясняется отсутствіемъ опредѣленныхъ постановленій закона, регулирующихъ отношенія государей и сеймовъ по вопросу объ изданіи законовъ и весьма частымъ рядомъ фактовъ, совершенно противорѣчивыхъ другъ другу, когда по одному и тому же законодательному вопросу примѣнялись совершенно различные способы его разрѣшенія. Конечно, все зависѣло отъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ находились государи или сословія. Былъ государь силенъ—онъ законодательствовалъ, какъ хотѣлъ, безъ всякаго содѣйствія со стороны сословій, были сильны сословія и безъ ихъ воли не могло состояться даже самое ничтожное постановленіе. Въ разсматриваемое столѣтіе вѣсы склонились на сторону сословій, но склоненіе ихъ въ разныхъ государствахъ было неодинаково: въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Наконецъ, въ названное же столѣтіе нерѣдко являлись энергичные государи и на время власть ихъ увеличивалась на счетъ власти сословій. Все это служитъ причиной тому, что болѣе точной классификаціи, чѣмъ данная выше, дать невозможно.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеймъ былъ чисто законо-совѣщательнымъ учрежденіемъ, въ другихъ же, напротивъ, обладалъ ограничительной властью, вслѣдствіе чего, государь, безъ согласія сословій, не могъ издать ни одного новаго закона. Но равно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ участіе сейма въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ было одинаково необходимо.

Изъ источниковъ извѣстно, что какъ государю, такъ и сейму принадлежала иниціатива въ возбужденіи законодательныхъ вопросовъ. Сеймъ, какъ извѣстно, представлялъ петиціи, въ которыхъ были высказаны нужды сословій и способы ихъ удовлетворенія. Петиціи превращались въ законы, если на то были согласны сеймъ и государь. А такъ какъ вскорѣ установилась практика, по которой сословія снабжали государей денежными субсидіями, только послѣ удовлетворенія ихъ петицій, то отсюда ясно, какая

видная роль принадлежала сейму въ дѣлѣ законодательной иниціативы [1]).

Въ области *управленія* сословія играли также весьма видную роль и при всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ голосъ ихъ долженъ былъ быть принимаемъ въ разсчетъ. Въ первое время существованія сословныхъ собраній управленіе сосредоточивалось въ рукахъ разныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ государемъ. Сословія не вліяли на ихъ назначеніе. Но мало по малу подобный порядокъ вещей сталъ измѣняться. Съ увеличеніемъ значенія земскихъ чиновъ, все чаще и чаще сталъ раздаваться ихъ голосъ по поводу неудовлетворительности бюрократическаго способа управленія и по поводу нарушенія сословныхъ интерессовъ. Государи вынуждены были давать обѣщанія о непринятіи иностранцевъ на службу и даже о составленіи своихъ совѣтовъ (Fürstliche Räthe) подъ вліяніемъ сеймовъ. Такъ, въ 1327 г. померанскій герцогъ обѣщалъ своимъ сословіямъ, что безъ ихъ согласія ни одинъ изъ высшихъ чиновниковъ не будетъ назначенъ на службу. Тоже самое произошло и въ другихъ германскихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ чиновники должны были приносить присягу не только государю, но и сейму. Вскорѣ однако (именно въ XV ст.) земскіе чины захватили все управленіе въ свои руки, главнымъ образомъ путемъ превращенія «княжескихъ совѣтовъ» въ сеймовые комитеты, бывшіе, между прочимъ, исполнительными органами сейма. Главной причиной подобнаго превращенія было вліяніе сейма на составъ совѣтовъ, завершившееся выборами въ совѣтъ, получившій теперь уже названіе комитета. Въ разсматриваемое столѣтіе комитеты пріобрѣли огромное значеніе, такъ какъ центръ тяжести всего управленія заключался въ нихъ. Они вполнѣ ограничивали власть государя и зависѣли только отъ одного сейма. Въ особенности усиливалось ихъ значеніе въ періодъ регентства и опеки надъ несовершеннолѣтнимъ государемъ. И то и другое обыкновенно принадлежало имъ, чѣмъ, конечно, сеймъ не замедлялъ пользоваться для увеличенія своей власти на счетъ власти государя [2]).

Разсмотримъ въ отдѣльности наиболѣе важные предметы управленія, вошедшіе въ составъ компетенціи сейма.

Изъ исторіи извѣстно, что *избраніе государя*, въ случаѣ пресѣченія царствующей династіи, было одной изъ функцій сейма. Такъ, въ 1459 г. шлезвигъ—гольштинскій сеймъ призвалъ на престолъ датскаго короля Христьяна I-го, но съ условіемъ, что, если послѣдній не будетъ уважать его привилегій, избраніе будетъ считаться не-

---

[1]) Unger, II b. s. 225—234; Mülverstedt, s. 165—180; Neumann, s. 128—133; Kampe, s. 65—66; Hegel, s. 112—113; Lerchenfeld, s. CCCXCVIII—CCCCV (Einleitung von Rockinger).

[2]) Unger, II b. s. 272—316.

дѣйствительнымъ. («Die Wahl null und nichtig sein solle»). Тоже самое нерѣдко происходило въ Баваріи и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ [1]).—При *раздѣленіи* государства (Landestheilung) или отчужденіи его частей сеймъ также фигурировалъ весьма часто съ рѣшающимъ голосомъ. Исторія Баваріи представляетъ много тому примѣровъ [2]). *Учрежденіе регенства* и *опеки* надъ несовершеннолѣтнимъ государемъ, а также управленіе государствомъ за это время, какъ мы видѣли, было весьма важнымъ правомъ земскихъ чиновъ, которымъ они и воспользовались для увеличенія своего могущества на счетъ власти государя [3]).—Въ разсматриваемое столѣтіе сеймъ чувствовалъ себя на столько сильнымъ, что не разъ вмѣшивался даже въ чисто *личныя хозяйственныя* дѣла государя и участвовалъ въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ по управленію доменами и заключенію договоровъ касательно послѣднихъ [4]).

Весьма важныя функціи принадлежали сейму въ области *внѣшней политики* и въ рѣшеніи иностранныхъ дѣлъ [5]). Такъ, объявленіе войны не могло произойти иначе, какъ съ согласія сейма. Это было прямо высказано въ законѣ. «Объявленіе войны и заключеніе союза требуютъ сословной санкціи», гласитъ одно изъ постановленій баварскаго сейма 1458 г. (въ Мюнхенѣ) [6]). Такого же рода постановленія были изданы и сеймами другихъ нѣмецкихъ государствъ. Такъ, привилегія Христьяна I-го, данная въ 1460 г. Шлезвигу и Гольштиніи говоритъ, что король, безъ согласія сейма, не можетъ объявлять войны и заключать мира и т. п. Участіе сословій въ рѣшеніи вопросовъ войны было выгодно не только для послѣднихъ, но и для самихъ государей, которые такимъ образомъ пріобрѣтали могущественныхъ союзниковъ и даже заключали съ ними формальные договоры. Разъ сословія дали свое согласіе на веденіе войны, то этимъ самымъ онѣ обязались принимать въ ней участіе, какъ деньгами, такъ и своими людьми. Между тѣмъ, слѣдующій разсказъ можетъ служить характеристикой могущества членовъ сейма, игнорировать которыхъ было бы въ высшей степени неполитично со стороны государей. Въ 1406 г. венгерскій король Сигизмундъ былъ готовъ съ огромнымъ войскомъ вторгнуться въ предѣлы Австріи, когда къ нему явилось посольство отъ австрійскаго герцога Вильгельма, чтобы уладить споръ между Австріей и Венгріей. Въ составъ посольства вошли депутаты четырехъ сословій австрійскаго сейма. Сигизмундъ принялъ ихъ крайне сухо

---

[1]) Kampe, s. 64.
[2]) Lerchenfeld, s. CCCXCVII; Unger, II b. s. 337.
[3]) Unger, II b. s. 338 u. and.
[4]) Mülverstedt, s. 144.
[5]) Unger, II b. s. 331; Mulverstedt, s. 152; Kampe, s. 66; Neumann, s. 133.
[6]) Freiberg, I b. s. 595.

и, не смотря на ихъ старанія предотвратить войну, стоялъ на своемъ и былъ далекъ отъ заключенія мира. Тогда одинъ изъ членовъ посольства Рейнпрехтъ фонъ Вальзе, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ Сигизмунда и раздраженный холодностью его пріема, рѣзко сказалъ ему: «Не думайте, что герцогъ Вильгельмъ послалъ насъ сюда хлопотать о мирѣ, потому что онъ не готовъ къ войнѣ. Онъ сдѣлалъ это только для того, чтобы избавить многихъ ни въ чемъ неповинныхъ отъ ужасовъ войны. Если же вы такъ хотите войны, то слушайте же: я одинъ въ состояніи въ продолженіи цѣлаго года содержать тысячу хорошо вооруженныхъ всадниковъ, что и сдѣлаю. Вполнѣ убѣжденъ, что мои сотоварищи, которые гораздо богаче меня, сдѣлаютъ тоже самое». Послѣ этого, посольство удалилось. Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Сигизмунда и онъ рѣшилъ заключить миръ съ Австріей [1]).—Заключеніе мира, союзовъ и договоровъ съ иностранными государствами также не могло состояться безъ санкціи сейма. «Мы никогда не заключимъ никакого союза иначе, какъ съ согласія нашихъ сословій», говорилъ одинъ бранденбургскій маркграфъ въ законѣ 1540 г. [2]). «Мы никогда не должны заключать мира или какого бы то ни было договора, безъ согласія нашихъ сословій», говорили баварскіе герцоги въ законѣ 1324 г. [3]). и т. п.

Церковныя дѣла только отчасти входили въ составъ компетенціи органовъ сословнаго представительства, такъ какъ завѣдываніе ими находилось въ рукахъ особыхъ духовныхъ соборовъ и синодовъ. Но изрѣдка и сословія принимали участіе въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ. Такъ, духовная юрисдикція не разъ была предметомъ обсужденія со стороны сеймовъ. Напримѣръ, на бранденбургскомъ сеймѣ 1445 г. было подано много жалобъ на захватъ со стороны духовныхъ судовъ не принадлежащей имъ власти и на незаконное рѣшеніе ими дѣлъ, подвѣдомственныхъ свѣтскимъ судамъ. Реформація также повлекла за собой вмѣшательство сеймовъ въ церковныя дѣла. Напримѣръ, управленіе секуляризованными имуществами монастырей и церквей сдѣлалось новой функціей сословныхъ собраній. Вообще, со введеніемъ реформаціи надзоръ за церковнымъ управленіемъ сталъ принадлежать государю и сейму, чего не было въ періодъ католицизма, ревностно охранявшаго свою свободу отъ посягательства со стороны свѣтской власти [4]).

Военныя дѣла также были составной частью компетенціи сейма. Въ разсматриваемое столѣтіе во всѣхъ германскихъ государствахъ существовали уже наемныя войска (geworbene Truppen, Söldner),

[1]) Unger, II b. s. 335.
[2]) Mülverstedt, s. 157.
[3]) Unger, II b. s. 332.
[4]) Mülverstedt, s. 136; Unger, II b. s. 360.

составлявшія, такъ сказать, главный кадръ арміи и оттѣснившія на задній планъ прежнюю земскую милицію [1]) (Landesmiliz), непригодную для условій новаго времени. Наемныя войска набирались на опредѣленный срокъ и въ опредѣленномъ количествѣ. Опредѣленіе, какъ того, такъ и другаго зависѣло отъ сейма, отпускавшаго извѣстную сумму на содержаніе войска (Contribution). Отсюда понятно, въ какой зависимости отъ земскихъ чиновъ находился государь [2]). Неудивительно, послѣ этого, что сеймъ вмѣшивался въ такія дѣла по военному управленію, какъ организація войска, избраніе главнокомандующаго и офицеровъ, назначеніе жалованья солдатамъ, распредѣленіе и расквартированіе войскъ въ странѣ, сооруженіе крѣпостей и т. п. Въ особенности дорожили сословія привилегіей, по которой государь, безъ согласія сейма, не имѣлъ права воздвигать новыя крѣпости или вооружать старыя [3]). Однако, съ учрежденіемъ постоянной арміи, что было вызвано главнымъ образомъ событіями тридцатилѣтней войны и съ установленіемъ постоянной подати на содержаніе арміи, дѣла значительно измѣнились и сеймъ не только пересталъ рѣшать вопросы по военному управленію, но и самъ вскорѣ пересталъ существовать.

На ряду съ другими функціями сейму были присущи также и *полицейскія*. Наблюденіе за доброкачественностью монеты было одной изъ важныхъ функцій органовъ сословнаго представительства, которой послѣдніе въ особенности дорожили. Дѣло въ томъ, что порча монеты была хроническимъ недугомъ, которымъ страдали всѣ правительства XIV, XV и XVI ст., далеко неразборчивыя насчетъ средствъ наживы и пріобрѣтенія ресурсовъ для жизни. Нечего и говорить, какъ должно было страдать народное благосостояніе отъ такихъ экспериментовъ надъ монетой. Земскіе чины энергично протестовали противъ подобнаго источника доходовъ и наконецъ вездѣ пріобрѣли себѣ право, по которому всѣ законы и распоряженія, касающіеся монеты должны были быть санкціонируемы сеймомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. въ Баваріи даже все управленіе монетой было изъято изъ рукъ государя и передано въ вѣдѣніе сейма [4]). — Что касается до другихъ полицейскихъ

---

[1]) Способъ организаціи земской милиціи былъ слѣдующій. Каждый дворянинъ въ сопровожденіи опредѣленнаго числа своихъ вассаловъ и крѣпостныхъ (Untersassen) долженъ былъ являться на войну. Впослѣдствіи, личное появленіе дворянъ было замѣнено выставкой съ каждаго имѣнія извѣстнаго контингента вооруженныхъ людей для конницы. Города же, монастыри и домены должны были выставлять опредѣленное число пѣхоты.

[2]) Ohne den Rath der Stände fortan keine Söldner von den Markgrafen geworben werden sollen“, гласитъ постановленіе бранденбургскаго сейма 1349.

[3]) Mülverstedt, s. 266.

[4]) Unger, II b. s. 315; Mülverstedt, s. 245.

функцій, то ихъ было весьма много. Торговая полиція, мѣры относительно промышленности и путей сообщенія, какъ сухопутныхъ, такъ и водяныхъ, попеченіе о бѣдныхъ, преслѣдованіе роскоши, заботы о мѣрахъ и вѣсахъ, предписанія касательно охоты и рыбной ловли, охраненіе лѣсовъ отъ истребленія, санитарная полиція, народное образованіе и т. п. все входило въ составъ сеймовой компетенціи и было подвѣдомственно органамъ сословнаго представительства, дѣйствовавшимъ въ данномъ случаѣ черезъ свои комитеты [1]).

Отношенія земскихъ чиновъ къ Германской имперіи были слѣдующія. Имперскіе законы и предписанія, изданные рейхстагомъ, считались обязательными на всемъ пространствѣ имперіи и мѣстные сеймы не имѣли никакого права требовать ихъ санкціи съ своей стороны. Сеймы должны были созываться для разрѣшенія вопросовъ по ихъ исполненію и осуществленію на практикѣ. Что касается доимперскихъ налоговъ, то на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго въ законѣ, но, какъ мы видимъ изъ исторіи, сеймы сохранили право вотированія налоговъ, хотя уже и вотированныхъ рейхстагомъ. Съ другой стороны существовало воззрѣніе, собственно отрицавшее это право, такъ какъ къ сейму, отвергнувшему налогъ примѣнялась экзекуція. Такимъ образомъ, выходило, что сеймы имѣли право только утверждать имперскіе налоги, отвергать же ихъ имъ не дозволялось. Нечего и говорить, что все зависѣло отъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ находилась та или другая сторона. Была сильна имперская власть—и мѣстные сеймы утверждали налоги, была слаба первая—и послѣдніе съ успѣхомъ ей оппонировали [2]). Когда въ 1497 г. имперскій сеймъ вотировалъ налогъ подъ названіемъ «gemeiner Pfennig», то было рѣшено внести его еще для вотированія въ мѣстные сеймы. Многіе изъ нихъ санкціонировали налогъ, хотя было также не мало и такихъ, которые его отвергли. Въ числѣ послѣднихъ находился и баварскій сеймъ и, не смотря на всѣ доводы герцога и даже самого императора, остался при своемъ рѣшеніи и не подчинился постановленію имперской власти. Тогда рейхстагъ постановилъ принять мѣры для наказанія «непокорныхъ» сословій и для приведенія ихъ въ «послушаніе». Однако, мѣры эти не были приведены въ исполненіе, такъ какъ «непокорныя» сословія въ 1500 году вотировали названный налогъ [3]).

Самымъ важнымъ изъ всѣхъ правъ, присущихъ земскимъ чинамъ было право *вотированія налоговъ*. На этомъ правѣ зиждились всѣ остальныя права и, благодаря ему, земскіе чины достигли та-

---

[1]) Mülverstedt, s. 250—265.

[2]) Mülverstedt, s. 160.

[3]) Unger, II b. s. 382.

кого большаго значенія въ разсматриваемое столѣтіе. Идея налога и подати, обязательныхъ для гражданъ и существующихъ для удовлетворенія нуждъ и потребностей государства не существовала въ описываемое время. Нормальнымъ источникомъ доходовъ, шедшихъ на государственныя нужды считалось частное (доменіальное) имущество государя и, такъ называемыя, регаліи, напр. пошлины и т. п. И только въ экстренныхъ случаяхъ жители облагались какимъ нибудь налогомъ, вотированнымъ ими. Мало по малу, съ развитіемъ государственныхъ потребностей и съ оскудѣніемъ частнаго имущества государей, послѣднимъ приходилось обращаться все чаще и чаще за помощію къ сословіямъ, что̀ и служило постояннымъ предлогомъ къ созванію сеймовъ. Послѣдніе давали деньги, но, взамѣнъ того, требовали себѣ новыя привилегія, обходившіяся государямъ не дешево. Государи вынуждены были соглашаться на подобныя сдѣлки, лишь бы получить нужныя субсидіи и выйдти изъ стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, создавалось могущество сословій и ихъ участіе въ государственномъ управленіи.

Въ разсматриваемое столѣтіе подати и налоги, вотировавшіеся сеймами были двухъ родовъ: необходимые (nothwendige) и добровольные (freiwillige). Что касается до первыхъ, то они испрашивались въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ въ законахъ и хартіяхъ свободы (Freicheitsbriefe) и сословія не имѣли права ихъ отвергать. Онѣ могли только разрѣшать вопросъ о количествѣ суммы и о способахъ ея собранія. Слѣдуетъ ли вообще давать эту сумму или нѣтъ—подобный вопросъ не подлежалъ разрѣшенію со стороны сейма. Иначе было съ добровольными налогами. Здѣсь разрѣшеніе вышеназваннаго вопроса играло самую видную роль и отъ воли сейма вполнѣ зависѣло отвергнуть просьбу правительства или нѣтъ. Слѣдующіе случаи служили поводами къ испрашиванію необходимыхъ субсидій. Во-первыхъ, имперскіе налоги. Сюда относились: «gemeiner Pfennig», учрежденный впервые для борьбы съ гусситами, а затѣмъ, подъ названіемъ «Türkensteur», вотировавшійся на каждомъ имперскомъ сеймѣ для борьбы съ турками, сдѣлавшимися въ это время (послѣ взятія Константинополя) крайне опасными для всей Европы. Рядомъ съ «Türkensteur» существовали «Römermonate и Kammerzieler». Первые для содержанія имперской арміи (Reichscontingent), вторые для содержанія имперскаго суда (Reichscammergericht). Затѣмъ «Reichs» и «Kreisgesandschaftskosten»—для содержанія имперскихъ посольствъ и т. п. Эти подати, вотировавшіеся на имперскомъ сеймѣ, должны были вотироваться еще и на мѣстныхъ сеймахъ, не имѣвшихъ права ихъ отвергать. Впрочемъ, мы видѣли выше, что на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго и что мѣстные сеймы, чувствуя въ своихъ рукахъ силу, не разъ отвергали и эти подати. Во-вторыхъ, въ случаѣ плѣна госу-

даря, вотировался особый налогъ для его выкупа. Въ-третьихъ, въ случаѣ войны и въ-четвертыхъ, при посвященіи въ рыцари старшаго сына государя или при выходѣ замужъ его дочери (Prinzessinsteuer). Этими четырьмя случаями исчерпывались поводы къ наложенію необходимыхъ податей, отказать въ которыхъ сеймъ не имѣлъ права. Перечислять поводы добровольныхъ налоговъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ здѣсь все зависѣло отъ усмотрѣнія сословій. Однимъ изъ главныхъ поводовъ были долги государя, очень часто принимаемые на себя сословіями, конечно, за соотвѣтствующее вознагражденіе въ смыслѣ вольностей и привилегій.—Послѣ вотированія каждаго добровольнаго налога, сословія всегда заявляли, что онѣ вотируютъ его не по обязанности, а по доброй волѣ и любви къ государю («non ex necessitate alicujus obligationis, sed de mera liberalitate», «nicht aus Plicht, sondern aus Liebe und Treue»). Подобныя заявленія государь долженъ былъ санкціонировать, равно какъ и обѣщать, что вотированіе каждаго добровольнаго налога не можетъ служить прецедентомъ для будущаго.

Что касается до того, кто долженъ платить подати и какимъ образомъ, гдѣ должны храниться вырученныя деньги и какъ расходоваться—все это разрѣшалось исключительно однимъ сеймомъ, безъ всякаго участія со стороны государя.

Первое условіе для дѣйствительности всякаго налога было согласіе платившихъ его. Вслѣдствіе чего, въ эпоху существованія рыцарскихъ сеймовъ и въ первый періодъ существованія сословныхъ собраній платили только тѣ, которые изъявляли на это свое согласіе. Вотъ причина, почему вопросы о налогахъ и податяхъ не могли разрѣшаться большинствомъ голосовъ. «Wer nicht mit Räth, der nicht mit Thät», говорили нѣмцы XIV столѣтія, что было вполнѣ тождественно съ французскимъ: «qui paye escot, est à asseoir». Въ XV столѣтіи денежные вопросы разрѣшались уже большинствомъ голосовъ каждой куріи, причемъ большинство куріатскихъ голосовъ не имѣло никакого значенія (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ), такъ какъ каждая курія вотировала налоги только за себя и не могла быть связана въ этомъ другими.

Кто же платилъ налоги? Духовенство и дворянство были свободны отъ нихъ на основаніи своихъ привилегій (по крайней мѣрѣ, въ теоріи). Если на практикѣ оба высшихъ сословія часто и облагались податями, то это считалось исключеніемъ, а не правиломъ. Но если духовенство и дворянство были свободны отъ наложенія разныхъ денежныхъ сборовъ, то изъ этого еще не слѣдовало, что ихъ «Untersassen» т. е. вассалы и крѣпостные были также свободны отъ нихъ. Напротивъ, все бремя налоговъ падало на нихъ, хотя они, какъ несвободные, не имѣли права голоса въ ихъ установленіи. Третье сословіе никогда не пользова-

лось свободой отъ податей; если и были здѣсь исключенія, то онѣ распространялись на отдѣльные города и впослѣдствіи вездѣ были уничтожены. Введеніе косвенныхъ налоговъ естественно уничтожало пресловутую «Steuerfreiheit» (свободу отъ податей), такъ какъ распространилось одинаково на всѣ сословія и уравняло ихъ въ этомъ отношеніи. Привилегированныя сословія, вотируя косвенныя налоги, и не воображали, что дѣйствуютъ вопреки тому принципу, за отстаиваніе котораго они готовы были ежеминутно браться за оружіе [1]).

Кто же собиралъ подати? Въ первое время собирали сами сословія. Каждый дворянинъ, каждое духовное лицо, каждый городъ собирали сами и такимъ образомъ собранныя деньги вручали государю. Впослѣдствіи сборъ денегъ перешелъ въ руки особыхъ правительственныхъ чиновниковъ, а съ увеличеніемъ власти сословій и съ принятіемъ ими долговъ государя на себя, все финансовое управленіе государства перешло исключительно въ вѣденіе сейма. Послѣдній выбиралъ особыхъ сборщиковъ податей, знавшихъ только его и неимѣвшихъ никакихъ отношеній къ правительству. Собранныя деньги хранились въ особой сеймовой казнѣ, бывшей въ тоже время и государственной и управлявшейся самимъ сеймомъ черезъ избранныхъ имъ чиновниковъ (Schatzcollegien, во главѣ которыхъ стоялъ Landrentmeister) [2]). Подобная казна или касса (Landkasse, Landsteuercasse) существовала въ разсматриваемое столѣтіе во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и была, такъ сказать, выраженіемъ могущества органовъ сословнаго представительства. Деньги, собранныя сборщиками податей, сдавались въ казну и затѣмъ оттуда уже или выдавались съ разрѣшенія сейма на руки государя или же тратились самимъ сеймомъ. Государь обязанъ былъ употреблять полученныя деньги на тотъ предметъ, на который просилъ и сеймъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ деньги дѣйствительно были употреблены на то, на что онъ далъ свое согласіе. Такимъ образомъ, въ денежномъ отношеніи, государь вполнѣ зависѣлъ отъ сейма, а завися отъ него въ этомъ, онъ зависѣлъ отъ него во всемъ [3]).

Разсмотрѣвъ компетенцію сословныхъ сеймовъ, мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ значеніи, какое было присуще имъ въ сферѣ государственнаго управленія. Съ одной стороны, сеймъ

---

[1]) Первый косвенный налогъ былъ введенъ въ Германіи (для Богеміи) чешскимъ королемъ Іоанномъ въ 1336 г., а именно налогъ на соль.

[2]) Впрочемъ, во многихъ государствахъ государь также участвовалъ вмѣстѣ съ сеймомъ въ выборѣ этихъ чиновниковъ.

[3]) Unger, II b. s. 386—426; Mülverstedt, s. 183—240; Neumann, s. 123—128; Kampe, s. 50—62; Hegel, s. 107—112; Lerchenfeld, s. CCCCV—CCCCXII; O. Gierke, I b. s. 569—571.

являлся совѣщательнымъ учрежденіемъ, съ другой — ограничительнымъ. И то и другое было признано за нимъ не только de facto, но и de jure. Владѣя же денежными средствами страны, сеймъ представлялъ такую силу, съ которой трудно было бороться государямъ и они поневолѣ въ разсматриваемое столѣтіе вполнѣ находились въ рукахъ органовъ сословнаго представительства и были, такъ сказать, въ подъопечномъ положеніи у послѣднихъ.

Какими же *средствами* обладалъ сеймъ, чтобъ въ случаѣ нужды защищать свои привилегіи и внушить уваженіе къ своимъ правамъ? Средства эти были слѣдующія. Во-первыхъ, право на *подтвержденіе хартій свободы* (Freicheitsbriefe), дававшихся государями и подтверждавшихся ими при каждомъ новомъ вступленіи на престолъ. Хартіи эти вынуждались у государей за снабженіе послѣднихъ денежными субсидіями. Это были своего рода конституціи, регулировавшія отношенія представителя верховной власти къ сословнымъ представителямъ. Сфера компетенціи того и другихъ разграничивалась въ хартіяхъ (по крайней мѣрѣ, къ этому стремились сословія), причемъ, съ изданіемъ каждой новой хартіи, сфера вторыхъ расширялась на счетъ сферы перваго. Хартіи давались или всей странѣ или каждому сословію въ отдѣльности (иногда даже отдѣльнымъ членамъ сословій, напр. монастырямъ, городамъ и т. п.). Въ хартіяхъ нерѣдко предусматривались также и средства, при помощи которыхъ сословія могли отстаивать свои права, въ случаѣ нарушенія ихъ кѣмъ бы то ни было.

Во-вторыхъ, право *союзовъ* (Unionsrecht) и право *вооруженнаго сопротивленія* (Widerstandsrecht). Подобные союзы встрѣчались очень рано, сперва между членами отдѣльныхъ сословій, а затѣмъ и между отдѣльными сословіями. Въ основу этихъ союзовъ клалась клятва въ обоюдной защитѣ всѣхъ членовъ союза противъ всякаго, кто покусился бы нарушить свободу и право лицъ, вошедшихъ въ союзъ. Первоначально подобные союзы имѣли въ виду исключительно однихъ государей, но когда послѣдніе, желая отпарировать направленный противъ нихъ ударъ, сами вошли въ составъ союзовъ и стали во главѣ ихъ, то союзы превратились въ одно изъ средствъ для защиты сословныхъ вольностей противъ всякаго, имѣвшаго въ виду ихъ нарушеніе. Такіе факты считались вполнѣ нормальнымъ средствомъ для возстановленія нарушеннаго права и не признавались за бунты и мятежи. Они существовали повсемѣстно въ Европѣ, а не исключительно только въ Германіи. Стоитъ вспомнить знаменитую борьбу союза англійскихъ бароновъ и города Лондона противъ короля Іоанна Безземельнаго, имѣвшую въ результатѣ изданіе Великой хартіи вольностей 1215 г. и подобную же борьбу союза венгерскихъ магнатовъ и дворянъ противъ короля Андрея II-го, повлекшую за собой изданіе Золотой буллы 1222 г., чтобъ убѣдиться въ истинности нашихъ словъ. Характеристичны также

слова, произносившіяся по адресу государя верховнымъ судьею отъ имени арагонскихъ кортесовъ при каждомъ вступленіи на престолъ новаго короля. «Мы, говорили кортесы, которые значимъ столько же, сколько и вы и которые гораздо могущественнѣе васъ, дѣлаемъ васъ нашимъ королемъ и господиномъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы охраняли наши права. Если нѣтъ—то нѣтъ!» («Si no-no!»).—Союзы заключились между всѣми сословіями и ихъ обязанностью было стоять другъ за друга; благородство и неблагородство происхожденія въ данномъ случаѣ не принималось въ разсчетъ. Изъ исторіи извѣстно, что очень часто дворянство и третье сословіе, позабывъ свой антагонизмъ, шли рука объ-руку другъ съ другомъ, защищая свои привилегіи противъ посягательствъ со стороны государей. Приведемъ слѣдующій разсказъ. Люнебургскій герцогъ Магнусъ находился въ ссорѣ съ городомъ Люнебургомъ. Ему захотѣлось отмстить городу и онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Якобы для переговоровъ, онъ просилъ пріѣхать къ себѣ нѣсколькихъ членовъ городскаго совѣта и, когда тѣ, повѣривъ герцогу, явились къ нему, то послѣдній велѣлъ ихъ схватить и казнить. Въ этотъ моментъ выступило нѣсколько рыцарей, которые заявили, что они поручились горожанамъ за сохраненіе ихъ жизни и свободы, а такъ какъ то и другое теперь нарушается, то они желаютъ также умереть вмѣстѣ съ съ ними. Это заявленіе подѣйствовало на герцога и онъ велѣлъ отпустить горожанъ.

Въ-третьихъ, право на *третейское разбирательство*. Вслѣдствіе неудобства вооруженнаго сопротивленія, оно было со временемъ замѣнено третейскимъ судомъ. Государь и сословія избирали какое нибудь третье лицо или учрежденіе, которое и рѣшало ихъ споръ. Вскорѣ третейскій судъ превратился въ особое учрежденіе при сеймѣ, въ составъ котораго избирались члены сейма. Учрежденіе, подобное извѣстному комитету 25 бароновъ, установленному англійской Великой хартіей для наблюденія за исполненіемъ послѣдней, существовало повсемѣстно въ Германіи и выполняло функціи третейскаго суда, разбирая столкновенія между государями и сеймами.

Въ-четвертыхъ, право *петицій* (Petitionsrecht). Мы видѣли уже, что на каждомъ сеймѣ сословія подавали петиціи, въ которыхъ высказывали свои нужды и просили государя объ ихъ удовлетвореніи. Въ этихъ же петиціяхъ излагались жалобы на дурное управленіе и на нарушеніе правъ и привилегій, если послѣднія имѣли мѣсто. Правомъ петицій сословія умѣли очень хорошо пользоваться, такъ какъ до удовлетворенія послѣднихъ, онѣ отказывались вотировать налоги, вслѣдствіе чего государи вынуждены были выслушивать ихъ просьбы и, по возможности, ихъ удовлетворять [1]).

[1]) Unger, II b. s. 240—272; Mülverstedt, s. 282—287; Neumann, s. 116 und 136.

Взаключеніе скажемъ нѣсколько словъ о паденіи собраній земскихъ чиновъ. Въ XVII столѣтіи начинается ихъ паденіе, въ XVIII-мъ же въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ сословные сеймы прекращаютъ свое существованіе. Остаются они вплоть до XIX-го ст. только въ Мекленбургѣ, Вюртембергѣ, Брауншвейгѣ-Люнебургѣ и др. небольшихъ государствахъ, Во всѣхъ же большихъ государствахъ (Пруссіи, Баваріи, Австріи, Богеміи и др.) они или формально отмѣняются или настолько игнорируются, что ни разу не созываются [1]). Вездѣ начинаетъ господствовать абсолютизмъ государей, не терпящій никакихъ сословныхъ вольностей и подавляющій всякое проявленіе свободы. «Мы—господинъ и король, говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ I, и можемъ дѣлать все, что хотимъ». Привилегіи же сословій съ точки зрѣнія этого короля были ничѣмъ инымъ, какъ «старыми и давно забытыми вещами» («alte und längst vergessene Dinge») [2]).

Какія же причины повлекли за собой такую перемѣну? Какимъ образомъ король, находившійся въ полнѣйшей зависимости отъ сейма, могъ уничтожить послѣдній и превратиться въ неограниченнаго государя? Причинъ было нѣсколько. Одной изъ самыхъ главныхъ, если не самой главной, былъ результатъ тридцатилѣтней войны, выразившійся въ установленіи постоянной арміи и постояннаго налога на ея содержаніе. До этой войны, какъ извѣстно, постоянныхъ войскъ не было, войска же набирались на время, причемъ вопросы, слѣдуетъ ли набирать войска и на какой срокъ, разрѣшались сеймомъ, такъ какъ послѣдній вотировалъ особый налогъ (Contribution) на содержаніе арміи. Правда, налогъ этотъ относился къ категоріи необходимыхъ и, слѣдовательно, сеймъ не могъ въ немъ отказать государю, но у перваго были весьма важныя средства для обузданія воинственныхъ замысловъ втораго — размѣръ денежной суммы опредѣлялся сеймомъ, хранилась она въ его кассѣ и наконецъ, война не могла быть объявлена безъ согласія сословій. Все это дѣлало то, что армія зависѣла отъ сейма, вмѣшивавшагося даже во всѣ мелочи по ея управленію. 30-ти лѣтняя война произвела въ данномъ случаѣ крупный переворотъ. Страшный бичъ, постигшій Германію, потребовалъ содержанія громадныхъ армій и не на время только, а постоянно, такъ какъ войнѣ не предвидѣлось конца, вслѣдствіе принятія ею общеевропейскаго характера. Сеймы изъ чувства самохраненія должны были вотировать громадныя суммы на содержаніе войскъ и этимъ, конечно, дѣйствовать въ ущербъ своимъ интересамъ. Но этотъ ущербъ могъ сказаться только впослѣдствіи, теперь же, на глазахъ непріятеля и въ виду вторженія его въ страну нельзя было разсуждать о томъ, что будетъ со вре-

---

[1]) O. Gierke, I b. s. 802.

[2]) Lancizolle, Ueber Königthum und Landstände in Preussen (1846), s. 13.

менемъ съ сословными вольностями, разовьются ли онѣ еще болѣе или падутъ, а нужно было дѣйствовать, чтобъ не быть захваченными врасплохъ и не подвергнуться всѣмъ ужасамъ войны... Извѣстно, что представляла собой Германія, послѣ заключенія Вестфальскаго мира? Картину всеобщаго раззоренія и обнищанія, равно присущаго всѣмъ сословіямъ, всѣмъ классамъ общества! Этимъ «нищимъ», лишеннымъ своего имущества, а, слѣдовательно, и своей власти, сословіямъ противостояли государи, опиравшіеся на закаленныя въ бояхъ арміи, знавшія только ихъ однихъ. Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей постоянная армія стала продолжать свое существованіе и поглощать изрядное количество денегъ, для полученія которыхъ теперь уже не требовалось согласіе сейма. Наконецъ, распущеніе арміи было фактически невозможно, такъ какъ во всей Европѣ завелись постоянныя войска и то государство, которое поступило бы такимъ образомъ, совершило бы ничто иное, какъ актъ самоубійства и отреченія отъ своей независимости. Такимъ образомъ, сеймамъ ничего не оставалось, какъ признать совершившійся фактъ и установить постоянный налогъ на содержаніе арміи [1]). Этотъ результатъ тридцатилѣтней войны былъ страшнымъ ударомъ для сословныхъ вольностей и нанесъ имъ смертельный ударъ. Теперь государи были не только независимы, но даже могущественны, такъ какъ опирались на реальную силу, которой всегда могли воспользоваться въ случаѣ своего столкновенія съ сеймами, значительно обезсиленными, вслѣдствіе подобной перемѣны. Но кромѣ реальной силы, въ рукахъ государей была и интеллектуальная—это вліяніе сперва римскаго права, адепты котораго пріютились при дворахъ государей [2]), а затѣмъ новыхъ политическихъ ученій—теоріи божественнаго права и просвѣщеннаго деспотизма, распространившихся въ XVII ст. по всей Европѣ. Нечего и говорить, что примѣръ Франціи, гдѣ въ управленіи Ришелье, Людовика XIII, Мазарини и Людовика XIV окончательно установилась абсолютная форма правленія, долженъ былъ крайне влiять на положеніе дѣлъ въ Германіи [3]) и побуждать государей послѣдней къ энергической борьбѣ съ вольностями сословій, «этими устарѣлыми и давно забытыми вещами». Дѣйствительно, государи энергично вступили въ эту борьбу, но надо отдать справедливость и сословіямъ: онѣ защищались до послѣдней капли крови и единодушно отстаивали свою свободу. Если онѣ погибли, то погибли не такъ безславно, какъ французскіе генеральные штаты, занимаясь своими дрязгами

---

[1]) Mülverstedt, s. 266—282.

[2]) Unger, II b. s. 193.

[3]) Lancizolle, Ueber Königthum und Landstände in Preussen s. 11 und 17. Lancizolle, Rechtsquellen für die gegenwärtige landständische Verfassung in Preussen (1847), s. XVIII—XXXVI.

и междоусобіями. Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, напр. въ Восточной Пруссіи сословія сами во многомъ виноваты, что лишились власти и пали, такъ какъ тоже занимались враждою другъ съ другомъ, чѣмъ и воспользовались государи для уничтоженія ихъ привилегій [1]), но въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ подобнаго явленія не существовало. Напротивъ, сословія дружно стояли другъ за друга и, ссылаясь на свои вольности, закрѣпленныя исторіей, долго выдерживали нападеніе государей. Приведемъ примѣръ изъ перепетій вышеназванной борьбы. Въ 1723 г. сословія Восточной Фрисландіи, вслѣдствіе изданія распоряженій императора, крайне благопріятствующихъ ихъ князю,. собрались противъ воли послѣдняго на сеймъ. заключили союзъ между собой и постановили тайныя рѣшенія, направленныя противъ князя. Тогда, по просьбѣ послѣдняго, императоръ издалъ декретъ, уничтожающій сеймовое постановленіе, какъ незаконное и воспрещающій всякіе союзы сословій между собой. Сеймъ отвѣтилъ постановленіемъ, въ которомъ призналъ за собой право заключенія союзовъ, безъ согласія князя. Тогда императоръ издалъ патентъ, направленный противъ сейма и назначилъ особую коммиссію для разбора всего дѣла. Въ эту коммиссію сеймъ подалъ пространную ремонстрацію, въ которой доказывалъ на основаніи историческихъ фактовъ и мнѣній ученыхъ правильность своихъ дѣйствій, основывавшихся на древнихъ правахъ и привилегіяхъ [2]). Но времена были уже не тѣ. «Устарѣлыя и давно забытыя вещи» не могли воскреснуть и ссылка на архивные документы не имѣла никакого значенія. Органы сословнаго представительства должны были пасть, такъ какъ не соотвѣтствовали измѣнившимся условіямъ времени и были безсильны въ борьбѣ съ государями, вооруженными и теоріями юристовъ и арміями солдатъ.

Франція.

Въ *составъ* французскихъ генеральныхъ штатовъ (états généraux) входили три сословія: духовенство, дворянство и третье сословіе (tiers-état). Но прежде, чѣмъ говорить о каждомъ сословіи въ отдѣльности, необходимо имѣть въ виду, что исторія французскихъ земскихъ чиновъ раздѣляется на два періода, въ которыхъ составъ и организація генеральныхъ штатовъ далеко не были одними и тѣми же. На рубежѣ этихъ періодовъ находится 1483 годъ. До этого года генеральные штаты мало чѣмъ отличались отъ прежнихъ собраній королевскихъ вассаловъ, имѣвшихъ мѣсто при Людовикѣ IX, Филиппѣ II и др. Единственное различіе, существовавшее между

---

[1]) Voigt, Darstellung der ständischen Verhältnisse Ost—Preussens, s. 14.
[2]) O. Gierke, I b. s. 808.

ними было участіе представителей городовъ, призывавшихся на генеральные штаты. Но вѣдь и Людовикъ IX призывалъ горожанъ на свои собранія! Послѣ же 1483 года, генеральные штаты значительно измѣнили свою физіономію и стали во многомъ отличаться отъ прежнихъ собраній. Въ чемъ заключается это различіе, будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Первымъ сословіемъ считалось *духовенство*. До 1483 года на генеральные штаты призывались только одни высшіе духовные чины: архіепископы, епископы, аббаты и другіе прелаты, а также деканы, капитулы и монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Низшее же духовенство на собраніяхъ не участвовало. Это объясняется тѣмъ, что высшіе чины были королевскими вассалами и въ качествѣ ленныхъ владѣльцевъ, обладавшихъ «temporel et justice», должны были принимать участіе въ собраніяхъ. Низшее же духовенство, не обладая ленами, не могло входить въ составъ собраній земскихъ чиновъ [1]). Такимъ образомъ, участіе духовенства на генеральныхъ штатахъ было поголовнымъ, а не черезъ представителей. Хотя личное присутствіе духовныхъ чиновъ было обязательнымъ, но имъ позволялось посылать взамѣнъ себя замѣстителей (procureurs), которыми могли быть и простые священники. Эти замѣстители или делегаты назначались слѣдующимъ образомъ. Архіепископы и епископы назначали ихъ или сами или по совѣщанію съ каѳедральными капитулами. Что касается до аббатовъ, то они также пользовались правомъ или самимъ назначать делегата или предоставить монастырю избрать его [2]). Такой порядокъ вещей продолжался до 1483 года. Съ этого времени поголовное участіе духовенства замѣнилось участіемъ черезъ представителей, причемъ къ ихъ избранію было привлечено и все низшее духовенство. Выборы происходили по бальяжамъ, а не по церковнымъ дистриктамъ. Высшее духовенство протестовало противъ подобной реформы и на генеральныхъ штатахъ 1483 г. (въ Турѣ) прелаты заявили претензію считаться членами собранія ex officio, а не по выбору, но на эту претензію не было обращено никакого вниманія [3]).

Вторымъ сословіемъ было *дворянство*. До 1483 г. оно также засѣдало поголовно, такъ какъ на собранія призывались только его высшіе слои, а именно перы, герцоги, графы, бароны и лица, занимавшія высшія государственныя должности. Въ виду того, что дворяне являлись въ качествѣ ленныхъ владѣльцевъ, а не по своему

[1]) Thibaudeau, Histoire des états généraux, t. I, p. 279; Bavelier, Essai historique sur le droit d'éléction et sur les anciennes assemblées représentatives de la France, p. 91; Hervieu, Recherches sur les premiers états généraux, p. 4.

[2]) Hervieu, p. 26.

[3]) Thibaudeau, p. 285; Boullée, Histoire des états généraux, t. II, p. 320; Rathery, Histoire des états généraux de France p. 335; Bavelier, p. 92.

личному праву, женщины и дѣти, обладавшія бенефиціями также считались членами собраній, хотя, конечно, лично на нихъ не присутствовали, а посылали взамѣнъ себя делегатовъ. Остальные дворяне также пользовались этимъ правомъ, причемъ, нужно замѣтить, что делегатами могли быть и лица недворянскаго происхожденія [1]). Съ 1483 г. дворянство стало посылать на собранія представителей, причемъ, какъ высшіе, такъ и низшіе члены этого сословія пользовались въ данномъ случаѣ равными правами [2]). Выборы также происходили по бальяжамъ.

Третьимъ сословіемъ были *представители городовъ*. До 1483 г. въ составъ собраній земскихъ чиновъ входили только представители, такъ называемыхъ, «bonnes villes», т. е. городовъ, получившихъ хартіи, обезпечивавшія за ними полную независимость отъ феодальныхъ сеньёровъ и автономію въ своихъ внутреннихъ (а иногда и во внѣшнихъ) дѣлахъ [3]). Такими «bonnes villes» были на сѣверѣ Франціи коммуны, а на югѣ муниципіи. Эти города избирали представителей изъ своей среды, въ числѣ которыхъ въ большинствѣ случаевъ бывали городскія власти (меры, скабины, консулы и др.). Нужно замѣтить, что многіе французскіе города пользовались бо́льшими правами при избраніи своихъ депутатовъ, чѣмъ нѣмецкіе, такъ какъ право избранія очень часто принадлежало каждому полноправному члену городской общины, а не одному магистрату, какъ въ Германіи [4]). Среди городскихъ представителей очень часто встрѣчались духовныя лица и дворяне, являвшіеся въ качествѣ депутатовъ третьяго сословія. — Иногда призывались на собранія и представители непривилегированныхъ городовъ (villes insignes), не пользовавшихся такой широкой автономіей, какъ bonnes villes и управлявшихся королевскими или сеньерьяльными прево. Но такіе случаи бывали сравнительно рѣдко [5]).

Съ 1483 г. избирательное право было значительно расширено. Его не только получили всѣ города, но и болѣе значителныя сельскія общины, оставшіяся или сдѣлавшіяся свободными отъ феодальныхъ сеньеровъ. Самые же выборы стали происходить не по городамъ, какъ прежде, но по бальяжамъ [6]). Однако, не смотря на это, въ составъ представителей третьяго сословія входили исключительно буржуа и въ этомъ отношеніи Bonnemère вполнѣ правъ, говоря что крестьяне никогда не участвовали на генеральныхъ штатахъ [7]).

---

[1]) Hervieu, p. 7. Bavelier, p. 90.
[2]) Thibaudeau, t. I, p. 280; Bavelier, p. 91.
[3]) Hervieu, p. 11.
[4]) Bavelier, p. 92.
[5]) Hervieu, p. 11—12.
[6] Thibaudeau, t. II, p. 14; Boullée t. II, p. 234.
[7]) Bonnemère, Histoire des paysans, t. I, p. 196—199.

Среди депутатовъ третьяго сословія засѣдали исключительно лица судебнаго и финансоваго вѣдомства, адвокаты, профессора, врачи, меры и скабины и купцы [1]. Правда, на генеральныхъ штатахъ 1576 и 1593 гг. встрѣчается нѣсколько земледѣльцевъ (laboureurs), но на другихъ собраніяхъ ихъ болѣе не было [2].

Кромѣ вышеназванныхъ трехъ сословій, въ составъ генеральныхъ штатовъ иногда входили представители *парламента* и *университета*. Такъ, въ 1369, 1467, 1483, 1506 и 1558 гг представители парламента являлись членами собраній земскихъ чиновъ [3]. Въ 1558 г. они даже образовали особую палату и засѣдали отдѣльно, а не съ третьимъ сословіемъ, какъ прежде. Эта палата называлась «état de la justice» и занимала мѣсто между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ [4]. Но вообще земскіе чины относились крайне враждебно къ представительству парламента и послѣ 1558 г. послѣдній уже болѣе не посылалъ депутатовъ на собранія. Положеніе университета на генеральныхъ штатахъ также было непрочно и онъ участвовалъ на собраніяхъ всего только четыре раза (въ 1412, 1576, 1588 и 1614 гг.). Представители его засѣдали вмѣстѣ съ духовенствомъ [5].

Въ составъ генеральныхъ штатовъ входили еще лица, засѣдавшія на нихъ не по выбору, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія. Эти лица не пользовались правомъ голоса, но, благодаря своему положенію, могли играть весьма видную роль въ собраніяхъ. Сюда относились королева, принцы крови, перы Франціи, кардиналы, маршалы, лица, занимавшія высшія государственныя и придворныя должности, напр. канцлеръ, члены королевскаго совѣта, президенты парламентовъ и другіе [6].

Обыкновенно каждое сословіе засѣдало отдѣльно, образуя особую палату и только во время торжественныхъ засѣданій сословія сходились вмѣстѣ, хотя и занимали отдѣльныя мѣста въ залѣ. Одно только собраніе генеральныхъ штатовъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, это—извѣстное собраніе въ Турѣ въ 1483 г. На немъ депутаты не засѣдали по сословіямъ, но раздѣлились на

---

[1]) Bavelier, p. 91; D'Avenel, Richelieu et la monarchie absolue, t. I, p. 134.

[2]) Rathery, p. 344; Bavelier, p. 91; D'Avenel, t. I, p. 134. См. также Aug. Thierry, Essai sur l'histoire de la formation et de progrès du tiers-état (appendice II, p. 394), гдѣ приведенъ списокъ депутатовъ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ 1576 г. (въ Блуа).

[3]) Rathery, p. 384; Schäffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs, II b. s. 293.

[4]) Picot, Histoire des états généraux, t. II, p. 3.

[5]) Rathery, p. 346; Schäffner, II b., s. 293.

[6]) Rathery, p. 325; Boullée, t. II, p.231; Warnkönig und Stein, Französische Staats und Rechtsgeschichte, I b. s. 531.

шесть секцій по провинціямъ, причемъ въ составъ каждой секціи вошли представители всѣхъ трехъ сословій. Первую секцію образовали депутаты Парижа и прилегавшихъ къ нему мѣстностей, вторую—депутаты Бургундіи, третью—Нормандіи, четвертую—Гіенны (Guyenne), пятую — Лангдока, Дофинэ и Прованса и шестую — Пуату, Берри, Анжу, Бурбонэ, Оверни и Ліона [1]).

Каждое сословіе избирало своего предсѣдателя [2]), оратора (обязаннаго говорить рѣчи королю и вообще быть посредникомъ между сословіемъ и правительствомъ) и секретарей. Точно также каждое сословіе изготовляло и подавало свою петицію (cahier), составлявшуюся изъ петицій отдѣльныхъ провинцій и т. п. Исключеніе изъ этого вновь составляетъ вышеназванное собраніе 1483 г., когда былъ избранъ *одинъ* предсѣдатель и *одинъ* ораторъ и подана *одна* петиція отъ имени всѣхъ сословій [3]).

Собранія французскихъ земскихъ чиновъ были двухъ родовъ: центральныя (états généraux) и мѣстныя (états particuliers). Первыя, въ свою очередь, дѣлились на собранія сѣверной Франціи (états généraux de la langue d'Oil) и на собранія южной Франціи (états généraux de la langue d'Oc) [4]). Въ 1483 г. подобное дѣленіе болѣе не встрѣчается; весьма возможно, что оно прекратилось еще раньше [5]).

Мѣстныя собранія существовали въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, называвшихся pays d'état, въ отличіе отъ pays d'élection, не имѣвшихъ подобныхъ собраній [6]). На генеральныхъ штатахъ не разъ раздавались голоса о необходимости учрежденія мѣстныхъ собраній *во всѣхъ* французскихъ провинціяхъ, но эти голоса не находили себѣ отклика въ правительствѣ [7]). Провинціальныя собранія стояли въ непосредственномъ отношеніи къ королю и ихъ рѣшенія не нуждались въ санкціи генеральныхъ штатовъ. По своему процессу образованія, составу, организаціи и функціямъ онѣ вполнѣ тожественны съ послѣдними, поэтому спеціально говорить о нихъ мы не будемъ. Единственное различіе, существовавшее между ними заклю-

---

[1]) Picot, t. I, p. 365.

[2]) Предсѣдателемъ третьяго сословія всегда избирался глава парижскаго муниципалитета, такъ называемый, купеческій прево Парижа (prévôt des marchands).

[3]) Picot, t. I, p. 366—367.

[4]) Hervieu, p. 2. И тѣ и другіе въ большинствѣ случаевъ собирались одновременно, хотя засѣдали не только отдѣльно, но даже въ разныхъ городахъ.

[5]) Thibaudeau, t. I, p. 567.

[6]) Warnkönig und Stein, I b. s. 410 u. 534; Schäffner II b. s. 299. Слѣдующія провинціи имѣли свои штаты: Бретань (см. Carné, Les états de Bretagne), Нормандія, Артуа, Пикардія, Бургундія, Франшъ-Контэ, Дофинэ, Провансъ и Лангдокъ.

[7]) Picot, t. IV, p. 203.

чалось въ томъ, что провинціальные штаты были постояннымъ учрежденіемъ и собирались періодически, чего никакъ не могли добиться, не смотря на всѣ свои усилія, генеральные штаты.

Мѣсто засѣданій не было опредѣлено и генеральные штаты созывались въ разныхъ городахъ. Мы видимъ ихъ и въ Парижѣ, и въ Пуатье, и въ Понтуазѣ, и въ Орлеанѣ, и въ Турѣ, и въ Блуа, и въ другихъ городахъ. Все зависѣло отъ усмотрѣнія правительства, назначавшаго тотъ или другой городъ. Засѣданія происходили въ закрытомъ помѣщеніи, причемъ не было опредѣленнаго зданія, спеціально предназначеннаго для собраній земскихъ чиновъ. Когда собранія имѣли мѣсто въ Парижѣ, то онѣ происходили или въ Луврѣ, или въ Нотръ-Дамѣ, или въ «Sainte-Chapelle», или въ «Notre-Dame-des Champs dès Paris» и т. п. Тоже самое было и въ другихъ городахъ [1]).

Что касается до *времени* засѣданій, то на этотъ счетъ не существовало ничего опредѣленнаго и генеральные штаты созывались тогда, когда этого желалъ король. Въ виду же постояннаго антагонизма, существовавшаго между послѣднимъ и первыми, земскіе чины созывались крайне рѣдко и черезъ довольно долгіе промежутки времени. Правительство прибѣгало къ нимъ во времена кризисовъ, когда бывало безсильно справиться съ ними [2]). Тогда созывались сословные представители и правительство встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями и съ кучей всевозможныхъ обѣщаній. Когда же кризисъ проходилъ и сословные представители, сослуживъ свою службу и выручивъ правительство изъ бѣды, напоминали ему о его обѣщаніяхъ, то послѣднее на отрѣзъ отказывалось ихъ исполнить и депутаты, обманутые и проведенные самымъ безсовѣстнымъ образомъ, возвращались въ свои провинціи. Такъ происходило постоянно. Неудивительно, что на генеральныхъ штатахъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости періодическаго созванія земскихъ чиновъ и не проходило сессіи, чтобъ депутаты не представляли петицій по этому вопросу. На однихъ штатахъ заявлялось, что народные представители должны созываться черезъ два года, на другихъ—черезъ пять лѣтъ, на третьихъ—черезъ десять и т. п., но правительство оставалось къ этому глухо и генеральные штаты такъ и исчезли, не добившись періодичности созваній [3]). Правда, бывали такіе періоды, когда земскіе чины созывались каждый годъ и играли весьма видную роль въ дѣлѣ государственнаго управленія, напримѣръ, въ эпоху столѣтней войны, но вѣдь за то послѣдняя и была однимъ изъ величайшихъ кризисовъ, когда либо испытанныхъ до-революціонной Франціей!

---

[1]) Hervieu, p. 55—56.

[2]) Bavelier, p. 93.

[3]) Picot, t. IV, p. 201; Desjardins, Etats-Généraux (1355—1614), p. 763.

Право *созванія* генеральныхъ штатовъ принадлежало королю или регенту [1]). Правда, земскіе чины добивались права собираться по своей собственной инціативѣ, но такое право никогда не признавалось за ними. Такъ, въ 1560 г. на генеральныхъ штатахъ, созванныхъ въ Орлеанѣ, дворянство предложило слѣдующій законъ на случай несовершеннолѣтія государя: «каждый разъ, когда престолъ будетъ занятъ лицомъ несовершеннолѣтнимъ или неспособнымъ управлять государствомъ, генеральные штаты *должны быть* созваны для принятія необходимыхъ мѣръ. Въ случаѣ же несозванія ихъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, каждый бальяжъ *имѣетъ право* избрать трехъ депутатовъ отъ трехъ сословій, которые должны собраться на 15 день четвертаго мѣсяца въ Парижѣ и принять управленіе государствомъ въ свои руки» [2]). Нечего и говорить, что подобное предложеніе никогда не было принято правительствомъ и генеральные штаты по прежнему созывались по усмотрѣнію послѣдняго.

За нѣкоторое время до созванія депутатовъ правительство разсылало призывныя грамоты или письма (lettres de convocation), адресованныя на имя бальи и сенешаловъ, на обязанности которыхъ было позаботиться о выборахъ [3]). До 1483 г. высшіе духовные и свѣтскіе чины получали эти письма непосредственно отъ короля, низшіе же (напр. аббаты, монастыри, низшее дворянство и др.) черезъ посредство бальи и прево. Города всегда призывались посредствомъ королевскихъ чиновниковъ, причемъ болѣе выдающіяся коммуны и муниципіи получали письма отъ бальи, менѣе же выдающіяся и превотальные города—отъ прево [4]). Съ 1483 г. такой порядокъ разсылки призывныхъ грамотъ измѣнился и онѣ всѣ стали адресоваться на имя бальи и сенешаловъ, призывавшихъ сословія къ выборамъ и предсѣдательствовавшихъ на послѣднихъ. Въ призывныхъ письмахъ излагались: 1) поводъ созванія земскихъ чиновъ, 2) опредѣленіе времени и мѣста собранія, 3) распоряженіе о производствѣ выборовъ и 4) о составленіи инструкцій, необходимыхъ для каждаго депутата [5]).

Самые *выборы* происходили слѣдующимъ образомъ. До 1483 года духовенство и дворянство не посылало депутатовъ, а являлось лично. Въ случаѣ же невозможности послѣдняго, оба сословія пользовались правомъ посылки особыхъ замѣстителей (procureurs), представлявшихъ интересы пославшихъ ихъ лицъ. Выборы же производились только одними горожанами, причемъ практиковалось нѣсколько системъ. Во многихъ городахъ существовала все-

---

1) Rathery, p. 308; Bavelier, p. 93.

2) Picot, t. II, p. 77.

3) Rathery, p 308, Bavelier, p. 94; D'Avenel, t. I, p. 130.

4) Hervieu, p. 20—22.

5) Rathery, p. 309.

общая подача голосовъ, т. е. каждый полноправный горожанинъ, къ какому бы разряду городскихъ жителей онъ не принадлежалъ, пользовался, какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ правомъ избранія. Подобная система практиковалась главнымъ образомъ въ превотальныхъ городахъ. Другая система заключалась въ двухстепенныхъ выборахъ, когда право избранія принадлежало одному магистрату, члены котораго избирались общиной. Иногда двухстепенные выборы принимали иную форму, а именно община избирала нѣсколькихъ лицъ, которыя въ свою очередь избирали депутатовъ. Очень часто случалось, что число выборщиковъ было крайне ограничено, напр. семь человѣкъ и т. п. Были еще такіе города, гдѣ право избранія принадлежало только опредѣленнымъ классамъ городскихъ жителей, пользовавшихся извѣстнымъ привилегированнымъ положеніемъ по отношенію къ другимъ классамъ.—Выборы происходили или въ закрытомъ помѣщеніи (въ ратушѣ, въ церкви и т. п.) или подъ открытымъ небомъ, напр. на площади, куда избиратели призывались колокольнымъ звономъ. На выборахъ предсѣдательствовали меръ или консулъ (въ коммунахъ и муниципіяхъ) или прево (въ превотальныхъ городахъ). Послѣдніе очень часто вмѣшивались въ выборы и старались проводить лицъ, угодныхъ правительству (если городъ непосредственно зависѣлъ отъ короля) или сеньёру (если городъ находился въ ленныхъ отношеніяхъ къ послѣднему). Депутаты получали особыя инструкціи, въ которыхъ опредѣлялось ихъ поведеніе на генеральныхъ штатахъ и петиціи (cahiers), представлявшіяся ими королю. Кромѣ инструкцій и петицій, депутаты получали особыя грамоты, удостовѣрявшія ихъ личность и фактъ избранія ихъ городомъ. Затѣмъ послѣдній давалъ имъ опредѣленную сумму денегъ, необходимую для путешествія и прожитія на мѣстѣ засѣданія, но жалованья въ видѣ вознагражденія за труды они не получали. Названія депутатовъ были различны: procuratores, syndici, ychonomi, actores, deffensores, gestores и др. [1]).

Съ 1483 г., какъ было уже сказано, духовенство и дворянство также стали выбирать депутатовъ, что же касается до третьяго сословія, то по отношенію къ нему избирательное право было значительно расширено. Не только всѣ города, но даже большія сельскія общины получили право посылать своихъ депутатовъ на генеральные штаты. Избирательнымъ округомъ (по отношенію ко всѣмъ сословіямъ) былъ бальяжъ [2]), причемъ депутаты высшихъ сословій избирались на основаніи простыхъ выборовъ, депутаты же третьяго

---

[1]) Hervieu, p. 34—54.

[2]) Исключеніе составляли три города, приравнивавшіеся къ бальяжамъ: Парижъ, Ларошелль и Марсель. Первый имѣлъ два голоса, въ качествѣ города и бальяжа, послѣдніе же по одному голосу, хотя ихъ депутаты были двухъ категорій (отъ города и отъ бальяжа).

сословія на основаніи двухстепенныхъ. Самый процессъ избранія заключался въ слѣдующемъ. По полученіи призывныхъ писемъ, бальи распоряжался о назначеніи дня для выборовъ, причемъ очень часто случалось, что сословія избирали въ различные дни, а не одновременно въ установленный для всѣхъ срокъ. Въ виду двухстепенности выборовъ въ третьемъ сословіи они происходили иначе, чѣмъ въ первыхъ двухъ. А именно: сперва созывались отдѣльныя собранія въ сельскихъ общинахъ и городахъ, входившихъ въ составъ бальяжа. Въ этихъ собраніяхъ избирались обыкновенно два выборщика и изготовлялась петиція отъ сельской общины или города. Жители деревни призывались на собраніе колокольнымъ звономъ и въ присутствіи судьи или другаго должностнаго лица избирали своихъ выборщиковъ. Собраніе въ большинствѣ случаевъ происходило по воскресеньямъ. Городское собраніе имѣло мѣсто въ ратушѣ и подъ предсѣдательствомъ мера. Въ составъ его входили всѣ полноправные горожане. По окончаніи избранія выборщиковъ въ сельскихъ и городскихъ общинахъ, назначалось собраніе выборщиковъ всего бальяжа, имѣвшее мѣсто въ центральномъ пунктѣ этого административнаго цѣлаго. Здѣсь же происходили собранія членовъ двухъ высшихъ сословій, жившихъ въ бальяжѣ. Всѣ три собранія происходили отдѣльно и подъ предсѣдательствомъ бальи. Сперва избирались депутаты, а затѣмъ составлялись петиціи, подававшіяся отъ имени каждаго сословія въ бальяжѣ (каждое сословіе составляло одну петицію). Эти петиціи составлялись изъ петицій сельскихъ общинъ и городовъ (въ третьемъ сословіи) и отдѣльныхъ лицъ (въ двухъ высшихъ сословіяхъ). Для того, чтобъ послѣднія могли удобнѣе высказывать свои желанія и нужды, устраивались особыя помѣщенія, куда всякій имѣлъ право приносить свою петицію. Изъ дошедшихъ до насъ протоколовъ собраній [1]) не видно, какъ происходили самые выборы, но нужно думать, что путемъ открытой подачи голосовъ и по вызову каждаго избирателя особымъ чиновникомъ. Передъ началомъ выборовъ избиратели приносили присягу и давали клятву, что будутъ выбирать людей достойныхъ и преданныхъ королю и государству. Система оффиціальныхъ кандидатуръ была извѣстна и въ это время и правительственные агенты не разъ получали предписанія заботиться объ избраніи пріятныхъ правительству лицъ. — Описанный порядокъ выборовъ практиковался только въ pays d'élection. Pays d'état, имѣвшіе свои собранія, избирали въ нихъ депутатовъ, хотя впрочемъ иногда и здѣсь выборы происходили по бальяжамъ, какъ напр. въ Бургундіи, Лангдокѣ и Нормандіи въ 1576 г.

---

[1]) Послѣ избранія депутата, составлялся протоколъ выборовъ, вручавшійся послѣднему и служившій ему удостовѣреніемъ его званія. Такой протоколъ назывался pouvoir.

Какія же лица могли быть вообще избраны и существовалъ ли какой нибудь цензъ? На этотъ счетъ не было выработано ничего опредѣленнаго. Извѣстно только, что депутаты должны были имѣть не менѣе 25-лѣтъ отъ роду, прожить нѣкоторое время въ бальяжѣ, быть людьми доброй нравственности, обладать извѣстными свѣдѣніями въ общественныхъ дѣлахъ, а также и нѣкоторымъ состояніемъ («quelques biens fonds»). Иногда правительство предписывало, какія лица *не* должны быть избраны, такъ, въ 1576 г. протестанты не могли быть членами генеральныхъ штатовъ, затѣмъ вообще исключались изъ числа депутатовъ лица, занимавшія нѣкоторыя государственныя должности и т. п.

Депутаты получали особое вознагражденіе за свои труды, ложившееся тяжелымъ бременемъ на народъ. Вознагражденіе это было неодинаково и члены высшихъ сословій получали больше, чѣмъ члены третьяго сословія. Такъ, на генеральныхъ штатахъ 1576 г. архіепископы получали ежедневно 25 ливровъ каждый, епископы — 20, аббаты—отъ 15 до 12, деканы—10, остальные депутаты—отъ 9 до 8. На генеральныхъ штатахъ 1483 и 1614 гг депутаты сельскихъ общинъ получали 6 ливровъ въ день каждый, депутаты же городовъ по 7 ливровъ каждый. Когда въ 1483 г. на генеральныхъ штатахъ въ Турѣ адвокатъ Troyes предложилъ, чтобъ каждое сословіе содержало своихъ депутатовъ, то это вызвало сильную оппозицію со стороны дворянства. «Дворяне учились давать не деньги, а удары шпагой, говорилъ въ отвѣтъ на это депутатъ de Poitiers. Намъ нельзя ставить въ вину, что мы въ тягость другимъ сословіямъ, такъ какъ каждое имѣетъ свое назначеніе: обязанность духовенства—молиться богу, обязанность дворянства—сражаться, обязанность третьяго сословія—платить и все это дѣлается въ интересахъ всего государства». Однако, съ 1560 г. каждое сословіе уже содержало своихъ депутатовъ и платило имъ за ихъ труды.

Число депутатовъ варіировалось на каждыхъ генеральныхъ штатахъ. Въ большинствѣ случаевъ правительство призывало по два депутата отъ бальяжа, но сословія очень часто присылали и больше: по три, по четыре, по пяти. Иногда же, напротивъ, присылали меньше, напр. одного депутата. Всѣхъ депутатовъ на генеральныхъ штатахъ въ 1308 г. было около 1000 человѣкъ (400 духовныхъ лицъ, 80 дворянъ и 500 членовъ третьяго сословія), въ 1317 г.—800, 1356 г.—тоже 800, въ 1467 г.—192, въ 1483 г.—284, въ 1560 г.—393, причемъ на долю духовенства пришлось 98 человѣкъ, а на долю дворянства—132, на долю же третьяго сословія—192, въ 1576 г.—326 (духовныхъ лицъ 104, дворянъ 72, членовъ третьяго сословія 150), въ 1588 г.—429 (духовныхъ лицъ 134, дворянъ 104, членовъ третьяго сословія 191), въ 1593 г.—128 (духовныхъ лицъ 49, дворянъ 24, членовъ третьяго сословія 55) и въ 1614 г.—464 (духовныхъ лицъ 140, дворянъ 132, чле-

новъ третьяго сословія 192). Изъ этого перечня видно, что наибольшее количество депутатовъ приходилось на долю третьяго сословія, что впрочемъ не имѣло никакого значенія, такъ какъ дѣла рѣшались не большинствомъ голосовъ отдѣльныхъ членовъ, а большинствомъ бальяжей или провинцій. Нѣкоторые депутаты имѣли нѣсколько голосовъ, другіе напротивъ полъ и даже треть голоса и т. п. [1]).

Открытіе засѣданій генеральныхъ штатовъ сопровождалось особымъ церемоніаломъ, которому предшествовало торжественное богослуженіе въ церкви. И только съ этого времени генеральные штаты могли считаться законнымъ собраніемъ земскихъ чиновъ, у которыхъ, по выраженію того времени, былъ «открытъ ротъ» королемъ (os apertum). За нѣкоторое время до «открытія этого рта», происходили подготовительныя засѣданія сословій, занимавшіяся разными предварительными работами, какъ то: удостовѣреніемъ личностей депутатовъ, провѣркой полномочій, выборомъ предсѣдателей, ораторовъ и секретарей и т. п. Эти работы производило каждое сословіе въ отдѣльности. Избраніе должностныхъ лицъ происходило по бальяжамъ, а не по провинціямъ, какъ вообще рѣшались всѣ дѣла на генеральныхъ штатахъ. Должностными лицами были: предсѣдатели (ихъ было нѣсколько въ каждомъ сословіи: одинъ для всего сословія и одинъ для каждой провинціи), ораторы (иногда одно и тоже лицо выполняло функціи, какъ предсѣдателя, такъ и оратора) и секретари (называвшіеся évangélistes), составлявшіе протоколы засѣданій и редактировавшіе петиціи.

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи предварительныхъ работъ, происходило торжественное открытіе засѣданія. Въ назначенный для этого день депутаты являлись въ залъ засѣданій и по указанію церемоніймейстера занимали свои мѣста. Для этого каждый депутатъ вызывался по фамиліи, причемъ вызовы происходили по провинціямъ и бальяжамъ. Сословія не смѣшивались другъ съ другомъ и засѣдали на отдѣльныхъ мѣстахъ. Сзади всѣхъ и дальше всѣхъ отъ трона сидѣли члены третьяго сословія. Кромѣ депутатовъ, въ залѣ находились королева, принцы крови и лица, занимавшія высшія государственныя и придворныя должности, а также посторонняя публика, помѣщавшаяся на особыхъ мѣстахъ. Засѣданіе открывалъ король рѣчью, содержавшей въ себѣ краткое изложеніе поводовъ созванія сословій (эта рѣчь называлась proposition или propos). Подробное ихъ изложеніе составляло предметъ рѣчи канцлера, говорившаго послѣ короля. Канцлеръ обращался къ каждому сословію въ отдѣльности, причемъ въ его манерѣ обра-

[1]) Rathery, p. 312—324, 352 et 364; Boullée, t. II, p. 235—242; Warnkönig und Stein, I b. s. 531—532; Schäffner II b. s. 289—294; Bavelier, p. 94—99; Hervieu, p. 58; D'Avenel, t. I, p. 130—136.

щенія сказывалось то неравенство въ положеніяхъ, какое было присуще сословіямъ. «Преподобные отцы архіепископы и епископы, говорилъ Juvénal des Ursins на генеральныхъ штатахъ при Карлѣ VI, могущественные принцы, герцоги и графы и *всѣ остальные* духовныя лица, дворяне и буржуа изъ bonnes villes». Одинъ только разъ началъ канцлеръ свою рѣчь словами «господа сословія», обращаясь, такимъ образомъ, одновременно ко всѣмъ депутатамъ—это въ 1483 г., когда, какъ извѣстно, сословія засѣдали вмѣстѣ.—Канцлеръ заканчивалъ свою рѣчь словами: «король позволяетъ вамъ собираться», что и было, собственно говоря, «открытіемъ рта» сословіямъ. Послѣ рѣчи канцлера, выступали сословные ораторы и, становясь на колѣни, одинъ за другимъ произносили отъ имени сословій благодарственныя рѣчи королю. Обыкновенно, съ первыхъ же словъ, по знаку короля, ораторы подымались, но иногда случалось, что ораторъ третьяго сословія говорилъ всю свою рѣчь на колѣняхъ. Послѣ этого, засѣданіе закрывалось. На слѣдующій день сословія приступали къ занятіямъ. Обыкновенно, каждое изъ нихъ засѣдало отдѣльно, мало того, очень часто случалось, что даже каждая провинція рѣшала свои дѣла въ отдѣльномъ засѣданіи, какъ, напр. это практиковалось при составленіи петицій. Изъ петицій отдѣльныхъ бальяжей составлялась провинціальная петиція, изъ совокупности же послѣднихъ редактировалась петиція всего сословія. Послѣднія касались не только сословныхъ интересовъ, но и интересовъ всего государства. Въ большинствѣ случаевъ онѣ составлялись по слѣдующимъ рубрикамъ: церковныя дѣла, дѣла касающіяся дворянства и третьяго сословія, университеты, судебныя дѣла, гражданское и уголовное законодательство, военныя дѣла, монета, подати и налоги, торговля, полиція. Во время своихъ занятій сословіямъ очень часто приходилось совѣщаться другъ съ другомъ, для чего снаряжались депутаціи отъ одного сословія къ другому, встрѣчавшіяся при соблюденіи особаго церемоніала. Правительство точно также входило въ сношеніе съ сословіями, вслѣдствіе чего лица, занимавшія высшія государственныя должности и члены королевскаго совѣта также пользовались правомъ доступа на засѣданія, хотя, нужно сказать, сословія относились къ этому далеко несочувственно и не разъ отказывались заниматься дѣлами въ присутствіи правительственныхъ лицъ. Такъ поступили, напр. генеральные штаты 1483 г., когда въ залу засѣданія вошелъ коннетабль de Bourbon, причемъ предсѣдатель, обращаясь къ послѣднему, заявилъ, что обычай и право генеральныхъ штатовъ заключается въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ безъ свидѣтелей. Коннетабль долженъ былъ удалиться. Кромѣ членовъ правительства, на засѣданія допускались также и частныя лица, являвшіяся для принесенія петицій и для отстаиванія своихъ интересовъ. Вообще же, засѣданія были непубличны (кромѣ торжественныхъ) и депутаты даже давали

клятвенное обѣщаніе ничего не разглашать, что было въ собраніи. — По составленіи петицій, онѣ подносились королю, для чего и избиралась особая депутація. Нерѣдко эти депутаты приглашались для совѣщаній въ королевскій совѣтъ и являлись, такъ сказать, посредниками между правительствомъ и сословіями. Каждое сословіе подавало свою петицію и избирало своихъ депутатовъ. Генеральные штаты не разъ высказывали ту мысль, что петиція, санкціонированная королемъ, должна превращаться въ законъ, но эта мысль никогда не получила осуществленія и правительство продолжало смотрѣть на петиціи, не какъ на законопроэкты, а какъ на прошенія, дальнѣйшая судьба которыхъ вполнѣ зависѣла отъ его усмотрѣнія. Поэтому, нерѣдко случалось, что сословіямъ приходилось дожидаться цѣлые годы прежде, чѣмъ правительству заблагоразсудится дать на петиціи какіе бы то нибыло отвѣты.

Заключительное собраніе вполнѣ напоминало открытіе засѣданій и сопровождалось такимъ же церемоніаломъ, какъ и послѣднее. До закрытія собранія депутаты не имѣли права покидать генеральные штаты и до насъ дошло много просьбъ со стороны сословныхъ представителей относительно отпуска ихъ домой, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство требовало ихъ согласія на такія предложенія и мѣры, на какія послѣдніе не имѣли полномочій отъ избирателей.

Что касается до *способа* голосованія, практиковавшагося въ собраніяхъ, то онъ былъ слѣдующій. Для того, чтобъ какое нибудь предложеніе считалось принятымъ, напр. установленіе новаго налога (обязательнаго для всѣхъ сословій) необходимо было согласіе всѣхъ трехъ палатъ.

Принципъ, что два сословія не могли связывать третье считался твердо установленнымъ и находилъ преимущественно защитниковъ среди членовъ третьяго сословія, постоянно опасавшагося союза духовенства и дворянства. Въ отдѣльныхъ сословіяхъ дѣла рѣшались большинствомъ провинціальныхъ или бальяжныхъ голосовъ. Въ провинціяхъ же и бальяжахъ — большинствомъ голосовъ отдѣльныхъ депутатовъ. Подобный порядокъ голосованія окончательно установился съ 1355 г. Въ прежнее время, когда рѣшеніе большинствомъ голосовъ не было извѣстно, требовалось единогласіе всѣхъ депутатовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, предложеніе считалось принятымъ только лицами, подавшими за него свой голосъ [1]).

Сессіи собраній продолжались далеко не одинаково. Однѣ длились нѣсколько мѣсяцевъ, другія недѣль; были такія, которыя продолжались всего нѣсколько дней. Впродолженіи сессіи личность депутата считалась неприкосновенной и онъ пользовался полнѣйшей

[1]) Rathery, p. 356—374; Boullée, t. II, p. 242—267; Schäffner, II b. s. 294—298; Bavelier, p. 99—102; Hervieu, p. 56—66; D'Avenel, t. I, p. 136—141.

свободой слова и, если встрѣчались факты, противорѣчившіе этому принципу, то они являлись исключеніемъ, а не правиломъ [1]).

Для характеристики рѣчей, произносившихся на засѣданіяхъ, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ, что говорилъ, между прочимъ, на генеральныхъ штатахъ 1483 года депутатъ третьяго сословія Masselin: «Тотъ, кто выше всѣхъ стоитъ на свѣтѣ по своему положенію, долженъ больше всѣхъ заботиться о лицахъ низшихъ и подчиненныхъ ему, поэтому, нашъ король долженъ подражать славнымъ дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ. Если онъ видитъ, что государство обременено налогами, его обязанность уничтожить ихъ до послѣдняго или, по крайней мѣрѣ, уменьшить въ числѣ. Поступая такимъ образомъ, онъ не совершаетъ милости въ отношеніи народа, но исполняетъ свою обязанность; говорить о милости въ данномъ случаѣ—значитъ злоупотреблять словами». «Да, продолжалъ Masselin, народъ въ монархіи есть верховный собственникъ своего имущества и послѣднее нельзя отнимать отъ него, если онъ тому противодѣйствуетъ. Народъ свободенъ, онъ не рабъ, но подданный короля и если государство хорошо организовано, то оно, по словамъ Аристотеля, является лучшимъ и самымъ пріятнымъ. Не собраны ли мы для того, чтобъ уничтожить безпорядки прошлаго царствованія? Развѣ насъ хотятъ заставить провозгласить, что злоупотребленіе рождаетъ право? Отъ насъ очень далека мысль объ униженіи королевской власти, но мы убѣждены, что интересы подданныхъ суть въ то же время и интересы короля и что приведеніемъ въ порядокъ общественныхъ дѣлъ мы одновременно оказываемъ услугу, какъ королю, такъ и королевству. Прежде всего король разрѣшилъ намъ свободно высказаться о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія мы испытываемъ, такимъ образомъ, мы одновременно слушаемся короля, исполняемъ порученіе, данное намъ избирателями и дѣйствуемъ согласно нашей присяги. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы ничего не сказали о должностныхъ лицахъ Людовика XI, въ то время, какъ расточали похвалы должностнымъ лицамъ Карла VII. Это вполнѣ естественно. Мы бы хвалили должностныхъ лицъ покойнаго короля, если бы они хорошо служили. Но такъ какъ мы знаемъ, что среди нихъ было огромное число недостойныхъ людей и вдобавокъ скупщиковъ конфискованныхъ имѣній, мы принуждены были молчать. Если они еще до сихъ поръ находятся вблизи молодаго короля, то мы снова просимъ объ ихъ изгнаніи и смѣщеніи»... [2]) На этихъ же генеральныхъ штатахъ дворянскій депутатъ, сенешалъ Бургундіи Филиппъ Потъ, seigneur de la Roche произнесъ свою знаменитую рѣчь, въ которой проповѣдовалъ идеи, восторжествовавшія лишь три столѣтія спустя.

---

[1]) Bavelier, p. 103; Hervieu, p. 66.
[2]) Picot, t. I, p. 388.

«Если бы я не зналъ, говорилъ онъ, что большая и наилучшая часть этого собранія понимаетъ и желаетъ защищать права сословій, я не произнесъ бы своей рѣчи. Я хочу вамъ изложить, чему я научился отъ великихъ и ученыхъ людей касательно власти сословій. Я надѣюсь, что мнѣ удастся внушить правильныя мысли всѣмъ тѣмъ, которые боятся избирать королевскихъ совѣтниковъ. Прежде всего, что такое хотятъ сказать, когда говорятъ о законахъ королевства. На этотъ счетъ не существуетъ никакого закона, который разрѣшалъ бы вопросъ, никакого ордонанса, который присвоивалъ бы принцамъ крови управленіе государствомъ. Все это необходимо создать и какъ можно скорѣе. Не допустимъ же этому развѣяться въ пустомъ пространствѣ и не отдадимъ благо всего государства въ руки небольшаго числа людей, такъ какъ гдѣ же гарантія, что монархи всегда будутъ добрыми и справедливыми? Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, необходимо создать извѣстное правило и опредѣлить положеніе монарха. Извѣсто, что королевская власть есть должность, а не собственность монарха (la royauté est une dignité et non la propiété du prince). Изъ исторіи видно, что самодержецъ народъ (le peuple souverain) создалъ королей путемъ избранія и что онъ всегда предпочиталъ людей, выдѣляющихся по своимъ добродѣтелямъ. Въ интересахъ народа—избирать своихъ повелителей. Монархи снабжались сильною властью не для того, чтобъ обогащаться на счетъ народа, но чтобъ обогащать государство и способствовать его благосостоянію. Если они поступаютъ иначе, то это тираны и тогда они похожи на пастуховъ, которые вмѣсто того, чтобъ защищать своихъ овецъ, уничтожаютъ ихъ, какъ волки. Для народа весьма важно, какимъ закономъ и какимъ королемъ онъ управляется: если король хорошъ, то народъ возвеличивается, если онъ дуренъ, то народъ бѣднѣетъ и падаетъ. Кто не знаетъ и кто постоянно не повторяетъ, что государство есть вещь народа (que l'état est la chose du peuple)? Если это такъ, то какъ же послѣдній можетъ уступать кому бы то ни было свои заботы о немъ? Какимъ же образомъ низкіе льстецы могутъ присвоивать верховную власть монарху, если послѣдній существуетъ не иначе, какъ волею народа?... Кому принадлежитъ право на управленіе Франціей въ то время, когда король неспособенъ управлять? Само собой разумѣется, это право не переходитъ къ какому нибудь принцу или къ совѣту принцевъ, а къ народу, источнику верховной власти! Народъ же имѣетъ двойное право вліять на дѣла, во-первыхъ, потому что онъ властелинъ и во-вторыхъ, потому что онъ является жертвою дурнаго управленія. Онъ не имѣетъ права царствовать, но, обратите вниманіе, онъ имѣетъ право управлять государствомъ, черезъ тѣхъ, кого онъ избираетъ. Я понимаю подъ народомъ не только крестьянъ, но людей всѣхъ сословій, точно также, какъ подъ генеральными штатами я понимаю также и мо-

нарховъ. Такимъ образомъ, вы, депутаты трехъ сословій, являетесь представителями воли всѣхъ и вамъ нечего бояться организовать правительство. Что означаютъ эти призывныя грамоты? Какой смыслъ придаете вы рѣчамъ канцлера? Принцы учредили совѣтъ, послѣ смерти Людовика XI. Вы тогда еще не были созваны, а такъ какъ нужно было заботиться о благѣ государства, то принцы поступили хорошо. Но теперь, когда штаты созваны, вся власть перешла къ нимъ. Совѣтъ въ действительности болѣе не существуетъ, ничто не имѣетъ силы безъ вашей санкціи и никакое учрежденіе не можетъ законно существовать, если оно не основано вами и не есть продуктъ вашей воли. Сколько подобныхъ примѣровъ представляетъ намъ исторія! Помните, отъ исполненія вашей обязанности зависитъ народное благосостояніе. Вы здѣсь для того, чтобъ свободно высказать, что вы считаете полезнымъ для страны. И не смотря на это, вы молчите и этимъ игнорируете капитальный пунктъ, принципъ и цѣль вашихъ усилій! Безъ совѣта, избраннаго вами, что станетъ съ вашими трудами? Кто, спрашиваю васъ, услышитъ ваши жалобы, кто разсудитъ ваши прошенія? Я не вижу причины вашей боязни идти далѣе. Почему мы колеблемся? Совѣтъ установленъ только до созванія сословій. Вы скажете, принцы противодѣйствуютъ вашимъ работамъ. Нѣтъ, такъ какъ они вамъ ихъ разрѣшили и вамъ помогаютъ. Въ чемъ же заключается препятствіе? Я вижу только въ одномъ: въ вашей слабости, дѣлающей васъ недостойными болѣе благороднаго предпріятія. Итакъ, господа, имѣйте же больше довѣрія къ самимъ себѣ и подумайте о свободѣ сословій, которую столь доблестно защищали ваши предки. Не будьте же слабѣе вашихъ отцевъ! Бойтесь того дня, когда потомство обвинитъ васъ въ погибели государства и, вмѣсто славы, заслуженной вашими трудами, заклеймитъ васъ вѣчнымъ позоромъ!»... [1]) Приведемъ еще одну рѣчь, произнесенную извѣстнымъ Саваромъ, депутатомъ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ 1614 г. Вотъ, что говорилъ последній, обращаясь къ малолѣтнему королю Людовику XIII: «Государь, лилія прекрасное растеніе и замѣчательной бѣлизны; ваши дѣйствія и поступки должны быть королевскими, т. е. справедливыми и преисполненными благочестія и состраданія; это фундаментъ, на которомъ должно быть построено прекрасное зданіе вашего величія. Это тотъ путь, по которому должны пройдти всѣ ваши намѣренія, если вы хотите укрѣпить королевское достоинство и передать его столь же процвѣтающимъ вашимъ потомкамъ, какимъ вы его получили отъ вашихъ предковъ. Первый Людовикъ, носившій титулъ короля-христьянина, совѣщаясь однажды съ архіепископомъ Реймскимъ, спросилъ у него, какими средствами слѣдуетъ укрѣпить государство, чтобъ передать его прочнымъ своимъ на-

[1]) Picot, t. I, p. 410—413; Desjardins, p. 202.

слѣдникамъ? Архіепископъ отвѣтилъ двумя словами: благочестіемъ и справедливостью. Это и есть тѣ два устоя, на которыхъ вы должны построить фундаментъ вашего государства. Что касается до благочестія, то вы получили его черезъ наслѣдство: каждый французскій король — король благочестивый и христьяннѣйшій (très chrétien). Справедливость также вамъ присуща. Кто внушилъ вамъ, Ваше Величество, находить скверпымъ поступокъ, подобный тому, если бъ кто либо въ вашемъ присутствіи ради шутки раздавилъ бы ногой насѣкомыхъ или маленькихъ червяковъ, какъ не естественная справедливость, внушающая вамъ отвращеніе къ такому жестокому обращенію съ слабыми существами?... Государь, между тѣмъ не насѣкомыя и черваки обращаются къ вамъ съ мольбой о справедливости и сострадапіи! Это вашъ бѣдный народъ, это существа, одаренныя разумомъ, это дѣти, которыхъ вы отецъ, опекунъ и защитникъ! Подайте имъ руку помощи, чтобъ освободить ихъ изъ подъ того гнета, подъ которымъ они постоянно пребываютъ. Что бы вы сказали, Государь, еслибъ увидѣли въ Гіеннѣ и Оверни людей, питающихся травой, на подобіе скота? Эта новость и неслыханная нищета въ вашемъ государствѣ не произведутъ ли онѣ въ вашей королевской душѣ достойнаго желанія уничтожить подобное бѣдствіе? А между тѣмъ, что переданное мною вѣрно и что я васъ не обманываю, Ваше Величество, въ этомъ я ручаюсь всѣмъ своимъ состояніемъ и всѣми своими должностями!»... [1]) На этихъ же генеральныхъ штатахъ, предсѣдатель третьяго сословія Миронъ произнесъ свою замѣчательную рѣчь, въ которой столь краснорѣчиво распространялся о нуждахъ народа. «Содержаніе Вашего Величества, дворянства и третьяго сословія, говорилъ Миронъ, ложится тяжелымъ бременемъ на народныя плечи. Безъ труда со стороны бѣднаго народа, кто доставлялъ бы церкви десятины и поземельныя владѣнія? Дворянству—его прекрасныя земли? Третьему сословію—его дома, ренты и наслѣдства? Пойдемъ далѣе. Кто даетъ возможность Вашему Величеству поддерживать королевское достоинство и удовлетворять нуждамъ государства, какъ внутри, такъ и внѣ его? Кто даетъ средства содержать армію, какъ не земледѣлецъ? Налоги, существующіе во Франціи для содержанія арміи, дѣлаютъ то, что эта послѣдняя сдираетъ съ народа все, что только можетъ и обращается съ нимъ съ такой жестокостью, какую трудно даже описать! Какъ можно сравнить жестокости сарацинъ, видѣнныхъ когда то во Франціи съ тѣми, что производятъ нынѣ войска? Тигры, львы и другіе звѣри, которыхъ природа произвела, по всей вѣроятности, тогда, когда была разсержена на человѣка, даже и они не дѣлаютъ зла тѣмъ, кто ихъ кормитъ... Если Ваше

[1]) Boullée, t. II, p. 284—286; Thierry, p. 148—150; Picot, t. III, p. 342—343.

Величество не обратите вниманія на это, то я боюсь, что отчаянье внушитъ бѣдному народу мысль, будто солдатъ не есть тотъ же крестьянинъ, носящій оружіе, а нѣчто совсѣмъ другое!... Тогда весь свѣтъ превратится въ солдатъ и города, дворянство, церковь и, вообще, всѣ высшіе классы общества умрутъ съ голода!» [1])...

Переходимъ къ вопросу о *функціяхъ* генеральныхъ штатовъ. Въ виду того, что собранія французскихъ земскихъ чиновъ не выработались на подобіе нѣмецкихъ Landstände или испанскихъ кортесовъ въ постоянное учрежденіе съ опредѣленной сферой компетенціи и извѣстными правами, вопросъ о функціяхъ является весьма трудно разрѣшимымъ. Генеральные штаты созывались крайне не регулярно и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Первыя два столѣтія своего существованія они созывались еще сравнительно часто и пользовались большимъ значеніемъ, чѣмъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Филиппъ V Длинный хотѣлъ даже преобразовать ихъ въ постоянное учрежденіе и созывать черезъ извѣстные промежутки времени. Но онъ умеръ раньше, чѣмъ успѣлъ выполнить свое намѣреніе, наслѣдники же его далеко не сочувствовали подобной реформѣ, хотя, вынуждаемые обстоятельствами, и созывали сословія не рѣдко [2]). Въ XVI ст. генеральные штаты созывались черезъ огромные промежутки времени и ужь, конечно, не имѣли возможности выработать себѣ какую бы то ни было опредѣленную компетенцію и пріобрѣсти извѣстныя права. Вслѣдствіе этого, разсматривая функціи французскихъ земскихъ чиновъ, необходимо обратить вниманіе на поводы къ ихъ созванію, имѣя въ виду, что опредѣленнаго круга функцій, присущихъ этому институту, на самомъ дѣлѣ не было.

Генеральные штаты созывались для разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ въ области законодательства и управленія. Судебныя же функціи имъ совсѣмъ не были присущи и собранія французскихъ земскихъ чиновъ никогда не фигурировали въ качествѣ верховнаго суда на подобіе нѣмецкихъ Landstände. Судъ былъ исключительной функціей парижскаго парламента.—За то въ вопросахъ *законодательства* генеральные штаты не разъ высказывали свое мнѣніе и на многіе законодательные памятники имѣли, хотя косвенное, но большое вліяніе. Такъ, въ 1317 г. генеральные штаты провозгласили салическій законъ основнымъ закономъ Франціи [3]), въ 1356, 1358, 1413, 1439, 1561 и 1579 гг. результатомъ ихъ трудовъ явились извѣстные ордонансы [4]). Эти послѣдніе не были непосредственнымъ продуктомъ дѣятельности сословныхъ представителей,

---

[1]) Boullée, t. II, p. 275; Picot, t. III, p. 401—403.

[2]) Hervieu, p. 13—14.

[3]) Picot, t. I, p 27.

[4]) Rathery, p. 272; Desjardins, p. 778.

такъ какъ составлялись не въ собраніяхъ земскихъ чиновъ и не самими депутатами, а правительственными чиновниками и нерѣдко много времени спустя, послѣ окончанія засѣданій. Но ихъ источниками были петиціи (cahiers), поданныя депутатами на генеральныхъ штатахъ и входившія очень часто слово въ слово въ видѣ отдѣльныхъ главъ и статей въ ордонансъ [1]). Правда, составленіе ордонанса вполнѣ зависѣло отъ правительства точно такъ же, какъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, на какія петиціи обратить вниманіе, на какія нѣтъ. Вотъ почему на многихъ генеральныхъ штатахъ сословные представители добивались участія въ занятіяхъ королевскаго совѣта, отвѣтственности должностныхъ лицъ и редактированія ордонансовъ въ собраніяхъ земскихъ чиновъ. Нѣсколько разъ имъ даже удавалось этого добиться и захватить управленіе государствомъ въ свои руки, но подобный порядокъ вещей продолжался не долго и обыкновенно оканчивался побѣдою правительства и усиленіемъ королевской власти. Въ этомъ отношеніи въ особенности интересно царствованіе короля Іоанна Добраго, о чемъ впрочемъ будетъ сказано ниже. Въ позднѣйшую эпоху только одинъ разъ ордонансъ *началъ* составляться въ присутствіи сословныхъ представителей, это—въ 1560 г., когда былъ канцлеромъ извѣстный Л'Опиталь [2]).

Вотированіе налоговъ было самой важной функціей генеральныхъ штатовъ и *единственнымъ* правомъ (если не считать права подачи петицій), признаннымъ за ними королями. Правда, это право очень часто нарушалось (напр. при Карлѣ V, Карлѣ VII, Людовикѣ XI, Францискѣ I и др.), но во всякомъ случаѣ оно существовало и генеральные штаты не разъ пользовались имъ, отказывая правительству въ денежной помощи [3]). И правительство весьма часто не дѣйствовало въ такихъ случаяхъ вопреки волѣ народа, а напротивъ, въ ущербъ своему достоинству, продолжало выпрашивать себѣ хоть что нибудь, если нельзя было получить всего. Такъ, на генеральныхъ штатахъ въ Блуа въ 1576 г. правительство *девять* разъ возобновляло свою просьбу о деньгахъ и *девять* разъ получало отказъ со стороны сословій. Даже всевозможныя обѣщанія и подкупы депутатовъ не привели ни къ чему и сословія поставили на своемъ [4]). Право сословій на вотированіе налоговъ было еще признано въ XIV вѣкѣ. Нѣкоторые писатели предполагаютъ, что въ первый разъ оно было провозглашено на

---

[1]) Для примѣра можно привести Орлеанскій ордонансъ 1561 г. См. Picot, t. II, p. 67.

[2]) Picot, t. IV, p. 293.

[3]) Rathery, p. 380; Boullée, t. II, p. 294; Picot, t. IV, p. 198; Desjardins, p. 776.

[4]) Picot. t. II, p, 366—367.

генеральныхъ штатахъ въ 1338 г. [1]), но Hervieu доказалъ, что въ этомъ году не было никакихъ генеральныхъ штатовъ, а слѣдовательно, не могло быть и вышеназваннаго провозглашенія [2]). Какъ бы то ни было, но въ XIV вѣкѣ право вотированія налоговъ было вполнѣ присуще сословіямъ и онѣ не разъ практиковали его, въ особенности въ бурное время Іоанна Добраго, когда даже самый сборъ налоговъ находился въ рукахъ штатовъ [3]). На всѣхъ послѣдующихъ собраніяхъ земскихъ чиновъ это право постоянно провозглашалось и подтверждалось, хотя сборъ налоговъ уже постоянно находился въ рукахъ правительства [4]). Самое созваніе штатовъ главнымъ образомъ обусловливалось этимъ правомъ, такъ какъ правительство, когда созывало первые, то всегда имѣло въ виду одну цѣль: полученіе денежной помощи со стороны сословій [5]).

Очень рѣдко бывали такіе случаи, какъ въ 1483 г., когда штаты были созваны исключительно для нравственной поддержки правительства [6]), столь дискредитованнаго въ глазахъ высшихъ сословій политикой Людовика XI. Не даромъ же вышеназванное собраніе земскихъ чиновъ такъ выдѣлялось своимъ демократическимъ характеромъ сравнительно со всѣми предыдущими собраніями! Правительство желало опереться на нисшіе классы народа, зная, какъ враждебно настроены къ нему высшіе. Вотъ почему въ это время не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было новыхъ налогахъ, какъ извѣстно, всею своею тяжестью ложившихся на нисшіе классы народа.

Избраніе короля также иногда бывало функціей генеральныхъ штатовъ, хотя впрочемъ далеко нечасто. Такъ, въ 1317 г. генеральные штаты признали права Филиппа Длиннаго на французскій престолъ [7]). Въ 1329 г. собраніе земскихъ чиновъ рѣшило

---

[1]) Picot. t. I, p. 29.

[2]) Hervieu, p. 202.

[3]) Даже въ періодъ крайней монархической реакціи въ 1558 г., вызванной революціей извѣстнаго Этьенна Марселя, генеральные штаты въ Компіенѣ подтвердили это право. См. Dejardins p. 776.

[4]) Приведемъ слѣдующій случай, иллюстрирующій право сословій на вотированіе налоговъ. Въ 1427 г. правительство обложило Лангдокъ незаконнымъ налогомъ, т. е. не спросивъ согласія сословій южной Франціи. Тогда Лангдокъ протестовалъ противъ подобнаго насилія и послалъ особыхъ делегатовъ къ королю. Эти делегаты заявили послѣднему, что пославшая ихъ провинція *всегда* пользовалась свободой и привилегіями, на основаніи которыхъ ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ иначе, какъ съ согласія штатовъ. Король долженъ былъ уступить и уничтожилъ налогъ. (Picot, t. I, p. 310).

[5]) Такъ, Карлъ VII впродолженіи 13 лѣтъ созвалъ *девять* разъ генеральные штаты спеціально для вотированія налоговъ (Picot, t. I, p. 316).

[6]) Picot. t. I, p. 364—365.

[7]) Picot. t. I, p. 27.

споръ между двумя претендентами на французскую корону: Эдуардомъ III, королемъ англійскимъ и Филиппомъ Валуа, высказавшись за послѣдняго [1]. Въ 1593 г. были созваны генеральные штаты въ Парижѣ, чтобъ рѣшить, кому слѣдуетъ занять французскій престолъ, сдѣлавшійся вакантнымъ, послѣ смерти Генриха III [2]. Какъ извѣстно, престолъ достался Генриху Бурбону скорѣе не по избранію генеральныхъ штатовъ, составленныхъ изъ заклятыхъ враговъ короля наварскаго, членовъ лиги, а силою оружія перваго.

Внѣшнія сношенія не разъ служили поводомъ созванія генеральныхъ штатовъ. Такъ, въ 1358 г. собраніе земскихъ чиновъ въ Компіенѣ отвергло позорный для Франціи Лондонскій трактатъ, заключенный плѣннымъ королемъ Іоанномъ и этимъ высказалось за дальнѣйшее веденіе войны съ Англіей. Генеральные штаты 1467 г. уничтожили Конфланскій трактатъ, заключенный Людовикомъ XI съ лигою «общественнаго блага». Точно также былъ уничтоженъ Мадридскій трактатъ (заключенный Франциском I съ Испаніей) собраніемъ нотаблей въ Коньякѣ въ 1526 г. [3]. и т. п. Что касается до права объявленія войны и заключенія мира, то оно никогда не принадлежало генеральнымъ штатамъ, хотя послѣдніе не разъ добивались его. Такъ, на генеральныхъ штатахъ въ Понтуазѣ въ 1561 г. дворянство постановило, что «король не имѣетъ права ни начинать войны, ни предпринимать чего бы то нибыло, что могло бы вовлечь его въ войну иначе, какъ съ согласія штатовъ». Въ 1576 года въ Блуа тоже самое высказало и духовенство. Послѣднее просило короля «не начинать войны иначе, какъ по справедливому поводу и съ согласія генеральныхъ штатовъ» [4].

Военныя дѣла очень часто были предметомъ обсужденія со стороны собраній земскихъ чиновъ. Почти не было генеральныхъ штатовъ, въ петиціяхъ которыхъ не встрѣчались бы указанія на необходимость разныхъ реформъ въ военномъ отношеніи. Такъ, напр. въ 1355 г. земскіе чины очень много занимались арміей, желая ее поставить на надлежащую высоту, дисциплинировать и дать ей средства существованія. Тоже самое имѣло мѣсто въ 1356 г. когда, вслѣдствіе побѣдъ англичанъ, положеніе Франціи было крайне опасно. Въ 1367 г., въ 1413 г. и вообще въ продолженіи всей столѣтней войны дѣятельность генеральныхъ штатовъ главнымъ образомъ была обращена на армію, какъ на единственное средство спасенія

---

[1] Picot. t. I, p. 28. Hervieu полагаетъ, что это не были генеральные штаты, но собраніе магнатовъ (p. 188).

[2] Picot, t. III, p. 217.

[3] Boullée, t. II, p. 287; Bavelier, p. 104; Desjardins, p. 766.

[4] Picot. t. IV, p. 206.

Франція [1]). Въ 1439 г. генеральные штаты провели весьма важную реформу, имѣвшую впослѣдствіи фатальный характеръ для ихъ собственнаго существованія. Мы говоримъ объ учрежденіи постоянной арміи и постояннаго налога на ея содержаніе, а также объ уничтоженіи сеньёріальныхъ войскъ [2]).

Торговля и промышленность, *сословныя дѣла*, *монета*, *мѣра и вѣсы*, *полиція* и т. п. также всегда служили предметомъ обсужденія генеральныхъ штатовъ и петицій, подававшихся ими королю,

Церковныя дѣла обсуждались почти на каждомъ собраніи земскихъ чиновъ. Такъ въ 1302 г. генеральные штаты занимались отношеніемъ папской и королевской власти и высказались въ пользу полнѣйшей независимости послѣдней отъ первой. Въ 1428 г. они стали на сторону короля въ вопросѣ о взиманіи десятины, провозгласивъ, что папа, безъ согласія короля, не имѣетъ права на ея взиманіе. Въ 1468 г. они потребовали востановленія прагматической санкціи, отмѣненной за семь лѣтъ передъ тѣмъ Людовикомъ XI. Въ 1483 г. они снова высказались за приведеніе въ исполненіе прагматической санкціи. Въ 1560, 1561, 1576, и 1593 гг. генеральные штаты занимались вопросомъ о гугенотахъ, при этомъ въ 1576 г. они, хотя и высказались за единство религіи, т. е. противъ сектантовъ, но отказали королю въ средствахъ для войны съ ними [3]). Въ 1614 г. третье сословіе вновь подняло вопросъ объ отношеніяхъ королевской и папской власти и въ крайне энергичныхъ выраженіяхъ высказалось за независимость короля отъ папы и т. п.

Разсмотрѣвъ функціи генеральныхъ штатовъ, необходимо сказать о тѣхъ *средствахъ*, какими они обладали для приведенія своихъ мнѣній въ исполненіе. Въ этомъ отношеніи существовала огромная резница между нѣмецкими Landstände и французскими генеральными штатами. Въ то время, какъ первые обладали цѣлой системой средствъ, вторые не имѣли почти ни одного. Говоримъ «почти», потому что одно средство дѣйствительно существовало, это—отказъ въ вотированіи налоговъ. Но это средство было очень невѣрно, такъ какъ правительство, получивъ отказъ, могло самовольно установить налогъ и, не спрашивая согласія генеральныхъ штатовъ, собрать его, что нерѣдко и практиковалось. Вотъ, почему генеральные штаты постоянно стремились ограничить власть короля, установить выборный совѣтъ, вполнѣ зависимый отъ нихъ и отвѣтственность должностныхъ лицъ, не говоря уже о періодичности собраній, безъ чего вышеназванныя реформы не могли бы имѣть никакого значенія. При Іоаннѣ Добромъ сословіямъ удалось захва-

[1]) Desjardins, p. 770.
[2]) Picot, t. I, p. 327—340.
[3]) Desjardins, p. 767—769.

тить власть въ свои руки и управлять государствомъ впродолженіи нѣкотораго времени. Произошло это, послѣ плѣненія короля англичанами во время несчастнаго для французовъ сраженія при Пуатье и, главнымъ образомъ, благодаря замѣчательному человѣку того времени Этьенну Марселю, стоявшему во главѣ третьяго сословія. Во время плѣна короля, Франціей управлялъ въ качествѣ регента наслѣдникъ престола, будущій Карлъ V, созвавшій генеральные штаты 13 октября 1356 г. Въ это то время и произошла та замѣчательная революція, которая имѣла въ результатѣ учрежденіе конституціонной монархіи въ серединѣ XIV столѣтія. Власть короля была ограничена генеральными штатами, получившими право собираться по своей иниціативѣ когда и гдѣ имъ угодно. Генеральные штаты избирали изъ своей среды совѣтъ изъ 36 членовъ (каждое сословіе избирало опредѣленное число депутатовъ), на обязанности котораго было управлять государствомъ. Король не могъ предпринять ни одной мѣры безъ согласія совѣта, члены котораго должны были контрасигнировать всѣ королевскіе указы и являлись, такимъ образомъ, отвѣтственными передъ штатами [1]). Еслибъ эта реформа удержалась, то Франція уже съ XIV ст. сдѣлалась бы конституціоннымъ государствомъ. Вслѣдствіе же раздора между сословіями, дѣло Этьенна Марселя погибло и наступила крайняя монархическая реакція, имѣвшая въ результатѣ только усиленіе королевской власти. Послѣдующіе генеральные штаты уже никогда болѣе не достигали такой власти, хотя и не переставали требовать періодичности собраній, участія въ королевскомъ совѣтѣ и отвѣтственности королевскихъ чиновниковъ. Но всѣ эти требованія не привели ни къ чему и генеральные штаты сошли со сцены исторіи, такъ и не добившись ровно ничего.

Какая же была *причина* подобной слабости представительныхъ учрежденій во Франціи, имѣвшей въ результатѣ ихъ преждевременную кончину? Одной изъ самыхъ важныхъ причинъ было полнѣйшее отсутствіе единенія между сословіями, мало того, постоянный антагонизмъ между ними, проходящій красной нитью черезъ всю исторію Франціи. Нигдѣ рознь общественныхъ классовъ не достигла такого развитія, какъ у французовъ, поэтому, нигдѣ представительныя собранія не были такъ слабы и столь безжизненны, какъ во Франціи. Единеніе отсутствовало не только между отдѣльными сословіями, но даже между членами одного и того же сословія, чему рельефнымъ примѣромъ служитъ революція 1356 г. Не говоря уже о томъ, что во время этой революціи дворянство и духовенство вскорѣ перешли на сторону короля и покинули третье сословіе, члены этого послѣдняго отказались помогать Марселю, какъ разъ въ то время,

[1]) Picot, t. I, p. 90—103; Debacq, Libéraux et démagogues au moyen âge, p. 78—96; Perrens, La démocratie en France au moyen âge, p. 171—190.

когда онъ болѣе всего нуждался въ ихъ помощи. Стѣсненный въ Парижѣ регентомъ, собравшимъ во кругъ себя цвѣтъ французскаго дворянства, Марсель сдѣлалъ воззваніе о помощи, обращаясь ко всѣмъ французскимъ городамъ. Эти же, вмѣсто того, чтобъ поддержать Парижъ, изъ зависти къ нему и изъ боязни его превосходства надъ ними покинули его и, такимъ образомъ, погубили все дѣло, столь успѣшно начатое, благодаря Марселю. И такъ, было всегда, когда требовалось единеніе и совокупное дѣйствіе многихъ. Французы были неспособны на какое нибудь коллективное предпріятіе на маперъ англичанъ и каждый отстаивалъ только свои личные или мѣстные интересы, нисколько не заботясь объ интересахъ общихъ. Причина подобнаго явленія коренится въ томъ особомъ характерѣ общественнаго устройства, какой выработался во Франціи, благодаря феодализму, раздробившему всю ея территорію па безчисленное количество мелкихъ владѣній, совершенно независимыхъ отъ кого бы то ни было и представлявшихъ изъ себя рядъ государствъ въ государствѣ. Каждый феодальный сеньёръ былъ независимымъ владѣльцемъ съ суверенными правами, не знавшій никого надъ собой, кромѣ своей воли, каждая община была самостоятельнымъ государствомъ, имѣвшимъ въ виду только свои мѣстные интересы. Центральная власть, вслѣдствіе своей слабости не представляла ни для кого никакой опасности и имѣла возможность незамѣтно усиливаясь, уничтожать своихъ оппонентовъ по одиночкѣ. Впослѣдствіе же, когда король дѣйствительно сталъ грозить привилегіямъ сословій, послѣдпія не только не сплотились, но разобщенныя другъ отъ друга всей своей предыдущей жизнью, неспособныя стать выше своихъ мѣстныхъ интересовъ и личныхъ привилегій, не имѣющія другъ съ другомъ никакихъ точекъ соприкосновенія, вслѣдствіе различія правъ и обязанностей, привычекъ и предразсудковъ, по прежнему смотрѣли другъ па друга, какъ на враговъ, помогая этимъ королю увеличивать свою власть и уничтожать всякія вольности. Прекрасной характеристикой сословнаго антагонизма служатъ послѣдніе генеральные штаты, созванные въ 1614 г., и извѣстные своимъ столь печальнымъ окончаніемъ. Съ самого времени Марселя генеральные штаты не представляли изъ себя арены такой крайней вражды между сословіями, какъ въ 1614 г. Все занятіе депутатовъ впродолженіи цѣлой сессіи заключалось въ борьбѣ другъ съ другомъ и никогда сословная ненависть не проявлялась такъ рѣзко, какъ на этомъ злосчастномъ собраніи земскихъ чиновъ. Приведемъ два примѣра. Когда Саваронъ произнесъ свою извѣстную рѣчь (цитированную выше), то дворянство сочло себя ею оскорбленнымъ, поэтому, чтобъ успокоить его, третье сословіе послало къ нему депутата De-Mesmes. Но рѣчь послѣдняго только подлила масло въ огонь и вызвала цѣлую бурю. De Mesmes сказалъ, между прочимъ, что Франція есть общая мать

трехъ братьевъ—сословій, изъ которыхъ духовенство—старшій братъ, дворянство—средній, третье же сословіе—младшій. «Но, прибавилъ De Mesmes, въ семьяхъ очень часто бываетъ, что младшіе братья, возстановляютъ дома, разрушенные старшими». Дворянство до того вознегодовало на эту рѣчь, что почти in corpore отправилось къ королю, жаловаться на буржуа. «Это сословіе, говорилъ отъ имени дворянъ баронъ de Senecey Людовику XIII, занимающее послѣднее мѣсто въ собраніи, сословіе составленное изъ горожанъ и крестьянъ, они, зависимые во всѣхъ отношеніяхъ отъ двухъ первыхъ сословій, они, эти горожане, буржуа и купцы забываютъ свое положеніе и свои обязанности и желаютъ сравняться съ нами! Мнѣ стыдно, государь, повторить тѣ слова, которыми они насъ оскорбили. Они сравниваютъ государство съ семьей и говорятъ что три сословія—три брата!... Въ какое плачевное положеніе попали бы мы, еслибъ это была правда»! Далѣе слѣдовало восхваленіе заслугъ дворянства и рѣчь оканчивалась просьбой, чтобъ король, напомнилъ третьему сословію его обязанности. Остальные дворяне также присоединились къ этой просьбѣ, говоря, что между ними и буржуа нѣтъ никакого братства и что они не хотятъ, чтобъ дѣти сапожниковъ и ремесленниковъ называли ихъ своими братьями. «Между нами и третьимъ сословіемъ, говорили они, такая же разница, какъ между господиномъ и слугою» [1]). Нѣкоторое время спустя, послѣ этой жалобы, между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ произошла новая распря, вслѣдствіе того, что одинъ дворянинъ избилъ палкою буржуа, не снявшаго передъ нимъ шляпу [2]). Все это показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу находились французскія сословія и служитъ отвѣтомъ на вопросъ, почему генеральные штаты погибли, не добившись никакихъ правъ. Кромѣ вышеназванной основной причины паденія французскаго представительства, были еще другія, побочныя, игравшія однако не маловажную роль, наприм. вліяніе римскаго права, сказавшееся въ дѣятельности легистовъ, крайне враждебно относившихся къ сословнымъ вольностямъ вообще и къ генеральнымъ штатамъ въ частности, религіозныя войны, новыя политическія теоріи въ родѣ теоріи божественнаго права и т. п. Одной изъ весьма важныхъ побочныхъ причинъ было установленіе постоянной арміи и постояннаго налога. Не говоря уже о томъ, что постоянная армія дѣлала короля вполнѣ независимымъ отъ феодальныхъ сеньёровъ (тѣмъ болѣе, что арміи послѣднихъ были уничтожены) и давала ему въ руки сильное орудіе для увеличенія своей власти, самое установленіе постояннаго налога уничтожало всякую raison d'être генеральныхъ штатовъ, однимъ изъ главныхъ стимуловъ созванія которыхъ была денежная нужда пра-

---

[1]) Thierry, p. 150—152; Picot, t. III, p. 345—348.

[2]) Picot, t. III, p. 388.

вительства. И дѣйствительно, до этой реформы собранія земскихъ чиновъ созывались довольно часто, послѣ же нея, онѣ появляются черезъ долгіе промежутки времени и только въ исключительныхъ случаяхъ. Недаромъ Лизіёскій епископъ Ѳома Базенъ тридцать пять лѣтъ спустя, послѣ реформы, такъ нападалъ на нее, говоря, что постоянная армія есть орудіе тираніи и что постановленіе генеральныхъ штатовъ 1439 года, учредившихъ ее, будетъ служить причиною гибели свободы и сословныхъ вольностей [1]. Голосъ его въ этомъ случаѣ оказался пророческимъ.

Англія.

Въ *составъ* англійскаго парламента въ періодъ среднихъ вѣковъ входили слѣдующіе разряды лицъ: духовные и свѣтскіе перы, члены королевскаго совѣта, судьи и другія лица, занимающія высшія государственныя должности, члены низшаго духовенства, рыцари графствъ и представители городовъ.

Духовными перами были: два архіепископа (Кентерберійскій и Іоркскій), 19 епископовъ, нѣкоторые аббаты, пріоры и начальники духовныхъ орденовъ [2]. Что касается до архіепископовъ и епископовъ, то они, какъ говоритъ Стебсъ, призывались въ парламентъ, не въ качествѣ владѣльцевъ свѣтскихъ бароній, т. е. королевскихъ вассаловъ, а какъ представители церкви. Доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что, когда мѣсто епископа было вакантно, призывался генеральный викарій (Keeper of the Spiritualities), что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ епископъ засѣдалъ въ парламентѣ въ качествѣ владѣльца бароніи [3]. Иначе было съ аббатами и пріорами. Послѣдніе призывались не въ качествѣ представителей церкви, но какъ ленные владѣльцы. Въ виду того, что участіе въ парламентѣ было сопряжено со множествомъ расходовъ, аббаты и пріоры не разъ старались освободиться отъ этой обязанности, доказывая, что ихъ владѣнія не подходятъ подъ типъ бароній. Такимъ образомъ, въ 1318 г. аббатъ С. Джемскій, въ 1325 г. пріоръ Брейдлингтонскій, въ 1341 г. аббатъ С. Августинскій, въ 1350 г. аббатъ Оснейскій и въ 1351 г. аббатъ Лейчестерскій были освобождены отъ обязанности являться на засѣданія парламента, такъ какъ ихъ владѣнія не были признаны бароніями [4]. Начальники духовныхъ орденовъ Тампліеровъ, Госпиталіеровъ и Жильбертиновъ призывались въ парламентъ до самаго уничтоженія этихъ орденовъ.

---

[1]) Desjardins, p. 172.

[2]) Hallam, t. II, p. 132; Guizot, t. II, p. 195; Gneist s. 348; Stubbs, vol. III, p. 443; Glasson, t. III, p. 133.

[3]) Stubbs, vol. III, p. 443. См. также Gneist s. 349.

[4]) Stubbs, vol. III, p. 443; Gneist, s. 349.

Что касается до числа духовныхъ перовъ, то, кромѣ архіепископовъ и епископовъ, оно постоянно варіировалось. Такъ, въ парламентѣ 1295 г. аббатовъ и пріоровъ было 67 человѣкъ, въ 1300 г.—72 человѣка, въ 1301 г.—80 человѣкъ, въ 1302 г.—42 человѣка, въ 1305 г.—75 человѣкъ, въ 1307 г.—48 человѣкъ, при Эдуардѣ II—отъ 40 до 60 человѣкъ, при Эдуардѣ III (за исключеніемъ 1332 г., когда ихъ было 58)—27 человѣкъ и т. д. [1]). Духовные перы были обязаны являться лично, хотя имъ и разрѣшалось посылать взамѣнъ себя замѣстителей (procuratores), но вообще правительство относилось къ этому недружелюбно и нерѣдко прямо запрещало посылку замѣстителей [2]).

Въ составъ *свѣтскихъ перовъ* входили: принцъ Валлійскій (наслѣдникъ престола), герцоги, графы, маркизы, виконты и бароны [3]). Эти лица призывались въ качествѣ королевскихъ вассаловъ и должны были являться лично, хотя такъ же, какъ и духовные перы могли посылать взамѣнъ себя замѣстителей [4]). Но далеко не всѣ королевскіе вассалы призывались въ парламентъ, а лишь тѣ, въ совѣтѣ и помощи которыхъ нуждался въ данный моментъ король. Конечно, въ большинствѣ случаевъ это были самые могущественные и самые сильные, какъ по своему богатству, такъ и по своему вліянію, игнорировать мнѣніе которыхъ было бы не политично со стороны короля. Такимъ образомъ, участіе отдѣльныхъ вассаловъ въ парламентѣ вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія короля и только тѣ изъ нихъ могли являться на засѣданія, которые получили, такъ называемые, writs, т. е. призывные письма [5]). Въ виду того, что эти writs очень часто адресовались къ однимъ и тѣмъ же личностямъ, а послѣ ихъ смерти къ ихъ сыновьямъ, стало вырабатываться понятіе о наслѣдственномъ участіи въ парламентѣ, окончательно сложившееся въ эпоху Ланкастерской династіи. Такимъ образомъ, появилась наслѣдственная перія и выработался взглядъ, въ силу котораго старшіе сыновья перовъ, послѣ смерти своихъ отцевъ, должны были занимать ихъ мѣста въ парламентѣ и, въ свою очередь, передавать ихъ своимъ сыновьямъ. Конечно, подобный порядокъ вещей выработался не сразу и долго еще рядомъ съ наслѣдственными перами въ парламентѣ засѣдали и пожизненные перы, не передававшіе своимъ наслѣдникамъ права на участіе въ парламентѣ. При Тюдорахъ пожизненное перство окончательно уничтожилось и выработалось правило, по кото-

---

[1]) Stubbs, vol. III, p. 444.

[2]) Gneist, s. 349.

[3]) Hallam, t. II, p. 135; Guizot, t. II, p. 195; Gneist s. 349; Stubbs, vol. III, p. 432; Glasson, t. III, p. 133.

[4]) Gneist, s. 351.

[5]) Gneist, s. 350.

рому лицо, получившее, хотя бы разъ, призывное письмо (writ), этимъ самымъ уже дѣлалось наслѣдственнымъ перомъ [1]).

Со времени Ричарда II перство начинаетъ терять свое территоріальное значеніе и превращается въ личное почетное званіе. Такимъ образомъ, членами палаты лордовъ становятся не только владѣльцы крупныхъ бароній, т. е. королевскіе вассалы, но и лица, не владѣющія никакой собственностью [2]). Всякій, чѣмъ либо выдававшійся въ области политики, торговли, промышленности, науки и т. п. или вообще всякій, въ комъ нуждался въ данный моментъ король или къ кому онъ чувствовалъ симпатію могъ быть возведенъ въ званіе пера и занять мѣсто въ палатѣ лордовъ.

Число свѣтскихъ перовъ также было крайне непостояннымъ, что отчасти происходило, вслѣдствіе смерти, упраздненія перства, малолѣтства перовъ или королевской опалы, отчасти же, вслѣдствіе новыхъ пожалованій, освобожденія отъ обязанности явки въ парламентъ за старостью, болѣзнью и т. п. [3]). Такъ, при Эдуардѣ I въ парламентъ 1283 г. было призвано 110 перовъ, въ парламентъ же 1295 г.—всего 49. Вообще, при Эдуардѣ I число перовъ колебалось между 40 и 111, при Эдуардѣ II—между 38 и 123, при Эдуардѣ III—между 24 и 96, при Ричардѣ II — между 29 и 48, при Генрихѣ IV оно никогда не превышало 50, при Генрихѣ V оно только разъ дошло до 40, при Генрихѣ VI оно колебалось между 23 и 55, при Эдуардѣ IV—между 23 и 50 и т. п. [4]). Свѣтскіе перы равно, какъ и духовные были обязаны посѣщать парламентъ и не имѣли права до окончанія сессіи оставлять его. Парламентскимъ постановленіемъ 1454 г. была введена система штрафовъ, которымъ подвергались перы за неисполненіе вышеназваннаго правила. По этому постановленію архіепископы и герцоги оштрафовывались 100 фунтами, графы и епископы 100 марками, аббаты и бароны 40 фунтами [5]).

Въ составъ парламента входили *канцлеръ, члены королевскаго совѣта и судьи*, Послѣдніе имѣли совѣщательное значеніе и призывались для разрѣшенія юридическихъ вопросовъ [6]).

Низшее духовенство одно время также было составной частью парламента, хотя положеніе его здѣсь никогда не было точно опредѣлено и оно вскорѣ совсѣмъ прекратило посылку своихъ депутатовъ. Первый король, созвавшій представителей низшаго духовенства былъ Іоаннъ Безземельный. Такъ, въ 1207 г. имъ были созваны представители чернаго духовенства—аббаты, въ 1213 г. представи-

---

[1]) Gneist, s. 353.
[2]) Glasson, t. IV, p. 100.
[3]) Stubbs, vol. III, p. 442.
[4]) Stubbs, vol. III, p. 442; Gneist, s. 350.
[5]) Stubbs, vol. III, p. 442.
[6]) Stubbs, vol. III, p. 445; Gneist, s. 351.

тели бѣлаго духовенства—деканы капитуловъ. Въ теченіи слѣдующихъ 40 лѣтъ подобные созывы духовенства, хотя и безъ правильнаго порядка, постоянно имѣли мѣсто. Въ 1254 г. архіепископы и епископы получили предписаніе собрать все духовенство для вотированія денежныхъ субсидій королю. Въ 1255 г. депутаты отъ церкви засѣдали въ вестминстерскомъ парламентѣ и приносили свои петиціи. Въ 1283 г. Эдуардъ I призвалъ представителей духовенства на парламенты въ Нортгамтонѣ и Іоркѣ. Тоже самое имѣло мѣсто въ 1294 г. Въ 1295 г. въ призывныхъ письмахъ, адресованныхъ епископамъ,было предписано, чтобъ деканы и пріоры каоедральныхъ капитуловъ, равно какъ и архидіаконы лично присутствовали въ парламентѣ, между тѣмъ, какъ каждый капитулъ посылалъ бы одного, а духовенство каждаго діоцеза двухъ депутатовъ, снабженныхъ полномочіями со стороны избирателей. Это предписаніе повторялось потомъ въ каждомъ призывномъ письмѣ. Такимъ образомъ, короли желали, чтобъ и нисшее духовенство участвовало въ парламентѣ наравнѣ съ представителями графствъ и городовъ. Но это желаніе не осуществилось на практикѣ, такъ какъ духовенство постоянно оказывало ему сильную оппозицію, предпочитая вотировать пособія въ своихъ церковныхъ собраніяхъ (convocations). Въ XIV ст. участіе нисшаго духовенства въ парламентѣ прекращается и оно болѣе не посылаетъ въ него своихъ депутатовъ [1]).

Рыцари графствъ и представители городовъ заканчивали собою составъ парламента.

Англійскій парламентъ въ отличіе отъ континентальныхъ представителныхъ собраній состоялъ изъ двухъ палатъ: палаты лордовъ и палаты общинъ. Въ составъ верхней палаты входили духовные и свѣтскіе перы, а также нѣкоторыя должностныя лица; въ составъ нижней—рыцари графствъ и представители городовъ. Подобное раздѣленіе парламента на палаты произошло не сразу и вначалѣ каждое сословіе засѣдало отдѣльно. Въ первое время существованія парламента всѣ королевскіе вассалы (крупные и мелкіе) засѣдали вмѣстѣ, такимъ образомъ, рыцари графствъ, хотя и являвшіеся въ качествѣ депутатовъ, нисколько не выдѣлялись изъ среды духовныхъ и свѣтскихъ перовъ и вмѣстѣ съ ними рѣшали всѣ дѣла. Выдѣленіе ихъ произошло уже впослѣдствіи и они образовали особую палату, отличную, какъ отъ крупныхъ вассаловъ, такъ и отъ представителей городовъ, соединившихся съ ними только въ серединѣ XIV столѣтія. Послѣдніе до своего соединенія съ рыцарями, засѣдали отдѣльно, а если и въ одномъ помѣщеніи, то въ разныхъ мѣстахъ. Духовенство также не смѣшивалось съ другими сословіями и всегда стремилось къ обособленію. Что сословія засѣдали отдѣльно, видно изъ различія

[1]) Stubbs, Select. Charters, p. 38 (русскій переводъ въ Опытахъ по исторіи англ. конст. стр. 211); Stubbs, Const. History, v. III, p. 446; Gneist, s. 399.

суммъ, вотировавшихся ими въ видѣ денежныхъ субсидій правительству. Такъ, въ 1295 г. графы, бароны и рыцари графствъ постановили отдать королю одиннадцатую часть своего имущества, духовенство—десятую, горожане—седьмую. Въ 1296 году первые дали двѣнадцатую часть, послѣдніе—восьмую. Въ 1305 г. первые дали тридцатую часть, духовенство же и горожане двадцатую. При Эдуардѣ II въ 1308 г. бароны и рыцари дали двадцатую часть, духовенство же и горожане—пятнадцатую. Такое же различіе въ суммахъ существовало и при Эдуардѣ III. Кромѣ того, имѣются и другія доказательства въ пользу того, что сословія засѣдали отдѣльно. Такъ, актонъ-бéрнельскій статутъ 1283 г. былъ составленъ при участіи однихъ горожанъ, засѣдавшихъ въ Актонъ-Бернелѣ, въ то время, какъ бароны и рыцари графствъ находились въ Шрюсбери для суда надъ принцемъ Валлійскимъ Давидомъ и т. п. Трудно сказать, когда произошло раздѣленіе парламента на двѣ палаты. По всей вѣроятности, окончательное раздѣленіе имѣло мѣсто въ серединѣ XIV ст., по крайней мѣрѣ, съ 1341 г. перы и общины засѣдаютъ уже отдѣльно [1]).

Время созванія парламента было опредѣлено въ законѣ, хотя, нужно замѣтить, послѣдній далеко не всегда соблюдался. Еще въ 1258 г. парламентомъ, засѣдавшимъ въ Оксфордѣ, было постановлено, что король обязанъ ежегодно созывать *три* парламента: одинъ въ февралѣ, одинъ въ іюнѣ и одинъ въ октябрѣ [2]), но это постановленіе строго не соблюдалось. Въ пятый годъ царствованія Эдуарда II было издано новое постановленіе, по которому король долженъ былъ созывать ежегодно *одинъ* или *два* парламента [3]). Статутомъ же изданнымъ въ четвертый годъ царствованія Эдуарда III было постановлено, что каждый годъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ одинъ парламентъ [4]). Но этотъ законъ очень часто не соблюдался и не разъ проходили года, когда парламента не было, напр. въ 1364, 1367 и 1370 гг., между 1373 и 1376 гг., въ 1387, 1389, 1392 и 1396 гг., въ 1407 и 1410 гг., въ 1441, 1443, 1448, 1452 и 1457 гг. Эдуардъ IV въ продолженіи своего двадцатидвухлѣтняго царствованія созвалъ парламентъ всего только шесть разъ и т. п. [5]).

Мѣстомъ засѣданія парламента въ большинствѣ случаевъ былъ Вестминстерскій дворецъ въ Лондонѣ, но иногда парламентъ засѣдалъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Іоркѣ (въ 1298, 1314, 1318, 1319, 1322, 1328, 1332, 1333, 1334, 1335 и 1464 гг.), Нортгамп-

---

[1]) Hallam, t. II, p. 190; Guizot, t. II, p. 269; Stubbs, v. III, p. 430; Glasson, t. III, p. 139.

[2]) Guizot, t. II, p. 166.

[3]) Hallam, t. II, p. 193.

[4]) Hallam, t. II, p. 193; Glasson, t. IV, p. 97.

[5]) Stubbs, v. III, p. 380.

тонѣ (въ 1307, 1328, 1338 и 1380 гг.), Линкольнѣ (въ 1301, 1316 и 1327 гг.), Винчестерѣ (въ 1330, 1393 и 1449 гг.), Лейчестерѣ (въ 1414, 1426 и 1450 гг.), Ковентри (въ 1404 и 1459 гг.), Ридингѣ (въ 1453 и 1467 гг.), Салисбери (въ 1328 и 1384 гг.), Глочестерѣ (въ 1378 и 1407 гг.), Карлилѣ (въ 1307 г.), Ноттингамѣ (въ 1336 г.), Кембриджѣ (въ 1388 г.) и Шрюсбери (въ 1398 г.) [1].

Право созванія парламента принадлежало королю и, если происходили факты, противорѣчащіе этому праву, то они относились къ разряду аномальныхъ явленій и имѣли мѣсто въ періоды смутъ и гражданскихъ войнъ. Призывныя письма (writs) разсылались королевскимъ совѣтомъ отъ имени короля за нѣсколько недѣль до срока созванія парламента. Еще Великая хартія предписывала разсылку writs за 40 дней до засѣданія. Впослѣдствіи этотъ срокъ былъ нѣсколько уменьшенъ. Такъ, Симонъ де Монфоръ созвалъ свой знаменитый парламентъ 27 дней спустя, послѣ разсылки призывныхъ писемъ, парламентъ 1295 г. былъ созванъ 35 дней спустя, послѣ разсылки writs и т. п. При Эдуардахъ I, II и III промежутки времени между созывомъ и съѣздомъ были вообще продолжительны (31 или 35 дней). При Ричардѣ II они вновь достигли 40 дней и т. п. Одинъ разъ только при Генрихѣ IV парламентъ собрался недѣлю спустя, послѣ разсылки призывныхъ писемъ [2].

Writs заключали въ себѣ объясненіе повода созванія парламента, а также опредѣленіе мѣста и времени засѣданія, затѣмъ перечисленіе состава собранія (cum ceteris, praelatis, magnatibus et proceribus regni nostri) и заканчивались предписаніемъ или явиться лично или распорядиться производствомъ выборовъ, процедура которыхъ при этомъ довольно подробно описывалась въ призывныхъ письмахъ. Духовные и свѣтскіе перы, а также судьи и члены совѣта получали writs лично, а не черезъ посредство королевскихъ чиновниковъ, причемъ первое призывное письмо адресовалось на имя архіепископа Кентерберійскаго, второе—на имя архіепископа Іоркскаго, а остальныя уже на имя другихъ духовныхъ и свѣтскихъ перовъ [3]. Низшее духовенство получало письма черезъ посредство епископовъ, графства же и города черезъ посредство шерифовъ и городскихъ бургомистровъ [4])

---

[1]) Stubbs, v. III, p. 386—388.

[2]) Stubbs, v. III, p. 381.

[3]) Stubbs, v. III, p. 391.

[4]) Слѣдующіе города получали writs черезъ посредство своихъ бальи: Лондонъ, Бристоль, Іоркъ, Ньюкестль, Норвичъ, Линкольнъ, Гуль, Кингстонъ, Соутгемптонъ, Ноттингамъ, Ковентри и Кентербери. Остальные же города получали ихъ черезъ посредство шерифовъ тѣхъ графствъ, въ предѣлахъ которыхъ они находились. См. Stubbs, v. III, p. 403, а также Riess, Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter (1885), s. 16.

По полученіи writs, шерифы и бургомистры должны были распорядиться *выборами*. Избирательными округами считались графства и города. Каждое графство обыкновенно должно было посылать двухъ представителей, причемъ не обращалось вниманія на величину графствъ и на то, соединены ли нѣсколько графствъ подъ управленіемъ одного шерифа или нѣтъ. Такъ, напр. маленькое графство Ретлендъ посылало столько же, сколько огромное графство Линкольнское. Точно также графства Норфолькъ и Суффолькъ, хотя и управлялись однимъ шерифомъ, посылали столько же представителей, сколько и вышеназванное Линкольнское графство, имѣвшее своего собственнаго шерифа [1]). Хотя въ большинствѣ случаевъ каждое графство посылало по два представителя, но иногда случалось, что правительство предписывало прислать только одного, а иногда и больше, напр. трехъ и т. п. [2]). Въ виду же того, что всѣхъ графствъ, посылавшихъ своихъ представителей въ продолженіи среднихъ вѣковъ было 37, въ парламентѣ засѣдало 74 рыцаря, считая по два отъ каждаго графства [3]). Иногда случалось, что нѣкоторыя графства и совсѣмъ не посылали представителей, смотря вообще на участіе въ парламентѣ, не какъ на право, а какъ на тяжелую обязанность.

Выборы происходили въ собраніи графства, имѣвшемъ мѣсто разъ въ мѣсяцъ въ центральномъ пунктѣ этого территоріальнаго цѣлаго [4]). Парламентскимъ постановленіемъ 1406 г. было предписано шерифамъ за 14 дней до производства выборовъ оповѣщать во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся мѣстечкахъ графства мѣсто и время засѣданій собранія послѣдняго [5]). Въ составъ собраній долгое время входили всѣ свободные, такъ что депутаты, можно сказать, избирались всеобщей подачей голосовъ [6]). Всякій желавшій принять участіе въ выборахъ, имѣлъ на это право и контроля надъ избирателями не существовало никакого. Въ качествѣ участниковъ собраній въ это время мы встрѣчаемъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, посылавшихъ на собранія своихъ делегатовъ, и болѣе мелкихъ рыцарей, и свободныхъ поземельныхъ владѣльцевъ не рыцарскаго званія, такъ называемыхъ, фригольдеровъ, и духовныхъ лицъ, и крестьянъ (villani), и даже женщинъ и дѣтей и, наконецъ, лицъ, жившихъ

---

[1]) Riess, Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament im Mittelalter (1885), s. 16—17.

[2]) Gneist, s. 384.

[3]) Stubbs, v. III, p. 447.

[4]) Собранія графства обыкновенно имѣли мѣсто разъ въ мѣсяцъ въ опредѣленный день, такъ, напримѣръ, въ Сомерсетскомъ графствѣ каждый четвертый понедѣльникъ, въ Ретлендѣ—каждый четвертый четвергъ, въ Девонскомъ графствѣ—каждую четвертую субботу и т. п. См. Riess, s. 41—44.

[5]) Stubbs, v. III, p. 405; Riess, s. 87.

[6]) Riess, s. 37.

въ другихъ графствахъ и городахъ [1]). Подобный, крайне разнообразный составъ избирателей существовалъ до XV столѣтія, когда многіе изъ перечисленныхъ классовъ населенія лишились права посылать своихъ представителей въ парламентъ. Статутомъ 1413 года было опредѣлено, что только одни жители графства имѣютъ право участвовать въ избраніи депутатовъ въ парламентъ, такимъ образомъ, посторонпія лица были устранены отъ участія въ собраніяхъ графства [2]). Въ 1429 г. былъ изданъ другой статутъ, впервые установившій цензъ для избирателей. «Въ виду того, что выборы во многихъ графствахъ, говорится въ статутѣ, происходили при большомъ стеченіи крайне возбужденныхъ людей, жившихъ въ этихъ графствахъ и, изъ которыхъ были по большей части люди неимущіе и безо всякаго значенія и въ виду того, что каждый изъ нихъ требовалъ, чтобы при выборахъ его право голоса было равносильно праву голоса самыхъ значительныхъ рыцарей и помѣщиковъ (esquires), жившихъ въ тѣхъ же графствахъ, результатомъ чего могли бы быть раздоры, драки, возмущенія и убійства», было постановлено, чтобъ «къ голосованію не допускали тѣхъ, которые, за вычетомъ повинностей, имѣли менѣе 40 шиллинговъ годоваго дохода отъ свободнаго земельнаго участка или двора». Вслѣдствіе этого, каждый избиратель передъ началомъ выборовъ обязанъ былъ поклясться шерифу, что его годовой доходъ превышаетъ 40 шиллинговъ [3]). Подобное ограниченіе круга избирателей было впослѣдствіи подтверждено и многими другими статутами.

Что касается до числа избирателей, то оно, вопреки мнѣнію Гнейста [4]), было довольно обширно. Такъ, напр. въ собраніи графства Линкольнъ участвовало около 400 человѣкъ, въ собраніи графства Гунтингдонъ—около 500 человѣкъ, въ составъ собраній другихъ графствъ иногда входило около 1,000 человѣкъ и т. п. [5]). Избраніе происходило подъ предсѣдательствомъ шерифа, которому было запрещено оказывать давленіе на избирателей и вообще вмѣшиваться въ выборы, что, впрочемъ, очень рѣдко соблюдалось. До XV ст. избраніе происходило единогласно, какъ это видно изъ многихъ документовъ [6]), въ XV же ст. единогласное избраніе было замѣнено избраніемъ по большинству голосовъ [7]). Система кандидатуръ была вполнѣ извѣстна англичанамъ XIV столѣтія и нерѣдко случалось, что разныя лица предлагали своихъ кандидатовъ и затѣмъ стара-

---

[1]) Riess, s. 45—46.
[2]) Riess, s. 89.
[3]) Riess, s. 91. См. также Опыты по исторіи англ. конст., стр. 287.
[4]) Gneist, s. 387.
[5]) Riess, s. 47.
[6]) Riess, s. 50.
[7]) Riess, s. 91.

лись ихъ проводить [1]). Правительство точно также дѣйствовало черезъ шерифовъ, стараясь проводить пріятныхъ для себя лицъ. По окончаніи выборовъ, составлялся протоколъ, подписывавшійся избирателями и служившій депутатамъ документомъ, удостовѣрявшимъ ихъ званіе. Хотя, собственно говоря, всѣ избиратели обязаны были подписываться подъ протоколомъ, но на самомъ дѣлѣ этого не было и подписывались очень немногіе. Такъ, въ 1407 г. Кембриджскій протоколъ былъ подписанъ 12 избирателями, а Гюнтингдонскій только восемью. Подъ Кентскимъ протоколомъ 1411 г. встрѣчается 12 подписей, а подъ протоколомъ графства Дерби—шесть «cum multis aliis de communitate» и т. п. [2]). Что далеко не всѣ избиратели подписывались подъ протоколами, этому рельефнымъ доказательствомъ служитъ слѣдующій фактъ. Въ 1450 г. многіе избиратели графства Гюнтингдонъ заподозрили шерифа въ неправильномъ составленіи протокола и отправили королю письмо, въ которомъ изложили свои обвиненія противъ шерифа. Подъ вышеназваннымъ протоколомъ подписались только пять человѣкъ, письмо же подписано 124 избирателями, заявившими, что они вмѣстѣ съ 300 коммонерами избрали двухъ рыцарей, другіе же 70 человѣкъ высказались противъ ихъ кандидатовъ и избрали своего депутата [3]). Такимъ образомъ, всѣхъ избирателей было 494, а между тѣмъ подъ протоколомъ подписались только пять человѣкъ.

Кто же могъ быть избранъ? Во-первыхъ, только жители графства, такъ что всѣ посторонніе исключались изъ категоріи представителей. На этомъ правительство настаивало еще въ 1283 г. [4]). Во вторыхъ, способные состоятельные и лучшіе люди графства (discretiores, aptiores, ad laborandum potentiores, meliores) [5]) Что касается до того, чтобъ были избраны непремѣнно лица рыцарскаго званія, то подобное требованіе высказывалось только въ первое время существованія парламента. Правда, въ призывныхъ письмахъ по прежнему предписывалось избирать только рыцарей, но на практикѣ это не исполнялось и графства наравнѣ съ рыцарями посылали въ качествѣ своихъ представителей также и фригольдеровъ. Число по-

---

[1]) Riess, s. 51 u and Изъ дошедшихъ до насъ писемъ Пастона видно, какое давленіе иногда оказывали разныя лица на избирателей, стараясь проводить своихъ кандидатовъ. Вотъ, что писала (въ XV ст.) герцогиня Норфолькъ эсквайру Пастону, прося его употребить свое вліяніе на выборахъ графства въ пользу нѣкоторыхъ приверженцевъ герцога: „По разнымъ причинамъ необходимо, чтобы лордъ имѣлъ именно въ это время такихъ людей въ парламентѣ, которые были бы вполнѣ за него и мы надѣемся въ этомъ на вашу готовность и ревностное содѣйствіе“. (Опыты по исторіи англійской конституціи, стр. 292).

[2]) Stubbs, v. III, p. 408.

[3]) Stubbs, v. III, p. 409.

[4]) Riess, s. 63.

[5]) Stubbs, v. III, p. 397; Riess, s. 64.

слѣднихъ постоянно увеличивалось и въ 1325 г. въ числѣ представителей графствъ дѣйствительныхъ рыцарей было только 27 человѣкъ. Съ 1322 же года призывныя письма предписываютъ уже избирать «milites seu *alios* de comitatu» [1]). Нѣкоторымъ разрядамъ лицъ было запрещено баллотироваться въ депутаты. Сюда, во-первыхъ, относились шерифы. Впервые подобное запрещеніе вышло въ 47 годъ царствованія Эдуарда III, такъ какъ шерифы, злоупотребляя своимъ положеніемъ, не разъ оказывали давленіе на избирателей и заставляли, такимъ образомъ, избирать себя. Во-вторыхъ, не могли быть избираемы адвокаты, такъ какъ, пользуясь привилегіями депутатовъ, они могли бы ими злоупотреблять въ пользу своихъ кліентовъ [2]).

Разъ выборы состоялись, то депутаты уже не имѣли права отказываться отъ своихъ полномочій и были обязаны въ качествѣ представителей своихъ избирателей отправляться въ парламентъ. Находясь же въ послѣднемъ, они не имѣли права покидать его прежде, чѣмъ король не закроетъ сессіи [3]).

Депутаты получали отъ своихъ избирателей содержаніе за все время продолженія сессіи, причемъ въ однѣхъ графствахъ эту повинность несли всѣ жители, въ другихъ же только одни рыцари [4]). Содержаніе равнялось 4 шиллингамъ ежедневно [5]).

Кромѣ графствъ, представителей въ парламентъ посылали также и города. Какіе же города пользовались этимъ правомъ? Извѣстно, что города Англіи представляли нѣсколько категорій. Къ первой категоріи относились такія селенія и мѣстечки, которыя, входя въ составъ сотни, вполнѣ подчинялись сотенному начальнику и зависѣли отъ него. Ко второй категоріи относились города, изъятые изъ подъ управленія сотеннаго начальника и непосредственно подчиненные шерифу. Такіе города стояли на равной ногѣ съ сотней и пользовались извѣстнымъ самоуправленіемъ. Къ третьей категоріи относились немногіе города (напр. Лондонъ, Бристоль, Іоркъ), изъятые изъ подъ управленія шерифа и пользовавшіеся правами графства. Въ первое время участія представителей городовъ въ парламентѣ всѣ три категоріи посылали своихъ депутатовъ. Но затѣмъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе тяжести подобной «повинности», многіе города отказались отъ нея и право представительства удержалось только у нѣкоторыхъ городовъ первой категоріи (именно въ графствахъ: Вильтъ, Девонъ, Сомерсетъ, Дорсетъ и въ Корнваллисѣ) и у всѣхъ городовъ двухъ другихъ категорій [6]).

---

[1]) Gneist, s. 388.

[2]) Riess, s. 65.

[3]) Riess, s. 66—67.

[4]) Riess, s. 72 u. 101.

[5]) Glasson, t. IV, p. 110. См. также Stubbs, v. III, p. 483.

[6]) Riess, s. 27—35.

Что касается до числа городовъ, представлявшихся въ парламентѣ, то оно постоянно варьировалось. Въ царствованіе Эдуарда I «парламентскихъ» городовъ было 166, на каждый же парламентъ въ отдѣльности среднимъ числомъ приходилось по 75 городовъ. При Эдуардѣ II—«парламентскихъ» городовъ было 123, среднимъ же числомъ на каждый парламентъ приходилось по 60 городовъ [1]). Обыкновенно, каждый городъ посылалъ двухъ представителей, но иногда и больше. Лондонъ же и пять портовъ въ большинствѣ случаевъ посылали по три и по четыре представителя [2]). Нужно замѣтить, что англійскіе города смотрѣли на представительство, не какъ на право, а какъ на тяжелую повинность, въ избавленіи отъ которой они видѣли столь дорогую для себя привилегію. Вотъ почему многіе города или добивались этой привилегіи, или сами не посылали депутатовъ, не считая даже нужнымъ извиняться передъ королемъ за подобный самовольный поступокъ. До насъ дошло много извѣстій, свидѣтельствующихъ о такомъ отношеніи городовъ къ праву участія въ парламентѣ. Такъ, шерифы, отправлявшіе призывныя письма въ подвѣдомственные имъ города, нерѣдко доносили въ королевскую канцелярію, что изъ многихъ городовъ они не получили никакого отвѣта. Въ шестой годъ царствованія Ричарда II городъ Кольчестеръ, вслѣдствіе расходовъ, сопряженныхъ съ постройкою новой стѣны, получилъ привилегію не быть представленнымъ впродолженіи пяти лѣтъ въ парламентѣ. Въ 24 годъ царствованія Эдуарда III городъ Торнтонъ получилъ привилегію *никогда* не посылать своихъ представителей въ парламентъ. «Мы освобождаемъ васъ навсегда отъ этой тяжелой повинности», писалъ Эдуардъ III городу. При освобожденіи городовъ отъ посылки депутатовъ весьма важную роль играли шерифы: если городъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ начальникомъ графства, то послѣдній устраивалъ такимъ образомъ, что городъ освобождался отъ этой посылки, если же, напротивъ, между шерифомъ и городомъ существовалъ извѣстный антагонизмъ, то первый настаивалъ на посылкѣ депутатовъ послѣднимъ. Никакого контроля надъ дѣятельностью шерифовъ въ этомъ отношеніи не существовало [3]).

Что касается до того, какъ происходили выборы въ городахъ, то на этотъ счетъ не существовало никакой опредѣленной системы. Каждый городъ выработалъ свою собственную систему и, на основаніи ея, избиралъ своихъ представителей. Всѣ эти разнообразныя системы могутъ быть сведены къ тремъ. Во-первыхъ, представители назначались городскими бургомистрами, причемъ жители города въ выборѣ ихъ не принимали никакого участія. Такъ происходило, напр.

---

[1]) Riess, s. 20. См. также Stubbs, v. III, p. 448.

[2]) Gneist, s. 389; Stubbs, vol. III, p. 451.

[3]) Riess, s. 21—24.

въ Нортгамптонѣ, гдѣ, по словамъ источниковъ, «balliѵi... ipsi eligerunt». Во-вторыхъ, бургомистры вмѣстѣ съ выдающимися людьми города участвовали въ избраніи представителей. Такая система практиковалась въ Лондонѣ и большинствѣ англійскихъ городовъ. Такъ, напр. въ 1296 г. въ Лондонѣ выборы произошли слѣдующимъ образомъ: лордъ-меръ созвалъ всѣхъ членовъ городскаго совѣта и четырехъ гражданъ отъ каждаго городскаго квартала и затѣмъ всѣ эти лица избрали депутатовъ въ парламентъ. Тоже самое имѣло мѣсто и въ 1300 г., когда изъ каждаго квартала были избраны 6 человѣкъ. Ордонансомъ 1346 г. было предписано, чтобъ лондонскіе депутаты избирались лордъ-меромъ, членами городскаго совѣта и собраніемъ выдающихся людей изъ каждаго квартала. Для этой цѣли каждый кварталъ долженъ былъ посылать 12, 8 или 6 человѣкъ.— Третья система состояла въ томъ, что выборы производились всей городской общиной, на манеръ того, какъ въ графствахъ. Предсѣдательствовалъ на выборахъ бургомистръ. Такая система практиковалась въ Бристолѣ, Ноттингамѣ, Дерби и др. городахъ. При этомъ нужно помнить, что въ нѣкоторыхъ городахъ эта система нѣсколько видоизмѣнялась, напримѣръ, въ Іоркѣ, гдѣ часть гражданъ сперва назначала опредѣленное число кандидатовъ, а затѣмъ ужь изъ этихъ кандидатовъ городская община избирала представителей въ парламентъ и т. п. [1]).

Кто же пользовался правомъ участвовать въ избраніи депутатовъ и быть представителемъ? На этотъ счетъ также не существовало опредѣленнаго правила и каждый городъ руководствовался своими обычаями. Въ однихъ городахъ право голоса принадлежало всѣмъ горожанамъ и, такимъ образомъ, существовала всеобщая подача голосовъ, въ другихъ—напротивъ, считалось принадлежностью отдѣльныхъ домовъ и околодковъ, въ третьихъ—принадлежало только однимъ членамъ разныхъ корпорацій и гильдій, въ-четвертыхъ—домовладѣльцамъ, платившимъ опредѣленныя подати и т. п. [2]).

Каждый городской депутатъ за все время продолженія сессіи получалъ отъ своихъ избирателей по два шиллинга ежедневно [3]). Впрочемъ, эта сумма иногда видоизмѣнялась, такъ, въ 1427 г. горожане Кембриджа постановили, что ихъ депутаты должны довольствоваться однимъ шиллингомъ въ день. Напротивъ, другіе города плотили больше, напр. лондонскіе депутаты получали въ день по 10 шиллинговъ, въ 1483 г. представители города Іорка также получили 10 шиллинговъ и т. п. [4]).

---

[1]) Riess, s. 61. Stubbs, v. III, p. 416.
[2]) Stubbs, v. III, p. 419.
[3]) Glasson, t. IV, p. 110. См. также Stubbs, v. III, p. 483.
[4]) Stubbs, v. III, p. 484.

По окончаніи выборовъ, депутаты, снабженные инструкціями [1]), отправлялись въ городъ, назначенный мѣстомъ засѣданія парламента. При этомъ нерѣдко случалось, что многіе изъ нихъ опаздывали къ сроку, вслѣдствіе чего приходилось откладывать церемонію открытія парламента. По прибытіи на мѣсто засѣданія, депутаты должны были принимать участіе въ разныхъ подготовительныхъ работахъ. Одна изъ главныхъ работъ состояла въ провѣркѣ депутатскихъ полномочій и въ приведеніи въ извѣстность наличности явившихся депутатовъ, для чего служила перекличка. По окончаніи этихъ работъ, происходило торжественное открытіе парламента. Залъ засѣданія роскошно убирался и драпировался. По срединѣ его возвышался тронъ, рядомъ съ которымъ находилось мѣсто канцлера. Духовные лорды занимали мѣста на-право отъ трона, свѣтскіе—на-лѣво. Противъ трона помѣщались члены королевскаго совѣта и судьи. Позади нихъ сидѣли рыцари графствъ и представители городовъ. Парламентъ открывался королемъ или его замѣстителемъ. Затѣмъ канцлеръ, а иногда и кто либо другой изъ высшихъ сановниковъ произносилъ рѣчь, въ которой излагалъ поводы созванія парламента. Рѣчь обыкновенно начиналась текстомъ изъ священнаго писанія или какимъ нибудь тезисомъ, избраннымъ самимъ ораторомъ и вообще напоминала собой проповѣдь. Она заканчивалась изложеніемъ положенія дѣлъ въ государствѣ и требованіемъ исполненія со стороны народныхъ представителей разныхъ повинностей въ пользу государства, напр. вотированіе налоговъ и т. п. По окончаніи рѣчи, король называлъ имена лицъ, назначенныхъ для пріема и разбора петицій и затѣмъ засѣданіе закрывалось. Иногда происходило нѣсколько торжественныхъ засѣданій, въ которыхъ разными должностными лицами снова излагались поводы созванія парламента. На слѣдующій день (а иногда въ день открытія парламента) лорды и общины приступали къ своимъ занятіямъ, причемъ засѣдали уже отдѣльно [2]). Засѣданія происходили обыкновенно утромъ, такъ, въ 1373 г. общинамъ было предписано собраться въ первомъ часу, въ 1376 и 1378 гг. — въ восемь часовъ, въ 1397 и 1401 г. — въ 10 часовъ и т. п. Мѣстомъ засѣданія общинъ служилъ домъ Капитула въ Вестминстерскомъ аббатствѣ (если парламентъ происходилъ въ Лон-

[1]) Инструкціи опредѣляли поведеніе депутатовъ въ парламентѣ. Каждый депутатъ могъ дѣйствовать только въ предѣлахъ своей инструкціи, такъ, напримѣръ, если правительство просило вотировать новые налоги, депутаты же не имѣли на это полномочій, то они должны были, прежде, чѣмъ дать отвѣтъ правительству, посовѣтоваться со своими избирателями (Hallam, t. II, p. 201). Впрочемъ, вслѣдствіе своеобразнаго развитія сословій въ Англіи и всесословной организаціи англійскаго парламента, инструкціи рано утратили свое значеніе и исчезли, по всей вѣроятности, одновременно съ замѣной подачи петицій внесеніемъ биллей.

[2]) Stubbs, v. III, p. 426 and 469.

донѣ), но иногда и другія помѣщенія, напр. въ 1297 г. общины засѣдали въ помѣщеніи самого короля, въ 1372 г. въ помѣщеніи Чернаго принца и т. п. Мѣстомъ засѣданія лордовъ была Комната парламента (Chamber of Parliament, гдѣ происходили торжественныя засѣданія), называвшаяся еще Бѣлымъ заломъ (White Chamber) и находившаяся въ Вестминстерскомъ дворцѣ [1]).

Первымъ дѣломъ общинъ было избраніе предсѣдателя (спикера), утверждавшагося королемъ. Первый спикеръ былъ избранъ въ 1377 г., но, какъ справедливо замѣчаетъ Стебсъ, въ виду того, что едва ли общины могли обходиться до этого времени безъ предсѣдателя, нужно думать, что спикеръ существовалъ и раньше [2]). Впродолженіи всего періода среднихъ вѣковъ спикерами избирались одни только рыцари графствъ. Первый случай, когда предсѣдателемъ былъ избранъ городской депутатъ относится къ 1554 г. [3]). Роль предсѣдателя въ палатѣ лордовъ исполнялъ канцлеръ, не пользовавшійся впрочемъ, подобно спикеру палаты общинъ, дисциплинарною властью [4]).

Разъединившись, палаты приступали къ разсмотрѣнію правительственныхъ предложеній, причемъ перѣдко совѣщались другъ съ другомъ и съ правительствомъ. Послѣднее отвѣчало на вопросы палатъ, дѣлало всевозможныя разъясненія, защищало свои предложенія и т. п. Для этого члены правительства пользовались правомъ доступа въ палаты. Обыкновенно, дѣлопроизводство въ палатахъ производилось слѣдующимъ образомъ. Всякое предложеніе, (въ формѣ петиціи или билля) внесенное въ палату, какъ правительствомъ, такъ и членами парламента проходило черезъ нѣсколько чтеній, иначе говоря, читалось нѣсколько разъ (обыкновенно три раза). Послѣ каждаго чтенія, происходили пренія, причемъ одинъ ораторъ могъ говорить только одинъ разъ въ день. Послѣ послѣдняго чтенія, имѣло мѣсто голосованіе, заключавшееся въ томъ, что спикеръ предлагалъ стоявшимъ за предложеніе встать, сидѣвшіе же считались высказавшимися противъ него или наоборотъ. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Если предложеніе принималось, то оно отсылалось въ другую палату, причемъ на немъ дѣлалась помѣта: «les seigneurs ont assentus» или «les commons ont assentus». При передачѣ предложенія изъ одной палаты въ другую, на немъ дѣлалась другая помѣта: «soit baillé aux seigneurs» (если предложеніе передавалось изъ палаты общинъ) и «soit baillé aux commons» (если предложеніе передавалось изъ палаты лордовъ). Петиція или билль, принятые обѣими палатами, шли на утвержденіе короля. Если король ихъ утверждалъ, то это означалось словами: «le roi le veut», если, напротивъ, отвергалъ,

---

[1]) Stubbs, v. III, p. 429.
[2]) Stubbs, v. III, p. 453.
[3]) Stubbs, v. III, p. 453.
[4]) Stubbs, v. III, p. 455.

то тогда говорилось: «le roi s'avisera». Въ случаѣ, если между палатами возникалъ конфликтъ, т. е. если одна принимала билль, а другая отвергала его, то между ними происходили переговоры и изыскивался какой нибудь компромиссъ, удовлетворявшій обѣ стороны [1]).

Закрытіе парламента происходило съ такой же торжественностью, какъ и открытіе. Самая церемонія состояла въ томъ, что канцлеръ отъ лица лордовъ, а спикеръ отъ лица общинъ благодарили короля за созваніе парламента и вообще за его заботы о благѣ своихъ подданныхъ. Затѣмъ канцлеръ уже отъ лица короля благодарилъ лордовъ и общины за успѣшное окончаніе ихъ трудовъ и выражалъ свое удовольствіе по поводу всего сдѣланнаго ими. Рѣчь канцлера заканчивалась чтеніемъ заголовковъ актовъ, утвержденныхъ королемъ. Послѣ этого, парламентъ распускался. Очень часто случалось, что нѣкоторые члены парламента должны были еще извѣстное время оставаться при королѣ и кончать свои работы. Такъ, напр. въ 1332 и 1333 гг. лордамъ было приказано остаться, въ то время, какъ общины были уже распущены. Въ 1362 г. нѣкоторые изъ членовъ палаты общинъ были оставлены, тогда, какъ остальные члены парламента уже разошлись и т. п. [2]).

Англійскій парламентъ былъ учрежденіемъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ. Разсмотримъ его функціи въ области *законодательства*. Палатѣ лордовъ онѣ принадлежали еще задолго до того времени, когда палата общинъ выступила въ качествѣ законодательнаго фактора. Совѣтъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ, изъ которыхъ и выработалась верхняя палата всегда созывался королемъ для разрѣшенія важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Со времени изданія статута Marlebridge при Генрихѣ III совѣтъ вассаловъ, а затѣмъ палата лордовъ сдѣлались постояннымъ законодательнымъ учрежденіемъ, безъ согласія котораго ни одинъ законъ не могъ быть изданъ и приведенъ въ исполненіе. Consensus meliorum terrae—было необходимымъ условіемъ для изданія каждаго закона [3]).

Что касается до палаты общинъ, то она въ первое время своего существованія не обладала никакими правами въ области законодательства и могла вліять на него только подачею петицій, адресованныхъ на имя короля. Въ петиціяхъ заключались просьбы, въ которыхъ «бѣдныя общины» заявляли свои нужды и ходатайствовали передъ королемъ объ ихъ удовлетвореніи. Самый слогъ этихъ петицій служилъ доказательствомъ, какимъ ничтожнымъ значеніемъ обладали общины. «Vos humbles, pauvres communes, такими словами начинались петиціи, prient et supplient pour Dieu et en oeuvre de cha-

---

[1]) Stubbs, v. III, p. 456—464 and 467—476.
[2]) Stubbs, v. III, p. 482.
[3]) Gneist, s. 346.

rité» и т. д. [1]). Для разсмотрѣнія петицій, королемъ назначался особый комитетъ, въ составъ котораго входили члены верхней палаты, называвшіеся receivers and triers of petitions. Эти лица принимали петиціи и давали на нихъ отвѣтъ въ слѣдующемъ парламентѣ. Въ 14-ый годъ царствованія Эдуарда III было постановлено, что въ составъ этого комитета должны избираться и утверждаться королемъ одинъ прелатъ, два графа и два барона. Такимъ образомъ, былъ утвержденъ парламентскій комитетъ, существовавшій въ промежутокъ времени между парламентами. На каждомъ парламентѣ выборы въ комитетъ возобновлялись [2]). Но подобный порядокъ вещей представлялъ много неудобствъ и общины постоянно стремились къ тому, чтобъ отвѣты на петиціи не откладывались до слѣдующаго парламента, а давались на томъ, на которомъ были поданы. Побуждала ихъ къ тому полнѣйшая неувѣренность въ судьбѣ петицій, такъ какъ правительство, получивъ необходимое согласіе общинъ на новые налоги, уже не стѣснялось отказывать петиціямъ. И вотъ начинается борьба между общинами и королемъ. Но въ рукахъ первыхъ было сильное орудіе—отказъ въ вотированіи налоговъ—благодаря которому онѣ и остались побѣдителями. Правительство, вѣчно нуждавшееся въ деньгахъ, вынуждено было уступить общинамъ, заявившимъ, что до удовлетворенія ихъ петицій они не намѣрены вотировать налоги. При этомъ общины требовали яснаго и категорическаго отвѣта на петиціи, а не туманнаго и преисполненнаго «спасительныхъ крючковъ», по выраженію Стебса, столь нерѣдко дававшагося правительствомъ. Такъ, напр. въ 1341 г., когда король отвѣтилъ на петиціи, парламентъ заявилъ, что отвѣты не были достаточно полны и удовлетворительны и просилъ, чтобъ они были облечены въ письменную форму. Въ 1344, 1352 и 1362 гг. общины просили, чтобъ петиціи были прочтены и разсмотрѣны до закрытія парламента. Въ 1341 г. общины заявили, что они не иначе согласяться вотировать налогъ, какъ послѣ прочтенія въ парламентѣ статутовъ, составленныхъ на основаніи петицій. Въ 1348 г. они просили, чтобъ петиціи были разсмотрѣны въ комитетѣ не только въ присутствіи членовъ палаты лордовъ, но также и въ присутствіи четырехъ или шести членовъ палаты общинъ и т. п. [3]). Правительство было вынуждено соглашаться на требованія общинъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно рисковало остаться безъ денегъ. Такимъ образомъ, значеніе общинъ постоянно увеличивалось и онѣ изъ «humbles, pauvres communes» превратились въ «right wise, right honourable, worthy and discreet commons» [4]). Теперь ихъ вліяніе

[1]) Gneist, s. 369.
[2]) Gneist, s. 344.
[3]) Stubbs, v. II, p. 601—602.
[4]) Gneist, s. 370.

на законодательство значительно усилилось и законы не издавались уже съ согласія однихъ «meliores terrae», какъ прежде. Переходной формулой къ формулѣ позднѣйшаго времени, когда согласіе общинъ было такъ же необходимо, какъ и согласіе лордовъ, было: «законъ изданъ по прошенію общинъ и съ согласія и по утвержденію лордовъ» [1]. Но и подобный порядокъ вещей не удовлетворилъ нижнюю палату, она стремилась стать вполнѣ на равную ногу съ верхней и пользоваться въ области законодательства, какъ и во всемъ остальномъ, равными правами съ послѣдней. Общины достигли этого въ царствованіе Ричарда II [2], а въ царствованіе Генриха V вышло слѣдующее знаменательное постановленіе, окончательно упрочившее за ними ихъ новое положеніе: «привилегія общинъ состоитъ въ томъ, что ни одинъ статутъ не можетъ быть изданъ иначе, какъ съ ихъ согласія и по ихъ утвержденію». А также: «отнынѣ ничто не будетъ постановлено, что было бы противно желаніямъ общинъ и посредствомъ чего на нихъ налагались бы обязательства безъ ихъ на то согласія» [3]. Со времени Генриха VI обычай предлагать законопроэкты въ формѣ петицій выходитъ изъ употребленія и замѣняется обычаемъ дѣлать предложенія въ формѣ биллей [4]. Это право законодательной инниціативы распространяется одинаково, какъ на членовъ палаты лордовъ, такъ и на членовъ палаты общинъ. Билль, принятый обѣими палатами и утвержденный королемъ, превращался въ законъ, называвшійся статутомъ въ отличіе отъ ордонанса т. е. распоряженія, изданнаго королемъ только съ сосласія своего совѣта. При Ричардѣ II прежняя формула, которой начинались статуты, измѣнилась и замѣнилась другой, а именно: «съ согласія прелатовъ, лордовъ и общинъ». Статуты временъ Генриха IV и Генриха V начинались словами: «съ согласія прелатовъ, герцоговъ, графовъ и бароновъ и по настоянію (instance) и спеціальному требованію общинъ». Подобная же формула продолжала существовать и при Генрихѣ VI. Но уже въ 11 годъ царствованія этого короля появляется новая формула: «властью парламента», вытѣснившая со временемъ старую [5].

Отмѣна статутовъ равно, какъ и ихъ измѣненіе могли произойти не иначе, какъ съ согласія парламента. Одинъ же король не имѣлъ права ихъ отмѣнять или видоизмѣнять, въ соблюденіи чего и присягалъ при своемъ вступленіи на престолъ. Въ первый разъ подобная присяга была принесена Эдуардомъ II [6].

Вотированіе налоговъ было весьма важнымъ орудіемъ въ рукахъ

---

[1] Gneist, s. 373.
[2] Gneist, s. 374; Riess, s. 108.
[3] Gneist, s. 375. Stubbs, vol. II, p. 605.
[4] Gneist, s. 375.
[5] Stubbs, vol. III, p. 465.
[6] Gneist, s. 376.

парламента для увеличенія своего могущества и для ослабленія королевской власти. Еще Великая хартія въ одномъ изъ своихъ параграфовъ признала тотъ принципъ, что для обложенія налогами необходимо согласіе плательщиковъ. Но при слѣдующихъ подтвержденіяхъ хартіи этотъ параграфъ былъ постоянно опускаемъ, такъ что король снова пріобрѣлъ право самовольно взимать разные денежные сборы, не спрашивая на то согласія своихъ подданныхъ. Такъ продолжалось до 1295 г., когда король былъ вынужденъ издать знаменитый статутъ De tallagio non concedendo, которымъ было признано за всѣми сословіями государства право на утвержденіе налоговъ. «Nullum tallagium vel auxilium, гласилъ этотъ статутъ, per nos vel haeredes nostros de cetero in regno nostro imponatur seu levetur sine voluntate et assensu communi archiepiscoporum, episcoporum et aliorum praelatorum, comitum, baronum, militum, burgensium et aliorum liberorum hominum in regno nostro» [1]. Но въ виду того, что этотъ статутъ часто нарушался королями, въ 1340 г. былъ изданъ второй статутъ, постановлявшій, что король не имѣетъ права никого облагать налогами иначе, какъ съ общаго согласія прелатовъ, графовъ, бароновъ и общинъ королевства, собранныхъ въ парламентѣ [2]. Такимъ образомъ, право вотированія налоговъ было неотъемлемымъ правомъ англійскаго парламента, благодаря отчасти которому онъ и достигъ такого могущества, о какомъ и мечтать не могли, напр. французскіе генеральные штаты.

До Эдуарда III обѣ палаты постановляли отдѣльныя рѣшенія по вопросу о налогахъ, на манеръ того, какъ это дѣлалось въ западноевропейскихъ представительныхъ собраніяхъ. Но съ 18-го года царствованія Эдуарда III подобныя отдѣльныя постановленія прекратили свое существованіе и замѣнились общимъ постановленіемъ, разсматривавшимся сперва въ одной палатѣ, а затѣмъ въ другой [3]. Такое измѣненіе находилось въ тѣсной связи съ прекращеніемъ около этого же времени феодальныхъ сборовъ и субсидій, лежавшихъ въ видѣ повинностей на отдѣльныхъ сословіяхъ и съ замѣною ихъ общими налогами, равно обязательными для всѣхъ сословій. Подобнаго явленія совсѣмъ не знала континентальная Европа, сословія которой всегда отличались строгой разобщенностью другъ отъ друга и отсутствіемъ какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, въ XIV ст. въ Англіи произошелъ слѣдующій замѣчательный фактъ: всѣ феодальныя субсидіи превратились: поземельные сборы—въ одинъ общій для всѣхъ поземельный

---

[1]) Gneist, s. 366. Приведенный нами текстъ статута поздней редакціи. Въ такомъ видѣ онъ былъ цитированъ въ извѣстномъ прошеніи о правахъ, поданнымъ парламентомъ Карлу I.

[2]) Stubbs, v. II, p. 546.

[3]) Gneist, s. 367.

палогъ, личные сборы—въ одинъ общій подоходный налогъ, пошлины—въ одинъ общій тарифъ [1]).

Въ тѣсной связи съ вотированіемъ палоговъ находилось право *требованія отчета* въ израсходованныхъ деньгахъ. Въ первый разъ парламентъ потребовалъ подобный отчетъ въ царствованіе Ричарда II. Этотъ случай послужилъ прецедентомъ для будущаго, хотя, нужно сказать, требованіе отчетовъ происходило крайне неравномѣрно и главнымъ образомъ въ смутныя времена, когда парламентъ захватывалъ всю власть въ свои руки. Въ разсматриваемый періодъ еще не выработалось никакой правильной системы отчетности, да и правительство вообще не считало себя обязаннымъ отдавать кому бы то ни было отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ [2]).

Право *избранія* и *низложенія* короля, хотя и никогда не было признано за парламентомъ, но de facto онъ не разъ практиковалъ и то и другое. Такъ, во время войны бѣлой и алой розы Эдуардъ IV вступилъ на престолъ съ согласія парламента. Ричардъ III и Генрихъ VII также были признаны парламентомъ. Въ позднѣйшія времена Вильгельмъ III былъ даже прямо *избранъ* парламентомъ и т. п. Что касается до низложенія королей, то и оно также не разъ имѣло мѣсто. Такъ, Эдуардъ II и Ричардъ II, были низложены парламентскими актами. Та же участь постигла впослѣдствіи и Якова II.

Регулированіе частныхъ дѣлъ короля вполнѣ можно считать одной изъ функцій парламента, что нерѣдко предпринималось имъ съ цѣлью охраненія интересовъ государства. Въ первый разъ парламентъ позволилъ себѣ подобное вмѣшательство въ царствованіе Эдуарда II, извѣстнаго своей крайней расточительностью. Ордонансами 1311 г былъ учрежденъ особый комитетъ, въ задачу котораго входило также и преобразованіе частнаго хозяйства короля; члены комитета были упономочены «ordener l'estat de nostre hostel et de nostre realme», т. е. привести въ порядокъ, какъ дворцовое, такъ и государственное хозяйство. Въ 1315 г. парламентъ положилъ содержаніе королю по десяти фунтовъ въ день, едва столько (прибавляетъ Стебсъ), сколько онъ имѣлъ, будучи мальчикомъ. Въ 1318 г. былъ назначенъ другой комитетъ. Въ царствованіе Эдуарда III парламентъ не рѣшался принимать подобныхъ мѣръ и онѣ появились снова при Ричардѣ II. Король оказывалъ имъ сильную оппозицію, но парламентъ этимъ не смущался и продолжалъ свою политику. Тоже самое имѣло мѣсто и при слѣдующихъ короляхъ [3]).

Стремленіе ограничить короля въ распоряженіи *коронными землями* также было присуще парламенту. Вышеназванные ордонансы 1311 г. постановили, что, безъ согласія членовъ комитета, король не

[1]) Gneist, s. 368.
[2]) Gneist, s. 370.
[3]) Stubbs, v. II, p. 584.

можетъ распоряжаться коронными землями въ смыслѣ отчужденія ихъ частнымъ лицамъ. Тѣже правила дѣйствовали и при Ричардѣ II, такъ какъ Эдуардъ III не рѣшался ихъ отмѣнить, хотя и не слѣдовалъ имъ [1]).

Внѣшнія сношенія, въ особенности вопросы о *войнѣ и мирѣ*, издавна считались входящими въ составъ компетенціи верхней палаты, но и нижняя палата очень интересовалась ими, зная, что войны всегда были одной изъ главныхъ причинъ обложенія налогами, а слѣдовательно, очень близко касались ихъ интересовъ. Но нужно замѣтить, что отношенія послѣднихъ къ вопросу о внѣшнихъ сношеніяхъ были иного рода, чѣмъ лордовъ. Въ то время, какъ лорды считались ближайшими совѣтниками короля и поэтому непосредственно рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, общины дѣйствовали косвенно, при помощи отказа или согласія на налогъ и постоянно противились навязываемой имъ роли совѣтниковъ, ссылаясь на свою некомпетентность въ рѣшеніи вышеназванныхъ вопросовъ. Дѣйствовали онѣ такимъ образомъ въ виду того, чтобъ избѣжать новыхъ повинностей, слѣдовавшихъ за согласіемъ на войну, такъ какъ разъ онѣ согласились на нее, то eo ipso должны были дать деньги, безъ чего война была бы невозможна. Вотъ, почему общины очень часто давали уклончивые отвѣты на вопросы короля о войнѣ, какъ напр. въ 1382 г. 1384 г. и т. п. Во всякомъ случаѣ внѣшнія сношенія входили въ составъ компетенціи парламента и безъ его согласія король не могъ предпринять ни одной войны, такъ какъ для этого требовались люди и деньги, а какъ то, такъ и другое давалось парламентомъ. Ордонансами 1311 г. было предписано, что король не имѣетъ права выѣзжать за предѣлы государства и предпринимать какія бы то ни было военныя дѣйствія безъ согласія парламента. Это постановленіе впрочемъ практиковалось еще до изданія вышеназванныхъ ордонансовъ. Такъ, Генрихъ III не предпринималъ ни одного похода противъ воли парламента и, если покидалъ Англію, то испрашивалъ на это позволеніе у лондонскихъ гражданъ, замѣнявшихъ въ данномъ случаѣ общины государства. Послѣ же изданія ордонансовъ 1311 г., король (Эдуардъ II) вполнѣ подпалъ подъ власть парламента въ вопросахъ иностранной политики. Такъ, въ 1314 г. бароны отказались слѣдовать за нимъ въ Баннокбуръ, такъ какъ вопросъ объ этой экспедиціи не обсуждался въ парламентѣ. Въ 1319 г. онъ былъ вынужденъ созвать парламентъ спеціально по поводу предполагавшейся войны съ Франціей. Въ 1328 г. король, по требованію парламента, отказался отъ войны съ Шотландіей. Въ 1380 г. общины протестовали противъ многочисленныхъ войнъ и т. п. [2]).

---

[1]) Stubbs, v. II, p. 582.
[2]) Stubbs, v. II, p. 627.

Вопросы, касавшіеся *монеты*, также разрѣшались парламентомъ. Такъ, напр. въ 1307 г. было издано постановленіе, признавшее за парламентомъ право на установленіе пробы. Ордонансами 1311 г. было запрещено королю измѣнять цѣнность монеты безъ согласія парламента и т. п. [1]).

Стремленіе къ вліянію *на управленіе государствомъ* путемъ *избранія* должностныхъ лицъ всегда было присуще парламенту и нерѣдко ему удавалось, въ особенности въ періоды несовершеннолѣтія короля. Такъ, еще въ 1244 г. бароны требовали себѣ права избранія верховнаго судьи (юстиціарія), канцлера и казначея. Въ первый разъ, когда парламентъ захватилъ управленіе государствомъ въ свои руки было въ 1311 г. Онъ учредилъ особый комитетъ, отправлявшій функціи регента, вслѣдствіе малолѣтства короля. Въ составъ его были избраны пять человѣкъ (два епископа, два графа и одинъ баронъ), называвшіеся ordainers. Этотъ комитетъ вмѣстѣ съ парламентомъ долженъ былъ управлять государствомъ. Въ 1341 г. общины требовали, чтобъ министры назначались парламентомъ. При вступленіи на престолъ малолѣтняго Ричарда II былъ учрежденъ совѣтъ регенства, въ составъ котораго вошли 8 человѣкъ (три епископа, два графа, два барона и два рыцаря), избранные парламентомъ. Кромѣ того, было постановлено, что за время малолѣтства короля всѣ высшія должностныя лица, какъ то: канцлеръ, казначей, судьи, члены совѣта и др. должны быть избираемы парламентомъ. Въ 1380 г. общины снова просили объ избраніи главныхъ должностныхъ лицъ въ парламентѣ. Въ 1385 году король долженъ былъ отказаться отъ назначенія избранныхъ имъ лицъ, вслѣдствіе сильной оппозиціи парламента и т. п. [2]).

Парламентъ былъ высшимъ *судомъ* въ государствѣ, на рѣшенія котораго не могло быть апелляціи. Эту функцію онъ унаслѣдовалъ отъ magnum consilium, рѣшавшаго, какъ извѣстно, самыя важныя судебныя дѣла. Говоря о судѣ парламента, необходимо имѣть въ виду, что собственно судебныя функціи принадлежали палатѣ лордовъ, палата же общинъ являлась только въ роли обвинителя. Слѣдующія дѣла подлежали юрисдикціи парламента: 1) дѣла, рѣшенныя государственными судами и перенесенныя въ кассаціонномъ порядкѣ, на основаніи, такъ называемаго, writ of error, на разсмотрѣніе парламента. Послѣдній выступилъ въ роли кассаціоннаго суда въ особенности съ того времени, какъ судьи стали призываться въ палату лордовъ. 2) Дѣла, касающіяся членовъ палаты лордовъ, являвшейся въ данномъ случаѣ въ качествѣ judicium parium, т. е. суда равныхъ. 3) Дѣла по обвиненіямъ высшихъ должностныхъ лицъ, воз-

---

[1]) Stubbs, v. II, p. 570.

[2]) Gneist, s. 371; Stubbs, v. II, p. 585.

бужденныя по инпціативѣ палаты общинъ [1]). Послѣдней принадлежало весьма важное право impeachment'a, т. е. обвиненія должностныхъ лицъ съ цѣлью ихъ устраненія отъ дѣлъ управленія. Въ первый разъ общины воспользовались этимъ правомъ въ 1376 году. Впослѣдствіи онѣ пользовались имъ довольно часто. Въ рукахъ парламента было еще другое, болѣе сильное средство для расправы съ своими противниками—это, такъ называемый, bill of attainder, примѣненный въ первый разъ къ герцогу Суффольку въ 1450 г. Вышеназванное средство было ничѣмъ инымъ, какъ осужденіемъ извѣстнаго лица путемъ изданія законодательнаго акта на извѣстный конкретный случай, а не путемъ постановленія судебнаго рѣшенія. т. е. примѣненія дѣйствующаго закона къ конкретному случаю. Этимъ страшнымъ орудіемъ парламентъ пользовался не разъ въ борьбѣ съ враждебными себѣ элементами: пользовались имъ также и короли для уничтоженія своихъ противниковъ [2]). Такъ, напр. Эдуардъ IV при своемъ вступленіи на престолъ. осудилъ посредствомъ bill of attainder до 150 членовъ высшихъ фамилій, бывшихъ ему враждебными [3]) и т. п.

Парламенту принадлежали многія *привилегіи*, постепенно имъ завоеванныя и служившія предметомъ его заботливыхъ обереганій. Эти привилегіи были двухъ категорій: къ первой относились такія, которыя были общи, какъ членамъ палаты лордовъ, такъ и членамъ палаты общинъ; ко второй же относились привилегіи, принадлежавшія только однимъ членамъ палаты лордовъ. Привилегіи первой категоріи были свобода слова и свобода отъ ареста во время сессіи. Члены англійскаго парламента такъ же, какъ и французскихъ генеральныхъ штатовъ пользовались большой для того времени свободой слова и хотя нерѣдко случались факты, противорѣчащіе этой свободѣ, но самый принципъ отъ этого не колебался и не быть преслѣдуемымъ за произнесенныя рѣчи считалось старинной привилегіей членовъ парламента. Тоже самое можно сказать и о свободѣ отъ ареста, хотя бы даже за совершенное преступленіе. Во время сессіи парламента не только его члены, но даже и ихъ прислуга считались неприкосновенными и всякій, нанесшій имъ какое либо оскорбленіе, подвергался строгому взысканію [4]).

Привилегіи второй категоріи принадлежали только лордамъ. Сюда относились право передачи голоса по довѣренности и право протеста противъ постановленія палаты. Каждый лордъ имѣлъ право посылать взамѣнъ себя довѣрителя, хотя бы даже и не дворянскаго происхожденія и передавать ему свой голосъ. Точно также каждый

---

[1]) Gneist, s. 340.
[2]) Gneist, s. 372.
[3]) Gneist, s. 422.
[4]) Stubbs, v. III, p. 489 and 494.

лордъ могъ протестовать противъ принятаго палатой рѣшенія и потребовать занесенія своего протеста въ протоколъ засѣданія. Обѣ эти привилегіи не принадлежали членамъ палаты общинъ [1]).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ составъ, организацію и компетенцію средневѣковаго англійскаго парламента, мы видимъ, что онъ обладалъ большимъ значеніемъ и большею властью въ области государственнаго управленія и былъ, однимъ словомъ, извѣстною силою, съ которой приходилось считаться королямъ и мнѣніе котораго было весьма важно для нихъ. Англія къ этому времени уже сложилась въ ограниченную монархію въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, во времена Тюдоровъ значеніе парламента значительно ослабло, что явилось результатомъ войнъ алой и бѣлой розы, когда все высшее дворянство было уничтожено, а однѣ общины не могли еще имѣть такой силы, какъ теперь, но парламентъ не прекращалъ своего существованія и de jure былъ тѣмъ же учрежденіемъ, что и до Тюдоровъ. Послѣдніе никогда не рѣшались посягнуть на его существованіе и съ формальной стороны правили, какъ конституціонные государи. Въ эпоху же Стюартовъ парламентъ не только пріобрѣлъ свое прежнее значеніе, но даже вступилъ въ борьбу съ королевской властью и побѣдилъ ее. Съ того времени дальнѣйшая исторія Англіи была ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ развитіемъ могущества парламента. Какая же причина тому, что въ Англіи удалось то, что потерпѣло полнѣйшую неудачу въ большинствѣ государствъ на континентѣ? Причинъ было много. Главная заключалась въ полнѣйшемъ отсутствіи антагонизма между сословіями, существованіе котораго во Франціи погубило генеральные штаты. Въ то время, какъ въ послѣдней сословная вражда достигла крайняго своего развитія, англійскія сословія всегда дѣйствовали дружно и единодушно и, предводительствуемыя дворянствомъ, оказывали сильный отпоръ притязаніямъ короля и его министровъ. Отсутствіе же сословнаго антагонизма объяснялось отсутствіемъ сословій въ европейскомъ смыслѣ слова. Сословныхъ перегородокъ и связанной съ ними сословной исключительности въ Англіи не существовало. Дворянство являлось скорѣе почетнымъ званіемъ, чѣмъ сословіемъ, такъ незначительны были его преимущества и привилегіи! Оно было открыто для всякаго, кто чѣмъ либо выдавался въ области политики, промышленной и торговой дѣятельности и т. п. [2]). Никакой замкнутости оно не знало и находилось въ самой тѣсной связи съ остальными сословіями, тѣмъ болѣе, что дворянское достоинство переходило по наслѣдству только къ старшему сыну, остальныя же дѣти поступали въ ряды обыкновенныхъ гражданъ. Въ то время, какъ на континентѣ дворянство выдѣлялось изо всей массы населе-

[2]) Stubbs, v. III, p. 487 and 489.

[1]) Ковалевскій, Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, стр. 240.

нія, благодаря своимъ безчисленнымъ привилегіямъ, тяжелымъ бременемъ ложившимся на это населеніе, въ Англіи оно имѣло самыя незначительныя преимущества и во всемъ остальномъ было уравнено съ прочими сословіями. Такъ, оно наравнѣ съ ними платило всѣ налоги, было подсудно однимъ и тѣмъ же судамъ, не имѣло своего особаго управленія и т. п. Все это, конечно, сближало его съ остальными сословіями и уничтожало возможность возникновенія какого бы то ни было сословнаго антагонизма, главный источникъ котораго на континентѣ заключался въ неравенствѣ правъ и привилегій и въ разности привычекъ и предразсудковъ, порожденныхъ сословной исключительностью и мѣстной, особной жизнью. Съ другой стороны англійскіе коммонеры въ экономическомъ отношеніи вполнѣ зависѣли отъ дворянства, владѣвшаго почти всей землей и сдававшаго ее въ аренду другимъ классамъ общества [1]). Подобная зависимость имѣла въ результатѣ общность интересовъ, что также служило причиной единенія между сословіями. У послѣднихъ былъ только одинъ врагъ, это—король, обладавшій долгое время, послѣ норманскаго завоеванія, такимъ могуществомъ, о какомъ ни одинъ изъ континентальныхъ монарховъ и мечтать никогда не могъ. Послѣднее же обстоятельство объяснялось политикой норманскихъ государей, стремившихся предупредить развитіе феодализма и, какъ извѣстно, вполнѣ успѣвшихъ въ этомъ. Но разсчетъ королей оказался невѣрнымъ. Правда, феодализмъ никогда не достигъ въ Англіи такого развитія, какъ на континентѣ и одно дворянство было безсильно въ борьбѣ съ королемъ, но это то безсиліе и побудило его соединиться съ другими классами общества и въ союзѣ съ ними уничтожить абсолютную власть короля. Вслѣдствіе же слабаго развитія феодализма, англійскія сословія, какъ мы видѣли, получили совершенно своеобразный характеръ и подобный союзъ былъ вполнѣ возможенъ между ними. Слабое вліяніе римскаго права, отсутствіе постоянной арміи и система милиціи, благодаря которой невооруженный король всегда находился среди вооруженнаго народа, довершили дѣло и, когда Стюарты, явившись адептами теоріи божественнаго права, вступили въ борьбу съ парламентомъ, то потерпѣли полнѣйшую неудачу и своей оппозиціей дѣлу свободы только послужили на ея пользу.

Вслѣдствіе слабаго развитія феодализма и своеобразнаго характера сословій, англійскій парламентъ принялъ совершенно иную форму, чѣмъ континентальныя представительныя собранія. Какъ извѣстно, онъ не разъединился на сословныя палаты и вообще, рано потерявъ свой сословный характеръ, превратился во всесословное учрежденіе, чего совсѣмъ не было на континентѣ. Такимъ образомъ, представители графствъ и городовъ не являлись въ роли сословныхъ депута-

---

[1]) Ковалевскій, стр. 241—245.

товъ, связанныхъ инструкціями своихъ избирателей и представлявшихъ ихъ петиціи на усмотрѣніе короля, но были представителями интересовъ всего государства и въ качествѣ таковыхъ обладали правомъ законодательной иниціативы Такой характеръ парламента также имѣлъ весьма важное значеніе для упроченія его власти и для единодушной борьбы съ абсолютистскими стремленіями королей.

Испанія.

Испанскіе кортесы очень напоминали собой собранія нѣмецкихъ земскихъ чиновъ и французскіе генеральные штаты. По своему составу, организаціи и функціямъ это было учрежденіе вполнѣ аналогичное съ вышеназванными собраніями. Во всѣхъ испанскихъ государствахъ, за исключеніемъ Арагоніи, они состояли изъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и представителей городовъ. Въ составъ же арагонскихъ кортесовъ входили четыре сословія: духовенство, высшее дворянство, низшее дворянство и горожане.

Духовенство (brazo de ecclesiasticos) считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ и представлялось архіепископами, епископами, аббатами, пріорами, синдиками каѳедральныхъ капитуловъ и начальниками духовныхъ орденовъ. Эти лица призывались на собранія въ качествѣ королевскихъ вассаловъ, владѣвшихъ крупными бароніями [1]) и могли присутствовать лично или посылать взамѣнъ себя замѣстителей (procuradores) [2]). Число духовныхъ членовъ кортесовъ было очень непостоянно, что объяснялось главнымъ образомъ полнѣйшей свободой въ призваніи ихъ на собранія, практиковавшейся королями. Эта свобода доходила иной разъ до того, что не только самыя выдающіяся духовныя лица не призывались на собранія, но даже никто изъ членовъ духовенства не получалъ приглашенія. Такъ, до насъ дошелъ протестъ архіепископа Толедскаго противъ постановленія кастильскихъ кортесовъ 1295 г., изъ котораго видно, что ни самъ архіепископъ, ни многіе другіе прелаты не были приглашены на собраніе, что и вызвало вышеназванный протестъ [3]). На кастильскихъ же кортесахъ 1299, 1301, 1370, 1373, 1480 и 1505 гг. духовенство совершенно отсутствовало [4]). Въ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, гдѣ кортесы отличались большей устойчивостью и власть короля была болѣе ограничена, чѣмъ въ Кастиліи, духовенство всегда участвовало на собраніяхъ и его члены въ большинствѣ случаевъ были въ одномъ и томъ же числѣ. Въ Арагоніи на корте-

[1]) Schäfer, Geschichte von Spanien, III b. s. 217.
[2]) Schäfer, III b. s. 221.
[3]) Hallam, L'Europe au moyen âge, t. I, p. 417.
[4]) Hallam, t. I, p. 418.

сахъ обыкновенно принимали участіе Сарагоскій архіепископъ, шесть епископовъ, восемь аббатовъ, пять пріоровъ, два начальника духовныхъ орденовъ и Ампостскій каштелянъ, всего: 23 человѣка. Въ Каталоніи—Таррагонскій архіепископъ (бывшій предсѣдателемъ духовной палаты), восемь епископовъ, восемь синдиковъ каѳедральныхъ капитуловъ, Ампостскій каштелянъ, Каталонскій пріоръ, начальникъ Іоанитскаго ордена и аббаты монастырей. Палата духовенства въ Валенсіи состояла изъ 16-ти членовъ, а именно: архіепископа, синдика капитула, двухъ епископовъ, четырехъ аббатовъ, двухъ пріоровъ и четырехъ начальниковъ духовныхъ орденовъ [1]. Но и въ этихъ трехъ государствахъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время существованія кортесовъ короли пользовались правомъ призывать кого угодно изъ духовныхъ лицъ. Извѣстно, что въ Арагоніи духовенство только въ XIV вѣкѣ сдѣлалось постояннымъ членомъ собраній земскихъ чиновъ! И только уже впослѣдствіи выработалось правило, по которому извѣстныя духовныя лица засѣдали въ собраніяхъ ex officio и король не имѣлъ права ихъ не приглашать [2].

Вторымъ сословіемъ было *дворянство* (brazo militar). Въ Арагоніи оно образовало двѣ палаты: палату высшаго дворянства (brazo de nobles) и палату нисшаго дворянства (brazo de caballeros). Въ Испаніи дворянство не посылало представителей, какъ во Франціи, а являлось лично. Оно, впрочемъ, пользовалось правомъ посылать замѣстителей (procuradores), что, какъ извѣстно, существовало одно время и во Франціи. Въ составъ дворянства входили герцоги, графы, маркизы, виконты, бароны и простые дворяне (nobles). Послѣдніе образовали особую палату въ Арагоніи. Число призывавшихся дворянъ не было опредѣлено и вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Въ Кастиліи на нѣкоторыхъ кортесахъ дворянство даже совсѣмъ отсутствовало [3]. Въ другихъ же испанскихъ государствахъ всегда призывались только нѣкоторые высшіе дворянскіе роды, что же касается нисшаго дворянства, то хотя оно и всегда призывалось, но, какъ члены его, такъ и ихъ число постоянно варьировались [4]. Въ одной только Кастиліи нисшее дворянство совсѣмъ не было представлено на кортесахъ [5]. Члены дворянства такъ же, какъ и духовенства призывались въ качествѣ ленныхъ владѣльцевъ и вассаловъ короля.

Представители городовъ (brazo de universidades) составляли третью палату собранія земскихъ чиновъ.

Что касается до *времени* созванія кортесовъ, то оно, строго го-

[1]) Schäfer, III b. s. 217—218.
[2]) Schäfer, III b. s. 219.
[3]) Hallam, t. I, p. 418.
[4]) Schäfer, III b. s. 219.
[5]) Hallam, t. I, p. 420.

воря, не было опредѣлено. Кортесы созывались не въ опредѣленное время, но въ виду того, что въ XIV и XV вѣкахъ они достигли большаго значенія и вполнѣ ограничили королевскую власть, король поневолѣ долженъ былъ созывать ихъ по возможности часто. Иногда, впрочемъ, устанавливалась періодичность собраній, но сами кортесы, зная свою силу, не особенно настаивали на ней, тѣмъ болѣе, что участіе въ собраніяхъ было сопряжено съ немалыми расходами. Такъ, кастильскіе города потребовали отъ Карла V, чтобъ кортесы созывались разъ въ три или четыре года, но изъ этого требованія ничего не вышло и кортесы по прежнему созывались по мѣрѣ надобности [1]). Въ Арагоніи въ 1283 г. было постановлено, чтобъ кортесы созывались ежегодно, но это постановленіе строго не соблюдалось. Въ Валенсіи, согласно съ постановленіемъ 1301 г., кортесы должны были созываться разъ въ три года [2]).

Тоже самое, что было сказано относительно времени засѣданій, можетъ быть также повторено и относительно ихъ *мѣста*. Опредѣленіе послѣдняго вполнѣ зависѣло отъ короля и дѣйствительно мы видимъ, что во всѣхъ испанскихъ государствахъ кортесы созываются въ разныхъ городахъ. Такъ, въ Кастиліи они имѣли мѣсто въ Мадридѣ, Вальядолидѣ, Бургосѣ, Толедо, Кордовѣ, Санта Марія де Ніева, Бривіескѣ и т. п. Въ Арагоніи извѣстной Привилегіей союзовъ 1283 г. мѣстомъ созванія кортесовъ была признана Сарагосса, но уже въ 1307 г. это постановленіе было отмѣнено и король получилъ право созывать кортесы, гдѣ ему угодно [3]). Тоже самое было въ Каталоніи и Валенсіи.

Право созванія кортесовъ принадлежало королю. Въ исключительныхъ же случаяхъ этимъ правомъ могли пользоваться королева, принцы крови и высшія должностныя лица [4]). По своей инниціативѣ кортесы никогда не собирались. Правда, въ петиціи, поданной кастильскими городами Карлу V, стояло требованіе, чтобъ кортесы разъ въ три или четыре года созывались по своей иниціативѣ, но изъ этого ничего не вышло и кортесы попрежнему созывались только королемъ [5]).

Призывныя письма (carta convocatoria, letras de convocacion) адресовались предсѣдателямъ двухъ высшихъ сословій и городскимъ магистратамъ. На обязанности первыхъ было разсылать ихъ членамъ тѣхъ сословій, предсѣдателями которыхъ они были. «Мы просимъ васъ», писалъ король привилегированнымъ сословіямъ, «мы

---

[1]) Brauchitsch, Geschichte des sp nischen Rechts, s. 137.
[2]) Schäfer, III b. s. 225—226.
[3]) Schäfer, III b. s. 225.
[4]) Schäfer, III b. s. 224.
[5]) Brauchitsch, s. 137.

приказываемъ вамъ», писалъ онъ городамъ [1]). Содержаніе призывныхъ грамотъ заключалось въ изложеніи повода созванія кортесовъ и въ опредѣленіи мѣста и времени засѣданія [2]). Обыкновенно, предписывалось присылать лучшихъ людей въ государствѣ («todos los hombres buenos de sus tierras») [3]).

Получивъ письма, города приступали къ *выборамъ*. Депутаты избирались не всей общиной, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи и Англіи, но городскимъ совѣтомъ, дѣйствовавшимъ въ данномъ случаѣ отъ имени общины. Совѣты же въ большинствѣ городовъ избирались путемъ кооптаціи и состояли изъ членовъ, рѣдко превышавшихъ число 24 [4]). Въ выборы довольно часто вмѣшивалось правительство, стараясь проводить своихъ кандидатовъ. Жуанъ II и Генрихъ IV кастильскіе иногда простирали свое вмѣшательство до того, что просто назначали депутатовъ. Нерѣдко практиковался также и подкупъ избирателей, въ особенности въ царствованія Карла V и Филиппа II [5]). Кортесы не разъ протестовали противъ подобныхъ поступковъ правительства и энергически боролись съ ними. Такъ, кастильскіе города подали петицію Карлу V, въ которой требовали, чтобъ къ выборамъ было допущено все населеніе города и чтобъ правительство воздерживалось отъ всякаго давленія на избирателей [6]). Въ 1573 г. кастильскіе кортесы протестовали противъ того, что все собраніе земскихъ чиновъ составлено изъ клевретовъ правительства [7]) и т. п. Выборные получали инструкціи, а также и содержаніе, дававшееся имъ избирателями. Въ виду того, что послѣднее было нелегкой повинностью, многіе города предпочитали совсѣмъ не быть представленными на собраніяхъ и посылали на нихъ депутатовъ. Другіе же, хотя и посылали, но отказывались давать имъ содержаніе. Въ виду этого, кастильскій король Жуанъ II предписалъ въ 1422 г. чтобъ депутаты содержались на счетъ казны. Подобное предписаніе имѣло въ результатѣ полнѣйшую зависимость представителей городовъ отъ правительства и нанесло сильный ударъ значенію кастильскихъ кортесовъ [8]).

На счетъ того, сколько депутатовъ долженъ присылать каждый городъ не было ничего опредѣлено въ законѣ и города присылали самое разнообразное число представителей. Когда въ 1390 г. на кастильскіе кортесы, долженствовавшіе собраться въ Мадридѣ,

---

[1]) Schäfer, III b. s. 223.
[2]) Schäfer, III b. s. 223.
[3]) Brauchitsch, s. 113.
[4]) Hallam, t. I, p. 416.
[5]) Hallam, t. I, p. 417.
[6]) Brauchitsch, s. 136.
[7]) Hallam, t. I, p. 417.
[8]) Brauchitsch, s. 117.

правительство предписало, чтобъ каждый городъ прислалъ двухъ представителей, многіе города прислали гораздо больше, а нѣкоторые совсѣмъ не прислали. Такъ, Бургосъ и Саламанка были представлены 8 депутатами, Севилья и Кордова тремя, Кадиксъ — двумя, Овіедо и Бадахосъ—однимъ. Сантъ-Яго же и другіе галиційскіе города не были представлены вовсе [1]).

Что касается до числа городовъ, посылавшихъ своихъ представителей, то оно, по крайней мѣрѣ, въ Кастиліи постоянно измѣнялось въ смыслѣ уменьшенія. Такъ, въ 1315 г. на кортесахъ въ Бургосѣ участвовали 90 городовъ, представлявшихся 192 депутатами [2]), въ 1390 г. на кортесахъ въ Мадридѣ участвовали ужъ 48 городовъ, представлявшихся 128 депутатами [3]). Въ 1425 г. въ составъ кортесовъ входили только 12 городовъ [4]). Въ 1480 г. ихъ было нѣсколько больше, а именно 17 [5]). Постановленіемъ кортесовъ 1506 г. было опредѣлено, что только 18 городовъ имѣютъ право посылать своихъ представителей на собранія [6]). Но въ XVI ст. это число упало до шести, и только слѣдующіе города пользовались правомъ представительства: Торо, Вальядолидъ, Соріа, Мадридъ, Гвадалаяра и Гренада [7]). Въ другихъ испанскихъ государствахъ число городовъ участвовавшихъ на собраніяхъ было болѣе или менѣе постоянно. Напр. въ Каталоніи 33 города, а въ Валенсіи—24 посылали своихъ представителей на собранія. Въ послѣднемъ государствѣ Барцелона въ качествѣ столицы обладала пятью голосами [8]).

Разсмотрѣвъ составъ и организацію кортесовъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ разрядахъ лицъ, которые не имѣли права принимать участіе въ собраніяхъ. Сюда относились дворяне моложе 20 лѣтъ (въ Каталоніи), лица, занимавшія высшія государственныя должности, дворяне, бывшіе членами духовныхъ орденовъ (въ Арагоніи), врачи и аптекаря (въ Арагоніи) и т. п. [9]).

Открытіе засѣданій происходило при соблюденіи извѣстнаго церемоніала въ присутствіи короля и высшихъ сановниковъ государства. Разсмотримъ порядокъ засѣданія арагонскихъ кортесовъ. Депутаты, пріѣхавъ въ городъ, назначенный мѣстомъ засѣданій, отправлялись въ опредѣленный день въ королевскій дворецъ или

---

[1]) Brauchitsch, s. 113.
[2]) Hallam, t. I, p. 414.
[3]) Hallam, t. I, p. 414; Brauchitsch, s. 113.
[4]) Brauchitsch, s. 117.
[5]) Hallam, t. I, p. 415.
[6]) Hallam, t. I, p. 416.
[7]) Brauchitsch, s. 117.
[8]) Schäfer, III b. s. 218.
[9]) Schäfer, III b. s. 220.

въ церковь (гдѣ также иногда происходило открытіе засѣданій) и занимали свои мѣста такимъ образомъ, что направо отъ трона садились духовныя лица, налѣво—дворяне, противъ же трона—представители городовъ. Самый тронъ окружали сановники государства. Засѣданіе открывалось рѣчью короля (proposicion), весьма похожей на проповѣдь, въ которой излагался поводъ созванія земскихъ чиновъ и которая заключала въ себѣ правительственныя предложенія. Въ позднѣйшія времена король ограничивался произнесеніемъ небольшой рѣчи. Правительственныя же предложенія читались какимъ нибудь должностнымъ лицомъ. По окончаніи рѣчи, обыкновенно самое высшее духовное лицо, въ большинствѣ случаевъ архіепископъ Сарагосскій, отвѣчалъ королю. Этотъ отвѣтъ также походилъ на проповѣдь и заканчивался увѣреніемъ, что сословія обратятъ вниманіе на правительственныя предложенія. Затѣмъ произносилось еще нѣсколько рѣчей со стороны членовъ сословій и засѣданіе закрывалось. Послѣ этого, каждое сословіе отправлялось въ свое помѣщеніе и приступало къ исполненію нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ. Первымъ дѣломъ было избраніе, такъ называемыхъ, habilitadores, обязанныхъ провѣрять полномочія депутатовъ и устранять всякія неправильности, имѣвшія мѣсто во время выборовъ. Каждое сословіе избирало двухъ habilitadores, за исключеніемъ низшаго дворянства, избиравшаго четырехъ. Въ Каталоніи избиралось 18 habilitadores: девять сословіями и девять королемъ. Каждое сословіе избирало трехъ. Затѣмъ избирались предсѣдатели (promovedores): одинъ—въ сословіи высшаго и два въ сословіи низшаго дворянства. Предсѣдателемъ духовнаго сословія всегда былъ архіепископъ Сарагосскій, а предсѣдателемъ третьяго сословія—jurado (мэръ) города Сарагосы. Секретари назначались правительствомъ. Послѣ избранія предсѣдателей, опредѣлялись дни и часы засѣданій и затѣмъ сословія расходились. На слѣдующій день кортесы открывались рѣчью верховнаго судьи (justiza), сообщавшаго, что король отсрочиваетъ засѣданіе до слѣдующаго дня. Этотъ обычай всегда практиковался въ Арагоніи. Собственно къ занятіямъ кортесы приступали только на третій день. Во время нихъ, сословія, хотя и засѣдали отдѣльно, но это не мѣшало имъ совѣщаться, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ правительствомъ. Депутаты представляли петиціи (memorias) и законопроэкты. Разсмотрѣвъ ихъ, предсѣдатели дѣлали изъ нихъ своего рода резюме и затѣмъ вносили послѣднее на разрѣшеніе сословій. Тогда происходили пренія, послѣ чего, имѣло мѣсто голосованіе. Правительство, съ своей стороны, также вносило предложенія, передававшіяся особому комитету, въ составъ котораго входило отъ 4 до 6 депутатовъ, избранныхъ каждымъ сословіемъ. Постановленія этого комитета также вносились на разсмотрѣніе кортесовъ. Въ каждомъ сословіи дѣла рѣшались единогласно, для того же, чтобъ предложеніе счи-

талось принятымъ было необходимо единогласіе всѣхъ сословій. Принятыя предложенія назывались memoriales и представлялись королю на утвержденіе. Здѣсь начиналась роль, такъ называемыхъ, tratadores, ведшихъ отъ имени кортесовъ всѣ сношенія съ королемъ по поводу принятыхъ предложеній. Часть tratadores избиралась кортесами, часть назначалась королемъ. Результатомъ совѣщаній кортесовъ съ королемъ было превращеніе memoriales въ законы и дѣленіе ихъ на главы и параграфы. Нерѣдко приходилось обѣимъ сторонамъ дѣлать другъ другу уступки и входить въ компромиссы другъ съ другомъ. Многое зависѣло, конечно, отъ того, на какой сторонѣ была сила и кто въ данный моментъ пользовался большимъ значеніемъ.

Рядомъ съ этой законодательной дѣятельностью кортесовъ шла также и судебная. Для этой цѣли собраніе земскихъ чиновъ избирало особыхъ recogedores или jutges de greuges, на обязанности которыхъ было разбирать жалобы, прошенія и иски, поданные въ собраніе. Въ Арагоніи recogedores, подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи, постановляли свои рѣшенія, вносившіяся потомъ на разсмотрѣніе кортесовъ. Иначе было въ Каталоніи, гдѣ постановленія jutges de greuges считались окончательными и не подлежали санкціи со стороны кортесовъ.

Закрытіе кортесовъ (la celebracion del solio) происходило въ торжественномъ засѣданіи и имѣло цѣлью окончательное санкціонированіе постановленій сословій. Послѣднія засѣдали въ томъ же порядкѣ, какъ и при открытіи засѣданій и въ томъ же помѣщеніи, гдѣ происходило открытіе. Государственный секретарь (protonotario) читалъ всѣ законы и постановленія, принятые кортесами и утвержденные королемъ. Затѣмъ происходила присяга, какъ со стороны короля, такъ и со стороны сословій свято сохранять и не нарушать вышеназванные законы и постановленія. Сперва приносилъ присягу король, затѣмъ должностныя лица, и наконецъ, сословія. Послѣ этого, король распускалъ кортесы словами: «идите съ миромъ». Въ отвѣтъ на это архіепископъ Сарагосскій отъ лица кортесовъ произносилъ рѣчь, въ которой благодарилъ короля за созваніе сословій и вообще за его заботы о государствѣ, послѣ чего засѣданіе закрывалось [1]).

До окончанія сессіи депутаты не имѣли права покидать собранія и, если это случалось, то они подвергались строгимъ наказаніямъ. Подобные самовольные отъѣзды считались гораздо большимъ преступленіемъ, нежели неприбытіе на собраніе. Такъ, арагонскій король Іаковъ II въ 1301 г. строго наказалъ многихъ дворянъ, оставившихъ кортесы безъ его позволенія [2]).

---

[1]) Schäfer, III b. s. 226—244.

[2]) Schäfer, III b. s. 244.

Что касается до продолжительности сессіи, то на этотъ счетъ не было ничего опредѣленнаго. Все зависѣло отъ короля и сословій. Въ большинствѣ случаевъ кортесы (въ Арагоніи) засѣдали впродолженіи четырехъ или шести мѣсяцевъ. Но иногда случалось, что сессія продолжалась и нѣсколько лѣтъ. Такъ, при Альфонсѣ V одни и тѣже кортесы засѣдали шесть лѣтъ, что и вызвало постановленіе, по которому сессія не могла продолжаться болѣе одного года [1]).

Въ промежуткахъ времени между сессіями функціонировалъ особый *комитетъ*, представлявшій кортесы. Члены этого комитета избирались сословіями и назывались «государственными депутатами». Въ Арагоніи каждое сословіе избирало одного депутата, такъ что комитетъ состоялъ изъ четырехъ членовъ. Впослѣдствіи это число было удвоено. Функціи комитета состояли въ охранѣ и защитѣ сословныхъ вольностей и привилегій, въ надзорѣ за исполненіемъ постановленій сословій и въ управленіи по сбору налоговъ, вотированныхъ кортесами. Сборъ налоговъ и контроль надъ деньгами, полученными этимъ путемъ—были одними изъ самыхъ важныхъ функцій комитета. Въ Каталоніи и Валенсіи точно также существовали подобные комитеты, въ составъ которыхъ входили сословные dipu-tados, на обязанности которыхъ было точно также защищать привилегіи кортесовъ и управлять государственною казною [2]). Что касается до Кастиліи, то хотя и здѣсь существовали комитеты, но въ виду того, что кастильскіе кортесы никогда не обладали такимъ значеніемъ, какъ кортесы другихъ испанскихъ государствъ, они не выработались въ постоянное учрежденіе и существовали, такъ сказать, спорадически, то появляясь, то исчезая. Единственно, когда они пріобрѣтали извѣстное значеніе, это въ періоды малолѣтства короля [3]).

Функціи кортесовъ были законодательныя, административныя и судебныя.

Въ области *законодательства* кортесы обладали далеко не малыми правами. Ихъ согласіе было необходимымъ условіемъ для изданія новаго и для измѣненія или отмѣны стараго закона. Такъ, 17-ый законъ первой книги кастильскаго законодательнаго сборника Partidas гласитъ слѣдующее: «король обязанъ предпринимать измѣненія въ законодательствѣ сообща съ лучшими людьми всего государства, которыхъ онъ долженъ собрать вокругъ себя въ сколь возможно наибольшемъ числѣ» [4]). Такимъ образомъ, это постановленіе санкціонировало участіе кортесовъ въ законодательствѣ и дѣлало

---

[1]) Schäfer, III b. s. 245.
[2]) Schäfer, III b. s. 245—248.
[3]) Brauchitsch, s. 114.
[4]) Brauchitsch, s. 93.

ихъ согласіе conditionem sine qua non для изданія всякаго закона. Дѣйствительно, большинство кастильскихъ законовъ, какъ видно изъ ихъ текста, изданы съ «согласія» (con acuerdo) или съ «вѣдома» (con sejo) сословій [1]). Правда, кастильскіе короли, обладавшіе властью, значительно превышавшею власть другихъ испанскихъ государей, нерѣдко нарушали законодательныя права кортесовъ и издавали распоряженія, отмѣнявшія законы, но это всегда вызывало сильную оппозицію со стороны сословій. Подобныя нарушенія въ особенности участились въ царствованія Филиппа I, Карла I и Филиппа II, когда значеніе кортесовъ значительно уменьшилось и власть короля сдѣлалась почти абсолютной. Однако, сословія попрежнему продолжали протестовать противъ подобныхъ нарушеній своихъ привилегій, что, впрочемъ, не имѣло никакого результата и только усиливало конфликтъ между правительствомъ и кортесами [2]). Интересенъ отвѣтъ правительства, данный сословіямъ въ 1555 г. на ихъ просьбу объ уваженіи ихъ законодательныхъ правъ. «На это мы отвѣтимъ, возразилъ король, что мы всегда будемъ поступать такъ, какъ подобаетъ нашему правительству». Изъ подобнаго отвѣта видно, какъ ничтожна была власть кортесовъ въ это время [3]).

Въ Арагоніи, гдѣ кортесы обладали большею властью, чѣмъ въ Кастиліи, изданіе всякаго закона было обусловлено согласіемъ сословій, почему всѣ законы начинались словами: «Господинъ король волею кортесовъ постановляетъ и предписываетъ»... [4]). Участіе арагонскихъ кортесовъ въ законодательствѣ было впервые признано закономъ (Fuero) 1301 г. «Обычай и разумъ, читаемъ въ этомъ законѣ, предписываютъ, чтобъ король издавалъ законы и распоряженія съ согласія прелатовъ, высшаго и низшаго дворянства и представителей городовъ Арагонскаго государства» [5]).

Точно также и въ Каталоніи были признаны законодательныя функціи кортесовъ. «Каталонскіе короли, гласитъ постановленіе кортесовъ 1283 г. могутъ не иначе издавать законы, какъ съ согласія прелатовъ, бароновъ, дворянъ и горожанъ Каталоніи» [6]).

Другой функціей кортесовъ было *вотированіе налоговъ*. Безъ согласія сословій король не имѣлъ права никого облагать налогами и взимать какіе бы то ни было денежные сборы. Если подобные факты имѣли мѣсто, то они вызывали энергическую оппозицію со стороны кортесовъ. Даже такіе государи, какъ Карлъ I и Фи-

[1]) Hallam, t. I, p. 430.
[2]) Hallam, t. I, p. 432.
[3]) Hallam, t. I, p. 433.
[4]) Schäfer, III b. s. 209.
[5]) Schäfer, III b. s. 252.
[6]) Schäfer, III b. s. 352.

липпъ II уважали право кортесовъ на вотированіе налоговъ. Въ Кастиліи это право было не разъ выражено въ законодательствѣ и не разъ подтверждаемо королями. Такъ, въ 1393 г. кортесы вотировали налогъ подъ условіемъ, что король (Генрихъ III) дастъ клятвенное обѣщаніе никогда не взыскивать ни съ кого никакой суммы денегъ иначе, какъ съ согласія трехъ сословій, созванныхъ въ кортесахъ. Если же король будетъ самовольно взимать денежные сборы, то сословія получаютъ право не повиноваться ему и не исполнять его предписаній на этотъ счетъ. Король исполнилъ требованіе кортесовъ и послѣдніе ассигновали нужную ему сумму. Право на вотированіе налоговъ было вновь подтверждено Жуаномъ II въ 1420 г., когда кортесы потребовали, чтобъ «этотъ хорошій обычай, основанный на разумѣ и справедливости» былъ подтвержденъ королемъ. «Въ противномъ случаѣ, говорили сословія, если эта привилегія будетъ утрачена, то всѣ остальныя вольности сдѣлаются призрачными» [1]).

Въ Арагоніи право на вотированіе налоговъ было впервые провозглашено въ Privilegium generale 1283 г.—этой Великой хартіи арагонцевъ и затѣмъ постоянно подтверждаемо королями [2]).

Когда въ 1205 г. Педро II самовольно установилъ новый налогъ, то это повело къ междоусобной войнѣ, въ которой король былъ побѣжденъ [3]).

Кортесамъ не разъ приходилось отказывать королямъ въ денежной помощи, что также служитъ доказательствомъ ихъ права на вотированіе налоговъ. Такъ, напр. въ 1390 г. кастильскіе кортесы отказали правительству въ субсидіи подъ предлогомъ, что они уже много давали и что, не зная куда потрачены деньги, они считаютъ за зло давать еще больше. Въ 1406 г. они дали только половину испрашиваемой правительствомъ суммы. Въ 1527 г. Карлъ I ничего не получилъ отъ сословій, а въ 1538 г. они даже просили его «болѣе не возвращаться къ этому предмету» [4]).

Вотируя налогъ, кортесы требовали, чтобъ суммы, полученныя такимъ образомъ, расходовались на тотъ предметъ, на который онѣ испрашивались. Такъ, когда въ 1407 г. кастильскіе кортесы постановили оказать денежную помощь правительству, то они заявили, что эта сумма должна быть израсходована исключительно на войну съ Гренадой. Такого же рода требованія они заявляли не разъ и впослѣдствіи [5]).

Управленіе по сбору налоговъ и по расходованію суммъ, ассиг-

---

[1]) Hallam, t. I, p. 421—425.
[2]) Hallam, t. I, p. 457.
[3]) Hallam, t. I, p. 473.
[4]) Hallam, t. I, p. 426.
[5]) Hallam, t. I, p. 427.

нованныхъ кортесами, какъ было сказано выше, сосредоточивалось въ рукахъ сословнаго комитета (въ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи), существовавшаго въ промежуткахъ между сессіями кортесовъ. Члены этого комитета (diputados) избирались на извѣстный срокъ (въ Арагоніи, напр. на три года) и ежегодно были обязаны отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ государственномъ казначействѣ [1]).

Избраніе короля, хотя и не составляло функціи кортесовъ, такъ какъ испанскія государства были наслѣдственными монархіями, но при вступленіи на престолъ новаго государя они обязательно созывались и тогда въ торжественномъ засѣданіи сословій государь приносилъ присягу въ соблюденіи законовъ государства и въ ненарушеніи сословныхъ вольностей и привилегій. Послѣ этого, кортесы въ свою очередь, присягали въ вѣрности государю [2]).

Регулированіе частныхъ дѣлъ короля кортесы всегда считали за одну изъ своихъ функцій. Такъ, въ 1258 году кастильскіе кортесы заявили Алфонсу X, что будетъ вполнѣ пристойно, если король и королева ограничатъ свой расходъ на столъ полуторастами мараведи ежедневно. Кромѣ того, король долженъ будетъ «предписать всѣмъ придворнымъ ѣсть болѣе умѣренно, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ». Въ царствованіе Жуана II сословія не разъ протестовали противъ расточительности двора. Даже Филиппу II они заявили въ 1559 г. что расходы двора увеличились до невозможности и что ихъ необходимо уменьшить на половину. «Это будетъ отличнымъ примѣромъ, Ваше Величество, для дворянства и для всего народа» заключили они [3]).

Внѣшнія сношенія и разрѣшеніе вопросовъ о *войнѣ и мирѣ* также входили въ составъ компетенцій кортесовъ. Напр. въ 1469 г. кастильскіе кортесы сдѣлали немало упрековъ Генриху IV за то, что онъ предпочелъ союзу съ Франціей союзъ съ Англіей [4]). Въ 1406 г. въ собраніи кастильскихъ кортесовъ была рѣшена война съ маврами и т. п. [5]).

Функціи по *управленію государствомъ* всегда были присущи собранію земскихъ чиновъ и сосредоточивались главнымъ образомъ въ рукахъ сословнаго комитета, задачей котораго было заботиться «о благѣ государства». Многіе испанскіе законы признали право кортесовъ на разрѣшеніе всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся вопро-

---

[1]) Schäfer III b. s. 291. Нужно замѣтить, что вышеназванный комитетъ управлялъ только суммами, ассигнованными кортесами, а не всей финансовой частью государства.

[2]) Schäfer, III b. s. 209.

[3]) Hallam, t. I, p. 428.

[4]) Hallam, t. I, p. 436.

[5]) Brauchitsch, s. 115.

совъ въ области государственнаго управленія. «Въ виду того, что совѣщаніе съ нашими подданными и въ особенности съ представителями городовъ, гласитъ законъ 1328 г. изданный кастильскимъ королемъ Альфонсомъ XI, необходимо во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ государственнаго управленія, мы хотимъ и предписываемъ, чтобъ въ такихъ случаяхъ кортесы были созываемы и чтобъ всегда принималось въ разсчетъ мнѣніе трехъ сословій государства такъ же, какъ это дѣлалось прежде, при короляхъ, нашихъ предшественникахъ». [1]) Въ особенности усиливалась власть кортесовъ въ періоды несовершеннолѣтія короля, когда управленіе государствомъ сосредоточивалось въ ихъ рукахъ. Даже въ Кастиліи, гдѣ, какъ извѣстно, кортесы не обладали такимъ значеніемъ, какъ, напр. въ Арагоніи, во время малолѣтства короля сословный комитетъ получалъ постоянныя функціи и существовалъ во весь періодъ регенства. Такъ, напр. въ 1313 г. на кортесахъ въ Вальядолидѣ былъ избранъ совѣтъ регенства, въ составъ котораго вошли четыре епископа и 16 горожанъ (4 отъ Кастиліи, 4 отъ Леона и Галиціи, 4 отъ Толедо и Андалузіи и 4 отъ Эстрамадуры). Одновременно съ избраніемъ совѣта было постановлено, что кортесы будутъ созываться разъ въ два года. Въ 1315 г. составъ совѣта былъ измѣненъ и въ него вошло только 12 человѣкъ (шесть дворянъ и шесть горожанъ). Такой же совѣтъ былъ организованъ и въ 1391 г. и т. п. [2]).

Кортесамъ были присущи также и *судебныя* функціи и въ этомъ отношеніи они дѣйствовали въ качествѣ верховнаго суда. Въ Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи въ продолженіи каждой сессіи избиралась особая коммиссія, въ которой и сосредоточивались судебныя функціи кортесовъ. Предсѣдателемъ коммиссіи арагонскихъ кортесовъ былъ верховный судья (justiza). Рѣшенія этой коммиссіи требовали санкціи со стороны кортесовъ. Напротивъ, постановленія коммиссіи каталонскихъ кортесовъ считались окончательными и неподлежащими аппелляціи [3]).

Средствами для защиты своихъ привилегій у кортесовъ были: право требовать отъ короля клятвеннаго обѣщанія повиноваться законамъ и уважать сословныя привилегій и право союзовъ и вооруженнаго сопротивленія. *Первому* испанцы придавали весьма большое значеніе и поэтому ни одинъ король не могъ вступить на престолъ, не давъ торжественной клятвы въ присутствіи кортесовъ свято хранить ихъ вольности. При этомъ сословія требовали, чтобъ первымъ присягалъ король, а затѣмъ ужь присягали они. Слѣдующій фактъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ

---

[1]) Hallam, t. I, p. 435.

[2]) Brauchitsch, s. 114.

[3] Schäfer, III b. s. 210.

того, какое значеніе придавали испанцы вышеназванной присагѣ. Арагонскій король Альфонсъ III, будучи наслѣдникомъ престола, находился на островѣ Маіоркѣ, гдѣ подавлялъ возстаніе. Въ это время скончался его отецъ. Тогда Альфонсъ далъ знать въ Сарагоссу объ успѣшномъ окончаніи своего предпріятія, причемъ назвалъ себя королемъ Арагоніи. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе кортесы постановили послать Альфонсу торжественное посольство, которому было поручено просить его поспѣшить въ Сарагоссу для принесенія присяги; до этого же времени не называть себя королемъ и не поступать какъ король, такъ какъ государство до принесенія имъ присяги не признаетъ его таковымъ. Альфонсъ принялъ посольство и былъ вынужденъ извиниться передъ нимъ за свой неправильный поступокъ [1]).

Вторымъ средствомъ для защиты сословныхъ привилегій было право *союзовъ* и *вооруженнаго сопротивленія* королю. Въ Кастиліи въ первый разъ это право было признано законами Partidas. 15-ый законъ второй книги этого законодательнаго сборника гласитъ, что «тотъ будетъ считаться измѣнникомъ по отношемію къ народу, кто, видя противозаконныя поступки короля, не окажетъ ему сопротивленія не только словомъ, но и дѣломъ». [2])—Въ Арагоніи право вооруженнаго сопротивленія было признано извѣстной Привилегіей союзовъ, изданной въ 1283 году. Она состояла изъ двухъ параграфовъ. Первый устанавливалъ право гражданъ заключать союзы противъ короля и оказывать ему вооруженное сооротивленіе въ случаѣ нарушенія имъ законовъ государства. Второй предписывалъ созывать ежегодно кортесы въ Сарагоссѣ. [3]) Этотъ законъ былъ отмѣненъ въ 1348 г., а для охраненія сословныхъ вольностей была учреждена особая должность верховнаго судьи (justiza). Правда, эта должность существовала и прежде, но тогда она не имѣла такого значенія, какъ теперь. Justiza назначался королемъ и не могъ быть смѣняемъ, вслѣдствіе пожизненнаго характера своей должности. Судъ его считался апелляціонной инстанціей по отношенію ко всѣмъ судамъ государства. Кромѣ того, онъ рѣшалъ всѣ дѣла, возникавшія между сословіями и королемъ и послѣдній нерѣдко обвинялъ своихъ непокорныхъ подданныхъ предъ судомъ juctiza. Главной же функціей верховнаго судьи было охранять законы и народныя вольности, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ право протестовать противъ дѣйствій короля и объявлять ихъ противозаконными. Защищать верховнаго судью отъ нападенія со стороны правительства было обязанностью сословнаго комитета, какъ извѣстно, являвшагося органомъ кортесовъ [4]).

[1]) Schäfer, III b. s. 253.
[2]) Brauchitsch, s. 98.
[3]) Hallam, t. I, p. 458.
[4]) Hallam, t. I, p. 461—472.

Почти тѣже причины, которыя имѣли въ результатѣ паденіе генеральныхъ штатовъ во Франціи, привели къ паденію кортесовъ въ Испаніи. Первая изъ нихъ и самая главная—отсутствіе единенія между сословіями, явившееся результатомъ феодализма, раздробившаго все общество на отдѣльныя сословныя группы, различныя другъ отъ друга по своимъ правамъ и обязанностямъ, предразудкамъ и обычаямъ, привычкамъ и образу жизни и вообще по своему соціальному положенію—облегчила государямъ усилить свою власть, побороть оппозицію сословій и въ результатѣ уничтожить ихъ привилегіи. Этому въ значительной степени способствовалъ союзъ монархической власти съ духовенствомъ, обладавшимъ въ Испаніи такимъ значеніемъ, какого оно не имѣло ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Кортесы энергически боролись противъ подобнаго процесса теократизаціи государства, но противники ихъ были сильны и сословія должны были пасть въ неравной борьбѣ. Вліяніе римскаго права, перенесеннаго изъ Италіи, еще болѣе способствовало усиленію монархической власти и паденію сословныхъ собраній. Постоянныя войны, которыя испанцы были вынуждены вести, конечно, ужъ не могли служить дѣлу свободы, а, напротивъ, создавъ королевскую армію, дали бóльшую точку опоры для притязаній монархической власти. Наконецъ, рядъ энергичныхъ государей вродѣ Карла I, Филиппа II и др. еще болѣе способствовалъ вышеназванному процессу образованія абсолютной монархіи. Такимъ образомъ, почти однѣ и тѣже причины привели къ паденію земскихъ чиновъ въ Германіи, генеральныхъ штатовъ во Франціи и кортесовъ въ Испаніи.

Швеція.

Шведскій сеймъ по своему составу очень отличался отъ другихъ европейскихъ представительныхъ собраній. Онъ состоялъ изъ четырехъ палатъ, такъ какъ крестьяне также имѣли на немъ своихъ представителей, кромѣ того, его органической частью было и войско, особо представлявшееся на немъ. Участіе на сеймѣ крестьянства и войска придавало ему специфическій характеръ, выдѣлявшій его изъ ряда другихъ, аналогичныхъ съ нимъ европейскихъ собраній. Такимъ образомъ, въ составъ шведскаго сейма входили дворянство, войско, духовенство, горожане и крестьяне.

Дворянство считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ. Мѣсто перваго сословія оно заняло послѣ 1527 г., когда въ Швеціи была введена реформація, согласно съ постановленіемъ вестерескаго сейма [1]). До этого времени первымъ сословіемъ было духовенство.

[1]) Nordenflicht, Die schwedische Staatswerfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung, s. 86.

Вплоть до 1626 г. дворянство на сеймѣ не имѣло никакой организаціи и члены, какъ высшаго, такъ и низшаго дворянства засѣдали и голосовали вмѣстѣ. Но съ 1626 г. былъ учрежденъ, такъ называемый, рыцарскій домъ, бывшій первой палатой сейма. Въ составъ его входило дворянство, раздѣленное на три класса. Къ первому относились графы и бароны; при основаніи рыцарскаго дома ихъ было 11. Ко второму, такъ называемые, рыцари, т. е. потомки тѣхъ родовъ, которые хотя бы разъ имѣли своихъ представителей въ государственномъ совѣтѣ. При основаніи рыцарскаго дома ихъ было 22. Третій классъ образовали члены низшаго дворянства (Swennar), числомъ до 120 родовъ. Вступая въ государственный совѣтъ, членъ этого класса eo ipso переходилъ во второй классъ. Члены родовъ всѣхъ трехъ классовъ, по достиженіи совершеннолѣтія, были обязаны являться на сеймъ, но правомъ голоса пользовался только представитель рода, избиравшійся послѣднимъ. Всѣ три класса засѣдали вмѣстѣ, но голосованіе происходило по классамъ такимъ образомъ, что каждый классъ имѣлъ одинъ голосъ. Въ каждомъ же классѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Большинствомъ же классовыхъ голосовъ дѣла рѣшались во всемъ рыцарскомъ домѣ [1]).

Въ 1720 г. рыцарскій домъ былъ переформированъ, а именно, вышеназванная трехклассная система уничтожена и все дворянство преобразовано въ одинъ классъ. Это было сдѣлано въ угоду третьему классу, отличавшемуся многочисленностью своихъ членовъ и требовавшему себѣ равныхъ правъ съ двумя первыми классами [2]). Въ 1762 г. имѣла мѣсто новая реформа, а именно уничтожены были выборы представителя рода, избиравшагося, какъ извѣстно, послѣднимъ. Родовымъ же представителемъ долженъ былъ считаться самый старый въ родѣ [3]). Однако, въ 1778 г. двѣ вышеназванныя реформы были отмѣнены и рыцарскій домъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ видѣ съ трехклассной системой и съ избраніемъ родовыхъ представителей [4]).

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что шведское дворянство должно было лично являться на сеймъ, причемъ одни его члены имѣли только совѣщательное значеніе, другіе же (родовые представители) пользовались рѣшающимъ голосомъ. Являться на сеймъ было тяжелой повинностью для дворянъ, обязанныхъ самимъ содержать себя, вотъ почему они не разъ просили королей не такъ часто созывать сеймы [5]). Въ 1655 г. была даже подана петиція, въ

---

[1]) Geijer, Geschichte Schwedens, III b. s. 29; Nordenflicht, s. 146—150.
[2]) Nordenflicht, s. 261.
[3]) Nordenflicht, s. 294.
[4]) Nordenflicht, s. 308.
[5]) Nordenflicht, s. 140.

которой члены третьяго класса просили о замѣнѣ личнаго присутствія дворянъ на сеймѣ посылкою на него, подобно другимъ сословіямъ, своихъ представителей, но петиція не прошла, вслѣдствіе оппозиціи высшихъ классовъ дворянства, видѣвшихъ въ личномъ присутствіи на сеймѣ одну изъ своихъ привилегій [1]).

Число дворянскихъ родовъ, присутствовавшихъ на сеймахъ постоянно варьировалось. Такъ, въ 1527 г. ихъ было 129 [2]), въ 1626 г. — 153, въ 1693 г.—500 [3]), въ 1720 г. графовъ было 60, бароновъ—130, простыхъ дворянъ —1600, рыцарей же почти совсѣмъ не было, такъ какъ часть ихъ вымерла, часть же перешла въ первый классъ [4]). Съ возстановленіемъ рыцарскаго дома въ прежнемъ видѣ въ 1778 г. рыцарское званіе получили 300 родовъ; что же касается до перваго класса, то онъ состоялъ въ этомъ году изъ 48 графовъ и 140 бароновъ [5]).

Представители войска не составляли особой палаты и причислялись къ дворянству, хотя и засѣдали отдѣльно отъ него [6]). Въ первый разъ войско было представлено въ 1595 г., когда герцогъ Карлъ, будущій Карлъ IX созвалъ на сеймъ офицеровъ преданныхъ ему полковъ [7]). Затѣмъ вплоть до 1778 г. представители войска постоянно участвовали на сеймахъ, образуя съ дворянствомъ одно цѣлое. Но въ этомъ году войско лишилось права быть представляемымъ въ собраніяхъ, такъ какъ подобное представительство, по словамъ короля Густава III, крайне вредно отражалось на дисциплинѣ [8]). Обыкновенно, на сеймы призывались всѣ генералы, полковники и офицеры до маіора включительно и, кромѣ того, по капитану отъ каждаго полка [9]).

До введенія реформаціи *духовенство* въ Швеціи такъ же, какъ и въ другихъ католическихъ государствахъ считалось первымъ сословіемъ и въ качествѣ таковаго призывалось, какъ на дворянскіе сеймы (Herrentage), такъ и на общесословные. Оно представлялось на послѣднихъ своими высшими чинами—архіепископами, епископами и аббатами, такъ какъ нисшее духовенство на сеймахъ не участвовало. Послѣ же реформаціи, духовенство спустилось до средняго сословія и стало на равную ногу съ горожанами и крестьянами. Одновременно съ этимъ на сеймахъ появились и пред-

---

[1]) Karlson, Geschichte Schwedens, IV b. s. 71; Nordenflicht, s. 193.
[2]) Geijer, II b. s. 60.
[3]) Karlson, V b. s. 535.
[4]) Nordenflicht, s. 261.
[5]) Nordenflicht, s. 308.
[6]) Geijer, III b. s. 30; Karlson, IV b. s. 53.
[7]) Nordenflicht, s. 123.
[8]) Ibid, s. 310.
[9]) Karlson, IV b. s. 45; Nordenflicht, s. 156.

ставители нисшаго духовенства. Въ первый разъ они были призваны въ 1547 г. на сеймъ, созванный въ Стренгнесѣ [1]). Обыкновенно, духовенство представлялось слѣдующимъ образомъ. Епископы и суперинтенденты являлись лично. Каждый капитулъ посылалъ одного или двухъ представителей. Что же касается до нисшаго духовенства, то оно посылало своихъ депутатовъ, избирая ихъ по судебнымъ округамъ (Harde) такимъ образомъ, что отъ каждаго округа были одинъ или два представителя. Иногда же два округа посылали одного депутата [2]).

Третье сословіе составляли *горожане*. Въ первое время участія горожанъ на сеймахъ представителями городовъ были бургомистры и члены городскаго совѣта. Избирались они въ качествѣ сеймовыхъ депутатовъ однимъ магистратомъ, безъ всякаго участія со стороны городской общины. Но въ XVI ст. послѣдняя, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ высшаго городскаго сословія (Rätta borgare), также получаетъ право посылать своихъ депутатовъ на сеймъ. Такимъ образомъ, городскіе представители избирались совмѣстно магистратомъ и сословіемъ полноправныхъ горожанъ. Что касается до депутатовъ, то они должны были быть или членами городскаго совѣта или принадлежать къ классу полноправныхъ горожанъ. Право на избраніе депутатовъ со стороны послѣдняго не разъ подтверждалось закономъ [3]). Что касается до числа городскихъ депутатовъ, то оно не было постоянно и очень часто измѣнялось. Такъ, на сеймѣ 1527 г. горожанъ было 32 человѣка [4]), на сеймѣ 1600 г. — 24 [5]) и т. п. Въ большинствѣ случаевъ каждый городъ посылалъ отъ двухъ до четырехъ депутатовъ [6]).

Крестьяне были четвертымъ сословіемъ и наравнѣ съ другими сословіями входили въ составъ сейма. Швеція была единственнымъ государствомъ въ западной Европѣ, гдѣ существовало крестьянское представительство (если не считать нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи), что объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ феодализма и его слѣдствія—закрѣпощенія крестьянъ.

Крестьянскіе депутаты, какъ и депутаты нисшаго духовенства, избирались по судебнымъ округамъ. Вплоть до 1680 г. представители крестьянъ назначались мѣстными начальниками, преимущественно судьями, такъ что само населеніе въ выборѣ ихъ не участвовало [7]). Но съ 1680 г. дѣло измѣнилось и крестьяне получили

---

[1]) Geijer, II b. s. 95; Nordenflicht, s. 103.

[2]) Geijer, III b. s. 33; Karlson, IV b. s. 45; Nordenflicht, s. 156.

[3]) Nordenflicht, s. 326.

[4]) Geijer II, b. s. 60.

[5]) Nordenflicht, s. 125.

[6]) Geijer, II b. s. 43; III b. s. 33; Karlson, IV b. s. 45; Nordenflicht, s. 156.

[7]) Nordenflicht, s. 103.

право избирать своихъ депутатовъ, мѣстнымъ же начальникамъ было запрещено вмѣшиваться въ выборы [1]). Право на избраніе депутатовъ было вновь подтверждено за крестьянами въ 1789 г. [2]). Число крестьянскихъ депутатовъ также не было постоянно и также варьировалось съ каждымъ сеймомъ. Напр. въ 1527 г. ихъ было до 120 [3]), въ 1600 г. — только 47 [4]) и т. п. Обыкновенно, каждый судебный округъ посылалъ одного или двухъ крестьянъ [5]).

До 1660 года сеймъ не созывался *періодически*, но по мѣрѣ надобности и, нужно сказать, сеймы бывали довольно часто. Но въ 1660 г. было постановлено, что сеймъ долженъ созываться разъ въ три года [6]). Въ 1723 г. это постановленіе было вновь подтверждено [7]). Однако, бывали періоды, когда періодичность сеймовъ совсѣмъ прекращала свое существованіе, хотя, впрочемъ, только фактически, а не юридически. Такъ, въ царствованіе Карла XI сеймы созывались очень рѣдко. Карлъ же XII впродолженіи всего своего царствованія ни разу не созвалъ сейма.

Что касается до *мѣста* засѣданія, то оно не было опредѣлено, хотя въ большинствѣ случаевъ сеймъ созывался въ Стокгольмѣ. Впрочемъ, онъ имѣлъ мѣсто и въ слѣдующихъ городахъ: Упсалѣ, Арбогѣ, Вестересѣ, Стренгнесѣ, Сёдеркёпингѣ, Линкёпингѣ и др.

Право созванія сейма въ разные періоды принадлежало то королю, то королю совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ, то, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, одному совѣту. Въ 1723 г. за сеймомъ было даже признано право собираться по своей собственной инниціативѣ, впрочемъ, это постановленіе было впослѣдствіи отмѣнено [8]).

Призывныя письма адресовались на имя мѣстныхъ начальниковъ и магистратовъ, на обязанности которыхъ было заботиться о выборахъ. Члены высшаго дворянства, по своей вѣроятности, получали эти письма лично, безъ всякаго посредничества со стороны кого бы то ни было.

По полученіи писемъ, происходили *выборы*. Для духовенства и крестьянства избирательнымъ округомъ былъ судебный дистриктъ.

---

[1]) Geijer, III b. s. 42; Nordenflicht, s. 233. „Его Величество, гласитъ законъ Карла XI, не желаетъ, чтобъ крестьянскіе депутаты избирались и назначались окружными судьями и милостиво дозволяетъ, чтобъ крестьяне сами избирали своихъ депутатовъ и снабжали ихъ инструкціями. Обязанность же мѣстнаго начальства будетъ заключаться въ надзорѣ за тѣмъ, чтобъ въ депутаты избирались хорошіе и порядочные люди“.

[2]) Nordenflicht, s. 326.

[3]) Geijer, II b. s. 60. Nordenflicht, s. 86.

[4]) Nordenflicht, s. 125.

[5]) Geijer, III b. s. 33; Karlson, IV b. s. 45; Nordenflicht, s. 156.

[6]) Nordenflicht, s. 197.

[7]) Ibid. s. 275.

[8]) Ibid. s. 275.

Что касается до *ценза*, то онъ состоялъ только въ томъ, чтобъ избирались люди хорошіе, умные, свѣдующіе въ дѣлахъ и т. п. [1]). Въ 1719 г. было опредѣлено, чтобъ въ крестьянскіе депутаты не избирались лица, принадлежавшія къ другимъ сословіямъ или занимавшія какія нибудь должности [2]). Городскіе депутаты, какъ мы видѣли, должны были быть или членами магистрата или принадлежать къ сословію полноправныхъ горожанъ (Rätta borgare). Тоже, что было сказано относительно пассивнаго избирательнаго права, можетъ быть повторено и относительно активнаго.

Въ выборы нерѣдко вмѣшивалось правительство, а съ XVIII ст. и иностранныя державы. Для иллюстраціи вмѣшательства перваго рода приведемъ слѣдующій примѣръ. Вотъ, что предписывало правительство въ 1635 г. мѣстнымъ начальникамъ по поводу крестьянскихъ выборовъ. «Въ виду того, что на сеймахъ, читаемъ въ инструкціи, крайне трудно придти къ какому нибудь единенію, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что округа посылаютъ неподходящихъ депутатовъ, мѣстные начальники должны озаботиться, но только въ тайнѣ и не для кого незамѣтно, чтобъ были избраны умные и хорошіе люди, способные разсуждать о важныхъ государственныхъ дѣлахъ» [3]). Съ XVIII ст. въ выборы начинаютъ вмѣшиваться иностранныя державы, стараясь проводить дружественныхъ себѣ депутатовъ. Подобное вмѣшательство въ особенности практиковалось въ такъ называемый «періодъ свободы», наступившій послѣ смерти Карла XII, когда центръ управленія государствомъ сосредоточился въ сеймѣ, король же ровно ничего не значилъ [4]).

По избраніи, депутаты снабжались инструкціями и отправлялись въ городъ, назначенный мѣстомъ засѣданія сейма. Представители трехъ низшихъ сословій содержались на счетъ государства, между тѣмъ, какъ члены дворянскаго сословія должны были сами себя содержать [5]).

Число всѣхъ сеймовыхъ депутатовъ бывало довольно многочисленно. Такъ, въ 1527 г. ихъ было до 300 [6]), въ 1664 г. — до 700 и т. п. [7]). Впрочемъ очень часто случалось, что многіе депутаты совсѣмъ не являлись на сеймъ. Такъ, въ 1527 г. Делекарлія совсѣмъ не была представлена [8]), также и Финляндія довольно часто отсутствовала на сеймахъ. Въ 1597 г. дворянство было представ-

---

[1]) Geijer, III b. s. 33.
[2]) Nordenflicht, s. 262.
[3]) Geijer, III b. s. 41.
[4]) Nordenflicht, s. 277.
[5]) Ibid. s. 140.
[6]) Geijer, II b. s. 60.
[7]) Karlson, IV b. s. 457.
[8]) Geijer, III b. s. 60.

лено только *однимъ* своимъ членомъ [1]), послѣ введенія реформаціи впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ духовенство совсѣмъ не появлялось на сеймахъ [2]) и т. п. Объяснялось это многими причинами. Главныя изъ нихъ были: дальность разстоянія, неудовлетворительность путей сообщенія, дороговизна проѣзда, оппозиція правительству и т. п.

Продолжительность сейма не была опредѣлена въ законѣ и все зависѣло отъ разсматривавшихся на немъ дѣлъ. Сессіи продолжались иногда нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. Такъ, въ 1660 г. выборнымъ пришлось жить въ Стокгольмѣ шесть мѣсяцевъ, прежде чѣмъ начался сеймъ [3]), въ большинствѣ же случаевъ сеймъ продолжался около четырехъ мѣсяцевъ.

Засѣданія происходили слѣдующимъ образомъ. Открывалъ сеймъ самъ король въ особомъ торжественномъ засѣданіи, въ присутствіи всѣхъ сословій, сидѣвшихъ въ особомъ порядкѣ. Посреди зала помѣщался королевскій тронъ. Направо отъ него сидѣли лица, занимавшія высшія государственныя должности (числомъ пять), за ними: графы, бароны, рыцари и члены низшаго дворянства, сзади которыхъ помѣщались представители войска. Налѣво отъ трона сидѣли члены государственнаго совѣта, за ними епископы и низшее духовенство, а за послѣдними представители городовъ. Въ концѣ зала, прямо противъ трона находились мѣста крестьянъ. Послѣ открытія засѣданія, предсѣдатель (маршалъ) рыцарскаго дома (онъ же ландмаршалъ всего сейма) привѣтствовалъ короля отъ имени дворянства, затѣмъ одинъ изъ епископовъ говорилъ привѣтствіе отъ имени остальныхъ сословій. Король благодарилъ за привѣтствія и произносилъ рѣчь, въ которой излагалъ правительственныя предложенія сейму. Послѣ этого, онъ удалялся, а сословія расходились по своимъ помѣщеніямъ [4]). Каждое изъ нихъ имѣло своихъ предсѣдателей, назначавшихся правительствомъ. Впрочемъ, одно время, а именно въ такъ называемый «періодъ свободы» предсѣдатели избирались самими сословіями [5]). Однако, съ 1778 г. правительство снова назначало предсѣдателей [6]). Что касается до ландмаршала, то онъ всегда назначался изъ высшаго класса дворянства; въ первый разъ ландмаршалъ былъ назначенъ изъ третьяго класса въ 1686 г. [7]).

Всѣ дѣла сословія рѣшали отдѣльно, что не мѣшало имъ од-

---

[1]) Nordenflicht, s. 123.
[2]) Ibid, s. 103.
[3]) Karlson, IV b. s. 447.
[4]) Geijer, III b. s. 31; Nordenflicht, s. 140.
[5]) Nordenflicht, s. 275.
[6]) Ibid, s. 308.
[7]) Karlson, V b. s. 343.

нако сноситься другъ съ другомъ при помощи депутацій и, такимъ образомъ, дѣйствовать совмѣстно, если того требовали обстоятельства [1]). Голосованіе въ каждомъ сословіи происходило по большинству голосовъ. Что касается до голосованія въ рыцарскомъ домѣ, то объ этомъ было сказано выше. Для того, чтобъ извѣстное предложеніе считалось принятымъ, необходимо было единогласіе всѣхъ сословій [2]). Въ 1723 г. на этотъ счетъ было издано весьма важное постановленіе, измѣнившее вышеназванное правило. По этому постановленію единогласіе всѣхъ сословій требовалось только для измѣненій основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій. Для обыкновенныхъ же законовъ требовалось большинство трехъ сословій. Въ случаѣ, если состоялось бы равенство голосовъ (два сословія противъ двухъ), то дѣло откладывалось до слѣдующаго сейма, если же и на немъ два сословія высказались бы противъ двухъ, то дѣло рѣшалось королемъ совмѣстно съ совѣтомъ [3]). Въ 1778 г. это постановленіе было уничтожено и возстановлено прежнее правило объ единогласіи всѣхъ сословій [4]).

Сословія, выработавъ отвѣты на правительственныя предложенія, избирали особый комитетъ, редактировавшій эти отвѣты [5]). Затѣмъ назначалось торжественное засѣданіе, въ которомъ вышеназванные отвѣты передавались правительству. Если послѣднее было согласно съ ними, то сеймъ, по произнесеніи въ немъ приличествующихъ случаю рѣчей, закрывался. Если же нѣтъ, то сословія удалялись въ свои помѣщенія и тогда начинались переговоры между ними и правительствомъ, пока не вырабатывался какой нибудь modus vivendi, удовлетворявшій обѣ стороны [6]). Послѣ окончанія работъ сейма, составлялся протоколъ, куда вносились всѣ сеймовыя постановленія. Протоколъ подписывался членами сейма [7]).

На каждомъ сеймѣ избирались особыя коммиссіи и комитеты, разрабатывавшіе разнообразные вопросы, переданные имъ сеймомъ и вносившіе ихъ затѣмъ на разрѣшеніе послѣдняго. Среди этихъ комитетовъ въ особенности выдѣлялся, такъ называемый, секретный комитетъ, игравшій весьма видную роль въ исторіи шведскихъ сеймовъ. Онъ появился впервые на сеймѣ 1627 г. и вначалѣ имѣлъ цѣлью разработывать вопросы иностранной политики [8]). Послѣ этого, онъ уже организовывался на каждомъ сеймѣ и разсмат-

---

[1]) Karlson, V b. s. 76.
[2]) Nordenflicht, s. 140.
[3]) Nordenflicht, s. 276.
[4]) Ibid, s. 308.
[5]) Karlson, V b. s. 538.
[6]) Geijer, III b. s. 32.
[7]) Ibid, II b. s. 302.
[8]) Geijer, III b. s. 150; Nordenflicht, s. 141.

ривалъ всѣ дѣла, разрѣшавшіяся сеймомъ. Онъ даже, такъ сказать, заслонилъ собою сеймъ и по многимъ дѣламъ постановлялъ окончательныя рѣшенія, вовсе не нуждаясь въ санкціи сейма. Члены комитета назначались правительствомъ изъ дворянства, духовенства и горожанъ. Крестьяне входили въ него въ видѣ исключенія и далеко не всегда. На сеймѣ 1682 г. участіе крестьянъ въ комитетѣ вызвало даже цѣлую бурю, такъ какъ дворянство энергично этому воспротивилось [1]). Въ періоды, когда власть сейма увеличивалась, члены комитета избирались самимъ сеймомъ. Въ первый разъ они были избраны въ 1660 г. [2]). Что касается до числа членовъ комитета, то оно не было постоянно, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ оно доходило до 100. Такъ, на сеймѣ 1693 г. въ составъ комитета вошло: 38 дворянъ, 30 духовныхъ лицъ и 22 горожанина, итого 90 человѣкъ [3]). Постановленіемъ 1723 г. было опредѣлено, что всѣхъ членовъ комитета должно быть 100, изъ которыхъ половина должна состоять изъ дворянъ [4]). До 1762 г. отношенія секретнаго комитета къ сейму были крайне неопредѣленны, благодаря чему комитетъ пріобрѣлъ такую власть, что совсѣмъ отодвинулъ сеймъ на задній планъ и именемъ послѣдняго безапелляціонно рѣшалъ всѣ дѣла. Мало по малу выработалась такая практика, по которой отъ усмотрѣнія комитета зависѣло, какія дѣла передавать на утвержденіе сейма и какія рѣшать окончательно самому. Послѣ же 1762 г., отношенія между обоими учрежденіями опредѣлились такимъ образомъ, что дѣла менѣе важныя рѣшалъ комитетъ, дѣла же болѣе важныя вносились на утвержденіе сейма [5]).

Послѣ роспуска сейма, многіе комитеты и коммиссіи еще продолжали свою дѣятельность и, только по окончаніи ихъ, прекращали свое существованіе [6]).

Переходимъ къ вопросу о *компетенціи* сейма. Говоря объ этомъ вопросѣ, необходимо имѣть въ виду, что сеймовая компетенція въ разные періоды шведской исторіи была далеко не одинакова. Встрѣчались такія эпохи, когда значеніе сейма было низведено до minimum'а, какъ, напр. во вторую половину царствованія Карла XI или во все царствованіе Карла XII, когда, какъ извѣстно, сеймъ даже ни разу не созывался. За то, напротивъ, бывали другіе періоды, напр., такъ называемое «время свободы», наступившее послѣ смерти Карла XII, когда центръ управленія государствомъ исклю-

---

1) Karlson, V b. s. 225.
2) Karlson, IV b. s. 404.
3) Karlson, V b. s. 537.
4) Nordenflicht, s. 275.
5) Nordenflicht, s. 296.
6) Karlson, V b. s. 104.

чительно сосредоточивался въ рукахъ сейма и Швеція скорѣе походила на республику, чѣмъ на монархію. Но, за исключеніемъ подобныхъ періодовъ деспотизма и республиканской свободы, были еще эпохи, болѣе умѣренныя, когда власть короля вполнѣ совмѣщалась съ властью сейма и когда Швеція представляла изъ себя ограниченную монархію. Мы будемъ разсматривать значеніе и компетенцію сейма подобныхъ періодовъ, какъ болѣе нормальныхъ въ шведской исторіи и не вызванныхъ исключительными и скоропроходящими причинами, продуктомъ которыхъ являлись два вышеназванныхъ періода.

Шведскій сеймъ былъ учрежденіемъ постояннымъ и тѣсно связаннымъ со всѣмъ государственнымъ устройствомъ Швеціи. Юридически онъ никогда не отмѣнялся и, если иногда фактически не существовалъ, то только потому, что не созывался. Даже Карлъ XII его не отмѣнилъ, хотя былъ первымъ (впрочемъ и послѣднимъ) шведскимъ королемъ, который, вступая на престолъ, рѣшился измѣнить традиціонную королевскую присягу и не поклялся повиноваться законамъ государства и хранить вольности сословій, потребовавъ однако себѣ присягу со стороны послѣднихъ [1]). Сейму были присущи законодательныя, административныя и судебныя функціи. Въ области *законодательства* онъ всегда пользовался извѣстными правами, что не разъ было высказано въ законѣ. Еще извѣстный законъ Königsbalken призналъ за народомъ право на участіе въ составленіи и измѣненіи законовъ [2]). Съ этого времени это право никогда не подвергалось сомнѣнію и одинаково распространялось, какъ на основные, такъ и на простые законы. Даже усиленіе королевской власти при Карлѣ XI, имѣвшее въ результатѣ деспотизмъ Карла XII, произошло съ согласія сейма и не иначе, какъ по его санкціи, выраженной въ законѣ. Послѣ смерти Карла XII, этотъ деспотизмъ погибъ, уничтоженный опять таки законодательнымъ порядкомъ, а не путемъ революціи. Много другихъ примѣровъ также служатъ доказательствомъ сильной законодательной власти, присущей шведскому сейму. Такъ, введеніе реформаціи постановленіемъ сейма, не смотря на отчаянную оппозицію духовенства; рядъ безчисленныхъ конфискацій дворянскихъ земель въ пользу государства, санкціонированныхъ сеймомъ и т. п. все это можетъ служить въ пользу того, какимъ могуществомъ обладало собраніе сословныхъ представителей въ Швеціи, рѣшавшее въ мирное время вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ другихъ государствахъ совпадало съ періодами революцій и гражданскихъ войнъ.

Избраніе короля очень часто практиковалось сеймомъ тѣмъ болѣе, что Швеція долгое время была избирательной монархіей.

---

[1]) Nordenflisht, s. 244.

[2]) Ibid. s. 43.

Впослѣдствіи, когда Швеція превратилась въ наслѣдственную монархію, сеймъ избиралъ королей только въ случаѣ присѣченія династіи. Во всякомъ случаѣ, при вступленіи на престолъ новаго государя, сеймъ обязательно созывался для принесенія присяги королю и для выслушиванія таковой отъ короля, въ которой послѣдній обѣщалъ соблюдать законы и сословныя вольности.

Низложеніе короля сеймомъ также имѣло иногда мѣсто и считалось одной изъ функцій собранія земскихъ чиновъ. Такъ, Сигизмундъ польскій былъ низложенъ въ качествѣ шведскаго короля сеймомъ 1599 года [1]). Не задолго передъ тѣмъ (въ 1569 г.) ту же участь испыталъ и Эрихъ XIV [2]).

Что касается до вмѣшательства въ *частныя дѣла* короля, то и это практиковалось сеймомъ. Такъ, въ царствованіе королевы Христины сеймъ не разъ требовалъ отъ нея выхода замужъ, не смотря на то, что королева была противъ этого и т. п. [3]).

Вотированіе налоговъ было одной изъ старинныхъ функцій сейма. Право выражать свое согласіе или нѣтъ на требованіе денежныхъ субсидій со стороны правительства было признано за шведскимъ народомъ еще закономъ Königsbalken и съ тѣхъ поръ непрерывно осуществлялось сеймомъ, будучи въ его рукахъ однимъ изъ важныхъ средствъ для ограниченія власти короля. Вообще, *финансовыя дѣла* всегда входили въ составъ компетенціи сейма и всегда его очень интересовали. Такъ, напр. сеймъ 1660 г. занимался вопросомъ о банкахъ и постановилъ учредить ихъ во многихъ городахъ и т. п. [4]).

Военными дѣлами сеймъ занимался очень часто и въ этомъ отношеніи обладалъ большими правами. Такъ, безъ его согласія не могъ быть разрѣшенъ вопросъ о наборѣ и вообще о мобилизаціи войска. Въ виду же того, что шведскимъ королямъ приходилось вести весьма частыя войны, они становились этимъ самымъ въ полнѣйшую зависимость отъ собраній сословныхъ представителей и были вынуждены обращаться за ихъ помощью и созывать ихъ по возможности часто. Когда сеймовымъ постановленіемъ 1682 г. была учреждена постоянная милиція, мобилизація которой не была поставлена въ зависимость отъ согласія сейма, то этой мѣрою сеймъ значительно увеличилъ королевскую власть, чѣмъ и не замедлили воспользоваться Карлъ XI и XII [5]).

Внѣшнія сношенія и, въ особенности, вопросы о *войнѣ* и *мирѣ* всегда входили въ составъ сеймовой компетенціи, что не разъ под-

[1]) Geijer, II b. s. 307; Nordenflicht, s. 124.
[2]) Geijer, II b. s. 193.
[3]) Geijer, III b. s. 413.
[4]) Karlson, IV b. s. 403.
[5]) Karlson, V b. s. 254.

тверждалось законодательствомъ. «Ни одна война не можетъ быть объявлена и ни одинъ миръ не можетъ быть заключенъ иначе, какъ съ согласія сейма»—стереотипныя фразы, встрѣчающіяся на каждомъ шагу въ шведскихъ законахъ и сеймовыхъ постановленіяхъ. Иногда сословные представители созывались исключительно для разрѣшенія вопросовъ иностранной политики, для чего сеймъ имѣлъ даже свой органъ—секретный комитетъ, созданный вначалѣ только для рѣшенія дѣлъ въ области внѣшнихъ сношеній.

Нерѣдко приходилось сейму заниматься и *церковными дѣлами*. Такъ, реформація была введена постановленіемъ сейма 1527 г. [1]) Въ 1593 г. упсальскій сеймъ занимался исключительно церковными дѣлами и его постановленія (по выраженію Норденфлихта) легли въ основу всего церковнаго права Швеціи [2]).

Разныя *полицейскія* функціи также были присущи сейму. Такъ, напр. сеймъ, созванный въ Вестересѣ въ 1544 г., занимался вопросомъ о дорогахъ и постановилъ возложить на общины заботу объ очисткѣ и содержаніи дорогъ и т. п. [3]).

Вообще, участіе въ *управленіи* государствомъ далеко не сосредоточивалось въ одномъ государственномъ совѣтѣ, но и въ значительной степени принадлежало сейму. Послѣдній очень часто вліялъ на избраніе членовъ совѣта, а въ періоды усиленія своей власти прямо избиралъ ихъ и требовалъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ такіе періоды сейму даже принадлежало право низлагать членовъ совѣта. Въ 1742 г. былъ провозглашенъ принципъ, что во всѣхъ дѣлахъ управленія сеймъ является послѣдней инстанціей и т. п. [4]).

Весьма важной функціей сейма былъ *судъ*. Собраніе земскихъ чиновъ считалось верховнымъ судомъ въ государствѣ и въ составъ его юрисдикціи входили всѣ политическія дѣла и дѣла по обвиненіямъ высшихъ должностныхъ лицъ. До насъ дошло много примѣровъ, когда сеймъ дѣйствовалъ въ качествѣ суда, приговаривая къ смертной казни или къ заточенію лицъ, стоявшихъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Въ 1569 г. сеймъ судилъ даже самого короля (Эриха XIV) и приговорилъ его къ лишенію престола и къ заточенію [5]).

Разсмотрѣвъ компетенцію сейма, мы видимъ, какое мѣсто онъ занималъ въ системѣ государственныхъ учрежденій и какими правами пользовался въ сферѣ государственнаго управленія. Если не считать царствованія Карла XII, то, не ошибаясь, можно сказать,

---

[1]) Geijer, II b. s. 60; Nordenflicht, s. 87.
[2]) Nordenflicht, s. 120.
[3]) Geijer, II b. s. 124.
[4]) Nordenflicht, s. 288.
[5]) Geijer, II b. s. 193.

что Швеція не знала абсолютной формы правленія и что шведскій народъ всегда участвовалъ въ государственномъ управленіи. Главной причиной подобнаго явленія было то, что всѣ сословія, начиная еще съ XIV вѣка, принимали участіе въ управленіи своими дѣлами и естественно должны были дорожить этимъ правомъ. Это создало извѣстную устойчивость представительныхъ собраній, благодаря которой, онѣ могли переносить и неблагопріятныя для нихъ условія, успѣшно борясь съ ними. Причина же участія всѣхъ сословій въ государственныхъ дѣлахъ коренилась въ томъ своеобразномъ общественномъ порядкѣ Швеціи, который никогда не зналъ феодализма и, вслѣдствіе этого, разграниченія свободныхъ и несвободныхъ. Въ Швеціи всѣ сословія были свободны и всѣ обладали извѣстными правами. Правда, у однихъ этихъ правъ было больше, у другихъ меньше, но совсѣмъ безправыхъ не было. Кромѣ того, высшій классъ общества, хотя и обладалъ многочисленными привилегіями, но эти послѣднія не ложились бременемъ на нисшіе классы, а слѣдовательно, не могло быть и сословнаго антагонизма, всегда имѣвшаго въ результатѣ уничтожаніе свободныхъ учрежденій. Поразительное доказательство истинности вышеназваннаго положенія представляетъ та же Швеція. Когда во второй половинѣ XVI ст. шведское правительство создало нѣчто въ родѣ феодальнаго дворянства съ ленами, разнообразными вотчинными правами и т. п. аттрибутами феодальной системы и этимъ, конечно, нарушило интересы нисшихъ сословій, въ особенности крестьянъ, то въ результатѣ сказался сильнѣйшій антагонизмъ между высшими и нисшими классами, мѣстомъ выраженія котораго сдѣлались сеймы. Этотъ антагонизмъ имѣлъ самыя пагубныя послѣдствія для національной свободы и привелъ къ тому, что королевская власть, соединившись съ нисшими классами противъ дворянства, уничтожила послѣднее, а затѣмъ, обратившись противъ своихъ же союзниковъ, покончила и съ ними. Такимъ образомъ, возникъ деспотизмъ Карла XI и XII. Правда, шведы ужь очень сжились съ свободной формой правленія и, когда умеръ Карлъ XII, возстановили свои вольности, тѣмъ болѣе, что, послѣ уничтоженія леновъ, не было поводовъ для сословной вражды, но тѣмъ не менѣе вышеприведенный примѣръ имѣетъ весьма назидательное значеніе.

Венгрія.

Въ *составъ* венгерскаго сейма входили слѣдующія четыре сословія: высшее духовенство, высшее дворянство (магнаты), нисшее дворянство (рыцари) и представители городовъ.

Первымъ сословіемъ въ государствѣ считалось *духовенство*. Представителями его на сеймѣ были архіепископы, митрополиты, епископы, депутаты капитуловъ, аббаты и пробсты. Нисшее духовен-

ство никогда на сеймахъ не участвовало. Духовныя лица должны были являться лично или посылать взамѣнъ себя замѣстителей.— Когда въ XVII ст. произошло раздѣленіе сейма на двѣ палаты, то въ составъ верхней палаты (стола магнатовъ) вошли всѣ архіепископы, митрополиты и епископы, а также два пробста (Аграмскій и Св. Стефана M. de promontorio Varadinensi). Остальные же аббаты и пробсты сдѣлались членами нижней палаты (стола депутатовъ) [1].

Высшее дворянство (*магнаты*) составляли второе сословіе въ государствѣ и, по раздѣленіи сейма на двѣ палаты, вошли въ составъ верхней, получившей, вслѣдствіе этого, названіе стола магнатовъ. Магнаты раздѣлялись на двѣ категоріи. Къ первой—относились лица, занимавшія высшія государственныя и придворныя должности, образуя, такъ называемое, служилое дворянство (magnates ex officio tales). Въ эту категорію входили: во-первыхъ, barones regni: Государственный палатинъ (Palatinus regni), Верховный судья (Judex Curiae regiae), Государственный казначей (Tavernicorun regalium magister) и лица, занимавшія многія придворныя должности (гофмаршалъ, шталмейстеръ, мундшенкъ и т. п.) и во-вторыхъ, обергешпаны, стоявшіе во главѣ комитатовъ [2]. Ко второй категоріи относились члены родоваго дворянства (magnates genere, nativitate, v. titulo tales): князья, графы и бароны [3]. Какъ тѣ, такъ и другіе должны были лично присутствовать на сеймѣ или, по крайней мѣрѣ, посылать взамѣнъ себя замѣстителей, засѣдавшихъ однако не въ верхней, а въ нижней палатѣ [4].

Низшее дворянство или рыцарство (ordo equestris nobilium) составляло третье сословіе. До 1405 г. члены низшаго дворянства такъ же, какъ и высшаго должны были лично являться на сеймъ. Но въ этомъ году личное участіе было замѣнено участіемъ черезъ представителей и рыцари должны были выбирать своихъ депутатовъ по комитатамъ. Такъ продолжалось до 1495 г., когда, по иниціативѣ Владислава II, представительство было уничтожено и снова введено личное участіе, существовавшее до 1608 г. Въ этомъ году личное участіе было снова отмѣнено и окончательно замѣнено участіемъ черезъ представителей [5].—Въ большинствѣ случаевъ каждый комитатъ посылалъ двухъ рыцарей, входившихъ, по раздѣленіи сейма на двѣ палаты, въ составъ нижней, носившей, вслѣдствіе этого, названіе стола депутатовъ.

---

[1]) Virozsil, Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn vom Standpunkte der Geschichte, II b. s. 293—321.

[2]) Virozsil, II b. s. 322.

[3]) Virozsil, II b. s. 350.

[4]) Virozsil, II b. s. 351.

[5]) Virozsil, II b. s. 258.

Четвертымъ сословіемъ являлись *горожане*, значеніе которыхъ въ Венгріи было весьма невелико. Далеко не всѣ города пользовались правомъ представительства на сеймахъ, а только, такъ называемые, civitates liberae regiae (свободные города), обладавшіе извѣстными привилегіями и пользовавшіеся самоуправленіемъ [1]). Каждый городъ въ большинствѣ случаевъ посылалъ двухъ депутатовъ, избиравшихся городскимъ совѣтомъ совмѣстно съ особой корпораціей (electa communitas), въ составъ которой входили депутаты класса полноправныхъ горожанъ, избиравшей также членовъ городскаго совѣта. До 1791 г. каждый городъ имѣлъ одинъ голосъ на сеймѣ, но съ этого года всѣ города получили одинъ общій голосъ (votum curiale), въ то время, какъ комитаты по прежнему обладали каждый особымъ голосомъ. Подобная мѣра окончательно уничтожила всякое значеніе городскихъ депутатовъ на сеймѣ [2]). Представители городовъ такъ же, какъ и представители рыцарства засѣдали въ нижней палатѣ.

Съ 1681 г. венгерскій сеймъ раздѣлился на двѣ палаты: столъ магнатовъ и столъ депутатовъ. Но подобное раздѣленіе произошло не съ разу и возникновеніе его относится еще къ XVI ст. По крайней мѣрѣ, есть данныя, на основаніи которыхъ можно заключить, что въ 1511 г. «praelati, barones, caeterique proceres» засѣдали отдѣльно отъ «universitatis nobilium et regnicolarum». Подобное же раздѣльное засѣданіе имѣло мѣсто и въ 1565 г. Такъ, по словамъ одного источника, въ этомъ году собрались «praelati quidem et barones ad hospitium Rmmi D. Strig. A. Episc. Nobiles autem in monasterio fratrum Franciscanorum». Въ 1608 и 1637 гг. высшія и низшія сословія также засѣдали отдѣльно и въ разныхъ помѣщеніяхъ. Въ 1681 же году произошло окончательное раздѣленіе сейма на двѣ палаты [3]).

Въ первое время существованія сейма *время* его созванія не было опредѣлено. Но уже въ 1458 г. было постановлено, что сеймъ долженъ созываться ежегодно. Это постановленіе не разъ подтверждалось и впослѣдствіи. Въ 1498 г. вышло новое постановленіе, по которому сеймъ долженъ былъ созываться разъ въ три года, что и исполнялось до послѣдняго времени [4]).

Что касается до *мѣста* засѣданія, то до 1635 г. оно не было опредѣлено и сеймъ созывался въ разныхъ городахъ, напр. въ Пресбургѣ, Пештѣ, Сегединѣ, Гатванѣ, Штульвейсенбургѣ, Оденбургѣ, Турнау и др. Въ 1635 г. мѣстомъ засѣданія былъ назна-

---

[1]) Virozsil, II b. s. 364.
[2]) Ibid. II b. s. 368.
[3]) Virozsil, III b. s. 31.
[4]) Ibid. III b. s. 14.

ченъ Пресбургъ, гдѣ и до этого времени чаще всего засѣдалъ сеймъ. Въ 1765 же году сеймъ былъ переведенъ въ Пештъ [1]).

Право созванія сейма принадлежало королю, но въ исключительныхъ случаяхъ его осуществляли и другія лица, напр. королева, палатинъ, верховный судья и т. п. [2]).

Продолжительность засѣданій вполнѣ зависѣла отъ разсматривавшихся на нихъ дѣлъ. Такъ, сеймъ 1454 г. продолжался только 11 дней, сеймъ 1458 г.—24 дня, сеймъ 1462 г.—20 дней, сеймъ 1485 г.—32 дня и т. п. Въ 1491 г. вышло первое постановленіе, опредѣлившее, что болѣе двухъ недѣль сеймъ засѣдать не можетъ, Въ 1514 г. этотъ срокъ былъ увеличенъ и сеймъ могъ засѣдать въ продолженіи 33 дней. Но въ виду того, что сеймы, не смотря на установленный срокъ, засѣдали гораздо дольше (нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и нѣсколько лѣтъ), въ 1649 г. вышло новое постановленіе, по которому было опредѣлено, что сеймъ можетъ засѣдать только два мѣсяца. Это постановленіе, подтвержденное въ 1723 г., просуществовало до послѣдняго времени [3]).

Призывныя письма (literae regales) разсылались обыкновенно за четыре или шесть мѣсяцевъ до созванія сейма и адресовались прелатамъ и магнатамъ лично, а рыцарямъ и городамъ черезъ посредство обергешпановъ и городскихъ магистратовъ. Въ письмахъ излагался поводъ созванія сейма, чтобъ избиратели могли снабдить надлежащими инструкціями своихъ депутатовъ, а также опредѣлялись мѣсто и время засѣданія [4]). — По полученіи писемъ, обергешпаны и бургомистры распоряжались производствомъ *выборовъ*, т. е. созывали собранія комитатовъ и городовъ, на которыхъ и предсѣдательствовали. Въ большинствѣ случаевъ каждый комитатъ и городъ посылали двухъ представителей, но иногда случалось, что и больше, напр. трехъ и четырехъ, иногда же, напротивъ, одного [5]). Въ комитатахъ избранными могли быть только рыцари, въ городахъ же—члены городскаго совѣта или electae communitatis. Депутаты снабжались инструкціями, полномочіями и петиціями (gravamina), составленными избирателями на имя короля [6]).—Члены двухъ высшихъ сословій обязаны были сами содержать себя, депутаты же содержались своими избирателями [7]).

По окончаніи выборовъ, члены сейма отправлялись въ городъ, назначенный для засѣданія и въ это время издавались разныя распо-

---

[1]) Ibid. III b. s. 12.
[2]) Idid. III b. s. 198.
[3]) Ibid. III b. s. 15.
[4]) Virozsil, III b. s. 9—11.
[5]) Ibid. III b. s. 11.
[6]) Ibid. III b. s. 16.
[7]) Ibid. III b. s. 21.

ряженія касательно исправленія путей сообщенія, мостовъ и т. п., а также принимались мѣры для охраненія личностей депутатовъ и для устройства имъ помѣщеній въ городѣ [1]).

Сеймъ открывался королемъ, а за его отсутствіемъ, его уполномоченнымъ, что случалось нерѣдко въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ [2]). Передъ открытіемъ сейма, члены его отправлялись въ церковь, а оттуда во дворецъ, гдѣ происходило самое открытіе. Въ присутствіи всѣхъ сословій король говорилъ рѣчь, въ которой излагалъ поводъ созванія сейма, затѣмъ читались правительственныя предложенія и, послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, сословія расходились по своимъ помѣщеніямъ [3]).

Предсѣдателемъ верхней палаты былъ палатинъ. Онъ засѣдалъ по срединѣ комнаты. На-право отъ него находились мѣста прелатовъ, на-лѣво—магнатовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе сидѣли согласно своему рангу, а именно: сперва архіепископы, затѣмъ епископы и наконецъ пробсты (имѣвшіе мѣсто въ верхней палатѣ) или сперва barones regni, затѣмъ обергешпаны и, наконецъ, члены высшаго родоваго дворянства. Предсѣдатель нижней палаты назначался королемъ и долженъ былъ быть дворяниномъ. Его мѣсто также находилось посреди зала. На-право отъ него сидѣли депутаты капитуловъ, аббаты и пробсты, а за ними представители отсутствовавшихъ прелатовъ и магнатовъ (собственно говоря, долженствовавшихъ сидѣть въ верхней палатѣ). Прямо противъ предсѣдателя помѣщалась мѣста представителей одной части комитатовъ. На-лѣво же отъ него—представителей другой части комитатовъ, а за ними городскихъ депутатовъ [4]).

Разойдясь по своимъ помѣщеніямъ, обѣ палаты снова выслушивали королевскія предложенія и затѣмъ рѣшали вопросъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ раньше заняться, разсмотрѣніемъ ли вышеназванныхъ предложеній или редактированіемъ своихъ петицій. Рѣшивъ его, палаты приступали къ занятіямъ, во время которыхъ входили посредствомъ депутацій въ сношенія другъ съ другомъ и съ правительствомъ. Иногда происходили даже соединенныя засѣданія обѣихъ палатъ (sessiones mixtae). Дѣла рѣшались или простымъ большинствомъ голосовъ, замѣнившимъ древнее единогласіе, или большинствомъ сословныхъ голосовъ (трехъ противъ одного, такъ какъ сословій было четыре). Для того, чтобъ извѣстное предложеніе превратилось въ законъ, необходимо было принятіе его обѣими палатами и утвержденіе со стороны короля. Поэтому, предложеніе, принятое сеймомъ, отправлялось съ особой депутаціей къ королю, который и утверждалъ его, если съ нимъ соглашался. Въ противномъ

---

1) Ibid. III, b. s. 17.
2) Deak, Ein Beitrag zum ungarischen Staatsrecht, s. 100; Virozsil, III b. s. 42.
3) Virozsil, III b. s. 40.
4) Ibid. III b. s. 31--33.

случаѣ возникали переговоры между правительствомъ и сословіями, кончавшіеся какимъ нибудь компромисомъ.—Закрытіе сейма также происходило въ присутствіи короля и всѣхъ сословій и также съ соблюденіемъ извѣстнаго церемоніала. На этомъ же послѣднемъ засѣданіи происходила торжественная санкція со стороны короля всѣхъ сеймовыхъ постановленій [1]).—Члены сейма обязаны были являться на засѣданія послѣдняго и до окончанія сессіи не имѣли права покидать его. Въ противномъ случаѣ, на основаніи закона 1609 г., подвергались большимъ штрафамъ. Такъ, члены верхней палаты облагались штрафомъ въ 800 флориновъ, члены же нижней—въ 400 [2]).

Функціи сейма были законодательныя, административныя и судебныя. Что касается до *законодательныхъ* функцій, то онѣ были признаны за сеймомъ во многихъ законахъ и не разъ подтверждались послѣдними. Право издавать законы исключительно принадлежало сейму (конечно, совмѣстно съ королемъ) и, безъ согласія послѣдняго, король не могъ осуществлять своей законодательной власти. Когда въ 1604 г. Рудольфъ II самовольно, т. е. не спросивъ сейма, прибавилъ къ одному закону одинъ параграфъ, то этотъ послѣдній былъ отмѣненъ при первой же возможности, какъ незаконный («cum is extra Dietam et sine Regnicolarum assensu adjectus fuerit et propterea etiam tollitur»). Вообще, подъ закономъ венгерское право понимало постановленіе сейма, санкціонированное королемъ. Такимъ образомъ, согласіе четырехъ сословій считалось необходимымъ условіемъ, какъ для изданія новаго, такъ и для измѣненія или отмѣны стараго закона [3]).

Избраніе короля составляло долгое время функцію сейма, такъ какъ до 1687 г. Венгрія была избирательной монархіей. Вступивъ на престолъ, король обязанъ былъ впродолженіи шести мѣсяцевъ созвать сеймъ для принесенія послѣднему присяги въ соблюденіи законовъ и въ охраненіи вольностей сословій. Въ присутствіи этого же сейма происходила и коронація [4]).

Избраніе государственнаго палатина и двухъ, такъ называемыхъ, Kronhüter, обязанныхъ охранять королевскую корону и др. регаліи, также входило въ составъ компетенціи сейма [5]).

Вотированіе налоговъ было одной изъ самыхъ важныхъ функцій сейма, благодаря которой, послѣдній всегда имѣлъ возможность ограничивать власть короля. Въ первый разъ сеймъ вотировалъ налогъ въ 1342 г. Этотъ налогъ получилъ названіе «lucrum came-

---

[1]) Virozsil, III b. s. 42—56.
[2]) Ibid. II b. s. 291.
[3]) Ibid. III b. s. 26; Deak, s. 159—161.
[4]) Deak, s. 58; Virozsil, II b. s. 252 u. III b. s. 23.
[5]) Virozsil, III b. s. 24.

гае» [1]). Другія *финансовыя* дѣла также входили въ вѣденіе сейма; такъ, управленіе доменами, хотя и производилось королемъ, но съ вѣдома сейма. Послѣдній наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ управленіе велось хорошо, чтобъ домены, безъ его согласія не уничтожались и т. п. Горное дѣло, соляное дѣло, добываніе, селитры и производство пороха, хотя и были регаліями, однако входили въ составъ компетенціи сейма, конкурировавшаго въ данномъ случаѣ съ королемъ. Важныя права принадлежали сейму также и по отношенію къ монетѣ. Вопросы о пробѣ, чеканкѣ, циркуляціи монеты и т. п. разрѣшались только однимъ сеймомъ и, безъ согласія послѣдняго, король не имѣлъ права ихъ разрѣшать [2]).

Сейму принадлежали также функціи въ области *внѣшнихъ сношеній*, что было не разъ высказано въ законодательствѣ. Ни одинъ трактатъ не могъ быть заключенъ, ни одна война объявлена, ни одинъ миръ заключенъ иначе, какъ съ согласія сейма и по его постановленію [3]).

Точно также и въ области *военныхъ дѣлъ* сеймъ игралъ весьма видную роль. До установленія постоянной арміи въ 1715 г. сеймъ рѣшалъ вопросъ о всеобщемъ вооруженіи и о необходимости выставки войскъ. Только въ случаяхъ крайней необходимости король имѣлъ право безъ совѣщанія съ сеймомъ требовать выставки войскъ отъ дворянства, комитатовъ и городовъ. Послѣ 1715 г., сейму принадлежало разрѣшеніе вопросовъ о наборѣ рекрутъ и мобилизаціи войскъ и установленіе разныхъ сборовъ на военныя нужды [4]).

Нерѣдко сеймъ занимался и *торговыми дѣлами*. До насъ дошло много постановленій сейма, регулирующихъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, вывозъ и ввозъ, пошлины и т. п. [5]).

Полицейскія функціи также были присущи сейму. Такъ, напр. забота о путяхъ сообщенія, проложеніе новыхъ дорогъ, прорытіе каналовъ и т. п. нерѣдко бывали предметами сеймовыхъ постановленій [6]).

Сеймъ считался верховнымъ *судомъ* въ государствѣ, что было впервые высказано въ законѣ 1507 г. Законъ этотъ гласилъ слѣдующее: «Если кто либо изъ членовъ королевскаго совѣта предпринимаетъ что нибудь противное свободѣ, общему благу или законамъ государства, то остальные члены совѣта обязаны заявить объ этомъ на слѣдующемъ же сеймѣ и тогда послѣдній накажетъ преступника согласно съ его преступленіемъ». Этимъ закономъ (го-

---

[1]) Deak, s. 184; Virozsil, III b. s. 25.
[2]) Deak, s. 163—167 u. 182.
[3]) Ibid. s. 191.
[4]) Deak, s. 168—175.
[5]) Deak, s. 176.
[6]) Ibid. s. 180.

ворить Деакъ) установленъ не только принципъ отвѣтственности должностныхъ лицъ, но и судебной власти сейма [1]).

Что касается до *средствъ*, при помощи которыхъ сеймъ могъ защищать свои привилегіи и приводить въ исполненіе свои постановленія, то онѣ были слѣдующія: 1) королевская присяга при коронаціи, 2) право вооруженнаго сопротивленія и 3) право подачи петицій.

Мы уже говорили о королевской *присягѣ*. Она состояла въ томъ, что король, вступивъ на престолъ и созвавъ сеймъ (что онъ былъ обязанъ сдѣлать впродолженіи шести мѣсяцевъ), приносилъ торжественную присягу сословіямъ въ исполненіи законовъ государства и въ охраненіи вольностей сословій. Тогда же онъ подтверждалъ Золотую Буллу 1222 г. (Bulla aurea), этотъ краеугольный камень венгерской свободы и остальные законы государства.

Право *вооруженнаго сопротивленнія* (jus contradicendi et resistendi regi) было впервые установлено Золотой Буллой и неоднократно подтверждаемо королями вплоть до 1687 году. Въ этомъ году оно было уничтожено сеймомъ [2]). Вотъ, что гласитъ вторая половина 31 статьи Буллы: «Если мы (король) или кто либо изъ нашихъ наслѣдниковъ пожелали бы дѣйствовать вопреки этому нашему постановленію (Буллѣ), то, на основаніи этой хартіи (вслѣдствіи чего подобный поступокъ не будетъ считаться государственной измѣной), разрѣшается теперь и на будущее время навѣки епископамъ, магнатамъ и дворянамъ, какъ всѣмъ вмѣстѣ, такъ и каждому въ отдѣльности, противодѣйствовать и противостоять намъ и нашимъ наслѣдникамъ» (resistendi et contradicendi) [3]).

Право *подачи петицій* принадлежало венгерскому сейму такъ же, какъ и другимъ европейскимъ представительнымъ собраніямъ. Эти петиціи были двухъ родовъ: gravamina regni, содержавшія въ себѣ прошенія, разрѣшеніе которыхъ могло состояться на основаніи дѣйствующихъ законовъ и postulata statuum, содержавшія въ себѣ прошенія, для разрѣшенія которыхъ было необходимо изданіе новаго или измѣненіе стараго закона. Въ первомъ случаѣ король имѣлъ право самъ разрѣшить вопросъ, удовлетворить или неудовлетворить просителя и, если удовлетворялъ его, то дѣйствовалъ единолично, на основаніи присущей ему исполнительной власти. Иначе было во второмъ случаѣ, когда разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи или неудовлетворенія и самое удовлетвореніе вполнѣ зависѣло отъ сейма, какъ одного изъ факторовъ законода-

[1]) Ibid. s. 112.

[2]) Virozsil, II b. s. 265.

[3]) Szalai, Geschichte Ungarns, I b. s. 361; Krajner, Die ursprüngliche Staatswerfassung Ungarns, s. 277.

тельства [1]). Конечно, сеймъ могъ влiять и въ первомъ случаѣ, такъ какъ ему было присуще право вотированiя налоговъ, благодаря которому онъ всегда имѣлъ возможность держать короля въ своихъ рукахъ и заставлять его удовлетворять нужды сословiй.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣннаго видно, что сеймъ обладалъ огромною властью и вполнѣ ограничивалъ короля не только de facto, но и de jure. Главною причиной подобнаго явленiя было то, что феодализмъ никогда не достигалъ въ Венгрiи такого развитiя, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, вслѣдствiе чего первая никогда не была раздроблена на отдѣльныя, почти независимыя владѣнiя, стоявшiя особнякомъ по отношенiю другъ къ другу и неимѣвшiя никакой связи другъ съ другомъ, какъ, напр. во Францiи. Другое слѣдствiе слабаго развитiя феодализма было существованiе сильной центральной власти (въ особенности въ царствованiе королей изъ дома Арпада), бывшей долгое время опасной для зарождавшейся свободы и имѣвшей въ результатѣ единенiе всѣхъ классовъ общества (собственно дворянства) въ виду подобнаго общаго врага. Широкое развитiе мѣстнаго (комитатскаго) самоуправленiя, въ силу котораго каждый комитатъ обладалъ своимъ мѣстнымъ сеймомъ, являвшимся, такимъ образомъ, стражемъ свободы и сословныхъ вольностей, конечно, не служило прогрессу деспотизма. Слабое развитiе городской жизни и слѣдствiе этого— отсутствiе сильнаго третьяго сословiя дѣлало невозможнымъ возникновенiе сословнаго антагонизма и поневолѣ заставляло города слѣдовать за дворянствомъ, съ другой же стороны лишало королей сильныхъ союзниковъ въ ихъ борьбѣ съ дворянствомъ. Наконецъ, установленiе избирательной монархiи, долгое отсутствiе постоянной армiи и въ тоже время военная организацiя дворянства—вотъ тѣ причины, благодаря которымъ, венгерскiй сеймъ не испыталъ судьбы большинства другихъ представительныхъ собранiй, не смотря на громадныя привилегiи дворянства и на полнѣйшее безправiе остальныхъ классовъ общества.

[1]) Virozsil, III b. s. 26.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Параллельное изученіе сословно-представительныхъ собраній разныхъ государствъ свидѣтельствуетъ о томъ поразительномъ сходствѣ, которое существуетъ между ними, сходствѣ, тѣмъ болѣе поразительномъ, что исторія этихъ «разныхъ государствъ» шла далеко не однимъ и тѣмъ же путемъ.

На зарѣ исторической жизни европейскихъ народовъ политическій и общественный строй ихъ почти тожественъ: онъ вездѣ демократическій, хотя и съ примѣсью монархическихъ и аристократическихъ элементовъ, всегда имѣющихъ возможность при благопріятныхъ условіяхъ развиться и замѣнить собою демократическое устройство. У всѣхъ европейскихъ народовъ (мы говоримъ только о нихъ) мы встрѣчаемъ князя, совѣтъ старѣйшинъ и народное собраніе. Центръ управленія всѣми дѣлами сосредоточивается въ послѣднемъ и оно является существеннымъ элементомъ политическаго быта разсматриваемыхъ народовъ. Вооруженное законодательными, исполнительными и судебными функціями, оно управляетъ всѣми дѣлами того политическаго аггрегата, органомъ котораго является. Вотъ, почему мы и называемъ примитивное устройство европейскихъ народовъ демократическимъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между русскимъ вѣчемъ, сеймами и соборами другихъ славянскихъ народовъ, собраніемъ германцевъ и тингомъ скандинавовъ. Всѣ эти собранія аналогичны другъ съ другомъ, всѣ онѣ являются совокупностью свободныхъ людей извѣстнаго политическаго аггрегата, всѣ онѣ управляютъ дѣлами этого послѣдняго. Не будемъ рѣшать вопроса о причинахъ подобной аналогіи, такъ какъ при современномъ уровнѣ знаній подобный вопросъ неразрѣшимъ и всякая попытка къ его разрѣшенію будетъ, безъ сомнѣнія, носить крайне гипотетическій характеръ. Поэтому, остается только констатировать одинъ фактъ, что мы и дѣлаемъ.

Современемъ, подъ вліяніемъ многихъ причинъ и условій, вышеназванныя собранія начинаютъ отличаться другъ отъ друга. Однѣ

теряютъ свое первоначальное значеніе, другія, напротивъ, развиваютъ его еще болѣе. Южнорусское вѣче по степени своего значенія далеко не тожественно съ сѣвернорусскимъ, германское собраніе временъ Тацита также очень отличается отъ Мартовскихъ полей Меровинговъ, тоже самое можно сказать и объ упсальскомъ тингѣ сравнительно съ исландскими собраніями и т. п. Наконецъ, однѣ изъ собраній совершенно исчезаютъ, замѣняясь другими, различными отъ нихъ по своему составу и организаціи, другія же продолжаютъ существовать еще долгое время въ своей прежней формѣ, не испытывая никакой перемѣны въ смыслѣ организаціи и состава. Первое имѣло мѣсто на Западѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи и Швейцаріи) и у славянъ, кромѣ русскихъ. Второе происходило у насъ со включеніемъ вышеназванныхъ мѣстностей Германіи и Швейцаріи. Процессъ видоизмѣненія примитивныхъ собраній на Западѣ вполнѣ аналогиченъ у всѣхъ народовъ и совпадаетъ съ образованіемъ государствъ и съ расширеніемъ территорій послѣднихъ. Этотъ процессъ одинъ и тотъ же, какъ у романскихъ и германскихъ, такъ и у славянскихъ народовъ. Вслѣдствіе образованія большихъ государствъ, участіе въ собраніяхъ всѣхъ свободныхъ дѣлается фактически невозможнымъ. Этому мѣшаетъ и дальность разстоянія, и неудовлетворительность путей сообщенія, и опасность подобнаго путешествія, и дороговизна проѣзда, и ущербъ въ отношеніи своихъ личныхъ дѣлъ и т. п. Вмѣсто *всѣхъ*, на собраніяхъ появляются только *тѣ*, которые въ состояніи побороть вышеназванныя препятствія и въ прямомъ интересѣ которыхъ бывать непремѣнно на собраніяхъ. Сюда относятся выдающіяся лица по своему богатству, могуществу, значенію и вліянію, однимъ словомъ, члены высшаго класса общества, такъ называемые, proceres, optimates, magnates, выдѣлившіеся изъ всей массы населенія и составляющіе извѣстную силу въ обществѣ. Практика узаконяетъ подобный порядокъ вещей и мало по малу народныя собранія теряютъ свой прежній демократическій характеръ и превращаются въ собранія членовъ высшаго класса общества (Herrentage, Rittertage, consilium optimatum и т. п.) Это—вторая стадія въ развитіи народныхъ собраній, являющаяся переходной отъ примитивныхъ собраній къ собраніямъ представительнымъ. Всѣ европейскія государства испытали этотъ процессъ, вслѣдствіе чего всѣ въ извѣстный періодъ времени обладали вышеназванными собраніями. Онѣ были и въ славянскихъ государствахъ (Польшѣ, Чехіи, Хорватіи, Сербіи и Болгаріи), и въ Германіи, Франціи, Англіи, Швеціи, Испаніи и Венгріи.

Иначе было въ Россіи. Здѣсь примитивныя собранія (вѣча) существовали гораздо дольше, чѣмъ на Западѣ и, лишившись своего политическаго характера, продолжали существовать въ видѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія съ административно-хозяйственными

функціями. Замѣна вѣча собраніемъ членовъ высшаго класса общества не могла состояться ужъ по одному тому, что подобнаго высшаго класса въ Россіи не было. Въ то время, какъ на Западѣ все общество распалось на сословныя группы и на отдѣльныя корпораціи, у насъ населеніе по прежнему оставалось нераздѣленнымъ ни на какія рубрики съ особыми правами и обязанностями и, хотя члены общества отличались другъ отъ друга по роду занятій и службъ, но подобное, чисто фактическое различіе не имѣло никакого значенія въ смыслѣ дѣленія общества на высшій, средній и низшій классы, на свободныхъ и несвободныхъ и т. п. Никакихъ корпорацій древнерусская жизнь также не знала. Отсюда понятно, почему у насъ не было собраній высшихъ чиновъ, рыцарскихъ сеймовъ и т. п. и почему все населеніе по прежнему принимало участіе въ рѣшеніи своихъ дѣлъ. Съ другой стороны у насъ долгое время не было такой централизаціи собраній, какъ на Западѣ, въ силу которой, въ каждомъ государствѣ образовалось по одному центральному собранію съ чисто политическими функціями, мѣстныя же собранія играли болѣе роль судовъ или собраній съ административно-хозяйственными функціями. Такъ, въ Германской имперіи Карла Великаго былъ *одинъ* сеймъ, какъ прежде во времена Меровинговъ были *одни* Мартовскія поля, по раздѣленіи же Германіи на отдѣльныя государства, въ каждомъ изъ нихъ былъ *одинъ* Herrentag или одинъ Rittertag, во Франціи также былъ *одинъ* commune consilium, въ Англіи *одинъ* витенагемотъ, а затѣмъ *одинъ* magnum consilium, въ Испаніи *одинъ* соборъ (въ Толедо), въ Швеціи *одно* собраніе (въ Упсалѣ), а затѣмъ *одинъ* рыцарскій сеймъ, тоже самое въ Венгріи, Польшѣ, Чехіи, Хорватіи и др. государствахъ. Иначе было у насъ. Не говоря уже о томъ, что центральнаго вѣча древняя Россія не знала, въ каждомъ княженіи было безчисленное количество вѣчъ, не стоявшихъ ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу и съ вполнѣ равными правами и одинаковыми функціями. Правда, у насъ были вѣча главныхъ городовъ, но центральными онѣ могутъ считаться только въ смыслѣ мѣста нахожденія, а не въ смыслѣ значенія и функцій. Вѣче любаго пригорода могло постановить рѣшеніе, отмѣняющее рѣшеніе вѣча главнаго города и настоять на его исполненіи, такъ какъ обладало тѣми же правами и занималось разрѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ, что и вѣче главнаго города. Эта децентрализація собраній и, такъ сказать, разбросанность ихъ по всей территоріи княженій, рядомъ съ отсутствіемъ разграниченія функцій и правъ центральныхъ и мѣстныхъ собраній дѣлало то, что *по составу* наши вѣча были по преимуществу мѣстными собраніями, хотя и не занимались рѣшеніемъ исключительно мѣстныхъ дѣлъ. Подобный порядокъ вещей имѣлъ въ результатѣ то, что *весь* народъ участвовалъ въ управленіи государствомъ, причины же, устраняв-

шія участіе всѣхъ свободныхъ въ собраніяхъ Запада, какъ то: дальность разстоянія мѣста собраній, продолжительность отлучекъ изъ дому въ ущербъ своимъ интересамъ, дороговизна проѣзда и т. п. не могли имѣть мѣста въ Россіи. А извѣстно, какое значеніе имѣли эти причины на измѣненіе состава примитивныхъ собраній и на узаконеніе практикой участія въ собраніяхъ только однихъ высшихъ классовъ общества. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію сословности, а, слѣдовательно, и отсутствію высшаго класса общества, состоявшаго изъ разныхъ optimates, proceres, magnates и т. п. съ одной стороны и децентрализаціи собраній вкупѣ съ отсутствіемъ разграниченія ихъ компетенціи съ другой, древняя Русь не знала рыцарскихъ сеймовъ и не имѣла этой переходной формы отъ примитивныхъ собраній къ собраніямъ представительнымъ. Благодаря тѣмъ же причинамъ, русское вѣче просуществовало такъ долго, какъ ни одно изъ аналогичныхъ съ нимъ европейскихъ собраній. Вслѣдствіе же того, что одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ результатамъ, мы видимъ, что и въ сѣверной Германіи (Фрисландіи, Маршѣ, Дитмаршенѣ и др.), гдѣ не было высшаго класса и гдѣ общественное устройство было также демократично, какъ и у насъ и гдѣ вдобавокъ существовала такая же децентрализація собраній съ отсутствіемъ разграниченія ихъ компетенціи, рыцарскихъ сеймовъ также никогда не было и самыя собранія просуществовали такъ же долго, какъ и у насъ.

Третья стадія въ развитіи народныхъ собраній—это представительныя учрежденія. Всѣ европейскія государства прошли въ свое время черезъ періодъ сословнаго представительства. Но возникновеніе послѣдняго было иное на Западѣ, чѣмъ въ Россіи. Представительныя собранія на Западѣ возникаютъ одновременно съ развитіемъ городской жизни, когда, такимъ образомъ, появляется новая сила въ лицѣ городовъ, освобожденныхъ изъ подъ феодальной зависимости, сила, игнорировать которую не было никакой возможности. Торговопромышленный классъ, обладая богатствами и добившись автономіи въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, долженъ былъ силою самихъ обстоятельствъ быть представленъ на собраніяхъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, постановленія этихъ послѣднихъ были бы для него необязательны. Съ другой стороны, этотъ классъ представлялъ весьма лакомый кусокъ для вѣчно нуждавшихся въ деньгахъ государей. Облагать же его налогами безъ его согласія было опять таки невозможно, такъ какъ торговопромышленный классъ былъ извѣстной реальной силой и съ ней волей не волей приходилось считаться. Вотъ причины, побудившія государей призывать города на собранія, состоявшія до сихъ поръ изъ однихъ высшихъ членовъ духовенства и дворянства. Вслѣдствіе же невозможности призывать все городское населеніе, иначе, весь промышленный классъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ по отноше-

нію къ высшему духовенству и дворянству, естественно вытекла система представительства, извѣстная отчасти въ судахъ, главнымъ же образомъ вполнѣ развившаяся въ городахъ, гдѣ городскія власти и совѣты избирались или всѣмъ городскимъ обществомъ или частью его и являлись, такимъ образомъ, его представителями. Впослѣдствіи представительство было примѣнено (въ нѣкоторыхъ государствахъ) и къ двумъ высшимъ сословіямъ, являвшимся до этого на собранія поголовно. Такимъ образомъ, на Западѣ мы имѣемъ возможность прослѣдить развитіе представительныхъ собраній изъ примитивныхъ и замѣтить связь, соединяющую оба рода этихъ собраній.

Въ Россіи подобной связи не было и поэтому предполагать, что земскій соборъ развился изъ вѣча было бы крайне ошибочно. Въ виду отсутствія у насъ рыцарскихъ сеймовъ, между соборомъ и вѣчемъ проходитъ довольно продолжительный промежутокъ времени, когда не было никакой переходной формы, могшей играть роль промежуточной связи между этими учрежденіями. Поэтому и кажется, будто наши соборы появились какъ бы вдругъ, по какому то странному капризу представителя верховной власти; но это только «кажется», на дѣлѣ же было совершенно иначе. Органы нашего представительства не были продуктомъ чьего бы то ни было каприза, а явились, какъ необходимость, обусловленная потребностью времени. Они такъ же, какъ и западно-европейскія представительныя собранія были естественнымъ продуктомъ исторической жизни, а не искусственно созданнымъ учрежденіемъ, не имѣвшимъ корней въ данной средѣ. Они были одной изъ формъ выраженія принципа земской автономіи, столь присущей древнерусской жизни и выражавшейся въ различныхъ формахъ и видахъ. Когда вѣче, въ качествѣ политическаго органа пало и спустилось до органа административно-хозяйственнаго мѣстнаго аггрегата, то *прямое* участіе народа въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ должно было замѣниться косвеннымъ (напр. подачею челобитныхъ и т. п.) и функціи народа въ этомъ отношеніи перешли къ князю и членамъ высшаго служилаго сословія. Но подобный порядокъ вещей долго продолжаться не могъ. Во-первыхъ, члены низшаго служилаго сословія и торгово-промышленный классъ составляли извѣстную силу и занимали далеко не послѣднее мѣсто въ обществѣ. Голосъ ихъ, слѣдовательно, долженъ былъ приниматься въ разсчетъ. Во-вторыхъ, принципъ народной автономіи продолжалъ существовать, какъ практически, такъ и теоритически. Практически онъ выражался и въ формѣ церковныхъ соборовъ, и въ формѣ мѣстнаго самоуправленія, и въ формѣ подачи челобитныхъ. Теоретически онъ разработывался въ произведеніяхъ интеллигентныхъ лицъ того времени: членовъ духовенства и служилаго сословія. Въ-третьихъ, примѣръ сосѣднихъ государствъ, въ особенности Польши, гдѣ въ это время сеймъ далеко еще не носилъ такого аристократическаго характера, какъ

въ XVII ст. и гдѣ народъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ духовенства и высшаго и низшаго дворянства принималъ участіе въ государственномъ управленіи и успѣлъ значительно ограничить власть короля — все это, конечно, наводило древнихъ русскихъ на мысль возстановить то, чѣмъ еще такъ недавно пользовались ихъ предки. Анархія, имѣвшая мѣсто въ малолѣтство Ивана IV, только ускорила созваніе собора и была поводомъ, а никакъ не причиной этого.

Такимъ образомъ, возникновеніе представительныхъ собраній на Западѣ и у насъ шло иными путями, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что самыя собранія были учрежденіями, ничего общаго между собой не имѣвшими. Напротивъ, поразительное сходство, проявляющееся во всѣхъ отношеніяхъ между ними, убѣждаетъ только въ томъ, что оба вида этихъ учрежденій являются видами одного и того же рода учрежденій и не составляютъ исключительной принадлежности какого-нибудь одного народа, а присущи всѣмъ европейскимъ народамъ и вызваны къ жизни одпѣми и тѣми же причинами, такъ какъ ни о какихъ заимствованіяхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Если послѣднія и играли какую нибудь роль, то самую незначительную. Но обладая многими сходствами, вышеназванныя собранія обладали также и особенностями, являвшимися специфическими признаками, благодаря которымъ онѣ различались другъ отъ друга. Подобные признаки, конечно, были продуктами особной, національной жизни и исторіи каждаго народа, шедшихъ и развивавшихся по особымъ путямъ и направленіямъ.

Русскіе земскіе соборы и западно-европейскія представительныя собранія, являясь органами общества, раздѣленнаго на сословныя группы, естественно, должны были принять характеръ сословныхъ собраній и отразить въ данномъ случаѣ на себѣ особенности своей среды и своего времени. Но, такъ какъ въ разныхъ государствахъ сословность получила неодинаковое развитіе: въ однихъ большее въ другихъ меньшее, то это, конечно, отразилось и на представительныхъ собраніяхъ. Такъ, въ Россіи, гдѣ сословія были созданы преимущественно искусственнымъ путемъ самимъ государствомъ, главнымъ образомъ въ интересахъ фиска и, слѣдовательно, не могли пустить глубокихъ корней въ общество, само по себѣ демократическое и знавшее только фактическое разграниченіе своихъ членовъ по роду занятій и службъ, соборъ, хотя и принялъ сословный характеръ, но далеко не въ такой степени, какъ западно-европейскія собранія. Вотъ, почему дѣленіе на сословныя палаты было у насъ немыслимо и, если встрѣчалось извѣстное дѣленіе, то на чины, являвшіеся подраздѣленіями сословій, что, впрочемъ, не мѣшало иногда сословіямъ засѣдать и вмѣстѣ. Такимъ образомъ, сословныхъ палатъ, проникнутыхъ строго корпоративнымъ духомъ у насъ не было, группировка же по чинамъ, хотя и имѣла сословный характеръ, отличалась большой случайностью и ужь ни

о какомъ корпоративномъ духѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что засѣданія, если и происходили по чинамъ, то изъ этого еще совсѣмъ не слѣдовало, что всѣ члены одного чина засѣдали вмѣстѣ, напротивъ, каждый чинъ разбивался на нѣсколько группъ и каждая такая группа подавала свое мнѣніе отдѣльно, что, очевидно, никакъ не могло способствовать выработкѣ какого бы то ни было корпоративнаго духа.

Иначе было на Западѣ, гдѣ сословность была гораздо болѣе развита, чѣмъ у насъ (за исключеніемъ Англіи) и гдѣ она не являлась искусственнымъ продуктомъ государства, а образовалась совершенно естественно и помимо государства. Послѣднее даже должно было считаться съ ней и умѣрять ея крайности. Это сказалось и на представительныхъ собраніяхъ Европы. Всѣ онѣ были строго сословны и раздѣлялись на палаты, въ составъ которыхъ входили члены только одного сословія. Исключеніе составляетъ Англія, гдѣ сословій въ европейскомъ смыслѣ слова не было, вслѣдствіе чего англійскій парламентъ и принялъ такую своеобразную форму, какой не знали другія представительныя собранія Европы. Но и въ Англіи двухпалатная система сложилась только въ XIV вѣкѣ, до этого же времени каждое сословіе засѣдало отдѣльно, на манеръ континентальныхъ собраній.—Что наши соборы такъ же, какъ и западноевропейскія собранія были сословными учрежденіями свидѣтельствуютъ выборы, происходившіе по сословіямъ. Въ этомъ отношеніи между нашими соборами и европейскими собраніями существуетъ не только аналогія, но даже полнѣйшее тожество. Какъ у насъ, такъ и на Западѣ депутаты были сословными представителями, связанные сословными инструкціями и подававшіе сословныя петиціи.

Составъ русскихъ и европейскихъ собраній во многомъ почти аналогиченъ. Земскіе соборы, какъ извѣстно, состояли изъ членовъ духовенства (высшаго и низшаго), служилаго сословія и тяглыхъ людей. Въ составъ послѣднихъ иногда входили и крестьяне. Всѣ западно европейскія собранія также состояли изъ членовъ духовенства, дворянства и третьяго сословія. Въ нѣкоторыхъ государствахъ членами собраній были и крестьяне. Сходство усиливается еще тѣмъ, что члены высшихъ сословій (какъ у насъ, такъ и на Западѣ) засѣдали поголовно, члены же низшихъ—черезъ посредство представителей.

Что касается до времени и мѣста собраній, то и въ этомъ отношеніи замѣчается аналогія. Мѣсто и время нашихъ соборовъ, какъ извѣстно, не были установлены и все зависѣло отъ государя. Тоже самое (по крайней мѣрѣ въ первое время существованія собраній) было и на Западѣ. Правда, въ послѣдствіи въ большинствѣ государствъ срокъ и мѣсто собраній были установлены закономъ, но это объясняется отчасти наклонностью Запада къ юриди-

ческой опредѣленности и точности, чего, какъ извѣстно, древняя Русь никогда не знала.

Право созванія (какъ у насъ, такъ и на Западѣ) принадлежало государямъ или ихъ замѣстителямъ. Собираться по своей собственной инціативѣ, если и принадлежало собраніямъ, то въ исключительныхъ случаяхъ.

Собранія созывались призывными письмами или грамотами и въ этомъ отношеніи замѣчается полнѣйшее тожество. Содержаніе грамотъ почти одинаково. Въ нихъ означается поводъ созванія и опредѣляется время и мѣсто послѣдняго. Затѣмъ предписывается производство выборовъ и избраніе подходящихъ людей. Члены высшихъ сословій получали эти письма лично, члены же низшихъ черезъ посредство мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, на обязанности которыхъ было заботиться о выборахъ. Самые выборы происходили по сословіямъ. Что касается до ценза, то на этотъ счетъ въ каждомъ государствѣ существовали свои правила. Впрочемъ, нужно замѣтить, что общія опредѣленія качествъ депутатовъ были во всѣхъ государствахъ почти тожественны. Мало того, даже употребляются тѣ же выраженія. Депутаты должны быть лучшими людьми, свѣдующими въ государственныхъ дѣлахъ, хорошаго поведенія и т. п. Можно думать, что призывныя письма одного государства списывались съ призывныхъ писемъ другаго, такое поразительное сходство замѣчается между ними! По производствѣ выборовъ, (во многихъ государствахъ) составлялся протоколъ, подписывавшійся избирателями; затѣмъ выборные снабжались инструкціями и петиціями и отправлялись въ городъ, назначенный мѣстомъ засѣданій. Депутаты содержались или избирателями или правительствомъ. Во всѣхъ государствахъ мы замѣчаемъ стремленія отказаться отъ участія въ собраніяхъ, вслѣдствіе дороговизны подобнаго участія. Предки современныхъ европейскихъ народовъ далеко не были расположены видѣть въ представительствѣ на собраніяхъ свое право, напротивъ, смотрѣли на него, какъ на тяжелую повинность отъ которой стремились освободиться во что бы то ни стало. Правительства же съ своей стороны требовали этого участія и употребляли всевозможныя усилія, чтобъ достигнуть его. Въ данномъ случаѣ Россія не составляла исключенія и, хотя на печальныя размышленія наводятъ старанія воеводы созвать дворянъ и дѣтей боярскихъ на выборы, старанія, доходящія до того, что воевода принужденъ посылать казаковъ и буквально ловить разбѣжавшихся по всему уѣзду избирателей, но подобное отношеніе къ своимъ правамъ существовало не только у насъ, но и вездѣ на Западѣ. Не даромъ англійскіе города видѣли привилегію въ освобожденіи ихъ отъ посылки депутатовъ въ парламентъ и испрашивали ее, какъ какую то величайшую королевскую милость! Такимъ образомъ, нерѣдко случалось, что, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ многія мѣстности

вовсе не бывали представлены на собраніяхъ. За-то, наоборотъ, другія присылали большее число депутатовъ, чѣмъ требовали призывныя письма и эти депутаты также входили въ составъ собраній.

Открытіе собраній во всѣхъ государствахъ происходило болѣе или менѣе одинаково. Обыкновенно, государь говорилъ или читалъ рѣчь, въ которой излагались правительственныя предложенія, послужившія поводомъ къ созванію собраній. Не рѣдко эту рѣчь произносило какое нибудь должностное лицо и непремѣнно въ торжественномъ засѣданіи и въ присутствіи всѣхъ сословій. Послѣ этого, послѣднія расходились по своимъ помѣщеніямъ для выработки отвѣтовъ правительству и для редактированія своихъ петицій. Здѣсь, конечно, каждое государство обладало уже своей практикой. Что касается до голосованія, то оно также было различно. Въ однихъ государствахъ практиковалось единогласіе, въ другихъ— простое большинство голосовъ, въ третьихъ—большинство сословныхъ голосовъ. Вначалѣ, по всей вѣроятности, единогласное рѣшеніе было преобладающимъ. Закрытіе засѣданій также вездѣ было почти одинаково и въ большинствѣ случаевъ походило на открытіе. Продолжительность засѣданій въ первое время нигдѣ не была опредѣлена и все зависѣло отъ работъ самого собранія.

Мало аналогичныхъ чертъ представляютъ собранія по отношенію къ компетенціи, функціямъ и вообще значенію. Правда, онѣ почти всѣ созывались для рѣшенія вопросовъ въ области законодательства, управленія и суда, но степень ихъ участія въ рѣшеніи этихъ вопросовъ была далеко не одинакова. Въ этомъ отношеніи нужно проводить различіе между нашими соборами и французскими генеральными штатами съ одной стороны и собраніями остальныхъ европейскихъ государствъ съ другой стороны. Въ то время, какъ въ Германіи, Швеціи, Англіи, Испаніи и Венгріи представительныя собранія обладали извѣстными функціями и правами, на основаніи всевозможныхъ законодательныхъ актовъ, хартій и привилегій и, такимъ образомъ, сфера ихъ компетенціи была строго очерчена закономъ и отношенія между ними и государями являлись чисто юридическими, въ Россіи и Франціи ничего подобнаго не было и ихъ собранія, не имѣя юридической основы, не обладали никакой опредѣленной компетенціей, отношенія же ихъ къ государямъ были построены исключительно на фактической почвѣ. Французскіе генеральные штаты всегда стремились ограничить королевскую власть и выработать себѣ опредѣленную компетенцію, но имъ это не удалось по причинамъ, изложеннымъ выше. Въ Россіи тоже замѣчалось нѣкоторое стремленіе опредѣлить отношеніе между соборомъ и государемъ, но оно исходило исключительно отъ высшихъ классовъ и было довольно слабо. Древне русская жизнь была чужда всякой юридической опредѣленности и въ этомъ отношеніи существенно отличалась отъ западноевропейской жизни. Вотъ, почему наши соборы не стремились огра-

ничить власть государя и опредѣлить законодательнымъ порядкомъ совокупность своихъ функцій и свою компетенцію. По мнѣнію древнихъ русскихъ, государь долженъ былъ совѣщаться не только съ членами высшихъ сословій, но и съ «всенародными человѣками» и такъ какъ это въ дѣйствительности было, то они и не старались упрочить подобное совѣщаніе навсегда, иначе говоря, на тотъ случай, когда государь вдругъ и не пожелаетъ совѣщаться. Изъ этого, конечно, не слѣдовало, что нашъ соборъ былъ учрежденіемъ безъ всякаго значенія и являлся, такъ сказать, представителемъ одной «силы мнѣнія». Напротивъ, органъ древне-русскаго представительства, будучи вызванъ къ существованію самой жизнью, обладалъ далеко не одной «силою мнѣнія», а былъ дѣйствительной реальной силой и не разъ спасалъ правительство, когда оно, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгало къ его помощи. Отсутствіе юридической основы у нашего представительства было причиной того, что оно прекратило свое существованіе безъ всякой борьбы: соборъ просто перестал созываться—вотъ и все. Иначе было на Западѣ, гдѣ паденію сословныхъ собраній предшествовала сильная борьба между ними и представителями верховной власти, борьба, окончившаяся торжествомъ этой послѣдней.

Показавъ сходство и различіе между нашими соборами и западно-европейскими представительными собраніями, мы, не ошибясь можемъ сказать, что оба рода этихъ собраній въ общемъ ни въ чемъ не отличаются другъ отъ друга и не составляютъ чего то особеннаго одинъ отъ другаго. Каждое изъ нихъ является вполнѣ самобытнымъ, національнымъ продуктомъ безъ всякой примѣси какого бы то нибыло заимствованія, но, не смотря на это, до того походитъ одно на другое, до того напоминаетъ одно другое, что можно думать, не является ли одно сколкомъ съ другаго? Между тѣмъ, исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что ни о какихъ «сколкахъ» не можетъ быть и рѣчи и что каждое изъ учрежденій развивалось совершенно самостоятельно и постепенно, впродолженіи многихъ вѣковъ достигло того состоянія, когда стало вполнѣ походить на однородное съ нимъ учрежденіе. Естественно предположить, что причины подобнаго сходства кроются въ томъ, что условія, при существованіи которыхъ развивались вышеназванныя учрежденія, были вполнѣ сходны, вслѣдствіе чего въ результатѣ и получилось возникновеніе сходныхъ учрежденій. Иначе говоря, всѣ европейскія государства достигли такой стадіи въ своемъ развитіи, которая была болѣе или менѣе обща имъ всѣмъ. Въ виду же того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, у нихъ, у всѣхъ на этой стадіи развились сословныя собранія, хотя и различавшіяся въ частностяхъ, но въ общемъ вполнѣ аналогичныя другъ съ другомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извѣстія о мятежѣ 1648 года [1]).

I.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ заключенныхъ въ Талецкій острогъ полковыхъ казаковъ.

Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьютъ челомъ бѣдные и безпомощные изъ темницы заключенные холопи твои Талецкаго острогу полковые казаки: Ивашко Комаричевъ, Панька Переверзевъ, Титка Неѣловъ, Мишка Черниковъ, Марчка Желѣзниковъ, Васька Голиковъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 156 году Талецкій воевода Петръ Юдичъ Красниковъ писалъ на насъ, бѣдныхъ холопей твоихъ къ тебѣ, Государю ложно. И, по его ложной отпискѣ, прислана твоя, государева грамота на Елецъ къ воеводѣ къ Алексѣю Ивановичу Хрущову. А велѣно насъ, холопей твоихъ бить кнутомъ, а мы, холопи твои вины никакія надъ собою не вѣдаемъ. И августа, Государь, въ 1-й день тотъ воевода Петръ Красниковъ велѣлъ насъ, холопей твоихъ перехватать и билъ насъ ослопомъ своими руками до полусмерти и посадилъ насъ въ тюрьму. И на другой день пріѣхалъ въ Талецкій острогъ Елецкій воевода съ палачемъ и, выня насъ, холопей твоихъ изъ тюрьмы, пыталъ и билъ кнутомъ, водя около города и по улицамъ и билъ насъ кнутомъ; взялъ онъ, воевода насъ, холопей твоихъ съ собою на Елецъ и посадилъ въ тюрьму. И мы, холопи твои и по ся мѣсто животъ свой мучимъ, въ тюрьмѣ помираемъ голодною смертью и иные наша братья лежатъ при

---

[1]) Извлечено изъ Архива министерства юстиціи, изъ столбца Приказнаго стола № 1717.

смерти попавляны и масломъ соборованы; а домишка, Государь, наши совсѣмъ раззорены безъ остатку. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй насъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ изъ темницы заключенныхъ холопей своихъ для Спаса и Пречистой Богородицы и для своего, царскаго многолѣтняго здоровья: вели, Государь, насъ изъ тюрьмы свободить, чтобъ намъ, холопямъ твоимъ, сидя въ тюрьмѣ, напрасною смертью не помереть и въ конецъ не погибнуть и твоей, государевы службы впредь не отбыть. Царь, Государь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ резолюція написана рукою дьяка Григорія Ларіонова:

«156 года, августа въ 21 день сыскать отпускъ и отписки Петра Красникова и Алексѣя Хрущова».

II.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ Талецкаго воеводы Петра Красникова.

Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Красниковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 156 году въ іюнѣ отпущены съ Москвы кузнецы отъ оружейнаго дѣла три человѣка: Федька, да Бориско, да Кузька. И пріѣхавъ, Государь, они на Талецъ, разсказывали въ міру: *стало де на Москвѣ убойство боярамъ и думнымъ людямъ, и грабежъ, и пожаръ большой.* И тому, Государь, которые плутишки небольшіе люди обрадовались и стали заводить въ тай на дворѣхъ своихъ воровской заводъ, чтобы имъ побить коротаецкихъ свѣденцовъ, которые выбраны, по твоему, государеву указу, на Коротаекъ на вѣчное житье, а топоре [1]), Государь, они живутъ на Тальцѣ для оржаной жнитвы, Трофимка Кривцова, Филимона да Меркула Трубицыныхъ и иныхъ многихъ, которыхъ добрыхъ заводныхъ людей и меня, холопа твоего казаки, которые въ заводѣ: Титко Пеѣловъ, Ивашко Комаричевъ, Марко Желѣзниковъ, Павликъ да Степанка Переверзевы, да стрѣлецъ Бориско Строкъ съ товарищи хотѣли жъ убить и разграбить. И я, холопъ твой на смотрѣ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, и черкасъ, и всякихъ служивыхъ людей про заводъ допрашивалъ и они, Государь, мнѣ, холопу твоему сказали по твоему, государеву крестному цѣлованію: тово де они дѣла не вѣдаютъ и къ нимъ не приставаютъ; и я, холопъ твой изъ тѣхъ заговорщиковъ трехъ человѣкъ поймалъ и вкинулъ въ тюрьму до твоего, государева указу. А иные, Государь, товарищи ихъ человѣкъ съ пять и шесть утаились, а *тѣмъ, Государь, они и хвалятца, что де въ Козловѣ многихъ людей пограбили и пе-*

---

[1]) Теперь.

ребили и имъ де ничего не учинили, и о томъ мнѣ, холопу своему, что ты, Государь укажешь.

На оборотѣ: Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи 156 іюля въ 16 день съ Петровымъ человѣкомъ Красникова, Ивашкомъ Яковлевымъ. Резолюція написана рукою дьяка Григорія Ларіонова: «156, іюля въ 19 день послать государеву грамоту на Елецъ, велѣти Алексѣю Хрущову ѣхать въ Талецкой и тѣхъ мужиковъ велѣти въ Талецкомъ бить кнутомъ по торгамъ нещадно при многихъ людяхъ въ торговый день.... посадить въ тюрьму на мѣсяцъ за ихъ воровство, а которые хранятца и тѣхъ сыскивать....»

III.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ Елецкаго воеводы Алексѣя Хрущова.

Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Алешка Хрущовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, августа во 2 день прислана ко мнѣ, холопу твоему на Елецъ твоя, Государева, Царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота изъ Разряду за приписью твоего, государева дьяка Григорья Ларіонова Талецкаго острогу съ кормовымъ сыномъ боярскимъ съ Илюшкою Гусевымъ. А въ твоей, государевѣ грамотѣ написано: по твоему, государеву указу, велѣно мнѣ, холопу твоему ѣхать въ Талецкой и которыхъ, Государь, воровъ заводчиковъ Петръ Красниковъ переималъ и въ тюрьму посадилъ, и мнѣ бъ, холопу твоему тѣхъ воровъ и заводчиковъ у него, Петра взять и въ торговый день при многихъ людѣхъ тѣмъ ворамъ заводчикамъ сказать ихъ вину, что твои, государевы бояре приговорили ихъ бить кнутомъ за ихъ воровство, что они въ Талецкомъ учали заводить воровской заводъ и приказнаго человѣка Петра Красникова и талецкихъ жильцовъ Трофимка Кривцова, Филимонка да Меркушку Трубицыныхъ хотѣли побить до смерти и животы ихъ хотѣли разграбить. А сказавъ, Государь, ихъ вину, велѣлъ ихъ бить кнутомъ безъпощады и велѣлъ ихъ свесть на Елецъ и на Ельцѣ посадить въ тюрьму на мѣсяцъ, а какъ, Государь, они на Ельцѣ мѣсяцъ въ тюрьмѣ отсидятъ, и мнѣ, холопу твоему ихъ велѣть изъ тюрьмы выпустить съ порукою и о томъ о всемъ къ тебѣ, Государь, велѣно мнѣ, холопу твоему отписати съ иными твоими, государевыми дѣлы. И по твоему, Государеву, Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу и по грамотѣ, я, холопъ твой въ Талецкой острогъ ѣздилъ августа того жъ числа и которыхъ, Государь, воровъ и заводчиковъ Петръ Красниковъ переималъ и въ тюрьму посадилъ, и я, холопъ твой тѣхъ воровъ и заводчиковъ, талецкихъ каза-

ковъ Ивашку Комаричева, Марчку Желѣзникова, Павлика Переверзева, Ваську Голикова у Петра Красникова взялъ и при многихъ людѣхъ тѣмъ ворамъ заводчикамъ сказалъ я, холопъ твой ихъ вины, что они въ Талецкомъ учали заводить заводъ воровской и приказнаго человѣка Петра Красникова и Талецкихъ жильцовъ Трофимка Кривцова, Филимонка да Меркушку Трубицыныхъ хотѣли разграбить. А сказавъ имъ ихъ воровство, велѣлъ я, холопъ твой ихъ бить кнутомъ безъпощады, а учиня, Государь, имъ наказанье, взялъ съ собою ихъ на Елецъ и посадилъ на Ельцѣ въ тюрьму на августъ мѣсяцъ, а какъ, Государь, они на Ельцѣ отсидятъ, и я, холопъ твой ихъ изъ тюрьмы выпущу съ порукою противъ твоего, государева указу. А которые, Государь, воры заводчики изъ Талецкаго сбѣжали и я, холопъ твой Петру Красникову приказалъ: велѣлъ ихъ переимать. А какъ, Государь, Петръ Красниковъ ко мнѣ, холопу твоему на Елецъ отпишетъ, что онъ въ Талецкомъ тѣхъ бѣглыхъ воровъ и заводчиковъ переимаетъ и ко мнѣ, холопу твоему пришлетъ, и, учиня, Государь, тѣмъ бѣглымъ ворамъ наказанье по твоему, государеву указу, я, холопъ твой велю ихъ посадить въ тюрьму до твоего, государева указу и о томъ къ тебѣ, Государю о всемъ я, холопъ твой отпишу тотъ часъ.

На оборотѣ написано: «Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи въ Разрядъ 156, августа въ 18 день подалъ Елецкой попъ Устинъ Яковлевъ».

На лицевой сторонѣ по склейкамъ рукою дьяка Григорія Ларіонова написано: «156, августа въ 21 день бояре Петръ Ивановичъ Пронской съ товарищи.... [1]) на Елецъ послать государеву грамоту и велѣли талецкихъ казаковъ Ивашка Комаричева съ товарищи изъ тюрьмы выпустить съ порукою и быть имъ въ Талецкомъ въ службѣ по прежнему, а которые на Москвѣ, и тѣхъ отпустить въ Талецкой и государеву имъ грамоту дати, а наказанья имъ дѣлать никакова не велѣти».

IV.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ служилаго человѣка Петра Протасьева [2]).

Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Петрушка Протасьевъ. Въ прошломъ, Государь, во 152 году посланъ былъ я, холопъ твой на твою, государеву службу

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Выписано изъ новооклееннаго столбца по г. Москвѣ № $\frac{\text{общій 33114}}{\text{прежн. 23}}$, дѣло № 1 (Архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ).

въ Сибирь, въ Красноярской острогъ, а поѣдучи въ Сибирь поставилъ у дьяка у Григорья Ларіонова сундучишко свой со всѣми своими животы и съ письмами. И въ прошломъ, Государь, во 156 году въ смутное время, какъ грабили на Москвѣ воры боярскіе и окольничьи и дьяковы дворы, и дьяка Григорья Ларіонова дворъ разграбили и сундучишка мой, что у него стоялъ, со всѣми моими животы разломали и животишка мои всѣ и письма поимали, а иныя письма передрали и перепортили. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 году билъ челомъ я, холопъ твой тебѣ, Государю, чтобъ ты, Государь пожаловалъ меня, холопа своего: велѣлъ драныхъ и порченыхъ писемъ досмотрѣть и переписать, а которыхъ писемъ въ лицахъ нѣтъ, и въ тѣхъ письмахъ велѣлъ бы ты, Государь, челобитье мое и явки записать, а на помѣстьишка и на вотчинишка мои велѣлъ бы ты, Государь дать съ писцовыхъ, и съ записныхъ книгъ, и съ дачь свои, государевы грамоты. И ты, Государь меня, холопа своего пожаловалъ: велѣлъ по приказамъ челобитье мое па прапалыя письма и на всякія крѣпости записать, а на помѣстейца и на вотчинки мои дать вновь свои, государевы грамоты; и памяти, Государь, о томъ по приказамъ изъ Разряду разосланы. И у меня, холопа твоего въ то смутное время пропала помѣстныхъ и вотчинныхъ крѣпостей грамота помѣстная на старинное мое помѣстейца Шацкова уѣзда, на двѣ трети сельца Вострова Пластикова. Грамота жъ помѣстная на Шацкое жъ мое на сдаточное помѣстейцо на жеребій сельца Олѣева, что мнѣ дала сноха моя Степановская жена Протасьева; закладная на подмосковную мою вотчину, что въ прошломъ, во 151 году заложилъ мнѣ въ осьми сотъ рубляхъ и просрочилъ Петръ Степановъ сынъ Корсаковъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Гоголевѣ стану вотчину свою на Малой Пахрѣ деревню, что бывало сельцо Афинеева, да деревню Першину со всѣмъ вотчиннымъ строеньемъ и со крестьяны и мельницу, да пустошь Спичепки. И та, Государь, окладная вотчина по закладной Петра Корсакова за мною, холопомъ твоимъ въ Помѣстномъ приказѣ въ книги записана и пошлины взяты и списокъ съ тое съ подлинной закладной у дѣла. Да на старинныя на муромскія вотчинишки, на сельцо Озернова, да на деревню Пеллова съ пустошми старыя купчія и съ писцовыхъ книгъ выписи, да запись Коломенскаго уѣзда Голотвина монастыря игумена Еуфимья съ братьею на вотчину ихъ Муромскаго уѣзда, на пустошь Петровскую, что дана мнѣ та ихъ пустошь изъ монастыря на строенья, а владѣть мнѣ ею по свой животъ. Да купчая изодрана на подмосковныя мои пустошенки Гарѣтова стану, на пустошь Надовражная съ пустошми; да купчія жъ пропали па подмосковныя жъ мои пустошенки, что мнѣ проданы въ разныхъ годѣхъ того жъ Гарѣтова стану: па пустошь Костентинову, да на пустошь Хлюбину, на пустошь Колитникову, на пустошь Суханину, на пустошь Полянки, на пустошь Микулкину; а преданы, Государь, мнѣ тѣ пустоши изъ Помѣстнаго приказу изъ порожныхъ и изъ отводныхъ земель по писцовымъ книгамъ и по сыску, и обмежеваны, и въ Помѣстномъ приказѣ записаны, и деньги взяты. Да правая грамота изодрана блаженныя памяти Великаго Государя Святѣйшаго Филарета Ники-

тича.... [1]) на коломенскую мою вотчину, на сельцо Игнатьевское.... [2]) Климова съ пустошми; а въ записныхъ, Государь, книгахъ.... [3]) по памяти съ Патріарша двора, и въ нынѣшнихъ переписныхъ книгахъ вотчина за мною написана. Да на ту жъ, Государь, коломенскую вотчину пропали сдѣлошныя записи: запись брата моего князь Михаила княжъ Иванова сына Коркодинова, да запись же сестры моей Марьи Ивановы дочери Милюковы въ томъ, что они тое коломенскія вотчинки жеребьевъ своихъ поступилися мнѣ, холопу твоему. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Руси пожалуй меня, холопа своего: вели, Государь, мнѣ съ писцовыхъ и съ записныхъ книгъ и съ дачъ на Шацкія мои помѣстейца дать свои, государевы ввозныя грамоты по прежнему, и на муромскія вотчинки, и на подмосковную на закладную вотчинку съ подлиннаго дѣла дать свои, государевы послушныя грамоты и съ закладныя списокъ за дьячьею приписью. А на подмосковныя жъ, Государь, на купленыя мои пустоши вели мнѣ дать холопу своему съ книгъ купчія по прежнему; а на коломенскую, Государь, вотчинку вели драныя грамоты досмотрѣть и переписать; а на сдѣлошныя и на оброчныя на пропалыя записи вели челобитье мое записать. Царь, Государь смилуйся, пожалуй.

По склейкамъ написано:... [4]) «государевы грамоты и выписи... [5]) Протасьеву.... [6]) на вотчину.... [7]) дать.... [8]) и съ записныхъ книгъ купчія противъ прежнихъ государевыхъ грамотъ, и выписей, и купчихъ, каковы ему были даны, кромѣ спорныхъ пустошей, что оспорили Михайло Самаринъ да Дмитрій Зиновьевъ».

На оборотѣ написано: «157-го, іюня въ 18 день выписать».

V.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ жильца Якова Кулебакина [9]).

Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русія бьетъ челомъ холопъ твой, жилецъ Якушко Максимовъ сынъ Кулебакинъ. Въ прошломъ, Государь, во 156 году написанъ былъ я, холопъ твой во

---

[1]) Не разобрано.
[2]) Не разобрано.
[3]) Не разобрано.
[4]) Не разобрано.
[5]) Не разобрано.
[6]) Не разобрано.
[7]) Не разобрано.
[8]) Не разобрано.
[9]) Выписано изъ столбца Приказнаго стола № 1411 Арх. мин. юстиціи.

второй чети и я, холопъ твой вторую четь съ перваго числа до отпуску служилъ. И какъ я, холопъ твой въ мятежное время въ Кремль въѣхалъ и меня, холопа твоего въ то число самово прибили и ограбили, ружьишко и лошадь съ сѣдломъ отняли; да въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 году бѣжали отъ меня, холопа твоего съ Москвы людишка мои три человѣка; которое у меня, холопа твоего осталось платьишко и служивое рухлядишко, и то у меня, холопа твоего снесли. Да мнѣ жъ, Государь, приказалъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынской отдать три семьи крестьянъ, и у меня, холопа твоего человѣка такого нѣтъ, кого за ними послать. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего: вели, Государь, меня для моего разоренья отпустить съ Москвы за тѣми, моими бѣглыми людьми и за крестьяны, а четь я, холопъ твой свою отжилъ. Царь, Государь смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ этой челобитной помѣта: «157, сентября въ 15 день Государь пожаловалъ: велѣлъ отпустить на время».

VI.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ козловскаго попа Якова и царская грамота козловскому воеводѣ В. С. Волынскому [1]).

Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ бѣдный и разоренный нищій, твой, Государь, Богомолецъ Козлова города вдовый попъ Іяковища. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 156, іюня въ 11 день умысля воровски вѣдомые воры Козлов... [2]) сынъ боярскій Юрьи Толмачовъ, да стрѣльцы и казаки Осипъ Дружининъ, Микифоръ Навезнevъ, Сафонъ Кобузевъ, Василій Баранниковъ съ сыномъ своимъ съ Иваномъ, и съ товарищи своими, и съ заговорщики съ ст(р)ѣльцами, и съ казаками со многими людьми того жъ Козлова города многихъ людей били и увѣчили и дворы ихъ и лавки грабили. А у меня, бѣднаго Богомольца твоего въ тоже число тѣ жъ воры: онъ, Юрьи Толмачовъ съ тѣми жъ съ товарищи своими, съ стрѣльцами и съ казаками со многими людьми въ городѣ, въ ряду, у дву моихъ полулавокъ двои двери за замками выбили вонъ бревномъ насильно и въ тѣхъ, Государь, въ полу моихъ лавкахъ всякій мой животъ, и товары, и деньги, и книги, и платья, и ружье, и всякую рухлядь пограбили и совсѣмъ разорили безъ остатку. А грабежомъ, Государь, они всего живота моего взяли въ тѣхъ моихъ полулавкахъ на пятьсотъ на тридцать рублевъ, на тридцать алтынъ;

---

[1]) Выписано изъ столбца Приказнаго стола № $\frac{1326}{176}$ Архива мин. юстиціи.

[2]) Не разобрано.

а я, Богомолецъ твой отъ тѣхъ воровъ бѣгалъ изъ Козлова на Сапожокъ и въ Шацкія мѣста. И какъ, Государь, по твоему, государеву указу, присланъ съ Москвы въ Козловъ твой, Государь, стольникъ Емельянъ Ивановичъ Бутурлинъ про тѣхъ воровъ и про ихъ многое воровство сыскивать, и я, Богомолецъ твой, свѣдавъ про твой, государевъ указъ и про сыскъ, приволокся въ Козловъ и билъ челомъ тебѣ, Государю, а твоему, государеву стольнику, сыщику Емельяну Ивановичу Бутурлину на съѣзжемъ дворѣ подавалъ челобитную на тѣхъ вѣдомыхъ воровъ, на Юрья Толмачова и на его товарищей на стрѣльцовъ и на казаковъ въ томъ въ своемъ разореньи и въ грабежныхъ животахъ. И, по той, Государь, челобитной, съ тѣми ворами очная ставка у меня была, а на очной, Государь, ставкѣ слался я, Богомолецъ твой въ виденья на всѣхъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, которые въ то число въ Козловѣ были, что тѣ воры Юрьи Толмачовъ и стрѣльцы, и казаки многими людьми у дву моихъ полулавокъ двери повыбили, и товары, и всякій мой животъ безъ остатку пограбили; а они воры на тѣхъ торговыхъ людей противъ ссылочной моей памяти на общую ссылку во всемъ слались же. И твой, государевъ стольникъ и сыщикъ Емельянъ Ивановичъ Бутурлинъ велѣлъ по той общей нашей ссылкѣ тое общую нашу правду, всѣхъ торговыхъ людей передъ собою поставя, про тѣ мои грабежные мои животы распрашивалъ ихъ, какъ разграбили воры. И торговые, Государь, люди и общая правда въ распросѣ сказали: то они видѣли, какъ тотъ Юрьи Толмачовъ съ стрѣльцами и съ казаками съ товарищи своими двѣ мои полулавки и со всякимъ моимъ животомъ, и съ рухлядью разграбили все безъ остатку. И твой, Государь, стольникъ и сыщикъ Емельянъ Ивановичъ Бутурлинъ въ тѣхъ въ моихъ грабежныхъ животахъ безъ твоей, государевой грамоты никакого твоего, государева указу мнѣ, бѣдному не учинилъ. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи пожалуй меня, бѣднаго и разореннаго нищаго своего, государева Богомольца: вели, Государь, мнѣ, бѣдному о томъ разореньѣ и о грабежныхъ моихъ животахъ свой, Государь, милостивый указъ учинить, чтобъ, Государь, мнѣ, бѣдному отъ тѣхъ вѣдомыхъ воровъ напрасно и достоль въ конецъ не погибнуть и, бродя межъ дворовъ, голодною смертью не умереть. Царь, Государь смилуйся.

На оборотѣ написана резолюція (вѣроятно, рукою думнаго дьяка Гавренева): «Государь пожаловалъ: буде животы сысканы, животы отдать, а грабелщиковъ кнутомъ бити».

Рукою дьяка Григорія Ларіонова написано: «156, августа въ 8 день, дать государеву гра(мо)ту къ Емельяну Бутурлину».

От̃ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи въ Козловъ, стольнику нашему и воеводѣ Василью Семеновичу Волынскому. Билъ намъ челомъ козловскій вдовый попъ Яковъ на козловцовъ на Юшку Тол-

мачова, на Осипка Дружинина, на Микифора Навезнева, на Сафонка Кобузева, на Васку Баранникова, да на сына его на Ивашка, и на ихъ товарищевъ, и на заговорщиковъ. *Нынѣшняго де лѣта въ Козловѣ въ мірской мятежъ* тотъ Юшка Толмачовъ съ товарищи своими и съ договорщики на его поповъ Якова дворъ приходили и животы его разграбили, а взяли животовъ его на пятьсотъ на тридцать рублевъ, на тридцать алтынъ; и въ томъ де его грабежѣ съ нимъ, Юшкою Толмачовымъ была очная ставка передъ Емельяномъ Бутурлинымъ; и Емельянъ де Бутурлинъ про то про все сыскивалъ, а въ сыску де и попу... [1]) сказали, что Юшка Толмачовъ съ товарищи его, попа Якова грабили и намъ бы его попа... [2]) указу велѣти ему съ Юшкомъ Толмачовымъ... [3]) о томъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ у Емельяна Бутурлина про поповъ про Яковлевъ грабежъ сыскъ взялъ, и по тому сыску попу Якову съ Юшкомъ Толмачовымъ учеть по нашему указу. А будетъ ся наша грамота тебя... [4]) на Козловѣ не застанетъ, сыски... [5]) попова Якова счесть, Емельянъ Бутурлинъ въ Козловѣ... [6]) попу Якову на Юшку Толмачова съ товарищи въ его грабежѣ дать судъ, и сыски всяки сыскать накрѣпко, и по тому сыску попу Якову съ Юшкомъ Толмачовымъ съ товарищи учинить по нашему указу.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7156, августа въ 18 день.

---

[1]) Не разобрано.
[2]) Не разобрано.
[3]) Не разобрано.
[4]) Не разобрано.
[5]) Не разобрано.
[6]) Не разобрано.

Свѣдѣнія о Л. Плещеевѣ [1]).

I.

Челобитная ц. Михаилу Өедоровичу отъ томскихъ служилыхъ людей С. Клубкова-Мосальскаго, И. Кобыльскаго и Д. Жеребилова.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопи твои Сенька Клубковъ - Мосальской, Ивашка Кобыльской, Митька Жеребиловъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 150 году, іюля въ 8 день въ Томской въ Съѣзжей избѣ подалъ намъ, холопямъ твоимъ извѣтную челобитную тобольскій конный казакъ Петрушка Езусовъ, а сказалъ, что ему тое челобитную далъ въ Нарымѣ Леонтій *Плещеевъ*.

---

[1]) Извлечены изъ Архива министерства юстиціи (въ Москвѣ), изъ столбца Сибирскаго приказа № 6166.

17 октября 1641 г. бояринъ князь Б. А. Рѣпнинъ и дьяки Мина Грязевъ и Пахомъ Лучниковъ „спрашивали и пытали" Леонтья Плещеева, Ивана Плещеева и ихъ человѣка Федота „въ вѣдовствѣ и въ воровствѣ". (См. Записн. кн. Моск. ст. № 5, л. 234 Разр. прик. Архива мин. юст. (въ Москвѣ) за это „вѣдовство и воровство" онъ былъ сосланъ въ Нарымскій острогъ. Печатаемые документы относятся до его пребыванія въ этомъ послѣднемъ.

15 августа 155 г. „указалъ государь (Алексѣй Михайловичъ) быти на Земскомъ дворѣ Левонтью Степанову сыну Плещееву, а товарищи ему прежніе Иванъ Соковнинъ, да дьяки Өедоръ Степановъ, да Михайло Невѣровъ". (См. Зап. кн. Моск. ст. № 6, л. 218).

Такимъ образомъ, Плещеевъ присутствовалъ въ приказѣ всего только 9½ мѣсяцевъ, что не помѣшало ему однако возбудить противъ себя всеобщую ненависть въ столь сравнительно непродолжительный срокъ.

А въ той его, Леонтьевѣ челобитной написано: въ Нарымскомъ де острогѣ всякихъ чиновъ многіе тутошніе и проѣзжіе люди являли и извѣщали ему, Леонтью на нарымскаго воеводу на Ивана Скобельцына многія и высокія твои, Государевы дѣла, а хотѣли съ тѣми, твоими Государевыми дѣлами ѣхати въ Томской и къ Москвѣ. И тотъ де Нарымской воевода Иванъ Скобельцынъ тѣхъ людей, которые на него являли и извѣщали, одного убилъ до смерти, а иныхъ, утѣсня многими муками, привелъ къ вѣрѣ и далъ на поруки, что имъ изъ Нарыма никуды не съѣхати; а его де Леонтья съ женою и съ людьми Иванъ Скобельцынъ велѣлъ изводить и морить голодною смертью, хлѣба и харчу ему, Леонтью продавать и носить не велѣлъ для того, что ему, Леонтью на него, Ивана являли и извѣщали твои, Государевы дѣла и, послѣ де того, научилъ онъ, Иванъ Черкашенина Стобровскаго: велѣлъ его, Леонтья, уждавъ, зарѣзать; и про то де, Государь, ему сказали и отъ убойства уберегли нарымскіе люди. И послѣ де, Государь, того мая въ 7 день учали благовѣстить къ вечерни и онъ, Леонтій пошелъ къ вечерни и встрѣчу ему пришелъ Тобольскій голова Назарій Чирковъ и учалъ являть: пріѣхалъ де онъ въ Нарымъ, ходилъ на поклонъ на дворъ, къ воеводѣ къ Ивану Скобельцыну, и онъ де его у себя на дворѣ съ людьми своими обезчестилъ, билъ и грабилъ, и за нимъ гонялъ до судовъ съ ослопьемъ за то, что онъ къ нему изъ Тобольска въ Нарымъ на твоихъ, Государевыхъ судахъ его, Иванова хлѣба не взвезъ. И какъ тотъ Назарій отъ вечерни пошелъ за острогъ на свои суды, и Иванъ де Скобельцынъ того Назарья да шти человѣкъ казаковъ, которые съ нимъ, Назарьемъ у вечерни были, велѣлъ людямъ своимъ, и казакамъ, и остякамъ бить ослопьемъ на смерть; и, ихъ ограбя, пошелъ на башню и учалъ стрѣлять по судамъ изъ пищалей и изъ наряду. А онъ, Леонтій въ тое поры былъ въ трапезѣ, потому что на дворъ пройтить нельзя, и какъ де, Государь, его, Иванова стрѣльба поминовалась, и битыхъ казаковъ и Назарья товарищъ его Яковъ Шохтинъ взялъ въ острогѣ и, положа на доски, отнесли къ себѣ на суда, и онъ де Леонтій отъ храму изъ трапезы пошелъ къ себѣ на дворъ и зашелъ помолиться Спасову образу. И увидавъ его, Иванъ Скобельцынъ воротился къ нему и учалъ его лаять и съ женою, тобѣ де на меня являютъ и извѣщаютъ Государевы дѣла и учалъ его, Леонтья и съ племянникомъ своимъ и съ людьми своими бить ослопьемъ на смерть, и убивъ и ограбя его, замертво покинули, и до смерти его убить не дали торговые люди Устюжанинъ Иванъ Медвѣдевъ съ товарищи. И какъ де, Государь, его, Леонтья на дворъ приволокли, и жена де его послала по попа, и Иванъ де, Государь, Скобельцынъ учинилъ заказъ попу къ нему и къ женѣ его и къ людямъ ходить и понавливать и причащать не велѣлъ и при смерти къ служилымъ людямъ и ихъ женамъ къ нему, Леонтью съ хлѣбомъ и съ харчомъ ходить и продавать не велѣлъ и велѣлъ его съ женою и съ людьми изводить и морить голодною смертью для того, что на него, Ивана ему Леонтью являли и извѣщали многія и великія твои, Государевы дѣла, и онъ де, Государь, Леонтій такихъ твоихъ, Госуда-

даревыхъ многихъ и великихъ дѣлъ утаить не смѣлъ, съ тѣми твоими дѣлами послалъ извѣтную челобитную и человѣка своего Ивашка въ Тоболескъ къ архіепископу, и Иванъ де Скобельцынъ послалъ за нимъ въ легкихъ судахъ человѣка своего Федьку да казаковъ, а велѣлъ человѣка его, угнавъ, извѣсть, чтобъ тѣхъ твоихъ, Государевыхъ многихъ и великихъ дѣлъ до тебя, Государя не допустить. И мы, Государь, холопи твои посылали въ Нарымъ томскихъ дѣтей боярскихъ Ивана Рытцкаго да Семена Позднякова, а велѣли допросить Леонтья Плещеева, кто ему являлъ на Нарымскаго воеводу на Ивана Скобельцына въ твоихъ, Государевыхъ великихъ дѣлахъ, и въ какихъ твоихъ, Государевыхъ дѣлахъ, и кто имяномъ являлъ, и какого чину люди, и кто имяны? И изъ тѣхъ людей одного человѣка Иванъ Скобельцынъ убилъ до смерти, и кого именемъ убилъ до смерти, и товарищевъ его кого имянемъ привелъ къ вѣрѣ, и на поруки далъ, что имъ изъ Нарыма никуды не съѣхать, и какія онъ твои, Государевы многія и великія дѣла на Ивана Скобельцына вѣдаютъ, и утаить твоихъ, государевыхъ дѣлъ не смѣлъ? И онъ бы Леонтій про тѣ твои, Государевы дѣла, что вѣдаютъ на Ивана Скобельцына, сказалъ въ правду, и на роспись написалъ своею рукою все подлинно порознь, да то письмо отдалъ тѣмъ дѣтямъ боярскимъ; и Ивана, Государь, Скобельцына велѣли имъ допросить же: извѣщалъ на него Леонтій Плещеевъ многія твои, Государевы великія дѣла, и онъ, Иванъ за тѣ твои, Государевы дѣла служилаго человѣка до смерти убилъ ли, иныхъ къ вѣрѣ приводилъ ли, и на поруки далъ ли, и кого именемъ до смерти убилъ, и къ вѣрѣ приводилъ, и на поруки давалъ, и за какія твои, Государевы дѣла и онъ бы Иванъ далъ дѣтямъ боярскимъ сказку жъ за своею рукою. И іюня жъ, Государь, въ 26 день, изъ Нарыма воевода Иванъ Скобельцынъ писалъ ко мнѣ, холопу твоему Сенькѣ: въ прошломъ де, государь, *во 149 году, іюля въ 24 день, по твоему, Государеву указу, присланъ въ Нарымской острогъ Леонтій Плещеевъ съ женою и съ дѣтьми за его многое воровство, а велѣно де его беречь накрѣпко, что бъ онъ изъ Нарыма никуда не ушелъ, а корму ему давать по шти алтынъ, по четыре деньги на день.* А мнѣ де, холопу твоему про то вѣдать отъ тебя, Государя неуказано, и впредь бы мнѣ къ нему, Ивану о томъ не писать и Леонтьевыхъ плутепъ не слушать, а сказки де ему, Ивану въ такихъ Леонтьевыхъ плутняхъ давать не о чемъ. А томскія, Государь, дѣти боярскія Иванъ Рытцкой да Семенъ Позняковъ намъ, холопямъ твоимъ подали въ Съѣзжей избѣ Леонтья Плещеева за рукою челобитную, а сказали намъ, холопамъ твоимъ, что Леонтій Плещеевъ сказки своей имъ не далъ, а говорилъ де имъ, что есть за нимъ, Леонтьемъ твои, Государевы великія дѣла на воеводу на Ивана Скобельцына; а томскіе де воеводы тоего Леонтьевы челобитныя къ тебѣ, ко Государю вскорѣ только не пошлютъ, а его де Леонтья Иванъ Скобельцынъ либо убьетъ или голодною смертью уморитъ, и тѣ де твои, Государевы великія дѣла утерятся нашимъ, холопей твоихъ нерадѣньемъ. И мы, Государь, холопи твои Леонтья Плещеева прежнюю и нынѣшнюю челобитныя за его, Леон-

тьсвою рукою, подклея подъ сею отпискою, послали къ тебѣ, Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи въ Москвѣ съ томскимъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Сабанскимъ іюля въ 10 день 150 года.

Въ Сибирскомъ приказѣ означенная челобитная съ двумя челобитными Плещеева получена 30 ноября 151 года. На оборотѣ отписки дьякомъ Никифоромъ Шипулинымъ сдѣлана слѣдующая помѣта: «Государь слушалъ отписки и челобитенъ, указалъ писати въ Тоболескъ къ воеводамъ ко князю Петру Пронскому съ товарищи. А велѣлъ имъ послати изъ Тобольска по нынѣшнему зимнему пути сына боярскаго добра да служилыхъ людей двух человѣкъ въ Нарымъ и взяти въ Нарымѣ Леонтья Плещеева съ женою и съ дѣвками и велѣть везти въ Тоболескъ, чтобъ въ Нарымѣ Иванъ Скобельцынъ надъ нимъ надъ Леонтьемъ какого дурна не учинилъ по недружбѣ съ нимъ. А какъ его, Леонтья въ Тоболескъ и съ женою и съ двѣма его дѣвками привезутъ, и его, Леонтья указалъ Государь, по прежнему своему, Государеву указу, въ Тобольску посадить въ тюрьму до своего, Государева указу, а женѣ его, Леонтьевѣ съ дѣвками дати дворъ и приказать ее беречь приставу. А къ воеводѣ къ Ивану Скобельцыну въ Нарымъ указалъ Государь писать: какъ по Леонтья Плещѣева изъ Тобольска воеводы князь Петръ Пронской съ товарищи кого пришлютъ, и ему велѣти Леонтья съ женою и съ двѣма дѣвками отпустити съ ними въ Тоболескъ тотчасъ и для береженья послати съ Тобольскими служилыми людьми въ прибавку нарымскихъ служилыхъ людей, сколько человѣкъ пригожъ, чтобъ его, Леонтья изъ Нарымскаго до Тобольска со всѣмъ довезти здорово и съ дороги бъ у нихъ Леонтій не ушелъ. А послать его изъ Нарымскаго и везти дорогой *скована*, а корму ему, Леонтью и съ женою и съ людьми и въ Табольску Государь давати не велѣлъ, потому что у него помѣстья и вотчины не взяты. А противъ сей отписки и извѣтныхъ челобитенъ указалъ Государь написати подъ наказъ память Тобольскимъ новымъ воеводамъ и дьякамъ: князю Григорью Куракину съ товарищи: какъ они пріѣдутъ въ Тоболескъ, и имъ послати изъ Тобольска въ Нарымъ для Ивана Скобельцына пристава, кого пригоже съ Нарымскимъ съ новымъ воеводою вмѣстѣ и велѣть его Ивана привести въ Тоболескъ. Да, какъ Иванъ Скобельцынъ Нарымской городъ со всѣмъ новому воеводѣ отдастъ и съ нимъ во всемъ роспишется и въ Тоболескъ пріѣдетъ, и воеводамъ князю Григорью Куракину съ товарищи указалъ Государь, вынявъ изъ тюрьмы Леонтья Плещеева, противъ его, Леонтьевыхъ челобитенъ распросити накрѣпко, кто ему, Леонтью имянемъ на Ивана Скобельцына и въ чемъ въ Государевыхъ и великихъ дѣлахъ являли и извѣщали и противъ его, Леонтьевыхъ челобитенъ распросити его, Леонтья про всѣ статьи подлинно. Да что онъ, Леонтій на Ивана Скобельцына скажетъ, и имъ воеводамъ тѣмъ дѣламъ всему взяти у него, Леон-

тья къ сыску роспись за его рукою; да противъ той росписи въ тѣхъ дѣлахъ указалъ Государь распросити Ивана Скобельцына накрѣпко жъ и рѣчи его записать; да будетъ въ чемъ дойдетъ до очныя ставки и его, Ивана указалъ Государь съ Леонтьемъ Плещеевымъ ставить съ очей на очи и допрашивати подлинно. А послѣ очной ставки указалъ Государь Леонтья по прежнему въ Тобольску поса(ди)ти въ тюрьму до своего, Государева указу; а про тѣ про всѣ дѣла въ чемъ учнетъ Леонтій Плещеевъ въ его Государевыхъ дѣлахъ извѣщати на Ивана Скобельцына, указалъ Государь послати изъ Тобольска въ Нарымъ для сыску тобольскаго писмяного голову. И про тѣ про всѣ дѣла до кого въ Нарымѣ дойдетъ дѣло, тѣхъ въ томъ распрашивати и сыскивати про то нарымскими и пріѣзжими русскими людьми и Нарымскаго уѣзду ясачными людьми остяки въ правду; да будетъ по обыскомъ, кого въ чемъ доведется допросити, тѣхъ въ томъ допрашивати накрѣпко. А которые будетъ нарымскіе люди по сыску и по распросу въ чемъ въ Государевыхъ дѣлахъ дойдутъ до пытки, тѣхъ указалъ Государь изъ Нарыма привести въ Тоболескъ, а въ Тобольску воеводамъ князю Григорью Куракину съ товарищи передъ собою въ тѣхъ дѣлахъ тѣхъ людей распрашивати; да будетъ по распросу и по сыску допрямо дойдетъ, и ихъ пытати накрѣпко и рѣчи ихъ записывати. Да что, въ какихъ его, Государевыхъ дѣлахъ Леонтій Плещеевъ на Ивана Скобельцына учнетъ извѣщать, и что они въ допросѣ и на очныхъ ставкахъ скажутъ, и иные люди, которые въ тѣхъ дѣлахъ въ сыску объявятся и въ обыску обысканые люди про то, и, которые будетъ люди пытаны будутъ, и что съ пытки скажутъ изъ того изо всего дѣла указалъ Государь изъ Тобольска прислати перечневую выписку и подлиное дѣло, и о томъ отписать къ себѣ, ко Государю къ Москвѣ въ Сибирскій приказъ; а Ивану Скобельцыну указалъ Государь быти въ Тобольску до своего, Государева указа; а съ того сыскнаго дѣла въ Тобольску оставить списокъ за дьячьими руками». [1])

На первой челобитной Леонтья Плещеева на оборотѣ помѣта: «150-го, іюня въ 8 день въ Томскомъ, въ Съѣзжей избѣ стольнику и воеводамъ: князю Семену Васильевичу Клубкову-Мосальскому съ товарищи подалъ сю челобитную Тобольскаго города конный казакъ Петрушка Езусовъ, а сказалъ, что ему тое челобитную далъ въ Нарымѣ Леонтій Плещеевъ». Ниже написано: «А сю челобитную язъ, Левка писалъ своею рукою». (л. 10—11).

На оборотѣ второй челобитной по склейкамъ написано: «Къ сей челобитной язъ, Левонтей Плещеевъ руку приложилъ». (л. 12—14).

---

[1]) Л. 2—9. Грамота послана 30 декабря 151 года (л. 22—28).

II.

Челобитная царю Михаилу Өедоровичу отъ служилыхъ людей Нарымскаго острога.

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьютъ челомъ холопи твои, Нарымскаго острога казачій и татарскій голова Юшка Даниловъ, Съѣзжей избы подьячій Афонька Володиміровъ, новокрещены князь Григорій Кечіевъ, Ивашко Боярковъ, десятники Ганька Дмитріевъ, Нехорошко Исаковъ, Оксенко Ондреевъ и всѣ служилые люди, и ружники, и оброчники. Жалоба, Государь, намъ на Леонтья Плещеева: въ прошломъ, Государь, во 149 году, по твоему, Государеву указу, присланъ онъ, Леонтій за опалу въ Нарымской острогъ, а велѣно ему дати дворъ, стоять гдѣ пригоже и беречь его велѣно накрѣпко, чтобы онъ изъ Нарыму никуда не ушелъ; и твой, Государевъ воевода Иванъ Леонтьевичъ Скобельцынъ велѣлъ намъ быти у него, Леонтья на караулѣ по 5 человѣкъ. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 150 году, іюня въ 8 день послалъ онъ, Леонтій въ Томской извѣтную челобитную, а въ челобитной его написано, будто мы, холопи твои извѣщали ему, Леонтью на воеводу Ивана Леонтьевича Скобельцына твои, Государевы великія дѣла и съ тѣми твоими, Государевыми дѣлами хотѣли ѣхать къ тебѣ, Государю къ Москвѣ и въ Томской городъ; и воевода де Иванъ Леонтьевичъ насъ не отпустилъ и за то де убилъ служилаго человѣка до смерти, а иныхъ, утѣспя многими муками, привелъ къ вѣрѣ и далъ де насъ на поруки, что бы намъ изъ Нарыму никуда не съѣхати и *научилъ де черкашенина Алешку Стабровскаго, велѣлъ его, Леонтья, уждавъ, зарѣзати.* Да онъ же, Леонтій послалъ въ Тоболескъ къ архіепископу съ такими же съ извѣтными челобитными человѣка своего Ивашка, и будто насъ воевода Иванъ Леонтьевичъ посылалъ за человѣкомъ его въ легкихъ судахъ въ погоню и велѣлъ человѣка его известь, что бы тѣхъ извѣтныхъ челобитныхъ до тебя, Государя не допустить. И по его, Государь, извѣтной челобитной присыланы изъ Томскаго города къ нему, Леонтью для распросу подлинныхъ дѣлъ дѣти боярскія Иванъ Рытцкой да Семенъ Позняковъ. *И мы, холопи твои твоихъ, Государевыхъ дѣлъ на воеводу на Ивана Леонтьевича никакихъ ему, Леонтью не извѣщивали и не вѣдаемъ, а служилаго человѣка воевода Иванъ Леонтьевичъ не убивывалъ до смерти никого, и къ вѣрѣ никого не приваживалъ, и поруки ни по комъ не имывалъ, и многими муками никого не мучивалъ, а Олешку Стабровскаго убилъ онъ, Леонтій самъ, и то, Государь, онъ, Леонтій на насъ, холопей твоихъ затѣялъ ложно, что мы ему, Леонтью извѣщали на воеводу Ивана Леонтьевича твои, Государевы дѣла;* и намъ, холопямъ твоимъ угрожаетъ онъ, Леонтій пыткою и огнемъ и кнутьемъ. А всего, Государь, насъ, холопей твоихъ въ Нарымскомъ острогѣ въ караулѣ трид-

цать человѣкъ и тѣ, Государь, бѣдны и многіе служатъ тебѣ, Государю съ пашнишекъ безъ твоего, Государева жалованья, и его, Леонтья беречь не въ силу и некимъ, по 10 человѣкъ посылаютъ по твои, Государевы хлѣбные запасы въ Тоболескъ, а по 3 человѣка съ твоею, Государевою соболиною казною къ Москвѣ и съ твоими, Государевыми грамоты и съ отписками въ Сибирскіе городы. Онъ же Леонтій спрашиваетъ на насъ дворовъ добрыхъ, велитъ ставити горницы и мыльни, а мы, холопи твои во 147 году погорѣли безъ остатку и топере, [1]) Государь, дворишковъ себѣ выставить не можемъ: многіе живутъ въ земляныхъ юртахъ; намъ, холопямъ твоимъ отъ его, Леонтьевыхъ затейныхъ дѣлъ, и отъ грозъ, и отъ карауловъ пашнишокъ своихъ и промыслишковъ рыбьихъ отстали, помѣтавъ женишка свои и дѣтишка брести будетъ врознь. *А только бы, Государь, мы, холопи твои вѣдали на воеводу Ивана Леонтьевича твои, Государевы дѣла, и мы бы извѣщали тебѣ, Государю, какъ прі(ѣ)зжаемъ съ твоею, Государевою казною къ Москвѣ или въ Томскомъ городѣ, а не ему, Леонтью; и впередъ, Государь, и не вѣдаемъ, что намъ отъ его, Леонтьевыхъ затейныхъ дѣлъ, что и будетъ.* Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи пожалуй насъ, холопей своихъ бѣдныхъ: *не вели намъ отъ него, Леонтья и досталь въ конецъ погинути и вели, Государь, его перевести изъ Нарымскаго острога въ иные городы*, что бы намъ, холопямъ твоимъ отъ его, Леонтьевыхъ затейныхъ дѣлъ и грозъ въ конецъ не погинуть и твоей, Царской службы не отбыть. Царь, Государь смилуйся.

На оборотѣ написано: «Къ сей челобитной голова казачей Юшка Даниловъ руку приложилъ. Къ сей челобитной Покровской попъ Яковище вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ, по ихъ велѣнію, руку приложилъ. Къ сей челобитной Съѣзжей избы подьячій Офонька Володиміровъ руку приложилъ. Къ сей челобитной служилый человѣкъ Нехорошко Исаковъ Поповъ руку приложилъ» [2]).

III.

Отписка царю Михаилу Ѳедоровичу отъ нарымскаго воеводы Ивана Скобельцына.

Въ нынѣшнемъ, во 151 году, октября въ... день писалъ ко Государю изъ Сибири изъ Нарымскаго воевода Иванъ Скобельцынъ, что іюня въ 28 день прибѣжала на караулъ противъ Съѣзжія избы Леонтья Плещеева дѣвка

---

[1]) Теперь.

[2]) Эта челобитная подана въ Нарымскомъ острогѣ воеводѣ Скобельцыну 1-го іюля 150 г., а отъ него при отпискѣ прислана въ Сибирскій приказъ 12 октября 151 г. (л. 15—18).

Устюшка, Михайлова дочь и закричала Государево дѣло, а служилыхъ людей въ тѣ поры въ острогѣ не было: были въ Тобольску по пашнямъ и по промысламъ. И онъ де Иванъ закричалъ караульщикамъ, велѣлъ тое дѣвку взять, а за нею бѣжалъ Леонтій Плещеевъ съ людьми, а на караулѣ въ тѣ поры было всего два человѣка: Оска Долгоруковъ, да Ондрюшка Нагой, да тутъ же стоялъ Тобольскій служилый человѣкъ Ивашко Лещининъ, что оставленъ у запасовъ. И они тое дѣвку схватали, и Леонтій Плещеевъ учалъ у нихъ тое дѣвку отымать, и онъ Иванъ выскочилъ къ нимъ же и тое дѣвку у него взяли, и Леонтій де гонялся за нимъ, Иваномъ съ ножемъ до Съѣзжей избы: хотѣлъ зарѣзать, и онъ ушелъ въ Съѣзжую избу. И та де Леонтьева дѣвка Устюшка въ распросѣ сказала: говоритъ де Леонтій Плещеевъ съ женою своею, а хочетъ острогъ зажечь; *да онъ же Леонтій воруетъ ее Устюшку сильно; и, не обмывшись, въ церковь ходитъ и просвиры ѣстъ; на сырной де недѣли, въ среду противъ четверга парился онъ, Леонтій съ женою своею въ банѣ и, вышедъ изъ бани, воровалъ де ее, Устюшку сильно, и какъ де пришла жена его и она ей учала сказывать, что ее Леонтій воровалъ, и онъ де Леонтій образъ съ стѣны схватилъ, не обмывся, а въ тое де пору сидѣла тутъ у него, Леонтья попа Якова попадья и рѣчи де ее она слышала, и какъ онъ, Леонтій образъ ухватилъ съ стѣны и она то видѣла; а на утрее де онъ, Леонтій къ обѣдни ходилъ и просвиры ѣлъ, не омывся; да онъ же Леонтій рѣзалъ ее Устюшку ножемъ въ лѣвую руку повыше локтя.* А какъ онъ, Леонтій тое свою дѣвку отымалъ, и онъ кричалъ, что де она снесла у него ожерелье жемчужное въ 500 рублевъ; и онъ де Иванъ въ Съѣзжей избѣ велѣлъ цѣловальникамъ Нарымскимъ, служилымъ людямъ Ивану Бояркѣ да Ивашку Ѳедорову тое дѣвку осмотрѣть и сносу де у ней никакого не было тотъ де часъ, что будто онъ утаилъ, и онъ де Иванъ тое дѣвку Устюшку до Государева указу далъ за пристава [1]).

IV.

Челобитная ц. Михаилу Ѳедоровичу отъ сыщика И. Переносова.

Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ивашко Переносовъ. По твоему, Государеву указу, велѣно мнѣ, холопу твоему быть на твоей, Государевѣ службѣ въ Сибири въ Тобольску; а въ твоемъ, Государевѣ наказѣ наппсано: велѣно сыскивать про Леонтья Плещеева да про Ивана Скобельцына. А въ прошлыхъ, Государь, во 145 и во 146 годѣхъ, по твоему, Государеву указу,

[1]) Л. 29—30.

былъ я, холопъ твой съ твоимъ, Государевымъ бояриномъ съ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ у *Вологодскаго сыскнаго дѣла и отъ того, Государь, Леонтья Плещеева въ томъ сыскномъ дѣлѣ тебѣ, Государю на меня, холопа твоего челобитье было многое.* Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи пожалуй меня, холопа своего: *не вели, Государь, мнѣ, холопу своему у того сыскнаго дѣла быть.* Царь, Государь смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ помѣта рукою дьяка Сибирскаго приказа Григорія Протопопова: «Указалъ Государь про Левонтья Плещеева и про Ивана Скобельцына сыскивать въ Тобольскѣ съ князь Михайломъ Гагаринымъ дьяку Григорію Лукину» [1]).

V.

Челобитная ц. Михаилу Өедоровичу отъ сыщика Г. Куракина.

Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Гришко Куракинъ. Велѣно мнѣ, холопу твоему быть на твоей, Государевѣ службѣ въ Тобольскѣ и наказъ мнѣ, холопу твоему данъ и подъ наказомъ написана память: велѣно мнѣ, холопу твоему сыскивать про твои, Государевы дѣла и про Леонтья Плещеева и Ивана Скобельцына. И мнѣ, холопу твоему про Леонтья Плещеева сыскивать не мочно, потому что мнѣ, холопу твоему *Плещеевы недрузи*, а недружба ихъ тебѣ, Государю извѣстна. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи пожалуй меня, холопа своего: не вели мнѣ, холопу своему про Леонтья Плещеева, по ихъ къ намъ недружбѣ, сыскивать, а вели Государь про ихъ дѣло сыскать мимо меня, холопа твоего, кому ты, Государь укажешь. Царь, Государь смилуйся.

На оборотѣ челобитной въ Сибирскомъ приказѣ сдѣлана помѣта рукою дьяка Григорія Протопопова: «151, генваря въ 28 день по сей челобитной Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи докладывалъ бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Государь указалъ про Леонтья Плещеева извѣтныя дѣла и про Ивана Скобельцына сыскивать и распрашивать въ Тобольскѣ Леонтья Плещеева и Ивана Скобельцына *князь Михаилу Гагарину да дьяку Григорью Лукину;* а князю Григорью и дьяку Ивану Переносову у того сыскнаго дѣла Леонтья Плещеева не быть» [2]).

---

[1]) Л. 21.

[2]) Л. 42. Грамота изъ Сибирскаго приказа къ тобольскимъ воеводамъ князю Гр. С. Куракину и князю М. С. Гагарину и дьякамъ И. Переносову и Гр. Лукину отправлена 17 марта 151 г. (л. 43—44).

Свѣдѣнія о П. Траханіотовѣ.

I.

Челобитная царю Алексѣю Михайловичу отъ жильца Сергѣя Тимофеева [1]).

Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, бѣдный и разоренный жилецъ Сергушка Тимофеевъ сынъ Вырубовъ. Въ прошломъ, Государь, во 155 году во Владимірскомъ уѣздѣ въ Опольскомъ стану завладѣлъ у меня, холопа твоего царское жалованье насильствомъ безъ твоего, государева указу и безъ дачъ Петръ Траханіотовъ помѣстною моею землею, пустошью Монаковою. Да въ томъ же, Государь, въ прошломъ году пожалъ насильствомъ на той моей пустошѣ Монаковой хлѣба поля ржаное, да поля хлѣба яровое; и свезъ, Государь, тотъ мой хлѣбъ съ помѣстной моей пустоши Монаковой къ себѣ, въ деревню Поганову и перемолотилъ онъ, Петръ тотъ мой хлѣбъ на себя; и на нынѣшній, на 156 годъ посѣялъ насильствомъ моимъ же хлѣбомъ тою мою пустошь Монакову поля ржанова хлѣба, да поля яроваго хлѣба. Милосердый Государь, Царь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего бѣднаго и разореннаго: вели, Государь, мнѣ на той, моей помѣстной пустоши Монаковѣ тотъ хлѣбъ жать, что онъ, Петръ Траханіотовъ посѣялъ насильствомъ моимъ же хлѣбомъ. А у меня, холопа твоего царское жалованье на ту землю крѣпости есть: ввозная грамота, писцовыя книги. Царь, Государь смилуйся, пожалуй.

---

[1]) Выписано изъ столбца по городу Владиміру (Арх. мин. юст.) № 183, дѣло № 38.

На челобитной помѣта думнаго дьяка Өедора Елизарова: «156-го, іюля въ 11 день, Государь пожаловалъ: велѣлъ выписать, за нимъ ли та пустошь въ дачахъ и въ ввозной грамотѣ; и будетъ за нимъ, и велѣлъ тотъ хлѣбъ съ той пустоши ему сжать».

На лицевой сторонѣ по склейкамъ написано: «*156, іюля въ 15 день* по государеву указу, послать государеву грамоту, велѣть тотъ хлѣбъ Сергѣю Вырубову на той, его пустоши пожать ему, Сергѣю... [1]) Өедора Елизарова будетъ та пустошь за нимъ въ дачахъ.

II.

7157 года, сентября въ 20 день Юрьевецъ Никифоръ Өедоровъ сынъ Домнинъ подалъ челобитную, въ которой пишетъ: «что Петръ Траханіотовъ въ 152 году завладѣлъ у меня, холопа твоего въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ Опольскомъ стану помѣстье въ полусельцѣ Сущевѣ насильствомъ, безъ твоего, государева указа и безъ дачъ, *а я, холопъ твой отъ его насильства и разоренья въ тѣ четыре года, скитаясь межъ дворовъ, въ конецъ погибъ»* [2]).

III.

Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу отъ И. Т. Траханіотова [3]).

Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, разграбленный и погорѣлый Ивашко Тихоновъ сынъ Траханіотовъ съ сынишкомъ своимъ съ Олександркомъ. Убитъ, Государь, братъ мой, окольничій Петръ Тихоновичъ невѣдомо за что напрасно, а твоей, государевой опалы никакой не было. А вотчины купленныя дачи большія, по твоему, государеву указу, розданы въ роздачу, а мнѣ, холопу твоему и сынишку моему, послѣ брата моего смерти, купленныхъ вотчинокъ не дано ничего. А которыя, Государь, брата моего вотчинки, что купилъ братъ мой, окольничій Петръ Тихоновичъ вотчинку въ Володимірскомъ уѣздѣ треть сельца Сурвотцково Борисовы жены Кайсарова вдовы Анны Сурвотцкой, да у Захарьевы жены Толмачова, у Анны жъ Сурвотцкой, а въ ней пашни 120 чети, а далъ за нее 600 рублевъ денегъ, и купчую они брату моему на ту вотчинку дали, а къ купчей, вмѣсто про-

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Выписано изъ столбца по городу Владиміру, № 176, дѣло № 10.

[3]) Выписано изъ столбца по городу Владиміру № 187, дѣло № 14.

давцовъ Борисовы жены Кайсарова Анны, руку приложилъ сынъ ея Григорій Кайсаровъ, а вмѣсто жены своей, руку приложилъ Захарій Толмачовъ и въ Помѣстномъ приказѣ та вотчинка за братомъ въ книги записана и руки у книгъ ихъ приложены. И послѣ, Государь, брата моего смерти, билъ челомъ тебѣ, Государю о той брата моего купленной вотчинкѣ жилецъ Захарій Толмачовъ, умысля ложнымъ своимъ челобитьемъ, по наученью окольничаго князя Семена Романовича Пожарскаго, потому что братъ мой Петръ билъ челомъ на него, окольничаго князя Семена Романовича Пожарскаго о помѣстьяхъ и о вотчинахъ, что онъ, князь Семенъ владѣлъ вашимъ, государевымъ жалованьемъ помѣсьи и вотчины безъ дачъ и очная ставка у брата моего Петра съ княземъ Семеномъ въ Помѣстномъ приказѣ была и окольничій князь Семенъ, мстя тое недружбу брату моему и мнѣ, научилъ бить челомъ о той вотчинкѣ держальника своего Захарья Толмачова, а онъ, Захарій Толмачовъ въ тѣ поры жилъ у него, князя Семена въ держальникахъ, и что будто братъ мой Петръ тое вотчинку въ изустной памяти написалъ ему Захарью; а въ изустной, Государь, памяти брата моего Петра написано за его рукою: «въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ ты, Государь воленъ, чѣмъ меня, холопа своего и сынишка моего ни пожалуешь». И нынѣ онъ, Захарій, по ложному своему челобитью, тою брата моего купленною вотчинкою владѣетъ обѣими половинами напрасно, а на ту, Государь, вотчинку купчая у меня, холопа твоего; и я, холопъ твой о той вотчинкѣ по купчей брата своего билъ челомъ тебѣ, Государю, чтобъ ты, Государь пожаловалъ тою брата моего купленною вотчинкою меня, холопа своего и сынишка моего и ты, Государь меня, холопа своего пожаловалъ: велѣлъ о той вотчинкѣ выписать и по той выпискѣ указъ учинить думному дьяку Ѳедору Елизарову противъ своего, Государева указу и соборнаго Уложенья. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего разграбленнаго и погорѣлаго и сынишка моего, не вели, Государь, его, Захарьеву ложному челобитью повѣрить и тою брата моего купленною вотчинкою пожалуй меня, холопа своего и сынишка моего противъ своего, Государева указу и соборнаго Уложенья, чтобъ мнѣ, холопу твоему передъ своею братьею въ вѣшномъ позорѣ не быти и твоей, царской службы впредь не отбыть. Царь, Государь смилуйся: пожалуй.

На оборотѣ рукою думнаго дьяка Ѳедора Елизарова написано: «158, сентября въ 7 день Государь пожаловалъ: велѣлъ ему ту вотчину поворотить, потому что въ изустной Петровой не написано, а у него на ту вотчину крѣпость, а у Семена съ Петромъ была недружба и та сказка довелась отставить».

Соборъ 1653 года о литовскихъ и малороссійскихъ обстоятельствахъ [1].

Въ прошломъ, во 161 году, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца, говорено на соборехъ о литовскомъ и о черкаскомъ дѣлехъ.

А въ нынѣшнемъ, во 162 году, октября въ день Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи Самодержецъ указалъ о томъ же литовскомъ и о черкаскомъ дѣлехъ учинити соборъ. А на соборѣ быти Великому Государю, Святѣйшему Никону Патріарху Московскому и всеа Русіи, и митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископу, и чернымъ властямъ, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ московскимъ, и дьякамъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, выборнымъ изъ городовъ, и гостямъ, и торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ. И указалъ Государь имъ объявити литовскаго короля и пановъ радъ прежнія и нынѣшнія неправды, что съ ихъ стороны дѣлаются къ нарушенію вѣчнаго докончанья, а отъ короля и отъ пановъ радъ исправленія въ томъ не бывало. И чтобъ тѣ ихъ неправды его, Государевымъ Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ были вѣдомы; также и запорожскаго гетмана Багдана Хмельницкаго присылки объявити, что они бьютъ челомъ подъ Государеву высокую руку въ подданство и что нынѣ къ *тому* паны радъ при Государевыхъ великихъ послѣхъ по договору исправленья не учинили и отпустили безъ дѣла. А на соборѣ говорити всякихъ чиновъ людямъ вслухъ:

Въ докончальныхъ грамотахъ блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи Самодержца со Владислава короля польскаго и великаго князя литовскаго написано: Быти

---

[1]) Печатаемый здѣсь документъ—второй экземпляръ соборнаго акта 1653 г. и извлеченъ нами изъ Моск. Архива минист. иностр. дѣлъ („Сношенія Россіи съ Польшей“—1653 г., связка 97, дѣло № 6). Печатаемъ его въ исправленномъ рукою современника видѣ.

имъ, обоимъ Великимъ Государямъ межъ себя и ихъ Государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ въ братской дружбѣ, и въ любви, и въ соединеніи. И впередъ межъ ихъ, обоихъ Великихъ Государей и межъ ихъ наслѣдниковъ и ихъ государствъ рати и войнѣ не быти и въ городы, и въ земли не вступатися, и на обѣ стороны земель не воевати и не зацѣпляти. А прежнія, давно зашлыя и новыя, всякія дѣла отставити и замирити, и впередъ тѣхъ, мимошедшихъ дѣлъ не вчинати и недружбы никакія не мстити, и впередъ тому ни съ которую сторону николи во вѣки воспомяновену не быти. А Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества именованье Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому, и впередъ будучимъ королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ, и панамъ радъ, и всей Рѣчи Посполитой Коруны Польскія и великаго княжества Литовскаго всякихъ становъ людямъ во всякихъ письмахъ описывати и именовати по Его, Государскому достоинству и по вѣчному докончанью: Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ съ полными Его, Государскими титлы, по Его, Государскому достоинству, и какъ онъ, Великій Государь самъ себя описуетъ, по докончальной грамотѣ, отъ нынѣ, и до вѣка, и впередъ неподвижно, безо всякаго премѣненья. А Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому и впередъ будучимъ королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ писатися по прежнимъ обычаямъ съ полными жъ ихъ титлы, по докончальной грамотѣ. А, по прежнему договору и утверженью, Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому и его братьямъ, и дѣтямъ, и внучатамъ къ Московскому государству причитанья ни въ чемъ не имѣть и Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи и титлами Московскаго государства не писатися и не именоватись; и прежняго договору гетмана Станислава Желковскаго и мимошедшихъ дѣлъ не вчинать. И то вѣчное докончанье съ обѣ стороны сперва великіе послы, а послѣ того, и сами обои Великіе Государи своими Государскими душами крестнымъ цѣлованьемъ закрѣпили и грамотами, и печатьми утвердили, что межъ ими, обоими Великими Государи тому, вѣчному утверженью быти на вѣки непремѣнну.

И со стороны Владислава, короля польскаго и великаго князя литовскаго при немъ, Владиславѣ королѣ вѣчное докончанье нарушено. Блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца и сына его, Государева, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца въ королевскихъ, во многихъ грамотахъ и порубежныхъ его городовъ воеводъ, и каштеляновъ, и старостъ, и капитановъ, и державцевъ въ Государевы порубежные городы къ воеводамъ въ листѣхъ Ихъ, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца и отца его, Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца, Ихъ, Государскія именованья и титлы писаны не по вѣчному докончанью, со

многимъ премѣненьемъ, а иные злодѣи во многихъ листѣхъ писали съ великимъ безчестьемъ и съ укоризною.

И о тѣхъ, королевскихъ многихъ неправдахъ посыланы отъ нихъ, Государей въ Польшу и въ Литву, ко Владиславу, королю польскому и великому князю литовскому ихъ, Государевы великіе послы и посланники; а велѣно имъ, будучи у короля на посольствѣ и съ паны рады въ отвѣтѣхъ, о Государевѣ чести говорити, и подлинные прописные листы казати, и списки съ нихъ дати, и на тѣхъ людей казни и наказанья просити. И въ 148 году писалъ къ Государю Владиславъ король въ грамотахъ своихъ: которые люди, за его, королевскимъ заказомъ, учнутъ Государево именованье и титло писать, не по ихъ, Государскому утверженью, и тѣ будутъ казнены, а которые писали не остерегательно, и тѣхъ съ сойму одноличпо велитъ казнить, а впередъ того отнюдь не будетъ.

А въ отвѣтномъ письмѣ пановъ радъ, каково дали въ 153 году Государевымъ великимъ посламъ: боярину князю Алексѣю Михайловичу Львову съ товарищи написано:

Что королю покамѣста право не ставало, потамѣста каранья чинить было не мочно; а нынѣ за тѣ проступки, послѣ права постановленнаго, король на соймѣ позвати велѣлъ и казнь по проступку ихъ, противъ права ихъ, подлинно учинена будетъ. И по тѣмъ, королевскимъ грамотамъ, и по отвѣтнымъ письмамъ, и по договорамъ пановъ радъ, при Владиславѣ, королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ исправленья никакого не бывало.

А при нынѣшнемъ Янѣ Казимірѣ, королѣ польскомъ учало быть и пуще прежняго. Про Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца, и про отца его, Государева блаженныя памяти про Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи Самодержца, и про дѣда его, Государева, блаженныя памяти про Великаго Государя, Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи въ книгахъ ихъ напечатаны злыя безчестья и укоризны, чего не токмо Великимъ Государямъ христіанскимъ помазанникамъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти не возможно и помыслити страшно.

Также и Московскаго государства про бояръ и про всякихъ чиновъ людей напечатаны въ тѣхъ книгахъ многія безчестья и злыя укоризны, чего ни въ которыхъ государствахъ не токмо за вѣчнымъ докончаньемъ, и въ развратѣ того не бываетъ.

И въ прошломъ, въ 158 году, по Государеву, Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, посыланы въ Польшу и въ Литву, къ Яну Казиміру королю Его, Государевы великіе и полномочные послы: бояринъ и оружейничій Григорій Гавриловичъ Пушкинъ съ товарищи. А велѣно имъ о тѣхъ, королевскихъ и пановъ радъ многихъ неправдахъ говорити накрѣпко и за Государскую честь, по посольскимъ договорамъ, на виноватыхъ просити казни смертныя. И, по королевскому указу, паны радъ тѣмъ, Государевымъ великимъ посламъ дали договоръ

за руками своими и за печатьми, что тѣ, всѣ про титла обвиненные люди, которые [1]) въ росписи отъ нихъ, великихъ пословъ имъ, панамъ радъ поданы на соймъ, на первый, который въ Варшавѣ сложенъ будетъ, позваны и на соймѣ, по правамъ корунньмъ и литовскимъ и противъ соймоваго уложенья конституціи 1637 году, сужены и по проступку осудя и смертью, кто оную заслужилъ, караны будутъ при Государевыхъ послѣхъ, или при посланникахъ, или при гонцахъ, которыхъ Государь съ прописными листами для обличенья виноватыхъ, за учиненьемъ вѣдома королевскою грамотою о соймѣ сложеномъ, пришлетъ.

И король и паны радъ на томъ соймѣ при Государевыхъ посланникахъ, не токмо что по договору исправленья не учинили, и многихъ винныхъ людей къ суду не поставили и правды ни въ чемъ не показали. А въ конституціи 1637 году написано: а на таковыхъ, которые бы держали писать, или титлы умаляти, или отмѣняти, пенамъ пердуелліонисъ закладаемъ, а поруски то слово смертная неотпущательная казнь и отлученіе имѣнія.

И по тѣмъ, по всѣмъ мѣрамъ многія неправды учинились къ нарушенію вѣчнаго докончанья съ королевскія стороны.

А съ Государевы стороны вѣчное докончанье во всякихъ мѣрахъ и по ся мѣста сдержано крѣпко и нерушимо. И послѣ того, умысля, писалъ къ Государю Янъ Казиміръ король въ грамотѣ своей, что у него соймъ сложенъ и Государь бы для исправленья прислалъ къ тому сойму съ прописными листами своихъ, Государевыхъ пословъ. А съ тою грамотою прислалъ король передъ соймомъ вскорѣ, чтобъ посламъ къ сойму не поспѣть; и по той его, королевской присылкѣ пословъ послать было нѣколи. А по Государеву указу посыланы къ королю на соймъ съ прописными листами посланники Аѳанасій Прончищевъ, да дьякъ Олмазъ Ивановъ и, будучи они у короля и у пановъ радъ въ отвѣтѣхъ, о Государевѣ чести говорили и на виноватыхъ по договору и по конституціи казни просили и стояли о томъ накрѣпко.

И въ прошломъ, въ 161 году посыланы къ нему, Яну Казиміру королю Государевы великіе и полномочные послы: бояринъ и намѣстникъ Великопермской князь Борисъ Александровичъ Репнинъ—Оболенской съ товарищи, чтобъ Янъ Казиміръ король, памятуя вѣчное докончанье, и посольскіе договоры, и соймовыя свои уложенья конституцію, велѣлъ въ тѣхъ, выше именованныхъ дѣлѣхъ исправленье учинить пристойное. И тѣ, Государевы великіе послы, будучи въ отвѣтѣ, о Государевѣ чести о исправленіи на обвиненныхъ людей, по договору, панамъ радъ говорили и стояли о томъ всякими мѣрами. Янъ Казиміръ король въ томъ дѣлѣ ни-

---

[1]) Пользуемся случаемъ, чтобъ исправить неточность, вкравшуюся въ этомъ мѣстѣ въ актѣ собора 1651 г., изданномъ нами въ „Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст." на стр. 85. Тамъ напечатано: „... всѣ протитла обвиненныя, которыя" и т. д., между тѣмъ слѣдуетъ читать: „всѣ про титла обвиненные люди, которые" и т. д.

какого исправленья не учинилъ, а паны радъ въ отвѣтѣхъ то дѣло, что они, великіе послы говорили о чести блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца и сына его, Государева, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи Самодержца называли малымъ дѣломъ. И тѣ, Государевы великіе послы имъ, панамъ радъ о томъ выговаривали, что они, паны радъ начальное и главное дѣло, Государскую честь ставятъ ни во что и называютъ малымъ дѣломъ, не бояся Бога и не памятуя вѣчнаго докончанья, и того, царскаго безчестья обезчестили и указывали на прежній свой неправедный судъ и декретъ. И паны радъ говорили, что они о томъ дѣлѣ, о Государевѣ чести инако, мимо прежняго суда и декрета судити и передѣлывать не будутъ и отказали въ томъ впрямь. И Государевы великіе послы объявили имъ, панамъ радъ прописные жъ листы, которые сысканы сверхъ прежнихъ прописныхъ листовъ вновь и говорили имъ, чтобъ они тѣмъ людямъ за прописку ихъ учинили по тому жъ соймовому уложенью и по конституціи лѣта 1637 году. И паны радъ говорили, что они тѣхъ людей за тѣ прописки судити учнутъ такъ же, какъ и за прежніе прописные листы судили и къ тѣмъ словамъ смѣялись, а справедливости въ томъ дѣлѣ никакія не учинили и поставили такое великое дѣло ни во что... [1]) для православныя Христіанскія вѣры и Святыхъ Божіихъ церквей, брату своему, королевскому величеству такую поступку учинитъ тѣмъ людямъ, которые въ его, Государскомъ именованьи въ прискѣ объявились, тѣ ихъ вины велитъ имъ отдать. И Янъ Казиміръ король и паны радъ и то дѣло поставили ни во что жъ и въ миру съ черкасы отказали и хотятъ православную Христіанскую вѣру искоренить и церкви Божія разорить, идя на нихъ войною при нихъ же, великихъ послѣхъ. Да какъ у короля и у пановъ радъ въ прошломъ, въ 161 году соймъ былъ въ Брестѣ Литовскомъ, и у нихъ на соймѣ приговорено впрямь, что имъ православныхъ Христіанъ Греческаго закона, которые живутъ въ корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, побить и церкви Божія разорить, чтобъ вѣра Греческаго закона искоренилася. И Государевы великіе послы, видя ихъ многое упорство, говорили имъ съ большимъ вычетомъ въ палатѣ и къ коретамъ идучи во всѣ люди вслухъ, что Великій Государь, Его Царское Величество для православныя Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей хотя ихъ междоусобье успокоить, тѣмъ людямъ, которые за ихъ, Государскую честь достойны были смерти, вины ихъ хотѣлъ имъ отдать. И коли Янъ Казиміръ король и паны радъ то поставили ни во что и ни въ чемъ исправленья не учинили, и Великій Государь, Его Царское Величество такого ихъ злаго безчестья и многаго по вѣчному докончанью неисправленья больше того терпѣти имъ не будетъ и пословъ своихъ и посланниковъ о томъ къ нимъ впередъ посылать не учнетъ, а велитъ о тѣхъ ихъ неправдахъ и о нарушеньи вѣчнаго докончанья писать во всѣ окрестныя государства

[1]) Въ этомъ мѣстѣ большой пропускъ.

къ великимъ государямъ Христіанскимъ и бусурманскимъ, а за православную Христіанскую вѣру и за Святыя Божія церкви и за свою Государскую достойную честь стояти будетъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ.

И паны радъ ни на какую мѣру не сошлись же и сходства не показали, и исправленья ни въ чемъ не учинили, и во всемъ отказали, и тѣхъ, Государевыхъ великихъ пословъ отпустили безъ дѣла.

А нынѣ писалъ ко Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское съ посланцемъ своимъ съ Лавриномъ, да въ прошлыхъ годѣхъ присылалъ ко Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское посланниковъ своихъ многижда, что паны радъ и вся Рѣчь Посполитая на православную Христіанскую вѣру Греческаго закона и на святыя Божія восточныя церкви возстали, и гоненіе учинили большое, и ихъ, запорожскихъ черкасъ отъ истинной православной Христіанской вѣры, въ которой они издавна живутъ, учали отлучать и неволить къ своей римской вѣрѣ, и церкви Божія запечатали, а въ иныхъ учинили унію, и всякія надъ ними гоненія, и поруганія, и злости нехристіанскія чинили, чего они и надъ еретиками и надъ жидами не чинятъ. И они, черкасы, не хотя благочестивыя Христіанскія вѣры отбыти и святыхъ Божіихъ церквей въ разореніи видѣти, и видя себя въ такомъ зломъ гоненьи, поневолѣ, призвавъ къ себѣ въ помочь крымскаго хана съ ордою, учали за православную Христіанскую вѣру и за святыя Божія церкви противъ ихъ стояти. А у Царскаго Величества милости просятъ, чтобъ онъ, Великій Христіанскій Государь, жалѣя благочестивыя православныя Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей и ихъ православныхъ Христіанъ невинныя крови пролитія, умилосердился надъ ними, велѣлъ ихъ принять подъ свою Царскаго Величества высокую руку и учинилъ имъ на гонителей Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, на поляковъ помочь и послалъ войска свои.

А въ прошломъ, въ 161 году присылалъ ко Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій посланниковъ своихъ двожды, что съ королевскія стороны, по договорамъ, на чемъ съ ними, запорожскими черкасы мирились, не исполнено и церкви Божія, которыя въ договорѣ написаны были отдать изъ уніи не отдали; а которыя немногія и отданы были, и тѣ оборочены опять подъ унію, и хотя православную Христіанскую вѣру искоренить и святыя Божія церкви до конца разорить, войска на нихъ коронныя и литовскія собрали, и многіе городы и мѣста и въ тѣхъ городѣхъ и мѣстѣхъ святыя Божія церкви осквернили, и обругали, и разорили, и православныхъ Христіанъ духовнаго и мірскаго чину многихъ невинно замучили злыми различными муками и всякое злое поруганіе чинили, о чемъ и слышати жалостно. И гетманъ де, видя ихъ неправду и не хотя церквей Божіихъ и православной Христіанской вѣры впредь въ конечномъ разореньи,

за помощію Божіею противъ тѣхъ непріятелей учалъ стоять, а крымскій де ханъ помогать имъ хотѣлъ же. А миритца де они, черкасы съ ними, поляки не хотятъ для того, что имъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, потому что они въ правдѣ своей николи не стоятъ: мирились съ ними черкасы двожды, сперва король и паны радъ подъ Зборовымъ, а въ другой рядъ паны радъ подъ Бѣлою Церковью и крестъ цѣловали, что было имъ тѣ договоры держать крѣпко, а послѣ тѣ договоры и нарушили; а разрѣшаетъ ихъ на то ихъ клятвопреступленье для разоренья православныя Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей папа римскій, чтобъ православную Христіанскую вѣру до конца искоренить и учинить бы свою проклятую папежскую вѣру. И нынѣ у Царскаго Величества они, запорожскіе черкасы милости просятъ со многимъ слезнымъ челобитьемъ, чтобъ онъ, Великій Государь православныя Христіанскія вѣры искоренить и святыхъ Божіихъ церквей разорить гонителямъ ихъ и клятвопреступникамъ не далъ и надъ ними умилосердился: велѣлъ гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское принять подъ свою, Государеву высокую руку, и учинилъ бы имъ на тѣхъ благочестивыя Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей гонителей, на поляковъ помочь своими, Государевыми ратными людьми; а они де, черкасы всѣ въ Его, Государскомъ повелѣньи быти ради и за здоровье Его, Царскаго Величества противъ всякаго Его, Государева непріятеля стояти и умирати готовы. А къ нимъ де, черкасамъ писали и присылали многижда турской салтанъ и крымскій ханъ, призывая къ себѣ въ подданство и на Московское государство войною въ соединенье, и они де, православные Христіане, помня Бога и святую православную Христіанскую вѣру и Царскаго Величества къ себѣ премногую милость, въ томъ во всемъ имъ отказываютъ и, мимо Великаго Государя Христіанскаго, къ бусурманамъ въ подданство идти не хотятъ. А будетъ Государь ихъ не пожалуетъ, подъ свою, Государеву высокую руку принять не изволитъ, и имъ поневолѣ идти къ турскому или къ крымскому. И только для православныя Христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей Государь запорожскихъ черкасъ подъ свою, Государеву высокую руку принять не изволитъ, а они, не истерпя отъ поляковъ гоненья поддадутца къ турскому салтану или къ крымскому хану въ подданство, и въ то время у нихъ, черкасъ православная Христіанская вѣра до конца искоренитца и святыя Божія церкви будутъ въ разореньи и отъ нихъ Московскому государству чаять всякаго дурна.

. . . .

И того дни по сему письму объявлено; а Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, и Государь Святѣйшій патріархъ, и власти, и бояре, и окольничіе, и другіе люди, и всякихъ чиновъ выборные люди въ то время были въ грановитой палатѣ.

КОНЕЦЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
Предисловіе.	3 сверху	не мало статей между которыми	не мало статей, между которыми
Оглавленіе.	6 сверху	и Уложенія	и Уложеніе
—	4 снизу	Извѣстіе	Извѣстія
7	7 снизу	ἐυ δηποχρατία	ἐυ δημοχρατία
8	8 снизу	Бъ Чехіи	Въ Чехіи
39	14 снизу	особенности	собственности
57	7 снизу	по совѣщанію	по совѣщаніи съ магнатами
59	5 снизу	Staatsferfassung	Staatsverfassung
147	14 сверху	чтобъ и дали	чтобъ дали
318	26 сверху	соотвѣтетвовали	соотвѣтствовали
319	18 сверху	было обязательнымъ	было обязательно
—	17 сверху	было поголовнымъ	было поголовное
345	12 сверху	непостояннымъ	непостоянно.
354	3 снизу	плотили	платили
358	20 снизу	заявившимъ	заявлявшимъ
380	2 снизу	Nordenflisht	Nordenflicht

2007042090